

ЮРИЙ НИКИТИН

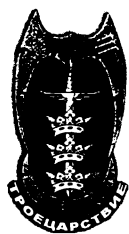
ЮРИЙ
НИКИТИН

АРТАНИЯ

Цикл Троецарствие

Аргания

Придон

Куявия

АРТАНИЯ

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 62

Оформление серии и иллюстрация на переплете
М. Петрова

Н 62 **Никитин Ю. А.**
Артания: Фантастический роман / Ю. А. Никитин. — М.: Эксмо, 2006. — 800 с.
ISBN 5-699-18725-1

В центре мира три великие державы: Артания, Славия и Куявия соперничают за власть на свете. Мудрые и умелые колдуны куявы, сильные и свирепые артане, таинственные жители Вечного Леса — славы. Но однажды сын царя артан, всегда пылавший ненавистью к куявам, увидел дочь куявского царя — и потерял голову. Отказать ему опасно, но есть множество других способов погубить отважного героя. Тем более для куявов, больших знатоков колдовства, магии и чародейства.

Но так ли прост отважный воин?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18725-1 © Никитин Ю. А., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

К ЧИТАТЕЛЮ

От древних авторов дошли сведения, что задолго до возникновения Киевской Руси на тех же просторах существовали могучие государства: Куявия, Славия, Артания. Это почти все, что известно. Т.е. простор для пишущего!

Нас собралась могучая кучка, каждый пишет в цикл «Троецарствие» по роману, где минимальный объем должен быть не меньше чем 200 тысяч слов. К примеру, в данном романе их 207 тысяч. Это вдвое больше, чем в привычных нам хардкорах.

Надеюсь, вы получите от этих толстячков удовольствие! Напоминаю адрес нашей могучей кучки:

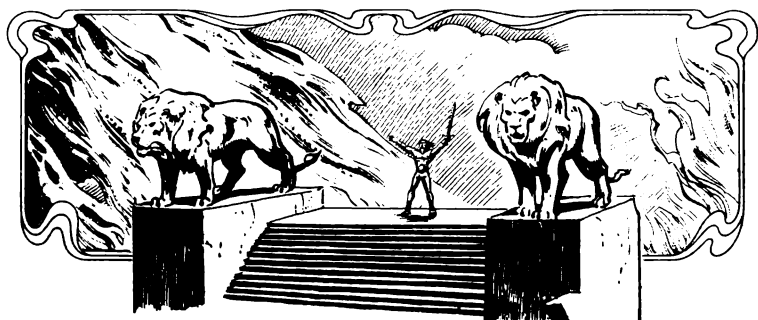
<http://nikitin.wm.ru/>

А также знаменитой Корчмы:

<http://nikitin.wm.ru/cgi/forum/read.pl?forum=nikitin>

*Искренне,
ЮРИЙ НИКИТИН*

Часть I

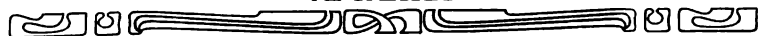
ГЛАВА I

Встречный ветер старался раздуть ноздри и вывернуть веки, вышибал слезу из глаз. Весеннее, но уже по-летнему яростное солнце обжигает голые плечи. Привыкшим к простору глазам артанина больно, когда в бескрайней степи хоть на грани земли и неба узрят жилище соседа. А здесь как вызов: далеко впереди высокие темные горы со снежными пиками преграждают победный бег зеленой и вольной Степи! Она ударилась о каменную стену, застонала и распростерлась покорно у подножия...

Придон стиснул челюсти так, что заломило в висках. На этих неприступных горах — черные башни колдунов. Без их мерзкой мощи та подлая страна, Куявия, уже лежала бы под копытами их быстрых коней!

Слева под грохот копыт начала выдвигаться потная сопящая морда. Ветер срывает пену с губ, конь старшего брата храпит, вытягивается в струнку. Даже в глазах коня та страсть, что владеет артанскими воинами: достичь края мира, напиться воды из самого дальнего моря!

Придон приподнял голову от конской гривы. Копыта звонко стучат, горяча кровь. Дикая Степь — пристанище

удальцов! Это немалая часть Артании, граничит с Куявией, но сейчас пустует. Не из-за страха перед Куявией: за здешние владения спорят могучие племена артанских князей Номингов, Артенов и Улегвичей. Никто не скажет, сколько народу сложило головы, никто не сочтет, сколько битв, сражений или просто жарких схваток оросило здесь землю кровью молодых и горячих сынов Артании.

Земля так и осталась ничейной, ибо могучие племена, потеряв многих героев, молчаливо условились о перемирии, а то, пока истребляют друг друга, другие богатеют на набегах на богатый Вантит, дерутся за право избрать на трон Артании своего человека. Конечно, если по этим землям попытается пройти караван без охраны, то быть ему добычей: в степи всегда рыщут охотники разбогатеть быстро. Если где-то из высокой травы взметнулось воронье и злобно каркает, то явно отогнали волки и степные лисы от убитых...

Убитыми, правда, чаще оказывались не караванщики, а охотники за чужим добром. Все караваны идут с охраной, но, правда, охраны недостаточно, и тогда удалыцы возвращаются с богатой добычей, приводят домой повозки, доверху нагруженные товарами. Приводят пленников, и сразу же новые охотники, распаленные их хвастовством, вскакивают на коней и мчатся искать удачи.

Вся эта Степь — огромное ристалище, где только один закон... И многие удалыцы, ощутив в сердцах отвагу, а в руках крепость, отправляются в эти дикие места проверить свое умение, добиться победы над противниками, вернуться с добычей и заслужить славу настоящего бывалого воина. Здесь, по слухам, встречаются удалыцы-славы, даже куявские искатели приключений попадают — бывают и в той стране изнеженных трусов смельчаки...

Придон неся, снова зарывшись лицом в конскую гриву, иначе могучий кулак встречного ветра смахнет с конской спины, словно глупого овода, пытающегося сесть на потные плечи. Мир заполнен горячим встречным ветром. Солнечные лучи жгут голые плечи и спину, воздух как буд-

то только что из кузнечного горна, а конь — не конь вовсе, а раскаленная глыба камня, что несется по гремящей степи, брошенная рукой великана.

Из груди, переполненной щенячьим восторгом, вырвался ликующий вопль. Ноздри жадно задрожали, в сухой накаленной печи, именуемой Степью, почудился новый запах... Впереди появилась и начала вырастать темно-зеленая полоска. Издали донесся крик:

— Реку не переходить!..

Скилл мчался в сотне шагов справа. Он пригнулся, чуть привстав на стременах, лицо прятал от ветра за конской гривой. Встретив взгляд младшего брата, прокричал:

— За рекой — их земли!

Темно-зеленое быстро превращалось в деревья. Пахнуло свежестью. Отяжелевшая от сырости пыль осела, знойный воздух стал прозрачнее.

Придон придержал коня, но тот, весь в мыле и с безумными глазами, яростно храпел, порывался в бешеный бег, пока не разорвется сердце: настоящий артанский конь с душой воина.

Конь Скилла первым взлетел на берег. Мгновение плечистая фигура старшего брата грозно темнела на пронзительно синем небе. Придон уловил короткий взмах руки, и Скилл исчез по ту сторону берегового холма.

За спиной загрели тяжелые конские копыта. Земля затряслась, пахнуло животным теплом, ароматом кожи, пота и смазанных маслом поясных ремней. Сбоку вдвинулась в поле зрения массивная серая гора: на чудовищно огромном коне, что и на коня уже не похож, — Аснерд, старый воевода. На разгоряченного Придона повеяло еще большим жаром, воевода что накаленный в пламени костра камень, на котором пекут лепешки.

Придон с неудовольствием покосился на этого няньку, приставленного еще отцом. Вообще-то воевода похож на всех воевод, каких Придон встречал по всей Артании: массивный, плотный, жилистый, прокаленный солнцем и огрубевший на морозе и под ветрами. По возрасту ему в от-

цы, даже в деды, но, не в пример другим воеводам, на коня вспрыгивает еще как молодой удалец, хотя в бою голову не теряет, потому за последние десять лет ни единой царапины, однако все еще старается начать битву первым, а выйти из нее последним. Но опять же, без молодой ярости, а, как он говорит: «для примера молодым».

Его цепкие настороженные глаза сразу прошупали Придона, метнули в спину Скилла, словно острое копье, такой же отточенный взгляд. Придону он всегда казался вросшим в старые кожаные латы, которые не снимает, хотя это вовсе не латы, а широкая, продубленная зноем, ветрами и битвами могучая грудь, такая же бугристая спина и плоский, в тугих валиках, живот. Складками кожи выглядит даже широкий наборной пояс, где справа два ножа, а слева — боевой топор, тоже будто часть его могучего тела.

Сейчас на коричневом от солнца лице блеснули светло-серые глаза. Вообще надбровные дуги Аснерда толстые и тяжелые, брови на них мохнатые, и потому глаза сверкнули настолько ярко, свирепо и с такой силой, что Придон пошатнулся, взгляд с силой выброшенного вперед кулака толкнул в грудь.

— Вот она, — проревел Аснерд, словно огромный сытый медведь, — проклятая Куявия!..

— На том берегу красиво, — возразил Придон.

Возразил не потому, что пестроту считал в самом деле красивой, а чтобы хоть в чем-то возразить наставнику.

— Чем? — медленно удивился Аснерд.

— Как будто радугу изломали на мелкие кусочки!

Воевода морщился, скептически хмыкал, нижняя челюсть угрожающе выдвинулась. Узкий шрам на чисто выбритом подбородке побагровел и вздулся, как сытая пиявка. В своей угрожающе повелительной позе: огромные кулаки уперты в бока, губы плотно сжаты, взгляд суров, — он и без того страшен, а со своим оседланным чудовищем он казался уже не человеком на буйволородном коне, а осадной башней или тараном для выбивания ворот крепости.

Подъехал четвертый — верховный волхв всей Артании Вяземайт. Его конь, в отличие от легких и стремительных коней Придона и Скилла, не так скор на бег, зато обладает удивительным умением бежать ровно и без усталости целые сутки, даже если в седельный мешок напихать тяжелые камни.

Невысокий Вяземайт, однако, не только выглядит, но и на самом деле крепок, как гранитная скала. На нем, как всегда казалось Придону, точно так же, как и на Аснерде, плотно сидит обтягивающий тело старый вытертый кожаный панцирь, что на самом деле не панцирь, а его огрубевшая кожа, а вот штаны действительно кожаные, ветхие, башмаки вот-вот развалятся, зато пояс почти новый, на поясе короткий меч в новеньких, расшитых бисером ножнах.

Седые волосы волхва почти достигают плеч, закрывая уши. Придон никогда не видел его ушей. Поговаривали, что у Вяземайта нет их вовсе, другие клялись, что уши есть, но только в шерсти, как у волка, и такие же заостренные кверху. В отличие от младших волхвов, лицо Вяземайта — верховного волхва чисто выбрито, на голом подбородке белеет глубокий шрам, ибо не всегда верховный волхв был волхвом, не всегда.

Вяземайт коротко взглянул на Аснерда, тот кивнул, и оба пустили коней к холодной воде. Придон с высокого берега все еще жадно смотрел на тот берег. Река широкая, весной и осенью по ней идут корабли, но в жаркое время вода сильно падает, конница перейдет вброд, и на той стороне куявы удваивают сторожевые посты и стягивают к кордону большие отряды.

Издали донесся дробный стук копыт. Справа и слева к ним неслось по всаднику. Братья Олекса и Тур, сыновья Аснерда, могучие и немногословные воины. Аснерд в пути рассылал их далеко в стороны, чтобы все видеть и замечать, но сейчас впереди проклятая Куявия, дальше всем шестерым пора держаться вместе.

Придон смотрел на широкую мелководную реку, на да-

лекий берег, в сердце заползло острое разочарование. Даже вода на той половине реки должна быть другой, не говоря уже о берегу, ведь там проклятая Куявия, страна подлых колдунов! Но пока что все такое же, даже на том дальнем берегу у воды такие же седые ветлы, могучие яворы, а берег покрыт зеленой травой, которую не отличишь от этой, настоящей артанской травы!

— Нас не обманешь, — процедил он с ненавистью. — Это подлая страна мрака, мерзости и бесчестных людей! И всё здесь — обман.

Конь, наскучив стоять на прокаленном пригорке, когда рядом прохладная вода, сам пошел вниз, остановился не раньше, чем по брюхо в воде. Вблизи Скилл спрыгнул нарочито шумно, подняв тучу брызг. Оба, он и его конь, бок о бок жадно пили чистую холодную воду, потом Скилл поливал храпящего друга и тер щеткой. Вода вокруг сразу помутнела. Аснерд расседлал своего великана, седло тяжело бухнуло в воду. В прозрачной воде от упавшего с неба чуда потянулись восхитительные мутно-желтые струи, явно пахучие, рыба мелочь жадно устремила к находке, но только самые отважные мальки смело тыкались мордочками и хватали мягкими губами крупинки соли конского и человеческого пота.

Придон жадно и разочарованно рассматривал дальний берег. На залитом оранжевым солнцем песке отчетливо видны фигурки людей в красных одеждах, голубых, желтых, зеленых. Тоже всматриваются сюда, там множество пешехов воинов с копьями в руках, немало всадников. У тех и других блестят металлические доспехи, но в движениях нет достоинства, суетятся...

Вяземайт бросил короткий взгляд на ту сторону.

— Разряженные куры! — прорычал он с ненавистью. — Эх, ударить бы... Вшестером всех бы смели!

— Нельзя, — ответил Скилл с сожалением. — Это встречающие.

— А мы сами без глаз, что ли? Не отыщем в Куябу дорогу?

Скилл улыбнулся.

— Не хотят терять людей.

— А потеряют?

— А ты как думаешь?

Вяземайт хмыкнул.

— Ну, если таких орлов, как наш неистовый Придон, пустить добираться самим...

Коней вывели на берег, вытерли. Под мокрыми телами на траве образовались лужи, воздух уплотнился, поднимаясь плотным паром. Придон все рассматривал далекие пе-стрые фигурки, на всех слишком много одежды, а цвета такие, будто на том берегу в самом деле изломанная радуга...

Скилл сказал значительно:

— Помните, за оружие не братья! Даже ножи да пребудут в ножнах, будто туда пакостный Вяземайт налил вишневого клея.

— Вождь, — обратился к нему почтительно Аснерд, даже слишком почтительно, — а как же хлеба отрезать, мяса, рыбы?

Скилл нахмурился.

— Не знаю. Смотрите, как делают местные. Разве не знаете, что обнаженного оружия куявы страшатся?

Мужчины переглянулись: только нечистые силы пугаются железа. Аснерд засмеялся, он уже седлал своего чудовищного коня.

Скилл усмехнулся.

— Я поеду первым, — сообщил он. — Если в реке чудища, о мою шкуру обломают зубы.

— Лучше я, — вызвался Вяземайт. — Я быстрее увижу, где можно по отмели.

— Нет, я, — предложил Олекса. — Мои стрелы догонят и в воде любого зверя!

Придон подавил вздох острой зависти. Скилла, его старшего брата, мать готовила к подвигам, тайком от отца закаляла еще в колыбельке. Теперь в нем сердце ребенка, сила дракона, а кожа прочнее драконьей чешуи. Ни единого шрамика, в то время как он, Придон, носит эти белые

отметины на всем теле, даже на лице. Отец застал мать, когда она, искупав годовалого Скилла в молоке кобылицы, держала вниз головой над огнем. Отец едва не сошел с ума от страха, отстранил мать, которая даже ему не раскрывала все свои тайны, от детей и больше не разрешал их воспитывать, из-за чего Скилл так и остался смертным...

Вяземайту тоже можно завидовать: ведет род от старых водяных богов, его конь может пронестись по любой глубокой реке или озеру, лишь слегка замочив копыта. А сам Вяземайт, как бы ни был изранен, залечивает любые раны, стоит добраться до реки или озера. Олекса — лучший стрелок в Артании, его стрелы направляет, как говорят, влюбленная в него богиня ветра. Аснерд ведет свой род от горных великанов, в нем их сила, у Тура глаза орла и уши волка, и только он, Придон, владеет лишь той малостью, что боги определили человеку!

Кони в охотку вошли в воду. Конь Придона порывался пойти вскачь, поднимая тучи брызг, Придон успокаивал, а у самого сердце трепыхалось и кровь шумела в ушах.

— Где же башни магов? — спросил он шепотом, словно на куявском берегу могли услышать.

— Там, — ответил Скилл, — в глубине.

— В горах, — добавил Аснерд.

— Если не врут про их мощь, я бы поставил прямо на берегу!

Аснерд смолчал в затруднении, он тоже так бы сделал, а Вяземайт пояснил злобно:

— Башни черпают магию только в горах. Там еще остались источники нечистой силы. А где все честно, там куявы стоят дешевле скорлупок яиц, которые едят.

— Едят скорлупки? — не понял Тур.

Аснерд отмахнулся с великолепным добродушием.

— Это ж куявы! Какую только гадость не жрут, аки свиньи.

— Так они и есть свиньи.

Сердце Придона бухало часто и мощно. Снизу от реки холод, сверху жаркое солнце, блестящие волны отшвыривают лучи, те припекают еще и снизу, из-под конского брюха. Волосы снова мокрые, то ли от брызг, то ли ветер не успевает слизывать пот.

Иногда дно поднималось, кони шли по шиколотку, стараясь поднять серебристые крылья брызг, снова проваливались по брюхо. Скилл соскользнул с седла, поплыл рядом с конем, Олекса и Тур сошли с коней от берега, только Аснерд восседал такой же неподвижный, тяжелый. Волны обтекали его опасливо, потом долго не могли успокоиться, уходили клином к берегу, а он равнодушно пересекал глубокое место, наконец его конь, как гора во время отлива, начал медленно вырастать из воды.

На том берегу, постепенно приближаясь, толпились и галдели, теряя достоинство, люди. Мужчинами бы их Придон не назвал, мужчины не надевают столько одежд в такой зной, да и не галдят, как болтливые женщины...

От берега пугливо убегает вдаль дорога, очень далеко видна каменная стена, там сторожевая башня, а возле нее собрались, как овцы, каменные дома. Придон жилища из камня видел только в Арсе, стольном граде Артании, дворцы из мрамора и гранита существуют вовсе не для жилья, жить надо в шатрах...

Вместе с удивлением ощутил и презрение, и даже жалость к людям, вынужденным жить в норах из камней, не видя днем синевы неба, а ночью — великолепия звезд! Как хорошо, что он — артанин.

Разбрызгивая воду, все шестеро коней выбрались на берег. Люди в пестрых одеждах опасливо отступили, вперед выдвинулись воины с копьями. Доспехи металлические, из блестящей меди, у некоторых даже бронзовые, цельнокованные, а на головах настоящие шлемы. Придон ощутил острый укол зависти.

С бронзовых щитов злобно скалили зубатые пасти разъяренные драконы. А их командир, немолодой ветеран с

хмурым, страшно обожженным и потому безбровым лицом, в драконах с головы до ног: драконы на шлеме, драконы на груди панциря, даже рукоять меча в виде изогнутой шеи дракона.

На гребне шлема присел перед прыжком крохотный, но очень искусно сделанный дракон с поднятым гребнем.

Придон сказал негромко Аснерду:

— Какие шлемы! Даже с ремнями... А ремни под подбородком зачем?

— Чтоб челюсти поддерживать, — буркнул Аснерд. — Иначе слюни выползают, доспехи ржавеют. Да и самим скользко.

Вяземайт возразил:

— Это чтобы шлемы с головы не срывало, когда артан видят! Ведь волосы-то сразу дыбом...

Олекса и Тур нагло захохотали. В сторонке от стражи на низкорослом коне сидел мужчина в халате и с головой, повязанной бабьим платком. Остальные всадники исчезли, словно их сдуло ветром, а этот сидит и смотрит на артан выпученными глазами.

— Кто такие? — вскричал командир стражи тонким голосом.

Скилл медленно пустил коня вперед. Его правая рука медленно поднималась в приветствии. Ладонь широка, в твердых желтых мозолях, толстых, как конское копыто, настоящая рука воина. По лицам куявов Придон уловил с тайной гордостью, что их устрасил этот жест, ибо во всей страшной красоте видны могучие мышцы вождя артан.

— Мы приехали торговать, — ответил Скилл надменно. — Нас пригласил ваш тцар. И если ты, жаба косоротая, не сойдешь с дороги, пеняй на себя!

Он не оглядывался, но чувствовал, как все пятеро артан за его спиной опустили руки на рукояти боевых топоров. Солнце играет на бронзовых телах, высвечивая и оттеняя их мощь, а суровые и надменные лица, что и так словно из камня, наверняка стали еще злее.

Командир стражников поспешно отступил, лицо стало цвета сырого мяса, вскрикнул:

— Да знаю, знаю!.. Я только спросил!

Скилл, не меняя надменного лица, проехал мимо. Придон сделал такое же лицо, напряг мышцы. Солнце сверкает на могучих плечах его брата, чистая кожа блестит силой и здоровьем. Он чувствовал, как огненные капли проникают и в его плоть, отчего и без того горячая кровь вскипает, как олово на жаровне.

Всадник, который с бабьим платком на голове, наконец тронул коня, тот пугливо пошел рядом с грозными артанями. Всадник сказал торопливо:

— Мне поручили проводить вас до Куябы, нашего стольного града!

Скилл бросил в полнейшем безразличии:

— Провожай. Только под ногами не путайся.

Аснерд буркнул:

— Затопчем.

Всадник коротко вздохнул.

— Если бы я!.. А так, придется... Эй, Вихрян!

Он небрежным кивком подозвал командира стражников. Тот подошел без угодливой поспешности, не старый по годам, но уже бывалый воин, иных и не посылают на кордоны. Серые глаза цвета холодной стали пронзительно ярко взглянули с безбрового лица.

— Вихрян, — велел всадник с бабьим платком, — проводишь этих... артан до самого стольного града! Следи, чтобы им не чинили помех, но посматривай, чтобы и они не своевольничали. Если что...

Скилл посмотрел насмешливо.

— Если что?

Всадник сказал Вихрян:

— Если что... скажешь об этом тем, кто встретит их в Куябе.

Он подал коня назад, Вихрян подвели тучную коротконогую лошадь. Артане с молчаливым презрением смот-

рели, как он сунул ступню в стремя и взобрался в седло с натугой, кряхтя и хватаясь за луку.

Этот Вихрян в разговоры не вступал, пришпоренный конь пошел бодрым галопом, и почти весь остаток дня видели только его спину. Он держался впереди за сотню шагов, время от времени оглядывался, словно в самом деле мог бы обогнать их на своем коротконогом толстом коне, больше похожем на брюхатую корову.

Башня и каменные дома вырастали, приближались. На высокой каменной стене можно было различить зубцы для стрелков из луков, закопченные жаровни, груды камней. Дорога повела к воротам. Массивная башня высилась только с одной стороны ворот, но Придон всей кожей ощутил, как от нее веет недоброй мощью. Над воротами широкий козырек, острые глаза Придона издали заметили сложенные горкой камни, закопченные бочки, оттуда будут лить кипящую смолу на головы и плечи осаждающих.

Наверху в башнях заблестало оружие, показались мужские лица. Из пристроек, которые при осаде будут сожжены, не артанами, так самими же куявами, торопливо выбежали воины с нелепыми копьями. Провожатый что-то крикнул, воины разбежались, послышался скрип, ворота медленно поднялись.

Придон заметил, как обменялись насмешливыми улыбками Аснерд и Вяземайт. В самом деле, подумал он пристыженно, чего я устрасился? Каменных стен? Как будто нельзя объехать эту маленькую крепость по окрестным полям и с окровавленным куявской кровью топором двигаться на столицу!

Крепостица уплыла, даже ускакала за спину, впереди простор, но усталые кони перешли на рысь. Лошадь их провожатого вообще едва тащилась, он постоянно понукал, она мотала головой, со всем соглашалась, но скорости не прибавляла.

Скилл поравнялся с ним, на своем горячем тонконогом жеребце он высился над куявом почти на две головы.

— Ты кто?

Воин поколебался с ответом, взгляд уперся в горизонт, горы маячат вдаль, но не приближаются, так что колдуны с ответом не помогут, а дорога ведет параллельно горному хребту.

— Берич Вихрян, — сказал он неохотно. — Десятник сторожевого поста.

— Берич? — удивился Скилл. Аснерд и Вяземайт тоже посмотрели на куява, подъехали ближе. — А что ты всего лишь десятник?

— Я разжалован в песиглавцы, — процедил куяв.

— Ого! — сказал Скилл. — За что?

— Дал в рыло знатному беру.

— За что?

— Приставал к моей невесте.

— Ого, — повторил Скилл уже с уважением, — да за это надо не только в рожу!

Куяв усмехнулся, в глазах блеснуло злое веселье.

— Так и вышло. И хотя были свидетели, что он первым... но у меня нет такой знатной родни, таких земель и таких богатств. Словом, он остался в Куябе, хоть и калека, а меня... меня вот сюда.

С другой стороны подъехал Аснерд, прогудел добродушно:

— Не горюй!.. Зато дышишь свежим воздухом у реки, а не смрадом в их вонючих тесных городах.ловишь рыбу и ешь, а не покупаешь тухлую на базаре. А когда начнется война, первым скрестишь меч с нашими удалцами!

Вихрян покосился, не издевается ли артанин, вздохнул, уже знает странное для куявов убеждение, что самое интересное для мужчин — скрестить оружие с равными себе по силе. А еще лучше — найти такого мордоворота, чтобы, всем на страх, задраться с ним, дабы взрастить себе славу на зависть соседям.

ГЛАВА 2

От кордонной речки ехали, мчались, а кое-где и едва ползли шагом. Ночевали на постоянных дворах, их полно на перекрестках дорог. Придон все дивился: в этой проклятой стране колдунов и подлых людей такие же стада скота, такие же гуси прут на озеро, а их мерзкие пастухи щелкают кнутами так, что не отличишь от щелканья кнута артанина.

Вдоль дороги ровной стеной вздымаются ухоженные деревья, словно нарочито посаженные так, что закрывают поля от взглядов проезжающих. Придон загляделся на красивую, как игрушечную, елочку, но Тур, перехватив взгляд, тут же проворчал наставительно:

— Тупое дерево! Не может отличить зимы от лета!

Придон не нашелся что сказать, но услышал Вяземайт, возразил:

— Зато красивое.

Тур раскрыл рот.

— Э-э... чем?

— Верное, как артане. Никогда не изменяет богам весны и лета. Гордо носит свой зеленый наряд, когда все остальные трусили, покорно разделись... Ее ненавидят за то, что осмелилась бросить вызов, не покориться. Я люблю ее! Она — частичка моей гордой непокоренной родины. Елочка, соловьи, водопады, прекрасные цветы... намного прекраснее тех красавиц, с которыми их сравнивают!

Аснерд прорычал:

— Ты прав, хоть и сменил топор на жезл! Ель в самом деле частица нашей гордой родины. И везде, где растет, наша земля. По праву! Подлые куювы лишь временно захватили эти земли и укрепились на них с помощью подлой магии и черных колдунов!

Вяземайт кивнул, но глаза неотрывно следили за Скиллом, что с проводником вырвались далеко вперед. Далеко на горизонте заблестала дивная искра. Проводник оглядываясь, его руки взлетали к небу, как крылья мельницы, а

Придон с замиранием сердца всматривался в то, что издали выглядит осколком слюды.

— Куяба? — спросил он с жадностью.

— Красиво? — поинтересовался Аснерд.

— Очень!

— Это Белая Вежа, — сообщил Аснерд с усмешкой, — заурядная каменюка. Ничего особенного. Человек сто воинов за ее стенами. Таких в Куявии сотни. Если не тысячи. А Куяба... о, ты еще раскроешь пасть так, что стая ворон влетит.

Придон привставал в стременах, крепость проплывает далеко от их дороги, немыслимо огромная, даже более огромная, чем понял сразу, ибо из веж белая только одна, ее и заметил сразу в ярком солнечном свете, а остальные башни и толстые стены сложены из темных и серых камней. Все это поросло зеленым мхом, и на фоне зеленой долины крепость теряется так, что можно с разбегу удариться мордой.

— Таких в Куявии много?

— Много, — вздохнул Аснерд. — Этот трусливый народ не понимает таких красивых мужских забав, как удалые походы, сражения, набеги!.. А страшатся их так, что... сам видишь, как отгораживаются.

Вяземайт добавил наставительно:

— Куявы — ленивый народ. Им хоть горы ворочать, лишь бы лежа...

Еще несколько дней земля гремела под копытами, встречный ветер охлаждал разгоряченные лица. Однажды Аснерд крикнул довольно, его толстая, как бревно, рука повелительно указала вперед.

Сердце Придона учащенно забилося. Далеко-далеко на самом горизонте появился нещадный блеск, словно там поднималось второе солнце.

— Куяба?

— Она, — ответил Аснерд с некоторой торжественно-

стью. — Жемчужина этой проклятой страны... Но пройти к ней непросто, слишком много на пути крепостей. А подъедем ближе, увидишь две черные башни.

Придон сжал кулаки. О страшных черных башнях любят рассказывать ночами у костра бывалые воины. Некоторые сами видели, как чародей может одним заклятием обратить целое войско в лед, еще больше слышали про их чудовищную мощь. Больше всего черных башен в горах, там что-то связано с самой магией, а на равнине только две башни, обе оберегают Куябу.

Сердце сразу пошло бить в ребра зло и требовательно, горячая кровь хлынула по жилам кипящей волной. Не могут колдуны свысока смотреть на мир, не могут быть выше и сильнее благородных воинов!

Кони все еще шли вскачь, далекая Куяба разрасталась, блистала на чистом синем небе, похожая в ярком солнечном свете на раскаленный до оранжевого блеска слиток. А сам слиток, уже видно, если прищурить глаз, окружен такой же сверкающей, просто снежно-белой стеной.

Коням передался трепет всадников, пошли наметом, став похожими на низко летящих над верхушками травы птиц. Город приближался, разрастался, стали отчетливее видны стены, ворота, золотые крыши дворцов. Придон чувствовал, как на загривке начинают шевелиться волосы. Город с такими стенами не взять штурмом никогда и никому!

Блещающий белым камнем город, расположенный посреди изумрудно-зеленой долины, показался ему утонувшим в разноцветном артанском борще. На ровной зелени, почти закрыв ее собой, торчат нелепые кочки шатров, крохотные фигурки людей еще неразличимы, но сама людская масса уже гадостно пестрая, яркая, словно все разом превратились в скоморохов.

Да куявы и есть скоморохи, сказал Придон себе презрительно. Кони все еще идут наметом, ветер треплет волосы и свистит в ушах, копыта стучат дробно и часто, как будто на деревянный пол сыплется горох из порванного меш-

ка. Долина от края и до края запружена пестро одетым людом, эти яркие цветные шатры тянутся за горизонт, всюду выносные лавки с товаром, множество знамен и прапоров с гербами, эмблемами, слышен зов труб, крики зверей, рев скота, пригнанного на продажу...

Ярмарка, напомнил себе Придон, — самый важный праздник для этого торгашеского люда! Куявы — народ, который продаст отца и мать, если на этом заработает хотя бы медную монетку. И как боги терпят на земле таких людей?

Вяземайт сказал наставительно:

— Они полагают, что они, куявы, богаты. Но беден не тот, у кого мало, а кому надо много. Мы, артане, богаты! У нас есть все, что нам нужно. Мы умеем наслаждаться скачкой на горячем коне, а куяв остается несчастным в огромном дворце из золота...

Аснерд услышал, крикнул на скаку:

— Причиной бедности чаще всего бывает честность. А куявы никогда в честности замечены не были!

Конь неся вдоль побережья, за поворотом еще не открылась обширнейшая гавань, но Придон уже увидел целую щетину мачт, похожих на обглоданный лес, где прошла гусеница загульника. Даже ему, степняку, показалось, что мачт чересчур, чересчур... Тоже прибыли на ярмарку, торговые души! Нет мужчин в Куявии, ибо настоящие предпочли бы праздник Танца с Мечом или же кровавое жертвоприношение чужаков свирепой богине Табитс.

Каменная гряда медленно уползала в сторону. Взору открылся залив, где в беспорядке перемешались огромные корабли людей с юга: в бортах по два ряда весел, быстрые и свирепые боевые корабли северян, эти предпочитают ходить под парусом, хотя и на веслах им нет равных, но больше всего кораблей презренных куявов: толстые, с раздутыми, как у коров, боками, забитые товаром, пусть даже самым никчемным, вдобавок эти куявы снуют на лодках между большими кораблями, что-то предлагают, покупают, выклянчивают, торгуются...

Дальше ярмарка с долины сомкнулась с той частью

торгашей, что устроили торг прямо в гавани. Придон вынужденно перевел коня на шаг, чтобы не подавить этих жонглеров, скоморохов, торговцев шелками, сладостями, цветными бусами, серьгами, душистыми маслами и притираниями, снова разноцветными платками и ожерельями, будто в этой стране совсем нет мужчин.

Впрочем, в одном месте увидел лавку оружейника, тот выложил на широкий стол искусно выкованные мечи, остро наточенные и хорошие по форме, но с такими яркими и неудобными рукоятями, что Придон презрительно засмеялся, словно заржал его конь, дал шпоры и поскакал к городу, уже не заботясь, если кого собьет или стопчет.

Конь Вихряна едва передвигал ногами, хотя песиглавец менял их у каждого сторожевого поста. Он с завистью посматривал на огненных коней спутников: с сухими мышцами, горячие, без единой капли жира, даже без подков, ибо от крохотной прибавки в скорости зависят жизни, тугие и выносливые, и сейчас выглядят так, словно только-только вышли на прогулку.

На расстоянии выстрела из лука от ворот придержали коней, Вихрян громко возблагодарил богов, а шестеро молча смотрели на стену, на город.

Куяба окружена просто чудовищной стеной, а по верху, говорят, могут проехать два всадника стремя в стремя. Сам город на возвышении, и целый ряд дворцов, башен и дивных многоэтажных строений, устремившись к чистому синему, почти артанскому небу, сумел высунуть крыши над верхом стены. Под заходящим солнцем крыши домов знати горят расплавленным золотом, есть — серебром, а у тех, кто победнее, — красной черепицей. Багровое солнце блестит и в окнах, где вставлены прозрачные пластинки слюды, тонкие, как кленовый лист, а то и еще тоньше.

Скилл молча повел дланью, указывая на южную часть города, там река, берег со стороны Куябы поднят, весь в ровных каменных плитах, как спина гигантской черепахи,

и кажется, что сама городская стена уходит в далекие темные глубины воды и даже земли.

Аснерд хмыкнул:

— Хорошо укрепились, ничего не скажешь.

Олекса и Тур, что всегда следовали за спинами, молчаливые, как тени, заворчали, Тур сказал негромко:

— Труссы. Стены города — доблесть его жителей.

Придон со смешанным чувством смотрел на город, там тесно, великолепеннейшие здания толкаются, то лезут вверх, то чуть ли не через стены, являя собой дивное богатство и красоту. Почему боги такую красоту и богатство дали презренным куявам?

Аснерд проговорил с затаенной гордостью:

— Что умеют куявы, так это строить!.. Как муравьи, копают, роют, тащат в свои норки. А потом и вовсе уже не норки, а купола над норами... В этом городе столько мрамора и черного гранита, целую гору можно сложить! А тащили издалека, представляешь?

Придон невольно повернулся в седле в сторону далеких, очень далеких гор. Как из такой дали тащить хоть одну глыбу, видно же, из каких брыл сложены стены?

— Не морочь ребенка, — проворчал Вяземайт. — Мрамор ломали вблизи, покажу заброшенные каменоломни. Гранит, правда, издалека, верно. Но это ж куявы, для защиты своих трусливых душ чего не сделают!.. Будто за стенами можно отсидеться.

На самой вершине гигантского пологого холма со срезанной верхушкой — величественный дворец, крыша блестит червонным золотом, стены из белого мрамора, три этажа, вдоль окон последнего, третьего, идет широкий балкон, можно пробежать вокруг всего здания, заглядывая в окна и вламываясь в двери.

— Дворец Тулея, — объяснил Аснерд. — Тцарский, построил еще Видевдат, потом, правда, перестраивали, расширяли, украшали...

Вяземайт хмыкнул:

— Расширяли!.. Твой Видевдат построил мелкий курят-

ник! Из камыша, если вообще... не при коне будь сказано. Вспомни, какое время было.

Аснерд подумал, почесал в затылке, взгляд стал задумчив.

— Да, подзабываю...

Над главными воротами, распахнутыми во всю ширь, распростер крылья бронзовый дракон. На каменных стенах справа и слева от ворот во всю высь каменные рыла разъяренных драконов. Аснерд уважительно покачал головой, Вяземайт придержал коня и всмотрелся с холодноватым отрицанием, а Придон стиснул челюсти в немом бешенстве.

Скилл сразу уловил перемену в настроении брата, в глазах засверкали веселые искорки.

— Брось, — сказал он легко, — на всю Куявию не найдешь сотни человек, которые бы видели живого дракона! Это все спесь, спесь...

— Знаю, — процедил сквозь зубы Придон. — Это и бесит.

Скилл расхохотался.

— Пусть убоженькие гордятся. Мы-то знаем настоящую цену.

Придон хмуро промолчал. Драконы живут только в дальних отрогах Рипейских гор, нашлись безумцы, что приручили... Не так, как люди собак, собаки — преданные друзья, а как приручают быков или лошадей, но теперь это гордость всей Куявии. Мол, ни один народ не настолько отважен, чтобы вступить в союз с драконами! Однако же быков или коней используют по всей Куявии, а драконы и сейчас живут сами по себе, в войнах их не видели, а все, что удавалось куявам, — это пролететь раз-другой на спине дракона. Но непонятно, что потом. Может быть, дракон потом съедает наездника.

Из ворот медленно выдвигались, словно город выдавливал тесто, одинаково тучные, неповоротливые люди. Все в цветных одеждах, свободных, похожих на женские, все

неторопливые, будто плавающие в теплой воде. Вперед, как облако, выплыл на коротких толстых ногах непомерно тучный мужчина с выпирающим животом. Он отдувался на ходу и вытирал потное лицо широким рукавом.

Артане пустили коней шагом, а когда до встречающих оставалось не больше пяти шагов, Скилл вскинул руку ладонью вперед. Это было небрежное приветствие и одновременно приказ своим остановиться.

Толстый человек с натугой поклонился. Его мясистое лицо сразу налилось кровью, а толстые складки на необъятной шее побагровели.

— Меня зовут Черевое, — сказал он придушенным голосом. — Черевое, наместник земель Лесогорья, бер из рода Улиновичей. Великий тцар благословенной Куявии, блистательный Тулей, велел мне встретить дорогих гостей и вообще... показать город. Если надо, помочь, дабы не терпели неудобств.

Скилл захохотал:

— Неудобств? Я сам умею расстегивать портки.

За его спиной загоготали. Черевое снова поклонился, но уже чуть-чуть, развел руками.

— Мир между нашими странами едва-едва установлен. Малейшее нарушение обычаев... даже по незнанию... и новая бойня? Хочешь ли этого ты, старший сын тцара?

Скилл внезапно стал серьезным.

— По крайней мере, — ответил он суховато, — не сейчас. Но поспеешь ли за нами, бер?

Черевое щелкнул пальцами. Из ворот бегом вывели красивого коня под дорогой попоной и с расшитым золотом седлом. Уздечка и вся сбруя блистали как жар, украшенные золотыми и серебряными бляхами. Один воин поспешно опустил на колено, а еще два помогли Череву взобраться на коня. От усилий вельможа побагровел еще больше, лицо и толстая шея едва не лопались от прилива дурной крови.

Оглянулся на артан, те наблюдали с издевкой во взглядах, пробурчал:

— Ничего не понимаете... Для счастья любой женщины

нужен мужчина, а для полного счастья — полный мужчина. Не какой-нибудь обрубок дерева, как... гм, словом, следуйте, если сумеете, за мною...

Придон косился с гадливостью. Белое жирное тело, похожее на кожу червяка, что роется в толще земли и никогда не зрит солнца, жирные складки на щеках, шее, на боках выпирают целые валики. Это не воин, не работник, вообще не мужчина.

Медные врата города, толстые и с выступающими драконами из начищенной меди, Придону показались створками гигантской раковины. Он почти ожидал увидеть за ними мягкое рыхлое мясо перловицы. За воротами в самом деле открылось пестрое, неопрятное — рыхлое и гадкое мясо дешевого базара, пахнуло нищими, больными и чем-то гадким, гнилостным, что может существовать только за такими вот высокими и непродуваемыми стенами.

Скилл ехал впереди, Аснерд и Вяземайт по бокам, приотстав на полкорпуса, а Придон, так и не найдя себе места, тащился сзади, даже за Олексой и Туром, зато можно глазеть по сторонам, никто не одернет.

За воротами копыта застучали звонче. Придон почти со страхом увидел брызги оранжевых искр из-под копыт их коней. Всюду, куда достигал взор, вместо земли блестят каменные плиты. Мальчишки с разбегу плескали на них воду, смывая пыль, солнце отражается в мелких лужицах и мокром камне.

Череву придержал коня, Придон не слышал, что проводник говорит Скиллу, с жадностью стрелял глазами по сторонам, в то же время стараясь держать лицо суровым и неподвижным, а смотреть, как и надлежит мужчине, красиво, гордо и только прямо перед собой.

С внутренней стороны к городской стене лепятся дома, но неопрятные, хоть и каменные. Много нищих, зато дальше дома добротные, улицы чистые, а народ одет богато, не по-мужски ярко. Встречались мужчины, женщины, много детей, все останавливались, с испугом и суеверным восторгом начинали рассматривать мускулы проезжающих гостей

Куябы. Качали головами, в глазах ужас и детское удивление.

Придон чувствовал, что среди этих одетых с ног до головы, словно больных людей они выглядят как сказочные герои. Могучие, рослые, на таких же огромных могучих конях, обнаженные до пояса, с блестящей на солнце здоровой кожей сильных мужчин, смотрятся как шесть быков среди стада коз.

Странно, он не ощутил со стороны куявов вражды или страха. Он сам почувствовал бы вражду к человеку, который едет вот так, как они: разведя плечи, напрягая мышцы, играя мускулами, это же вызов, но куявы только тарасили глаза, качали головами, а когда артане проезжали, Придон еще долго чувствовал на спине пораженные и опять же восторженные взгляды.

Из большого богатого дома выпорхнула стайка молоденьких девушек. На ходу смеялись, сплетничали, но, увидев проезжающих Скилла, а за ним страшноватых даже для артан Аснерда и Вяземайта, могучих Олексу, Тура, Придона, замерли, как испуганные степные зверьки. Их большие блестящие глаза провожали статные фигуры артан с непонятным выражением.

Придон поспешно выпрямился в седле. Плечи красиво развернуты, а когда девушки повернулись и стали смотреть на него блестящими любопытными глазами, вскинул руку и поправил медный обруч, что прижимает волосы на лбу. При таком движении мышцы могучей длани играют особенно красиво...

Он знал, что кожаные брюки плотно обтягивают его сильные икры, а сапоги сшиты лучшими умельцами Артании. И еще он знал, что со своим устрашающе суровым лицом с тремя шрамами пугает женщин и в то же время притягивает их взоры, как притягивает иной раз пропасть или темный омут.

Щеки молодых куявок заалели, но все рассматривали в упор без привычной застенчивости артанок, а когда порав-

нялся с ними, одна задорно показала язык, а вторая громко пожалела, что он на таком красивом коне обнажен только до половины, какая жалость, она бы тогда за таким красавцем бежала до тех пор, пока бы он не остановился...

Придон ощутил, что теперь покраснели щеки уже у него самого. Он проехал мимо надменный и неподвижный, не зная, что сказать и как отреагировать, и только страшился, чтобы еще не покраснела и спина под их взглядами.

Череве, проводник, вел их по главной улице, а с соседних доносились запахи свежего хлеба, сырых и уже выделанных кож, горьковатый аромат горелого железа, сырой и обжигаемой глины — из-за высоких заборов слышалось конское ржание, надсадный рев верблюдов, бляенье коз.

Придон покосился на двух богато одетых мужчин, что остановились так внезапно, словно их дернули сзади. Не бездельничающие торговцы, явно богатые горожане, вельможи. Сразу вперили удивленные глаза в проезжающих артан, Придон ощутил их острые как булавки взгляды.

Один сказал потрясенно:

— Ты смотри!.. Я таких здоровяков еще не видел.

— Да, — согласился второй, — у них мышцы, как у... даже не могу припомнить!

— У Гертонда?

— Пожалуй, Гертонд будет послабее, — сказал второй.

Придон чувствовал, как взгляд вельможи скользит по его могучему телу, инстинктивно напряг мышцы. В теле разливался жар, кровь кипела и раздувала мускулы, и без того толстые, могучие.

— Ты прав, — согласился первый. — Гертонд рядом с ними мальчишка.

— Да, это просто быки, а не люди!... Я даже не подберу слов.

— Смотри-смотри, у них даже волхв...

— Да что волхв, ты взгляни на этого мальчишку!.. Его плечи двумя руками не обхватить!

Остались далеко позади, но Придон чувствовал, как

взгляды разодетых, как селезни, вельмож скользят по его бугристой от мышц спине, широченным плечам, и велел мускулам вздуться еще больше. Пусть считают его мальчишкой, но даже артанский мальчишка справится со взрослым куявом.

Здания тянулись по обе стороны высокие, от стен несло полуденным жаром. Копыта коня Черева звенели звонко и чисто, искры выскакивают быстрые, но все же заметные даже в солнечный день, а что будет вечером или ночью? Проклятые куявы уродуют коней этими бронзовыми штуками, что приколачивают к копытам, в то время как артанские кони вольно скачут по степи без всякой тяжести на ногах.

Проезжая мимо переулка, он увидел, как двое обнаженных до пояса людей тащат тяжело груженную телегу. Оба потемневшие от беспощадного солнца, крепкие, жилистые. Собственно, одеждой им служат разве что набедренные повязки, словно оба направляются на состязания в честь Волшебного Меча.

Придон догнал Скилла, спросил:

— Это что, артане?

Скилл повернулся, Придон успел увидеть гнев в лице старшего брата, успел подумать, что плохо придется тем, кто держит вольных артан в плену, но Скилл лишь бросил короткий взгляд на впряженных в телегу, отвернулся с ледяным безразличием.

— Нет. Поехали, поехали!

Придон пустил коня следом, но не выдержал, оглянулся. Оба одетых так не по-куявски все так же тащили телегу, уже в гору, мышцы вздувались на руках, плечах, по всему телу, а голые ноги стали похожи на обвитые толстыми корнями стволы деревьев.

— А кто?

— Да так, — отмахнулся Скилл. Он настороженно всматривался вперед. — Поехали, не отставай!

— Не отстаю, — крикнул Придон сердито. — Ты чего? Тебя как зачаровали! Я брат тебе или не брат?

Скилл оглянулся, в глазах мелькнуло виноватое выражение.

— Прости. Там чуть дальше дом одной... гм... знакомой... отца. А муж ее в это время обязан бывать у тцара. Прости, брат!.. Но эти жалкие люди недостойны твоего внимания. Это всего лишь рабы. Там дальше их будет намного больше. А если проедем мимо каменоломен, то там и вовсе, как муравьев...

Он некоторое время сдерживал коня, терпел ради брата, но конь сам, чуя нетерпение хозяина, перешел с шага на грунь, затем на рысь. Придон ехал сзади. Некоторое время двигались за Черевом, сокращая путь, по улочкам настолько кривым и тесным, что два таких широких всадника обдерут бока о стены, а надо еще и местный народ не пораздавливать... плечи обвисали все больше. Его сильный и мудрый старший брат едет все так же: гордо выпрямившись, могучие плечи разведены, грудь вперед, смотрит свысока, солнце играет на плотной, как у быка, коже, коричневой от жаркого солнца, обветренной... как у тех двух несчастных, что тащат повозку.

Теперь он по-другому расценивал взгляды куявов. Кто-то из этих жалких людей в самом деле смотрит как на героев, но кто-то... Те двое вельмож с крашеными бородами рассматривали не как героев. Скорее, как особо могучих рабов. Которых хоть в каменоломню, хоть на ловлю диких зверей...

Конь под Скиллом уже перешел в веселый галоп. Любой бы всадник пригнулся к конской гриве, но старший брат все такой же ровный, гордый, с надменно разведенными плечами и гордо вскинутой головой. Ему плевать, что о нем думают и как на него смотрят жалкие куявы.

Придон сжал челюсти, мысленно воззвал к Роду. Вообще-то Рода почитают как верховного бога и в этой Куявии, даже в загадочной Славии, но артане прекрасно знают, что

только они, народ воинов, достойны внимания Рода! Остальные так... даже у великих родителей бывают неудачные дети. Род их любит, конечно, он всех детей любит, даже кривеньких, но все надежды возлагает на славный народ Артании.

Аснерд успел показать огромные дворцы беров Волога и Плеска, знатных наместников Нижней и Северной Куявии, что годами не показываются в Куябе, но дворцы по размерам, богатству и пышности соперничают с тцарским. Злые языки говорят, что и превосходят. Такую наглость ни в одной стране не потерпят, но нынешний тцар совсем выпустил вожжи из рук...

Придон рассмотрел еще с десятков удивительно красивых, богатых домов, сердце стучало часто и взволнованно, но дорога пошла с холма вниз, да и солнце заходит, нещадный блеск на крышах гаснет, на мир начала опускаться тьма, только город удивительнейшим образом засиял, словно на него одного продолжает светить солнце.

Аснерд проворчал:

— Я ж говорю, богатый город, богатый!.. Дорогого масла не жалеют, совсем не жалеют. Ишь, освещают даже улицы.

Вяземайт указал на высокий и длинный серый дом на перекрестке дорог.

— Постоялый двор. Заночуем.

— Еще ведь совсем рано! — взмолился Придон.

— А что нам ночью в этом протухшем городе делать? — хладнокровно сказал Вяземайт.

В восточной части города прозвучали трубы. Придон встрепнулся, более чистых звуков не слышал: боевые трубы артан всегда ревут хрипло и зло. А других труб, не зовущих к кровавой битве, не бывает, просто не должно быть: зачем они?

Его пальцы сжали рукоять топора. Скилл хмыкнул, и Придон, устыдившись, отдернул пальцы.

Трубы чисто и звонко прозвучали ближе, потом еще

ближе. Артане видели, как с той стороны города вдоль улицы понеслись всадники в дорогах одеждах. Народ разбегался, прятался в дома. Мать выскочила и поспешно увела играющих детей.

Череве вскрикнул умоляюще:

— Вам нельзя здесь стоять!.. Вернемся обратно... там, в переулке, переждем за углом...

Придон вспыхнул до корней волос от стыда и унижения. Воины заворчали, Скилл обронил веско:

— Мы останемся.

Череве вспикнул, торопливо соскочил на землю. Скилл фыркнул, но знатный бер, бросив коня, начал пятиться, пока не очутился за крупами артанских коней. На площади народ не бежал, у торговцев здесь лавки, товар, но все становились на колени, опускали головы, как покорные рабы, которым отрубят головы.

Скилл сидел в седле неподвижный, надменный. Конь превратился в скалу — такой же могучий и несокрушимый, только чуть помахивал хвостом, чуя, как в зад дышит испуганный куяв, но лень поднять ногу и треснуть копытом. Придон, подражая все знающему брату, тоже выпрямился и сделал лицо каменно недвижимым, хотя внутри все бурлило и клокотало.

Трубы прозвучали совсем близко: звонко, предостерегающе. В дальнем конце опустевшей улицы показались легкие носилки с красным покрывалом сверху и голубыми занавесками со всех четырех сторон. Носилки легко держали на плечах четверо крепких мужчин, все обнажены до пояса, все широкоплечие и широкогрудые, мышцы вздуваются красивые, выпуклые.

Придон ощутил смутное желание не то съежиться, не то вообще укрыться под какой-нибудь одеждой. Но, как истинный артанин, раздвинул плечи шире, выпятил нижнюю челюсть и постарался смотреть как можно неприятнее.

За спиной визгливо причитал Череве, вдруг умолк, как

свинья с кляпом во рту. По обе стороны носилок тяжело бухали в землю сапогами на толстой подошве очень богато одетые воины. Настолько богато, что Придон ощутил в этом странную красоту: пышные перья на железных шлемах, нагрудные латы, украшенные фигурами диковинных зверей, руки и ноги закрыты железными щитками, а зазоры искусными кузнецами сделаны такими незаметными, что даже лезвие ножа не просунуть! Таких только боевым молотом, чтобы всмятку, как птичьи яйца...

А при одном взгляде на обувь сердце Придона дернулось от зависти. Легкая, из тонкой кожи, но с виду очень прочная, хороша и в степи, и в лесу, и на горных тропах...

Носилки приближались, воины начали поглядывать на неподвижных артан угрожающе. Кое-кто опустил ладонь на рукоять меча слева на поясе, на ходу прожигал этих дикарей ненавидящим взглядом. Впереди носилок на красивом и богато украшенном коне ехал немолодой человек, весь в золотых пряжках, кольцах, цепочках; в широком брыле, даже сапоги блестят золотыми набойками. Конь тоже с золотыми бляшками на узде, золото на стремянах, подпруга и та украшена золотым шитьем.

Всадник угрюмо и с неприязнью покосился на артан, на лице отразилось колебание, но конь мерно двигался давно известной дорогой, и его хозяин, такой же немолодой и умудренный жизнью, похоже, решил проигнорировать дикарей.

От носилок исходил свет, настолько ткань чистого небесного цвета, радостная, словно смех очастливленного ребенка. Этот свет падал на носильщиков, достигал охранявших носилки великолепных воинов, явно из знатнейших семей беричей, а то и беров. Придон невольно тронул коня, неосознанно стремясь, чтобы этот свет, эта небесная благодать пала и на него.

Носилки проплывали мимо всего в пяти шагах. В щели между занавесками показалась белая нежная рука, тонкая и с множеством колец на пальцах, отодвинула на короткий миг... На Придона взглянуло удивленное девичье лицо.

ГЛАВА 3

Он выронил повод, обе руки ухватились за грудь. Вдруг взбесившееся сердце пыталось разломать свою темницу и, вырвавшись на свободу, броситься под эти носилки. Кровь вскипела, в ушах раздался грохот, словно понесся табун в сто тысяч голов. Ноздри раскалились от горячего дыхания, а губы сразу пересохли и покрылись коркой.

Занавески опустились, тонкие пальцы исчезли, словно последние лучики солнечного света. Носилки проплыли, удаляющиеся подошвы сапог мерно бьют в каменные плиты. За носилками еще с десятков пеших воинов, тоже одеты так, что за одну пряжку на одежде можно купить стадо скота, но Придон ничего не видел, не ощущал, кроме того, что носилки уходят, уплывают, удаляются, уносят там, за этими занавесками, его воспламененное сердце.

Сильная рука старшего брата с такой силой натянула повод его коня, что Придон едва не вылетел через конскую голову.

— Куда собрался?

Придон вскрикнул:

— Кто это был? Брат, кто это...

Скилл сдвинул плечами, оглянулся. Из-за коней вынырнул Черев, бледный, глаза навывкате; губы дрожат. Суетливо отряхнулся, ибо какой-то из коней, воспользовавшись остановкой, вывалил ему на одежду и сапоги груды теплых пахнущих каштанов.

— Повезло! — вскрикнул он счастливо. — Просто повезло!.. Нам нельзя было даже смотреть в ту сторону!

Скилл обронил спокойно:

— Артане без страха смотрят в лица даже богам.

— Вы не понимаете, — проговорил Черев торопливо. — Это Итания, дочь тцара! Она так нежна, что если мимо пролетит даже самая крохотная в мире бабочка, то Итания мерзнет от взмахов ее крыльев! Если в ее комнату ворвется солнечный луч, то мгновенно обожжет ее кожу!.. Она...

Придон слышал и не слышал, перед остановившимися глазами все еще та откинута занавеска, а прямо на него смотрит девичье лицо с высоко подведенными бровями. Она казалась удивленной. Придон ощутил себя так, как если бы его в солнечное сплетение лягнул конь.

Череву прав, что там боги, разве их можно равнять с Нею? Богов множество, а она — Единственная.

Могучая рука с такой силой тряхнула за плечо, что лягнули зубы.

— Что с тобой?.. — спросил Скилл резко, Придон уловил в голосе брата глубоко запрятанную нежность и тревогу. — Тебя не околдовали?

Придон сказал хриплым голосом:

— Брат мой... Разве это дочь тцара?.. Нет, это само солнце... Я ослеплен, я ничего не вижу, кроме ее лица, кроме ее глаз!

— Проклятые колдуны, — пробормотал Скилл люто. Пальцы его метнулись к боевому топору. — Уже навели порчу!.. Держись, брат. Мы — сильные. Им нас не сломить, не запугать.

Аснерд и Вяземайт сделали отгоняющие знаки, а Череву посматривал на артан с испугом. По мясистому лицу снова покатился пот, а щеки обвисли еще больше. Скиллу даже показалось, что толстяк побелел от страха.

— Я не хочу, — прошептал Придон, — чтобы от меня отводили эту порчу...

— Это Итания, — повторил Череву торопливо. — Ваше счастье, что вы — артане! Любой куяв уже поплатился бы головой. Никто не смеет на улицах смотреть на дочь тцара даже искоса, даже украдкой. А ты, дерзкий, смотрел в упор! Не удивлюсь, если на ее нежной коже будут кровоподтеки.

Придон воскликнул воспламененно:

— От моего взгляда?.. Да я всю кровь отдам, только бы ни пылинка ее не коснулась! Я... я...

Он сам поперхнулся горячим потоком, что фонтаном вырывался из души. Скилл засмеялся, похлопал по широ-

кой спине брата ладонью. Звук был такой, словно шлепал коня по крупу.

— Ах вот оно что, — сказал он с облегчением. — Это колдовство мы все знаем. Ты сам готов стать той занавесью, что защищает ее от солнца, ты сам готов убить всех носильщиков и носить ее сам, ты многое... даже все готов! Но сейчас утри слюни и сопельки, прими надлежащий вид. Мы едем не просто зреть погрязшие в роскоши земли, где скоро будут пастись наши кони. Нам надлежит увидеть и услышать больше, чем удастся узнать торговцам и не совсем торговцам, что ходят здесь под личиной торговых людей. Мы — сыновья тцара! Значит, должны видеть и понимать больше.

Голос его накатывался, как могучие волны. Когда дует южный ветер, вода поднимается на высоту двух копий, жители прибрежных сел бросают все и бегут, но Придон сейчас превратился в тот утес, что даже не замечает этих волн. Целое море прокатывается мимо, оставив на камне клочья пены, а он все такой же, смотрит поверх волн на далекое золотое облачко.

— Брат, — прошептал он.

Голос дрогнул, Придон со страхом и стыдом ощутил в горле тугой комок. Только дважды он проглатывал этот ком: когда умерла любимая собака и когда видел умирающую мать. Сейчас же никто не умер, напротив — он увидел самую красивую... да что там красивую, нет слов, чтобы выразить то, что увидел... но в груди тоска, глаза щиплет, душа в тревоге, словно оказалась на краю пропасти.

— Брат, — повторил Придон с трудом, — брат мой... Я ничего не понимаю. В один миг простой и ясный мир кто-то смел одним ударом... как проигравший игрок сбрасывает доску с костями! Я околдован, ослеплен и ничего... ничего не понимаю, что ясно знал раньше! Все не так, все не так. Но одно точно: я жил... я существовал не там, где должен!

Скилл проворчал уже с некоторой тревогой:

— Придон, ты что-то не то говоришь.

— Да все то, — сказал Придон смятенно, — теперь я здесь, с тобой. Потому что эта Итания здесь, в этом мире. Мы с ней ходим под одним солнцем. Брат мой, я ничего не вижу, кроме ее лица!.. Я не слышу, о чем говорят, в ушах звучит ее волшебный голос. Прости, но я не смогу ничего запомнить и рассказать на Совете.

Скилл хмыкнул:

— Но о тцарской дочери рассказать же сможешь? Кстати, как ты слышал ее голос, да еще волшебный?

Придон смотрел растерянно, за спиной Тур хмыкнул:

— А ведь ротик не открывала, все верно!

— Все равно, — прошептал Придон. — Я слышу... Даже сейчас.

Аснерд довольно гоготнул. Вяземайт сочувствующе качал головой, Олекса и Тур откровенно пилили глаза. Придон сказал растерянно:

— Нет. На свете нет таких слов... Их еще не придумали! Брат, я схожу с ума, но я умру, если завтра же ее не увижу. Не знаю, что со мной, но я прошу тебя... Иди к куявскому тцару, проси отдать ее за меня! Проси, уговаривай, умоляй. Я не могу без нее жить, дышать, смотреть...

Скилл хмуро молчал. Аснерд громыхнул:

— Да, разбежался!.. Так и отдаст!

Скилл после долгого молчания вдруг сказал:

— А почему нет?

Воевода уставился во все глаза.

— Ты чего?

— Ее отдать могут, — сказал Скилл. — Мы разве не тцарская кровь?.. Кроме того, Куявия всегда в страхе перед нашей растущей мощью. А этот брак мог бы укрепить союз. Если не союз, то все-таки родство! А это обязывает.

Аснерд скептически хмыкнул:

— Как будто родня не режет друг друга! Еще как... Но если говоришь так, то, наверное, правильно. Ну что, поедем?

Он подобрал поводья, толкнул коня под бока каблукми. Скилл смотрел с сомнением.

— Вот так на коне во дворец? Боюсь, эти тупые куявы не поймут наших шуток. Хотя, конечно, хорошо бы вот так подъехать к трону, сообщить тамошнему тцару свое решение, девку поперек седла и — в родную Степь!

— Хорошо, — сказал Аснерд убежденно. — Так едем?

Скилл вздохнул:

— Куявы будут против. А с этими свиньями придется считаться. Пока что. Мы на их земле, а когда договаривались о торговле и свободном проезде, то клялись соблюдать обычаи друг друга.

Аснерд промолчал, но обидчиво вскинулся Вяземайт:

— Так наши обычаи правильные, их все должны соблюдать! Но почему мы должны блюсти их дурости?

Череву слушал их с ужасом, мясистое лицо побелело, а толстые губы съежились.

— Что вы говорите? — вскричал он. — Как вы можете?.. Вы же знаете, что это невозможно! Вам плевать, что мне голову снимут, но вы сами вызовете войну! Что, к вашему тцару можно вот так на коне... в шатер? Или в шалаш, что там у вас? Вы же понимаете, как трудно вообще...

Аснерд тяжело громыхнул:

— А трудности надо преодолевать!

Череву огрызнулся:

— Только артане преодолевают трудности. Куявы их обходят.

Он волновался, хрипел, брызгал слюной. Скилл безглаголиво подал коня в сторону. Аснерд покосился на тцаредворца и покачал головой. Вяземайт смотрел поверх крыш в сторону храма куявских богов.

Скилл поморщился.

— Ты прав, но только чуть-чуть. Если чужеземцы просят нашего тцара о встрече, тот обычно допускает их. Не сразу, это неприлично, но через день-другой...

Череву всплеснул короткими, как у уродца, ручками.

— Так я о чем и говорю! Дайте время. Я сегодня должен рассказать тцару, что встретил вас и определил в доме, где вас и коней покармлят, одним — овса, другим — мяса... вы

только напомните, кому из вас овес, а кому мясо, а там в разговоре передам вашу просьбу...

Вяземайт рыкнул:

— Просьбу?

Скилл похлопал волхва по плечу. Тот засопел и отвернулся. Череве продолжал, но глаза пугливо поворачивались в орбитах в сторону свирепого артанского волхва:

— Думаете, только у вас блюдутся какие-то приличия? Простолюдину велют, а к тцарам обращаются с просьбами. Я вам предложил возможность, а вы... а вы...

Скилл сказал успокаивающе:

— А мы не такие дураки, чтобы отказываться. Только насчет дома и корма, это ты зря. В Куябе есть постоянные дворы? Вот там и остановимся. У нас есть чем платить за ночлег и еду.

Череве развел руками. Посмотрел на Скилла, снова развел руками.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Как хотите. Что я могу?.. Только проводить до постоянного двора, который выберете, конечно же, сами. Вам же надо выказать свою независимость? Ну вот. А мне надо знать, где и под каким столом вас искать.

Скилл кивнул, обратился к друзьям:

— Видите, все понимает! А вы говорите, тупые куявы, тупые...

Аснерд ехал впереди, все такой же влитой в седло, недвижимый, но теперь указывал кивком или глазами на дворцы, улицы, площади, называл, рассказывал, объяснял: он бывал в Куябе в молодости часто, знал где и что.

Он и привел к постоянному двору, где, по его словам, кормили почти по-артански, что значило — хорошо кормили. Придон издали увидел дом в два этажа, весь задвинут в глубину широкого двора, ворота гостеприимно распахнуты. Конь радостно ржанул, бодро тряхнул гривой, мол, совсем

и не устал, просто интересно зайти, посмотреть на этот постоянный двор.

Вяземайт насмешливо скалил зубы. Аснерд перехватил его взгляд, кивнул, соглашаясь, да, перебор, у этих жалких куявов нет ни достоинства, ни чувства меры. Придон проследил за их взглядами: намалеванные драконы на стене, дракон из дерева на крыше, еще глаза царапнули два толстых столба на въезде в постоянный двор — поднявшие к небу морды драконы ждут приказа богов броситься на обидчиков.

Аснерд сказал насмешливо:

— Видишь? У этих крылья с крючьями на концах. Ну как?

Вяземайт коротко хохотнул.

— А ты не заметил дом бера, что мы проехали... нет, по ту сторону базара! Там дракон во всю стену. Так вот у него на голове гребень.

— Как у петуха?

— Да. Только во всю спину.

Оба захохотали. Придон подумал завистливо, что ветераны умеют замечать такие тонкости, что сразу хвастливых куявов на чистую воду. Если одни изображают драконов так, а другие иначе, то, значит, драконов попросту не видели.

— А какие драконы у них на щитах? — спросил Вяземайт.

— Думаешь, не заметил? С ящериц делали. Для куявов и ящерки — драконы!

Двор широкий, с длинной коновязью, конюшней и тремя пристройками к главному дому. Из одной несутся мерные удары молота, из другой пахнет свежим хлебом, в третьей торгуют горшками из красной глины. Когда Придон еще только въехал во двор, на прилавке было три горшка, но затем один сдвинулся, и Придон понял, что это не горшок, а огромная красная рожа горшечника, такая же круглая, огромная, с торчащими, как ручки, оттопыренными ушами.

Он вздрогнул от могучего шлепка по голой спине. Аснерд смотрел пристально, на широком окаменевшем лице проступила некая озабоченность.

— Очнись, Придон!

Придон пробормотал:

— Да я что, я ничего...

— На свете есть лишь одна женщина, — проговорил Аснерд наставительно, — предназначенная тебе богами. И если ты не встретишь ее, ты спасен.

Придон спросил настороженно:

— А если встречу?

— Погиб, — ответил Аснерд просто.

Придон смолчал, отвел взгляд в сторону. Аснерд снова шлепнул по спине, но уже иначе, как шлепнул бы идущего на гибель.

Олекса и Тур переглянулись, Олекса сказал хмуро:

— Любовь — это умопомрачение. Лечение только одно: палкой по голове.

— Если бы, — ответил Тур. — Думаешь, наш батя его уже не врезал бы? Как кроля между ушей?

Куявская корчма, как показалось Придону, почти ничем не отличается от артанской, разве что сложена не из обожженной глины, а из добротных каменных блоков. Это уже на века, снести лихим набегом артанской конницы не просто. Чем-то напоминает куявские дома, тот же камень, та же манера прятать дом в самой что ни есть глубине. Сам двор весь впереди, тут и колодец, и коновязь, и всякие пристройки вроде кузницы или пекарни. Здесь сразу видно, что корчмарь старается разрастить свое хозяйство до крупного постоянного двора, чтобы не только простолюдь, но и песиглавцы, а то и беричи не проезжали мимо.

Навстречу выбежал мальчишка, настолько услужливый и предупредительный, что явно сын хозяина, а не слуга. Он суетился, бестолково и храбро хватал коней под уздцы, пытался одновременно отвести их к коновязи и помочь гостям слезть на землю. Уже потом, когда Придон сидел в корчме,

он вспомнил, что так и не рассмотрел услужливого мальчонку в лицо.

Аснерд с сожалением миновал корчму, сразу понес вещи в отведенную им комнату. Комната как комната, за одну серебряную монету — клетушка с ложем на дубовых чурбанах, стол и две длинных лавки. Тараканы, крупные и черные, как поспевший чернослив, с любопытством смотрели на новых постояльцев из всех щелей. Усики шевелились, ловили запахи, а заодно тараканы сплетничали и перемывали новоприбывшим кости.

— Вяземайт на ложе, — распорядился Аснерд, — он у нас старый, у него эти... кости... Вы двое — на лавках.

— А ты?

— Я у двери на полу, — гордо сообщил Аснерд. — Кто-то должен первым быть на варте?

Олекса сказал возмущенно:

— Обижаешь, батя... За что?

А Тур лишь сверкнул глазами исподлобья. Аснерд отмахнулся.

— Там за стеной еще комнатенка. Здесь не поместимся. Вам туда.

Вяземайт сказал обидчиво:

— Почему не я на полу? У меня кости не тоньше твоих.

— Зато внутри пустые, — пояснил Аснерд. — Вон, как у кур. Еще у гусей с виду кости толстые, а внутри... Эт чтоб летать легче. Из таких костей свиристелки делать хорошо. И всякие разные дудки, сопелки. Ты ж променял топор на жезл? Променял. Значит, кости у тебя пустотелые.

— А у тебя голова, — огрызнулся Вяземайт.

Аснерд постучал костяшками пальцев по лбу, прислушался. Постучал еще. Лицо стало задумчивым. Придон и даже Скилл остановились, смотрели заинтересованно. Наконец Аснерд сказал хладнокровно:

— Брешешь.

— Почему?

— Литая, — сообщил Аснерд гордо. — Без всяких пустот.

Он неторопливо прохаживался по комнате, похлопывал ладонью по голому животу. Звук был такой, словно по леном постукивали в каменную стену. Вяземайт смотрел выпученными глазами. В другое время и Придон ломал бы голову над связью пустотелых костей с магией, но сейчас поспешил сбросить перевязь с топором и повернулся к Скиллу:

— Пойдем обедать?

Скилл расхохотался.

— Уже проголодался?

— Не совсем, — ответил Придон смущенно, — я только...

Аснерд пророкотал благодушно:

— Не дразни мальчика. Ему все в диковинку. Должен посмотреть мир!

— Да, — сказал Скилл со странным выражением, — корчма... как раз и есть мир.

Придон быстро взглянул на старшего брата, выискивал в глазах искорки смеха, но лицо Скилла оставалось совершенно серьезным.

Они заперли за собой дверь, да не войдет никто другой, уши ловили гул голосов снизу, а ноздри трепетали от возбуждающих запахов жареного мяса. Пахло еще чем-то странным, волнующим, но эти ароматы Придон не знал, ноги сами несли по ступенькам вниз, говор все громче, долетели песни, хохот, выкрики...

Большое помещение открылось полностью, он остановился на лестнице, одним взглядом охватывая корчму. Стены не из бревен, а из красного обожженного кирпича, такие простоят дольше, да и далековато отсюда лес, а глина везде под ногами, потолок и стены черные от копоти, с потолочных балок свисают черные космы, паук бегаёт лохматый и черный, зато на уровне спин стены блестят, собрав пот и жир со всех приезжих, гостей и местных гуляк.

На стенах вместо дымных факелов чаши светильников, в воздухе плавает запах бараньего жира. Хорошо, не рыбье-го. Между столами тот же вертлявый парнишка, и снова Придон не рассмотрел его лица. А тот ловко проныривал

между столами, на подносе что-то коричневое, три глиняные кружки, слышен пряный запах...

Сейчас, когда он обвел взглядом всех, сидящих за столами, артане всей необъятной страны Артании показались родными братьями, настолько похожи друг на друга, в сравнении с этими людьми. Здесь белокожие и смуглые, одетые так же легко, как артане, и укутанные в меха, словно и среди лета мерзнут, одни в легких накидках, другие в лязгающем и громыхающем железе, кто-то ест мясо и рыбу, другие поглощают только пучки травы, словно и не люди вовсе, а какие-то козы, одни выглядят нищими бродягами, другие — тцарами в изгнании, ибо за кольца и браслеты на их руках можно купить целые города или нанять огромную армию.

Скилл с артанами уже выбрали пустой стол и призывно махали оттуда руками. Придон наконец очнулся, заставил деревянные ноги двигаться, проломился сквозь пар, дым, испарения, громкие голоса, крики, хохот, пьяные песни.

Аснерд прогудел довольноно:

— Ну что, трянуло?

Придон прошептал потрясенно:

— Откуда... откуда столько дивных людей? Из каких стран?

Скилл отмахнулся.

— Да это все куявы.

— Но как же...

— Да так, — сказал Скилл еще равнодушнее. — Просто, как вороны, любят наряжаться. Вот и тащат в гнезда все яркое и пестрое, и на себя тоже цепляют. Как женщины... ну, им можно, так и мужчины.

— Что совсем стыд, — проскрежетал зубами Вязе-майт. — Это позор, это оскорбление для мужчин! Такие люди должны быть уничтожены. А их землю должен заселить достойный народ.

Олекса и Тур переглянулись, волхв не сказал какой, но кто из артан не знает, какой из народов на свете самый достойный?

Подошел толстый мужик, одетый как луковица. Из-под одной одежды торчит другая, а из-под этой — третья. К тому же чувствовалось, что есть еще и четвертая, что сразу наполнило душу Придона невероятным презрением. Тут же хлестнула волна страстного желания схватить Итанию на руки и увезти на быстром коне в вольную чистую степь, где чистый воздух, чистые реки, сильные мужчины и гордые женщины.

— Что будете есть? — осведомился мужик сильным голосом.

Скилл покосился на Придона, губы раздвинулись в загадочной улыбке.

— Знаешь, — сказал он, — неси мясо... но зажаренное по-куявски... Неси сыр, но только тот, что привозят с гор...

Мужик кивал, спросил:

— Какое вино? Есть очень достойное, прямо от винодела, что поставляет прямо во дворец...

Придон вспыхнул от оскорбления, а Скилл сказал мягко:

— Разве не видишь, что мы — артане?

В голосе старшего брата Придон ощутил угрозу. Ощутил ее и мужик. Побледнел чуть, торопливо поклонился:

— Да, но... вдруг вы на службе великого тцара... Нет-нет, я не хотел оскорбить, просто на службу тцару нанимаются самые разные люди...

— Но не артане, — сказал Скилл, он говорил все еще мягко, но как-то с нажимом, даже за соседними столами ощутили угрозу. — Да и мясо, как ты понимаешь, мы едим не всякое, так что будь осторожен... Но, чтобы ты повеселел, можешь принести нам рыбу, что плавает только высоко.... Понимаешь?

Аснерд добавил:

— И не ту, что в горных озерах, хотя и она божественно хороша, а ту, с красными перьями, что только в быстрых реках, в водопадах. Я видел, как скачет через камни...

Хозяин сказал испытующе:

— Вы же знаете, та рыба очень дорогая.

— Неси, — распорядился Скилл.

— Эту рыбу доставляют живой, — добавил хозяин. Он не двигался с места. — А чтобы доставить с высоких гор, приходится везти в чане с водой, куда каждые полчаса бросают колотый лед...

Скилл засмеялся.

— Прекрасно! Давай эту дивную рыбу. И постарайся, чтобы хватило на всех. Учти, мои люди жрут так, что коня съедают за мгновение ока.

Он бросил на стол горсть золотых монет. Хозяин неверяще смотрел на блестящую россыпь, схватил один кружаш, попробовал на зуб, расплылся в улыбке.

— Вы получите лучшую рыбу, которую ест только сам цар!

Сгреб, исчез, тут же появилось множество челяди, стол еще раз вытерли, застелили чистой скатертью, перед каждым артанином поставили пустое блюдо и положили ножи и двузубые вилки. Придон вспыхнул от оскорбления, это намек, что его нож за поясом недостаточно хорош? — но следующая вереница слуг тут же начала перегружать им на эти пустые блюда жареное мясо, различных животных, жаренных птичек, кровяные колбаски, и он забыл возмутиться громко и с достоинством.

Ноздрей достиг волшебный запах, он осторожно отрезал своим ножом кусок мяса и отправил в рот. Приятно обожгло, мясо оказалось сочным, просто тает во рту, это не по-мужски, но он внезапно ощутил, что сок уже потек по гортани, влился в жилы, в голове разом прояснилось, а усталость улетучивается с каждым мгновением. Он снова силен и бодр, настолько бодр, что готов подпрыгнуть до потолка. Просто так, взять и подпрыгнуть...

Скилл кивнул Аснерду на раскрасневшегося Придона:

— Смотри, что делают пряности с нашим мальцом.

— Зажгли огонь в крови, — подтвердил Аснерд. — Я тоже помню, как в первый раз...

Ели с удовольствием, быстро, но степенно, переговаривались, посмеивались, поглощали это дивное мясо, хва-

тали жареных птичек и тоже отправляли целиком в рот. Аснерд предупредил, что полагается жевать, а комок выплевывать, там же косточки, но сам ел целиком, и Придон тоже ел целиком, какие там косточки у таких крохотных птичек, мельче воробья...

А потом подали ту самую рыбу. Придон еще издали ощутил ее приближение, по необычному запаху, что донесся из раскрытых дверей кухни, да и все за столами насторожились. Даже песни за дальним столом оборвались, все провожали взглядами самого хозяина, что торжественно нес на вытянутых руках широкое блюдо.

За хозяином двигались повара, сами, без слуг, перекладывали на стол знатных гостей дорогую рыбу, заодно поглядывали любопытствующе, кто же может позволить себе такое дорогое удовольствие, роскошество даже.

Придон жевал эту божественно нежную рыбу, вкус необыкновенный, а глаза то и дело поворачивались в орбитах. За столом у окна в окружении четверых мужчин сидит и спокойно отхлебывает из кубка необычно одетая женщина. Да и вся она выглядит необычно, начиная с того, что находится в корчме. В Артании, самой правильной стране, ни одна женщина не позволит себе зайти в корчму. Даже те, кто путешествует, все же завтракают и обедают обязательно в своей комнате, а не в окружении мужчин и под взглядами множества мужчин...

...которые, к удивлению Придона, вовсе не тарасили глаза на эту женщину, не пытались приставать, а ели, пили, горланили песни, бахвалились, затевали борьбу на локтях. Женщина перехватила жадный взгляд Придона, ее тонкие брови чуть приподнялись, затем отхлебнула вина и, слегка отвернувшись, преспокойно продолжала обсуждать что-то со спутниками, больше не замечая Придона, его друзей, вообще мужчин в корчме и саму корчму.

Придон со жгучим интересом всматривался в ее фигуру с гордо приподнятыми плечами. Воротник стоймя, тонкая элегантная шея, круглое милое и одновременно строгое лицо, густые, но гладко уложенные снежно-белые волосы.

Такие волосы, и в то же время темное от загара лицо, он впился взглядом в ее глаза, по телу пробежала дрожь. Ощутил, что не в состоянии оторвать взора. Впервые видел глаза цвета светлого меда, желтые, почти оранжевые. Чистые алебастровые белки и крупная радужка желтого цвета, где в самом центре крохотные черные точки зрачков...

Он снова и снова пробегал по ней взглядом, стараясь делать это не чересчур открыто, что выглядело бы вызовом. Ладная крепкая фигура, очень женственная, но в то же время фигура сильной женщины. Он бы даже сказал — женщины-воина, если бы такое дикое сочетание было возможным. Наконец сообразил, что его поразило больше всего: впервые увидел женщину в мужской одежде. Правда, одежда так ушита и подогнана по ее фигуре, что не выглядит грубой мужской, вот крупная грудь оттопыривает спереди, но жакет от самого горла, расстегнута только верхняя пуговица, а от нее до груди далеко, ни хрена не видно, так что она не старается привлечь внимание мужчин своей доступностью или нежностью кожи...

Он скользнул взглядом по ее ногам, плотно втиснутым в хорошо выделанную кожу. Чуть ниже колен начинаются сапоги, такие же плотно сидящие, как только и натягивает, двойная подошва, приподнятый каблук...

— Кто это? — шепнул он в сторону Скилла, словно женщина могла услышать. — Почему она...

— Тс-с-с, — ответил Скилл. — Если не кричит свое имя, значит — предпочитает неузнанность. Придон, в Куявии больше разнообразия, чем в Артании, как в гниющем трупе всегда больше червей, чем на чистой лужайке. Но и пожирающие трупы черви нужны, иначе те своим смрадом задушили бы весь мир!.. Ты только в одной Куябе увидишь столько всякой дряни, сколько никогда не встретишь во всей необъятной Артании. Но здесь попадаются и драгоценные жемчужины, которых у нас тоже, увы, не встретишь...

Голос его на краткий миг стал печальным, даже в глазах промелькнуло нечто, но Придон не успел среагировать,

на свободное место вышла молодая красивая женщина, за ее спиной выстроились музыканты, женщина гордо вскинула руки, музыканты разом ударили по струнам, задудели в деревянные и медные трубы, рожки, пищалки, а женщина начала танец.

Придон вострепнулся, музыка звучит непривычно, но в груди сразу же отозвалось что-то, дрогнуло, а потом сладко заняло. Сквозь ряды музыкантов протиснулся подросток, вскинул лицо к закопченному потолку и запел. Придон вздрогнул, по всему телу прошла дрожь, волосы зашевелились. Мальчишка пел, подняв лицо, такое чистое и серьезное, словно видит сквозь все этажи чистое небо, а на нем небожителей...

Да каких небожителей, мелькнуло в голове смятенное. Небожители — это грозные и свирепые воители, их лица перекошены яростью, в глазах огонь битв, голоса подобны грому, а взгляды высекают молнии. Этот же поет настолько сладко и щемяще, что в груди началось какое-то задыхание, сдавило, сперло. Придон прижал ладонь к сердцу, оно дергается не в лад, словно раненый зверек, что попал одной лапой в капкан и в ужасе старается освободиться.

За столам продолжали есть и пить, но разговоры умолкли. Все смотрели на танцующую женщину, слушали музыкантов и поющего подростка. Лица их оставались спокойными, лишь некоторые начали в ритм постукивать ручьями ножей по столу.

Скилл и остальные артане слушали с явным удовольствием. И на танцующую женщину смотрели с удовольствием. И продолжали есть с тем же удовольствием.

Придон слушал.

Слушал.

Слушал...

За столами негромко пристукивали в такт, подросток пел чисто и звонко, женщина танцевала ритмично, красиво, а музыканты дудели и звенели струнами слаженно, сплетая сильную прекрасную мелодию, от которой сдавило, как тисками, сердце, а в глазах защипало.

Внезапно сквозь этот шум и звонкий цокот сапожек женщины Придон уловил негромкий, на грани слышимости, голос бога. Он сразу ощутил, что это голос бога, ибо все в нем встрепелось, по телу пробежал огонь, обжег все нервы. Голос бога звучал едва слышный, но могучий, это было похоже на голос морского прибоя, что надвигается медленно и неотвратно, бьет в берег так, что содрогается земля, откалывает целые скалы, а для моря это вовсе не усилие, просто сам бог говорит тихо, ему нет необходимости повышать голос, он — бог, его слышат...

Придон вслушивался, потрясенный, по телу пробегала судорога восторга. В груди что-то пробуждалось иное, неизвестное, могучее, и вдруг изнутри зазвучал такой же голос, пусть не такой могучий, но тоже... голос не человека, а голос бога!

— Что со мной? — вскрикнул он. Он дрожал, руки покрылись гусиной кожей, его бросало то в жар, то в холод. — Я не хочу...

Но уже сам чувствовал, что не в силах противиться тому, что пробудилось в нем. Но что это за голос? Чего от него требует бог? И что то, которое внутри, у него в груди, ответило этому богу?

Он перехватил внимательный взгляд Скилла. Старший брат смотрит участливо, но без тревоги. Знает, внезапно подумал Придон, что опасность мне не грозит, иначе уже вскочил бы с топором в руке. Но, судя по его взгляду, он тоже ощутил, что со мной заговорил бог!

— Мне странно, — прошептал Придон. — У меня... все перевернулось.

Скилл молчал, Аснерд прогудел благодушно:

— Это все перченое мясо.

— Да и рыба, — сказал Вяземайт с ухмылкой, — что-то в рыбе такое, даже не скажу что, но кровь вскипает, а с глаз падает пелена...

— Горькие травы, — отрезал Олекса. — Все — они, проклятые! Горячат кровь без надобности. Это куявам не-

обходимы, у этих жаб кровь уже застывает, а у нас и без того кипит, а жилы плавятся!

Тур смолчал, только оглядел корчму налитыми кровью глазами. В глубине зрачков сверкали яростные огни, пора бы уже и подраться. Куявы поспешно опускали глаза в миски и тарелки, в чашки и кружки.

В корчме появились женщины, полураздетые и ярко накрашенные. Не разобравшись, но заведев на столе перед крепкими мужчинами самую дорогую рыбу, сразу подошли и предложили свои услуги. Придон опешил, он даже не думал, что можно вот так просто, ведь завладеть женщиной — всегда невероятно трудно...

Скилл сказал легко:

— Птички, вы не заметили, что мы — артане?

А воевода добавил невозмутимо:

— И что у нас на столе нет вина?

Женщины переглянулись, скорчили хорошенькие мордашки в гримаски и проскользнули дальше. Придон не поверил глазам, когда одна преспокойно села на колени гуляке, а тот, ничуть не смутившись, одной рукой обнял за талию, другой потянулся за кружкой с вином.

Скилл с усмешкой заметил:

— Любовь, конечно, пьянит и куява, но вино дешевле.

— Мечта куява, — сказал со вздохом Вяземайт, — чаще всего похожа на жену соседа. И никаких тебе расшибаний лбом стен...

Отяжелевшие от сытной еды, поднялись в свою комнату, Придон сразу устал и рухнул на указанное ему место. Под ним оказалось нечто вроде одеяла, свалявшееся и плоское, как блин, даже такое же замаслившееся, впитавшее пот многих постояльцев, но Придон не принюхивался, свой артанский запах что угодно перебьет, с наслаждением лег и вытянул гудящие от усталости ноги:

Помыться бы, мелькнула несвойственная для степняка мысль, потом отмахнулся: пусть моются те, кому лень чесаться.

В комнату вошел, сгибаясь под тяжестью седла, другой

парнишка: серьезный, медлительный, как медвежонок. Придон указал, куда положить, мальчонка с облегчением свалил тяжесть, поклонился степенно и вышел так же молча.

Артане переговаривались, но Придон закрыл глаза, и сразу же ярко и отчетливо возникло лицо прекрасной Итании. Ее брови высоко вздернуты, в глазах немой вопрос, и снова Придон ощутил, как застучало сердце, в груди нарастает шем, а в ушах неожиданно зазвучал голос бога.

Теперь этот голос звучал громче, отчетливее. Придон даже начал разбирать слова, которые произносил бог.

И все эти слова были об Итании.

ГЛАВА 4

Он проснулся, распластанный, как выпотрошенная рыба. В ушах все еще звучали медленно гаснущие слова. Душа оставалась наполнена чем-то огромным, как ночь, тяжелым, подобно горам, и могучим, как море. Он непроизвольно повторил эти слова вслед за богом, звучат странно, так не говорят, но разве можно говорить об Итании привычными словами!

Аснерд уже расспрашивал Вяземайта о вещих снах, Вяземайт начал было отвечать серьезно, но Аснерд свернул на баб, мол, снились так и эдак, Олекса и Тур злорадно захотали, а Скилл распорядился:

- Все вниз!.. Перекусим да пойдем смотреть город.
- И подеремся, — сказал Тур.
- Размечтался, — ответил Аснерд.
- А что не так?
- Куявы не дерутся, — объяснил Аснерд.
- Но как же, — опешил Тур, — если в морду...
- Зовут стражу, — объяснил Аснерд с невероятным презрением в голосе.

У Тура отвисла нижняя челюсть. Они с шумом и шуточками расселись в по-утреннему пустой корчме, на столе появились широкие миски с гречневой кашей, подали све-

жий хлеб и зачем-то пирог с пышной коркой. Еще не глядя на пирог, Придон уже знал, что такие вот булжники пекут загодя и сберегают подолгу именно для таких, как он, сильных и проголодавшихся, что иначе в нетерпении изгрызут стол.

Толстый хозяин отправил к ним снова то же вертлявое, и на столе возникла культяпками вверх жареная тушка упитанного гуся.

Ели по-мужски, даже по-артански, что умеют наедаться впрок. Это, судя по лицу хозяина корчмы, привело его в благоговейный ужас. Потом, когда уже седлали коней, во двор вкатила коляска, запряженная тремя лошадьми. Череву едва не вывалился из дверцы, заорал:

— Куда собрались?

— А чё, — ответил Аснерд, — надо спрашивать?

Череву повернулся к Скиллу, но сын тцара игнорировал знатного бера, не к лицу высокородному отвечать, когда спрашивают без должного почтения.

Череву вылез, пыхтя, из коляски. Похоже, он в самом деле торопился, раскраснелся и взмок, хотя взмокнуть должны были кони.

— Где бы я вас искал? — спросил он сварливо. — Я ж так торопился!

Измученный Придон весь превратился в слух. Череву объяснил торопливо:

— Вы не поверите, но я всего добился!

— Да ты прям молодец, — сказал Аснерд поощрительно. — Эй, ребята, дайте ему чё-нить!

Череву скривился, его угодыя, было написано на его обрюзглом лице, богаче всей Артании, но вслух сказал суховато:

— Наш великий и пресветлый тцар вас примет...

— Так поехали же! — вырвалось у Придона.

Скилл бросил на него суровый взгляд, Придон съежил-ся. Аснерд спросил с интересом:

— Но где твое «но»? У кувовов ничего не делается вот так сразу, как у людёв.

Череве сказал раздраженно:

— Вы даже не понимаете, как многого я добился! Вы ведь не к тцару приехали? Нет. Он и не должен вас принимать. Вы приехали смотреть, чем и как торговать. Самим посмотреть цены, чтобы вас не обжучили. Вот зачем вы приехали! Да еще посмотреть, где у нас войска, какой толщины стены, как охраняем дороги... Что, не так? А я еще и добился, что наш пресветлый тцар вас примет.

Олекса и Тур выглядывали из-за спины отца, одинаковые, как молодые дубы, очень похожие на отца, молчали, а воевода спросил, казалось, сразу за всех троих:

— На каких условиях?

— Вот сие дельный вопрос, — сказал Череве быстро. — Вы приехали не для встречи, потому будете приняты не как высшие особы. Иначе это будет урон достоинству и чести тцара!.. Но вам ведь главное встреча, не так ли? Вы народ храбрый и мужественный, на приличия вам плевать, как и на всю культуру, а встреча состоится послезавтра...

Придон воскликнул отчаянно:

— Послезавтра? До послезавтра я умру! Сгорю в этом огне...

Скилл сказал, поморщившись:

— Не вопи. Послезавтра так послезавтра. Мы все одно собирались здесь пробыть дня три-четыре. А завтра съездим поглядеть на их стойла для драконов. Говорят, их выращивают, как мы коней.

Череве сказал виновато:

— Драконов не покажут. Разве свои секреты не оберегаете? Зато вам это... лучших танцовщиц! Услышите несравненную Лорну, она сразу тремя голосами... Впрочем, вам неинтересно, но для таких дорогих гостей пригласим клоунов и дураков. Кривляются так забавно, со смеху умрете.

Воевода с готовностью хохотнул, подтвердил:

— Да, это у вас здорово! Я ржал, как конь.

Скилл заподозрил подвох, смолчал. Придон вообще ничего не видел и не слышал, ни о чем не думал, кроме как суметь прожить эти два бесконечных дня. Никакие кувыр-

кающиеся дураки в одежде наыворот и с размалеванными сажей и киноварью рожами не сократят дни и бессонные ночи.

— До послезавтрашнего дня, — сказал Черевко на прощанье, — отдыхайте, развлекайтесь!..

Он отбыл, артане отправились в город. На постоялом дворе намекали, что лучше бы пешком, с седла хоть и видно дальше, но не войдешь в дома, даже по тесному базару не проедешь. Скилл заколебался, но Вяземайт молвил властно:

— Мы артане или не артане?

Так и выехали вшестером верхами. Скилл и Придон, как дети тцара, впереди, Вяземайт и Аснерд следом, как наставники и советники, а Олекса и Тур из приличия в хвосте, как телохранители на отдыхе.

Скилл ехал напряженный, выпрямившись, лицо застыло в той болезненной гримасе, которую только не знающие его могли бы назвать надменной. Придон заметил, что старший брат бросил пару очень быстрых взглядов на высокий роскошный дом, красивый и странно воздушный, хотя построен из тяжелого белого мрамора.

За домом огромный сад, над верхушками летают дивные птицы, таких не увидишь в суровой Артании, где даже природа не утруждает себя лишними украшениями, но Скилл изменился в лице, когда из дома вышла женщина.

Придон слышал, как из груди старшего брата вырвался сдавленный вздох, но дом уплыл, покачиваясь, за спины, Скилл все так же суров и неподвижен, не покачнулся, и Придон решил, что ему почудилось.

Ехали, ошарашенные многолюдьем, пестротой, от которой кружится голова, а от гвалта звенит в ушах. Со всех сторон лавочники зазывают к прилавкам, кричат и бранятся покупатели, накатываются мощные запахи целебных трав, конского навоза — смотря через какую часть улицы проезжают.

На улице хлебопеков все шестеро едва проломились через душистое облако ароматов свежего хлеба, настоящего

сдобного хлеба, а не просто хлебных лепешек. Придон угадывал душистые травы, что пошли на добавки, даже мог назвать с десятков, но молчал, только нервно раздувал ноздри. Запахи тревожили, пьянили, наполняли душу восторгом и странным щемом.

Когда двигались через ряды кожемяк и мастеров по коже, все артане ахали. Придон видел восторг даже в глазах всегда невозмутимого Аснерда. Запахи выделяемой кожи слышны издали, но, когда ехали по улице, могли окосеть, настолько разбегались глаза. Стен не видать под висящими тесно на колышках седлами, ремнями, кожаными латами, цельными и наборными доспехами, боевыми рукавицами, пращами, конской упряжью... И все разное, все сделано умело, добротное. Проклятая страна уже давно не воюет, может отшлифовывать доспехи, в то время как артане, что дерутся друг с другом, рады любому оружию...

Навстречу то и дело попадались телеги и фургоны, доверху наполненные товаром. Скилл начал хмуриться, Аснерд недовольно пыхтел. Совсем редко попадались стражи, обычно ходят парами, одетые чересчур пышно, даже богато, если на взгляд артан.

Только однажды попался отряд воинов: шли прямо посредине улицы, человек тридцать, горожане поспешно уступали дорогу. Все как один в одинаковых доспехах: кожаные латы с нашитыми металлическими пластинами, у каждого настоящий шлем из темной бронзы, на поясе короткий меч, в руке копье острием вверх, а на локте левой руки как будто прирос круглый щит. Конечно же, с драконом во всю ширь, очень искусной чеканки.

Скилл не подал коня в сторону, ехал все такой же суровый и надменный. Сердце Придона всколыхнулось, он бросил быстрый взгляд на Аснерда. Воевода восседает на своем богатырском коне невозмутимый, но Придон заметил, как напряглись его плечи, а пальцы сами по себе проверили, на месте ли рукоять боевого топора.

Впереди отряда вышагивал крупный человек в металлических доспехах с головы до ног. Даже шлем полный, с

выступами по боках, спасающий щеки от ударов острым железом, и с забралом. Впрочем, забрало поднято, на артан уставились злые глаза.

Скилл направил коня прямо. Командир отряда поколебался, но отступил в сторону, потом вовсе поднялся на тротуар. Солдаты поспешно расступались. Придон ехал замыкающим, по коже прошла дрожь. Злость и ненависть куявов чувствуется так, будто на голую спину плеснули ведро колодезной воды.

Скилл внезапно натянул поводья, конь остановился прямо посреди отряда куявов.

— А где здесь, — спросил он, глядя в пространство, — притоны для блудящих женщин?

Солдаты медленно обтекали конных воинов, их командир прошел по тротуару, на артан старался не смотреть.

— Не знают, — протянул Скилл разочарованно. — Что за страна, где мужчины не знают, куда по ночам ходят их жены?

Он тронул коня, тот всхрапнул, бодро двинулся вперед. Аснерд сказал в спину довольно громко:

— Да и днем тоже... Я в прошлый раз... гм... потом расскажу, чем хороши!

Пальцы Придона дрожали, так ему хотелось метнуть их к рукояти топора, чтобы опередить куявов, еще надо успеть закрыться щитом вот от этих, справа... но, к его удивлению, облегчению и даже странному разочарованию, никто так и не выхватил меч, даже не выкрикнул боевой призыв расправиться с врагами.

Солдаты, ругаясь вполголоса, снова встали плотной толпой и двинулись, мерно топая подкованными сапогами. Их сотник пошел впереди, не оглядываясь, даже не поглядывая по сторонам.

Придон кое-как догнал Скилла, спросил дрожащим голосом:

— Зачем ты их так?

— Как? — спросил Скилл.

— Ну, оскорблял! Даже их женщин... как только стерпели!

Скилл переглянулся с Аснердом. Воевода широко улыбнулся, глаза довольные. Скилл тоже посмеивался. Придон снова придержал коня, давая им выйти вперед. Похоже, это старший брат сделал для него. Все еще учат, воспитывают!

Но в самом деле чувствовал, как презрение к мужчинам, которые не защищают своих женщин от таких слов, распространяется и на всю Куявию.

Аснерд обратился к одному куяву:

— Эй ты, рыло!.. Как пройти к базару?

Куяв, почтенный господин в сопровождении хорошо одетых слуг, поморщился, бросил неприязненный взгляд на артан, сказал сквозь зубы:

— По этой дороге прямо до второго поворота. А тогда снова прямо, не сворачивая.

— Хорошо сказал, рыло, — одобрил Аснерд. — Коротко, почти как человек.

Когда проехали, Скилл сказал с легкой насмешкой:

— А что, обязательно его было так называть?

— Как?

— Ну, так неуважительно.

— Это рылом-то? Так у него и есть рыло. И сам рыло. Не люблю таких. Так и хочется дать в рыло!

Он захохотал, довольный, Олекса и Тур тоже захохотали, гордые удалью родителя. Аснерд и Вяземайт посмеивались, ехали, гордо выпрямившись. Придон спросил неожиданно:

— А тебе не приходило в голову, что кто-то из куявов захочет дать в рыло тебе?

Аснерд так удивился, что едва не упал с коня.

— Мне? А мне-то за что?

Несколько раз попадались лавки, где торговали бесполезными вещами, артане их так и называли — безделушки, но куявы почему-то покупали эти глиняные и медные изо-

бражения животных, богов, героев. Особенно много драконов: крылатых, бескрылых, разъяренных или спящих, толстых и худых. Но наибольшим спросом пользовались, как заметил Придон, фигурки дракончиков, детенышей драконов, толстеньких и крупноголовых, похожих на крупных потешных жаб.

Он приотстал, зацепившись жадными глазами за богатство лавки оружейника. У того в глубинах лавки по углам связки пик, дротиков, мечей. Грудой свалены металлические панцири, а самые дорогие и красочные горделиво красуются на стене.

То и дело останавливались куявы, чаще всего мужчины-воины, иногда и простые горожане, все восторгались умелой ковкой, хитроумным сплетением колец, умелой состыковкой сочленений, настолько умелой, что составной панцирь выглядит цельнометаллическим, лезвие ножа не просунуть... но куявы, поговорив, отправлялись дальше, покупателей нет, оружейник наконец заметил могучего артанского воина, издали с высоты седла через головы рассматривающего его богатства, крикнул насмешливо:

— Что, в вашей Степи таких нет, артанин?

Придон вспыхнул, хотел ответить резкостью, но неожиданно для себя судорожно вздохнул, ответил честно:

— Ничего похожего.

Оружейник несколько мгновений разглядывал его испытующе. Лицо его омрачилось.

— Жаль, — сказал он горько, — наши законы запрещают продавать оружие артанам. Плохо для дела, вы за хорошее оружие и цену даете хорошую. Я еще помню времена, когда мы торговали... Вы платили столько, что у наших глаз на лоб лезли!

Придон поерзал в седле, сказал упавшим голосом:

— Нам тоже запрещено покупать у вас... куявов. Чтоб не богатели. Но мы сейчас приехали как раз говорить о торговле. И я попрошу брата, чтобы он позволил мне купить у тебя оружие!

Оружейник скользнул взглядом по широким золотым

бляхам на конской сбруе, посмотрел на позолоченные стрелы, усмехнулся:

— Надеюсь, брат для тебя нарушит устаревший закон.

Придон вскинул руку, прощаясь, не кланяться же простому ремесленнику, поторопил коня. Высокие фигуры артан маячили среди пестрой толпы, как пятеро туров среди крикливых коз, уже чуть ли не на другом конце базара.

Впереди громко и назойливо стучал бубен. Народ стоял полукругом, на деревянном помосте танцевала хрупкая молодая женщина. Толстый бородатый мужчина играл на куявской бандуре, что отличалась от артанской лишь добавочной струной да широким ремнем через плечо, благодаря чему куявы могли играть даже при ходьбе, что вообще-то презираемо для хорошего певца...

Артане ехали мимо, лица суровые и надменные, лишь Аснерд благодушно шурился, взрыкивал, даже показал танцующей женщине большой палец вверх, она испугалась и сбилась с ритма.

Сердце Придона стучало все чаще. Тело трянуло, он ощутил холодный озноб, затем огненный меч пронзил тело, рассек сердце. Из груди вырвался болезненный вопль, в небе очень быстро начало разрастаться солнце, приблизилось, обрушилось всей огненной тяжестью.

Огромная рука бога взяла его и ссадила с коня, повела к площадке, к танцующей женщине. Народ расступался перед громадным полуголым артанином, у которого лицо искажено непонятным страданием, а за плечами громадный боевой топор.

Женщина двигалась все медленнее, глаза стали совсем испуганными. Она остановилась, попятилась. Музыкант взмахнул еще пару раз рукой, струны ответили вразнобой, и тоже застыл. Придон взял у него бандуру. Могучая рука бога развернула лицом к застывшей массе...

...Затем бог вошел в него. Придон смутно чувствовал, что его руки, повинаясь чужой воле, ударили по струнам. Вместо собравшихся смутно видел некую массу, они его не интересовали, он играл, а потом ощутил, что из него рвется

не то крик, не то призыв, но не воинский клич, а новое, не менее страстное, кричащее, сотрясающее мир...

Он не знал, сколько это длилось, мир застыл, время остановилось. Человеческая масса казалась похожей на огромный срез пористого творога, а он кричал этой массе, пальцы, повинувшись чужой воле, били по струнам.

...Затем бог начал медленно уходить из его тела. Бандура потяжелела, тело налилось свинцом. Он вздрогнул, умолк, огляделся непонимающе. Он все там же, в сторонке застыли бледная женщина и бородач. Толпа оставалась застывшей, словно плита из спрессованной и замороженной рыбы. Все взгляды на нем, только на нем.

Он поспешно сунул бандуру бородачу, спрыгнул с помоста и торопливо подошел к коню. Аснерд держал повод, глаза были темные, как лесные озера. Придон хотел вскочить в седло, как обычно, не касаясь стремени, но ощутил, что все тело стало как у тяжело больного старика. Артане и вся толпа смотрели, как он вставил ступню в стремя, оттолкнулся другой ногой от земли и уселся в седло.

И только в этот момент грохнуло, лед рассыпался, толпа задвигалась, заговорила. Женщина поспешно сбежала с помоста и пошла по кругу, держа в руках широкополую шляпу бородача. Туда щедро бросали монеты, кто-то срывал с пальцев кольца, а одна женщина быстро сняла серьги и опустила в шляпу.

Вяземайт заметил, сказал с неприязнью:

— Вот как за один вечер становятся богатыми!

Придон поравнялся со Скиллом, тихо сказал, стгорая со стыда:

— Брат, прости меня...

— За что? — спросил Скилл.

— Я не знаю, что со мной случилось, — ответил Придон. — Я не знаю, что в меня вошло, не знаю даже имени этого бога!

Скилл смолчал, но Придон видел, как переглянулись все пятеро. Даже Олекса и Тур, беспечные и веселые, ехали по обе стороны с вытянутыми лицами. В глазах Аснерда

было угрюмое и озабоченное выражение. Придон ощутил, что знают имя неведомого для него бога, но, видимо, этот бог чересчур силен и беспощаден, если ему даже не решаются сказать.

— Кто это был? — спросил он. — Это куявский бог?

Скилл покачал головой.

— Артанский? — ахнул Придон.

И снова Скилл покачал головой.

— Чей же? — спросил Придон горячно. — Неужели бог славов?

Аснерд сказал тяжелым голосом:

— Придон... этот бог заставляет служить себе куявов, артан, славов и все-все народы на свете. Он даже богами помыкает, как мальчишками на побегушках. Так что не скрипи зубами. Посильнее тебя были исполины.

Кони шли ровно, уверенно, но Придон чувствовал себя на утлой лодочке посреди бушующего моря. Исполинские силы швыряли его, как щепку. Он ухватился обеими руками за луку седла, перед глазами все кружится, а голос задрожал, когда он спросил сиплым сорванным голосом:

— Но что же делать?.. Что делать, Аснерд? Что делать, брат мой?

Скилл угрюмо смолчал. Аснерд пожал плечами и тоже смолчал. Придон перехватывал на себе их взгляды, сочувствующие и наполненные странной жалостью. Так смотря, он уже видел, на смертельно раненных воинов, хорошо сражавшихся, заслуживших любовь, но которых уже не довести даже до кромки поля битвы.

Наконец со спины подал голос Тур:

— А ничего не делать.

Он догнал Придона, в его глазах был живейший интерес и не было жалости или сострадания.

— Почему? — спросил Придон.

— Не знаю, — ответил Тур беспечно. — А разве он что-то тебе сделал?.. Да ничё. А вот ты тряхнул их всех!.. Еще как тряхнул.

— То был не я!

— Да знаю, — отмахнулся Тур. — Как будто я не знаю, что ты никогда бы не взял в руки ту гадость... Но, Придон, расскажи, каково это... ну, когда в тебя вселяется бог?

Придон зябко передернул плечами.

— Даже не... я просто не могу вспомнить! Это было... просто мною завладела некая могучая сила. Я чувствовал, что вот-вот лопну, ибо она чересчур велика. Я не знаю, как меня не на куски... Я чувствовал, что в моих силах одной рукой ухватить за небо, другой — за землю и столкнуть их вместе!

Теперь уже Тур содрогнулся всем телом.

— Представляю, какой был бы грохот!

ГЛАВА 5

Не скоро Придон понял, что не заблудились вовсе, не кружат, как зачарованные, на одном месте, а их просто выносит из одного базара на другой, ибо все улицы куявской столицы — базар, по обе стороны широких площадей торгуют все и всем, как ручейками соединяя эти болота, такие смрадные и такие красивые.

Дважды останавливались перекусить куявскими сдобными лепешками, чересчур мягкими и сытными, побывали у храма богов Перуна и Хорса, куявы чтут их превыше всех богов, Аснерд на всякий случай положил в жертвенную чашу по мелкой монете, Вяземайт ревниво заворчал, Аснерд сказал резонно:

— Да ты чё?.. Богов чту, я не нынешняя молодежь...

— Не тех богов чтешь, — сказал ревниво Вяземайт. — Наш верховный вождь — Дажьбог, превыше он всех, и ему первому треба!..

— Ты жрец, — прогудел Аснерд, — тебе виднее.

— Не жрец, а волхв! — возразил Вяземайт уже обозленно. — Пора запомнить, каменюка!

— Да какая разница?

— Огромная!

Скилл посматривал с усмешкой, но, когда наставники ссорятся, не следует вмешиваться даже сыну тцара. Конечно, Артания — превыше всех стран и народов, ибо само слово «арта» на древних и потому священных языках означает «Истина, Правда, Верный Путь», и в самом деле артане умерших и погибших хоронят в курганах и могильниках, а побережные кладут в ладью и отправляют в море, в то время как в дикой Куявии, Славии или Вантите трупы сжигают, оскорбляя священный огонь.

С другой стороны, у всех трех стран одни и те же боги, только в одной больше чтят Велеса и жену его Мокошь, это в Славии, здесь, в Куявии, судя по всему, поклоняются Перуну и Хорсу, в то время как они, артане, превыше всех чтут Дажьбога, после него — Радегаста, но приносят жертву и противнику Радегаста и Дажьбога — Чернобогу, ибо силу и доблесть надо уважать даже у противников.

Придон богов ни разу не видел, даже не встречал тех, кто с ними встречался хоть раз, потому даже с коня не слез перед храмами, перед глазами стоит нежное девичье лицо с удивленно приподнятыми бровями, глаза смотрят вопрошающе, но что он может сказать? Возьми мое сердце, а мне дай твое?

Он только слышал, как его мудрый брат Скилл сказал, обрывая спор воеводы с волхвом:

— Перестаньте! Пора бы знать, что устами Вяземайта то и дело глаголет истина...

— И такое при этом несет! — поддакнул Аснерд лицемерно.

Храмы и последний базар наконец остались за спиной, неспешно ехали через город уже по широкой, вымощенной булыжником улице. Артане негромко переговаривались, Придон не понял, то ли делают вид, что ничего особенно не случилось, то ли в самом деле забыли о его выходке. В этом дивном городе столько всего необычного, глаза разбегаются, голова кружится от обилия красок, в ушах звенят веселые крики, песни, музыка, колокольчики, бубенцы, слышен крик верблюдов, ослов.

Наступал тихий вечер, за северной стеной города огромная башня из черного камня зловеще пламенела под красными лучами заходящего солнца. В небе застыли подсвеченные снизу облака, похожие на повязки, пропитавшиеся свежей кровью. Багровые блики медленно, по мере того как опускалось солнце, всползали по блестящим стенам к зубчатой плоской крыше. По коже пробежал недобрый холодок, пробрался вовнутрь. Придон ощутил всеми внутренностями несокрушимость башни, и все естество возмутилось этим вызовом, в груди начало нарастать злобное рычание, а пальцы сжались на рукояти топора.

— Как туда забираются? — спросил он зло.

Вяземайт бросил короткий взгляд, на лице не отразилось вроде бы ничего, но Придон хорошо знал старого волхва, тот эту башню ненавидит давно, ненавидит люто. Но заставил себя не замечать этот вызов, ибо принять и ответить не может.

— Там живут, — буркнул Вяземайт.

— Но как же... — начал Придон, потом догадался, — вход заделали?

— Да.

— Но как же... у колдуна что, еды и воды на сто лет?

Вяземайт бросил на башню хмурый взгляд, голос стал неприятным:

— Им носят еду только первый год. За это время проклятые колдуны что-то там накапливают...

— Так все ж протухнет!

— Нет, не еду копят, а свою подлую магию. Еда им уже ни к чему. Как-то обходятся... Или как-то сами. Словом, колдуны с тех пор уже не спускаются. Потому и замуровываются.

Придон пристально смотрел на башню.

— Не поверю, чтобы ни разу не спускались.

Вяземайт сказал с неудовольствием:

— Кто знает? Может, и сейчас невидимыми среди нас бродят.

Придон ощутил болезненный укол в правое плечо.

Удержался от инстинктивного желания ухватиться за раненое место, скосил глаза, держа голову по-прежнему прямо, а лицо надменно каменным.

У одинокой лавки торговца всякой дрянью перебирал на прилавке пучки трав высокий старик в халате до земли и в высокой шляпе. Седые волосы падают на плечи, халат разрисован хвостатыми звездами, а рядом мальчишка лет десяти, он как раз и смотрит на Придона неотрывно, зло. В странно бесцветных глазах клубится туман, застилает все лицо.

Внезапно Придон ощутил себя в черном мире. Все стало черным: дома, люди, а на черном небе страшно горит, разбрасывая длинные космы, еще более черное солнце. Исчезли звуки, даже конь ступает бесшумно, не слышно поскрипывания сбри, звяканья удил, стремян.

Он стиснул зубы, надеясь, что лицо высокомерное, а взгляд направлен вперед. Чернота взорвалась ярким светом, все стало контрастным, рельефным до рези в глазах. Он мог различить всех муравьев, бегающих по плитам, видел у старого колдуна выпавшую ресницу, прилипла на щеке, ноздри выворачивает от наплыва моря запахов, ароматов — он чувствовал с удесытеренной силой все, что на расстоянии полета стрелы, и, глядя в удаляющуюся широченную спину Аснерда, мог перечислить, что воевода ел, пил, какой рукой чесался и какую именно служанку сгреб в сенах корчмы.

Стараясь не менять выражения лица, он опустил ладонь на рукоять топора, повернул голову. Мальчишка смотрит неотрывно, в блестящих глазах лютая ненависть, губы что-то шепчут, а пальцы дергаются, рисуют в воздухе, выхватывают незримое, но скользкое и дергающееся, видно по усилиям...

Придон стиснул рукоять, медленно потащил топор из петли. Глаза цепко держали врага, он мысленно представил, как брошенный топор вырвется из руки, сделает полный оборот и с хрустом врубится точно в середину лба. Надо только слегка придать кончику рукояти движение вверх,

чтобы вращалось быстрее, ибо до цели всего двенадцать шагов, может ударить обухом.

Глаза мальчишки остекленели. Он побледнел, отшатнулся. Кажется, даже вскрикнул, ибо старик оглянулся, его взгляд скрестился со взглядом Придона. Старик все мгновенно понял, дрожащая рука с растопыренными пальцами моляще взлетела в воздух, а другая повелительно метнулась к мальчишке. Придон видел, как с пальцев сорвалась короткая страшная молния, как будто на миг появился узкий кинжал с блестящим лезвием.

Мальчишка рухнул, раскинув руки. Из рта брызнула струйка крови, словно в грудь лягнул копытом здоровенный конь. Придон удержал топор в замахе, лезвие только рассекло воздух и замерло над головой. Старик кивнул с жаркой благодарностью, а Придон, поколебавшись, отправил топор обратно за спину.

Сердце колотилось, как испуганная мышь в берестяной коробочке. Он проехал мимо с тем же надменным лицом, только краем глаза видел, как старик стоит над распростертым мальчишкой и что-то выговаривает. Начала собираться толпа, старик указал на багровое солнце, мол, напекло мальцу голову, страшная жара...

Мальчишка, трепыхалось в черепе, всего лишь мальчишка! Не колдун, а всего лишь ученик, которого взяли собирать травы, растирать кору, толочь камни и кормить коней колдуна! Но что, если рассердить самого колдуна?

Артане уже оставили далеко позади последний ряд базара, когда их догнал Придон. Он пристроился позади, ехал смиренный, тихий. Впереди широкая улица, дома по обе стороны двухэтажные, а впереди широкая площадь, вымощенная серым камнем, в середине огороженный невысоким каменным заборчиком фонтан. Струи бьют высоко, ветер несет водяную пыль мелким туманом, прохожие пугливо сторонятся.

Друзья все же посматривали украдкой в его сторону, Придон отводил взгляд. В глазах глубокое сочувствие, как к

умирающему от смертельной раны, которому не может помочь даже волхв.

— Да что вы все? — вырвалось у него. — Я что, уже не человек, что ли?

Вяземайт с натугой улыбнулся, пошутил тем же натужным голосом:

— Да кто теперь знает...

Но шутка прозвучала странно, повисла в воздухе. И хотя кони после базара пошли вскачь, ветер треплет волосы, срывает с губ слова и оставляет их далеко за спиной, но эти как прилипли, летят вровень, размахивая невидимыми крыльями.

Придон вскрикнул:

— Аснерд, что он мелет?

Аснерд на скаку повернул голову, перевел бег на шаг, выехали на площадь. На Придона взглянуло немолодое серьезное лицо. Воевода попытался улынуться, но получилась скорее гримаса.

— А вдруг он прав, — ответил он почти серьезно. — Любовь — восхитительный цветок. Самый удивительный и ценный на свете. Но требуется нешуточная отвага, чтобы подойти и сорвать на краю ужасающей пропасти. Ибо такой цветок всегда растет только над пропастью. Ты ж не считаешь меня трусом?

У Придона вырвалось:

— Боги, нет, конечно!

— Так вот... я мог бы однажды...

Придон затаил дыхание:

— И что же?

— Не рискнул, — ответил воевода. Лицо потемнело, а голос стал хриплым, сдавленным. — С тех пор я с боевым топором в руке прошел всю Артанию, собрал отряд удалцов, делал набеги на Куявию и соседей... Я первым вступаю в бой, последним выхожу из боя. Теперь вожу войска всей Артании. Я не проиграл ни одной битвы, ни одного даже пустякового сражения. Я считаю, что поступил правильно! И все так считают!

Он пришпорил коня, Придон пораженно смотрел вслед. Воевода унесся, как выпущенная из огромного лука стрела. В ушах Придона еще звучал его злой, сорванный в битвах голос. Никогда еще Придон не слышал в голосе мудрого и отважного Аснерда столько горечи. А сейчас скачет так, как будто обратился в бегство... Впервые в жизни.

Нет, сказал себе тихо, не впервые. Но как он сказал про цветок на краю пропасти!

Вечер тянулся медленнее, чем густой вишневый сок выползает из поломанной ветки. Придон сгорал, таял, как свеча, как воск на жарком солнце. Он снова слышал голос неведомого бога, повторял за ним странные слова, сердце подпрыгивало, стучало торопливо, захлебываясь, стараясь сказать нечто, чему не находило слов.

Ночью не мог заснуть, выбрался на веранду и точил там топор. У него особый топор, топор героев, выкован из особого железа, что падает с неба. Колдуны клянутся, что у него магические свойства, но пока хватит и того, что лезвие остается без зазубрин даже после ударов по каменной глыбе. Проверено не раз, а если отточить до остроты бритвы, то лезвие таким и останется...

Пока это топор, просто топор, еще не пролил кровь врага и потому не имеет права на имя. Остальные топоры, какие уцелели, остались дома на стене, как напоминание о былых подвигах. Но что-то подсказывает, что очень скоро у этого топора появится свое имя. Красивое и страшное!

Утром перекусили в корчме, снова в город, на базаре тщетно искали хоть что-то из драконьей кожи, безуспешно пытались выпрашивать о магах. Над ними посмеивались, наивные хитрости артан прожженным куявам видны за версту.

Теперь часто слезали с седел, оставляя коней по очереди на Олексу или Тура, входили в храмы, везде совали свои носы, в лавках толкались и спорили с купцами о товарах, рассказывали, что привезут, интересовались ценами...

Развеселившийся Аснерд повел их в главную куявскую баню. Когда они, испробовав все ее прелести, наконец вышли на улицу, распаренные и разомлевшие, Вяземайт гневно призывал все громы небесные на таких порочных нечестивцев, Олекса помалкивал, ему понравилась общая баня, где мужчины и женщины моются вместе, Тур брезгливо морщился, а старший сын тцара смолчал, смолчал...

Придон засмотрелся на группу солдат, их с десятков, они, шагая в ногу, прошли до городского фонтана, где куявы берут воду, потопали на месте, разом остановились. Шаловливый ветер тут же понес в их сторону водяную пыль. Она осела на металлических шапках, на доспехах и даже на лицах мелкими крапинками, но никто не пошевелился. Это было красиво, Придон признал, в последние пару дней стал как-то уж чересчур чувствителен ко всему красивому, но все же нелепо и унижительно для взрослых мужчин быть такими вот похожими друг на друга, одинаковыми. Даже двигаются одинаково, будто и не люди вовсе.

За два шага перед солдатами точно так же дергался и бил в каменные плиты толстыми подошвами красивый щеголеватый начальник этого отряда. В позолоченных латах, с пышными перьями на гребне шлема, при длинном узком мече на поясе. Сапоги из тонкой кожи беззвучно топают на месте, в то время как солдаты гремят толстыми подошвами с железными подковками, словно они тоже куявские кони.

Начальник отряда направился к артанам, морщился, кривил лицо, но было видно, как усиленно тянется, едва не идет на цыпочках, чтобы выглядеть таким же высоким. И остановился за пять шагов, чтобы контраст в росте не был так заметен.

— Артане, — заявил он безапелляционным голосом, — вам надлежит явиться к достославному беру Череву.

Вяземайт вскипел от наглого тона, а Скилл, напротив, с великим интересом разглядывал пестрого, как петух, воина.

— Вот как? — переспросил он.

— Да, — подтвердил начальник отряда и еще больше вытянулся. — Так!

— Слышь, ты, гусь, — сказал Скилл, — ты ничего не перепутал?

Начальник отряда вскипел.

— Я командую дворцовой охраной!.. Я двадцать лет... И никто не смел...

— Гусь, — сказал Скилл благодушно. — Гусь разряженный... Ибо человек прежде всего называет себя, свое имя, род и кто он вообще.

Начальник отряда испепелял его свирепым взглядом. Придону почудилось, что в тишине скрипнули зубы.

— Меня зовут Свей, — выдавил он. — Начальник дворцовой стражи Свей. Вам надлежит...

По свирепому виду Вяземайта Придон понял, тот вот-вот рявкнет, что пусть приказывает своим куявчикам, но Скилл положил ладонь на плечо волхва, предостерегающе сжал. Глаза его не отрывались от лица начальника стражи. Тот побагровел, выдавил, задыхаясь от гнева:

— Я... двадцать лет... беспорочно... Я — Свей, берич Свей из рода Оннунгов.

Голос Скилла прозвучал почти равнодушно:

— Что нам надлежит?

— Вам надлежит отправиться со мной к управляющему делами дворца достославному беру Череву.

Сердце Придона подпрыгнуло, вот и пришли за ними, наконец-то, сейчас побежим. Скилл подумал, посмотрел на небо, долгим взглядом измерил облака, а то и пересчитал, сказал в задумчивости:

— Почему нет?.. Сейчас соберемся и отправимся.

Аснерд уже с высоты коня поймал его взгляд, ухмыльнулся, видно было, с какой непривычной медлительностью слез на землю, похлопал коня по крупу, тот обиделся и попробовал наступить воеводе на ногу. Тот отпрыгнул, ткнул кулаком в пузо. Конь сделал вид, что даже не заметил, слабеет, мол, хозяин.

Аснерд подвел коня к каменному заборчику фонтана,

очень внимательно порассматривал бассейн, наконец что-то сказал коню, тот охотно перепрыгнул заборчик. Взлетели тучи брызг. Аснерд перелез на ту сторону заборчика, в руках воеводы появилась щетка.

— Да, — долетел его озабоченный голос, — да...

— Что там? — крикнул Скилл.

— Набрались грязи на этом куявском базаре! — крикнул Аснерд. — А если еще и блох?

Вяземайт ахнул:

— Блох? Клещей?.. Бедные наши кони!

Не слезая с седла, он пустил коня к фонтану. Придон увидел вскинутый зад жеребца, новый сноп брызг, лишь тогда волхв слез, тоже вытащил из седельной сумки щетку, принялся чистить коня, брызгать на бока водой, скрести щеткой усердно и старательно.

Аснерд на миг оторвался от чистки своего зверя, спросил весело:

— Кони? А людев не жалко?

— Какие люди? — удивился Вяземайт. — Там одни куявы.

Аснерд поднял голову, помахал рукой:

— Здесь отыщется место еще для двух коней!

Вяземайт, нагло усмехаясь, неспешно скреб щеткой конские бока. Свей смотрел, выпучив глаза, потом щеки покраснели, подбородок вызывающе выдвинулся.

— И долго это будет длиться?

Скилл удивился:

— А у вас коней нет?.. Вы на козах ездите?

Придон ощутил сладкое чувство мести. А Скилл ответил чересчур доброжелательно, чтобы оно было искренним:

— Кони должны блеснуть, как твои доспехи! Или хочешь, чтобы явились во дворец на грязных конях? Ты этого хочешь?.. Ладно, мы так и скажем.

Свей явно ощутил некоторое неудобство, переступил с ноги на ногу, даже оглянулся на солдат, не прислушиваются ли.

— Ладно, — процедил он, — чистите своих животных...

— Ну, — сказал Скилл издевательски, — спасибо за разрешение. Мы так и скажем, что ты нам разрешил.

Он подмигнул Придону, оба соскочили и повели коней под уздцы. Придон покосился на растерянное лицо начальника стражи. Молодец Скилл, умеет разговаривать и с друзьями, и с противниками. Не то что он: топор в руки и дуром на обидчика...

Холодная вода приятно обожгла ноги. На голову тут же обрушились брызги, струя фонтана движется под натиском ветра, дождик поливал всех без предупреждения. Аснерд весело вскрикивал, Вяземайт ворчал на эту гнусь, эти фонтаны, эти мелкие камешки под ногами, мелкие монеты, шныряющих рыбешек. Освобождая место, оба подали коней на другую сторону фонтана. Теперь струи чаще падали на плечи Придону и Скиллу. Олекса и Тур терпеливо ждали своей очереди.

Народ начал останавливаться, собираться кучками. К фонтану близко не подходили, опасались то ли брызг, то ли грозных артан. Придон торопился, уже бы можно и вылезать, ведь Череве приведет во дворец, а там... Сердце его, мгновенно отравив крылья, взмывало в облака, верещало и кувыркалось в синеве, подобно жаворонку, потом вдруг камнем падало в бездонную черную пропасть: а вдруг там не увидят Итанию?

Однако чистили коней под бдительным надзором воеводы долго, старательно. Даже кони удивились, никогда их хозяева так бережно не расчесывали им гривы, не выпутывали колючки из хвостов, не осматривали копыта. Вяземайт так и вовсе озабоченно присвистнул, держа на ладони широкое копыто своего каурого.

— Что там? — крикнул Аснерд.

— Да вроде трещина...

— Вон там кузня, — указал Аснерд. — Нет, там плохой кузнец, жулик. Лучше проедь дальше, в сером доме с двумя воротами живет мастер получше... У него там во дворе целая мастерская.

Вяземайт перелез обратно через заборчик, мокрый и блестящий, конь как пес выпрыгнул и, подобно громадному псу, отряхнулся. Брызги веером полетели во все стороны. Народ с воплями шарахнулся, а солдаты Свей жмурились, но терпели. Сам Свей, багровый от гнева, стискивал кулаки, сверкал в бешенстве глазами, едва не грыз подбородочный ремень шлема.

Вяземайт не стал влезать на мокрую конскую спину, а конь потрусил за ним неспешно, пофыркивал, останавливался почесаться, а Вяземайт тоже останавливался и терпеливо ждал.

Скилл засмеялся им вдогонку:

— Ты указал правильную дорогу?

Аснерд ответил тоже со смешком:

— Была у меня мысль послать на другой конец города. Там есть один... кузнец хороший, но одну подкову кует по две недели. Да нет, я не этого разряженного петуха пожалел! Посмотри на своего младшего братца, на нем лица нет.

Придон поспешно отвернулся. Он знал, что выглядит жалко, не по-мужски. Холодная вода в этом бассейне уже нагрелась от их раскаленных тел, и, хотя фонтанные струи поливают их без перерыва, все равно на плечах не голова, а котел в огне, мысли носятся, как муравьи по горячему песку.

Вяземайт исчез, словно в воду канул. Придон не нашел себе места, а в боку коня едва не протер дыру, тот уже дергался, пытался выпрыгнуть из бассейна. Наконец Придон вообразил, что волхв уговорил кузнеца сперва сковать для его любимца какие-то особые гвозди.

Свей ярился, солнце опускалось к городской стене, но он и его солдаты все еще находились на залитой солнцем части площади. Скилл подмигнул Придону, мол, Вяземайт может вообще-то договориться сперва с купцами о закупке железной руды, чтобы выплавить железо, из которого скуют гвозди, а то и вовсе пошлет людей копать эту руду...

...Но Вяземайт появился на площади довольно быстро. Конь шел за ним как пес, угрюмо поглядывал на куявов,

грозно щерил огромные зубы, не по-лошажьи острые, с длинными клыками.

— Все в порядке!.. — крикнул он весело. — Это не трещина. Так просто, почудилось!

Скилл поинтересовался:

— А чего ж там торчал так долго?

— Да он столько всего знает, — объяснил Вяземайт. — Как начал рассказывать про способыковки мечей!.. А потом, понятно, про баб. Он всех свободных в этом квартале знает, а здесь нравы попроще, чем у нас. Дикари, понятно...

Скилл покосился на Свея. Несмотря на солнцепек, начальник стражи из багрового стал смертельно бледным, задыхается, будто на горле сильные артанские пальцы.

— Ладно, — решил Скилл, — потом все перескажешь. В самом деле пора ехать! Подготовьте сбрую, чтоб не стыдно во дворец въехать, и — по коням.

Но сбрую чистили, смазывали маслом, полировали еще долго, старательно, так что солдаты за спиной Свея едва не валились с ног. Тот все же не выдержал, прорычал:

— Что за варварские шуточки?.. Вам было сказано ехать! Вам и надо ехать!

Придон дернулся, разрываясь надвое: и прав этот щеголь, надо ехать, даже не просто ехать, а бежать, лететь, мчаться, но и за такой тон надо убивать на месте гада.

Скилл на этот раз посмотрел на командира стражи довольно надменно, поинтересовался:

— Ты ведь не простолюдин, верно?

— Я старший сын бера Эрмана! — заявил Свей гордо. — Наследник его земель и владений!

— Вот и хорошо, — сказал Скилл зловеще, — а то мне негоже скрещивать оружие с простолюдином... Я — сын тцара Артании, снисхожу до поединка с тобой. Ты разговариваешь с нами непочтительно, грубишь... Похоже, ты очень хочешь скрестить со мной оружие, верно?

Никогда Придон не видел, чтобы мужчина мог так быстро и смертельно поменять цвет лица. Только что лицо начальника стражи было бледным, словно отхлынула вся

кровь, но вдруг исхудало до желтизны покойника, кровь ушла неведомо куда, он весь стал меньше ростом, съежился, а с синих губ сорвалось:

— Я при исполнении... Меня послали... Меня поторопили...

Скилл критически оглядел его с головы до ног. Сам сын артанского тцара был огромен, неожиданно свиреп, от всего мускулистого тела вдруг повеяло быстрой и неумолимой смертью. Придон с уважением и любовью смотрел на старшего брата, который умеет меняться так сразу.

— Жаль, — наконец процедил Скилл, — ну да ладно, петушок. Если тебе, петушок, вдруг покажется, что мы как-то тебя обидели, то ты, петушишка, скажи сразу же!.. Понял, ворона? Я в любое время готов. Хоть прямо здесь, хоть на площади.

Свей краснел, бледнел, кадык его дергался, каждое слово било как стрела, за спиной десяток солдат, все слышат, сволочи, но он не тупой артанин, чтобы броситься в драку: лучше быть живым петушком, чем сраженным волком, ибо что волк против льва?

ГЛАВА 6

По дороге Свей попробовал артан окружить солдатами, но Скилл усмотрел намек: ах, под арестом? — разъярился, ухватился за топор. Свей поспешно увел компактную группу далеко вперед, а шестеро героев ехали неспешно, поглядывая по сторонам, Аснерд весело заговаривал со всеми молодыми и немолодыми женщинами, что выглядывали из окон. Ему трижды бросили цветы, в последний раз — вместе с горшком, Придон успел заметить мужскую руку бросающего.

Дома расступились, открылся залив, а слева блистал, как огромная глыба льда, сказочный дворец. Багровое солнце после затененных улиц сумело напоследок ударить в глаза с силой полуденного. Но ветерок со стороны моря,

воздух свеж, чист, прохладен, чувствуется холод огромных масс воды.

В тени последнего в ряду дома ожидали роскошные носилки. Полуголые носильщики застыли неподвижные, как каменные столбы. При виде обнаженных до поясов мускулистых артан зябко передернули плечами.

Конские копыта стучали по плитам глухо, как стучит кость по камню, но за шелковыми занавесками явно услышали, из глубины носилок раздался стон. Занавеска колыхнулась, показалась пухлая белая рука.

Череву высунул голову, глаза болезненно мигали, как у старой больной совы, которую вытащили на яркий свет.

— Приветствую героев из страны героев! — сказал он слабым голосом. — Простите, что не вылезаю, чтобы приветствовать, но после вчерашнего приема посла из Славии...

Лицо его в самом деле было опухшее, помятое, глаза совсем заплыли, а под глазом виднелся явно закрашенный кровоподтек.

Артане без спешки, сохраняя достоинство, приблизились к носилкам. Спешно можно только к водопою, но не к человеку. Тем более куяву. На опухшее лицо дворцового вельможи посматривали с брезгливой жалостью.

— Это уважительная причина, — ответил Скилл за всех. — Ты хотел нас видеть, мы пришли. Ты хочешь нам что-то сказать, мы тебя слушаем.

Придон задержал дыхание. Череву слабо шевельнул белой рукой.

— Ох, моя голова... Дрова на ней кололи, что ли?.. Я договорился о приеме. Не о вашем, понятно. Тцар меня примет, понятно?

Придон ахнул, Скилл предостерегающе сжал младшему брату плечо.

— Но мы идем с тобой? — спросил он полуутвердительно.

— Точно, — ответил Череву, — вы ж мои гости... черти б вас побрали! Когда куява зовут в гости, он приходит один

и вовремя. Когда в гости зовут артанина, он приходит на сутки позже, да еще не один, а с оравой приятелей. Вот мы и явимся... по-артански.

Вяземайт спросил с сомнением:

— К тцару?

— Но вы же артане? — спросил Череве. — Вы ж не понимаете разницы.

— Не понимаем, — согласился Скилл. — Поехали?

— Да, — ответил Череве. — Только старайтесь без ваших артанских шуточек...

С каждым словом голос слабел, Череве отодвигался в глубину носилок. Занавеска вырвалась из ослабевших пальцев, лицо исчезло. Носильщики ухватились за отполированные ручки, подняли рывком. В глубине носилок охнуло.

Аснерд откровенно расхохотался, даже Вяземайт хмуро улыбнулся. Знатный бер им ровесник, если не моложе, но уже едва передвигается, а пустяковая попойка длиной всего в одну ночь валит с ног. Слабый народ эти куявы!

Придон вдруг вскрикнул:

— Подождите чуток! Я сейчас...

Они ехали мимо их постоянного двора, конь под ним рванулся, опережая приказ. Вихрем ворвался во двор, Придон бегом вбежал в корчму, там в переходе к комнатам для гостей зеркало, в нем отразилась перепуганная физиономия с трясущимися губами и большими, как у морского окуня, глазами.

Он сам чувствовал, что его трясет. Впервые в жизни стало страшно: а в то ли одет, так ли, и не нужно ли набросить на себя что-то иное, лучше, более приятное для ее глаз? На всякий случай метнулся к бочке с водой, непривычно долго плескал в лицо воду, снова разглядывал этого молодого, теперь совсем не сурового воина, тер щеки очищающей глиной, подперши щеки изнутри языком, выпячивал нижнюю челюсть и смотрел в зеркало то грозно, то вызывающе, то с красивой надменностью, но сам видел, что сквозь лицо каменного истукана, каким надлежит быть

герою, проглядывает что-то щенячье, чуть ли не повизгивающее.

Когда выскочил на крыльцо, а потом уже на коне вышел из двора, на него смотрели с удивлением и беспокойством не только артане. Даже Черевое высунул голову, слабым голосом поинтересовался, не заболел ли доблестный Придон, чья воинская слава достигла берегов Куявии?

Аснерд оглядел Придона внимательно, буркнул Вяземайту:

— Ты прав: женщина — слабое, незащитное существо, от которого невозможно спастись.

Через город ехали долго, Придон в нетерпении решил, что Черевое нарочито водит их по самым роскошным кварталам, дабы сразить богатством и могуществом. Взглянул на небо, солнце уже опустилось, стиснул зубы — нет, двигаются в самом деле по прямой, лишь иногда огибая дома.

Ехали по непривычно широким улицам. Придону все время чудилось, что его конь ступает в непомерно большой комнате. Копыта стучат по широким гранитным плитам, ими вымощен весь город, разве что на самых окраинах просто утоптанная земля, а здесь даже неловко на коне, будто в непомерно огромном храме...

Он покосился на спутников, едут с надменными лицами, им все здесь обрыдло, судорожно вздохнул и с усилием выпрямился, расправил плечи и заставил себя смотреть орлом или хотя бы соколом.

Вечереет, улицы освещены скудно, только пурпуром закатных облаков, но, когда подъехали к центру, еще задолго до дворца вступили в море огней. На стенах факелы, светильники, то и дело выскакивают слуги с факелами в руках, дома из светлого мрамора, камень ловит огни и бросает обратно с такой силой, что удесатеряет блеск.

Перед самым дворцом площадь залита светом. Солнца давно нет, кровавый закат медленно угасает, но блеск дворца слепил, заставлял щуриться глаза.

— Мать богов, — выговорил Вяземайт, — мать-перемать всего сущего!.. Здесь живут люди?

Занавеска отодвинулась, Череве сказал почти бодрым голосом:

— Можешь считать, что боги. Ведь куявы с богами в родстве, в то время как артанцы в родстве с... гм... ну, мы приехали.

Носильщики опустили носилки. Череве выбрался, с натугой разогнул спину. Багровое лицо все еще носило следы ночного пьянства, но бер на глазах изумленных артан выудил из нагрудного кармана халата сушеную травку, размял в ладонях, понюхал, и багровая нездоровость исчезла прямо на глазах.

Глаза заблестели, Череве выпрямился, расправил плечи. Аснерд спросил пораженно:

— Если у тебя такая волшебная травка, то чего ж терпел? На тебе ж рожи не было!

Череве отмахнулся.

— За все приходится платить... Пойдемте.

Появились молчаливые люди, одетые богато и пышно, взяли коней под уздцы. Череве нетерпеливо оглядывался с мраморных ступеней. Придон первым догнал, Скилл и воевода с волхвом двигались с раздражающей неспешностью, останавливались, беседовали, Аснерд даже начал было рассказывать, как он ловил рыбу в горном озере на кордоне с Куявией.

Череве с Придоном ждали вблизи массивных врат. Это был еще не дворец, как понял потрясенный Придон, а всего лишь вход в сад при дворце, а сам дворец, как постоянный двор, где-то далеко, отгороженный садом с роскошнейшими розами, фонтанами, дорожками для прогулок, ажурными беседками, а также массивными небольшими павильонами, где можно укрыться от дождя или солнца, общаться с гостями, неспешно принять послов или массажистов.

Огромные как горы воины молча скрестили перед ними копья, каждое размером с корабельное весло. Скилл воинственно выдвинул нижнюю челюсть, плечи пошли в стороны, а спина и грудь вздулась могучими шарами мышц.

— В чем дело? — прорычал он надменно.

Череве оглядел их, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я так привык к вам, что даже забыл... Во дворец нельзя с оружием. Никому! Даже в любимый сад тцара нельзя. Такой закон!

Скилл прорычал:

— Артане никогда не расстаются с оружием!

Череве сказал умоляюще:

— Мы не навязываем вам свои привычки там, в Артании...

— Посмел бы только, — сказал Вяземайт с ненавистью.

— Никто не смеет, — втолковывал Череве Скиллу, как самому старшему и, как чувствовал Придон, самому разумному. — Видишь, я иду без оружия! Все вельможи идут без оружия. Самые преданные полководцы, беры, беричи, не говоря уже о песиглавцах, — все без оружия! У меня отбирают даже пилочку для ногтей, представляешь?

Скилл поколебался, затем его жестокое лицо чуть дрогнуло в жестокой улыбке:

— Даже пилочку? Вы слышали, герои?

Аснерд с готовностью захохотал, Вяземайт процедил ругательство в адрес трусливых куявов, но вслед за Скиллом вытащили топоры. Стражи насторожились, к ним присоединилось еще с десяток таких же огромных, закованных в настоящие железные доспехи.

Придон поставил топор у стены так, чтобы лишь острым концом упирался в пол, а рукояткой в стену. Друзья оставили свое оружие рядом. Стражи все еще загораживали ворота, копыта были нацелены в артан.

Скилл спросил раздраженно:

— Что еще?

— Поясные ножи, — напомнил Череве.

Скилл зло искривил губы в усмешке:

— Ах да, здесь отбирают даже пилочки для ногтей.

Нож звякнул о каменные плиты пола. Аснерд молча бросил свой нож, который больше напоминал куявский меч, а Вяземайт прорычал злобно, что нож он оставит здесь, зачем ему нож, он любого из здешних богатырей за-

давит голыми руками, если кто не верит, пусть выйдет к нему, даже во всем своем железе...

Олекса и Тур сняли молча, посматривая на отца.

Ворота открылись медленно, торжественно, без скрипа. Черевко скользнул в щель раньше, чем распахнулись во всю ширь, но Скилл, истинный артанин, дождался, пока створки уперлись в стены. Так и пошли, надменно, это они выказывают этому саду честь, почтив своим присутствием.

У Придона голова кружилась от сильных и разных запахов, тревожащих, волнующих, так может взволновать мужчину только вид прекрасного оружия, статных коней или хорошая песня.

По обе стороны дорожки с тихим плеском вверх бьют водяные струи. От них повеяло прохладой и бодростью. Придона всегда удивляла вода, бьющая вверх такими тугими струями, и, хотя Вяземайт объяснял, как и почему, все равно это казалось чудом.

Над деревьями и кустами порхают, как бабочки, странно проваливаясь в воздухе, дивные яркие птицы. Другие, спрятавшись среди веток, поют настолько прекрасными голосами, что Придон начал задыхаться от непонятного волнения.

Непривычные запахи окутывали их волшебными чарами со всех сторон. Придон, привыкший к простым ароматам выжженной степи, ощутил, как грудь переполняется, в голове тоже теснота, глаза уже не воспринимают изобилия...

Их вели по широкой дорожке, усыпанной золотым песком, справа и слева роскошные кусты роз, довольно жужжат крупные мохнатые шмели, за кустами низкорослые деревья, настолько красивые, что дух захватывает. Придон никогда не думал, что может любоваться просто деревьями, а за этими деревьями, которым не знает даже названия, другие — настолько высокие и стройные, что в степях Артании такие просто не могли вырасти. Если у низкорослых листва нежно-зеленая, то у высоких — темная, почти торжественно черная, словно у волхвов воинства Смерти, и над всем еще неумолчный щебет невероятно пе-

стрых птиц, ярких, с красным и оранжевым оперением, с хохолками на головах и роскошными хвостами, каких не увидишь даже у самых красивых артанских петухов...

Фонтаны выбрасывают струи в стороне от дорожки, лишь однажды ветер донес мельчайшую водяную пыль. Она приятно охледила кожу, но крохотные капельки тут же исчезли на горячей коже.

Потом деревья разом исчезли, словно невидимые руки убрали с пути. Дальше — гладкая, как стол, площадь в ровных плитах мрамора, а за ней — сам исполинский дворец.

Придон изо всех сил стискивал кулаки. Рядом неспешно движется Аснерд, лицо неподвижное, но глаза воеводы расширились, дышит тяжело. Даже он, бывавший здесь, в Куябе, потрясен больше, чем если бы получил меж ушей боевым молотом. Впереди покачиваются спины Скилла и Вяземайта, мышцы вздулись, застыли, словно оба героя подхватили на плечи падающий свод неба и несут, боясь сделать неверный шаг.

Придон был почти уверен, что приближаются к гигантской глыбе льда. Неимоверно огромной, блистающей, с полупрозрачными и переливающимися гранями, рухнувшей прямо с небес! Видно, как внутри стен стремительно проскакивают легкие тени, огоньки, радужные стрелы, где неуловимо быстро голубой свет переходит в зеленоватый, в цвет морской волны, где остро стреляют в глаза крохотные синие огоньки, а высокие башенки на плоской крыше горят, как железо в горне, рассыпая длинные шипящие искры.

Череву двигался все бодрее. По дороге он еще раз понюхал растертую в ладонях травку, Придона передернуло, когда тот походя сполоснул в небольшом фонтане руки и вытер о халат.

Розовые кусты остались далеко позади, но дворец по-прежнему там, где и был, в таинственной дали, только разросся еще больше, стали различимы скульптуры у входа, а на стенах — наполовину погруженные изображения небывалых зверей, драконов и сражающихся героев.

Череву сказал измученным голосом:

— Главный вход с другой стороны!.. Нет-нет, это не для челяди, просто пройдем внутренний дворик, и — все, мои ноги наконец-то отдохнут.

— Надо бы на коне, — буркнул Аснерд.

— На коне? — ужаснулся Череве. — Через этот сад?

— А что, птицов распушают?..

— Эх, артане, артане...

Они обогнули дворец, справа внутренний двор, залит багровым светом заходящего солнца. Почему-то пахнет каменной крошкой, словно здесь работают каменотесы. Дальняя стена из массивных глыб, сильно пощербленных, оттуда слышится стук металла по дереву, пятеро воинов упражняются, нападая на крепкоплечего воина, что умело подставлял под удары то щит размером с дверь, то длинный изогнутый меч.

В двух шагах от стены величавый дуб, почти такой же могучий, какими вырастают в Артании, но по-куявски толстый, с наплывами и наростами, грузный, напоминающий престарелого богатыря, что уже не гоняется за поединками, но о которого расшибаются насмерть, как волны о прибрежную скалу, целые отряды удальцов.

На дубе толстый деревянный щит с нарисованным глазом размером с кулак. Десяток воинов, собравшись на другом конце двора, галдели, как гуси, а их старший, пытаясь навести порядок, орал, срывая голос.

Череве заметил, с каким пренебрежением переглянулись артане, в глазах насмешка, мужчины так себя не ведут, у них каждое слово на вес золота. Старший лучник заметил бера с артанами, крикнул весело:

— Череве!.. Нам интересно, что думают артане о нашей стрельбе. Да и тебе будет что сказать тцару...

Последние слова произнес с растяжкой, очень многозначительно. Придон ощутил, как сразу напрягся Скилл, хотя лицо оставалось таким же бесстрастным. Посуровели и Аснерд с Вяземайтом. Олекса с Туром двигались позади всех, бесстрастные и молчаливые.

Череве сказал торопливо:

— Рипей, да нужно ли это? Мы сразу к пресветлому...

Лучник, которого Череве назвал Рипеем, захохотал:

— Тогда тебе придется сказать, что артане устрашились свиста стрел!

Аснерд грозно засопел, рука поднялась в привычном жесте к рукояти топора, но пальцы ощутили пустоту. Он в растерянности почесал в затылке, а Скилл сказал негромко:

— Череве, почему бы и не взглянуть на их забавы?

Придон застонал, дворец совсем близко, но Аснерд и Вяземайт уже свернули за Скиллом.

Лучники выстроились в ряд, Рипей рывкнул, все разом наложили стрелы и натянули луки. Снова рывк, воздух наполнился коротким посвистом, что тут же оборвался. Десять стрел ушли в дерево, только одна воткнулась мимо щита, остальные девять украсили белым оперением весь щит. Две торчат из круглого глаза.

Рипей сказал довольно:

— Ну, что скажете?

Придон прикинул расстояние, ощутил невольное уважение. Конечно, куявские луки длиннее и дальнобойнее, чем луки артан, зато артане стреляют на скаку, у них луки поневоле короче... однако даже для дальнобойных луков попасть в далекий щит вот так непросто... Явно для показа и устрашения здесь собрали непростых лучников. Возможно, даже лучших богатырей Куявии.

Рипей словно уловил его мысли, взглянул остро, голос его стал еще злораднее:

— Ну, богатыри, а теперь покажем нашим гостям, как стреляете поодиночке!

Стрелки без спешки целились, ловили ветер, присматривались. Когда у первого стрела сорвалась с тетивы, Придон едва удержал вздох. Железный наконечник ударил точно в глаз, почти в середину!

Второй лучник, к его удивлению, всадил стрелу совсем рядом, третий воткнул на три пальца ниже, но все еще в глаз. Четвертый, пятый, шестой — стрелы каждого с сухим стуком вонзались в щит либо в глаз, либо совсем рядом.

Только седьмой и девятый чуть сплеховали, но их стрелы все равно легли близко к середине щита, а десятый ухитрился пустить стрелу в самый центр. Послышался сухой треск, на землю полетели белые лучинки расщепленной стрелы, когда стрела десятого ударила в самый торец.

Скилл сказал громко:

— Молодцы!.. Это очень хорошо... для куявов.

Рипей посмотрел подозрительно:

— Для куявов? Это верно, ведь самые лучшие стрелки на белом свете — куявы. А что, не хотели бы гости попробовать натянуть тетивы наших луков?

Скилл развел руками.

— Вообще-то мы очень торопимся, — сказал он. Посмотрел на вспыхнувшего радостью Придона, улыбнулся и сказал неожиданно: — Но вообще-то разок пустить стрелу можно...

Куявы весело переглядывались, толкали друг друга. К Скиллу потянулись руки с луками. Скилл кивнул, взял один. Придон затаил дыхание. Скиллу подали стрелу, он вставил ее расщепом в тетиву, повернулся к дереву. Несколько дюжих воинов не стали выдергивать стрелы, а попросту повесили другой щит с таким же нарисованным глазом.

Скилл несколько мгновений всматривался в цель, затем вскинул лук и быстро натянул тетиву. Послышался сухой хлопок. Скилл негромко выругался. Тетива лопнула, как гнилая нитка.

Стрелки возбужденно заговорили. Скиллу подали другой лук. Он снова наложил стрелу, натянул лук... хлопок, тетива лопнула с прежним сухим звуком. Стрелки притихли, посматривали непонимающе и уже пугливо. Рипей покраснел, выругался, крикнул:

— Подать ему мой лук!

Придон заметил, что тетива старшего лучника толстая, сплетенная из трех жил, и не из сухожилий с ног тура, как делают в Артании, а из толстой становой жилы, что идет вдоль хребта, длинной и очень прочной.

Скилл перехватил его взгляд, Придон успел уловить в глазах старшего брата предостережение и запрет раскрывать рот.

В полной тишине Скилл наложил тетиву, начал натягивать лук. Сам лук Рипея был вдвое толще, чем у других лучников, высотой в рост человека, и, когда Скилл оттянул стрелу до груди, Придон едва не вскрикнул, что пора выпускать стрелу, тетива натянута с такой силой, что стрела прошибет щит.

Аснерд ткнул его в бок. Придон выпустил воздух. В абсолютной тишине слышался только скрип сгибаемого лука. Оперенный кончик стрелы коснулся уха, мышцы Скилла страшно вздулись. Он казался человеком, высеченным из самого прочного гранита, но этот гранит живет, тетива отодвигается, отодвигается...

Раздался сильный треск. Неожиданный, страшный, лучники подпрыгнули, роняя луки. В одной руке Скилла по-прежнему зажат кончик стрелы на тетиве, в другой... половинка лука! Вторая бессильно болталась на тетиве, концом касаясь утоптанной земли.

Скилл тяжело дышал, первым заговорил Аснерд, нравоучительно и строго:

— Луки надо в чистоте иметь!.. Ишь, короедов развели!.. Вот и погрызли... То мыши вам тетивы погрызли, то жуки дерево точат...

Лучники, все с желтыми лицами, с ужасом смотрели на шестерых артан. Рипей, тоже с желтым лицом, неверяще смотрел то на Скилла, то на лук, то снова на Скилла. Наконец его синие губы пролепетали:

— Да-да, это все жуки... Наши лучники — лучшие на свете... Наши луки — самые...

Скилл наконец перевел дыхание, сказал все еще хриплым голосом:

— Да, с луками у вас непорядок. Вы, конечно же, самые лучшие, только луки у вас... Ах да, короеды, мыши... Что ж, так и не удастся попытаться счастья... А может, у вас хоть дротик найдется?

Рипей открывал и закрывал рот, потом вдруг в глазах мелькнуло нечто, он сказал отрывисто:

— Норлик, Любисток и ты, Миздра... быстро принесите копьё Яфета.

Один из воинов дернулся, но тут же остановился с распахнутым от удивления ртом:

— Но это же...

Рипей метнул быстрый взгляд на артан, процедил одним уголком рта:

— Выполняй!

— Однако...

— Выполняй, или сегодня же быть тебе на колу!

Воин, а с ним еще два быстро метнулись по направлению к солдатскому барaku. Нет, проскочили мимо, рядом массивное каменное здание, мрачное и угрюмое. В таких держат арсеналы, там хранится оружие древних героев, богатырей, туда редко кому разрешен вход, разве что самому царю и его гостям...

Аснерд присвистнул. Трое стрелков вышли, держа на плечах копьё. Ноги подкашивались, а лица побагровели от натуги. Не доходя до Скилла трех шагов, разом качнулись, копьё упало на каменные плиты. Грохнуло, толстый гранит раскололся, глубокая трещина пробежала по камню. Края приподнялись, словно не толстая плита, а куст кувшинки на болоте.

Рипей сказал злорадно:

— Это дротик. Не копьё, а дротик. Некий герой, естественно куяв, бросал этот дротик во врагов. Так гласят наши записи. Ну, попробуйте?

Придон качнулся в сторону дротика, пальцы Аснерда ухватили за плечо и крепко сжали. Если у Придона плечо как гранитное, то пальцы Аснерда способны дробить гранит.

Скилл нагнулся, лучники затаили дыхание. Его пальцы коснулись поверхности дротика: весь из металла, цельнокованный, синеватый окрас говорит о хорошей закалке...

У всех вырвался взглас, когда артанин без заметных

усилий поднял дротик. И как поднял, одной рукой! Левой рукой!..

Придон гордо улыбнулся, расправил плечи. Он ощутил, что дышит уже свободно, сердце стучит, как горячий молот. Мышцы расслабились, он инстинктивно напрягал все тело, помогая брату поднять это проклятое копьё, которое называют метательным дротиком.

Скилл взвесил дротик в руке. Мышцы перекачивались под кожей, жилы на шее напряглись, а на висках вздулись синие вены. Лицо у Скилла было задумчивое, отрешенное. Наконец он повернулся к дубу. Свободные от испытаний стрелки торопливо сняли утыканный стрелами щит, взамен прицепили вдвое больше, толстый, с большим кругом посредине.

Скилл расставил ноги, рука вскинула дротик. Придон заметил, да и все заметили, что Скилл опустил дротик на плечо, словно бы для того, чтобы поудобнее перехватить пальцы, но на самом деле переложил тяжесть, рука человеческая не в силах держать такой вес!

Он сделал пару глубоких вдохов, затем запер дыхание в груди. Сделал шаг правой ногой, чуть откинулся назад. Бросать будет с места, понятно, правая рука вытянулась вперед, помогая сохранить равновесие...

Скилл откинулся еще чуть, затем качнулся всем корпусом вперед, перенося вес на правую ногу. Придон видел, с каким чудовищным усилием брат оторвал от плеча и метнул дротик, мышцы едва не лопнули от натуги, и лишь тогда с шумом выпустил из груди спертый воздух.

Дротик вылетел из ладони, исчез... Придон наконец понял, что Скилл метнул дротик очень быстро и с нечеловеческой силой. Раздался страшный треск, грохот и даже странный звон, будто лопалась туго натянутая земля под ногами.

Во все стороны брызнули, как черепки глиняного кувшина, щепки от щита. Огромный дуб треснул пополам, будто незримый великан рассёк его мечом. Из белой стены, что за дубом, сыпались искристые осколки. Дротик, со-

гнувшись от удара, упал на землю, за ним медленно оседала белая каменная пыль.

Половинки дуба, блестя оранжевым нутром, под тяжестью ветвей медленно валились в стороны. Треск усиливался, раненый ствол пытался удержать зеленую массу, со злым шелканьем вылетали, как швыряльные ножи, щепки. Половинки дерева изогнулись, как два направленных под углом к небу лука, зеленые верхушки почти коснулись крыши казармы, а с другой стороны — затейливого храма куявского божества...

...Затрещало сильнее, к небу взметнулись отстреливаемые щепки, похожие на странных белых птиц, половинки разом преломились, грозя небу острыми расщепами. Загрело, это масса ветвей продавила крышу казармы, а на другом конце с таким же грохотом рассыпался, как песочный домик, храм куявского бога.

Желтые лица лучников стали белыми. Рипей стоял с отвисшей челюстью, ноги начали дрожать, потом затряслось, крупно задрожало все тело. Зубы стучали, словно по листу железа колотил крупный дождь.

Аснерд звучно хлопнул Скилла по плечу:

— Я ж говорил, что дротик — это не скучно! А то стрелы, стрелы... детская забава.

Олекса и Тур сияли так, что их лицами можно было самые темные ночи превращать в день. Вяземайт ликующе бил себя кулаком в раскрытую ладонь. Глаза не отрывались от той массы ветвей, что погребла, разрушив до основания, храм. Что в Куявии за боги, не сумели защитить свой жертвенник? Да такую страну придем и возьмем голыми руками. Сожжем все города и возьмем всех женщин!

— Дерево-то сгнило, — сказал Аснерд авторитетно. Он обвел взглядом двор, дальние постройки, красочный дворец. — Да не только дерево.

Тур поплевал на ладони, взгляд прицельно пробежал по уцелевшему арсеналу, замерил расстояние. Потом перевел взгляд на сверкающий дворец.

— А булавы у вас нету? — поинтересовался он. — Я страсть как люблю булаву метать.

Рипей сильно вздрогнул. Лицо из белого стало синим.

— Нет, — просипел он слабо, — нет, булавами мы не...

— Жаль, — сказал Тур сокрушенно, — ну хоть палицу, а?

— И палицы нет, — ответил Рипей торопливо.

— И палицы нет? — протянул Тур. — Ну хоть дубину, простую дубину...

Череву, на лице которого менялись то испуг, то проступало удовольствие, потрогал Скилла за локоть.

— Пора идти, — напомнил он. — У нас, конечно, и жуки жукастее, и черепахи черепастее, но вас заждался великий тцар.

Тур огляделся, взгляд упал на массивный камень, размером и формой напоминавший спящего буйвола. Судя по истоптанной копытами земле, с этого камня особо грузные военачальники взбирались в седло.

— Ну хоть этот камешек? — сказал он с надеждой. — А то все уже развлеклись...

— Нет! — едва не закричал Рипей. — Нет! Вас ждут во дворце! Это просто невежливо заставлять себя ждать!

Тур удивился:

— Невежливо? А что это?

Артане ржали, как кони. Наконец Аснерд ухватил сына за плечо.

— Пойдем, пойдем!.. На обратном пути бросишь. Даже два раза.

Тур пошел с отцом нехотя, но обернулся и крикнул весело Рипею:

— Ты жди нас!.. И камешков приготовь больше. Я страсть как люблю кидаться...

— Мало я тебя порол, — сказал Аснерд сурово.

— Мало, — ответил Тур счастливо. — Потому я и вырос таким здоровым. А мог бы, страшно подумать, умным!

Придон прошептал идущему рядом Вяземайту:

— Я не думал, что мой брат так чудовищно силен!

Вяземайт, как всегда, сказал загадочно и непонятно:

— Сила, с какой мы бросаем копья или стрелы, зависит от силы, которую имеем над собой.

— От власти, — поправил Аснерд.

Вяземайт поморщился, но кивнул:

— Пусть от власти. Одно и то же.

А добрый Аснерд звучно хлопнул Придона по спине.

— Ничего, ты к этому придешь... может быть.

Заохотал, довольный. Придон ответить не успел, повернули за угол, с этой стороны дворца широкая площадь, вымощенная плотно подогнанными плитами из серого гранита, а ко входу ведут широкие ступени, тоже полупрозрачные. Когда Придон занес ногу на первую, то напрягся, чтобы не поскользнуться на этом дивном льду. Череву уже почти бодро поднимался на пятую ступень, последнюю, дальше широкая площадка, закованные в дорогое железо стражи, настолько огромные, что похожи на статуи, украшающие дворец.

От ступеней несет бодрящим холодком, словно в самом деле из льда. И даже от стен дворца, что должен накалиться за знойный день, накатываются волны прохлады, свежести.

Череву что-то сказал стражам. Те совещались, послали за старшим. Придон видел, что даже его неустрашимый старший брат и все спутники воеводы притихли, их голоса упали до почтительного шепота.

ГЛАВА 7

Стражи вернулись с крупным, как гора, мужчиной, Придон с содроганием смотрел в широкое, как медный таз, лицо. Грудь исполина выглядит шире сорокаведерной бочки, ноги как колонны, что поддерживают свод дворца, а руки подобны бревнам.

Голова размером с пивной котел, шея шире головы, короткая черная борода падает на толстый панцирь из такой же черной бронзы.

Он всмотрелся в артан, они вздрогнули от его мощного рева:

— Гости тцара? Я — Дунай, бер из рода Фаона, командующий северными войсками. Великий тцар Тулей послал меня встретить вас... поприветствовать и проводить к нему.

Придон ощутил неладное, Череве съезжился, пугливо отступил в сторонку. Гигант шагнул, протянул руку для приветствия. Скилл посмотрел как на пустое место, он-де обменивается рукопожатием только с самим тцаром или его сыновьями. Вяземайт смотрел хмуро, не двигаясь с места, у волхвов свои обычаи, а жизнерадостный Аснерд сделал шаг навстречу, протянул руку:

— Вот и хорошо! Воинов должен провожать воин...

Их ладони соприкоснулись со звуком двух столкнувшихся кораблей. Придон, да и все, включая Череве и стражей у двери, напряженно наблюдали, как два гиганта застыли, все еще всматриваясь друг в друга с окаменевшими улыбками. Что творится под доспехами чернобородого, Придон не видел, но под толстой кожей Аснерда шелохнулись и застыли толстые, как валуны, шары мускулов.

Несколько мгновений стояли неподвижно, чернобородый наконец сказал сдавленным голосом:

— Я рад... что явились... настоящие воины...

Аснерд ответил таким же задушенным голосом:

— Мы тоже...

Его лицо медленно багровело. Но и чернобородый стал красен, как небо на закате, на лбу выступили мелкие капельки. Он закусил губу, в глазах мелькнуло злое торжество. Придону показалось, что Аснерд стал вроде бы меньше ростом, плечи старого воеводы поникли... или он просто выдохнул воздух, вот грудь снова раздвигается...

В мертвой тишине, когда никто не двигался, даже не дышал, вдруг послышался тонкий хруст, словно переломилась хрупкая веточка. Чернобородый вздрогнул. Хруст повторился. Чернобородый попробовал отдернуть руку, Придон с ужасом и ликованием видел, как между сжатых ладоней брызнули тонкие красные струйки.

Аснерд выдохнул:

— Мне здесь... нравится.

Он разжал пальцы. С белым, словно дорогое полотно, лицом чернобородый торопливо вытащил из этого капкана нечто залитое красным, смятое, с торчащими белыми косточками, прорвавшими кровотокающую плоть, и длинными доскутками содранной кожи.

Чернобородый ухватил искалеченную ладонь другой рукой, прижал к груди и, шатаясь и тихонько завывая от боли и ужаса, метнулся вдоль стены. Там его подхватили под руки.

Аснерд вытер окровавленную ладонь о кожаные штаны, вид предовольный, хотя грудь вздымается часто, бросил Череву:

— Ты куда? От нас отлепиться не так просто!

Стражи поспешно распахнули ворота. Череву быстро пошел вперед. Артане двигались за ним тесной стайкой, инстинктивно черпая смелость в близости друг к другу.

Внутри исполинский дворец заставил сердце Придона сжаться в комок. Свод уходит в таинственную высь, вдоль стен на высоте человеческого роста в два ряда пугающе разбрасывают непривычно желтый, почти солнечный свет масляные светильники. За цветными изразцовыми плитками угадываются чудовищные блоки камня, из которых самые малые сюда могли дотащить разве что по тысяче сильных рабов.

Придон чувствовал разлитый в воздухе аромат. Аснерд и Вяземайт, самые бывалые, начали переглядываться, в глазах насмешка, воевода даже коротко ржанул: только слабые женщины допускают ароматы в свои закрытые покои, а мужчинам нет краше запахов крепкого пота и поджаренной на огне костра дичи!

Приближенные тцара с поклонами указывали дорогу из зала в зал. Череву двигался впереди, даже походка была вялой, болезненной, слегка прихрамывал. Скилл отпустил шуточку насчет перепоя, Аснерд и Вяземайт радостно заржали.

Череву морщило, однако по мере приближения к внутренним покоям тцара спина выпрямлялась, взгляд становился все тверже, яснее.

Когда уже, казалось, идут через спальню тцара, их встретил человек в блистающей одежде, Придон даже не определил ее цвета, быстрым шепотом что-то сказал Череву. Череву остановился, засопел, спросил с неудовольствием:

— А что теперь?.. Ты посмотри, кто со мной.

— Да вижу, вижу...

— Я боюсь с ними оставаться лишнюю минуту. Чем заняться?

Человек сказал быстрым шепотом:

— Займи пока чем-нибудь. Сходите в оранжерею...

Череву посмотрел с подозрением.

— В оранжерею?

Блистающий человек отпрянул, выставил перед собой короткие ручки.

— Ну, согласен, согласен, не подумал. Не надо на меня... орать. Тогда в зверинец своди. Вчера привезли новых львов, носорога. А еще зверя, что ходит как человек, только весь в шерсти, а кричит, как птица Симург. Это не может быть ее птенец?.. Вдруг варвары знают?

Череву процедил зло:

— Может, знают. Но не хочу рисковать, зверей жалко. Это ж артане.

— Тогда на кухню, — предложил блестящий торопливо. И тоже добавил: — Это же артане!

Череву покосился на артан, плечи опустились, сказал упавшим голосом:

— На кухню... на кухню — да... Там звери все равно давно убитые. Артанам не разгуляться.

— Сплюнь, — посоветовал блистающий.

Череву с трудом повернул голову и пошевелил губами, словно собирался плюнуть. Артане не обратили внимания, но Придон, что изнывал от безделья и муки ожидания, спросил тут же:

— А что ты делаешь?

Череве взглянул на него недружелюбно, буркнул:

— А это я... свинину не ем!.. Пойдемте, не останавливайтесь.

— Свинину? — удивился Придон. — Какую свинину? Свинину ты ешь, знаю! Еще как ешь, прямо сам, как... ну, как будто ешь соотечественника.

Череве хмыкнул, пояснил, даже не обидевшись на мальчика:

— Ты не ешь свинину, а я плюю на демона. Понял? У каждого народа свое свининонеедение.

— А что за обычай? — спросил Придон жадно. — Ну скажи!

Череве вздохнул, посмотрел по сторонам, но все занят рассматриванием залов, через которые идут, начал объяснять с неохотой:

— На одном плече у каждого человека сидит добрый демон, на другом — злой. Человек волен показывать, на чьей он стороне, поплевав на демона. Один демон подсказывает добрые поступки, другой — злые, но это для невежественных людей, а мы, посвященные, знаем, что один склоняет человека жить просто, обыденными заботами и обыденными радостями, а второй постоянно напоминает, что человек — это нечто более высокое, чем он есть сейчас, что человек — это одичавший бог, растерявший свое наследие. И что он должен жить более высокими идеями, чем просто животное, которое умеет строить дома...

— Так это же прекрасно!

Череве скривился, будто хватил уксуса.

— Не все так просто, увы. Кто сможет все время жить высшими идеями, отдавать жизнь за отечество? Мы все-таки хоть и боги, но — одичавшие, хе-хе. А одичавшим многое позволено... Ведь одичавшее в нас тоже требует своей доли, понял? Если совсем ничего не давать, то... Впрочем, иным удастся, но это — подвижники, аскеты. Остальные ж просто люди, юный варвар. Потому надо соблюдать...

Он запнулся, подыскивая слово. Придон шел рядом,

уже не замечая красот дворца, подхватывая странные слова, где таилась мудрость куявов.

— Что соблюдать?

— Гм, некоторое равновесие. Между этими демонами, разумеешь? Медленно и очень постепенно увеличивая долю того демона, что призывает жить душой, а не плотью.

Придон поморщился.

— Медленно... Что за трусость? Я могу с этим демоном справиться! На каком плече, говоришь, сидит?

— Плюй через левое, — посоветовал Черевое. — Обязательно попадешь! Хотя невидим и бестелесен, но плевок в свою сторону ощутит.

— Как? — спросил Придон.

— Но ты же ощущаешь недобрый взгляд? Тебе становится тепло от дружеской улыбки?

Придон подумал, фыркнул презрительно:

— От улыбок куявов? Не смеши. От ваших улыбок мне тошно.

На кухне прождали недолго, хотя куявы, судя по их виду, совсем не считали, что артане просто убивают время. Один из поваров даже вздохнул, глядя на замаривающих червячков артан: сколько волка ни корми, он все ест и ест, но артане ели и пили просто так, чтобы чем-то заняться.

Аснерд спросил у Придона:

— А ты хоть знаешь, почему куявы так любят свиней?

— Ну?

— Куяв любит свиней потому, что кошки смотрят на него сверху, собаки снизу, а свињи — как на равного.

Олекса захохотал, едва не удавился куском кровяной колбасы. Тур спросил непонимающе:

— А как же их едят?

— А куявы все едят, — объяснил Аснерд очень серьезно. — Даже друг друга! Прямо поедом.

Тот же человек в блестящей одежде прибежал со всех

ног, закричал, что тцар изволил отпустить послов, сейчас вкушает отдых. Череве сказал торопливо:

— Быстро, быстро!.. А то перехватят!

— Кого? — не понял Скилл.

— Тцара! Думаешь, одни мы стараемся попасть на прием к великому и могучему тцару?

Почти бегом пересекли два просторных зала, уже не обращая внимания на чудеса. У входа в третий стражи скрестили копья. Череве небрежно махнул рукой:

— Это со мной, мои личные друзья.

Стражи молча отступили.

Придон переступил порог, вздохнул с облегчением. Не зал, а простая комната, хоть и кричаще богато отделана серебром и золотом, а драгоценные камни не к месту торчат даже из стен. Да еще лестница из дорогих пород дерева ведет вверх, там, похоже, спальня.

В комнате два длинных стола и широкие лавки: сиденья и спинки умело обтянуты толстыми шкурами редких зверей. В комнате трое: два человека за одним из столов ведут неспешную беседу, а третий нахохлился за их спинами в отдельном кресле, высокий тучный старик, даже в жаркой комнате сидит в шляпе. На нем теплый камзол, толстые брюки, на ногах легкие растоптанные сандалии. Перед двумя за столом широкие кубки на коротких ножках, а на деревянном подносе горка соленых орешков. К удивлению Придона — любимая забава артанских детишек: надколотые, лишь вымоченные в соленой воде, когда скорлупки раскрываются, как устрицы, а соленый раствор малость пропитывает ядрышки.

Мужчины деловито брали орехи, один расщеплял половинки пальцами, другой брал в рот, с блаженным видом смаковал соленость, потом слышался смачный хруст, челюсти мерно двигались, а скорлупа летела прямо на толстый роскошный ковер.

Дрожь пробежала по телу Придона, когда он увидел тцара. В самом деле лев, стареющий, но все еще могучий, способный разогнать стаю волков, сокрушить буйвола и

ударом лапы перебить хребет могучему туру. Голова как котел, седеющие волосы красивыми волнами падают на могучие плечи, сильно оплывшие, роскошный халат скрывает фигуру, но тучноват тцар, тучноват, щеки на плечах, живот на коленях, но руки все еще сильные, пальцы толстые, а орехи трещат, как хрупкие перепелиные яйца.

Второй, который брал орешки в рот, сухой худой старик с морщинистым длинным лицом, одет в халат, разри-сованный хвостатыми звездами, явно маг. Седая голова без привычного колпака с высоким верхом, но все равно, как твердо решил Придон, это маг. А то и чародей.

Маг повернулся, Придон понял, почему орешки раскусывает зубами. На месте правой руки болтается пустой рукав. Не похоже, что старик даже в молодости был воином, не то у него лицо, не тот взгляд, так что руку мог потерять в схватке с демонами. Не все демоны, говорят, покоряются чарам...

Череву выждал чуть, кашлянул.

— Светлому вниманию Вашего Светлейшего Величества, — сказал он почти нормальным голосом, — я представляю своих друзей из Артании... что приехали ко мне в гости!

Глаза всех трех мужчин с интересом пробежали по мужественным фигурам артан. Все шестеро инстинктивно напрягли мышцы, только Придон пока еще смутно, но уже ощутил, что в этой стране к силе относятся без почтительности, оставив ее рабам и диким животным.

Лев в роскошном халате небрежным жестом пригласил их к столу.

— Хорошо, — произнес он сильным, чуть хрипловатым голосом, — что не послы... Мы сейчас изволим отдыхать после вчерашнего пира. Рассаживайтесь, рассказывайте, что интересного у вас в стране, что интересного узрели в нашей...

Череву выждал, пока сядут его «гости», но сам опустился на лавку с таким облегчением, что даже тцар улыбнулся, все понял. Артане сели рядышком, спины все такие

же прямые. Лица неподвижные, ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего движения, мужчины не должны ронять себя, потеря лица на людях — страшнее позора умереть в постели.

Конечно, все шестеро, хоть и с неподвижными лицами, старались ухватить в поле зрения как можно больше. Кто больше видит и больше понимает, тот сильнее. Так же пристально, хоть и намного откровеннее, рассматривали их тцар, маг и третий, тучный старик.

Тцар сказал с великолепной небрежностью:

— Меня вы знаете, тцар Тулей, это вот мой советник — великий маг Барвник, а это управитель дворца и тоже советник, бер Щажард, самый мудрый управляющий в стране. Свои имена можете не называть, все равно не запомню.

Сам он смотрел на артан с ленивым интересом человека, которому показывают дивных зверей, но он видел и куда дивнее. Советник и маг Барвник поглядывал чуть доброжелательнее, только управитель Щажард смотрел на варваров с хмурым недовольством. Гораздо богаче и значительнее живет он сам, могущественный Щажард, как и другие приближенные к тцару люди. Им доставляют с горных озер редкую рыбу золотоперку, что похожа на бледную ящерицу с мизинец размером, с другого конца страны привозят к этой рыбке на быстрых конях травку ирперлу, что растет только в одном-единственном месте, а с берега озера привозят удивительных червей, которых считается изыском есть живыми, они тогда так уморительно пищат. Можно сделать блюдо из жареной рыбки и живых червей, все это посыпать травкой тарна...

Но эти варвары! Как уже доложили во дворце, артане на базаре сожрали по жареному гусю, потом побродили по городу, наткнулись на корчму, зашли и опустошили все запасы оленины, поели карасей в сметане, освоили тазик знаменитых куявских вареников, потом их призвали во дворец, где в ожидании приема забрели на кухню и увидели впервые в жизни такое чудо, как колбаса. Удивились, начали пробовать и, к ужасу и восторгу поваров, сожрали не-

сколько колец колбасы кровяной, колбасы с луком, колбасы с диким чесноком, колбасы копченой и колбасы сырокопченой. Затем заели колбасой печеночной, опустошив запасы на неделю вперед для дворцовой стражи, после чего очень довольные пришли вот и теперь наверняка ждут... когда же наконец начнется пир!

Из боковой двери неслышно пошли цепочкой слуги. Быстро и ловко ставили на столы блюда с только что жаренными гусями, печеной зайчатинной, умело приготовленной рыбой, между блюдами, как по волшебству, появлялись тяжелые кувшины, перед каждым артанином заблестал золотой кубок с рубинами по ободку.

Скилл натянуто улыбнулся, артане сидят ровные, как будто в седлах проезжают после победы перед очами тцар. Только Аснерд взглянул с предостережением. Скилл чуть опустил веки, мол, не волнуйся, я не скажу им все, что о таком думаю.

— Великий тцар, — сказал он с достоинством, — мы артане...

Тулей смотрел с любопытством. В темных глазах поблескивали искры.

— Вот уж не подумал бы!

— Мы артане, — повторил Скилл. — А боги запретили артанам вино.

Тцар всплеснул руками.

— Ох, как я мог забыть?... Акуц, убери с той стороны вино!.. Или, может быть, дорогие гости, все же отведаете?.. В дороге, я слышал, вам позволено пить и есть все?

Придон тяжело дышал, им бросили вызов, ненависть начала заливать чернотой мозг, однако Скилл ответил с холодным спокойствием:

— Когда нет выбора. Но у человека всегда есть выбор.

Слуги очень замедленно убирали кубки с той стороны, где сидели артане. Тцар сказал, улыбаясь с ехидцей:

— Или вы не пьете вина потому, что не доверяете себе?

Придон ощутил на плече тяжелую длань Аснерда. Скилл ответил с вежливым высокомерием:

— Мы себе доверяем. Давайте так: вы пейте вино, как принято у вас, мы не будем пить, как принято у нас... Пейте хорошо, много. И будем вести неспешные беседы. О чем хотите. О небожителях, о древних воителях и славных людях, о тайнах богов и безднах магов...

Тцар чуть сдвинул брови, маг отвел взгляд, не решаясь подсказать тцару. Тот внезапно хохотнул.

— Молодцы! Завидую. Я держу спину прямой раз в год, когда принимаю присягу беров. И то потом неделю хребет трещит!.. Как вам удается все время быть вот такими... прямыми, не представляю. Ладно, пусть каждый ест лишь то, что ел у себя, пьет лишь то, что пьет дома. Гость должен уважать обычаи хозяина, но и хозяин должен чтить обычаи гостя...

Скилл внезапно застыл, потянул ноздрями. Глядя на него, насторожился Аснерд, а Тур вообще опустил нож и двузубую вилку. Придон, еще не поняв, в чем дело, проследил за их взглядами. Двое слуг водружали на середину стола роскошное блюдо. По виду оно напоминало паштет из печени, хотя чувствовался некий странный запах, а в коричневую корочку были воткнуты нежные оранжевые цветы, испускавшие сильный аромат.

Тцар вежливо осведомился:

— Вас что-то тревожит, дорогие гости?

Скилл помолчал мгновение, глаза смотрели исподлобья, а голос прозвучал ровно, даже чересчур ровно:

— Благородный тцар... не этим ли блюдом ты намерен угощать нас?

— Это на всех, — сказал тцар с натянутой улыбкой, — но, я надеюсь, вы тоже оцените умение нашего повара!

— Уже оценили, — ответил Скилл совсем холодно. — По достоинству.

Тцар встревожился, посмотрел на мага, потом на гостей, но даже Скиллу показалось, что тцар чересчур выказывает недоумение, слишком уж демонстрирует.

— И что не так? — спросил тцар.

— Мы не едим свинину, — ответил Скилл ровно. —

Ваш повар, зная это, не стал подавать свинью в зажаренном виде, как вы едите обычно, но даже этот паштет он постарался украсить цветами, чтобы отбили запах. А ведь всем известно, что даже нечаянно съеденная свинина — большой грех для артанана.

Олекса ахнул, нож и вилка выпали из его пальцев, а рука взметнулась к плечу, где пальцы должны были ухватить рукоять топора. Тцар быстро взглянул в его белое от бешенства лицо.

— Вы — первые артане, ступившие в мой дворец!.. Мой повар мог вообще не знать, что артане едят, а что не едят. Или же не считал это уж очень большим проступком... и хотел, чтобы вы оценили его мастерство. Словом, не надо это рассматривать как враждебность! Если вам вид этой свинины так неприятен, я велю убрать, чтобы не смущать вас.

Он хлопнул в ладоши. Появились слуги, тцар указал на блюдо, но Скилл живо запротестовал:

— Ваше Величество!.. На благородный жест следует отвечать благородным. Я прошу вас оставить это блюдо на месте. Мы, правда, к нему не притронемся, но всем нам в самом деле доставит удовольствие видеть, как вы... будете есть это...

Он не договорил, смотрел прямо и чисто, однако даже Придон уловил глубоко спрятанное тяжкое оскорбление в адрес куявского тцара и всех на той стороне стола. Да, пусть едят это нечистое животное, пусть. Нет выше зрелища, чем видеть унижение врага.

Тцар, похоже, все же не уловил подтекста, небрежным движением головы отослал слуг в свои ниши.

Старый маг наклонился через стол к Вяземайту. Выцветшие от старости глаза смотрели серьезно.

— Я прошу меня простить, — сказал он серьезно, — я ни в коем случае не хочу никого обидеть... просто, как мага, мне важнее знать причины разных явлений или запретов, чем способы заточки мечей или как одним ударом раз-

рубить двойной панцирь. Мне интересно, что лежит в основе запрета... есть свинину?

Вяземайт хмуро улыбнулся, кивнул в сторону Придона, Тура.

— Почему не спросить у них?

Маг поморщился.

— Я знаю, что ответят. Что свинья — нечистое животное, ибо ест все... Ни одно животное не жрет все, только свинья! Это я уже слышал. Но ведь и человек ест все!

Вяземайт кивнул.

— Вот вы и ответили.

Маг смотрел в удивлении.

— Не понимаю.

— Вы уже ответили, — сказал Вяземайт ровно. — Человек и свинья едят все. Мясо человека и свиньи неотлично. В глубокой древности люди ели людей точно так же, как и всех прочих зверей. Потом, когда начали... подниматься по трудной дороге к богам, перво-наперво договорились не есть себе подобных. Но, как всегда, многие не соглашались. А когда запрет ввели силой оружия, так уж пришлось, ибо силой можно подчинить даже несогласных... то эти несогласные убивали людей уже тайком и ели, как и прежде. На базарах человеческое мясо продавали уже не как человечину, а как свинину. Я ж говорю, их мясо неотлично. Затем, когда это стало совсем запретно, человеческое мясо могли есть только тцары, вожди племен. Но и они делали вид, что едят свинину. Так и не удавалось искоренить людоедство, что тянулось сотни и сотни лет... Если не тысячи. Людей ели, несмотря на все запреты! Только прятали под свинину... Человеческое мясо подавалось теперь не только как лакомство для сильных мира сего, но и для тех, кто отказывался, чтобы опорочить их... ибо вкусивший человечины лишался вечного царства на небесах и становился презираемым на земле.

Однорукий маг слушал с неослабевающим интересом. Придон ощутил, что сам с замершим сердцем прислушивается к этой жуткой истории.

— И тогда, — сказал Барвник понимающе, — решили запрет распространить и на свинину?

— Верно, — ответил Вяземайт. — Мы даже помним, когда это случилось. Однажды один из тцаров по имени Тантал, принимая могучего бога с другими богами, подал на стол мясо собственных детей.

Барвник ужаснулся:

— Как можно?

— У него были сотни жен, — отмахнулся Вяземайт, — и тысячи детей. А самое лакомое — плоть себе подобного! Так вот даже боги обманулись и начали поедать человечину, только сам Зевс, так звали бога тех народов, понял разницу в мясе, разгневался... Не помню, что было дальше, кого-то бил, наказывал, низвергал, но серьезного ничего не сделал. Или другой, царь Атрей, угостил Фиеста мясом его сыновей... Правда, потом Фиест сошелся со своей дочерью, а родившийся от такого союза Эгисф отомстил Атрею... Вот именно тогда наши жрецы и решили, что если даже боги обманываются, не в состоянии отличить человеческое мясо от свиного, то надо запретить в наших землях и свинину... дабы никто никогда не отведал человечины даже по незнанию!

Барвник содрогнулся всем телом. Лицо его приняло землистый оттенок. Придону показалось, что его сейчас вытошнит. Однако, совладав с собой, однорукий маг сказал уже рассудительно:

— Ладно, что было, то было давно. Даже очень давно! Сейчас... сейчас даже говорить смешно, что человечину подают на стол!

Вяземайт пожал плечами:

— Вы так уверены?

— Конечно, — ответил однорукий, потом вдруг наморщил лоб, в глазах появились осторожность.

— Я — нет, — ответил Вяземайт, — вы знаете почему.

Куявский маг нехотя кивнул.

— Догадываюсь.

— Потому мы и соблюдаем тот завет Яфета. Он его ввел

не зря, не зря! Много раз обжигался, видел, как другие обжигаются. Но простому народу можно и не объяснять причины. Яфет ввел — этого достаточно. А мы просто чтим память своего великого предка. У вас же, не имеющих великих предков...

Маг сказал удивленно:

— Разве артане и куявы не от одного корня?

Вяземайт усмехнулся.

— Докажите!

— Но легенды...

— Да кого эти легенды убедят? На то и легенды. Но мы выполняем заветы своего предка, разве это не лучшее из доказательств, что мы — его дети?

Аснерд крикнул и, достав из-за пояса нож, который невесть как пронес, отхватил здоровенный кус жареной оленины и тут же принялся запихивать в рот, даже не поперчив, не посолив, не посыпав толченой душистой травой, что усиливает аппетит.

Шажард горестно вздохнул. За такой желудок он отдал бы свой заветный ларец с драгоценностями, даже земли за озером и богатейший лес на кордоне со Славией, только бы вот так же наслаждаться жизнью, аппетитом, уметь чувствовать голод, жажду!

А эти на пиру будут наслаждаться вовсю любой едой, даже простым свежеспеченным хлебом, куда и трав-то никаких особых не добавляют...

Придон отрезал первый ломоть, от стола сладостными волнами накатывают умопомрачительные запахи, желудок уже растолкал в дальние кладовочки те куски, что получил раньше, умял, утоптал и приготовился хватать новые. Рядом двигались локти Скилла, он потянулся за мясом зайца, а Череву, примостившись в одиночестве за отдельным столом, сразу налил себе вина.

Придон уловил, что Тулей и старый маг не столько едят, сколько рассматривают артан. Он и сам постарался взглянуть на себя и артан глазами куявов: полуголые варвары, что среди пышных и разряженных куявов ведут себя

как звери: рычат, громко хохочут, звучно шлепают один другого по широким потным спинам. Едят обеими руками, кости швыряют под стол. Хватают кувшины с плакун-травой и пьют прямо из горлышка, после чего брезгливые куявы не решаются налить себе в кубок и велят слугам подавать им другие кувшины.

Щажард морщился, кривился, а старый мудрый маг сказал ему негромко, но Придон услышал:

— Это тоже спесь...

— Спесь? — переспросил Щажард.

— Да, — ответил маг, чуть улыбнувшись. Посмотрел на артан и добавил: — Только другого рода.

ГЛАВА 8

Трусы, подумал Придон обозленно. Играете непонятными словами, а топоры в вашей жалкой стране мало кто умеет держать в крепких ладонях. Да, жалкая страна, жалкий народ, а мы — Артания, мы — кочевники, мы — Боевые Топоры, мы — «народ, идущий по верному пути». Ишь, своего советника назвал умным! Если про человека говорят, что он умный, значит, у него нет других достоинств.

Маг медленно положил на стол горстку орехов. Придон поймал на себе его взгляд. Судя по взгляду, старый маг ощутил его мысли, его ненависть, его злость, его страстное желание стереть Куявию с лица земли, а свою Артанию сделать единственной на свете. По телу прокатилась холодная волна, словно бросили в реку. Нет, в болото, со дна которого бьют ледяные ключи.

Он с трудом отвел взгляд, потянулся к блюду с мясом. На миг показалось, что коричневая поверхность шевельнулась, задержал руку, нет, померещилось, отрезал кусок и понес ко рту. Пальцы едва не выронили, мясо задергалось, сочный ломоть жареного мяса превратился в огромного отвратительного слизня. Слизень извивался, пытался вы-

скользнуть. Маленькая головка поднялась, уставилась в лицо Придона блестящими глазами на стебельках.

Придон замер, глаза быстро отыскиали Скилла, Аснерда, Вяземайта. У всех напряженные лица, Скилл подносит ко рту ломоть мяса, лицо каменное, но Придон знал все оттенки на лице брата, ощутил с ужасом, что Скилл видит то же самое, однако преодолевает себя, вот поднес кусок ко рту, старается не смотреть, откусил... На лице по-прежнему скрытое отвращение.

Тцар вдруг поинтересовался:

— Как вам наши блюда?

Скилл проглотил кусок, ответил вежливо:

— Спасибо, прекрасная кухня.

— В самом деле? — спросил тцар.

В его звучном голосе Придон уловил сильнейшее разочарование. Тцар слишком пристально всматривается в лица гостей, даже есть перестал, глаза едва не выскакивают из орбит, теряет лицо, для тцара это непристойно.

Аснерд отложил свой кусок и очень медленно, выигрывая время, резал ножом на мелкие части. Вяземайт вовсе застыл, только губы едва двигаются да брови сошлись на переносице, как два грозных войска.

Однорукий маг вздрогнул, глаза расширились. Придон уловил на себе его ищущий взгляд, затем липкое ощущение исчезло, глаза чародея обратились с подозрением к Аснерду, Вяземайту, даже к Скиллу.

— Прекрасная кухня, — повторил Скилл. Он взял второй кусок мяса, поперчил и отправил в рот. — Просто прекрасная...

Тцар смотрел с изумлением, управитель недовольно задвигался на месте. Оба одновременно оглянулись на чародея. Тот сидел с побагровевшим лицом, на лбу выступили капли пота. Губы тряслись, капли пота укрупнялись на глазах, одна медленно поползла, слилась с другой, и вот уже мутная струйка побежала, огибая седую бровь.

Гадкий слизень в руке Придона исчез, теплое мясо приятно грело пальцы. Он с жадностью отправил в рот, проже-

вал, на него посмотрели с изумлением. Он улыбнулся, кивнул, мол, прекрасная кухня, просто прекрасная.

Только Вяземайт сидел неподвижно. Темное от солнечных лучей лицо стало серым, как гранит. Жилы на шее вздулись, Придон ощутил, как от волхва вдруг пошла волна черной испепеляющей ненависти.

Чародей вскрикнул, вскочил. Тулей поморщился.

— Что случилось? Сиди, Барвник.

— Но...

— Сиди, — рыкнул тцар.

Придон отрезал мясо, ел, причмокивал, улыбался, делая вид, что все делает с огромным удовольствием, даже с наслаждением, но в желудке было холодно от мысли, что вдруг да это мясо все же превратится в жаб и слизней уже там, внутри?

Внезапно с той стороны стола пошла волна удушливой вони. Вяземайт глубоко выдохнул, взял с блюда ломоть мяса и посмотрел в глаза чародея. Тот снова поднялся, жалкий, трясущийся, а тцар, морщась, проревел:

— Что... что это?

— Мне надо уйти, — пролепетал однорукий маг.

— Вон! — рыкнул тцар.

Барвник метнулся из-за стола в сторону двери. Стражи поспешно распахнули перед ним створки. За чародеем тянулась по воздуху зеленоватая струя, похожая на редкий расплывающийся дым. Штаны сзади промокли и сильно отвисли.

Скилл отложил недоеденный ломоть мяса прямо на стол и сказал вежливо:

— Да, было очень вкусно.

Аснерд отшвырнул недогрызенную лапку, даже выплюнул недопережеванный кусок прямо на середину стола и сказал недружелюбно:

— Да, очень. Даже очень.

А Тур, что раньше не раскрывал рта, буркнул:

— А запах, запах... Я имею в виду, от... этих блюд.

Придон ликовал молча, а Вяземайт хладнокровно на-

верстывал то, в чем приотстал за время поединка. Тцар хмуро смотрел, как он ловко, со знанием куявских манер перчит и солит, заворачивает в пряные листья и умело откусывает с острого края. Череву улыбнулся и тайком подмигнул артанам, а Щажард хранил бесстрастное молчание. Судя по его брезгливому лицу, ему претили эти детские стычки магов.

Тцар поинтересовался у Вяземайта:

— И долго он будет... так?

Вяземайт пожал плечами:

— Всю жизнь.

Тцар нахмурился.

— Мне он нужен. У меня это сильнейший дворцовый чародей.

— В Артании обходятся без чародеев, — сказал Скилл вежливо.

— Здесь — Куявия, — напомнил Тулей чуть суховато.

— В Артании создали топоры, — ответил Вяземайт с присущей волхвам и жрецам загадочностью, — в Куявии — щиты.

— Что это значит?

Вяземайт вежливо улыбнулся.

— Это значит, что мы многое не умеем из того, что умеете вы.

— Это верно, — согласился Тулей довольно. — Мы многое... Э-э, значит, ему придется самому, да? Как выкарабкаться?

— Вы мудры, тцар, — ответил Вяземайт с поклоном. — У нас бедная магия, да и то все наступательная. Защитной у нас почти нет. Потому я даже не пробовал защищаться от... шуточек. Я просто, просто...

Щажард впервые нарушил молчание, шевельнулся, сказал:

— Просто по-артански нанес удар в лоб. Могучий тцар, наши гости прибыли издалека. Они не простые люди, а великие герои. Это уже... известно. Потому и не прибыл наш полководец Дунай-богатырь, потому что... гм... ему уже из-

вестно. Ну, известно... Хорошо бы узнать их мнение о нашей стране, нашей обороне, наших обычаях...

Скилл взглянул на Аснерда, на Вяземайта, им говорить, но в это время наверху без скрипа отворились двери, Придон увидел полосу света со второго этажа, там появилась женщина в дорогих одеждах. Она спускалась по лестнице очень медленно, двигались только ее ноги, лицо оставалось мертвенно-неподвижным. Все повернули головы и смотрели, как она грациозно переносит себя со ступеньки на ступеньку. За нею шел человек в ослепительно белом плаще и в белой остроконечной шляпе. Только лицо выглядело чересчур смуглым. Пальцы в толстых перстнях, ладони выкрашены белой краской, дальше тонкие кисти прячутся в широких рукавах плаща.

Волосы женщины напомнили Придону родные горы после лесных пожаров, такая же остроконечная башня смугло-черных волос, золотые ленты обвили так плотно, что виден только желтый блеск. Жемчужные нити умело вплетены в волосы и спускаются к плечам. В ушах сверкают огромные серьги, что тоже вытянулись вниз, касаясь плеч. Шея укрыта в три ряда драгоценными камнями, которые переливаются всеми цветами, стреляют искорками, от них по стенам побежали цветные зайчики.

Обнаженные до самых плеч руки густо унизаны жемчужными нитями, а золотые браслеты блистают при каждом движении множеством рубиновых камней. Платье расшито красными цветами, подол тянется по мраморным ступенькам, все выглядит величественно и красиво.

Мужчина, по мнению Придона, больше походил на воина, чем на мага. Женщина произнесла глубоким красивым голосом:

— Мы видели, как выскочил Барвник. На нем... горел халат. Что-то случилось?

Тулей проворчал:

— Просто приболел. У него жар. Не волнуйся.

Женщина сказала:

— Тогда пусть побудет Горасвильд? Он может понадобиться. У вас такие гости...

Щажард опустил голову и рылся в вазе с орешками с таким видом, словно надеялся найти среди них золотой слиток. Тулей поморщился.

— Нет необходимости, — ответил он резко. — Не мешай нам!

Женщина скользнула холодным взглядом по артанам. Придон ощутил на обнаженной коже легкую снежную пыль. Женщина, однако, подошла к столу, но тцар поднял голову и уставился на нее тяжелым взглядом. Ее красивое бледное лицо слегка дрогнуло, в нем появилась неуверенность, на скулах проступили красные пятна. Женщина опустила пальцы на спинку стула, оглянулась на молодого спутника. Тот слегка качнул головой.

— Ну хорошо, — произнесла женщина ровным голосом, Придон ощутил в ее голосе холод стального клинка, — хорошо, беседуйте... Если понадобится, мы с Горасвильдом будем в соседнем зале.

Она повернулась, Придон успел перехватить взгляд, полный ненависти, который она метнула на тцара. Да и артанам, свидетелям ее унижения, взгляд не сулил ничего доброго.

Когда за ними захлопнулась дверь, чересчур громко захлопнулась, тцар потер лицо широкой ладонью, он сразу стал выглядеть старше и утомленнее.

— Моя супруга, Иргильда... И маг Горасвильд, который... помогает ей в ее проблемах. Так о чем мы вели неспешную беседу?

Щажард с раздражением отбросил скорлупки, Череве вздрогнул, встал и почтительно поклонился грозному властелину.

— Великий тцар!.. — провозгласил он пропитым голосом. — Наши гости... мои гости, прости, в Куябе по торговым делам. Нашим странам пора возобновить торговлю, ибо у артан есть то, что нужно нам, а у нас немало того, что пригодилось бы им...

Тцар кивнул, без всякого удовольствия лущил орехи и выкладывал пустые скорлупки в длинную цепочку. На лбу собрались морщины, отстраненный взгляд проникал сквозь орехи, чашу и стол, уходя в глубь земли. После долгой паузы Шажард поинтересовался:

— И что наши доблестные гости заметили достойное для торговли?

Скилл ответить не успел, тцар очнулся, обвел всех взором царствующего льва, великолепно небрежным жестом отмахнулся от канцлера, как от мелкой мухи.

— Да хватит о делах! Расскажите, герои, что интересного увидели вообще? Здесь, в моей стране? У правителя глаза привыкают, многие язвы остаются незамеченными. А вы, с вашим свежим взором сынов Степи...

Скилл сказал медленно, с неспешностью, словно отвечал не сын могущественного тцара, а сам тцар могучей Ар-тании:

— Нам знаком мир твоей страны, тцар. Нового ничего не увидели, ибо ни башен магов, ни лежищ драконов нам не показали... Правда, мы посмотрели, как ваши лучники упражняются... Очень интересно! Нам очень понравилось. Встретили и вашего полководца, неустрашимого Дуная.... Кстати, где он? Но это пустяки. Я не хочу отнимать у вас время, вы заняты очень важным делом, я сам люблю эти орехи... потому сразу скажу о главном.

Придон задержал дыхание. Вся душа тряслась и отчаянно молила брата, чтобы он сказал все правильно, чтобы тцар понял и принял.

— Говори, — обронил тцар.

Он с легкостью расколол орех двумя пальцами, лицо стало строже, а глаза — внимательнее.

— У тебя есть дочь, — сказал Скилл просто. — Ты ее любишь и бережешь больше всего на свете. У меня есть брат, вот он сидит... взгляни!.. которого я люблю и пытаюсь тоже защитить даже от падающего с дерева листочка, хотя о его голову можно разбить все скалы Куявии, ха-ха!... Я хо-

чу, чтобы ты отдал свою дочь за моего брата. Уверен, что мой дядя, он сейчас замещает моего отца, тцара Артании, даст добро на этот брак.

Наступила мертвая тишина. Даже артане сидели не дыша, а у тцара дыхание перехватило от гнева. Лицо медленно начало наливаться кровью. Послышался хруст, из кулака посыпались измельченные в пыль орехи. Брови сдвинулись над переносицей, под сводами прогремели первые раскаты грома, молния в полумраке блеснула пока еще слабо, даже не молния, а зарница, предвестница страшной грозы.

Неожиданно подал голос Щажард.

— Тцар, — обронил он с почтительным предостережением, — ты всегда был мудр и осторожен. Потому Куявия вот уже много лет процветает, стада множатся, народ тебя славит. Ты давно уже... давно!.. не принимал быстрых решений.

Тцар метнул в его сторону лютый взгляд. Грудь оставалась вздутой, как у петуха перед мощным «кукареку», от всего могучего тела пахло жаром, повисла мертвая тишина. Тцар медленно выдохнул, но гнев во взоре остался, а брови как будто сцепились на переносице.

— Ты прав, — сказал он сдавленным голосом. — Быстро решают только пастухи. У них овцы... да еще коровы. А дочь тцара... это не просто молодая девушка. Это еще и выбор: с кем дружить, с кем воевать. Идите, мы ответим... через неделю.

У Придона вырвался горестный вскрик. Аснерд больно ткнул в бок кулаком. Скилл покачал головой:

— Тцар, мы собирались завтра вернуться в Артанию. Мы — сыновья тцара! Мы тоже не можем, подобно пастухам, проводить дни в праздности и глядении на плясунов!

Тцар нахмурился, сердце Придона сжалось, сейчас выгонит, но снова Щажард вклинился со своим вкрадчивым голосом:

— Идите, а я постараюсь уговорить могучего тцара решить вопрос до завтра. Если надо, соберем Совет, но... решим.

Череве все еще вздрагивал, хотя никто их не вязал, двери захлопнулись за их спинами, а стражи не пошли за ними, угрожая копьями. Глаза бера стали круглыми, как у совы. Внизу ждали носильщики, но Череве подозвал их жестом умирающего героя, те, не удивившись, взбежали по мраморным ступенькам, опустили носилки. Череве со вздохом повалился на подушки.

— Вам повезло, — сообщил он артанам. — К счастью, с ним мудрый Шажард. Он вас не любит, но всегда подсказывает тцару верные решения.

— Надеюсь, — буркнул Скилл. Он выглядел рассерженным. — Хотя решить можно было сразу. Все же ясно.

А в покоях, которые только что оставили, Тулей все еще злыми глазами смотрел на дверь, за створками которой исчезли обнаглевшие варвары. Грудь вздымалась, птицы начинали двигаться по халату, как ящерицы, а ящерицы то вылезали на самые видные места, то прятались между складками.

— Ну, — прорычал он. — Что у тебя на уме? Тебе не кажется, что они просто издеваются? Ищут повод к войне?

— Тцар, — сказал Шажард, — тцар!.. Нам в это трудно поверить, но это в самом деле так: бедные дикари рассматривают себя и свою бедную страну как ровню нам, нашей могучей и просвещенной Куявии! Этот дикарь не понимает, что он наносит тебе оскорбление. Он в самом деле уверен, что это вполне равный брак. Ведь наше сокровище, Итания, — дочь тцара, а тот молодой дикарь с лицом в шрамах — сын их степного вождя, которого тоже осмеливаются именовать тцаром!

Он говорил и говорил, голос журчал, как ручеек в саду, где тцар любит уединиться со своими думами. Напряжение незаметно улетучивалось, взамен пришел такой покой, что тцар подозрительно посмотрел на советника: не пользуется ли магией?

— И что ты советуешь? — буркнул он.

Щажард сказал настойчиво:

— Великий тцар, что ты теряешь?.. Этим дикарям все равно не получить наше сокровище. Но прямо вот так взять и отказать... чем будем отличаться от этих простых и прямых, как их стрелы, дикарей? Нет, надо убить двух зайцев одной стрелой, что значит — быть настоящим куявом!

Тцар буркнул досадливо:

— Да знаю, знаю. Это я погорячился. Давно не слышал дерзких речей. Как он осмелился?

Щажард робко улыбнулся.

— Скромность, конечно, украшает, но на хрена настоящему артанину украшения? Он говорит, что думает.

— А думает, что оказывает нам честь?

— Ну да, Ваше Величество. Это же — дети богов!

Тулей зло расхохотался, Щажард умело передразнил надменных дикарей, спросил уже без прежней ярости:

— Что у тебя на уме?

— Если нужно для дела... — начал Щажард вкрадчиво.

— То что? — спросил Тулей с подозрением.

— То я могу Вашему Величеству подержать вдоль и поперек, чтобы вы начинали привыкать.

Тулей отмахнулся:

— Не надо. У тебя слишком злой язык. Что предлагаешь?

— Вернувшись к нашим баранам, то есть артанам, замечу вам почтительно, что жених всегда должен доказывать, что он достоин. Не так ли? Так было везде и так пребудет вовеки. Твое право проверять достоинство так, как считаешь нужным. Можно, к примеру, запросить как выкуп за невесту тысячу табунов скота... Увы, это, немыслимое для любого куява, легко сделают многие артане. Можно потребовать доказать свою силу и удаль в поединках с твоими богатырями, но... боюсь, мой повелитель, что эти братья могут выйти победителями. Ты сам их видел.

— Видел, — ответил тцар. Он зябко передернул плечами. — Звери! Да чтоб я таким отдал свою дочь...

— Вот-вот. Но можно послать за чем-то, откуда этот жених не вернется.

Тулей задумался. Он чувствовал, что Шажард к чему-то подталкивает, но мысль уже пошла пробираться через топкое болото мелочных ежедневных забот правителя великого царства, которому уже не останется времени на великие свершения...

— Есть такое, — вырвалось у него. — Есть! Волшебный меч бога Хорса! Пусть соберет его обломки и доставит мне.

Шажард кивнул. В глазах его цар прочел тщательно скрытое удовлетворение.

— Мудро, — обронил Шажард.

— А выполнит?

— Ты мудр, цар, — сказал Шажард и слегка поклонился. — Ты мудр и велик!.. Даже если этот дикарь сумеет выполнить хотя бы наполовину...

Оба посмотрели друг другу в глаза, оба одновременно улыбнулись, как две гиены над трупом. Даже в самых бедных домах простолюдинов вечерами любят рассказывать, что волшебный меч бога Хорса, натворивший так много бед, однажды отобрал у бога и разломал на части один маг неслыханной мощи. Многие летописи хранят описание, как этот рассвирепевший чародей, с красными, как пламя, волосами и страшными зелеными глазами, ужасный обликом и свирепый нравом, пытался уничтожить меч вообще, но есть деяния, недоступные никому на свете. Тогда чародей отломанную рукоять закопал где-то в Куявии, лезвие — в Славии, а ножны спрятал в Артании. Многие герои пытались отыскать меч и собрать воедино, но уцелевшие возвращались с пустыми руками.

— Даже, — повторил Шажард с нажимом, — если этот дикарь сумеет доставить хотя бы рукоять... или ножны! Хоть что-то, но отыщет все-таки, у тебя появится сокровище.

— Хорошо бы — отыскал, — сказал Тулей с сожалением. — Скажем, рукоять. С нее, говорят, надо начинать поиски.

— С ножен, — поправил Щажард. — Обломки меча нельзя брать в руки... это еще одно заклятие, что наложил тот маг.

— Пусть ножны, — согласился Тулей. — А потом пусть и сгинет. Второго героя послал бы за другими обломками... Ведь еще не родился герой, который сумел бы отыскать и собрать все три обломка.

— Да еще и вывезти из чужих земель! — добавил Щажард. — Ведь все наши войска, что посылались в Славия, просто исчезли, великий тцар. Мы даже не знаем, что у них... там.

Тулей звучно хлопнул в ладоши. Слуга вошел с широким подносом в руках. На этот раз в крохотных тарелочках были умело зажаренные кузнечики и сушеные личинки яблочного жука.

Щажард поморщился: как ели эти проклятые артане, как пожирали все, до чего дотягивались руки! Прежнее недоброжелательство превратилось в устойчивую злость, он сказал раздраженно:

— У них сила быков, у нас — мудрость. Что из них правит миром, видно по ребенку, что ведет быка на пастбище... или на бойню.

Тцар жевал рассеяннo, глаза смотрели вдаль, взор проныкал сквозь стены. Снова Артанья! Предложение о торговле, столь нужное для Куявии, однако даже в нем чуеться новая угроза со стороны этих кочевников, варваров, именующих себя народом Боевых Топоров. А еще — «Народом, идущим по верному пути». Им противостоят два, конечно же, подлых народа, укравших у них законное право быть единственными сынами Яфета! Рождаемость высока, все новые и новые отряды выплескиваются кипящими волнами и разбиваются либо о защиту куявов, либо бесследно исчезают в лесах Славии. Но юных героев это не страшит, не страшит.

А здесь этим дикарям... то бишь героям, конечно же, не дает продвинуться и пограбить всласть подлая страна колунов, что раздражающе несокрушима именно в защите.

Правда, эта несокрушимость достигается башнями магов высоко в горах, их мощь от подземных источников колдовской воды, потому сама Куявия никогда не переходит в наступление, не вторгается в земли Артании. Это подается как полное миролюбие Куявии, но если честно, то никакие войска куявов не выдерживают сражений в открытом поле.

Итак, неустойчивый мир... Более выгодный Куявии, Артания не только богаче неисчислимыми стадами скота, что бросается в глаза в первую очередь, но у нее и шахты богаче, там железная руда выходит прямо наверх, золотые жилы из самородков с голубиное яйцо, так что торговать с нею выгодно. К тому же торговлей удастся расшатывать железную доблесть артан, внедрять у них куявскую роскошь, что обязательно смягчает звериные нравы.

А где не удастся повернуть по-своему, то надо как можно дольше тянуть, откладывать, находить причины для проволочек. И всегда успех сопутствует терпеливым куявам.

— Он будет совсем сумасшедшим, — обронил Тулей, — если пойдет искать этот меч.

Шажард развел руками:

— Да, безумец. Разве я доказываю, что он разумен?.. Но, великий тцар, а разве был разумным я, когда оставил ремесло плотника, которое кормило и давало уважение односельчан, и пошел искать... незнамо что? Я сто тысяч раз мог погибнуть, околеть, замерзнуть, упасть в пропасть, подохнуть с голоду. Не говоря уже, что в лучшем случае уцелел бы и вернулся к старости обратно, позабыв мастерство плотника, и доживал бы век, кормясь подаванием?..

Тцар буркнул, морщась:

— Но тебе повезло. Ты где-то на что-то наткнулся. Теперь ты бодр, как молодой бычок, а кости твоих сверстников уже обгрызли черви. Но тебе просто повезло!

— Повезло, — согласился Шажард кротко. — Но если бы я не оставил ремесло плотника и не свершил это безумство... повезло бы мне? А ты, пресветлый тцар? Ты мог бы жить припеваючи в добре и холе в своем крохотном Червя-

чинске. Кто тебя заставил собрать горстку сумасшедших и пойти на Куябу?.. Ведь явившийся из неведомых глубин и захвативший трон Ютигга был силен, за его спиной стояли могучие демоны. Это было безумство — выступить против самого Ютигги!

Тцар усмехнулся, расправил плечи. На миг в грузном правителе проглянул прежний отважный воин с яростными глазами и перекошенным в страшном боевом кличе ртом. Но только на миг, а нынешний тцар повозился в кресле, устраивая расплывшееся тело среди подушек, буркнул:

— Ты прав, это было безумие. Сейчас я бы ни за что...

Его передернуло, на лице проступило отвращение. Щажард поклонился, сказал с нажимом:

— Но ты это сделал. Все знали, что безумство выступить против Ютигги! И сам Ютигга это знал. И все-все знали. Но ты выступил, ты вошел в Куябу, ты разгромил, захватил, поверг, растоптал... Ты сел на трон, и счастливая Куявия пела тебе благодарственные гимны!

Тудей хмыкнул, но лицо посветлело, а в глазах блеснула гордость. Даже плечи с натугой распрямил, словно услышал прежние победные трубные звуки.

— Не понимаю, зачем ты...

— Не отвергай артанина, — посоветовал Щажард. — Он скорее всего сам голову сломит. Такие долго не живут! Это песни о них живут долго. Живут и рожают новых героев... Но если этот артанин совершит то, что ты ему велишь, он из нашего... прости, теста. Прости, что равняю себя с тобой, но я не о знатности... а о том безумстве, которое по воле богов посещает немногих. Мне был глас, чтобы я бросил ремесло плотника и шел искать нечто, тебе был зов, что надо либо пасть в неравном бою, либо освободить страну от чужеземного захватчика... а этому артанину велено пасть к ногам твоей дочери!

Тцар буркнул:

— К ее ногам пали все женихи Куявии.

— Что их ведет? — спросил Щажард со скептицизмом. — Одних — жажда породниться с тобой, других —

твои сокровища, третьих — жажда овладеть таким цветком, как твоя дочь, и бахвалиться перед остальными... Но только артанина ведет сила, более могучая, чем все в человеке. Любовь — та странная мощь, что ставит человека вровень с богами. Пусть над ним смеются дурни, но мы с тобой ведь не дурни? Ты помнишь, что о тебе говорили, когда ты начал созывать людей в поход на Куябу?

Тулей потемнел, брови сдвинулись, глаза выкатились, налились кровью. Он задышал часто, опомнился, выдохнул, сказал сварливо:

— Черт... Не напоминай о том позоре, тех унижениях и тех плевках, через которые прошел!.. Как я жаждал с ними расправиться! Как ночами представлял все те пытки и казни, через которые проведу мерзавцев, чтобы умирали долго, медленно!.. А уже потом, когда победил и сел на трон, уже велел позвать палачей... но понял, что пришлось бы перебивать всех, с кем тогда сталкивался, говорил, общался.

Щажард тонко улыбнулся.

— Зато заслужил славу мудрого, доброго, всепрощающего, справедливого правителя.

— Да не от всепрощения, — огрызнулся Тулей. — От бессилия! Вот и живем теперь среди... среди...

Щажард подсказал мягко, в голосе глубокое сочувствие:

— Среди нормальных. Сами тоже нормальные. Уже. Но мы еще помним, хоть с каждым днем все слабее, что такое — безумство!

Тулей вдруг зябко передернул плечами. Голос дрогнул:

— Ты так его хвалишь... А что, если в самом деле соберет... меч?

— Жизненный опыт, — сказал Щажард тихо, цар уловил печаль в голосе, — да и немалые жизненные наблюдения говорят, что все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, но не исполняют даже возможного!.. Что им застит глаза, не знаю. Наверное, слишком стар, чтобы понять. Но это значит, что дикарь не соберет весь меч. Погиб-

нет в поисках. Но... возможно... только возможно!.. что сумеет добыть и принести хотя бы рукоять или ножны.

Тудей подумал, кивнул:

— Да, уже это было бы неплохо. Решено!

— Но пару дней надо взять на раздумья. Для важности. Простой народ... а артане все простые, как муравьи, будут уважать больше.

ГЛАВА 9

Скилл с воеводами отправился в корчму при постоянном дворе. Звали и Придона, но Придон только представил это затхлое помещение с запахами кухни, кислого вина и дешевого пива, скривился. В Куябе достаточно чудес, лучше уж походить по городу.

Аснерд многозначительно заметил, что в корчме не только пьют, там разный народ бывает, очень разный, но Скилл обнял воеводу за плечи и увел, сказав, что Придону сейчас не до интересов Артании.

Немного пристыженный, Придон вспомнил, что в корчме всегда можно узнать многое от торговцев, контрабандистов, его спутники умеют совмещать приятное с полезным, но вдруг с ужасом ощутил, что в этот момент для него в самом деле интересы Артании как-то поблекли.

Он крикнул мальчишке:

— Оседлай коня!

— Господин собирается уезжать?

— Нет, — ответил Придон, — немного поброжу по городу.

Мальчишка удивился:

— На коне?

— Не на козе же, — ответил Придон, он не понял, что удивило малолетнего куява.

Мальчишка торопливо оседлал его жеребца. Придон прыгнул в седло и сразу ощутил себя намного увереннее и сильнее. И потому, что смотрит с высоты рослого коня, и

потому еще, что за плечами огромный боевой топор. Кто бы ни посмотрел, сразу начинает разговаривать уважительно.

Правда, когда выехал за ворота, некоторое время чувство неправильности не оставляло, но незаметно улетучилось, как сырость на ярком солнце. Копыта стучат звонко, он на рослом коне поглядывает на всех и на все свысока, а народ пугливо обтекает его, как зайцы, что страшатся приближаться ко льву.

Конь шел бесцельно, Придон очнулся от сладких грез, когда улочка сузилась так, что ноги в стремях начали задевать стены. Дома с обеих сторон старые, из выщербленных камней, а вместо плит под копытами глухо звенит простой булыжник. Да и тот либо торчит, как гнилые зубы, либо камни провалились в землю, словно в топкое болото.

Встретил двух нищих, еще мальчишки играют в стукалку у стены, да на перекрестке с такой же узкой и бедной улицей прямо на земле сидит, прислонившись к нагретой солнцем стене, довольно молодой парень. Придон увидел у него на скрещенных коленях доску с натянутыми струнами, парень с полузакрытыми глазами рассеянно трогал их кончиками пальцев. Он касался струн неторопливо, но звуки рождались нежные, приглушенные, слегка печальные. Придон вздрогнул, в его сердце отозвалась такая же струна.

Конь остановился, навис над певцом, как огромная скала. Певец приоткрыл один глаз, Придон поморщился. Глаза певца красные с перепоя, веки опухли, тяжелые, под глазами мешки. Придон уже придавил конские бока, посылая вперед, но струны зазвучали снова. Рука сама по себе натянула повод.

Словно насмехаясь, певец, не открывая глаз, пощипывал струны, а в груди Придона отзывалось сладкой болью. Почему-то всплыло лицо Итании... нет, оно и не исчезало, но просто наполнилось красками, улыбнулось, ее губы слегка полураскрылись, словно она говорит ему что-то неслышимое.

— Хорошо играешь, — сказал Придон грубо. Он ста-

рался сбросить с себя наваждение. В Куявии все колдуны, все стараются одурачить честных артан. — Лови монету!.. А что-нибудь воинское умеешь?.. Или только о цветочках?

Он захохотал громко и нагло, как должны смеяться мужчины. Певец подобрал монету, теперь глаза раскрыты, кивнул, хриплый с перепою голос стал подобострастным:

— Мы всё должны уметь, великий воин!.. Иначе кому такие нужны?

Пальцы быстро забегали по струнам. Придон услышал грозный рев боевых рогов, затем донесся стук копыт, это один всадник, за ним скачет сотня, а вот уже несется неудержимо вся лава, гремит боевой клич, на солнце грозно блещут вскинутые над головой боевые топоры!.. Вот лязг металла, ржание раненых коней, яростные крики воинов, стоны раненых, призывы вожаков отрядов, снова рев боевого рога, грохот, крики, звон металла, жуткий свист летящих стрел...

Он втянул голову в плечи, захотелось укрыться щитом от удара сверху, но струны зазвучали иначе, он ощутил, как из-за туч выглянуло солнце, жаркие лучи упали на его обнаженные плечи, ласково согрели спину, уже нет никакого ратного поля, он идет через цветущий луг, сочная трава колышется на уровне пояса, всхрапывают сытые кони, над головой щебечет беспечная птаха...

...И вдруг на синее чистое небо с севера быстро двинулась невиданно черная тяжелая туча. Оттуда бьют молнии, а в земле вспыхивают огни. Стена огня идет в его сторону, он оглянулся в страхе, но с той стороны вздыбилась отвесная каменная стена, уперлась в небосвод так, что там затрещало, посыпались крупные осколки хрусталя. А туча все ближе, огонь торжествующе ревет, ветер донес волну жара, закрылся руками, но чувствует, как вспыхивают брови, горят волосы, а глаза от страшного жара высыхают и лопаются.

Он вскрикнул, отпрянул, едва не рухнул с седла. Конь беспокойно переступил с ноги на ногу. Видение исчезло, снова сидит на верном артанском коне, весь дрожит и уже покрылся гадким липким потом, а оборванный певец все

так же перебирает струны, что-то поет на своем языке хриплым пропитым голосом. С губ Придона сорвалось проклятие. Певец оборвал песнь, смотрит снизу вверх. Придону почудилась в глазах певца затаенная насмешка.

— Достаточно ли героическая песнь? — спросил он негромко.

Придон, все еще вздрагивая, выудил из кармана все монеты, бросил прямо на музыкальную доску. Певец довольно вскрикнул, узнав по блеску благородное золото.

— Ты щедр, великий воин, — сказал певец. — Ты в самом деле щедр!

— Ты колдун? — спросил Придон.

Певец отшатнулся, даже стукнулся затылком о стену.

— Зачем мне эти глупости? — спросил он. В голосе певца Придону почудилась обида. — Я намного сильнее... Зачем мне?

Придон пробормотал:

— Сильнее?... Что за дурь... Правда, я теперь уже и сам не знаю, где у вас кончается дурь, а где начинается... другое.

Конь послушно двинулся вдоль домов. Придон с усилием выпрямился, развел в сторону плечи и выпятил грудь, чтобы солнце красиво играло на широких пластинах мышц. Но в черепе все еще звучали то боевой рог, зовущий в схватку, то змеиное шипение молний, что бьют в землю совсем близко, то совсем некстати всплывало прекрасное лицо с удивленно вскинутыми бровями.

Бог, мелькнула суматошная мысль. Бог посещает и этого певца. Не может человек говорить... вот так!

Он ездил бесцельно, стараясь убить время, часто задира голову к небу. Орлы выглядят крохотными крестиками на чистом небе, ястребы, тоже застывшие неподвижно, пару раз заметил настолько медленно плывущие клинья журавлей, что надо долго стоять и смотреть, чтобы увидеть, как перемещаются. Но ни одного дракона, а, по хвастливым слухам, именно драконы и есть основная мощь Куявии...

Правда, есть еще башни магов, но те не сдвинуть, а десяток драконов могли бы рассеять, просто разметать конную армию артан в чистом поле, где не спрятаться в пещеры, за стены. Придон часто представлял себе страшную картину, когда с неба снижаются громадные драконы, на спинах куявы с дротиками и луками, а сами драконы плюются таким огнем, что вспыхивает степь, начинает гореть земля. Всякий раз он содрогался от ужаса и беспомощности, но потом начал ломать голову, почему же куявы не присылают такую армию? Заверения, что куявы такие мирные и добрые, — брехня, нет такого соседа, чтобы не воспользовался силой и не оттяпал у более слабого кусок земли, не заставил платить дань золотом, товарами и людьми.

Были слухи, что драконы не могут улетать далеко от гор, где гнездятся, другие говорят, что огня у дракона хватает только на три выдоха, после чего обязательно садятся и долго отдыхают, а если такой сядет в артанской степи, там он не намного сильнее степного льва, а тех бьют копьями даже подростки.

В корчме за обильно накрытым столом сидели только Вяземайт со Скиллом и Аснердом. Олекса и Тур умолили сурового отца отпустить на улицы куявского града: когда еще побывают!

Вяземайт посоветовал добродушно:

— Пусть идут. У тебя дети степенные. Молодые, а уже держатся осмотрительно, лишнего слова не брякнут. Что с такими орлами случится?

Аснерд махнул рукой, счастливые сыновья умчались. Скилл сказал озабоченно:

— Что-то Придон задерживается.

Вяземайт сказал с кривой улыбкой:

— Он горяч, но умеет сдерживаться. За него не переживай. Он уже увидел, что все куявы нас ненавидят и боятся, но на эту мелочь не обращает внимания... В таких случаях стоит замечать только тех, кто ненавидит вдвойне. Или кто

ненавидит не артан вообще, а именно тебя... Могу сказать, что к числу наших врагов добавились такие могущественные люди, как жена тцара...

Аснерд хрюкнул:

— Это Иргильда, что ль? А мне она показалась вполне, вполне... Чем-то раздражена, но с этим можно поладить. Я даже знаю как.

Вяземайт захохотал. Победно захохотал, запрокидывая голову к потолку, показывая крепкие желтоватые зубы.

Скилл спросил с любопытством:

— А что Аснерд сказал не так?

— Сказал? — переспросил Вяземайт, хохоча. — Он не сказал, он брякнул!

— А что брякнул?

— Все... — едва выговорил Вяземайт, — все не так!.. Он не знает, за что Иргильда так ненавидит однорукого мага! За что готова разорвать на мелкие клочья, растереть в муку...

— За что?

— Тулей, захватив трон, нуждался в поддержке местной знати. Он взял в жены дочь самого крупного из боров, чьи земли занимали хорошее положение, а родовые замки превратил в крепости. Надо сказать, что Иргильда тогда была молода и очень красива.

Аснерд сказал с неудовольствием:

— Да она и сейчас ничего. А я бы сделал ее еще моложе.

— Не сделал бы, — заверил Вяземайт радостным голосом. — Щас скажу почему. Тцар часто уезжал на кордоны, надо было замирать соседей, а молодая красавица, оставшись одна... гм... да и чувствовала она, что они с Тулеем не ровня, что ее могли бы выдать за человека более благородного происхождения.

— Дура, — обронил Аснерд веско.

— Еще какая, — согласился Вяземайт. — Теперь эти благородные беры ему сапоги чистят! А он — тцар. Так вот, когда Тулей дознался, что на их супружеском ложе перебивала половина мужчин из дворца, он... не стал ее казнить или искать виновных среди мужчин, что вообще-то мудро,

кто из нас бы увильнул от соблазна? Он просто велел одно-рукому запечатать ей лоно. И с того времени никто из мужчин больше не может... Отныне Тулей уезжал на войны, а Иргильда в бешенстве окружала себя магами, знахарями, чародеями, но, увы, заклятие однорукого намного сильнее.

Скилл сказал задумчиво:

— Понимаю, почему у нее такое лицо.

— А кто этот Горасвильд? — спросил Аснерд.

— Маг, который задержался дольше всех, — отмахнулся Вяземайт. — К тому же — красавец. Обещает, что вот-вот снимет заклятие. Вообще-то он не один вертится вокруг Иргильды. Это от нее слухи, что тцар болен, а когда умрет, она расправится с его сторонниками... На сегодня уже отколола от Тулея половину двора!

Он видел на лицах обоих артан нескрываемое отвращение. Интриги, сплетни, тайные слухи, заговоры... И среди этой гнили расцвел такой дивный цветок, как Итания? Бедный Придон...

Вяземайт добавил вдруг очень серьезно:

— Да, еще забыл сказать. Теперь и мы для нее — враги.

— Тю на тебя, — удивился Аснерд. — А мы при чем?

Вяземайт хмыкнул, мол, сам догадайся, а Скилл сказал серьезно:

— Это понятно. Мы видели, как Тулей цыкнул на нее, как на собачонку. Свидетели ее унижения! С другой стороны, Тулей прав: нельзя наглеть до такой степени даже жене. Когда надо, ее позовут. А то вломилась, как кабан в камыши. Еще и чесальщика спины привела...

Им снова пришлось оставить боевые топоры и даже поясные ножи при входе во дворец тцара. Сердце Придона всхлипывало от изнеможения. Наконец-то его день, наконец-то примерзшее к земле время сдвинулось, вот уже открываются врата...

Снова роскошные залы, один другого краше. К Череву

подошел придворный бер, пошептался. Череву кивнул, повернулся к артанам:

— Тцар принимает послов. Нам предлагают пока, чтобы не скучали, посмотреть дворец, диговинки...

У Придона вырвался вскрик. Скилл усмехнулся, сказал негромко:

— А почему нет? Надо знать, где что лежит.

Во дворце им долго показывали роскошь палат, сокровищницы, доспехи древних воителей, магические кристаллы, волшебные вещи... Но, как заметили артане, равнодушный к украшениям из золота Аснерд все же оживал, когда видел молодых хорошеньких девушек, а их, как нарочито, проводили перед ними часто.

Скилл ткнул его кулаком в бок.

— Седина в бороду, бес — в ребро?

Аснерд погладил чисто выбритый подбородок, глаза его выкатились из орбит, провожая взглядом молоденькую служанку, что несла через зал кувшин на плече. По обычаю куявов обнажена до пояса, юная, грациозная. Покрытые тонким солнечным загаром молодые груди торчат дразняще. Она перехватила жадный взгляд артанского воеводы, ее губы раздвинулись в загадочной усмешке, которую можно истолковать как угодно.

Она уже скрылась, а воевода смотрел в ту сторону, не замечая украшенных серебром и золотом стен, статуй, выкованных из чистого золота массивных светильников.

— Где седина? — спросил он запоздало. — Пока мужчина бреется, у него седины не бывает.

— А на голове? — уличил Скилл.

— На крыше может лежать снег, — ответил Аснерд наставительно, — но в доме может быть тепло! А в очаге вообще полыхать жаркий огонь.

— Что ты называешь очагом?

Придон первым в нетерпении пошел дальше, стремясь поскорее закончить с этим осмотром, словно это могло ускорить прием послов из дальних стран, Скилл двигался рядом, успокаивающе похлопывал по спине.

Вяземайт ткнул Аснерда в спину.

— Пошел, не спи! Что-то слишком часто раскрываешь рот на всех этих... тупых бесстыдниц. Зачаровали?

Аснерд проворчал:

— Те, кто хвалит женщин, знают их мало, но те, кто ругает, не знают совсем. Что, волхвам нельзя? Дурость все ваши запреты. Вот в таких юных и красивых запрятано все главное волшебство Куявии! И вообще, в них и есть вся магия белого света.

— Что ты мелешь, дурак? Совсем из ума выжил?

Аснерд спокойно отпарировал:

— А что, у любви или магии есть что-то общее с умом? От ума мне ни холодно ни жарко. А вот при виде этих молодых и спелых моя жизнь, что уже начинает скучнеть, снова гремит по степи копытами, над головой сверкает и даже поет радуга, а в траве верещат кузнечики!.. Даже зимой верещат, и цветы цветут, если хватаю какую-нибудь в объятия.

Вяземайт в отвращении сплюнул, пошел вперед, стараясь не находиться вблизи распустившегося воеводы. Скилл, который по долгу наследника трона все замечал и слышал, остановился в следующем зале, а когда Аснерд поравнялся, сказал с мягким упреком:

— Зачем волхва дразнишь?

— А дурень, — ответил Аснерд хладнокровно. — Мудрец, а дурень. И дорожка его опасная. Ведь начинаешь с того, что отучиваешься любить красивых женщин... как же — соблазны!.. затем вообще других людей, ибо надо любить только своего бога, а кончаешь тем, что уже и в самом себе не находишь ничего для любви. А это уже не человек.

— Может быть, — сказал Скилл тихо, — становишься выше человека?

Аснерд отмахнулся с великолепной небрежностью чистокровного артанина до мозга костей.

— Но я-то среди людей? Что мне дороги богов?

Он с удовольствием рассматривал женщин, но с не-

одобрением провожал взглядом разряженных мужчин, пышно одетых придворных.

Череве заметил, спросил ядовито:

— Что, не нравятся?

Аснерд фыркнул, как конь.

— Мужчина должен быть слегка неряшлив! Или ширинка расстегнута, или рукав в говне!

Череве в десятом по счету зале со вздохом повалился на роскошный диван. Диван был укрыт шкурой диковинного зверя, Скилл тут же измерил длину, пощупал лапы с оставленными острыми когтями, уважительно покачал головой:

— Да, сильна у вас магия.

Череве открыл один глаз. По красному распаренному лицу стекали мутные капли пота. Толстые щеки блестели.

— Какая магия? — ответил он уязвленно. — Простые охотники добыли простыми копьями. У них даже наконечники не из бронзы, как у вас. Просто жерди с обугленными для крепости заостренными концами. По два-три таких вот зверя в месяц бьют! Скот охраняют.

Скилл усомнился:

— Таких зверей заостренными палками? Бабушке своей расскажи, когда встретишь.

Череве все еще отдувался тяжело. Лицо за эти три дня опухло еще больше, пошло красными нездоровыми пятнами. Сказал раздраженно:

— Уверен, что только у вас воины?.. Отважные воины Степи? Народ Боевых Топоров?.. Налетели лавой, выпустили тучу стрел, унеслись, как стая испуганных ворон!.. А встречный удар вынести сможете?

Артане смотрели, онемев. Череве морщится, слышно, как трещит череп бера, а внутри грохочет камнедробилка, глаза налились кровью, вот-вот лопнут. Видать, забрало бедолагу, обычно куявы на язык осторожные.

Скилл сказал с недоброй улыбкой:

— А вы проверьте. Что стоит куявам хоть раз вторгнуться в наши земли? Увидите, сможем ли защитить.

Череве отмахнулся, в жесте и словах было великолеп-

ное презрение знающего человека к тупым детишкам простолюдинов:

— Что вы можете защищать?.. Вы даже не знаете, где могилы ваших предков!

Под сводами потемнело. Придону почудилось, что едва слышно прогрохотал гром.

Скилл слегка побледнел, желваки вздулись страшные, рифленые. Но сдержал вспышку гнева, ответил сдержанно:

— Мудрецы говорят, что, когда мы умираем, наши тела становятся землею. Когда я умру, то уйду в свою землю... В которой сейчас мой дед, которого я так любил, его отец и отец его отца, все их братья и сестры! Мне ли не защищать землю, что вся из моей родни?.. Ту самую, что и есть моя кровная родня?

Аснерд громко кашлянул. Когда кашлял воевода, это было похоже на звук лопающегося льда в весенний ледоплав. Сейчас же светильники по всему огромному залу колыхнулись, а ближайшие погасли, как под ударом сильного холодного ветра.

— Мы все устали, — сказал он мирно, — все мы злые. Мне кажется, что с послами ваш пресветлый тцар уже не только все обговорил, но и опустошил винные подвалы...

Череве провел ладонью по лицу, а когда убрал, глаза снова были острые и осторожные.

— Ты прав, воевода. Нас уже тошнит друг от друга. Вы предпочитаете откровенность, так вот я вам и дал... откровенность. Эй, Липяк!.. Сбегай узнай, примут ли нас?

Молодой воин умчался, а воевода подошел, могучая длань хлопнула Череве по плечу.

— Откровенность — удел сильных. Нас с Вяземайтом тошнило друг от друга, но в битвах мы не раз прикрывали друг другу спины. А вот лстецы страшнее...

Череве слабо улыбнулся.

— У нас говорят, бояся человека, что не ответил на удар.

ГЛАВА 10

Придона трясло так, что он слышал, как стучат его кости. С обеих сторон проплывают отвесные стены гор с выглядывающими оттуда драконами, глаза горят, из пастей огонь, но стены — не горы, да и драконы — всего лишь светильники в виде страшных голов. Под стенами зачем-то народ в пестрых одеждах...

Череве остановился перед дальней дверью. Двое стражей гигантского роста, таких не отыскать даже в Артании, застыли, как каменные статуи. Череве с усилием выпрямился, раздвинул плечи. На лице бера появилась значительность.

— Нас ждут, — сообщил он.

Стражи пристукнули древками копий, сделали по шагу от двери. Череве вздохнул, его белые пухлые пальцы легли на украшенную золотом массивную ручку двери.

Придон задержал дыхание. Дверь медленно отворилась, из помещения навстречу ударил яркий свет, словно дверь ведет не в другой зал, а в мир залитого солнечным светом золотого песка.

За спиной Придона пробормотал проклятия Аснерд. Старый воевода толкнул его в спину. Придон со стыдом ощутил, что проклятие в его адрес. Он заставил деревянные ноги передвигаться.

Из зала слышались веселые голоса, женский смех. Дверь открылась, Придон деревянными шагами двигался за Скиллом. Аснерд и Вяземайт вошли свободно, словно в артанскую конюшню, переговаривались, блики от светильников красиво играют на их обнаженных плечах, похожих на морские валуны.

Придон заставил себя вспомнить, что он и без коня выглядит сильным и красивым, а его здоровая молодая кожа блестит, словно натертая маслом. Он с усилием выпрямился, заставил себя смотреть прямо перед собой, не дергая головой, не бросая взгляды по сторонам.

В помещении два стола. Один поменьше, за ним сам

великий тцар Куявии, могучий Тулей, он все в том же халате, будто и не снимал. Справа его управляющий Щажард, слева место осталось пустым. Сердце Придона сразу оборвалось в пропасть. На другой стороне стола четыре места, все свободные, а в трех шагах другой стол: длинный, уставленный самой разной едой, по обе стороны сидят очень красивые женщины.

Придон видел, как Скилл сразу засмотрелся на них, Олекса и Тур выпрямились, Аснерд перестал хохотать и принял вид значительный, а Вяземайт укоризненно покачал головой.

Череве поклонился еще издали.

— Светлый тцар, прости, я снова со своими гостями...

Тцар кивнул ему на второй стол, а артанам указал на места за своим столом. Сам он сидел свободно, величественно, руки на широких подлокотниках, резная спинка покрыта для мягкости и удобства шкурами барсов, сам тцар даже в халате выглядит роскошным и внушающим поклонение, на голове расшитая золотом шапка. Лицо приветливое, но в глазах злое торжество.

— Придон с благодарностью взглянул на Щажарда. В этот момент хотелось сделать для него что-то хорошее, важное. Это тот, который не дал тцару прогнать их сразу.

На середине стола горят как жар широкие кубки из чистого золота. Огромные рубины блистают по ободкам, словно капли крови великанов.

— Садитесь, — сказал Тулей почти благодушно. — Мы решили за это время, что негоже любящему отцу принуждать родную дочь... Словом, она сейчас придет. Одевается к обеду... У вас, как я слышал, и к обеду, и к ужину женщины идут в одной и той же одежде? Гм, какие дивные бывают обычаи!.. Словом, как я уже сказал, пусть Итания сама скажет... Я не стану мешать счастью своего любимого ребенка. Как скажет, пусть так и будет!

Скилл подмигнул Придону. Сердце Придона пищало от волнения и страха, прыгало по всей необъятной груди.

Он чувствовал, как оно то становится крохотным, как мышонок, то раздувается так, что может разорвать грудь.

Аснерд легонько ткнул Придона в бок, даже Вяземайт одобряюще стукнул по спине. Уже понятно, что решит дочь тцара. Самые доблестные и мужественные мужчины на свете — артане. А Придон ко всему еще и ослепительно красив той странной диковатой красотой, от которой шалелят женщины и к которой не чувствуют вражды мужчины.

Неслышный слуга возник как из воздуха. Придон не успел проследить за ним взглядом, как все кубки оказались наполнены, а слуга исчез, будто растворился в воздухе.

Он с подозрением смотрел в кубок на темную вкусно пахнущую жидкость. Череве сказал торопливо:

— Это виноградный сок в смеси с темными ягодами.

Аснерд поинтересовался:

— Перебродивший?

— Перебродивший виноградный сок зовется вином, — ответил Череве пугливо. — Что делать, нам в Куявии — веселие пити... Вам только завидуем.

Но, судя по тому, с какой жадностью выхлебал всю чашу, стать артанином согласился бы только под пытками. Да и то тайком бы сам давил виноград и делал вино.

Тудей повел рукой, захватывая весь зал.

— Здесь все знают, что вам можно предлагать, а что нельзя. Ответят мне лично! Так что веселитесь...

Аснерд выпил залпом, тут же сам налил себе снова, поднялся с кубком в руке. Крупный, широкий, располневший в поясе, он держался величественно, как тцар огромной державы, в лице достоинство, в жестах — гордость, в мудрых глазах грозное веселье.

— У вас прекрасное вино, — сказал он. — Я бывал в дальних странах, но нигде не пробовал ничего подобного!.. Да, артане не пьют вина, но, когда в чужих краях и в походе, мы не всегда можем соблюсти свои обряды.

Тудей сказал добродушно:

— А что на это говорят боги?

Аснерд ответил тем же щедрым голосом:

— Наши боги — не последние дураки. Наш человек, выведывая в чужих странах секреты, должен носить чужую одежду, есть чужую еду и кланяться чужим богам. В походе, если есть вино, а нет воды, боги сами накажут дурака, что умрет от жажды!.. И потому я везде говорил, и говорю сейчас, что на свете нет вина слаще и достойнее, чем вино из Куявии!

Его массивная, как пивной котел, голова повернулась в сторону смеющихся женщин. Он вскинул кубок, провел им справа налево, хватая цепкими глазами всех женщин сразу и каждую в отдельности. Они хихикали и краснели. Взгляд могучего воеводы слишком уж откровенен.

Аснерд сказал сильным звучным голосом:

— Выдам нашу самую затаенную из тайн, в которой страшимся признаться даже самим себе. Да, признаюсь...

— Аснерд, — сказал Скилл предостерегающе.

— А я все равно скажу, — упрямо ответил Аснерд. — Вот даже разболтаю!.. Так вот, на самом деле наши отважные герои ходили на Куявию вовсе не ради золота или славы! Это все так объяснялось потом, потом... Наши волхвы даже до интересов державы договорились! Смешные. На самом же деле трудными горными тропами, страшными для нас, привыкших к Степи, мы пробирались в вашу страну и похищали вас, самое великое сокровище Куявии и... всего мира.

Женщины засмеялись громче. Их глаза не отрывались от воеводы, во взглядах, помимо женского лукавства, сквозило и многозначительное обещание.

— Я, — сказал он так, словно проревел, но женщин, судя по их лицам, громовой голос воеводы не пугал, еще как не пугал, — суров, как ваши горы, и неприступен, как леса Славии! Меня даже родня называет человеком-скалой. Но сейчас мое сердце стучит так, что раскачивает, как пьяного. А душа тревожно ноет, как будто с нее сняли кожу. Вы сейчас отомстили мне за все набеги сразу, сполна и жестоко! Вы меня поразили в самое сердце, теперь я у вас в плену — раненый и скованный звуками ваших голосов, вашими гла-

зами. Вы все — колдуньи! Но я не хочу, чтоб меня расколдовывали.

Он поднес кубок ко рту. Все молча наблюдали, как красные толстые губы обхватили край кубка, чтобы не пролилось ни капли. Кадык двигался мерно, мощно, кубок воевода задирает дном все выше, наконец донышко поднялось к своду. Воевода осушил виноградный сок до дна, не пролив для богов враждебной Куявии даже капли.

Тулей и Щажард обменялись взглядами. Тцар кивнул с кислой улыбкой, трудно возражать против такого тоста, а Щажард пристально посмотрел на Вяземайта.

— Я могу узнать мудреца, когда вижу его перед собой. В какой бы одежде он ни был... или вовсе без одежды. Могу я тебе, мудрый, задать вопрос?

— Сколько угодно, — ответил Вяземайт высокомерно.

Придон видел, как насторожились Скилл и Аснерд, да и сам Вяземайт подобрался, глаза посуровели.

— У нас вчера возник спор, — сказал Щажард вкрадчиво. — Наши мудрецы едва не вцепились друг другу в бороды, выясняя, когда начинается день? Одни говорили, что в момент, когда солнце встает из-за края земли, другие — что еще раньше, при рассвете, когда только алая заря... Что скажешь ты, мудрец страны Артании?

Вяземайт усмехнулся уголком рта. В запавших глазах было презрение. Придон вздрогнул, когда взгляд волхва упал на него.

— На эти вопросы ответит любой ребенок в Артании, — сказал Вяземайт. — Придон, ты слышал вопрос? Ответь, ведь мы здесь из-за тебя.

Взгляды, как острые стрелы, впились в тело Придона. Он судорожно вздохнул, язык прилип к гортани, мысли мечутся, как ошалелые пчелы, все плывет и качается перед глазами.

Как издали, услышал свой хриплый голос:

— День начинается... когда просыпается Итания. Тогда... снова жизнь, снова свет. Тогда я снова возрождаюсь к

жизни! Тогда начинают петь птицы, цветы поднимают головы, трава просыпается, и тогда только... встает солнце!

Голос звучал наполненный такой страстью, что светильники вспыхнули ярче. На стенах властелины и полководцы прошлых времен повернули головы и смотрели на Придона очень внимательно.

Советник ничего не успел сказать, в зале пахло другим ароматом, нежным и тонким. Придон уловил его первым, он уже чувствовал, куда смотреть, и, когда на том конце зала колыхнулась штора, он всхлипнул и задержал дыхание.

Слуги раздвинули складки тяжелой материи. Итания вышла медленно, словно выплыла. От нее шел такой свет, что светильники разом потускнели. На пышных волосах едва держалась крохотная корона, из-под нее золото волос струилось, как потоки с высокой скалы. Искорки бегали в волосах, играли, шалили, и вся эта роскошь блистала, как полуденное солнце. Когда Итания прошла через зал и царственно заняла место рядом с отцом, коса легла на пол. Придон представил, что если расплести на ночь, то укроет золотом весь ковер в его шатре, а ночь превратится в сверкающий день. От этой мысли кровь закипела в жилах, он покраснел, как брошенная на горящие угли металлическая чешуйка доспехов.

С губ Итании не сходила улыбка. Похоже, ей нравился восторг на лицах артан, что из суровых воинов превратились в потрясенных детей. Особенно часто взгляд ее ясных глаз останавливался на Придоне. Ему почудилось, что она слышала его горячую речь.

Он в самом деле не мог ни дышать, ни жить, теперь весь он там, у ее трона, а душа его под ее ногами визжит и машет хвостиком, падает на спину и безумно счастлива, когда божественная ножка касается ее щенячьего брюшка.

Как сквозь волшебный сон, услышал сказочно музыкальный голос, от которого душа во мгновение ока оказалась на небесах, а потом, сообразив, где лучше, снова заползла под ступни ее ног.

— Как вам наша Куявия? — спрашивала она. — После вашей бескрайней Степи не кажутся ли дивными наши высокие горы, башни магов, наш огромный город?

Придон ощутил толчки с обеих сторон. Даже Скилл смотрит выжидающе, сам плотно сжал губы. Мол, сейчас говорить ему, его показывают, как красавца жеребца, стараясь продать подороже.

Он еще не успел придумать, что сказать, а душа его уже разомкнула уста и заговорила страстно, огненно, опалая губы жарким дыханием:

— Куявия?.. Величественные башни, горы, озера, дивные птицы... Итания, я не вижу даже землю, по которой ступаю... с того дня, как увидел тебя! Что мне красоты дворца? Я хочу сегодня, сколько могу, любоваться звездами твоих глаз, хочу смотреть на румянец твоих щек, на ямочки на твоих щеках! Что мне сокровища вашего дворца, тайны ваших магов?.. Частокол твоих ресниц таит больше тайн и загадок, я могу смотреть на них и любоваться вечно...

Аснерд крикнул, не то осуждая, не то одобрительно, Скилл досадливо хмурился. В глазах Итании мелькнул смех, но сказала она почти серьезно:

— В твоих словах, дорогой гость, столько силы, что я страшусь за эти стены!.. Может быть, лучше говорить о том, о чем положено на таких советах?

— О чем? — вскрикнул Придон.

Она пожала узкими плечиками.

— О политике, безопасности границ, торговле...

— Итания, — воскликнул он, — да что про государственные интересы, безопасность, торговлю?.. Я просто люблю тебя! Я не могу жить без тебя. Как только я увидел, я обезумел... Но даже безумный, клянусь, что никто не сумеет тебя так беречь и любить, как я — Придон, сын Осеннего Ветра и внук Громоверта! Я... просто не знаю даже, что готов для тебя сделать, чтобы ты... чтобы ты...

Он запнулся, ибо смутно и далеко зазвучал голос бога, но смысл был непонятен, а только ныло сердце, а его бро-

сало то в жар, то в холод. Итания смотрела на него неотрывно, но он не мог понять, что в ее взгляде.

— Хорошо, — прозвучал в его ушах ее сладкий музыкальный голос, — но тебя не знаю я... не знает народ Куявии. Дочь тцара не может выйти за простолюдина, который ей понравится...

Скилл вскипел, встал так резко, что Аснерд и Вяземайт едва удержали стол.

— Мой брат — не простолюдин!

— Докажите, — отпарировала она. — Куявы должны видеть, что я выхожу замуж за героя.

Придон вскрикнул воспламененно:

— Только скажи, что сделать! Я все эти горы сверну...

— Сворачивать не надо, — ответила она быстро, — наоборот, надо поставить на место. Даже не горы, а... просто меч. В храме бога Урдула есть алтарь, где лежал тот меч. Сейчас он сломан... даже разломан на три части! Рукоять в одном месте, лезвие в другом, ножны заброшены в третье... Собери эти обломки и принеси их на алтарь. Там — они воссоединятся снова.

Придон воскликнул, дрожа от счастья:

— Я соберу!.. Я принесу!.. Я положу все на алтарь!..

Она ответила просто:

— Тогда возьмишь и меня.

Встречный ветер трепал волосы. Отдохнувшие кони несли резво, сами счастливо отдавались бешеной скачке, старались обогнать друг друга. Придон то и дело вырывался вперед, не терпелось поскорее получить от дяди «добро» на поиски меча, а от верховного волхва узнать, что его ждет.

Череве велел проводить их до самой пограничной реки. Провожатые загоняли коней, меняли в каждом встречном селе, а артане неслись, как не знающие усталости степные волки. Их кони лишь разогрелись, изредка начинали ронять пену, но, стоило степнякам чуть умерить бег, кони отдыхали так, будто сутки не жили на лугу.

Скилл посмеивался, взгляд его карих глаз то и дело упирался в спину младшего брата. Аснерд посматривал искоса. Старому воеводе чудилась во взгляде Скилла, кроме любви к младшему брату, еще и странная жалость.

— Жалеешь? — спросил он на скаку.

Скилл нахмурился навстречу ветру. Голос прозвучал натянуто:

— Когда я отбирал, с кем ехать, я отбирал по одному из тысячи достойнейших. Но — отобрал! А вот женщины... нет, не для поездки, а чтобы отдать ей, вот как этот дурак, свое сердце, не смог отыскать вообще... Ни в Артании, ни где еще, а скитался я немало.

Голос старшего сына тцара, как показалось воеводе, на миг дрогнул и даже прервался, но сам Скилл все так же сурово и прямо смотрел вперед, даже не морщился от сильного встречного ветра.

— Как думаешь, — спросил Аснерд, — она его заметила?

— Трудно сказать, — ответил Скилл. — Ты же знаешь, если судить о любви по обычным ее проявлениям, то она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

Аснерд расхохотался, поперхнулся от залетевшего в пасть ветра. Рассмеялся и Скилл.

— Это тебе везет с женщинами, — сказал он почти с завистью. — Тебя любят везде!

— Везде, — согласился Аснерд гордо. — Но то все так, пустяки... Мне вообще-то сказочно повезло. Когда я возвращаюсь из похода, она выбегает мне навстречу... нет, не к порогу, как у других, а за городские врата! Вот увидишь. Как чует, не знаю. Внутри женщин есть что-то волшебное. И всякий раз как впервые вижу ее сияющие глаза, слышу ее счастливый смех!.. Мне повезло. Мне повезло неслыханно. Я бы мог родиться раньше или позже, тогда бы мы не... Черт, не хочу даже думать о таком страшном! Мне то ли за заслуги в прежней жизни или же за подвиги моих родителей, но мне позволили родиться... в самое лучшее время. И когда мне было двадцать лет, я однажды встретил ее, юную и трепещущую, у колодца.

Скилл покосился на воеводу, грузного, тяжелого, с развевающимися по ветру седыми волосами.

— То было давно!

— Да, — ответил Аснерд счастливо. — Это было давно и... недавно. Когда я возвращаюсь, она выбегает за городские ворота, все такая же молодая и красивая. Другие уже давно бабы, старые и безобразные, злобные старухи... но моя все такая же юная, как в тот первый день! Конечно, каким-то уродам она может почудиться тоже старой... но у них неправильные глаза. А правильные — у меня.

Он ехал гордый и сам внезапно помолодевший. Выпрямился, грудь подал вперед, словно молодой воин, внезапно увидевший перед собой толпу восторженных девушек. Глаза задорно заблестели.

Придон на скаку все больше зарывался лицом в конскую гриву, глаза становились все несчастнее. Вяземайт мчался рядом; спросил озабоченно:

— Что-то случилось?

— Да! — вскрикнул Придон. — Да!

Вяземайт встревожился:

— Что?

— Разве не видишь? — вскричал Придон. — Туча идет с востока!

Вяземайт повернулся. Далеко у горизонта росло облачко. Если ветром не развеет, то к вечеру может вырасти в тучу. Даже в грозовую тучу.

— Ну и что? — спросил он. — Дождь пройдет стороной. А если бы даже ветер переменился, то наши кони мчатся быстрее птиц. Мы можем уйти от любой грозы, если захотим.

Придон воскликнул с такой мукой, словно рвалось сердце:

— Да при чем здесь мы? Мы разве для себя живем? Для других ведь... Она ведь не любит дождь! Такая светлая и нежная не может любить дождь... Она такая ясная, чистая, она обожает чистое небо... Я бы полжизни отдал, только бы ползать по небосводу и сдирать все эти лохмотья еще на го-

ризонте! А ночью я не могу спать, потому что звезды сияют недостаточно ярко, чтобы ей понравиться!.. И рассвет здесь не такой чистый и красочный, как у нас в Степи... Я хотел бы...

Дальше Вяземайт не слушал, приотстал к Аснерду и Скиллу. Олекса и Тур мчатся ноздря в ноздрю далеко впереди, эти ни над чем головы не сушат, для них в мире все просто и понятно.

Впереди выросли, быстро приблизились и под грохот копыт разбежались по сторонам могучие яворы. Воздух стал влажным, а когда кони взбежали на берег, Скилл предостерегающе засвистел.

Придон натянул повод, конь готов был ринуться в бурную воду: на том берегу уже родная Артания!

Пока гостили в Куявии, в верховьях куявских гор прошли затяжные ливни. Ручьи стали шире втрое, переполнили водами и эту реку, бурлит, вот-вот выйдет из берегов. Лучше бы, конечно, отыскать брод, но, как назло, на этом берегу толпятся эти жалкие куявы, голосят по-бабьи, им-де на время наводнения срываться с насиженных мест, погибнет зерно на полях, а родные огороды не увезешь на телегах...

Придон толкнул коня, тот фыркнул, как рассерженный кот, но послушно бросился в бурные волны. Придон соскользнул с седла, поплыл, даже не держась за седло. Сзади обрушилась волна, это с разбега вломился в водные хляби гороподобный конь Аснерда.

Вскоре слева показался конь в яблоках, поплыл, как быстрая рыба, рядом голова Вяземайта. Волхв не просто держится за седло, а будто бы даже тянет за собой коня, помогает. Придон вспомнил рассказы, что род Вяземайта тянется от речного бога, тот даже коней его роду дарит своих, водяных.

Придон надал, выбился из сил, но выбрались на берег с Вяземайтом ноздря в ноздрю. Ноги подломились, он ухватился за стремя, чтобы не упасть на песок.

Вяземайт тут же вскочил в седло, быстрый и ничуть не

уставший. Придон со стоном взобрался на конскую спину, толкнул коня пятками под бока.

— Догоняй, не позорь меня!

Сзади слышались плеск и голоса, это выбирались на берег Скилл с Аснердом. Олекса и Тур были еще на середине реки.

Вяземайт ехал неподвижный, суровый, молчаливый, как всегда. Придон помнил, что из волхва слова надо тащить клещами.

— О чем задумался? — спросил он задиристо. — Как хороша Куявия? — Ему до писка в груди хотелось поговорить о Куявии, перемыть косточки всем, с кем общались, мужчины любят сплетничать больше женщин, затем обязательно перевести разговор на Итанию, но так, чтобы волхв сам заговорил о ней...

К его удивлению, Вяземайт после паузы все же сказал мирно:

— Да так... Нет, не Куявия, конечно. Вспомнился родительский дом, где впервые поскакал на палочке... Где меня подбрасывали к небу могучие руки отца.

— И все? — спросил Придон.

Тот покосился на царского сына, усмехнулся.

— Нет. Вспоминал ручей, у которого впервые встретился с девушкой. Вспоминал кувшин воды, который подавала. Ее руки, запах ее волос. Вспоминал и утреннюю росу на помятой траве, когда я вскочил и проводил ее к дому.

Придон спросил с замиранием сердца:

— А ту... которую любил? Вспоминаешь ли теперь?

Тяжелые густые брови Вяземайта слегка приподнялись. В голосе прозвучало удивление:

— Нет, конечно.

— Почему? — спросил Придон разочарованно. В груди стало пусто, словно от слов Вяземайта что-то могло измениться.

— Она всегда у меня перед глазами, — ответил Вяземайт ровным голосом, чересчур ровным. — Ни на миг... ни на миг я ее не забываю.

Конь под ним рванулся вперед, Придону на миг почудилось, что с боков выметнулись крылья. Несколько мгновений провожал остановившимися глазами удаляющегося всадника, за спиной загрохотали копыта.

— Ого! — донесся бодрый голос Скилла. — Остроглазый Вяземайт увидел родные стены Арсы!

А Вяземайт обернулся к Придону, счастливый и повеселевший, подмигнул и крикнул:

— Никогда не женись на женщине, с которой можно жить. Женись на той, без которой жить нельзя!

ГЛАВА 11

Олекса и Тур придержали коней, здесь уже опасности нет, все шестеро понеслись тесной группкой. Аснерд захохотал, крикнул:

— Скилл, побьемся о заклад, что меня у ворот встретит та, что снилась мне и в Куявии?

Скилл подумал, помотал головой.

— Нет, — прокричал он. — Нет!

— Почему?

— Не рискну. Больно вид у тебя счастливый.

Олекса покосился на родителя, пробурчал:

— Старый черт... Пора присматривать место в загробном мире, а ему бабы снятся!

Аснерд проворчал наставительно:

— Молодость прекрасна в любом возрасте!

Тур, другой любящий сын, подмигнул Олексе, сказал сочувственно:

— А вот стариков надо убивать еще в детстве...

— Это как это? — не понял Олекса.

— Палкой по голове, — захохотал Тур. — Большой толстой палкой!

Стражи на городских воротах их увидели, узнали. Тяжелые створки начали распахиваться, в щель выскользнула высокая, статная, хоть и слегка располневшая женщина.

Придон успел увидеть смеющееся счастливое лицо, а она, все же легкая, как мотылек, с ликующим визгом бросилась к Аснерду. Он подхватил могучей дланью, ее взметнуло к нему в седло, обнялись, слились в единое целое, и все, что от нее осталось у Придона, это впечатление нетерпения и щенячьей радости. В сердце остро кольнула едкая завистливая тоска.

Аснерд оглянулся, подмигнул.

— Для счастья мужчине нужна женщина... а для полного счастья — полная женщина!

Широко распахнутые ворота налетели, как порыв ветра. По обе стороны побежали, исчезая за спиной, добротные каменные дома. Арса — единственный или почти единственный город Артании, где все солидно, на века. Не в шатрах, как живет большинство артан, а настоящие дома и башни из камня.

По ветру гордо трепетал стяг Артании: огненный конь на синем фоне, черный камень наверху грозно разбрасывал рубиновые искры. По преданиям, Верховный Творец начал создавать мир с простого камня, который так и был назван Первокамнем, или Первым Камнем Творения. Камень находился в Артании, ибо первыми из всех людей Род создал, естественно, артан, а уж потом всех остальных наравне с червями, жуками и рыбами.

Потом были кочевья, войны с соседями, переселения целыми племенами, народами. Артане и куявы дважды или трижды поменялись местами, а еще и славы двигались, так продолжалось много тысячелетий, пока наконец артане, куявы и славы не обособились настолько, что обозначили границы своих племен, через которые обязались не переходить. Вот тогда только и обнаружилось, что Первокамень исчез. Был ли он похищен ревнивыми богами, стал ли незримым, или же за последние века вокруг него вырос дремучий лес, и теперь к нему потеряна дорога, никто не знает, однако артане свято чтут память о такой реликвии, на каждом стяге обязательно наверху из черного камня, а на

самом полотнище — огненный конь, на котором явился Творец.

Олекса и Тур хохотали и вскидывали в приветствии огромные руки, Вяземайт благословлял встречающих, Придон смотрел на них с любовью и нежностью.

Мужчины все обнажены до пояса, гордо щеголяют шрамами, боевыми браслетами со следами глубоких следов от чужих мечей и топоров. Они, как и молодые воины, радостно кричали и бросали в воздух топоры.

Кто-то сразу попытался расспрашивать, что именно самые великие герои Артании привезли из проклятой Куявы. Аснерд вскинул свободную руку, другой прижимал к груди жену. Вся ее спина почти скрылась под его широкой ладонью.

— Сперва, — гроыхнул он, — отчет великому тцару!.. А завтра будет объявлено, на чем мы сторговались.

Вечером был пир, а уже ночью, когда остались с дядей Горицветом наедине, Скилл подробно рассказал о поездке. Аснерд, Вяземайт и Придон дополняли, если что старший сын тцара упустил или счел незначительным.

Придон ловил на себе удивленный взгляд дяди. Горицвет, после непонятного исчезновения Осеннего Ветра, взял бразды правления Артанией в свои руки, заменял им отца. Как мог, конечно, ибо мягкий Горицвет еще мог править огромной и своевольной страной, на это хватало мудрости и даже твердости, но без жесткой отцовской руки братья выросли, как свободные дикие звери. К счастью или к несчастью, есть еще двое: Ютлан, младший сын, и Блестка, единственная сестренка, которым еще нужны любовь и забота старших.

Глаза Горицвета стали грустными и сочувствующими, словно ему сказали о неизлечимом увечье племянника. Когда Вяземайт предложил попробовать магию, чтобы излечить Придона от этой дури, Горицвет покачал головой:

— От любви существуют тысячи лекарств. Но надежных нет.

— Любовь одна, — возразил Вяземайт, — но подделок под нее — тысячи. Ну не поверю я, что дочь куявского царя может любить! Как думаешь, Аснерд?

Аснерд двинул плечами.

— А какая разница?

— Ты не видишь разницы между настоящим и подделкой?

Аснерд с жалостью посмотрел на волхва, постучал пальцем по голове и отвернулся.

— Вяземайт, — сказал Горицвет с неловкостью. — Ты разве не понял? Придону не так важно, любит ли она его... Он ее уже любит! Уже дал этот проклятый обет.

Придону стало почему-то стыдно, смотрят, как на смертельно больного, встал, вышел из зала. Телохранители у дверей тоже смотрят как-то странно. Неужто весь двор знает, что за стрела ударила в его сердце? И просадила насквозь?

Когда за ним захлопнулась дверь, оставшиеся задвигались свободнее, словно в самом деле при смертельно больном неловко говорить о его лечении, о лихих скачках или красивых женщинах.

Горицвет стукнул кулаком по столу. Лицо потемнело.

— Сознательно или нет, — вырвалось из него гневное, — но женщина всегда пользуется чувством чести и верности слову, которое так сильно развито у нас, мужчин! Теперь этот несчастный уже не может отказаться от неосторожно вылетевшего слова.

Вяземайт сказал осторожно:

— Но можем освободить мы. Найти способ, чтобы не задеть его честь.

Скилл фыркнул:

— Как будто он примет нашу помощь! Дядя, ты говоришь так, как будто не знаешь, что это за наваждение — любовь!

Улыбка их мудрого дяди была странной: печальной и нежной разом.

— Скилл, самый сильный и могучий сын моего брата... Ты пока знаешь только один смех — громкий, принимаешь только одних коней — быстрых, знаешь только одну породу любви — к женщине... Но, сын мой, на самом деле сперва мы не любим вообще никого. Затем любим всех, все наше племя. Затем любим некоторых людей, потом — единственную женщину, затем — единственного мужчину... Мне повезло — могу и люблю сразу троих!

Скилл усмехнулся:

— Ну, ты любишь не только нас троих, но и кучу женщин. А вообще-то, иногда кажется, что из нас троих ты любишь только Ютлана. Такой уж мазунчик!.. А нам с братом с утра до поздней ночи упражнения с топором, бег с камнями за спиной да кто быстрее донесет своего коня от ворот до конюшни...

Слабая шутка перевела каменные лица в просто деревянные. Еще чуть — и будут почти человеческими. Аснерд вздохнул так, что по горнице пронесся ветер, потянулся за кубком. Слышно было, как булькает родниковая вода, переливаясь из кувшина.

Вяземайт сказал осторожно:

— Тцар... Любовь может презреть цепи, крепостные стены толщиной с нашего Тарлафа... Но стоит только подчинить крохотную часть души долгу, и настоящая любовь становится невозможной! Попробуй напомнить Придону о величии страны, служении своему народу.

Тцар покачал головой:

— Это для него пока что простая шелуха из слов. Он и воевал ведь не с куявами! Отличился в набегах и в пограничных схватках с соседями по Артании. Такими же артанами. Нет, любовь к женщине понятнее, она уже воспламенила его детское... да-да, детское сердце в теле сильного мужчины...

Скилл обронил глухо:

— У любви есть своя честь. Стоит потерять ее — и любви конец.

Горицвет подвигал бровями, складки на лбу стали еще

глубже. Похоже, так и не понял, хотя старался, сказал не-счастливно:

— Как часто любовь отнимает разум у того, кто его имеет!

— Но дает его тем, у кого не было, — добавил Аснерд. Он хохотнул, посмотрел на волхва, добавил злорадно: — И уже не будет.

Вяземайт сказал холодно-вато:

— Любовь — большая помеха в жизни. Все равно что всеми силами души страстно любить мотылька, чья жизнь длится не больше суток. Мотылька уже нет, а ты остаешься на всю жизнь с выгоревшей дотла душой, где и чертополох не растет!.. Мудрый предпочитает любовь к вечным богам, к вечным истинам...

Аснерд фыркнул:

— Но живем не среди богов? А в мире и без того мало любви и благости, чтобы свой жар души отдавать существам, которые не могу потрогать руками!

Вяземайт вскипел, воевода на грани богохульства, тцар обнял волхва за плечи, отвел в сторону, похлопывая и успокаивая, Аснерд же хлопнул Скилла по широкой спине и вышел из зала.

Ночной звездный мир принял, пахнул степными травами, крупные звезды сочувственно смотрят сверху, с боков, даже, казалось, снизу. Душа тревожно ноет, смотрит растерянными глазами и не узнает мир. Все не такое, все изменилось за тот кратчайший миг, когда он был в Куявии. И все люди стали другими.

В ночной тишине голоса из распахнутого окна доносятся отчетливо, слышно, кто говорит с жаром, кто задумчиво. Но как сказал Вяземайт про выгоревшую душу! Какой голос!.. Если бы произнес в тот миг заклятие, небо рухнуло бы на землю, злые силы поднялись бы из глубин земли или же все звезды погасли, устранившись неистовой бури в душе волхва.

Сзади слышались тяжелые шаги горного великана. Придон оглянулся, это не великан, лишь потомок горных великанов, всегда невозмутимый и могучий Аснерд.

Он робко улыбнулся старому воеводе. Аснерд захохотал, словно грянул гром, хлопнул его по плечу.

— Грустишь?.. На распутье?.. Пойдем, я тебе что-то покажу.

Придон воспротивился, слишком загадочная рожа у воеводы. От него несет жареным луком, икает, поглаживает плоское в валиках мускулов брюхо, но Аснерд властно тащил, теребил, тряс, и Придон наконец, вынырнув из тревожных грез, ощутил, что справа проплывают купола шатров, а они выходят на окраину их немалой для Артании столицы... но такой маленькой и бедной, если сравнивать с великолепием Куябы!

Не все артане кочуют, все-таки часть, немалая часть, осела в городах. Правда, это не всегда каменные громады, как у куявов, но все же настоящие города: добротные, срубленные из дерева дома, склады для шкур, оружия, кузницы, оружейные мастерские, целые улицы кожевников, бронников, хлебопек. В любом войске в обозе везут наковальни и едут кузнецы для ремонта испорченного оружия и доспехов, но ковать настоящие боевые топоры можно только вот в таких кузницах, что не двигаются с места, куда подвозят горячее железо из плавильни.

Дорога вывела на окраину, здесь добротные дома на высоких столбах. Когда-то жили дозорные, следили за горизонтом, но кордоны отодвинулись, дозор несут на дальних заставах, а в домах на сваях поселились мирные жители.

Аснерд указал на крайний дом. Лестница убрана, внизу собралась толпа хохочущих парней, все смотрят вверх. Придон на миг увидел в окошке смеющееся девичье личико. Тотчас же мелькнула белая рука, на землю полетела шапка из шкуры молодого барашка.

Внизу раздался радостный рев, хохот, но один парень с самым огорченным видом подобрал шапку, отряхнул, сер-

дито нахлобучил на голову. Сразу трое раздвинули круг, чтобы не мешали, почти одновременно метнули шапки. Один не попал, шапка ударилась в стену и полетела обратно. Неудачника хлопали по спине, поздравляли издевательски, но две шапки исчезли в темном проеме окна.

Придон смотрел с вялым интересом. Вскоре мелькнула белая рука, шапки одна за другой вылетели обратно. Внизу раздался хохот и рев разочарования.

Аснерд степенно снял шапку, парни затихли, расступились. Аснерд лихо крикнул, без размаха быстро и сильно метнул шапку. Как темный булыжник она прорезала воздух, исчезла в окне.

Придон спросил:

— Зачем?

— Когда я был молод, — ответил Аснерд, — совсем-совсем молод... я пришел сюда и метнул свою детскую шапчонку... Помню как сейчас: из окна высунулась девушка, косы чуть ли не до земли, глаза как звезды, вот такая грудь, честное слово, у меня глаза вылезли, и говорит сверху сожалеюще: мал ты еще, дружище! Рановато пришел. Но потом приходи, буду ждать... И — выбросила мне шапку. Я стоял и смотрел, глотая слезы обиды, а парень постарше, чью шапку не выбросила, вскоре полез за ней, за своей шапкой, в заветное окно...

Парни притихли, тоже слушали, на воеводу смотрели с почтением. В домике на сваях долго ничего не происходило, затем в окне показалось белое нежное лицо. Девушка высунулась почти до пояса, пышная грудь легла на подоконник, черные как ночь косы свесились, крупные глаза отыскивали стоящих в сторонке Аснерда и Придона.

— Воевода, — донесся ее чистый звонкий голос, — то-то смотрю, шапка с золотой бляшкой!.. Что ты так поздно пришел, воевода? Где ты скитался все эти годы?

Аснерд поймал шапку на лету. Некоторое время смотрели, как по столбу карабкается счастливчик помоложе, чью шапку красавица не выбросила, потом Аснерд взял

Придона под локоть. Придон без сопротивления дал увлечь себя обратно в центр города.

— Ну, понял? — спросил Аснерд.

— Что я должен понять?

Аснерд сказал с сожалением:

— Все-таки не понял...

Придон пожал плечами, раздраженный и недоумевающий. Аснерд шел молча, впереди выросла каменная громада их дома. Придон ощутил дружеский хлопок по плечу. Воевода обронил ему в спину:

— Даже вот к такой красотке можно либо слишком рано, либо опоздать... А твое безумие вообще приходит только раз в жизни. И то не к каждому.

Утром его позвали к Горицвету. Придон переступил порог, ожидая застать одного дядю, но в большой комнате уже Вяземайт, Аснерд, Скилл и еще двое молчаливых волхвов. Эти сидели под дальней стеной, неподвижные, как камни.

Дядя и Аснерд склонились над картой, что занимала половину широченного стола. Края, чтоб не топорщились, были прижаты тяжелыми ножами. Вяземайт и Скилл беседовали в сторонке, голоса приглушенные, у обоих лица хмурые.

Едва появившись на пороге, Придон ощутил на себе взгляды, дядя пригласил кивком к столу. Его лицо было такое же хмурое, как у Вяземайта и Скилла.

— Что-то случилось? — спросил Придон.

— А ты не знаешь? — спросил дядя ядовито.

— Нет, — честно признался Придон.

— Один безумец, — сказал дядя, — пообещал куявскому тцару собрать для него обломки какого-то меча. К несчастью, тот безумец наш родственник... Еще хуже, что он — артанин, а это значит, что позор падет не только на нас, но на всю Артанию, если струсишь или споткнешься на первой же кочке.

Аснерд ободряюще похлопал Придона по спине. Звук был такой, словно под сильным ветром трепало корабельный парус.

— Ты не споткнешься на первой же кочке, — утешил он. — Здесь нет кочек. Но вот когда будешь выходить, смотри под ноги. Там ступеньки расшатались...

На хорошо выделанной телячьей коже змеились синие реки, вздымались черные и коричневые горы, города и села отмечены кружками, лиловыми полосками разной толщины обозначены дороги. Толстый палец Горицвета двигался от самого крупного кружка, означавшего Арсу, переползал с одной лиловой полоски на другую, ненадолго останавливался на коричневом.

Придон смотрел, затаив дыхание. На карте вся его Артания, часть Куявии и совсем краешек Славии. Это весь мир, это круг света, за пределами которого — тьма. Тьма! Хотя Придон слышал, что и за пределами Артании есть земли, но все равно там тьма, там страшные драконы, чудовища и Темные Боги, что отступили, потерпев поражение в битве со Светлыми Богами. Темными их называют, потому что в самые древние времена небо было темным, а когда на небе появилась луна, боги пытались ее сорвать с неба, но луна призвала на помощь молодых богов, и те оттеснили старых за Края земли. В детстве он наивно полагал, что за Артанией сразу обрыв, а внизу бездна, в которой нет ничего, и, когда он старался представить себе это «ничего», по спине всякий раз пробегали сладкие мурашки ужаса.

Но даже эти три тцарства на карте изображены не целиком. Особенно Славия, там только край, которым граничит с Артанией и Куявией, а дальше, насколько Придон знал, бесконечные дремучие леса, топкие бездонные болота, снова леса — настолько дикие и мрачные, что живущий там никогда не зрит солнца. Потому и люди там такие же дикие и свирепые, как лесные звери...

Куявия нанесена почти вся, только западного края нет, там размыто, реки и горные цепи обрываются, но известно, что там некоторое время тянется еще Куявия. Удивитель-

но, но Артания обозначена еще меньше, чем Куявия: в восточных частях цепко держатся племена, что убивают всех чужаков, а на севере утнезидился племенной вождь Тхор, он осмеливается называть себя даже тцаром, ибо удалось объединить около десятка таких же мелких и жалких вождишек...

Придон услышал, как грозно всхрипнул Горицвет. Глаза налились кровью, лицо потемнело, а кулаки сжались. Похоже, эта заноза терзает его, как тцара Артании, больше всех.

Вяземайт похлопал ладонью по карте.

— Где могут быть эти обломки? — спросил он в пространство. — Если бы у людей, то мы бы знали...

— Как? — не поверил Горицвет. — У тебя есть такая магия?

— Всякий раззвонил бы о такой находке, — ответил Вяземайт хладнокровно. — Но, если молчат, как леши зимой, значит — не найдены. А задача Придона не отнять, а отыскать. Конечно, помогать никто не станет. Разве для того, чтобы сразу убить и отнять. Значит, ножны даже в Артании не в кладовой Тхора и не в его владениях, а в землях дивных людей.

Скилл хмурым голосом нарушил тягостное молчание:

— То же самое и с рукоятью.

— И с лезвием, — добавил Аснерд бесстрастно.

Мурашки пробежали по спине Придона. Все посерьезнели, лица вытянулись. Скилл побледнел, в глазах, когда смотрел на брата, были любовь и глубокое сочувствие.

Когда-то борьба новых людей с дивными была главным делом всех людей. Дивные обладали огромной силой, все к тому же колдуны, но страшились и тосковали под странным небом, где появилась огромная луна, они утверждали, что солнце теперь восходит неправильно, раньше восходило на севере и заходило на юге, а еще раньше — поднималось на западе и опускалось на востоке. Однако новые уже принимали мир таким, какой есть, нападали на дивных, терпели страшные поражения, зато плодились с не-

имоверной скоростью, и уже через десяток лет на дивных обрушивалась новая волна молодых и сильных удальцов.

Дивные, при всех своей устрашающей мощи, все же изредка гибли. Новые заметили, что защита дивных слабеет, с новой яростью стремились стереть с лица земли, пока те не отступили в дикие безжизненные горы, где отвесные стены и пропасти, где обороняться легче, так что новые постепенно оставили их в покое. Не то чтобы совсем уж оставили: нападают и убивают при каждом удобном случае, но теперь начались столкновения разросшихся племен за земли с хорошей травой, за лучшие зеленые долины, защищенные от злых ветров, и дивных в самом деле на время оставили в покое. Но все же мощь дивных несравнима с мощью простых людей. Чтобы убить одного из дивных, гибли целые армии. К счастью, из степных просторов Артании выплескиваются все новые и новые армии удальцов, а поголовье дивных как будто бы не восстанавливалось вовсе...

— Где будешь искать? — нарушил затянувшееся молчание Горицвет. — Даже в Куявии, где вроде бы власть тцара, не все ему присягнули на верность. Есть горные племена, что слышать о нем не хотят. Скорее всего рукоять меча там. Иначе уже лежала бы на алтаре в Куябе, других частей дожидалась...

— Ножны здесь, — напомнил Придон с надеждой. — В нашей Артании!

Горицвет усмехнулся, но улыбка была горькой:

— Нашей... А земли Тхора или Рослинника? А область Тмари, куда еще наша нога не ступала? А та вроде бы узкая полоска земли, на которой живут йгаку, где уже погибли две наши армии?.. Мы сильнее, верно, потому и объявили себя правителями всей Артании, но есть места, где мы еще не поили своих боевых коней!

Аснерд сказал сурово:

— Но хуже всего — Славия. В их лесах сгинула без следа не одна артанская армия. А еще раньше гибли куявы, тоже пытались наложить лапу на рудники Славии, на ее знаменитые болота, откуда железо почти готовое... Но куявы

хитрее. Скорее нас сообразили, что со славami совладать сил не хватит, зато хитростью можно, вот и перешли к торговле. А мы из гордости все еще держим на кордоне армию: война и не война...

Вяземайт сказал ревниво:

— Наша черная бронза ничуть не хуже железа. Даже лучше. По крепости то же, зато не ржавеет. Не нравится мне все это, тцар! Слишком хитрое дело куявы задумали. Но и отказаться уже нельзя, нельзя...

Скилл толкнул Придона в бок. Тот вздрогнул, Скилл заметил:

— Брат, в любом случае ты не должен заезжать во владения Тхора. Это на севере Артании. Тхор артанин, но люто казнит всех, кто не принадлежит к его племени, ибо свое племя считает особым. Подозрительный. Уверен, что все мечтают свергнуть его. В каждом новом человеке видит лазутчика и подосланного убийцу.

Придон сказал убито:

— Брат, а если лезвие там?

— Плюнь, — посоветовал Скилл, — вернись.

— А как же...

— Итания? Я поведу к границам Куявии войско, и тцар сам приведет принцессу на берег кордонной реки!

Горицвет нахмурился, Скилл тут же умолк, виновато развел руками.

— Искать, — сказал он веско, — надо там, где землю проломили эти упавшие с неба камни. Эти колдуны Старого Мира, чей мир погубило вторжение злого Ахримана. Они его ненавидят и боятся, в то же время живут возле этих роковых камней... Почему?

— А потому, что в других местах нам их истреблять легче, — сказал Аснерд. — Особенно в Степи.

— Ну, в Степи вообще все легче, — сказал Вяземайт. Подумав, добавил со смешком: — Если не становиться против ветра, конечно.

— У дивных людей нет гордости, — определил Скилл, подумав. — Они прячутся в тени того, что погубило их мир.

Но когда-то мы, преодолев... не страх, нет!... преодолев отвращение, все же вломимся в их гнусные места и все истребим, зальем кровью, выжжем, разрушим, довершая начатое нашей благословенной Луной и героем Ахриманом. И мир станет снова чист, светел, свободен для заселения нашим семенем!

Волхв сказал в затруднении:

— Ты только не спеши с этим... Ахриманом. Мы еще не решили, куда его... Ну, в злые демоны или в герои-богоборцы? Когда боги бьются, что им жалкие муравьи или людишки? Для них все едино, но нам не все едино, что из их небесной драки выпадет. Вот и выбираем, кого в други, кого... в демоны.

Придон посмотрел на волхва оторопело:

— А я думал... ну, какая-то всеобщая справедливость...

Волхв брезгливо поморщился. Старческая рука стиснула посох, жилы под сухой кожей напряглись.

— Справедливо только то, — сказал он грозно, — что выгодно нам, людям! Еще лучше — артанам, самым избранным людям на белом свете. Все остальное... либо несправедливо или несправедно, либо менее праведно. Запомнил?

— Да-да, — пробормотал Придон, он ощутил, как в душе словно бы просветлело. — Ты снял камень с моего сердца. А то я все думал, думал... Так проще. И легче. Спасибо!

— Запомни, артанин — мерило всего на свете! Все во благо Артании, все во имя ее славы, жизни, гордости!

Скилл возразил стальным голосом, звучным и непримиримым, как обнаженный клинок:

— Ахриман погубил Старый Мир!.. Он привел на небо Луну, что теперь и ночью нас водит в походы!

Волхв поднял ладонь, словно защищаясь от напора:

— Мы не знаем долунного мира. Может быть, и тогда как-то... в ночные походы. Все племена и народы появились, когда Луна уже сияла на небе. Когда ее свет заставлял море дважды в сутки накатывать на сушу, а затем уходить обратно, оставляя на песке свои богатые дары человеку...

Мы считаем это благом, это и есть благо, которое Ахриман принес нам... нечаянно принес, всего лишь своим низвержением с небес, но вот что он погубил, какие племена, каких зверей, какие чудеса разрушил?.. Так что не спеши объявлять его... хорошим.

ГЛАВА 12

Слуги трижды приносили жареное мясо, а кувшины с холодным виноградным соком меняли еще чаще. Наконец Горлицвет и Вяземайт углубились в разработку пути, куда Придону ехать, с кем говорить первым, к кому обратиться позже, чьей помощью заручиться. Сам Придон вскоре ощутил себя лишним, потихоньку выбрался из зала, спустился вниз.

Дверь открылась в черноту. Он ахнул, обнаружив, что уже глубокая ночь, а ведь только что в небе сияло жаркое солнце, жадно вдохнул свежий воздух, без запахов смолы, горящего масла, растопленного воска.

Во дворе пахнет конями, сухими душистыми травами, воздух слегка колышется — чистый, самую малость пропахший железом и горящими углями. Из кузницы плывут мерные удары по железу, но звук мягкий, шлепающий, словно молот бьет по мокрой глине.

Он глубоко вздохнул, мир родной и привычный, однако странная тревога все еще в груди. Даже оглянулся, будто из-за здания кто-то замахнулся дротиком. По ту сторону двери послышались тяжелые шаги, дверь с грохотом распахнулась так, что ударилась о стену. На крыльце появился Скилл, спокойный, просто у него силы много, может оторвать дверную ручку, не заметив, что дверь заперта.

— Чего сбежал? — поинтересовался он. — Скучно стало?

— Да нет, — ответил Придон непривычно стесненно. — Просто как-то на душе...

— Да ладно тебе, — отмахнулся Скилл. — Это только у волхвов — души. А у нас — горячие сердца, крепкие руки,

острые топоры... Хорошо здесь как, да? Волосожары как горят!.. А Волопас так и вовсе пышет, как жар...

Придон взглянул на звездное небо, тут же его взгляд устремился в сторону горизонта. Скилл сочувственно вздохнул, в той стороне проклятая Куявия.

— Я слушал певца, — сказал Придон внезапно. — Там, в Куябе. Он спел, а я бросил ему пару монет... Как вспомню, даже сейчас уши горят.

— Почему?

— Это он должен был мне бросать, — ответил Придон. Поймал удивленный и даже встревоженный взгляд старшего брата, покраснел, начал объяснять, чувствуя, что получается путано и непонятно: — Он во мгновение ока перенес меня на поле битвы, где я носился на горячем коне, а подлые враги падали под ударами моего меча, как спелые колосья под косой умелого жнеца! А с небес смотрели боги, наши прашуры, кричали хвалу... Потом он забросил меня в райский сад, где я вкусил блаженство от мира богов, где душа моя раскрылась и пела, дивные птицы летали над головой, а у ног сидели небесные девы и смотрели на меня большими удивленными глазами... и тут же перенес меня на трон владыки мира, властелина всего белого света, откуда я зрел все подвластные страны и народы... Мое сердце то смеялось, то рыдало, оно могло обливаться кровью, а в следующий миг прыгало, как ошалевший мартовский заяц...

Скилл слушал терпеливо, Придон ощутил сильные руки старшего брата на плечах, дал себя усадить на толстое сухое бревно с отвалившейся корой. Скилл сел рядом, обнял за плечи.

— И все же, — сказал он, — ты счел, что у певца власти больше?... Гм, ты не согласишься, но насчет власти спорить не стану, хотя наши друзья нас не поймут. Но такая власть редко приносит деньги. А вот он твои деньги принял и поблагодарил. Так ведь?

Придон сказал убито, хотя удивился странной понятливости старшего брата:

— Да, конечно. Но я... только не смейся!.. возжелал ов-

ладеть этой странной властью. Я знаю, что по нашему слову сто тысяч всадников ринутся в смертный бой. Однако, Скилл, разве у тебя не чаще бьется сердце, когда Безухий трубит в боевой рог? Но, если в рог дует кто-то другой, для меня это лишь сигнал к бою. А когда рог прикладывает ко рту Безухий, свершается нечто похожее на ту странную мощь, что выказал куйавский нищий певец. Вот какой властью я мечтал бы овладеть больше всего!

Скилл покачал головой, глаза старшего брата были темными, как вода в ночи.

— Твое ли это дело?.. Если песню, то закажи бродячим певцам. За медную монету сочинят любую. Брось золотой — принесут десяток!

— Зачем мне десяток? — возразил Придон. — Нужна одна-единственная. Но там должны быть те особые слова... что разобьют скорлупу вокруг ее сердца!

Скилл сжал его плечи сильнее, от сильной руки брата шел сухой бодрящий жар. В голосе старшего брата прозвучала любовь пополам с осуждением.

— Тебе же медведь уши оттоптал!.. Да и голос у тебя... Из берлоги только реветь, людей пугать. Ты столько орал в битвах, что у тебя голос, как старая медная труба, что умеет выдувать только одно: в бой, в бой, в бой!... Кровь, кровь, кровь! А морда? Ты погляди на свою морду!..

Он указал на колоду с водой у колодца. Придон с неудовольствием отвернулся. Он знал, что там увидит, уже смотрелся. Смотрелся и в бронзовые пластины зеркал, и в отполированный щит, и в чистые лесные озера с неподвижной водой. Везде на него строго смотрело в упор суровое лицо воина. Белесый шрам на скуле, второй у виска, а третий, самый неприятный, пересекает левую щеку до середины нижней челюсти. Только в глазах, привыкших зло и недоверчиво всматриваться в линию горизонта, наверняка появилась непривычная растерянность.

— Ага, не хочешь, — сказал Скилл саркастически. — Хорош, чтобы стать тцаром, но недостаточно хорош для бродячего певца?

Придон ощутил, как холодная рука страха и безнадежности взяла в ладонь горячее сердце. Там зашипело, раскаленное, задергалось от боли, но железные пальцы сомкнулись, подобно железному капкану.

— Ну что мне делать, брат? — вырвалось у него отчаянное. — Вдруг, пока я буду искать этот проклятый меч, ее отдадут замуж! Наверняка отдадут! Я ведь это увидел... прочел в их лживых глазах!

— Я тоже, — обронил Скилл.

— Что?

— Тоже прочел. Это лживый народ.

— Но что делать, брат?

Скилл сдвинул его плечи, встряхнул.

— Подряд семь лет в наших степях были урожай. Ни одного падежа скота. Табуны несметны, а сила и удаль мужчин ищет выхода. Мы создаем войско, которого не знала еще наша Артания. Перед ее мощью дрогнут не только окрестные племена, но и проклятая Куявия!

Придон прошептал убито:

— Прости, я ни о чем другом не могу думать...

— Так и я о том, — ответил Скилл бодро. Он захохотал. — Горицвет против, но ты же знаешь его... Он хорош в управлении страной, но когда дело касается войны, то боевой топор передает мне. А представь себе картину, когда наше войско покажется на берегу пограничной реки! Что скажут куявы?

— Будут воевать.

— Будут ли? — усомнился Скилл. — Они торгаши. Торгаши и трусы. Мы не станем скрывать своего войска, как делали всегда... Пустим их, я говорю о куявах, посмотреть, даже пересчитать. Когда увидят, сколько у нас тяжелой конницы, сколько легкой, сколько мы собрали лучников с длинными стрелами... куявы от ужаса спать не будут! А мы потребуем всего лишь... догадываешься? Всего лишь отдать нам эту прекрасную Итанию. Да не просто отдать в рабство, а связать династическим браком наши царственные роды! Без всяких условий и прочего торгашества. Это еще по-

думать, кто кому делает честь, что берет ее в жены. Ведь Итания будет женой самого Придона, моего брата!

Он хохотал, похлопывал по литым плечам брата, по широкой спине. Хлопки получались мощные, звучные, словно огромная рыба била широким мокрым хвостом по водной глади. Придон слегка ожил, шевельнулся. Лицо дрогнуло, разгладилось. Скорбно сведенные судорогой губы чуть раздвинулись в робком подобии улыбки.

— Брат, — спросил он неверяще. — Брат... Я люблю тебя. Ты в самом деле...

— Что?

— Готов такое сделать... для меня?

Скилл снова обнял его за плечи, прижал. Некоторое время сидели так неподвижно, сердца их стучали, как одно большое сердце.

— Я люблю тебя, брат, — наконец сказал Скилл тихо. — Когда-то и я... Словом, куявы — люди расчетливые. Они увидят, что воевать нет смысла. Невыгодно! Это мы можем драться... и класть жизни за неведомые им честь и доблесть, а эти трусы все считают и высчитывают... Мы с тобой приведем огромное войско, под ним будет прогибаться и стонать земля. Когда наши всадники пустят коней в реку, то запрудят ее своими телами. Воды выйдут из берегов и потекут на их поля!.. Нам приведут твою женщину... и дадут богатое приданое!

— Приданое?

Скилл объяснил со смехом:

— Это у нас дают выкуп за невесту. Чем богаче и знатнее — тем выкуп больше. А у куявов все наоборот, они ж уроды! Там с невестой дают выкуп... тьфу, приданое. И чем невеста богаче, тем этого добра больше. Так что мы еще и выгоду поймеем.

Придон вздрогнул, насторожился:

— А ты в самом деле отступишься?

— В чем?

— Отведешь войска?

Скилл помолчал, ладонь на плече Придона слегка при-

поднялась, зависла в воздухе. Потом Придон скорее услышал, чем ощутил, теплый дружеский хлопок.

— У меня была идея, — признался Скилл, — невесту взять, а войско двинуть на Куявию... Но я люблю тебя, брат! Мы возьмем женщину и вернемся. У нас хватает еще непокоренных врагов в самой Артании. Да и соседи скалят зубы... Надо кое-кому вышибить.

В голосе звучали тепло и любовь. Все верно, подумал Придон со смешанным чувством. Мой брат меня любит... Не получу Итанию, в самом деле двинет войско в Куявию. А так все увидят нашу мощь, как только куявы привезут Итанию, дары тут же раздадим войску, что еще больше укрепит его боевой дух... Я увезу Итанию в стольный град, а Скилл по договору с куявами отведет свое войско... Все равно есть немало дел для богатырей: покорить заносчивых соседей вроде Тхора, расширить кордоны, укрепить кремли и сторожевые башни. Усмирение всей Артании... это может растянуться даже не на один год. А потом мысли брата снова вернутся к проклятой Куявии, стране подлых торгашей и колдунов, но это уже не будет нарушением договора. Отыщется другой повод для вторжения.

— Я люблю тебя, — ответил он с чувством. — А что ты обронил, что и ты когда-то...

Скилл внезапно встал. Только что рядом сидел любящий старший брат, ласковый и добрый, который учил его садиться на коня, показывал, как владеть мечом и стрелять из лука, а теперь с лавки поднялся холодный и суровый вождь племени, все чаще заменяющий дядю не только на поле боя, но и в правлении страной.

Придон с изумлением смотрел в изменившееся лицо брата. Жестокое, словно вырезанное из камня, даже не вырезанное умелым резцом куява, а высеченное грубым молотом слава, оно напряглось, губы сжаты, а в глазах... даже непонятно, чего в глазах больше: огня или льда.

— Мы возьмем для тебя эту женщину, — ответил он могучим голосом, которым привык отдавать приказы на

поле битвы. — А сейчас мне надо пойти проверить стражу на башне.

Придон смолчал, что не дело вождя лично проверять стражу. Из глубины сердца медленно поднимались, словно из теплого ленивого болота, первые прекрасные сверкающие слова, которые не потерять бы, не повредить грубыми пальцами, привыкшими к рукояти боевого топора!

В нем снова заговорил бог.

Ночь, полночь, но сон не приходил. Сердце томится, с души, как говорил Аснерд, сняли кору, словно с живого дерева. Теперь чувствует любое движение воздуха, тревожно ноет, а странные слова разъедают душу, ищут выхода. Он не находил себе места, встал, оделся, вышел во двор.

Над головой в такт шагам колыхалось бездонное звездное небо. Глаза почивших пращуров смотрят строго, вопрошающе. Он брел повесив голову. Ответить нечего, предки ждут подвигов, а он раскис. В его сердце не звучат победные кличи воинов, не слышно стука топоров по щитам, нет криков погибающих врагов.

Очнулся, когда под ногами захрустели мелкие кости, сухие черепки разбитой посуды. Дальше в призрачном лунном свете белеют огромные камни. Трава здесь вытаптывается, ее нельзя скашивать, нельзя кормить коней.

Здесь захоронены погибшие артане. Деды-прадеды, погибшие боевые друзья. Он с десяти лет носил за многими из них шлемы, с двенадцати ему было дозволено носить за ними щиты, а с пятнадцати он уже сам принял участие в первом боевом набеге на соседей.

И вот уже десять лет он в постоянных набегах, схватках, боях. Последние пять лет он сам водит свой отборный отряд молодых героев. О них уже слагают песни, а старики кивают внукам на его прямую спину и наставляют, что должны быть такими, как он, Придон, средний сын тцара.

Но сейчас он уже не герой, ибо сердце трепещет, как у

молодого оленя, оказавшегося посреди стаи волков. А сердечный щем переходит в боль, тоску, горечь...

Послышался странный звук, быстро оглянулся. Никого...

Облитые лунным светом, загадочно блестят неподвижные, словно высеченные из камня, верхушки деревьев. Напротив сложенная из темного гранита усыпальница артанских тцаров кажется мимолетной тенью, что тут же рассеется, едва на нее упадет серебряный луч. В ней нет тела его неизвестно в каких краях сгинувшего отца, но зато там тело матери...

Деревья с блестящими вершинками внизу чернее угля, лишь усыпанная золотым песком дорожка серебрится в лунном свете, медленно проползает под толстыми подошвами, а сама усыпальница медленно разрастается, уже видны медные ручки массивной двери...

Придон вздрогнул, кровь похолодела в жилах. Дверь без скрипа приоткрылась, из помещения выскользнула темная фигура. Качнулась, словно намеревалась укрыться в тени, но внезапно остановилась, загораживая ему дорогу.

Придон пытался произнести хоть одно охранительное заклятие, но не мог шевельнуть помертвевшими губами. А в голове сразу пронеслись все те слухи, что ходили среди челяди о его матери...

У человека, который загородил ему дорогу, в глазницах полыхал багровый огонь.

Отец, говорят, добыл их мать, Порею Солнцерукую, в дальней стране, чуть ли не в Темных Землях. А может быть, и в самых Темных, но только он сразу умолкал, когда на пирах или в беседах заговаривали, когда и как он добыл красавицу-жену. Все герои любят похвалиться, как и какими усилиями обошли соперников, вырвали победу в последний миг, но отец помалкивал всегда.

Позже от волхвов стало известно, что этой красавицы тщетно добивался не то могучий маг из Темных Земель, не

то бог оттуда же, но если она и раньше умела пресечь его притязания, то теперь, замужем, обрела добавочную защиту. Правда, Темный Бог как обезумел, последовал за ними и продолжал домогаться ее уже в Артании, но здесь его мощь была не столь велика. Местные чародеи во главе с молодым еще Вяземайтом воздвигли мощный щит, и бог в бессилии ломился через преграды, сокрушая одну за одной, но Вяземайт с такой же легкостью взамен каждой порушенной стены магии возводил две новые.

Придон помнил, как однажды Вяземайт вызвал их, Скилла и его, Придона, на городскую стену, это были сумерки, повел по воздуху руками, пошептал. Вдали открылось словно бы окно в другой мир. Придон с содроганием увидел, как по темной безжизненной степи летит навстречу ветру чудовишный всадник на огромном черном коне. Лица не рассмотреть, но от всей фигуры сразу повеяло недоброй мощью. Впереди всадника огромными скачками неся исполинский пес, черный, страшный, глаза горят, как раскаленные уголья, раздуваемые ветром, хвост вытянут струной. Ветер треплет шерсть...

Всадник метнул в их сторону взгляд, окно сразу исчезло, но Придона затрясло, ему как-то передалось чувство страсти, горя и отчаяния всадника, его любви и одновременно ненависти к златокудрой, из рук которой исходит свет... Он потрясенно понял, что все это направлено на его мать, а этот всадник и есть тот, перед носом которого их отец сумел выхватить и увести лучшую в мире добычу! И вот он уже сколько лет страдает, добивается, оставил свои Темные Земли и бродит по этой страшной для него и ненавистной подлунной земле, надеясь пробраться к его матери, похитить, увести...

Постепенно странности их матери через служанок и челядь стали известны всей Артании. Она никому не позволяла присутствовать, когда мылась. В ее спальне всегда царил полная тьма, светильники убраны вовсе, чтобы никто ненароком не зажег, а окна плотно закрыты дубовыми ставнями.

Но артане ее любили за красоту, за светлую улыбку и за тот странный дар, которым ее наделили боги: где бы она ни появлялась, в тех местах коровы начинали приносить по двое телят, прекращались болезни скота, а трава начинала расти быстрее.

Еще она могла самую темную ночь во дворе превратить в светлый день, стоило лишь приподнять длинные рукава роскошного платья. Свет от ее рук разгонял тьму, рассеивал тени, а нечисть с криками покидала гнезда.

Потом она заболела внезапно, без всякой причины. По всей Артании заговорили, что не обошлось без злых чар. Слухи пошли разные, кто-то валил на Темного Бога, хотя вряд ли тот решился бы на такую гнусность, кто-то обвинял проклятых куявов, кто-то многозначительно кивал на враждебные горные племена, что на границе с Куявией...

Может быть, степи Артании все же угнетали ее, как и страшный мир с Луной и сместившимися звездами... если правда то, что отец вырвал ее из племени долунных существ. Но она угасала долго, не желала сдаваться, а когда ощутила близость кончины, то слезно просила Осеннего Ветра трое суток охранять ее тело в склепе. Тцар, тоже в слезах, обещал все исполнить, хотя просьба явно нелепая, а врагов на ближайшие сто конных переходов нет. Двое суток охранял сам, охрип от рыданий, глаза ничего не видели от выплаканных слез, но на третьи вынужден был отлучиться, нести стражу поручил доверенным воинам.

Но обезумевший от любви и страсти Темный Бог за это время сумел сломать все магические стены, стражей услад за городскую стену, сам пробрался в склеп, отворив все зачарованные запоры, овладел мертвым телом своей возлюбленной. А затем в исступлении, когда разум помутился от горя и сознания, что его любовь все равно ускользает от него, на этот раз навеки, он пустил к ее телу своего коня и даже psa.

Наутро их отец явился в склеп и сразу увидел, что произошла беда. Одежды на его жене порваны, сама на полу, на лице гримаса страдания и отвращения. А еще через не-

сколько недель она, будучи мертвой, родила. Мальчика, здорового и крепкого, после долгих колебаний решили оставить в живых, у отца просто рука не поднялась умертвить ту частичку, что осталась от его жены. Ребенка назвали Ютланом. Следом за мальчиком Солнцерукая, к ужасу отца и стражей, родила жеребенка и... щенка.

Сын мертвой рос на диво сильным, быстрым. Он отказался от молока кормилиц, зато с жадностью пожирал сырую печень, и отец не мог без содрогания смотреть на окровавленный рот младенца с серьезными глазами. Был он угрюм и немногословен, никто никогда не слышал его плача. Возможно, он вообще плакать не умел. Дети его сторонились, женщины боялись, и лучшими друзьями стали кровные братья по матери: конь Алац и пес Хорт. На недели он исчезал из города, носился по Степи, и не было зверя, которого не догнал бы его конь с горящими глазами и не завалил бы его пес, при виде которого в смертном страхе разбегались все псы. Как и не было чудовища, с которым устранился бы сразиться юный Ютлан, сын неведомого бога и женщины из Темных Земель.

Но тцар любил его, как любил Скилла и Придону, звереныш все же сын женщины, которая для него все, что у него было лучшего, а его любимцам Скиллу и Придону — родной брат. К слову сказать, Скиллу и Придону было безразлично, чей сын на самом деле Ютлан: рос с ними, играл с ними, и оба привыкли считать его таким же сыном тцара, как и себя.

Потом они все потеряли отца. Войско возвращалось после удачного похода, везли на телегах много захваченной добычи, только подвод с золотой посудой насчитывалось больше сорока, двигались медленно, и тогда отец с тремя богатырями пустился впереди войска, спеша обнять детей...

Когда войско прибыло и оказалось, что четверо так и не появились, на их поиски были посланы лучшие следопыты, самые быстрые конники. Не нашли даже следов.

В этот раз Ютлан, преодолев свое нежелание находить-

ся с людьми, просился с ними и в Куявию. Скилл велел остаться: дяде нужна помощь, а кто, как не он, в их отсутствие опора мудрому, но чересчур доброму дяде? И Ютлан, нахмурившись, сурово пообещал, что, пока они в Куявии, он не позволит никому перечить или ослушаться дяди.

А вообще Ютлан на охоту всегда уходил один. Даже ночевал неизвестно где, ибо его комната во дворце рядом с комнатой Придона всегда оставалась пустой. И вообще старался держаться один, словно переживая свое странное происхождение. Придон помнил, как однажды отец позвал их всех и наставлял младшенького:

— Ты должен быть с братьями всегда вместе! Понимаешь? Вместе!.. Тогда вас никто и никогда не одолеет. Не понимаешь? Ну-ка дай мне тот колчан со стрелами...

Ему принесли колчан, полный стрел. Отец достал одну стрелу, протянул Ютлану:

— Ну? Сломать сумеешь?

Ютлан пожал плечами:

— Конечно.

Легонько хрустнуло, обломки упали на пол, а мальчишка вопросительно посмотрел на отца.

— Прекрасно, — сказал отец довольно. — А две?

Он подал сынишке две стрелы. Ютлан взял, посмотрел на отца, усмехнулся. Послышался треск, на пол упали обломки двух стрел.

— А теперь, — сказал отец, — сделаем вот так...

Он подал младшенькому весь толстый пучок стрел, улыбнулся, сделал приглашающий жест.

Ютлан взял стрелы, детские ладони едва-едва обхватили весь пучок. Все видели, как он закусил губу, напрягся, даже побагровел. Пучок медленно начал гнуться. Все затаили дыхание. Ютлан нажал сильнее, послышался треск. Из рук мальчишки на пол посыпались сломанные стрелы.

Ютлан выжидающе уставился на отца.

— И что с того, отец?

Отец открыл и закрыл рот. За его спиной верховный

вохв чему-то прыснул и, зажав рот ладонью, поспешил из зала.

— А ничего, — наконец ответил отец с досадой. — Дураком ты растешь! Боюсь, им и останешься.

Тогда все трое так и не поняли, почему отец ушел, чем-то очень рассерженный. Часто потом Придон вспоминал этот эпизод, усмехался. Иногда даже их героя-отца постигала неудача. Особенно когда касалось воспитания... Так и росли, больше зная воевод и начальников дворцовой стражи, чем подолгу исчезавшего в походах отца.

И вот теперь мать мертва и лежит в этой усыпальнице, отец исчез, странный лунный свет волшебным покрывалом укутал сад и каменный свод, сверху можно рассмотреть самые мелкие капельки росы, а внизу могильная тьма и даже сырость могилы...

Темная фигура качнулась, багровый свет нечеловеческих глаз осветил лицо. Придон, опасаясь, что младший брат исчезнет, сказал тихо:

— Брат!.. Это я, Придон.

Уже без страха, а чувствуя тихую печаль, он подошел, Ютлан стоял неподвижно. Лицо не по-детски серьезное, вместо глаз все тот же яростный огонь, что сейчас стал тише, не выплескивается из глазниц. Высокие скулы нехорошо блестят, словно металлические, щеки в тени, только выступающий подбородок поймал лунный луч и позволил ему растечься по нижней челюсти.

— Я тоже люблю нашу маму, — сказал Придон тихо, — и тоже прихожу сюда... украдкой.

Ютлан угрюмо молчал. Придон обнял этого странного младшего брата, пальцы ощутили, как напряглись твердые мышцы, звереныш явно боролся с желанием вырваться и убежать.

— Я знаю, — прошелестело в темноте. — Я видел твои следы.

— Разве я оставлял? — спросил Придон тихо. — Я же... Ах да, ты же лучший следопыт.

Ютлан помолчал, спросил так же угрюмо, голос звучал

сипло и не по-человечески, будто Ютлан говорил последний раз очень давно:

— А откуда знаешь про меня ты? Я следов не оставляю.

— Я чуял запах, — ответил Придон.

Придон не выпускал брата, держал легонько за плечи. Ютлан не вырывался, лицо в тени целиком, пурпурный огонь в глазах то остывает до темно-багрового, даже чернеет, оставляя кроваво-красными только зрачки, то снова давая им разгореться мстительным огнем.

— Ты потерял мать, — проговорил Придон, — мы все ее потеряли... Но у тебя остался я. Остался наш старший брат... Не убегай от нас... постоянно. Ты видишь, насколько мы одинаковые... Даже к маме в одно и то же время, та-ся от других!

Красные зрачки расширились, кровавый отсвет злое еще подсвечивал массивные надбровные дуги. У Придона возникло нехорошее предчувствие, что брат обернется зверем и либо вцепится острыми зубами ему в горло, либо убежит. Нижняя челюсть как будто удлинилась еще больше, лунный свет заблестал на кончиках ушей, что выдвинулись из темноты.

На него пахнуло животным теплом лесного зверя. Он не успел понять запах, таких зверей не знал, только в мозгу быстро пронеслись смятые картины чего-то ужасного, целиком из шипов, когтей и зубов, но тут же запах рассеялся, перед ним стоял Ютлан. Красный свет угас, луна блестит на шапке волос, не достигая ушей, а нижняя челюсть всего лишь упрямо выдвинута, как у всех мужчин из их рода.

— Ты мой брат, — выдохнул Ютлан.

ГЛАВА 13

После странной встречи возле усыпальницы возвращался медленно, сна по-прежнему ни в одном глазу, сердце ноет, все равно не заснет, завтра с утра из городских врат, глупо последнюю ночь в родном доме тратить на сон.

В окнах дворца горит свет. Ставни не закрыты. Видно, как по стенам стремительно проносятся длинные черные тени. Придон улавливал взмах руки, это его дядя, он любит размахивать руками, замечал косой полет тени, наподобие падающей летучей мыши, — это прошел Скилл.

Дядя и брат не спят, ломают головы, как обезопасить его путь. Как помочь ему, потерянному для страны, для племени, для народа, ибо обезумел в своей страсти к женщине из чужого народа...

Ноги с середины двора свернули, что он может сказать дяде и Скиллу? — вместо входа во дворец под лунным светом начала вырастать крыша конюшни. Ноздри уловили домашний запах конских тел, свежих каштанов, душистого сена. Из-за двери слышалось фыркание, стук копыта по дереву. Луговик как-то почувал приближение хозяина.

Сонный конюх, что дремал у дверей, вскочил, бросился отворять двери перед героем. Придон отмахнулся, вошел в мир знакомых родных запахов, Луговик потянулся из стойла навстречу. Придон обнял его за шею, Луговик что-то ощутил, попытался убрать в сторону большую конскую голову, но Придон все равно поцеловал в умную морду. Конь брезгливо фыркнул. Настоящий боевой конь, не переносит телячьих нежностей. Но Придон не шлепнул его по лбу, не захохотал громко и грубо, как должны смеяться настоящие мужчины, и конь сам ткнулся мягкими бархатными губами в лицо друга и хозяина, легонько боднул головой.

— Не спрашивай, — прошептал Придон, — я даже себе не могу ответить... Но все увидишь сам. Мы узрим дивные места. Только я и ты... И все поймешь.

Он знал, что конь в самом деле понимает каждое слово, каждый жест, вскрик или движение в седле. Когда-то выхаживал его осиротевшим жеребенком, сам поил молоком из чашки, сам купал и чистил. Да и Придон понимает ржание Луговика, взмахи головы, стук копыт и выражение всегда печальных и мудрых конских глаз. А когда они вместе вламываются в ряды врагов, кажется, что это единый страш-

ный зверь ворвался в стадо беззащитных овец и режет, коллет, бьет копытами и хватает огромными зубами!

Летняя ночь коротка, на востоке появилась светлая полоска. От темной земли вверх пошел слабый нежный свет. Очень медленно проявился едва заметный оттенок розового.

Придон вздохнул, на выходе сказал конюху:

— Насыпь отборной пшеницы. Осмотри копыта, нам сегодня в долгий путь.

Конюх вздохнул.

— Для того чтобы увидеть, — сказал он робко, — что небо везде синее, вовсе не надо отправляться в этот самый долгий путь.

Придон улыбнулся.

— Знаю, признаешь только один путь — к нашим сердцам, как Вяземайт из всех дорог признает только тропку к богам, а все остальное для него — тупики. Но все-таки люди намного проще! Мы ходим простыми земными путями. Готовь коня, я чувю, что не задержусь.

Он в самом деле чувствовал, как жадное нетерпение гложет изнутри внутренности. Темное здание дворца, что в лунном свете блестит, как большая рыба на темном небе, теперь грозной глыбой выступило на светлеющем небосводе. Но светильники еще горят, а к теням Горицвета и Скилла прибавилась еще одна...

Когда он толкнул дверь и переступил порог, Горицвет все так же нависал над столом с расстеленной картой, словно и не менял позы, а Скилл и Вяземайт на другом конце комнаты размахивают огромными топорами. Обнаженные торсы блестели, богатыри явно отбирали оружие всю ночь, пока Горицвет мысленно бродил по дорогам, переправлялся через бурные реки, выбирая для Придона дорогу побезопаснее.

Теперь в углу появился еще один стол. Золотыми украшениями блистал ларец, вдоль стены выстроились топоры, копья, мечи. Грудами навалены доспехи, все дорогое, самое лучшее...

А под стеной очень смирно и тихо, как мыши, сидели Олекса и Тур. Придон сперва их даже не заметил, оба не двигались, не шевелились. Даже, кажется, не осмеливались дышать.

Придон ощутил, как жар коснулся щек, сполз на шею.

— Да что вы так, — проговорил он тоскливо. — Это мое безумие, а вы... Вместо того чтобы наброситься на меня, обругать, связать и посадить под замок, вы еще и возитесь, как с больным!.. Я ж так никогда не рассчитаюсь с вами.

Вяземайт оставил в покое топор, грудь волхва бурно вздымалась. В глубоко запавших глазах блеснули искорки.

— Это будет недолго, — пообещал он.

— Правда? — спросил Придон с недоверием.

— Ты шею свернешь очень скоро, — пояснил Вяземайт.

— Ну, спасибо, — пробормотал Придон. — Хоть какое-то утешение.

Дверь с грохотом отворилась. Аснерд вошел насупленный, лицо обрюзглое. По комнате прокатилась мощная волна запахов железа и пота.

В руке Аснерда победно горел головной обруч с рубином размером с голубиное яйцо. Красный камень блестел зло, Придон, как воочию, увидел пламя пожаров, что останется за хозяином этого обруча, и кровь, которую прольет боевой топор.

— Надень, — велел Аснерд отрывисто. — Пока он будет на тебе, защитит от любой стрелы, камня или швыряльного ножа. Увы, не от брошенного артанского топора, ведь ковали этот обруч наши артанские колдуны! А ты знаешь, как метко и мощно бросают топоры артане...

Придон обеими руками принял обруч. Кончики пальцев слегка кольнуло, словно обруч попробовал нового хозяина на зуб.

— Спасибо, — поблагодарил он. — А как же ты?

Аснерд фыркнул.

— У меня пять тысяч удалцов, прикроют меня даже от комара. А тебе твою голую, как у жабы, спину прикрыть некому.

— Аснерд...

— Бери, бери!

Обруч сел плотно, волосы на лбу прижал. И хотя не шлем, закрывающий голову, ведь есть шлемы с личиной, что закрывает и лицо, но все же Придон ощутил защищенность, даже без всяких магических штучек.

— Спасибо, — повторил он с чувством. — Я никогда не забуду твоего дара, Аснерд.

Горицвет снял с пальца кольцо, металл тусклый, невзрачный, даже без камушка, простое серенькое кольцо.

— Возьми.

На его широкой и твердой, как весло, ладони колечко выглядело совсем крохотным и невзрачным. Тем более что рядом блестели унизанные золотом пальцы.

— Что это? — спросил Придон.

— Бери, бери. Мне подарил однажды твой отец. Так что я просто возвращаю наследнику.

Придон осторожно взял колечко двумя пальцами. В самом деле простое, из невзрачного металла, вроде бы из бронзы, но все же не бронза и не железо. Примерил на средний палец. Руки у него крупные, ладони широкие, а пальцы длинные и толстые, однако кольцо, теперь это заметно, для него великовато. Для какого великана его сковали?

— Кольцо твоего прапрадеда, — сказал Горицвет. — Где добыл, не говорил. Мне в моей спокойной жизни оно ни к чему. Кольцо на пальце обезвредит любой яд, если к чаше прикоснешься кольцом. Так что надень, надень! И носи не снимая. А любой сосуд на чужбине бери только этой рукой.

Вяземайт взял с маленького столика ларец, зачем-то взвесил на руках. Щелкнуло, крышка дивным образом откинулась, будто ее толкнули изнутри. В глубине тускло блеснул старой медью широкий желтый браслет, какие мужчины иногда носят на предплечье.

— Возьми, — сказал Вяземайт сурово, — этот дар от братства волхвов Артании. И будь его достоин. Носи только на левом предплечье. И... береги этот дар.

Придон подумал, что вообще-то сам браслет должен беречь его руку от острых мечей, но спросил только:

— А его мощь в чем?

Волхв на секунду запнулся, в запавших глазах мелькнуло смущение и тут же скрылось, как мелкий зверек при виде большого.

— Мы только знаем, — проговорил он, — что в нем заключена некая странная мощь. Но какая? Пока узнать не удалось. Возможно, узнаешь ты.

— Как? Я не волхв...

— Возможно, это браслет, что просыпается лишь во время битв, схваток, запаха крови. Или он недвижим в своей стране, а в горах Куявии или в лесах Славии пробудится его мощь?

Скилл, который наблюдал молча с боевым топором в руках, сделал шаг вперед. Лицо суровое, но Придон улавливал в глазах старшего брата глубокую тревогу.

— Возьми, — сказал Скилл. Он протянул топор обеими руками. — Это простой боевой топор. Никакой магии, это честный воинский топор!.. Он не обезвредит яд и не прибавит тебе сил, но он крепок, как наша воля, и всегда остр, как мудрые слова наших старейшин.

Придон взял топор с трепетом в сердце. Он чувствовал, что значит для Скилла расстаться с таким оружием. Которое, возможно, будет потеряно где-то в чужих краях, как потеряны редкие доспехи отца вместе с их хозяином.

— Спасибо, брат, — сказал он с чувством. — Всем спасибо! Я даже не знаю, за что вы все так добры ко мне.

Аснерд громко кашлянул, глазами указал Горицвету на все еще неподвижных Олексу и Тура. Горицвет кивнул, глаза поймали Придона, он сказал громко:

— Видишь этих смирных овечек?..

Придон сказал с неловкостью:

— Да, но...

— Они пойдут с тобой, — сказал Горицвет коротко.

Придон отшатнулся.

— Нет! Ни за что!

Горицвет покачал головой. Лицо его стало злым и жестоким.

— Это приказ, — отрезал он. — Молчи, я знаю, что ты скажешь!.. Мол, иду почти на гибель, потому не могу брать с собой других людей... Что, не так? Молчи-молчи!.. Дурак, мальчишка. С тобой рвалось идти все войско. Нам пришлось отбирать лучших, а из них лучших из лучших!.. Туру нет равного в кулачном бое, он может поднять гору, с конем на плечах обгонит тебя в беге, а любые стрелы ловит на лету с закрытыми глазами! А второй... ну-ка, поднимись, покажи ему свои руки!.. Это знаменитый Олекса, он умеет все то, что делает Тур, и вдобавок ему дано богами умение слышать, как растет трава, о чем переговариваются в глубинах земли муравьи и как шелестит вода в стеблях травы!

Придон смотрел на Олексу и Тура с неловкостью и стыдом.

— К тому же, — закончил Горицвет, — только Олекса может отыскать, где сейчас кочует Градарь... А только Градарь может подсказать, где искать обломки твоего меча.

— Бога Хорса, — поправил Придон.

Горицвет отмахнулся.

— О таком боге уже забыли. А о тебе, если найдешь, будут слагать легенды.

— Но какой Градарь? — пробормотал Придон. — Не тот ли знаменитый, который...

Горицвет сказал с неохотой:

— Он не всегда был старым и знаменитым. Когда-то был молодым дурнем, вроде тебя. Только пока другие ходили в походы, он не мелочился: выспрашивал у стариков, записывал, ездил по стране, везде вызнавал, где могут быть обломки того меча. Собирался сразу стать непобедимым воителем... Но, пока все вызнавал, то ли успел постареть, то ли просто поумнел, то ли все выложил в песнях...

Придон пробормотал:

— Зачем ему меч? Он и без меча завоевывал людей.

Горицвет скупо ухмыльнулся:

— Тогда он еще не знал, что обладает силой побольше.

— Значит, — спросил Придон, — сперва к нему?

— Да, Олекса проведет вас.

Они все смотрели на него серьезно, уже без жалости, как вчера.

— Ну почему, — взмолился он, — почему беретесь? Вам-то что? Это слишком большая жертва...

Горицвет посмотрел почти с отвращением. Аснерд вздохнул, сдвинул плечами. Вяземайт развел руками, мол, мал и глуп, чего с него взять. Даже Олекса и Тур смотрели с некой снисходительностью.

— Ты так и не понял, — проговорил Горицвет с сожалением. — Да, тебе еще долго надо учиться понимать мир, прежде чем подумать о троне... Ты все еще думаешь, что поиск меча — твое личное дело?

— Ну да, — прошептал Придон. Он нервно сглотнул комок. — Мне нужен этот меч. Я его обещал отвезти в Куябу...

— Мальчишка, — повторил Горицвет.

— Не понимает, — сказал Аснерд.

— Да как он может понять? — возразил Вяземайт. — Для него сейчас весь мир — Итания. Слушай, Придон, никто из нас твой меч отнимать не собирается. Добывай и вези в Куябу.

Придон прошептал, сбитый с толку:

— А чего хотите вы?

— Чтобы ты добыл и привез сюда Итанию.

Снова он чувствовал, что стоит с глупо раскрытым ртом. Аснерд, Вяземайт, Скилл и даже эти двое его будущих путников смотрят так, словно с детства знают некую истину, до которой никак не доползет он, сын тцара, который никогда не слыл дураком.

Скилл кашлянул, сказал очень мягко:

— Он сейчас взволнован, ему трудно понять. Дайте я ему скажу... Придон, ты знаешь, чем страна богатеет? Правильно, хорошими землями, тучными пастбищами. Это для нас главное. Чтобы выжить, главное. А чтобы процветать, нужны залежи золота и железа. Если надо, то приходится за

них воевать... Еще престиж страны меряется по тем волшебным вещам, которые в той стране есть. Волшебные топоры или даже мечи, хотя не понимаю такой дури, что ничемные в бою мечи делали волшебными... волшебные скатерти, дудки, дивные жар-птицы, чародейские посохи... Особенно ценятся волшебные кони, в цене колдовские камни, кольца, амулеты... Понял, да?.. Не менее ценимы герои, ибо без героев страна если не мертва, то влачит жалкое существование до тех пор, пока кто-то сильный не придет и не возьмет ее целиком, с пастбищами, золотыми рудниками, волшебными вещами.

Он перевел дух, никогда не говорил так долго. Аснерд протянул кувшин с холодным напитком. Скилл отпил жадно, красноватые струйки потекли по подбородку, перевел дух и сказал уже чуть веселее:

— А самое главное сокровище любой страны, любого народа и любого племени — это женщины! Для них добывается и власть, и золото, и земли, и волшебные жар-птицы. Ну, ты же слышал...

Он снова припал к кувшину, пил долго, пока не запрокинул вверх дном. Придон украдкой оглядел лица, на которые как будто упал солнечный луч. Даже всегда хмурый и мрачный как ночь Вяземайт просветлел, а в глазах появилось мечтательное выражение.

Артания, это знают все, почти вся из Степи, на юге от Куявии ее отделяют горы. Среди неприступных скал укрепилось одно воинственное племя, слава о котором идет по всей Артании, о нем знают в Куявии и даже в Славии. Не за доблесть мужчин племени, не за богатства земли или особой выделки мечи: в том племени живет знаменитая Яливия, о которой слагают песни, о которой грезят мужчины и которой завидуют все девушки. Частокол ее ресниц сравнивают с разящими наповал стрелами, ее глаза — озера, в которых мечтает утонуть каждый мужчина, а ради ее улыбки всякий готов броситься хоть в пропасть, хоть на копья...

В таком же горном племени, но уже по ту сторону границы, на стороне Куявии, живет Тация, при виде которой

солнце желтеет от зависти и спешит скрыться за тучкой, боясь сравнений. Когда Тация выходит в ночи, то озаряет все вокруг, как будто снова взошло солнце. Еще идут слухи, что в племени убичей в одной очень бедной семье родилась девочка, на красоту которой уже едут любоваться из дальних стран, а могучие властители стран спешат договориться о браке с ее родителями, предлагая своих сыновей в мужья.

За легендарную Бивию, у которой волосы из чистого золота, сражалось семь племен, за Симиλλу поссорились тцары и великие полководцы. Когда пошла молва о некой красавице из племени шагов, под которой даже трава не гнется, сразу же из всех трех держав отправили знатных людей проверить: так ли это, а если так, то как можно заполучить такое сокровище...

— Превыше всех волшебных коней и волшебных амулетов, — закончил Скилл, — цена красивых женщин! Об Итании давно слава, только ты в походах не слушал эти песни... Так что эту красоту добываешь не только для себя, как думаешь по малолетству... Для всей Артании!

За окном тревожно и призывно заржал Луговик. Придон встрепнулся, по телу пробежала тревожная волна, на руках встопорщились волосы.

— Пора, — сказал он. Попробовал улыбнуться. — Мой конь лучше меня знает, когда надо в поход.

— У тебя чудесный конь, — согласился Аснерд. — Вообще после женщин кони — первые.

— По красоте, — уточнил Вяземайт. — А так кони вообще-то умнее. Но кому этот скучный ум нужен?.. В женщинах, конечно.

Скилл обнял крепко, задержал так на миг. Придон ощутил, как к горлу поднимается горький ком. Все заботятся о нем, а он — только о себе.

Подошел Аснерд, обнял так, что дыхание вылетело со всхлипом, а Вяземайт только положил ладони на плечи, посмотрел в глаза, кивнул.

Последним Придона обнял Горицвет. Придон чувствовал, как тот не хочет выпустить его из рук, ибо здесь он тря-

сется над братьями, как наседка, чтобы сгинувший в неведомых краях брат не укорил за малую заботу о племянниках, а за пределами Артании он будет сам по себе, разве что Олекса и Тур присмотрят...

Придон наконец высвободился, в глазах начало щипать. Дрогнувшим голосом сказал:

— Пора! Прощайте.

Луговик в нетерпении переступал копытами у крыльца. Второй конь, заводной, потряхивал гривой у коновязи. За седлом горбился небольшой дорожный мешок: артане берут даже в самые дальние походы лишь самое необходимое.

Проводить вышли все, Скилл еще раз обнял, Придон прижался к брату. Голос прозвучал хрипло, проклятый ком раздувает горло, как будто там застрял булыжник:

— Я люблю тебя, брат!.. От слова, что я дал, отказаться не могу, сам знаешь. Я добуду этот проклятый меч! Но ты, прошу, проводи по берегу реки наше войско. Пусть эти торгаши узрят и устроятся нарушения договора.

— Устрашатся, — пообещал Скилл угрюмо. — Всяк в Куявии будет знать, что, если до твоего возвращения ее отдадут другому, по всей Куявии возопят вдовы! Я вторгнусь в их проклятые земли и не оставлю там камня на камне!.. Запылают поля и села, а лесные звери и вороны разжиреют на трупах куявов. Я разрушу все их отвратительные города, разбросаю камни и посыплю солью, чтобы ничего не росло... Знай, брат, в Куявии всяк будет стеречь, чтобы ее не выдали замуж!

Он захохотал, в громовом голосе было грозное веселье воина. Он любил блеск и звон металла, победные крики и хрипы умирающих врагов. Где он пронесся со своим быстрым, как молния, войском, за спиной шла стена огня и достигала небес. Лесные звери бежали сломя голову, а овдовевшие женщины со страхом твердили младенцам его имя.

Из конюшни вывели уже оседланных коней Олекса и

Тур. Придон хотел вскочить в седло, но взгляд ухватил на крыльце худенькую женскую фигурку.

Блестка, видя, что ее заметили, торопливо сбежала по ступенькам к брату. Придон смотрел на нее с нежностью и тревогой: слишком чистенькая и хорошенькая, словно рождена для жизни в Куявии. Волосы черные, как ночь, и, как звезды, в них проскакивают крохотные искорки. Овал лица тоже закругленный, милый, чистенький, как только что снесенное яичко. Солнце светило ей в спину, и Придону почудилось, что она вся светится, как только что просвечивались на солнце ее розовые ушки.

Большие блестящие глаза их сестры-затворницы смотрели с немым испугом. Он вспомнил, что его тело испятнали новые шрамы, невольно шелохнулся, как бы закрыть их, но от этого движения задвигались огромные бугры мышц, под смуглой кожей прокатились шары.

Ее хорошенький ротик приоткрылся, Придон еще не знал: в испуге или что-то хочет сказать, но сердце его едва не выскакивало, хотелось пасть на колени, приникнуть лбом к ее коленям.

— Сестренка, — сказал он умоляюще, — неужели я за это время стал таким страшным?

Она покачала головой.

— Придон, — услышал ее тихий голос, — Придон, брат мой... Что ты с собой сделал?

— Что? — спросил он.

— Что тебя терзает? — спросила она. — Придон...

— Сестренка, — сказал он. — Тебе четырнадцать весен... Спроси меня снова, когда тебе будет хотя бы шестнадцать. Я люблю тебя, Блестка!

Он поцеловал ее в обе щеки, она сразу застеснялась и покраснела, как маков цвет, а он вскочил в седло. Луговик заржал и пошел боком. Придон огляделся, вздохнул. Моя бескрайняя Степь, я оставляю тебя! Оставляю огромную чашу неба — синюю днем и темнозвездную ночью, оставляю горький запах полыни, пение птиц и стрекотание куз-

нечиков... если в Куявии они и есть, то не такие, оставляю прокаленную солнцем и сглаженную ветрами землю.

Все родное останется здесь, ничего не взять, ибо не уберечь в его полной волнений и лязга мечей и топоров жизни.

Сердце заныло, когда оглянулся на сестру. Всегда у артан вся забота о сыновьях, потому что на их плечи потом ложится основная тяжесть. Дочери остаются в тени. Но кто, как не малолетняя сестра, страдала и не спала ночами, когда он уходил в удалые набеги? Кто первым бросался к нему с плачем, когда он возвращался раненым?

Он резко повернул коня, подхватил Блестку на седло, она в испуге прижалась к его широкой груди. Он бережно обнимал, прижимал к своему твердому, как дерево, телу, такую маленькую, тонкую, с хрупкими, как у птички, косточками. Сестра доверчиво затихла в безопасности на его груди, на груди брата, которого совсем недавно берегла и защищала, хотя он и старше ее почти на десять лет. А Придон, возвышаясь над нею на голову, в самом деле ощутил странные защищенность и покой, словно и сейчас сестра могла спасти его от всех бед и развеять все горести.

Его губы коснулись ее волос.

— Увы, я уже выпорхнул...

— Впервые уезжаешь так далеко, — прошептала она ему в грудь, не поднимая головы. — Один! Без брата, без друзей.

— Не один, — ответил он так же шепотом, — теперь я беру с собой самое дорогое, ценное, огромное!

Она спросила удивленно, сквозь печаль в глазах:

— Что же?

— Свою боль, — ответил он. — Отныне не расстанусь с этой сладкой мукой в сердце ни на краю пропасти, ни в смертельном бою, ни на пиру за чужим столом!..

— Придон...

Он поцеловал ее крепко-крепко и опустил на землю.

— Спроси, — повторил он, — когда тебе будет хотя бы шестнадцать лет.

ГЛАВА 14

За городскими воротами он резко остановил коня. Олекса и Тур тут же оказались с обеих сторон, глаза настороженные, цепкие, а ладони зависли над рукоятями топоров.

Придон без труда стащил браслет, снял с головы железный обруч. Черные как смоль волосы освобожденно рассыпались по плечам.

— Тур, — велел он, — отвезешь это обратно.

Тур не протянул руки, лицо воина было бесстрастным.

— Нет, — ответил он.

— Ты отказываешься меня слушаться?

— Приказ тцара выше, — ответил Тур.

Придон видел, как Олекса кивнул, соглашаясь, да и сам чувствовал, что брякнул не то.

— Но есть то, — сказал он, — что выше приказов любого тцара. Интересы Артании! На мне слишком ценные вещи для нашего народа, чтобы потерять их для нашего народа. А если сложим головы? В Артании тысячи и тысячи отважных сердец. Даже род моего отца не прервется, Скилл и Ютлан — настоящие герои. Но этот браслет, этот обруч... таких больше на свете нет!

Тур несколько мгновений смотрел ему в глаза. Лицо воина мрачнело. Олекса посмотрел на обоих, отвернулся. Конь опустил голову и тяжело всхрапнул.

Очень нехотя Тур принял чародейские вещи и сложил в вещевой мешок. Спohватившись, Придон протянул ему боевой топор Скилла.

— Возьми! Я видел, как этот топор рассекает камень, как будто тот из творога. И ни одной зазубрины! Даже не тупится. Этот топор должен быть у Скилла, он всегда первым врубается в ряды врага.

Тур заколебался.

— А как же ты?

— Моя секира в походном мешке, — ответил Придон. — На первом же привале надо будет вытесать рукоять.

Олекса сказал за их спинами:

— Я вытешу.

Тур вздохнул, даже Олекса принимает и одобряет поступок Придона, взял топор и, не выпуская из рук, предупредил:

— Только далеко не заезжайте! Я все равно догоню.

Круто развернул коня, гикнул, свистнул, конь с места взял в бешеный галоп. Губы Олексы, когда провожал взглядом всадника, тронула скупая усмешка. На всем пути Тур будет стараться проскочить поближе к деревьям, чтобы испытать неистовый восторг, когда целый ствол, срубленный, как легкая тростинка, на скаку, соскальзывает с косого пня и втыкается в землю заостренным концом!

Дорога тянулась серая, а покрытые пылью кусты по обе стороны выглядели клочьями серого неопрятного тумана. Дважды перед конем перебежали ящерицы, а совсем близко над головой пролетела большая черная птица, каких он не видел раньше. Все это что-то значило, предвещало, пророчило, но, как говорят волхвы: судьба сильного ведет, слабого тащит, а героям так и вовсе дано вести за собой судьбу. Бывает, что ведут не только свою судьбу, но и судьбы целых народов.

Тур догнал нескоро, заорал издали:

— Привал!.. У меня конь притомился!

Олекса поинтересовался:

— Как приняли?

Тур сердито зыркнул в сторону Придона...

— Попался бы — убили!

Привал, коней пустили попасться, перекусили хлебом и сыром, наслаждаясь свежим воздухом и простором, и снова в седла, снова рысь, галоп, безумная скачка навстречу ветру.

Солнце изредка проглядывало в разрывы облаков, и тогда на голые плечи обрушивался приятный жар, проникал вглубь, горячил кровь. Ветерок изредка взметывал пыль. Приходилось всматриваться до рези в глазах, пытаясь

определить, скачет ли впереди кто-то на резвом коне или же просто балует ветер.

Далеко слева зелень выглядит слишком уж резко очерченной, явно засеянное поле, но домика не видно, справа так же далеко темнеет гряда невысоких гор.

Когда он проезжал здесь пять лет назад, видел только небольшую рощу да крутую петлю, что делает речушка, а теперь здесь десятки домов, добротное селение, вот-вот поставят стену и смогут называться городком.

Пару домов так вообще поставили в два этажа, еще с десяток — в полтора. Люд чувствовал себя в безопасности, дома иногда совсем теряются на пространстве, словно их строили волки-одиночки или очеловечившиеся медведи, но кое-где все же сбивались, как овцы в стадо. На улице народ попадался именно здесь: на завалинках, просто на спиленных стволах толстых деревьев. Все провожали Придона и его спутников любопытными взглядами, дважды за ними увязывалась ребятня.

Тур загорланил веселую песню. Придон прислушался, слова знакомые, даже привычные, сейчас вдруг показались грубыми и какими-то... идущими мимо.

— Не так надо, — шепнул он одними губами. — Но как?..

Ветер сорвал с губ и унес, копыта стучали чаще, это он сам безотчетно ускорял конский бег, встречный ветер охлаждал и не мог охладить раскаленный лоб.

Но как, пронеслась злая мысль, как выговорить эти клокочущие, как лава, слова, чтобы получился не дикий крик, а песня? Которая тронет Ее сердце?

Справа и слева нарастал грохот. Олекса и Тур поравнялись, их кони несут всадников легко, могучие богатырские кони — Горлицет лично проследил, чтобы их кони не уступали Луговику. Придон покосился с неприязнью. С их появлением сладостные грезы об Итании вспорхнули и унеслись, как испуганные бабочки.

— Где же Градарь? — крикнул он.

— Уже скоро, — прокричал Тур, — если верить Олексе!

— Он что, всякий раз кочует по разным местам?

— Да, он все еще не привыкнет, — ответил Тур, — что мог бы переложить все заботы о перекочевье на внуков.

Олекса крикнул через голову Придона:

— Внуки у него умнее. Едут не наугад, а туда, где и в прошлом году трава была густая и сочная... А Градарь не раз терял стада...

— Все не успокоится! — прокричал Тур.

Они чуть сбавили конский бег, кони потряхивали гривами, глаза блестят, готовы нестись до изнеможения.

— Да, — согласился Олекса, — пора бы ему на покой... Как думаешь, Придон?

Придон ответить не успел, Тур захохотал, став похожим на своего громогласного отца.

— Покой? Это то же самое движение!

— Да ну? — спросил Олекса саркастически. — Куда же?

Тур пожал плечами:

— К старости, к смерти... Так раз уж покой все равно не спасает, то не лучше ли?..

— Лучше, — согласился Олекса — Кто жаждет покоя, тот должен быть глухим, слепым и... это... не интересоваться женщинами. Вообще-то покой не где-то, а в нас самих. Я, к примеру, покоен...

Тур посмотрел на него и чему-то рассмеялся. Олекса рассердился:

— Чего ржешь?.. Он тогда жульничал!.. У него свинец был забит в кости!

Они заспорили, Придон даже не слушал, у них свои интересы и свои разговоры, постороннему не понять, да и неинтересно, как вот и его не понять... да он и сам себя не понимает, но это жуткое и сладостное сумасшествие, эта дивная мука, что терзает грудь.

Скакали весь день, потом напоили коней и снова поехали уже в ночи. Степь залита волшебным лунным светом, странный мир, когда небо темное, а земля как будто укрыта серебром.

Придон на скаку запрокинул голову. Угольно-черное небо со сверкающими звездами выгнулось над ним огромной опрокинутой чашей. Он — в центре мира, и все звезды смотрят на него. Звезды — это глаза тех, кто пал, защищая родную землю. Они внимательно следят за артанами, словно совесть. Когда умру, подумал он, нет... когда погибну... тоже стану звездой и буду смотреть на артан, чтобы не сворачивали с пути.

Но пока что, сказала в нем без всякой связи, я готов отдать кровь по капле, чтоб в твоём саду она взошла цветами!

Смутно удивился, при чем тут звезды, но тут же со сладким тревожащим страхом понял, что, куда бы ни смотрел, о чем бы ни думал, ее образ всегда перед глазами, а в самых умных беседах может ляпнуть что-то невпопад, ибо разговаривает и с нею.

Рассвет застал их все еще скачущими. Дивные артанские кони устали, но все еще неслись, мало уступая в скорости летящим стрелам.

А потом, уже при ярком солнечном свете увидели, как вдали за клубилась пыль, затем из желтого облака вынырнул летящий навстречу всадник. Следом таким же бешеным галопом неслись еще двое. В руках блестят боевые топоры, все трое обнажены до пояса, все трое окоричневели от знойного солнца, длинные черные волосы трепещут под встречным ветром, вытянутые в струну, как гривы и хвосты их коней.

Передний, подскакав ближе, выглядел таким разочарованным, что Придон через силу улыбнулся. Молодые герои размечтались, что удастся сразиться с неведомым чужаком, что явился угонять их табуны!

Он вскинул ладонь в приветствии. Передний всадник остановил коня, красиво поднял на дыбы, так же красиво поднял руку, мол, и у него тоже есть мышцы, крикнул звонко:

— Приветствую, сын тцаря! Меня зовут Автангал...

Придон ответил:

— Приветствую, Автангал. Я помню тебя. Ты носил за

героем Кунгером щит, а когда тому метнули в спину нож, ты перехватил на лету.

Автангал расцвел от смущения, голос зазвенел:

— Доблестный Придон! Такой великий воин запомнил меня, десятилетнего подростка? Я счастлив и никогда твоей похвалы не забуду.

— Сейчас ты уже мужчина, — определил Придон, хотя Автангалу вряд ли больше пятнадцати лет. А запомнил он его потому, что для самого тогда был первый поход во главе самостоятельного отряда. — Благородный Градарь у себя?

Подскакали двое других, такие же подростки, не по годам развитые, широкие в плечах, сила и удаль выплескиваются из ушей, глаза горят жадой подвигов, свершений. Их уже сейчас можно на Куявию.

Один сказал поспешно:

— Да!.. Как всегда, за пиршественным столом. Я провожу тебя, если позволишь!

Второй метнул сердитый взгляд, каждому хочется выскочить хоть ненадолго из скучной работы табунщика, но смолчал.

— Показывай дорогу, — велел Придон.

Кочевье Градаря увидели по дымкам, что поднимаются из-за края земли, темными струйками уходят вверх по чистому безоблачному небу. Похоже, шатры на том же месте, что и пять лет тому, когда Придон виделся с Градарем последний раз, хотя за это время Градарь поменял... или мог поменять место стоянки бесчисленное число раз.

К удивлению Придона, у огромного шатра из расписного шелка он увидел три стола. Артане пили и веселились, Придон еще издали слышал их удалые песни, только ожидал, что пируют по обычаю прямо на шкурах, брошенных на землю, а столы... какие столы у суровых артан, что постоянно кочуют?

Мальчишка усакал вперед, бегал вокруг столов,

что-то верещал, как быстрая белка. Один из пирующих поднялся, вышел навстречу с распахнутыми руками:

— Придон, мальчик мой! Как ты возмужал...

Придон соскочил на землю, Градарь обнимал, щупал плечи, огромные, как валуны, пробовал ущипнуть мышцы, но проще вонзить ногти в толстые корни старого дуба, наконец с любовью хлопнул по вздутым пластинам груди.

— Какой богатырь!.. Да, в тебе видна кровь прадеда...

В голосе Градаря Придон уловил недосказанное, словно тот успел оборвать кончик фразы. Невольно вспомнились приглушенные рассказы взрослых, что временами он, Придон, сын тцара Осеннего Ветра, бывает похож на своего легендарного прапрадеда, который взял, по слухам, в жены женщину из дивных людей. Как, впрочем, якобы сделал и его отец, но про отца только слухи, а вот прадед в самом деле взял женщину из дивного народа и несколько этого не скрывал.

Градарь уже тащил его за локоть к праздничному столу. Там поднялись, стоя провозгласили веселую здравицу в честь молодого героя. Кубки с настойками из горьких и жгучих трав столкнулись над столом со звоном, через медные края сорвались капли, но дальше пирующие пили и ели, обнимались, орали и хвастались, уже не обращая на гостя внимания.

Кусок не лез в горло, Придон с трудом отпил не больше половины кубка, хотя за время долгой скачки в горле все иссохло, а в груди горело, как при степном пожаре.

Градарь, постаревший за эти годы, но все такой же чуткий, молча вылез из-за стола, гости продолжали веселиться, запели походную песню, а он уже издали поманил Придона.

Когда отошли за шатер, Градарь сказал с сочувствием:

— И все-таки ты похудел... В глазах сухой блеск, щеки пожелтели. Что за тоска тебя гложет?

В горле внезапный ком, Придон пытался сглотнуть, не смог. В глазах зашипало. Градарь молча обнял, шепнул:

— Не говори. О таком словами не скажешь.

— А чем? — выговорил Придон с трудом. — Чем можно выразить?

— Не знаю, — ответил Градарь. — Лучше всего могла бы сказать весна... с ее журавлиным курлыканьем, журчанием тающего снега... вообще — весна! А мы — только ее дети, что медленно идем к осени. Ты неспроста приехал ко мне.

Придон кивнул.

— По мне заметно?

— Еще как. Ты бы сам посмотрел на себя!

— А что у меня не так?

Градарь с сочувствием всмотрелся в его лицо.

— Ты похудел. Но это не от холода или тяжелых переходов. Твой жар сжигает тебя изнутри. И, Придон, прими правду... тебе никто не поможет, не спасет, не выручит.

Придон сказал жалким трясущимся голосом, за который раньше убил бы себя:

— Спаси меня, величайший!.. Я в проклятой Куявии внезапно увидел власть, которая неизмеримо выше и сильнее власти всех тцаров, всех чародеев. Это потрясло меня так, что я даже сейчас... Да, меня трясет, ты же видишь, глаза у тебя — все те же глаза орла! Потому и сейчас я кланяюсь тебе, как не кланялся даже отцу, ибо тот всего лишь тцар и мой отец, а ты — создатель, творец... Ты умеешь создавать песни, от которых наши сердца то взмывают к небесам, то падают в огонь. Ты умеешь заставить смеяться и плакать, от твоих слов зажигаются сердца, мы готовы мчаться в ту сторону, куда укажешь... и свершать то, что велишь: строить ли, рушить ли, сдвигать горы или засыпать моря! Я только теперь понял всю глубину и величие твоей власти.

Градарь, все еще обнимая за плечи, повел вдоль шатров в сторону от кочевья. Придон чувствовал, как вздрагивают пальцы этого удивительного человека. Он смотрел вперед, на далекую линию горизонта, чтобы певец не видел, как блестит влага в его глазах, глазах сурового воина.

— Я понял тебя, — донесся тихий голос Градаря. — Понял, что за слова ты хочешь узнать... Кто она?

— Дочь куявского тцара! — воскликнул Придон в отчаянии.

— Ого.

— Я не могу жить без нее, — вырвалось у Придона. — Я умру, если узнаю, что она уйдет в руки другого. Научи, как складывать эти волшебные слова, которые даже могучих волшебников подчиняют твоей воле, заставляя их рыдать или смеяться! Я хочу сказать ей такие слова, которые растопят ее ледяное сердце. Я хочу сказать, что я настолько... настолько... что она должна пойти со мной в мою Артанию!

Они обогнули кочевье, впереди снова показались щедро накрытые столы, гуляющие гости. Все громче доносились веселые песни, крики. Двое гуляк затеяли бороться и едва не опрокинули стол.

— Ты горишь весь, — сказал Градарь изменившимся голосом. — Твое сердце в огне, тебя трясет... Но ты ведь спрашиваешь не дорогу через горы!.. Когда-то я сочинял песни о любви, и всякий раз меня прошибал пот, а сердце болело так, что я жевал лечебные травы... Из этих песен я выпускал на волю только одну из сотни... остальные душил. Рыдал над их несовершенством и душил в бешенстве! Да и ту, единственную, провожая в полет, трепетал и обливался холодным потом: а вдруг она оскорбит ее нежную душу, навевает скорбь на ее чело? Вдруг прекрасные глаза потемнеют от гнева?

Придон простонал в муке:

— Мне это все знакомо!.. Поскорее научи, как слагать эти волшебные слова! Чтобы ее сердце затрепетало при звуках моего имени!

Градарь грустно покачал головой:

— Ты еще не понял. Посмотри туда, послушай эти песни... Ты видишь богатый стол? Мы пьем и веселимся. Теперь я хорошо сплю, меня уважают. Я живу спокойно!.. Ты все еще думаешь, можно сочинять песни, оставаясь спокойным?

Последние слова он почти выкрикнул как грязное ру-

гательство. Лицо его страшно исказилось. На короткий миг Придон увидел в глазах глубоко запрятанную муку, но тут же лицо бывшего певца снова стало каменно спокойным. На нем с некоторым усилием проступило величие и нетерпеливое ожидание немедленной радости. Он похлопал Придона по плечу, властно повернул и толкнул в спину в сторону уже расседланного коня.

Они были уже за кочевьем, когда на взмыленном коне их догнал все тот же Автангал. На полном скаку вручил Придону свернутый в трубочку пергамент, промчался вперед, красиво развернулся, вздыбив пыль. Лицо юноши полыхало от удовольствия, но в глазах было удивление.

— Градарь велел передать, — прокричал он, запинаясь, — что из тебя может получиться хороший певец!

— Да? — удивился Придон. — А почему...

— Ты забываешь, — крикнул Автангал насмешливо, — зачем приезжал!

Конь красиво встал на дыбы, помолотил копытами по воздуху. Автангал лихо развернул его, снова прогремела дробь копыт, взвилась пыль, а пристыженный Придон поспешно развернул пергамент.

Подъехали Тур и Олекса. Их лица оставались непроницаемыми, но Придон умел читать в глазах. С губ сорвалось:

— Простите, сглупил...

— Что там? — спросил Тур.

— Мог бы взять и сам, — ответил Придон пристыженно. — Это ж ты вспомнил?

Тур ухмыльнулся:

— Мы с Олёксой только твои помощники. Но Градарю я напомнил, конечно.

— Что?

— За чем приехали.

Придон жадно всматривался в тщательно прорисованную карту, непонятные значки. Тур тоже поглядывал, но

быстро наскучило, зато с удивлением смотрел на Придона. Признался:

— Я не думал, что Градарь вот так возьмет и отдаст тебе то, на что истратил полжизни!

Придон не знал, что ответить, а Олекса сказал озадаченно:

— Он и не собирался отдавать. Что произошло, не понимаю.

Тур хохотнул:

— Я знаю. Он рехнулся, когда увидел, как Придон уезжает, забыв спросить, ради чего прибыл!

Глаза Олексы внезапно стали очень серьезными.

— А ты знаешь, — протянул он задумчиво, — в этом есть смысл...

— В чем?

Олекса не ответил. Он повернул коня вслед за Придоном. Степь загремела под крепкими сухими копытами.

Этой ночью коней расседлали и отпустили, благо трава по конское брюхо. Сами быстро поели хлеба и сыра, Тур умело зажарил подстреленного по дороге сайгака, обглодали до косточек, а потом, отяжелевшие, сытые, завалились спать.

Придон заснуть не мог долго, взор блуждал по темному небу среди серебряных звезд, зацеплялся, пытался проникнуть дальше, за хрустальную твердь. Если там так дивно, как говорят волхвы, то Итания должна быть там...

Или она — оттуда?

Он заснул почти на рассвете, по лицу блуждала блаженно-глупая улыбка. Во сне слышал голос бога, только не понимал слов, голос звучал властно, требовательно, но что бог от него ждет, Придон уловить не мог. Сердце сжималось от тоски и осознания, что он никогда не достигнет величия бога, и в то же время была щенячья радость: бог говорит с ним! Пусть как говорит мудрый человек с глупым

шенком, но говорит, снизошел, ибо он, Придон, сумел обратить на себя внимание бога...

На десятый день пути в синей дали показались горы. До этого все дни и ночи под копытами гремела ровная, как стол, сухая степь, ни холмика, а тут как-то поднял взор, а из-за горизонта поднимаются острые пики гор, похожие на гребень рассёрженной ящерицы!

И горы не простые, а как будто из недр жидкой земли навстречу падающему с неба камню выплеснулась вода, взметнулась причудливой короной... да так и застыла.

Внутри этого каменного кольца лежит долина, населенная людьми, о которых артане если говорили, то шепотом, и не на ночь. Там остатки того мира, что был до катастрофы, когда, по словам волхвов, «Дух Разрушения обрушился на мир и обрушил его в ночь, что длилась сто лет...». В этом месте начинали путаться, одни утверждают, что земля была опущена под воду, но затем боги ее вытащили, другие рассказывают о страшных ветрах, что выдули даже всю воду, а третьи твердят, что земля тряслась так страшно, что полопалась вся, как кожа больного, из трещин выплескивалась огненная лава, что затопила всю землю, повсюду грохотали вулканы, а из людей и зверей уцелели только те немногие, что оказались на вершинах гор.

Когда мир изменился, то те люди и звери, что жили при прошлом мире, когда на небе не было Луны... хотя другие волхвы твердят, что Луна была не одна, их ходило по небу три! — те люди выжили, но выжили совсем немногие.

Те, кто приспособился к новому миру, наставшему после катастрофы, растеряли все знания, но были сильны и свирепы. Они заново начали населять опустевшую землю, потеснили страшных зверей, начали расширять кордоны своих племен... Те, кто еще хранил крохи знаний о прошлом мире, не могли свыкнуться с этим, у них не было страсти жить, и новые люди с горячей злой кровью, жаждая схваток, столкнулись и с ними, и даже друг с другом.

Плечи Придона сами передернулись. Все артане обходят эту долину стороной. Когда-то допотопные ходили и

здесь, по эту сторону гор, но звездные ночи с появившейся луной угнетают их настолько, что почти перестали плодиться. Оставшиеся отступили за эти горы, устав или утрашившись драться с храбрыми артанями, что насаждают, тревожат удалыми набегами...

И на этот десятый, а затем и одиннадцатый день кони шли без устали, настоящие артанские кони. Изредка попадались небольшие дубовые рощи, мелкие озера, чистые и спокойные, с песчаными берегами, отмелями, где хорошо видно играющую рыбную мелочь, самому бы так, чаще встречали одинокие дубы-великаны, по-артански могучие, кражистые, широкие в плечах.

Обычно из-под корней такого дуба выбивался крохотный родничок, успевал пробежать не больше, чем на длину броска дротика, жадная сухая земля выпивала без остатка.

Озера напоминали Придону глаза лесных зверей, такие же темные, загадочные, в которых очень редко блеснет осколок неба.

Сейчас он на скаку смотрел и не мог налюбоваться на две вербы, что остановились над самой водой, чистые и невинные, как юные девушки, что уже сбросили одежды, но все не решаются вступить в холодную воду.

Он почувствовал их взгляды на нем, стыдливые и умоляющие: не смотри, витязь, не позорь нас. В этот момент налетел озорной ветер, блудливо задрал им опущенные ветки, взору на краткий миг открылась чистая целомудренная кожа, не знавшая прямых солнечных лучей, не огрубевшая от солнца.

Придон поспешно отвел глаза, хотя ветерок уже унесся, повернул коня, тот рассматривал вербы с чисто мужским бесстыдством, вскачь вернулся к артанам.

— Ну что? — спросил Тур.

— Объедем это место, — ответил Придон лаконично.

Снова он уловил многозначительные взгляды, которыми обменялись сыны Аснерда за спиной. Похоже, он начинает выглядеть не только осторожным, но и трусоватым.

Наверняка решат, что увидел крупного зверя, устрасился и поехал недостойной мужчины окольной дорогой.

Придон ощутил, что конь недовольно прядает ушами всякий раз, когда он поворачивает его в сторону гор. То ли неуверенность всадника передавалась, то ли в самом деле чуёт больше и видит намного дальше.

Тур однажды указал в сторону, где на грани видимости горел багровый свет, а в нем еще и вспыхивали желтые искорки.

— Все еще бьются!

— Кто? — спросил Придон.

— Два великих двобойца, — ответил Тур с почтением. — Ты что, не слышал о битве Руслана Лазаревича с царем Огненный Щит?

— Слышал, но... Это они?

— Да, — ответил Тур и добавил: — Но не уговаривай свернуть и посмотреть! Я хочу успеть вернуться к празднику Возжигания Чистого Огня.

Кони мчались и мчались, Придон дважды замечал целые заросли плакун-травы, за которую волхвы готовы отдать все, что угодно. Плакун-трава — всем травам мати, как говорят волхвы. Выросла из слез юной богини Нонцены, что оплакивала гибель юного Прове. Рвать ее, правда, можно только на утренней заре. Позволяет усмирять нечисть и даже повелевать ею, как утверждают волхвы.

Тур предложил ехать вдоль реки, обязательно встретятся села, пора бы переночевать под крышей... При этом он непроизвольно выпячивал грудь, словно уже рассказывал деревенским простушам о своих подвигах, глаза весело блестели.

— Реки прямо не текут, — ответил Придон, — а мужчины выбирают прямые дороги.

— Прямо плохое место, — сообщил Тур.

— Проедем, — отрезал Придон, — станет хорошим.

— Да нет... Там ни людей, ни зверей. Там просто место плохое.

— Едем прямо, — решил Придон.

Однако на душе было тревожно. Сглупил, настоял на своем. Показалось, что воины опекают его чересчур. Со всем как маленького. Забылся у Градаря, повел себя глупо, но ведь в сражениях был не только храбр и силен, но и расчетлив, не терял голову, благодаря чему под его знамя собралось немало удальцов... а вовсе не потому, что он сын тцара!

Обогнули рошу, чахлую и реденькую. Уже над нею небо показалось Придону странно лиловым, а когда миновали последние деревья, земля под копытами зазвучала суше, звонче. Трава исчезла, почва шла бурая, охристая, красноватая, а далеко впереди, почти на горизонте, виднелся сверкающий лиловый столб.

Тур сказал мрачно:

— Это место лучше объехать.

— Уже то, — заметил Олекса, — что мы видим это... уже плохо.

Придон поколебался, сказал как можно тверже:

— Мы едем своей дорогой. Нам нет дела до грибов-переростков.

По дороге встретили ключ, выбивался из растрескавшейся земли, на глазах пробежал десяток шагов и тут же прятался среди трещин. Напоили коней, передохнули сами, а уже к полудню приблизились к странному лиловому столбу настолько, что Придон с холодком по спинному хребту рассмотрел, что же впереди за чудо.

Из растрескавшейся красной земли к небу вырывалось лиловое пламя. Издали Придон решил, что это неподвижный столб полупрозрачного камня неведомой породы, но с приближением начал замечать мерцание, а затем рассмотрел, как со страшной скоростью по столбу проносятся от основания и до вершины комки, утолщения огня.

Подъехали ближе, он уловил едва слышный треск и шорох, словно сто мириадов огромных муравьев трутся крепкими сухими панцирями, прокаленными на солнце. Столб вонзается в небо, как исполинское лезвие меча, но вместо крови по небосводу расплзается такой же лиловый туман.

Небо приняло жутковатый облик, будто вот-вот изрыгнет из чрева огромную тучу, полную града размером с кулак.

Теперь было видно, что столб вовсе не столб, а весь из множества тонких столбов, тесно прижатых один к другому, словно пучок прозрачного камыша, а в полых стеблях вверх уносится из недр земли страшный ядовитый жар, что иначе сжег бы ее внутренности.

До столба оставалось еще верст пять, если не больше, но Придон чувствовал, что не в человеческих силах приблизиться хотя бы на сотню шагов и остаться в мире живых. Видно, что дальше земля в трещинах. Чем ближе к странному столбу огня — тем трещины глубже и шире, а вокруг той плиты, из которой бьет лиловый столб, могучие пласты земли двигаются, как мелкие льдины в ледоход, только вместо грязной воды проглядывает багровое всежигающее месиво.

Конь вздрагивал, нервно прядал ушами. Придон потрепал по шее, конская грива взмокла, несмотря на сухой горячий воздух.

— Я понимаю, — сказал он, — тебе жаждет рассмотреть поближе, но мы торопимся. Как-нибудь в другой раз.

За спиной хмыкнул Тур.

— Я бы такого любопытного коня, — начал он, но оборвал себя на полуслове, махнул рукой и с силой повернул морду своего коня вслед за Придоном.

ГЛАВА 15

Придон ощутил, что его губы шевелятся не то в ритм скачки, не то в унисон с ветром... Нет, это не губы шевелятся, а слова выталкиваются, выстреливаются в особом ритме, где есть и конский бег, и встречный ветер, и запах трав, и сердца боль...

С губ слетали не столько слова, сколько лохматые обрывки слов, неясное бормотание. Он сам прислушался к себе, словно к другому человеку: не волхв ли пробудился в

нем, ищет могучие заклęcia? Слова такие же неразборчивые, горячечные, в них ритм, будто летит на огненном коне встречъ урагану... нет, под ним уже не конь, а дикий тур, что норовит сбросить с хребта...

Бормотание стало громче. Он поразился настолько, что тот, внутренний Придон смутился и умолк, он же тоже воин, внутри воин, везде воин от макушки до кончиков ногтей ног, суровый и сильный воин, нещадный к врагам...

...но этот нещадный только что бормотал не заклęcia... нет, все-таки заклęcia, но особые заклęcia, которыми не горы рушат, а пытаются пробить каменную скорлупу вокруг сердца другого человека.

Он затих, ехал медленно, вслушивался в себя. Очень робко тот Придон, что внутри, снова заговорил, тихо и нежно. Губы задвигались, Придон с удивлением ощутил, как с них начали слетать слова, разрозненные, скомканные, но горячие, словно капли раскаленного металла, падающие с молота кузнеца.

— Что же это со мной? — прошептал он в страхе. — Я становлюсь безумным... Когда с синего неба солнечный свет — я думаю о тебе, любимая, и когда тучи и дождь — я тоже думаю о тебе! Когда ночь, когда звезды от края до края, я думаю о тебе, моя любимая! И когда утренняя заря улыбается миру, я думаю о тебе, любимая! И в жаркий день, и в холодную ночь, и в дороге, и за столом — только о тебе я думаю. Если вижу, как по небу плывут белокрылые птицы, я думаю о тебе, и когда низко над землей проносятся черные стрижи, мои мысли тоже о тебе... Почему так? Что за безумие?

По земле проплыла размытая тень. Он инстинктивно вскинул голову. В далеком синем небе неспешно плыл не то дракон, не то огромный рух, а то и Стратим-птица, от взмахов крыльев которой на море поднимается буря. Высокое перистое облачко скрыло на миг летящее существо, давая Придону оценить расстояние. По спине пробежали мурашки, орлы даже из-за облаков различают на земле самую мелкую мышь, а этот зверь наверняка заметил его, оце-

нил... но все же, несмотря на запах сладкого человеческого мяса, решил не бросаться на существо, плечи которого блестят, как обкатанные морем валуны, а возле руки — острое копьё и боевой топор.

Тур тоже взглянул на небо, губы его презрительно скривились.

— Привал!.. Кони устали.

— Мог бы и меня пожалеть, — буркнул Олекса. — Брат я тебе или не брат?

Тур подумал, почесал в затылке.

— Надо бы мамку спросить... Но, думаешь, правду скажет?

Придон расседлал коней, вода в ручейке обожгла кожу. Коней сперва поводил по кругу, пока остыли, а с ними напился еще раз.

Олекса и Тур уже жарили на углях мясо. Придон взял машинально, взгляд невольно обратился к небу, словно молился, но на самом деле высматривал дракона. Тот парил страшный и неподвижный, широко раскинув крылья, прикидывался неопасным коршуном.

Все же Придон ощутил, как вытянутые ноги напряглись, готовые метнуть тело вправо или влево, но чтобы руки могли бить, колоть и рвать врага на части. В груди гулко-гулко застучало сердце.

Одной рукой он все еще держал корку хлеба с горячим мясом, но другая рука стиснула древко копьё. При всей своей мужской силе внезапно ощутилась беспомощность, ибо с таким зверем не сойдешься грудь в грудь. Дракон прихлопнет когтистой лапой, вобьет в землю, расплющит, а ты разве что сумеешь скovyрнуть чешуйку с его брюха.

Тур со злостью ударил кулаком по земле. Под удар попался камень, Придон не поверил глазам, булыжник до половины погрузился в землю, сухую и прокаленную солнцем землю.

— Сволочи, — прорычал Тур. — Дикие!.. Ни черта!.. Это колдуны напускают.

Олекса тоже, держа мясо в обеих руках, неотрывно сле-

дил за улетающим чудовищем. В глазах горела холодная ненависть.

— Конечно, колдуны, — ответил он, однако, ровным голосом, в котором зажатой в кулак страсти было больше, чем в злом крике Тура. — А если и не колдуны, то все равно...

Придон встал, сел, снова встал, ибо сердце колотится, раскачивает тело, как бревно тарана раскачивает осадную башню от крыши до колес. Ярость и унижение странно смешивалось с завистью к тем, кто летает на таких страшных и великолепных зверях.

— Мы еще придем в эти горы, — вырвалось у него со страстью. — Мы разметим гнезда этих крылатых тварей!

О драконах Куявии ходило много страшных рассказов. Это была едва ли не главная причина ненависти к Куявии. Драконы редко покидают свои места, только крайний голод гонит их за границу гор. Хотя именно на равнинах драконы с легкостью хватают пасущихся коров, но в самой Артании еще древние герои выбили этих проклятых тварей. Последние гнезда драконов остались в неприступных горах, да и то на стороне Куявии. Говорят, что куявские чародеи приносят им в жертву самых молодых и красивых девственниц, и потому в Куявии не осталось красивых женщин, одни безобразные старухи, и вообще нет красивых людей... Потому, когда в степях Артании видят парящего дракона, все уверены, что это проклятые колдуны насылают этих крылатых ящеров, дабы показать свою мощь.

Он заметил, что даже всегда беспечный Тур грызет мясо без охоты, брови сдвинуты, глаза уставились в одну точку. Мысленно сын Аснерда уже предает огню эти гнезда, бросая в огонь колдунов и наездников. Сейчас ему подсунь вместо мяса щепку, съест и не заметит.

На тринадцатый день горы выросли настолько, что загораживали половину неба. Придон с трепетом смотрел на эти стены. Совершенно голые, цельные, почти без трещин, выглядели противоестественными, чужими, попавшими в

благословенную Артанию, страну богов и героев, из какой-нибудь преподлейшей... даже не Куявии, а еще более подлой, чуждой и далекой от человека страны.

— След бога, — вырвалось у него непроизвольно.

Олекса взглянул внимательно, в глазах вопрос, потом кивнул.

— Похоже, — сказал он медленно. — Но какой должна быть ступня...

Примерно так же, ступая по размокшей глинистой земле, человек оставляет глубокие следы. Здесь по краям вмятины приподнимается вот такой же кольцевой барьер, окружающий след.

А Тур покрутил головой в великом удивлении:

— А где другой след?

— В другой стране, — ответил Олекса. Подумав, добавил: — Кто знает, может быть, наткнемся.

Тур буркнул:

— Если в Артании. А вдруг в Куявии... или вообще в дальней стране колдунов?... Я не думаю... Эй, вон там у подножья, если не ошибаюсь, настоящие дома!.. Нам повезло, ребята. Нам здорово повезло!

Он гикнул, конь сорвался с места, Тур пригнулся к конской шее, ринулся как стрела, и сколько Олекса и Придон ни пытались догнать, Тур неся впереди, пока сам же не натянул повод.

Последнее зеленое пятно артанской Степи, понял Придон с холодком в сердце. Вообще-то уже сутки едут по сухой земле, даже не по земле, а по нечто выжженному, будто на той стороне гор солнце приходит в ярость и выжигает землю безжалостными лучами. Но главное, что теперь рассмотрел и Придон, это три домика, наполовину вкопанные в землю прямо в середине зеленого пятна.

— Там огороды, — сообщил остроглазый Олекса. — Скот... Куявы сюда забрались, что ли?... Ага, вон гуси идут... Озера не видно, где же плавают?

Тур буркнул:

— А вдруг здесь гуси не плавают?

— Да? А что делают?

— Бегают, например.

Олекса оскорбился:

— Ты еще скажи, летают!

Придон молча пустил Луговика вперед. Тот понесся резво, впереди ровный спуск. Сзади загрели копыта, Тур и Олекса попытались настичь, но, когда Луговик чуял близкий отдых, его не смогла бы догнать и летящая стрела.

Лишь вблизи домов Придон вынужденно натянул поводья. Нельзя, чтобы жители сочли за нападение, только удача может спасти героя от удара копьем в бок из темного и тихого окна, но достоин презрения тот мужчина, который надеется на удачу или желает ее другим.

Луговик шел настороженно, прядал ушами. Что-то не нравилось, да и сам Придон невольно опустил ладонь на рукоять топора. В любом селе всегда первыми встречают собаки, потом ребятишки, и те и другие галдят, вопят, скачут. Потом выглядывают старухи, на них никто не зарится, мужчин выдает за крепкими заборами скрип натягиваемых луков, а молодые женщины не показываются очень долго.

Когда все трое подъехали к среднему дому, из темноты входа выступил человек, низко поклонился.

Придон сказал с неудовольствием:

— Ты чего так кланяешься? Артанин должен держаться гордо.

Селянин сказал кротко:

— Пустому мешку трудно держаться стоймя.

— Что-что?

— Бедность сбавляет гордость, — объяснил селянин.

Тур коротко хохотнул.

— Мудро сказано. Но почему бедность? Ты сюда убежал, как понимаю, чтобы не платить подати. Так что должен быть богатым, как тцар!.. Ладно, можешь не отвечать, а то придется признаться, что все пропиваешь.. ха-ха!.. Скажи, здесь поблизости есть проход на ту сторону?

Селянин, ничуть не удивившись, снова поклонился так же низко.

— На конях — нет.

Придон нахмурился, Олекса и Тур заворчали. Наконец тот же Тур сказал с неудовольствием:

— Да понимаю, понимаю, что на конях через горы не полезешь... но все равно это противно! Ну прямо как...

Он запнулся, подыскивая слово, Олекса подсказал ехидно:

— Как люди.

— Как куявы, — огрызнулся Тур. — Или хуже того, славы. Ладно, что скажешь, Придон?

Придон посмотрел на заходящее солнце. Оно казалось зловещим, чересчур багровым, размытым, словно опускалось через плотный дым.

— Заночуем, — ответил он. — А утром пойдем через эти горы.

— Без коней? — спросил безнадежно Тур.

— Без коней, — ответил Придон тяжело.

Они расседлали верных четвероногих друзей, селянин клятвенно обещал сберечь в сохранности, Придон оставил Олексу и Тура разделять подстреленного по дороге молодого сайгака, заглянул в единственный сарай, не сюда ли поставить коней...

Отшатнулся от тяжелого застойного запаха. Кроме обычных запахов пота, мочи и грязного белья, в лицо ударили и начали обволакивать мощные липкие ароматы гниющего зерна, птичьего помета.

По всему громадному сараю куры сидели на помостах тесными, уходящими в полумрак рядами — белые, неподвижные, похожие на комья грязного снега. От одной оторвался белый комок, с мокрым шлепком ляпнулся на пол, расплескавшись звездочкой. Вообще весь пол белый, это отсюда растаскивают на подошвах белые следы, которые он не сразу распознал.

Воздух заполнен металлическим звоном. Крупные му-

хи с зеленым отливом кружились в курятнике, как в вихре. И жужжали так, что у него зазвенело в черепе.

Он сплюнул, поспешно закрыл дверь. Впрочем, куры — самое надежное здесь: еду найдут сами, а убежать некуда.

Олекса и Тур уже поджаривали на углях свежее мясо. Селянин и его жена, такая же серая, словно присыпанная пылью, предложили гостям похлебку из куриных потрохов.

Их, в свою очередь, угостили сайгачиной. Перекусив, Придон начал дремать, от очага хорошее тепло, как будто по весне пригревает бок, обращенный к солнцу. Олекса и Тур завели разговор про странные горы и дивных людей, что по ту сторону, о волшебных вещах, что привозили оттуда герои. Женщина вскоре ушла мыть посуду, а селянин больше помалкивал, почтительно слушал.

Тур сказал завистливо:

— Я слышал, что одному вообще удалось украсть там ковер-самолет!.. За ним погнались, но он расстелил ковер, сел и велел нести обратно в Артанию...

— Я слышал, — перебил Олекса, — что украл слав.

— Ха, слав!.. На такое способны только артане!

— Но тогда бы мы знали о таком ковре...

— Так тебе тот герой и покажет!.. Тут же попробуют отобрать. Откуда же тогда знаем, как тот удирал на ковре через горы, а когда за ним погнались драконы, он велел коврику лететь выше, а там чуть не изжарился, ибо пролетел рядом с солнцем? У него даже волосы обгорели. Не-е-ет, это только артанин способен на такую дерзкую кражу!

Селянин внимательно прислушивался, Придон видел, что отшельник постепенно оживает, уже не боится троих могучих мужчин.

— Вы храбрые воины, — сказал он тихо, — вы видели больше меня, а я живу здесь, не сходя с этого клочка земли, уже третью сотню лет...

Придон ощутил незримый толчок, а Тур вообще подпрыгнул, ахнул:

— Сколько-сколько?

— Здесь странные горы, — ответил селянин виноватым голосом, словно извинялся. — Даже по эту сторону от них нечто... а что вас ждет внутри?.. Но, если позволено мне будет, я расскажу вам про трех братьев, таких же сильных и могучих, как вот вы трое...

Олекса и Тур покосились на Придона, он старший, тот кивнул:

— Говори.

— Однажды, — сказал селянин, — жили три брата. Все трое — герои, не страшились ни зверей, ни богов, ни чудовищ. В те далекие времена люди еще не знали огня, жили как звери, мясо ели сырым, спали в пещерах и норах. Но старший брат в своих путешествиях однажды забрался даже на небо. Он подсмотрел, как радостно живут боги, увидел, как жарят мясо на удивительном костре... Когда боги отлучились, он украл головешку, принес в родное племя и разжег там огонь. Люди начали готовить мясо, возрадовались. Но боги, услышав запах жареного мяса, что поднимался с земли, удивились, мигом все поняли и жестоко наказали посмевшегося посягнуть на собственность богов: костер загасили, а самого героя приковали к самой высокой скале, где его печень терзал прилетающий коршун.

Тур шумно вздохнул, он сопереживал герою, сказал горько:

— Не повезло...

— Снова, — сказал отшельник печально, — люди ели только сырое мясо, не умея разжечь огонь, потому что тот украденный с неба огонь переносили с места на место только в горящих головнях. Но вот однажды средний брат был в горах на охоте, подстрелил оленя и легко прыгал с ним со скалы на скалу, направляясь домой. Но вдруг настала снежная буря, которая вообще-то герою нипочем, но он увидел в горах заблудившихся трех девушек. Они совсем околеченели, еще немного, и превратятся в ледышки, их жизни оборвутся...

Тур фыркнул:

— А эти дуры как туда попали?

— Ходили за ягодами, — ответил селянин кротко. — В горах погода меняется неожиданно... Да, так вот, вскричал в горе герой, гибель женщины — всегда на совести мужчин, даже если не от их руки, заметался, а потом в несколько безумных прыжков добрался до небес и, несмотря на жестокий запрет, выхватил горящее полено из очага богов и ринулся вниз. Он едва успел отогреть девушек, как его настигли... Приговор был суров, героя заставили держать на плечах небо на далеком севере, где от лютого холода слезы замерзают в глазах.

— Что-то слышал, — обронил Олекса и погрузился в раздумье. — Поступок среднего брата благороден.

— Третий брат, — продолжал селянин, — самый младший, тоже думал, как добыть для родного племени огонь. Он помнил о судьбе своих братьев, потому не пытался пробраться на небо, а долго размышлял, наблюдал. Однажды он увидел, как птица долбит дерево своим крепким клювом, а из ствола брызнула искра. Он попробовал добывать огонь трением одной деревяшки о другую, а потом и вовсе додумался стучать камнем о камень. Так его умом и настойчивостью в племени снова появился огонь! Младший герой научил добывать огонь всех, даже слабых женщин, и тут уж боги ничего не могли поделать. Огонь с небес не уворован, люди его творили сами из мертвых холодных камней, и в этом сравнялись с богами. А то и превзошли.

Придон задумался, ибо хотя ничего героического в поступке третьего брата нет, но все же огонь людям дал он. И к тому же в его деянии есть нечто... чему пока не мог дать название.

— Так что, — заключил селянин тихо, — огонь — это наша заслуга! Заслуга людей. Собственная заслуга. Плюньте в глаза тем, кто оскорбляет людскую породу, продолжая рассказывать унижающие людей басни, что якобы огонь был украден с неба. Враки! Краденое не прижилось. А вот добытое самим...

Придон насупился, спросил сердито:

— Ты к чему это рассказываешь?

Селянин посмотрел на его блистающий топор, перевел взгляд на топоры его спутников, что отдыхают под стеной, отбрасывая темные тени.

— А догадайся, — ответил он. — Ведь младший брат догадался.

Придон пожал плечами:

— Я не волхв, чтобы разгадывать загадки. Я — воин!

— Некоторые вещи, — ответил селянин кротко, — люди должны разгадывать сами.

— Зачем? — не понял Придон. — Ты скажи — и все.

Селянин покачал головой.

— Прости меня, воин, — сказал он. — Прости... Я просто указал, что к победе ведут обычно разные дороги. И не все дороги ведут к той победе, что... не превратится в поражение.

Эта ночь прошла в лихорадочном нетерпении. Он просыпался, с тоской смотрел на черное небо, все еще ночь, с трудом засыпал, снова просыпался, уже готовый в путь, но все та же ночь, словно солнце передумало подниматься из-за края земли.

Олекса и Тур спали богатырским сном. Тур похрапывал, красиво раскинувшись на спине, могучий, широкий, весь в отца, а отец, все знали, ведет род от велетов. Олекса, напротив, скрючился так, что коленями уперся в подбородок, не то замерз, не то прячет уязвимый живот.

Озлившись, Придон вскочил, бесцельно походил вокруг костра. Сучья уже сгорели, но пурпурные угли даже не думали покрываться серым пеплом, все тот же сухой жар, внутри полупрозрачных углей, так похожих на рубины, скачут всадники, мечутся фигурки...

С высоты раздался заунывный крик. Между звезд пролетела широкая тень, Придон успел рассмотреть огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши, только размером неведомый зверь был с крупный длиновесельный корабль.

Мороз пробежал по коже, Придон отступил от костра, чтобы пурпурный свет не выдал чудовищу. Сзади слышались шаги, селянин вышел в круг света, кротко посмотрел на Придона.

— Могу я посидеть у костра?

— Конечно, — ответил Придон поспешно, — только там что-то летает!

Селянин отмахнулся.

— Крупняк.

— Ну и что?

— Все крупное, — объяснил селянин, — не хищное. Волк всегда мельче коровы...

Придон вышел из тени, сел рядом.

— Почему ты живешь здесь?

— Не знаю, — ответил селянин просто.

— Не проще ли поближе к людям?

— А здесь были люди, — ответил селянин. — И дома были... Когда-то здесь было болото... Странное болото! Говорят, на той стороне оно еще по всему кольцу гор. А здесь ветры дуют вольно, несут тучи песка... Словом, болота нет, но земля пока еще кормит мою семью. Когда и здесь засыплет песком, а засыплет наверняка...

— Почему?

Селянин горько усмехнулся.

— Если засыпало песком целые города, то что ему мой огород?

— И что тогда? Уйдешь?

— Наверное, — ответил селянин. — Человеку не дано знать, сколько ему осталось. Возможно, только на болоте я могу... а вне его сразу к праотцам?.. Но тебе, герой, надо ломать голову не над тем, как одолеть горы, это нетрудно, а как пройти болото... То самое, что встретишь сразу за этими горами, больше похожими на забор. К счастью, вы пришли ко мне с добрым словом, поделились едой, говорите вежливо. Я отвечу тем же...

— Поделишься едой?

— Скажу, что пройти можно через болото только в од-

ном месте. Это недалеко... Видишь вон ту красную гору?.. Нет, то оранжевая, сейчас их не различишь...

Придон сказал настороженно:

— Почему же... Хотя и ночь и все серое, но та гора в самом деле...

Селянин оживился.

— Заметил? А вот та, другая, слегка оранжевая! Как будто накалена в огне. Видишь? Если идти от нее, то угодишь в топь, а там еще и логово болотных зверей. Смотри, за оранжевой горой — красная. Выглядит неприступной, но это только с виду. Если подниметесь на нее, то, никуда не сворачивая, прямо от горы через болото... Там есть проход!.. Все остальные пути — гибель.

ГЛАВА 16

Утром селянин настоял, чтобы взяли веревку, буквально насильно повесил на Тура. Тот ворчал, но уже при первом же подъеме проскрипел, что без веревки пришлось бы переть взад.

Придону казалось, что он ползет, как муха по отвесной стене. Приходилось цепляться за малейшие щелочки, упираться в крохотные выступы. Если бы не стальные мышцы, что позволяют удерживать тело на одном пальце, не поднялись бы и на треть стены.

Дважды отдыхали, распластавшись, как ящерицы на камне. Придон смотрел в мокрое от усталости лицо Олексы, перекошенное от нечеловеческих усилий, они же благородные сыны степей, а не какие-то вшивые горцы, понимал, что у самого рожа еще та, он слабее Олексы впятеро.

Весь подъем остался в памяти как страшный сон, когда руки и ноги наливаются свинцом, тело застыло, а сверху опускается исполинская ступня горного великана, что вот-вот раздавит.

Сквозь грохот в череде и шум крови в ушах чувствовал, как сильные руки поддерживают, тащат, трясут. Злой голос

кричит в уши, наконец Придон обнаружил себя на крохотной каменной площадке, справа и слева Олекса с Туром, усталые, осунувшиеся, но веселые.

— А все-таки мы это сделали! — услышал Придон голос, это говорил Тур, сквозь шум крови в ушах слова прорываются в сознание слабые, придавленные. — Честно говоря, как-то не думал даже...

— И я, — ответил Олекса. И добавил нагло: — Не подавал виду, но мне казалось, что будет труднее.

Тур захохотал.

— Оказывается, мы чего-то стоим?.. Даже как горные козлы? Олекса, ты вот точно козел!.. Придон, ты как себя чувствуешь? Осталось самое легкое.

Придон спросил слабым голосом:

— Что?

— Как что? — удивился Тур. — Всего лишь спуск.

— Спуск?

— Ну да. Уже на ту сторону.

Горы, на которые влезли, торчат, как гигантские зубы, до небосвода рукой дотянуться, но сколько Придон ни смотрел вниз, везде красная, как пламя, земля, оттуда все еще несет гарью, там стелется дымка, а дальше вообще стена странного розового тумана.

Он содрогнулся, впервые ощутив, не поняв, а именно ощутив, что есть не только земли, подобные Куявии или Славии, но и вот такие, где вообще, может быть, человеку жить невозможно.

— Переведем дух, — взмолился он. — Это вы готовы прямо вот так вниз, а у меня все трясется!

Спускаться все же оказалось намного легче. На этот раз Олекса шел первым, Тур последним, а Придона держали посередине. Если сорвется, Тур удержит на веревке. Впрочем, Тур, как самый сильный, не зря спускался последним. Удержит и двух, если сорвутся оба.

И все-таки Придон выдохся так, что, когда сквозь за-

ливавший глаза пот рассмотрел приближающуюся землю, плоскую, на которой можно удержаться без веревки, он тут же распластался на ней, как медуза, выброшенная на берег, и ощутил, что никогда в жизни не сможет пошевелить даже пальцем.

Очнулся от сильных грубых голосов. Пахло тухлой рыбой, гнилой травой, разлагающейся рыбьей икрой и молоками. Он поднял тяжелые веки, в двух шагах жарко пылают маленький костерок из трех веточек. Донесся аромат жареного мяса. Придон сразу ощутил, что зверски хочет есть. Олекса и Тур перед костром, хохочут, двигают камни, устраиваясь поудобнее.

— Ничего себе, — донесся голос Олексы, — безопасный проход!.. Уж точно, что войско сюда не проведешь...

— Да, — слышался голос Тура, — тут могут отсидеться в безопасности любые чудища. Я, пока карабкался, чуть к праотцам не отправился...

И Тур тоже, мелькнула мысль. Значит, я не так уж и слабее... хоть и слабее.

Он поднял голову. Там, сразу за спиной Тура, колышется розовый туман. Неприятная розовость, идущая не от утренней зари, а от мяса больного животного. Это оттуда нездоровый запах дохлой рыбы и гниющих водорослей. И еще оттуда страх, как будто из розового тумана с угрюмой злобой смотрит огромный лютый зверь.

Даже не зверь, мелькнула пугливая мысль, а что-то страшнее. Как будто на тебя смотрит ящерица или жаба размером с гору, что слизывает стада зубров, аки муравьев.

Итания, подумал он. Я найду обломки этого паршивого меча, принесу твоему отцу... и ты протянешь мне руку. Я вскину тебя на седло, степь загремит под конскими копытами, ибо со мной приедут сильнеешие витязи Артании, дабы твой отец видел, что не за пастуха отдает дочь!

Он поднялся, шум в голове затих, во всем теле внезапная ясность и свежесть.

— Отдохнули? — спросил он нетерпеливо. — Старик

сказал, что через это болото пройти можно только здесь... Где здесь?

Олекса долго всматривался в туман. Тур, напротив, с удивлением посматривал на Придона.

— Ты уверен, — спросил он, — что сможешь двигаться? Я уж хотел было ноги вытереть, думал — мокрая тряпка лежит.

Олекса стоял к ним спиной, ноги на ширину плеч, ладонь прижал козырьком к глазам.

— Странное болото, — обронил он хмуро.

— Чем? — спросил Придон.

— Не вижу в тумане, — ответил Олекса зло. — Или у меня с глазами что-то, или же туман... не туман.

Придон сказал в нетерпении:

— Узнаем на месте.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед. Обострившийся слух подсказал, что Тур задвигался, вот поднимается, тяжелые шаги за спиной, от сердца отлегло, а то уже кольнул страх, что не пойдут, ибо в Артании слабые не распоряжаются сильными.

Горы, как он понял, торчат прямо из болота. Хотя нет, с внешней стороны эти болота давно высохли, как рассказывал селянин, но здесь горы закрывают их от сухого знойного ветра, сюда местные демоны не позволяют занести тучи благословенного артанского песка, здесь смрад, вонь и ядовитые испарения болота...

Влажный воздух коснулся лица. Придон задержал дыхание, запах отвратителен, сделал несколько шагов, под ногами захлюпало. Он невольно выпустил спертый воздух и сделал вдох. Ноздри зашипало, а в груди разлилось неприятное жжение.

Сзади плюхнуло, Тур громко выругался, Олекса сказал что-то ехидное. Придон молча двинулся вперед. Вода оказалась неприятно теплой, быстро поднялась выше голенища. Он ощутил, что вместе с гнилой водой кожи коснулись и мелкие не то рыбешки, не то болотные черви.

— Олекса, — проговорил он сдавленным голосом, — что-нибудь видишь?

— Туман, — ответил Олекса. И добавил, будто считал Придона совсем тупоумным: — Вижу туман.

Тур обогнал и двинулся впереди, в одной руке топор, другой взмахивал, как крылом, удерживая равновесие на подводных кочках, склизких корнях.

Он часто останавливался, прислушивался, потом плюнул на все предосторожности, пошел напролом. Хуже всего, этот розовый, а теперь еще и грязно-желтый туман окружал их и сверху. Двигались в странном белесом полумраке, видно не больше чем на десяток шагов, зато слышно за пару сот. Звуки странные, ни на что не похожие. Придон сперва хватался за рукоять топора, но вскоре устал, шел уже почти равнодушный к этому бормотанию, шипению, бульканью, кашлю, хрипу, стонам.

Иногда воздух дрожал от мощного рева, время от времени слышался писк, сочный хруст, словно ломались толстые молодые деревца. Или кости большого зверя в пасти еще более крупного.

Тур на ходу обернулся, лицо в зеленых потеках, на плече болотные листья. Олекса поспешно сорвал их с брата, пока те не пустили корни.

Тур сказал пораженно:

— Ничего себе безопасный проход!

— Да, — пробурчал Олекса, — тот мужик насоветовал...

Придон напомнил:

— Он не говорил, что здесь мед и цветы. Просто в других местах вообще не пройти.

Со всех сторон окружалдвигающийся, но абсолютно плотный туман. Теперь не розовый и даже не желтый, а странного грязно-лилового цвета, выглядел то монолитным, как скала, то в нем возникали тени, сгущения, призрачные фигуры, что манили, завораживали, тут же исчезали, уступая место другим.

Все трое остановились перевести дух в трясине по колено. Придон первым сделал шаг, провалился до пояса. Из

тумана доносился не то приглушенный рев, не то бурчание. Хотя, может быть, это лопаются пузыри болотных газов.

По эту сторону стены тумана прямо из темной жижи поднимаются струйки, а иной раз и целые клубы зловонных испарений. Налетавший ветерок размывал их, но когда не успевал, то гнилостные испарения скатывались волнами, удивительно живыми, двигались будто сами по себе. За ними исчезали лягушки, а зеленые сочные стебли превращались в желтые и высохшие, ломкие с виду.

Они стояли долго, вслушиваясь, всматриваясь в неясные тени, в выступающих болотных чудовищ, но ветерок размывал и зверей, и проступающие вдали деревья.

— У меня уже в глазах рябит, — сказал Тур. — Надо идти, пока снизу никакая тварь не подобралась.

— Или наши ноги не пустили корни, — добавил Олекса очень серьезно.

Придона передернуло с головы до ног. Он с детства слышал о народах, что в старости пускают корни и превращаются в деревья. От них даже пошло слово «укорениться», так стали говорить о тех, кто оставил славный путь воина и осел на хозяйстве.

Ломились через красный, как кровь, мир, Придону чудилось, что багровый закат не отступил, а приблизился сам, принял их в себя, и теперь бредут в этой красноватой мгле, похожей на редкий розовый, а временами грязно-лиловый туман.

Затем то ли ветер чуть развеял красную мглу, то ли подошли ближе, но навстречу из тумана выпукло выступил город... или настолько огромный дворец, что равен городу: исполинское здание, которому не подыскать сравнения, множество неимоверно высоких башен, причудливых, с парашетами, площадками, высокими остроконечными шпилями...

Именно выступил: как барельеф, как лицо бога из каменной стены, за чудо-городом мутно проступало нечто вроде огромного оранжевого шара, он почти тонул в красной мгле, но Придон всеми чувствами осознал неимоверно

чудовищную массу, перед которой даже горные хребты — пылинки. Верхушка шара блестит, вся из металла, но красная мгла гуще, шар исчез, даже сам город начал колебаться, жутковато прекрасный, непостижимый, причудливый...

Тур бросил холодно: —

— Мираж.

Олекса подтвердил мрачно:

— Наше счастье, что города нет уже тысячи и тысячи лет.

— А жаль, — прошептал Придон. — Почему красота так мимолетна?

Воины посмотрели с удивлением, переглянулись. Придон усмотрел в их взглядах озабоченность. Как бы не сочли, что рехнулся. Кто рожден быть воином, тот должен быть воином! И думать только о подвигах, о новых срубленных головах врагов, а не о красотах чужих городов.

В болоте часто попадались гниющие деревья, обычно из воды торчали покрытые слизью корни. Дважды встретили странные плиты, похожие на камень, но слишком уж пористые, как творог, черного цвета. Они торчали из воды, полузатопленные, все трое обычно слышали шумные всплески, а когда подходили ближе, Тур, как лучший следопыт, старался по мокрым отпечаткам определить, что же там сидело.

Солнце начало клониться к закату, Придон уже едва волочил ноги, но Олекса вскрикнул, указал в туман, сам устремился, будто его тащили на веревке.

Тур и Придон вскоре увидели еще одну такую огромную черную плиту. Она по наклонной торчала из болота, а другим концом уходила далеко в туман. Олекса уже стоял на плите и махал рукой.

— Там какие-то заросли! — крикнул он.

— А здесь болото, — сообщил ему Тур.

— Дурень, так заросли уже на берегу!.. Болото кончилось!

Огромная плоская плита, на которую взобрался Олекса, другим концом в самом деле тонула в зарослях странных

растений, похожих на трубки. Снизу на плиту пыталась взобраться плесень, карабкался мох, но блестящая, хотя и ноздреватая поверхность все еще блестела гордо и вызывающе.

Придон ускорил шаг, провалился по грудь. Отсюда бледные волны тумана казались такими плотными, что он видел только сгущения, плавающие комки, а сама плита в разрывах тумана появлялась то с одной стороны, то с другой.

Сцепив зубы, он двигался по памяти, еще дважды провалился по шею, наконец ноги уперлись в твердое. Олекса протянул руку, помог взобраться обоим.

Некоторое время молча выливали воду из сапог, с отвращением сбрасывали болотные листья, плети гадких растений, что в самом деле пускали корешки и пробовали дырять кожу.

Придон не успел увидеть, что именно рухнуло на то место, где только что стоял Тур. Сам Тур с воплем полетел вверх тормашками в грязь, Олекса отпрыгнул и вслепую ударил топором.

Придон увидел массивную тушу, угольно-черную, но без блеска, пахло животным теплом, в следующий миг прозвенел отчаянный вопль Тура:

— Вниз!.. Всем вниз!

Придон бросился ничком и обхватил руками камень. Яркая вспышка обожгла глаза. Страшно закричал огромный зверь. Свет был ослепительным, а когда погас, Придон видел только пурпурно-красное зарево с толстыми размытыми жилками внутри век.

И все же он успел увидеть, как черная туша, изрезанная дымящимися полосами, сорвалась с края плиты. Плюнуло, будто в топь обрушилась скала. Наступила мертвая тишина, будто неведомый зверь сразу ушел на дно и затаился.

Придон сказал дрожащим голосом:

— Пожалуй, если оно не утатило с собой Тура...

— Зачем ему Тур? — возразил Олекса. — Тура никакой

зверь есть не станет, у него мясо ядовитое! К тому же я его если не убил, то серьезно ранил!

— Тура?

— Да кто их разберет в тумане...

— Вот оно и взяло с собой Тура, чтоб зализывал ему раны...

— Или не только раны...

Тур взобрался на плиту сам, оттолкнув руку Олексы. Весь перемазанный с головы до ног, сам как болотное чудище, он горстями снимал с себя вонючий ил, грязь, срывал с головы и плеч гибкие стебли болотной травы.

— Я вам это припомню, — пригрозил он. — И мясо невкусное, и все другое...

С головы до ног в липкой зловонной грязи, выкарабкались на берег почти ползком. За каждым волочились присосавшиеся стебли болотной травы. Тур так и вовсе выволок за собой чуть ли не подводное дерево, долго срывал его липучие ветви. На ногах остались красные пятна, кое-где корешки отрывал с кожей, там выступала сукровица, и туда сразу начали липнуть большие сине-зеленые мухи.

— Что это было? — спросил Придон.

— Колдун! — ответил Олекса уверенно.

— Какой колдун? — не поверил Придон. — Я сам видел зверя... только не понял какого.

— Тогда то был зверь-колдун! — огрызнулся Олекса.

— Зверь-колдун?

— А почему нет?... Люди могут, а звери нет?... Тур ударил его топором, а зверь в ответ шарахнул огнем. Почти как дракон. Только не сжег, а старался ослепить.

Тур звучно охлопал себя с головы до ног, ладони по голой груди шлепали как весла по воде, огляделся, буркнул:

— А что, колдун не может перекинуться зверем?

Олекса оглядел его с головы до ног, кивнул.

— Может. Если даже не колдун; и то перекидывается.

Черный край плиты глубоко вломился в заросли странных растений. Обычно на болоте, как и по берегам, множество сочной жирной травы, но здесь торчат высокие шесты,

словно выкованные из бронзы. Придон с нехорошим холодком вдоль спинного хребта видел металлический блеск на этих растениях, что ни деревья, ни кусты, ни даже трава.

— А прохода не видать, — прорычал Тур. — Значит, будет!

Он слез, по-хозяйски вломился... и тут же завис, словно ударился о решетку. Шесты не поддались, даже не качнулись, а он сразу изорвал штаны, поцарапал до крови руки и плечи.

— Это не камыш, — определил Олекса. — Не камыш.

— А что? — спросил Придон.

— А если и камыш, — продолжал Олекса, — то зачарованный. Кто-то велел стать болотным сторожем.

Придон вытащил топор.

— Но мы должны пройти.

Он врубился рядом с Туром. И тут же порезался до крови листьями. С шестов, что поднялись уже выше их роста, свисали плети с гроздьями, похожими на металлические шары. Изорвали одежду, пока сумели на несколько шагов протиснуться, вернее, прорубиться в глубь этих молчаливых, но непреклонных сторожей.

Олекса предложил перевести дух и все же поискать выход, некоторое время в самом деле добросовестно высматривали, наконец Тур потерял терпение и, озлившись, вломился, как бешеный тур, в это дикое переплетение растений из металла и ползающих трав. Олекса и Придон смотрели с брезгливым сожалением, Тур явно выдохся, раз уж ринулся сломя голову, сейчас свалится и запросит отдыха...

...но несокрушимая с первых попыток стена поддалась яростному натиску. Металлические растения внутри оказались обычными полыми трубочками, из них вытекал такой же сок, так же хрустели под ногами. А Тур, рубя огромным топором направо и налево, рубил стену, орал, ревел, ругался, сыпал проклятиями. Одежда на нем превратилась в клочья, тело окрасилось кровью, но вдруг стена поредела. Последние растения со звоном переломились под лезвием уже зубчатого топора, впереди открылся проход!

Но какой проход... странный проход. Справа и слева поднимаются черные, как ночь, каменные стены-плиты. А между ними проход, можно вшестером на конях. Земля серая, похоже, сухая.

Придон жадно смотрел в эту узкую щель между двумя черными блестящими, как зеркало, плитами. Нет болота, нет! Сухо, жарко, серая земля — и совершенно нет этих растений.

Тур, тяжело отдуваясь, захохотал:

— Так вот о каком проходе говорил селянин!.. А болото и эта травка — ерунда.

Придон содрогнулся всем телом, представив, что лопались бы через болото чуть левее или правее. Хорошо, что приняли совет, все-таки приняли.

Черные плиты удлинились, вершины все еще в тумане, но теперь видно, что не плиты, а две стены, а они трое — в узком то ли проходе, то ли проломе, земля темная, потрескавшаяся от неведомого жара.

Стены из черного камня, Придон такой видел только однажды: волхв показывал блестящий камень, который горит жарким пламенем, если положить на раскаленные угли. Но теперь с обеих сторон эти страшные гладкие скалы, словно в горном массиве прорубили проход двумя-тремя ударами исполинского топор.

Он вздрагивал, сердце стучало часто и боязливо. Грязно-серый туман впереди отодвигается так неохотно, так медленно, что не успеешь ни изготавиться, ни отпрыгнуть, ни убежать... Стены то сужаются, совсем жутко, перехватывает дыхание, словно скалы давят на грудь, то расходятся самую малость. Дно ущелья усыпано камнями, покрыто слоем пепла, странно перекошенное, темное, в трещинах.

— Ну что? — спросил он не своим голосом. — Вперед? Готовы?

— Готовы, — ответил Тур. — Жизнь — тяжелая штука. Но, к счастью, короткая!

Он двинулся вперед, топор в руке, левая рука со щитом

впереди, словно уже отражает удар чужого оружия или принимает прыжок дикого зверя.

За ним поднималось облачко пепла, весь стал серым, как степной призрак. Придон с упавшим сердцем обратил внимание, что за Туром нет следов. Олекса пошел шагах в пяти слева, ладонь мерно колышется вблизи рукояти топора. Он, как и Тур, с тревогой посматривал на узкую щель пурпурного, словно закатного неба. Тучи несутся, как стадо разъяренных быков, как кипящая лава, вниз падает волна жара. Туман постепенно рассеялся, вершины гор искрятся, словно брошенные в костер наконечники копий.

Тур зашиб ногу о камень, ругнулся зло, остервенело. Придон увидел безумные глаза, бледное лицо, по которому скользили красные блики от бешено проносящихся туч.

— Это уже не Артания, — сказал Тур зло.

— Артания, — ответил Придон.

— Уверен?

— Где мы, там и Артания.

Черные скалы раздвинулись, отступили, покорно остались позади. Все трое вышли на простор, от тумана ни следа, а степь впереди пугающе пустынна, ни единого деревца, только редкая бурая трава, чахлая, покрытая пылью, с уродливыми листьями, что прижались к земле.

Олекса, самый зоркий, вскрикнул:

— Смотрите!.. Неужели не видите?

Далеко впереди блеснула золотая искорка. Она росла, превратилась в крохотную фигурку желтого коня с человеком на спине. В их сторону и чуть наискось неслась на оранжевом коне женщина с развевающимися волосами. С неба падал страшный красный свет, жутко сверкнула ослепительная молния, женщина повернула голову в их сторону, и у Придона навсегда останется в памяти эта жуткая картина: красивая молодая женщина на бешено скачущем коне, сам конь храпит, пасть разинута в боевом реве, словно это не конь, а дикий зверь, женщина со злобно оскаленным лицом, в одной руке изогнутый меч, блеск лезвия достиг глаз Придона...

Ему даже показалось, что конский хвост, истончаясь, заканчивается змеей с разинутой пастью, но конь и всадника исчезли, только перед глазами все еще стояла эта жутковатая картина.

— Кто это? — спросил он. — Как могут жить в этом.. страхе?

Олекса пожал плечами:

— Вряд ли даже волхвы могут сказать. Никто здесь не бывал. Никто не заходил так далеко. Мы первые!.. Когда-нибудь, если останемся живы...

Тур буркнул:

— Ну вот, завел свою песню... Конечно, останемся! А других уроем.

Вдали показались двое всадников. Они неслись, почти сливаясь с низкими облаками. Что-то странное почудилось Придону, но, когда всадники повернули в их сторону, явно заметив чужаков, Тур прорычал зло:

— Черт... До чего же не люблю кентавров!

— Особенно в открытом поле, — сказал Олекса хмуро. — Смотри, вот тот, что слева, явно сын вождя! На лбу красный камень горит в обруче.

— Камня не вижу, — огрызнулся Тур, — как и самого обруча. Зато слышу, как от него несет вчерашней брагой!

Придон молча взял топор в обе ладони. Топорище Олекса обстругал для него гладкое, даже чересчур гладкое, такое будет скользить, когда покроется кровью, но сейчас хорошо уже тем, что оно есть, а сам топор острее бритвы... Пусть братья бахвалятся, а вот ему, Придону, не дано ни острое зрение, ни острый нюх, а только гордое имя сына Осеннего Ветра и внука Громоверта, которые нельзя опозорить.

— Итания, — прошептал он. — Если умру, то последний вздох — о тебе... Если выживу — все о тебе... Я люблю тебя, Итания!

В небе одобрительно гроыхнуло. Сухая земля гремела под твердыми как камень копытами. Кентавры неслись стремительно, Придон изготавился к бою, но в теле появилась предательская слабость. Пеший всегда жертва для всад-

ника, а кентавр в сто раз опаснее — он не управляет конем, он сам же и конь — бьет копытами, сшибает грудью, в то время как могучие руки с высоты вбивают тебя в землю по ноздри.

Кентавры резко и красиво остановились в полуразвороте. Копыта пропахали сухую твердую землю, словно это мягкая почва. Придон с содроганием посматривал на толстые мускулистые ноги, широкие копыта. Конские тела кентавров крупнее, чем у скаковых коней, а человеческие тела не уступают торсу Аснерда, разве что нет складок жира, как на теле воеводы, здесь все сухо, прокалено жаром и зноем, выжжено сухим горячим ветром.

Оба кентавра держали в руках по массивной дубине. Один под взглядом Придона закинул дубину на плечо, у Придона пробежала по спине дрожь при виде груды мышц, что обнажились при этом движении.

Передний кентавр грянул сильным грубым голосом:

— Что за букашки вторглись в наши земли?

Трое молчали, Придон уловил на себе взгляды Олексы и Тура, вспомнил, что он старший, эти двое лишь в помощь, откашлялся и сказал как можно более мирно:

— Мы просто идем через этот край. Мы не собираемся здесь пастись или искать молодых кобылиц.

Кентавр прогремел тем же зычным грубым голосом, вполне человеческим, но в котором слышалось ржание большого сильного жеребца:

— Вы... все умрете!

— Мы это знаем, — ответил Придон. — Все смертны.

— Вы умрете сейчас!

— Возможно, — ответил Придон. — Но, возможно, и нет.

Кентавр мощно бил в землю копытом. Целые пласты выламывались, будто по земле били тяжелым молотом с острым, как у боевого топора, краем. Грудь кентавра была широка, шире человеческой, а руки — толщиной с бедро человека.

— Мы можем убить вас сейчас, — заявил кентавр свирепо. — Но тогда нас убьет вождь, что не дали убить ему.

Разом повернулись, словно связанные одной веревкой, взвилась пыль. В Придона полетел выброшенный копытами ком сухой земли. Кентавры унеслись, быстро превращаясь в золотые точки, пыль поднялась за копытами, укрыла обоих.

Тур озабоченно осматривался. Олекса сбросил мешок и торопливо доставал лук, мотки тетивы.

— Если бы добежать во-о-о-он до тех камней, — проговорил Тур, — у нас был бы шанс...

Олекса бросил ему под ноги моток.

— Держи! А то у тебя всегда гнилье.

— У меня гнилье? — обиделся Тур.

Придон напряженно всматривался в линию горизонта. На миг мелькнула безумная мысль, что кентавры не вернутся, что для них три жалких человечка, однако появилось облачко пыли, начало приближаться, расти...

ГЛАВА 17

Олекса и Тур встали справа и слева с луками с руках. Топоры поставили рукоятями кверху у ног, прислонив к мешкам, чтобы успеть выронить луки и тут же ухватиться за шероховатые надежные рукояти прославленного артанского оружия.

Сердце Придона стучало часто и сильно. Кровь горячими волнами ходила по телу, вздувая мышцы. Итания, сказал он мысленно. Итания... Я люблю тебя. Я безумно люблю тебя. Я здесь, но сердце мое все равно с тобой. На привале или в жаркой схватке — я все равно с тобой...

Рядом Олекса сказал торопливо:

— Бьем в вождя!.. Видишь?

— Давно! — ответил Тур с другого бока.

Разом свистнули две стрелы. Руки героев замелькали, Придон не успевал хватать глазом, с какой скоростью накладывали стрелы, натягивали тетивы и отпускали: справа

и слева неумолчный грозный звон, зловещий свист, а спереди грохот скачущего табуна.

Из пыли выметнулись кентавры. Придон крепче сжал топориче и шагнул вперед. Стрелы с жутким посвистом, не заглушаемым грозным топотом, проносились мимо, а впереди кентавры на полном скаку роняли дубины, хватались кто за грудь, кто за шею.

У одного на глазах Придона подломились передние ноги на полном скаку. Он грохнулся оземь, его перевернуло трижды, а сверху, не успев свернуть или перепрыгнуть, падали, ломая ноги, новые грузные чудища.

Стрелы свистели, как холодный зимний ветер. Кентавры роняли дубины, падали, но задние успевали свернуть, неслись огромные, страшные, озверелые, уже поднимая дубины, готовые разить со всего размаха сверху...

Олекса торопливо выпустил еще три стрелы, выронил лук и в одно движение подхватил топор. Еще два кентавра справа грянулись оземь, их пытались перепрыгнуть, но упавшие неистово били копытами по воздуху, и новые жертвы ударились о землю, ломая передние ноги.

Тур с топором в руках метнулся вперед. Олекса точно так же бросился чуть левее, и только тогда Придон понял, что кентавры вынужденно остановились, не в состоянии прыгать через павших.

— Руби! — закричал он во весь голос. — Артания!

Олекса и Тур рубились молча. Их страшные топоры оставляли на телах кентавров длинные раны, щиты звенели, принимая удары дубин. Придон прыгнул вперед, сильный удар копытом в бок едва не сшиб с ног, но кентавр умирал, лягался вслепую, и Придон ринулся на тех, кто пробирался между павших к Олексе и Туру.

Кентавр страшен натиском, ни один всадник не выдержит ужасающего удара, кентавр на треть тяжелее коня со всадником, но кентавр, что стоит или топчется на месте, теряет половину преимущества!

Придон принимал на щит удары, рубил, отпрыгивал, по нему били, как по свае, стараясь вогнать в землю, от

грохота и лязга звенело в ушах, затем щит разлетелся в щепки, кентавры закричали люто и надели с трех сторон.

Он тоже закричал, завизжал, бросился навстречу. Сшиблись так, что дрогнула земля. Он рубил, удары сыпались на него, как сосновые шишки в бурю, ноги оскальзывались по внутренностям, теплые струи крови хлестали в лицо, одежда стала липкой. От него шел красный пар, а мир заполнился храпящими телами, которые надо повергать наземь, вбивать в землю, расплющивать...

Потом топор начал все чаще разрезать воздух, не встречая сопротивления. Он потрянул головой, красная пелена превратилась в розовую. Одной рукой вытер кровь с лица.

Все пространство на сотни шагов во все стороны заполнено конскими телами. Кое-где копыта все еще лежат воздух. Кровь покрыла землю, скапливалась в ямках, и, когда Придон оступался, красная жижа поднималась выше щиколотки.

В руке его не топор, а дубина кентавра. Огромная, из комля молодого ясеня, с обугленными для крепости шипами корней. Далеко-далеко удалялись два расходящихся облачка пыли: уцелевшие кентавры спасают шкуры.

Он оглянулся. Покрытое красным чудище поднимало другое чудище, залитое липкой кровью, с торчащими во все стороны слипшимися волосами. Чудище с трудом разогнулось, оперлось на топор, Придон признал Олексу.

Тур оглянулся, глаза удивленно расширились. Он тоже был залит кровью, волосы торчат, как иглы рассерженного ежа.

— Придон!.. Ну, слава богам!

— Да цел я, цел, — проговорил Придон торопливо. Он сам чувствовал, что голос стал сильным, словно долго кричал на морозе против ветра. — Как вы оба?

— Да что цел, — ответил Тур. — Как ты хоть не погнался следом!.. Такое орал...

Он оставил Олексу, сделал шаг навстречу, скривился, едва не упал. Одной рукой инстинктивно ухватился за больное место, из-под пальцев выступила кровь. Другой рукой

оперся на топор, сохраняя равновесие. Тонкая красная струйка стекала с правой стороны головы, огибала ухо и текла по шее.

Олекса тоже подошел, он хромал и кривился сильнее Тура, тоже опирался на топор. Лицо точно так же, если не сильнее, залито кровью. Свободной рукой то и дело смахивал кровь с бровей, но глаза уставились на Придона с великим удивлением.

— Ты цел?

Придон пытался ответить, но голос куда-то убежал во все, губы беззвучно шлепали одна о другую, наконец из перехваченного горла выполз придушенный писк:

— Да вроде бы...

Тур снова смахнул кровь, та широкой струйкой старалась залить глазную впадину.

— Точно?

— Ну, думаю...

— Проверь, — посоветовал Тур. — А то в горячке замечаешь поздно...

Придон оглядел себя, даже ощупал. Штаны стали гадостно теплыми и мокрыми, липли к телу, но это была всего лишь чужая кровь. Руки ныли, а ноги мелко дрожали. Во всем теле чувствовалась медленно уходящая, будто влага из мокрой тряпки на солнце, сила. Неведомая сила.

— Точно, — ответил он. Сам удивился, даже ощутил некоторое беспокойство, вспомнил, как по нему били, как топтали, сбивали с ног, прежде чем он ощутил в себе ту ярость, то бешенство, когда уже ничего не помнил. — Цел я, цел!

Тур сел на брюхо ближайшего кентавра, тот слабо дернул копытом в предсмертной судороге. Из развороченной страшным ударом груди вывалились красные пузыри легких, с шипением пыталось протиснуться синевато-оранжевое, склизкое, лезло Туру под подошвы, но тот лишь отодвинул ногу и хладнокровно перевязывал раненую голень.

Олекса ходил среди павших, добивал, осматривал их

мешки. Вернулся разочарованный, в руках мешок и дубина, в которую вставлены дивной красоты изумруды.

— Вожака завалили первым, — сообщил он. — Тур, дай ножик.

— Зачем?

— Выковырну эти камешки.

— Половина моих, — предупредил Тур.

— За половину я и своим выковыряю, — ответил Олекса.

Он сел на лоснящийся здоровьем круп молодого кентавра, могучее тело еще не верило, что пришла гибель, кожа человеколошади подергивалась, сгоняя невидимых мух. Олекса вытащил нож, взгляд отыскал Придона, тот ощутил себя очень неуютно под прямым взглядом старшего сына Аснерда.

— Мы их побили, — сказал он, — или мы их разметали?

Тур сказал, морщась:

— Разметали. Как ветер солому!

— Разметали, — согласился Олекса. — И кое-что узнали при этом. Довольно важное.

Он умолк, с кряхтением поддел кончиком ножа камешек. Тот заскрипел, покидая гнездо, внезапно подскочил, блеснул в солнечном луче дивными зелеными искрами и, описав короткую дугу, шлепнулся в темно-красную кровь. Олекса выругался, камешек погрузился так, что торчит самая верхняя грань, а когда Тур шелохнул ногой, густая волна жидкости накрыла его камешек с верхом.

Олекса, сопя, начал добывать другой изумруд. Тур спросил с интересом:

— И что же мы узнали?

— А ты не заметил? — спросил Олекса. — Черт, как же он их позабывал глубоко... Ты не заметил, что тот, кого мы должны охранять, перебил две трети этих безрогих коз? А мы разве что треть, и то вдвоем. Да и то нас так истоптали и излупили, что теперь во мне ни одной... до чего же туго сидит.. ни одной целой косточки!

Тур поддержал с немалым уважением:

— Священная ярость!..

Придон сказал, вздрогнув:

— Да что вы, в самом деле...

Воины, на которых в бою сходит священная ярость, это герои, силы их удесятятся, а раны заживают если не мгновенно, то очень быстро. Придон достаточно наслушался о них долгими вечерами у костра, чтобы знать твердо: ему недоступна эта ярость бойца, которая делает человека равным богам. Да и не хочется быть человеком, которого чтят, но побаиваются, ведь может взъяриться из-за простой обиды на пиру, а не только в боях за родную землю.

— Но как же тогда ты их побил? — спросил Олекса. — Ах, черт...

Второй камешек закрипел, вылетел из ямки и, описав почти такую же дугу, с размаху плюхнулся в ту же кровавую лужу. Кровь уже пошла темно-коричневыми сгустками, изумруд сразу покрылся неопрятными комками, похожими на гнойные волдыри.

Олекса поколебался, а его нож уже нацелился ковырять третий самоцвет.

— Да подбери, — посоветовал Тур. — Только и делов, что о штаны потереть. Сам бы взял, да спина что-то хрустит и не гнется.

— До трех раз, — ответил Олекса, — тогда уж подберу все сразу. Так как ты их побил, Придон?

Придон ответил жалким голосом:

— Мне просто повезло, я ж говорю.

Олекса кивнул:

— Верю-верю. Просто повезло. Как иначе можно схватить их вожака за копыто и, размахивая им над головой, как дохлой змеей, валить остальных?

Тур хрюкнул, похлопал конский круп, на котором сидел, добавил:

— Да это просто везение. Особенно когда вывернул из земли вот тот камешек... размером с упитанного быка, и зашвырнул в самую середину этого табуна.

Придон пугливо пробежал взглядом по страшному полю. Среди трупов в самом деле заметен валун. И рядом — расплющенные, раздавленные, переломанные. Земля там в глубоких круглых выемках, где падал, подпрыгивал и снова падал валун... и еще странные ямки, словно глубокие следы от человеческих ног, будто там стоял человек, весивший целую гору.

— Это тоже был я? — спросил он со страхом. — Я ничего не помню!

— Еще бы, — буркнул Олекса. Острие ножа поддело наконец камешек, Придон видел, как полоска стали изогнулась, Олекса тоже видел, но обе руки заняты, слегка скрипнуло, изумруд взлетел намного выше остальных, в верхней точке дуги в высоте блеснул огромным снопом великолепных дивных искр.

Олекса ругнулся, привстал, охнул и сел с гримасой страдания.

— Куда он улетел? Кто заметил?

— Мне блеснуло в глаза, — сказал Придон виновато.

— Вроде вон туда, — указал Тур. — Во-о-он за те трупы!.. Или нет, скорее всего вон туда.

Он указал в противоположную сторону. Олекса спросил подозрительно:

— Уверен?

— Нет, — честно признался Тур. — Но зато уверен, что наш Придон колдовал.

Олекса насторожился.

— Колдовал?

— Да, он вопил что-то... Какое-то заклятие. И как раз тогда, когда от него отскакивали дубины. Честно, думаю, на его голове орехи можно колоть! Сам видел, ему хоть бы что: озверел, прет, как лось по весне, глаза налились кровью, ревет как бык, хватает все и либо рвет, либо ломает...

Они перешучивались, но Придон ловил на себе очень серьезные взгляды. Да и сам он ежился, по телу все еще дрожь, словно из плоти выпаривается холод. В самом ли де-

ле так дрался, он ли выворотил этот громадный валун, такой немислимо поднят и десятку сильных мужчин?..

Но он помнил, что выкрикнул ее имя! И после того все полыхнуло перед глазами, он видел только ее лицо, ее звездные глаза с высоко вздернутыми бровями, длинный лес загнутых ресниц!

Передохнуть и зализать раны мудро решили в сторонке от трупов. Тур, поколебавшись, кем считать кентавров: людьми или конями, решил вопрос по-своему. Молодые — еще кони, а старые — это уже люди. Потому среди убитых выбрал самого молодого и сочного, вырезал наиболее лакомые части, выдрал еще горячую печень, принес с торжеством. Олекса поспешно примостил на раскаленных углях плоские камни, Тур разложил сверху кровоточащие куски.

Придону мучительно хотелось есть, он нанизал на прутки ломтики мяса, держал над жаром, а в животе голодно урчало. Тур, глядя на него, тоже насадил на два прутика: себе и Олексе. У Олексы разболелась правая рука, в бою не замечал, а теперь скрипел зубами, лицо стало землистого цвета, в глазах от боли позеленело.

Тур осмотрел его плечо, озабоченно присвистнул. Сплошной кровоподтек, со стороны спины распухло так, что рука уже не рука, а свисающее из плеча измочаленное бревно. Правда, ноги целы, в то время как он, Тур, подобно воробью, скачет на одной ноге: коленная чашечка распухла подобно плечу Олексы.

Хмурый Олекса потихоньку мям плечо, кривился. Тур на одной ноге попрыгал к костру, бросил в пламя ветки. Не удержался, повалился на спину, дико захохотал над собственной неловкостью.

Придон кивнул в его сторону Олексе.

— Смотри, Тур никогда не теряет веселья!

Олекса вздохнул:

— Если жизнь берет за горло — поневоле покажешь ей язык.

Спали чутко, слышали крики ворон, злобное карканье. Придон проснулся первым, передернуло: на трупах кентавров пируют огромные уродливые птицы, похожие на орлов, только с голыми, как обглоданные кости, головами и облезлыми ногами.

Вороны топтались по головам кентавров, с наслаждением долбили крепкими клювами черепа. Вылевав глаза, дальше с треском и хлопаньем крыльев добывали сладкий мозг. Придона передернуло: брюхо ближайшего кентавра шевелится, в нем нечто перемещается, выпуклость появляется то в одном месте, то в другом...

Из распоротого живота выбрался, пятясь задом, перемазанный кровью и слизью зверек, лапы тряслись от напряжения, за собой тащил толстую, покрытую жиром кишку. Придон перевел дыхание, неведь что почудилось, вон их сколько шныряет, копаются в трупах, выгрызают печень, лакомые кишки, дерутся за языки.

От толстого слоя пепла шло сухое бодрящее тепло. Он смахнул серое одеяло золы, багровые угли засветились от резкого движения воздуха. Несколько тонких веточек, сверху крупные сучья, и не успел опуститься на четвереньки и раздуть огонь, как мелкие быстрые язычки выплеснулись из угольков, начали торопливо облизывать красными щенячьими языками веточки.

Застонал Олекса, раскрыл затуманенные сном глаза. Лицо за ночь осунулось, глаза ввалились.

— Что там? — спросил он хриплым измученным голосом. — А, это амнуэли...

— Что за звери? — спросил Придон.

— Мелочь, но зубы ядовиты. Падальщики...

Придон подал ему на прутике поджаренный ломтик мяса. Еще с десятков торчало вокруг костра, медленно темнея под волнами сухого жара. Олекса начал есть вяло, потом разохотился, пошел поглощать так, что треск за ушами стал похож на грохот камнепада. Спohватившись, толкнул Тура. Тот испуганно открыл сонные глаза, Олекса сунул ему под нос прут с горячим дымящимся мясом.

— Что это? — прохрипел Тур сонным голосом.

— А ты не догадываешься? — удивился Олекса.

Тур взял прут, огрызнулся:

— Кто способен разбудить спящего — способен на любую подлость.

Придон потихоньку грыз твердое пережаренное мясо, с испугом прислушивался к себе. Вроде бы все тот же, если не считать, что в схватке с кентаврами он... выказал себя сильнее, чем Олекса и Тур, едва ли не самые сильные в артанском войске. К тому же если и получил раны, то зажили раньше, чем заметил.

Олекса и Тур, отдохнув за ночь, посматривают испытующе. От старого долунного мира остались не только редкие волшебные вещи, но и люди иногда... рождались не совсем обычными. Необычными для этого мира, но, возможно, обычными для тех ушедших времен. Придон сам видел, как однажды при переправе Вяземайт сильно поранил руку. Ругаясь, он опустил ее в воду, и, когда добрались до берега, на месте раны остался только крохотный белый шрамик.

Все слышали о неуязвимом Хогаисе, у которого не было тени, и о смелом Миндии, у которого было сразу две тени, но сам Миндия вскрикивал от боли, лишь когда попадали в его левую тень... Шла слава о силаче Филине, который никогда не спал и всегда вызывался в ночной дозор, ибо мог слышать, как за три конских перехода разбойники сговариваются шепотом. А немереной силы богатырь Медведко, который однажды подхватил падающую башню и снова поставил на место, но которого можно сшибить с ног простым свистом?

Так и он, Придон, не обладает ли странной мощью, что за гранью человека, как уже известно о его старшем брате Скилле и его младшем — Ютлане?

— Никакой мощи, — прошептал он, едва шевеля губами. — Это все Итания... Я не мог умереть, не увидев ее!..

И потому силы оттуда... Ну, оттуда, вот и все. Да я был в отчаянии... и в бешенстве тоже. Потом уже в ярости. Но это был уже не я, а неизвестный мне человек, которого моя любовь исторгла из меня... из глубин моей души!

Он чувствовал, что оправдывается, ищет объяснения, будто какой-то куяв, а не отважный артанин, что принимает жизнь такой, какая есть.

Тур прожевал мясо, руки встряхнули баклажку.

— Эх, маловато... А край здесь, как вижу, жаркий... Много воды не пить, иначе вся вода выступит у вас на спине в виде соли!

— Вода? — переспросил Олекса озадаченно. — Ах да... это же Тур!

— Воду будем беречь, — сказал Придон. — Вы сможете идти? Или подождем еще сутки?

Тур обвел рукой поле с трупами кентавров.

— Здесь нам надолго хватит... Но я уж лучше хоть на четвереньках, но вперед, а то в гиену превращусь. Говорят, такие случаи бывали.

Олекса сказал усталым голосом:

— Лучше медленно, но вперед. Давай, Придон, теперь ты впереди! Ты здоровый, как валун.

— И тебя не жалко, — добавил Тур жизнерадостно и захохотал.

— Злые вы, — сказал Придон укоризненно.

На землю падал красноватый свет от странно багрового неба. Лохматые тучи двигались быстро, в них глухо громы-хало, скрежетало, часто блистали искры. Не молнии, а короткие искры, словно некто невидимый за тучами высекал огонь.

Буро-зеленая степь медленно отступала, будто по небу ползла черная-пречерная туча и волокла по земле густую тень. Потом он понял, что это не просто тень, а зеленая трава исчезает, серая тень... нет, не тень, а серая масса движется в их сторону непрерывно, страшно, пугающе.

Олекса поспешно взобрался на высокий камень, хотя

до надвигающегося потока еще два полета стрелы. Тур всмотрелся, вскрикнул:

— Да что же это?.. Никогда не ходили стаями...

— Что там? — спросил Придон быстро.

— Полевые мыши... Весна была ранняя, их вывелось много, но не настолько, чтобы вот так, толпой, словно куявы на ярмарку...

Его лицо разом потемнело, Придон еще не понял, что случилось с Туром, ведь потемнели и плечи, грудь, руки, все вокруг потемнело, будто в самом деле небо закрыла плотная-преплотная туча, сейчас грянет гром и разразится невиданная гроза...

Он поднял голову. Небо действительно закрыла туча. Черная, плотная-преплотная. Она шуршала, странно так шелестела, словно мириады насекомых грызли сухие листья, потом донеслись тонкие крики. Туча двигалась с востока, странно дрожала, словно плотный комариный рой, и уstraшенный Придон не сразу понял, что в их сторону с большой скоростью несется по небу огромная стая птиц.

— Куда это они? — вскрикнул он.

— Туда, — прокричал Олекса со своего камня, — куда и мыши... Вернее, откуда.

Тур засопел, его тяжелую фигуру раскачивало, но довольно ловко взобрался на обломок скалы к Олексе.

— А ты чего ждешь? — крикнул он Придону.

— Он ждет, чтобы ему сапоги обгрызли, — сказал Олекса язвительно.

Их фигуры колыхались и подрагивали в странном неверном свете, словно внезапно наступили сумерки, которые на самом деле не сумерки.

Придон вспрыгнул на массивный валун, едва не промахнулся, ибо все в этом мире сейчас трепетало и дергалось.

— Что их гонит? — пробормотал он.

— Что-то непростое...

— Еще бы! Что-то вроде степного пожара. Но пострашнее.

Олекса сказал нервно:

— Похоже, нам надо тоже...

— Что?

— А разве мы из камня? У меня такое же мясо, как у этих мышей и птиц. Перьев нет, зато шерсти на двоих хватит. Или на стадо мышей.

— Но как же... — начал Придон и умолк на полуслове. По телу пробежала дрожь. Громко застучали зубы. Он попытался удержаться, но затрясло всего, а в животе стало пусто и холодно.

На стыке неба и земли возник нещадный блеск. Так спит глаза утреннее солнце, ослепительное, чистое, умытое, полное жара. Но оно поднимется крохотным с утра кружочком, лишь к вечеру разбухнет, станет багровым и уж не жарким... Сейчас же весь горизонт на востоке поыхал, как узкая раскаленная полоса железа в горне. Как раскаленная шипящая полоса, от которой веет жаром и летят длинные обжигающие искры.

Он смотрел, замерев, на этот ужас, на эту приближающуюся всеобщую и нещадную смерть. Огненная стена отсюда едва заметна, всего лишь черточка, но он понимал всеми чувствами, что на самом деле это огненная стена белого пламени, что поднимается до самых высоких туч, а то и выше, недаром же улетают птицы, а по земле идет, явно выжигая все на длину копья вглубь. И не зарыться в землю кротом, не перескочить птицей...

— Нам здесь не пройти, — сказал он тоскливо. — Те древние чародеи давно мертвы, однако огненные топоры... что метнули друг в друга, все еще носятся... отражаясь от стен!

Тур смотрел, привстав на цыпочки, на сверкающую полосу. Лицо его стало белым, словно на нем уже заиграли сполохи неземного огня.

— Не пройти, — сказал он чужим голосом, — но и не убежать... Олекса!

— Да, — подтвердил Олекса. — Эта стена мчится в на-

шу сторону куда быстрее скачущего коня... и даже быстрее летящей стрелы! Придон, тебе лучше бы сюда...

В голосе героя была безнадежность, надвигающаяся стена огня сожжет все, недаром здесь под ногами пепел, земля покрыта ноздреватой золой, а под нею вовсе спекшийся шлак...

Олекса и Тур укрылись за массивным каменным гребнем, как за огромным щитом. Придон сам видел, что стоять глупо, поколебался, теряя время, но все-таки выскочил, ошалелые мышцы все еще бегут серыми ручейками, прыгают по его ногам, а в воздухе сплошное месиво падающих перьев. Обычно чистое синее небо стало неприятно белесым, болезненным. Солнце покраснело, увеличилось в размерах, как при закате.

— Придон, не успеешь!.. Ложись...

Страшный хруст, камни вывернуло, мимо прокатился, набирая скорость, как перекаатиполе под напором ветра, огромный камень. Тугая волна горячего ветра и едкой пыли сбила с ног. Сверху посыпалась щебенка, пучки травы, упало что-то мягкое, тут же исчезло, и только теперь Придон увидел надвигающуюся слепяще-белую стену — вершиной в облаках, основанием в земле, а все эти вывороченные камни — всего лишь тугая волна урагана, которую гнала перед собой стена из немыслимо твердого огня.

Он упал, зажмурился и закрыл глаза ладонями. Сверху накатился жар. Тело вскрикнуло от острой боли. Жар тут же исчез, только под руками что-то тлело, дымок старался ввинтиться прямо в ноздри.

Перед глазами чернело звездное небо, затем звезды превратились в светлые пятна, разрослись, он повернул голову и ошалело посмотрел в ту сторону, куда ушла огненная стена, затем оглянулся на камень, за которым прятались сыновья Аснерда.

Олекса уже бежал к нему.

— Придон!.. Придон, ты жив?

Придон поднялся, ощупал себя. Не только жив, но и цел. А стена из огня, что одним только давлением воздуха

сметала с пути огромные камни, не тронула на нем ни волоска. Как и на братьях.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Олекса. — Тур, поднимайся!.. Нам не всегда будет так везти...

Он не договорил, но Придон понял, что в следующий раз может накатить волна, что испепелит даже кости.

ГЛАВА 18

Далекий красный горизонт начал подергиваться, придвигался рывками, отпрыгивал. Придон оглянулся на Олексу, у того в глазах озабоченное выражение, непонимающее. Тур двигается, как... тур, наклонив голову, злой, мышцы перекачиваются под прочной кожей. Иногда покачивается, словно земля под ним колыхается, в глазах ярость, кулаки стиснуты.

Придон не уловил миг, когда земля опрокинулась, удар, он грохнулся навзничь, ошалело смотрел в страшное пурпурное небо с быстро летящими лиловыми тучами. Тело застонало, вымаливая отдых.

— Не заставишь, — прохрипел он, встал и даже не пнул камешек, который сумел так ловко опрокинуть артанина.

Несколько раз проваливался, но уже не в болото, а в сыпучие ямы с раскаленным песком и горячей галькой. Выскакивал как ошпаренный, но дважды ожегся очень сильно. На локте и на предплечье вздулись водяные пузыри. Когда упал снова, сорвал напрочь, потекла мутная водичка, лохмотья кожи жалко повисли.

Справа и слева снова появились каменные стены. Не высокие, но отвесные, с камня словно стесали все неровности, не взберешься.

Однажды стены сдвинулись так близко, что уже думал — конец, не протиснется. Глаза слезятся, но даже под опущенными веками двигаются эти стены, а сверху несется раскаленное в небесном горне небо. Он попробовал всмотреться в тучи, тут же почудилось, что тучи замерли, а с

большой скоростью двинулись стены, и, чтобы удержаться, он поспешно сдвинулся.

Поднявшись, вытер кровь из разбитого носа, дальше шел, глядя только под ноги и перед собой. Даже на стены не смотрел, там с обеих сторон двигаются странные фигуры, в которых он отказывался признавать себя.

— Придон! — послышался сзади крик. — Ты не забыл?

Олекса и Тур двигались, как два груженных коня, упираясь в землю с таким усилием, будто тащили тяжело груженую телегу. Придон остановился, крикнул:

— О чем?

— Что ты не один!..

А остроглазый Олекса прокричал:

— Не отрывайся далеко!.. Ты не видишь, что в небе?

Придон протер глаза. Не почудилось, в самом деле стало темнее. Рискнул бросить взгляд вверх, небо уже не красное, а почти черное, как уголь костра, через который проглядывают искорки...

Сверху сыпались черные снежинки. Целая туча, черный снегопад, и, лишь когда голову и плечи покрыло этим слоем, он ощутил тепло и догадался, что это пепел неведомого грандиозного пожара. Черного снега нападало столько, что ему стало страшно, вдруг да засыплет, но снегопад оборвался так же резко, как и начался.

Теперь в дальних зеркалах стен двигалась черная как уголь фигура. Земля под ногами беспокойно подрагивала. Иногда он слышал ворчание, однажды прямо из-под ног донесся откровенный стон. Он поспешно двинулся дальше с сильно бьющимся сердцем, уверяя себя, что это не подземный бог заключен в толщу камня, а просто мерещится от усталости.

Олекса догнал, пошел рядом. Вскоре с другой стороны замаячила фигура Тура. Придон догадался, что братья ощутили что-то тревожное.

— А вот здесь, — сказал Олекса сухим, как пересохшая трава, голосом, — начинаются Лихие Земли.

— Тогда где дивы? — спросил Тур.

— Не накаркай, — предостерег Олекса.

— Все равно нарвемся, — буркнул Тур. — Да и Придону вон интересно...

Придон ежился, черные снежинки больно нажгли кожу, плечи саднило и все зудело. Степь впереди без всякого перехода перешла в такую же ровную и бескрайнюю равнину... но только черную, без травы. В лицо пахнул горячий воздух, более горячий, чем дул раньше, словно там в черной степи только что отбушевал исполинский пожар.

Под подошвами сухо пощелкивала черная, выжженная земля. И с каждым шагом едва ли не суше, тверже. Почудилось, что сквозь плотную кожу проникает жар, но скорее всего мерещится. Хотя воздух здесь в самом деле суше и теплее...

Степь словно утоптали для гигантской несостоявшейся битвы. Ни ям, ни выбоин, напротив — он ощутил, что идет по такой же черной скале, только брошенной плашмя. Всмотрелся под ноги, но все в горячей черной пыли, ноги до колен черные, с блестящими искорками.

Всюду по степи проносились заморочники, похожие на струи тумана, только очень быстрые, живые. А подальше неспешно двигались пугающе огромные смерчи, встав на кончик хвоста, вертелись с огромной скоростью, изгибались, наклонялись, черные воронки смотрели в раскаленное пылающее небо, захватывая оттуда жар и красные угли, но иногда гибкие тела смерчей изгибались настолько, что черная земля с поверхности устремлялась в раструб целой тучей.

Придон первым заметил, что встречный ветер все усиливается, гонит навстречу пепел, несет серую пыль. Тур внезапно закричал, Придон увидел вскинутую кверху руку.

Тур стоял, странно согнувшись, над огромной плитой из черного камня. Придон вспомнил, что уже дважды или трижды натыкались на такие плиты, похожие на похоронные.

— Что там?

Тур молча указал на другую сторону плиты. Там из-под камня высунулась рукоять длинного меча.

Подошел Олекса, поморщился. С брезгливым выражением на лице потрогал носком сапога покрытую пылью рукоять.

— Меч?.. Неужели сюда мог забраться трусливый куяв?

Тур возразил с негодованием:

— При чем здесь куяв?

— На топор не похоже... Как у тебя с глазами?

— Дурень, — сказал Тур зло. — Если в бою сломается рукоять благородного топора, ухватишься хоть за змею.

— Ага, — сказал Олекса задумчиво. — Значит, на него перла всякая местная нечисть с мечами... с чем же еще может быть нечисть?.. а наш лупил их, чем попадалось под руку...

Они постояли, склонив головы, Придон нарушил молчание:

— Те, кто его похоронил, ушли дальше.

Братья уловили в голосе их вождя страх и спрятанный упрек в их адрес. Молча поправили топоры за спинами и, наклонившись навстречу ветру, двинулись за ним скорым шагом.

Придон наклонил голову, шел прижмурившись, оставив узкую шелку между век. Ветер уже не трепал волосы, а дергал, свистел в ушах и бросал в глаза черный пепел. Со стороны туманного горизонта неслись призрачные волны черной пыли, по самой земле струилась легкая поземка. Далеко на стыке черной земли и красного бурлящего неба вспыхивали столбы огня. Он чувствовал, что и дрожь под ногами начинается там, где горит и корчится в муках сама земля.

Справа один за другим поднялись смерчи. Один тут же вытянулся настолько, что Олекса и Тур шарахнулись в стороны. Тур не успел отбежать, и, если бы не упал плащом и не вцепился в землю, унесло бы вместе с пеплом.

Смерч взревел, воздух пошел по кругу бешено, яростно, жадно хватая все, до чего мог дотянуться. Тур поспешно отползал, смерч поднялся вершиной и ударил в красные тучи. По всему стволу, похожему на кубок для пира, пробежал пурпурный свет, кубок наполнился горячей кровью туч и победно понесся по степи, вздымая черную пыль.

Придон в страхе ощутил, что передвигается как в лесу, полном хищных зверей. Любой из этих смерчей сомнет и разорвет на части, даже не заметив, надо исхитриться не попасться по дороге. А двигаются смерчи быстрее скачущих артанских коней.

Встречный ветер заставил идти, наклонившись вперед, как бык перед схваткой. В ушах свистело, волосы трепетали, словно прапор в руках скачущего всадника. Дорога поднималась, черную пыль змеиными струями несло навстречу, а когда снова размыкал веки, впереди тускло блестел уже камень, пощербленный, в мелких язвочках, со странными ямками и оплавленными, словно из воска, краями.

Подошвы твердо стучали по камню. Снова Придон ощутил, что снизу греет сильнее, чем обычно дает прогретая солнцем земля. Разве что снизу тоже нагревает солнце, черное солнце подземного мира?

Левую щеку сперва саднило, потом начало жечь, как будто на нее падали мелкие угольки. Он потрогал пальцами, там вспухло, мелкие частички острого песка иссекли кожу. Кровь выступила мелкими капельками и тут же пыталась свернуться, спасая плоть. Ветер и сухой песок срывали эти мягкие коричневые комочки, превращая щеку в ободранное кровоточащее мясо.

Он опустил голову и закрылся, как мог, ноги упорно несли наперерез волновым смерчам. Иногда ветер едва не опрокидывал, и тогда Придон начинал двигаться мелкими зигзагами, подставляя то один бок, то другой, стараясь не потерять направление. Над головой со скоростью летящей стрелы неслись огромные массивы раскаленных туч. В них уже не гроыхало, а грохотало, часто сверкали тусклые оранжевые искры.

Олекса отплевывался, слюна вылетала черная и сухая, как спекшийся шлак. Тур прокричал с мрачным весельем:

— Жизнь трудна, но, к счастью, коротка!

Олекса отмахнулся.

— Размечтался. Ты еще не знаешь, что там впереди.

Тур сказал беспечно:

— Будет то, что будет. Даже если будет наоборот.

— Тебе бы в волхвы податься, — крикнул обозленный Олекса. — В самые что ни есть предсказатели!

Придон молча ломился сквозь эту стену из горячего ветра, а когда вместо жуткой черной равнины, выгоревшей до самого горизонта, появилось прекрасное лицо, он вздохнул глубже, словно перенесся в те куябские сады, нагнул голову и пошел быстрее, проламывая сопротивление ветра.

Тур заорал, что Придон обогнал их уж слишком, наддал, с огромным трудом догнал, хотел ухватить за плечо, придержать, дожидаясь Олексу, но пальцы остановились на полдороге...

Этот ребенок, которого должны были охранять и беречь, ломится через плотный встречный ветер, как могучий бык через камыши. В лицо летит не только песок, что обдирает кожу, но и мелкие камешки, однако Придон прет, ничего не слыша и не замечая, губы двигаются, что-то бормочет, словно старый дед, что разговаривает сам с собой или с давно умершими родителями, готовясь перейти к ним...

— Он создал, — услышал Тур горячечные слова, — Он создал женщину, чтобы мужчине поклониться.... Нет, создал женщину, чтобы мужчине было перед кем склонить колени... Чтобы было кому поклониться, кому цветы и жертвы на алтарь!.. Но кто, из всех женщин на свете, кроме тебя, Итания...

Дальше бормотание стало еще бессвязнее, слова вылетали, как камешки из-под копыт бешено скачущего коня. Придон на ходу двигал руками, не то удил рыбу, не то вязал колдовские заклятия. Тур, немного уstraшенный, отстал. Отстал еще и поневоле, трудно ломиться сквозь плотную стену из горячего воздуха, но Придон двигается впереди,

постепенно удаляясь, совершенно не замечая, что навстречу уже не ветер, а ураган: прет так уверенно, словно не человек, адвигающаяся скала!

Придон на самом деле шел часто вообще почти вслепую, берег глаза, все равно во все стороны ровная, как стол, каменная плита. Странно и жутко брести так, не глядя, он еще подумал, что вот так всю жизнь ходят слепцы, но однажды, приоткрыв на мгновение глаз, увидел четыре странных камня, похожих на колонны, ахнул и остановился. Ветер тут же набросился с такой силой, что Придон, чтобы удержаться, упал на колени. Ветер и тут попробовал потащить, понести, как черную пыль, с обеих сторон к нему метнулись смерчи, но Придон закричал яростно, поднялся и пошел напролом к этим камням.

Четыре черные плиты в рост человека стоят тесно, словно воины, что застыли спина к спине перед последним смертным боем. Придон как будто увидел страшное сражение, разыгравшееся века тому, когда орды накатывались на этих четверых и откатывались, оставляя горы трупов. А эти стояли, стояли, пока руки могли держать мокрые от крови рукояти топоров. Или пока всех четверых не превратила в камень злая воля волшебников.

Ветер свистел и ревел, набрасывался со всех сторон, однако ему здесь показалось намного тише. Придон опустился на землю, несет жаром, дыхание вырывалось с тяжелыми хрипами, закашлялся, выплюнул сгусток из вязкой слюны и пыли, но в груди стало легче.

Подошел Тур, весь черный с головы до ног, только белки глаз кажутся непривычно белыми. Лицо распухло, превращаясь в глыбу сырого мяса, капельки крови свернулись, застыли черными комочками.

— Это уже не первые, — прохрипел он.

— Что? — спросил Придон.

— Не первый след... битв...

Дотащился Олекса, похожий на черную каменную глыбу. От него пахло гарью и паленой шерстью. Густые волосы торчали во все стороны, в бровях запутался пепел.

— Отдых? — спросил он и, не дожидаясь ответа, со стоном сел, привалившись спиной к камню. — Да, тут битвы были еще те...

— Да, — жалко промямлил Придон. В лицо пахло жаром, мужчина должен в первую очередь видеть битвы, мечтать о них, видеть их следы, а он... — И здесь вот...

— И здесь, — согласился Тур. Голос был такой же хриплый, как у Олексы. — Вообще, здесь гремели исполинские битвы. Люди так не воюют!

— Могли и люди, — возразил Олекса. — Только не с людьми, а с богами. Раньше, старые люди говорят, герои постоянно дрались с богами.

— Вряд ли, — усомнился Тур. — Боги с богами — поверю. Наши боги дрались с вторгнувшимися чужими?

Придон зябко передернул плечами, хотя воздух накален, как в печи.

— А вдруг, — спросил он тревожно, — наши не побили чужих, а только загнали их сюда? И не выпускают?..

— А мы приперлись сюда сами, — сказал Тур с непонятным злорадством.

— Вот нам и настучат по голове, — сказал Олекса. — Отдыхайте, отдыхайте!.. Может быть, это последний отдых здесь.

— Или вообще последний отдых, — поддержал Тур оптимистично. — Так чего сидим?

Придон поднялся.

— Ты прав. Мы должны дойти.

Черные глыбы с оплавленными краями плыли навстречу, раскачиваясь, чтобы труднее их обогнуть, перебегали дорогу, старались попасть под ноги. Иногда их было столько, что можно было принять за стадо черных баранов с блестящими спинами. Но попадались и обломки скал с острыми сколами, свежими изломами. Уже дважды переводили дух у самых высоких, укрываясь от ветра. Придон обеспокоенно щупал свежие сколы, острые, как зазубренное лезвие ножа. Несмотря на жар, по телу прокатывалась волна

холодного страха. Скалы не могли возникнуть здесь. Кто-то далеко отсюда в ярости выломал целую гору, зашвырнул сюда, в черную пустыню. Может быть, метил в другого, такого же огромного и могучего, а каменная гора, ударившись о каменную землю, раздробилась и разлетелась мелкими осколками.

Он стиснул зубы до ломоты в висках, только бы не представлять себе такого великана, отпихнулся от «осколочка» и заставил себя встать и двигаться дальше, к кроваво-красному горизонту, где взрывались целые горы, а земля тряслась, как будто билась в припадке.

Ветер свистел, заглушал тяжелые шаги друзей и собственное хриплое дыхание.

Валун впереди показался чересчур округлым, Придон всмотрелся в узнаваемые очертания, вздрогнул. Исполинский череп наполовину занесло черным песком. Ветер треплет истлевшие лохмотья. Ржавые доспехи рассыпались, обнажив широкую грудную клетку. Высохшие костяшки пальцев все еще сжимают обломок топорика. Череп надколот в трех местах, ребра с одной стороны перебиты. Голень перерублена начисто, лучевая кость левого предплечья ссечена сильным ударом.

И все же чувствовалось, что воин еще долго рубил, повергал, топтал, а когда его самого сбили на землю и рубили, еще хватал и давил, вот сколько костей и черепов разбросано! То ли у них нет обычая хоронить своих умерших, то ли уцелевших осталось столько, что не справились...

Исполинские плиты черного камня, вставшие дыбом, оставались в красных пятнах, словно на них запеклась кровь. Похоже, здесь принял участие в битве и маг: героя явно швырнуло спиной или боком на эти камни, потому и выбиты все ребра, а потом на него обрушились с топорами и копьями.

Те части доспехов, что уцелели, измяты, и их толщину уstraшенный Придон определил в два пальца. А если прикинуть рост и длину рук, то рукоять топора должна быть с бревно.

— А вон настоящие развалины, — крикнул Олекса.

Груда тяжелых черных глыб, чудовищно оплавленных, с потекшими краями, показалась Придону просто разрушенной скалой. Но Олекса уже свернул, свет падал в спину, перед ним побежали две длинные черные тени. Нет, одна черная, вторая — полупрозрачная.

Устрашенный Придон пошел следом едва ли не на цыпочках. Под ногами хрустело, словно в трещинах застряли черепки.

— Не туда, — прокричал, перекрывая ветер, Олекса. — Вон дверь!

Массивная дверь из неведомого металла, похожего на бронзу, но не бронза. Какой была поверхность, что там изображено — не угадать: мириады язвочек испещрили металл. Была бы дверь потоньше, ее уже съел бы этот свирепый ветер, постоянно швыряющий мелкие горячие камешки, крупный песок.

Придон осторожно опустил пальцы на широкий выступ: когда-то у двери была рукоять, что сперва оплавилась, как восковая свеча, а потом ее исклевали мелкие камешки.

Под ногами угадывалась мраморная плита, сейчас тоже вся выщербленная, исцарапанная неведомыми когтями. Там же тускло блестит серая лужа, похожая на бронзовую наледь, сама мраморная плита треснула, почернела.

Грубый Тур ударил в дверь ногой. Та вздрогнула от неслыханного оскорбления, рухнула со страшным грохотом. Открылась на диво уцелевшая комнатка, даже не комнатка, а каморка. Пахло застарелой гарью. Под противоположной стеной уцелел стол, но от кресла мелкие щепки, в стене над столом зияют оплавленные дыры.

От их движений по всей комнате взлетали и кружились в воздухе тончайшие лохмотья серого пепла. Слева в углу большое глубокое кресло, покрытое вдобавок толстым роскошным ковром с затейливым рисунком. Придон подошел ближе, кресло изломалось, схлопнулось вовнутрь и превратилось в пепел раньше, чем ударилось о пол.

Олекса расчихался, серые хлопья закружились, как при

сильном ветре. Рассыпалось и то, что выглядело как ложе, а затейливые одеяла стали цветной пылью. Странно, рассеянный свет не исчез, как не сгинул и старинный шкаф, перед которым на камне сидел человек.

Придон обошел с величайшей осторожностью, но человек не рассыпался. Мертв, мертв давно, кожа высохла и обтягивает кости черепа, глазницы смотрят провалами, однако сухие жилистые руки крепко зажали в ладонях лиловый камень размером с крупное яблоко. Пальцы почти без кожи, та прилипла к костям и почти слилась с ними. Человек сидит ровно, смерть не застала врасплох. Пустые глазницы смотрят на шкаф, где на полках вместо книг кувшины, чаши, кубки, чары, чарки и чарочки.

— Вот как гибнут чародеи, — прошептал за спиной Придона Олекса.

— К нему не рискнули войти, — предположил Тур. — Иначе бы здесь все разнесли! Да и над ним поглумились бы всласть.

— Камень, — спросил Придон, — что это за камень?..

— Камень украли бы в первую очередь! — сказал Олекса. — Но и посуду бы побили.

— Это да, — согласился Тур. — Посуду я бы тоже побил в первую очередь.

Олекса посмотрел на шкаф, плечи его зябко передернулись, согласился:

— Я бы тоже.

Придон сказал с горечью:

— Умерьте вашу ненависть к колдунам. Это был достойнейший человек. Возможно, он был артанином.

Пальцы колдуна цепко держали камень, но Придон кое-как высвободил, потер о штанину, добиваясь блеска, но любоваться некогда, сунул в заплечный мешок.

Тур оставался в тени, лица не видать, но Придону бросились в глаза крепко сжатые кулаки. Он чувствовал, что зубы Тура стиснуты, а в глазах ненависть к местным дивам и, конечно, к кувямам, которые вообще гады и виноваты во всем.

Они вышли, хотя лучшее место для отдыха придумать было трудно. За это время черные смерчи стали крупнее, двигаются во всех направлениях, обходить их становилось все труднее. Красное небо с бешеными тучами вдруг вспыхнуло страшным холодным голубым светом, словно в мир вдвинулся исполинский айсберг. На землю пала призрачная леденящая душу тень, задрожала и пропала.

Небо снова стало красным, а темно-багровые сгустки туч неслись так же стремительно, как табуны огненных коней, грохотали, в их глубинах уже не искры вспыхивали, а постоянно блистал короткий огонь.

— Не нравится мне это, — сказал Олекса озабоченно.

— А мне нравится, — возразил Тур мощным голосом и привычно захохотал, широко разевая рот. — Навстречу звону топоров о чужие щиты и головы!

Перед ними внезапно возникла черная стена. Придон успел понять, что стена не возникла, а с огромной скоростью приблизилась, налетает, успел выкрикнуть:

— Буря!

Его подняло в воздух, завертело и швырнуло, как щепку. Он упал на твердое, прокатился, растопыренные руки тщетно пытались ухватиться за что-нибудь, пока пальцы не попали в щель. Он заорал от боли, поперхнулся. Рот до самых легких тут же забило пеплом и черным песком. Перед глазами вспыхнули искры, это шарахнуло головой, руку вывернуло, все же дотянулся и ухватился сразу двумя руками, висел, как над пропастью, а ветер выл, ревел, грохотал, визжал и снова грохотал. Потом Придон понял, что грохочет не ветер: совсем близко в землю ударило слепяще-белое небесное копьё, зашипело, запахло рыбой, а черная плита мгновенно стала красной, шелкнула, лопаясь сразу в трех местах.

Молния давно погасла, а перед глазами стояла эта страшная картина, застывшая, будто навеки врезанная ему в мозг. В крошечной тьме слышался раздирающий уши

свист, затем вой, грохот и страшный сухой треск. Со всех сторон обрушивались волны жара, ветер иссек кожу, а губы вывернуло так, что жгло огнем десны.

Он прижимался всем телом, цеплялся не только пальцами, засунув в трещину руки уже по локти, но и ребрами, коленями, всем существом. В черноте прыгали белые слепящие шары, шипели, как змеи, как брошенное в воду раскаленное железо. Иногда взрывались, и тогда он становился слепым, как курица в ночи. Шары лопались, лопались, земля горела, на него падали горящие брызги, и он кричал от ожогов.

Во рту стало солоно, но, когда попытался выплюнуть ком, ветер вбил в глотку мешок песка, раздув его, как стельную корову. Пальцы слабели, ураган медленно выдирал из расщелины. Придон в страхе понимал, что это конец, сейчас со страшной силой швырнет о камни и расплющит, переломает все кости, от него останется только мокрое пятно, которое тут же высохнет...

Тишина обрушилась, как удар молота по голове. В ушах зазвенело, он потерял сознание, а когда очнулся, мир был тих, бесконечная плита блестит, словно вымытая ливнем, нигде ни единого смерча или даже жалкого смерчика, воздух чист и прозрачен, а на горизонте... зубчатые горы, которые до бури скрывались за призраками Пустыни.

Олексу заклинило между камней, что и спасло, хотя без сознания, но Придон вытащил, побрызгал из баклажки, Олекса вздрогнул и дико огляделся.

— А... буря?

— Какая буря? — спросил Придон.

Олекса посмотрел затравленно:

— Черная!.. Страшная!

— Я ж говорил, не спи на ходу, — сказал Придон. — Пойдем искать Тура.

— А что он?

— Тоже мог... заснуть, — ответил Придон.

Тур лежал на черном камне лицом вниз, распластаный, как жаба. Из трещины в камне торчала потемневшая

рукоять топора. Руки Тура были сомкнуты на рукояти, красные, распухшие, с содранной кожей.

Олекса с удивлением потрогал его носком сапога.

— В самом деле спит, — сказал он потрясенно. — Это что ж... мне в самом деле привиделось?

Тур вздрогнул и поднял голову. Придон и Олекса увидели лицо не просто красное, словно натертое кожей большой рыбы с острой чешуей, а сырое распухшее и кровото-чащее мясо, на котором чудом уцелели глаза.

— И ему что-то привиделось, — сказал Олекса с лице-мерным сочувствием. — Вон как его отделало во сне... Придон, что-то с ним можно сделать?

Придон достал баклажку, поболтал. Воды осталось все-го на пару глотков.

— Сейчас узнаем, — ответил он с сомнением. — Если хватит...

ГЛАВА 19

Валуны и камни становились выше, попадались чаще. Вместо округлых глыб, похожих на шляпки грибов, выси-лись настоящие каменные столбы. Придон улавливал очер-тания колонн, подобные держат свод дворца куявского тца-ра, но только подобные: эти впятеро шире, и даже с обло-манными верхушками царапают острыми вершинами быстро бегущие тучи.

Каменная земля изломана трещинами. Из глубин под-нимается перегретый воздух, Придон там во тьме замечал красное, словно смотрел в раскаленные угли горна. На дне разломов трещало, лопалось, наверх выстреливало злые си-ние дымки.

В ровной, как стол, бескрайней каменной плите, по которой шли, теперь часто попадались ямы. Придон вся-кий раз холодел, сжимался. Какая сила смогла выжечь, именно выжечь такие ямы, вон оплавленные края и за-стывшие брызги камня!

Часто их пытались остановить заросли кустов, которые Олекса называл железными. Во всяком случае, когда пробовали рубить, ветки отзывались звоном, а пока отрубили одну, затупили топоры. Кусты обычно обступали россыпи камней с острыми, словно бы свежими сколами. В блестящих гранях отражалось багровое небо, быстро летящие тучи, а когда мимо прошел Тур, Придон увидел грязное лохматое чудовище.

Каменные столбы, остатки древних дворцов, медленно переходили в беспорядочное нагромождение этих столбов, каменных плит, чудовищных глыб, на которых Придон иногда замечал фигуры полустертых зверей, искусно выбитые силуэты людей, но большинство оплавлено, разбито, расколото, перемешано так, что самые тяжелые глыбы фундамента оказывались наверху, как и обломки городских врат, Придон узнал эту каменную глыбу по двойному зазору для створок.

Снова тучи неслись так же стремительно и с тем же бешеным напором. Придону почудилось, что их стало еще больше, хотя и раньше занимали все небо. Демоны ревели и свистели между скал, отрывали мелкие камешки, расшатывали большие. Глаза слезились, он то и дело натякался на отвесные скалы, вставшие торчком плиты, остатки колонн, чудовищные ступени, неведомой силой поставленные боком...

Все чаще слышался жуткий сухой треск, будто великан стучал скалами, добывая огонь. Это в недрах от страшного жара лопались камни, а здесь на поверхности с таким же звуком сталкивались тяжелые валуны.

Под ногами дрожало, вздрагивало. Далекий подземный гул теперь звучал мощно, грозно. Да и дрожь временами переходила в такие толчки, что все трое едва удерживались на ногах.

Словно в подтверждение, в подошвы ударило с такой силой, что пятки заныли. Одни такие толчки способны разрушить любой город. А здесь город весь из дворцов, видны колонны из мрамора, гранитные и мраморные ступени,

массивные глыбы из городских стен, остатки акведуков... Если и было здесь что-то деревянное, то сгорело, не осталось и тряпок, только черные камни со следами яростного пожара, оплавленные медные трубки, слитки, в которых с трудом можно опознать бывшие кубки, дверные ручки, шлемы...

Закрывшись рукой от режущего ветра, он шел, сильно наклонившись вперед, старался представить себе этот роскошный дворец, что погиб при битве магов. Дворец тцара куявов выглядел бы рядом курятником. Здесь даже слуги наверняка ходили такие же важные и осанистые, как тцар Куявии, а сами беры были подобны богам. Здесь в степенных беседах обменивались мудростью чародеи и волшебники, а прирученные драконы летали над дворцом, стерегли от вторжения злых сил...

И вот теперь — страшный горячий мир черного камня и багрового неба. Из-за чего сражались древние маги? Или все вместе дрались против злого демона, что при падении пробил землю насквозь, и теперь обитает где-то в самых-самых недрах? А земля долго тряслась, рушилась от его страшного падения с небес, и потому разрушались дворцы, вспыхивали пожары, а обезумевший скот топтал своих хозяев?

Впереди, как поземка, змеилась пыль, перемешанная с дымом. Она перегораживала дорогу, живая, шевелящаяся, все время убегала наискось и не могла убежать, бесконечная, вспухающая иногда так, что заслоняла горизонт, но обычно не поднималась выше колен.

Худо только, что сквозь нее не видно земли, и ноги придется ставить вслепую. Но Придон не смотрел под ноги. Впереди, на фоне огненно красного неба, заслоняя собой стремительно летящие багровые тучи, высилась треугольная иссиня-черная гора. Из вершины уходил в небо и растворялся среди туч широкий столб оранжевого огня.

Земля вздрагивала, стонала, в глубинах часто лопались каменные жилы.

Придон увидел раскрытый рот Олексы, губы шевелятся, но слов не услышал.

— Что? — прокричал сам как можно громче.

— Дальше опасно! — заорал Олекса ему в ухо. — Смотри туда!

Из оранжевого столба пламени выстреливались горящие клубки, падали на склоны горы и катились к подножию, подпрыгивая и разбрасывая искры. Земля дрожала, как испуганный конь, скрипела всеми костями. Воздух сминался, как подушка, под ударами чудовищного грохота.

Придон махнул рукой, указывая направление. Острые скалы, вздыбленные плиты, застывшие оплавленные камни, что снова начинаются накаляться, почти плавятся, все это можно пройти по краю, пока не увидят вход в эту Черную Гору. Но отсюда, видно невооруженным глазом, не войти...

Снова брели, пробираясь между скал, протискивались сквозь паутину застывших каменных брызг и нитей. Камень под ногами в трещинах, разломах и странно округлых ямах, одинаковых, словно бы на мокрую глину просыпали горох размером с быка, втоптали, а потом горох вынули. Дно этих ям всегда блестит, будто туда никогда не попадает пыль или мелкие камешки.

Они упорно двигались по широкой дуге, до рези в глазах всматривались, не видно ли ворот, двери или просто входа, как в пещеру или в каменоломню. Подземные удары измочалили подошвы. Придон прихрамывал, а Олекса и Тур двигались на полусогнутых, при каждом толчке бледнели, закусывали губы.

Ветер стихал только для того, чтобы сменить направление, после чего набрасывался с новой силой, приносил горячую тучу песка и пепла, обжигал лицо и руки.

Придон наклонил голову, оберегая лицо от больно жальщего горячего песка. Ноги по щиколотку как в тумане. Странная поземка шелестит, будто тысячи мелких змей и ящериц несутся к краю землю, сталкиваясь и задевая друг друга сухими панцирями.

Он не видел, на что наступают ноги, иногда проваливался до колен, дважды до пояса, но ямы заполнены песком и мелкими камешками, тут же выбирался сам, Олекса и Тур измучены, едва держатся на ногах, не помогут, им самим скоро помогать...

И все-таки оба держались с ним рядом, оберегали своими телами даже от ветра.

— Уже близко... — прокричал Олекса.

— К чему? — крикнул Тур.

Ответного вопля Придон не услышал, а Олекса вдруг заорал страшным голосом:

— Вверх!.. Все вверх!.. на любые камни, но повыше!..

Сам он в страхе огляделся, словно выискивая безопасное место, потом начал карабкаться на скалу.

— Ты чего... — закричал Придон.

И осекся. Из дымной поземки вынырнули крупные красные муравьи. Да не просто крупные, а огромные, с мышь. И не просто красные, как те, что гнездятся в рощах, или огненно-красные, что внутри пней, а в самом деле раскаленные, пышущие жаром.

Тур тоже завопил и, быстрее кота, удирающего от собак, подпрыгнул на немыслимую высоту, повис на каменном выступе, видно было, как напрягаются его острые лопатки, взобрался, хрипя и поминая всех прародителей дивов.

Придон вспрыгнул на камень, как прыгал с разбегу на коня, оттолкнулся и перепрыгнул на другой, повыше, с плоской верхушкой. Облизал пересохшие губы. Язык царапнуло, словно пытался лизнуть сухую рыбу шкуру. Вот наконец-то зло, чье нарастающее присутствие ощущал всю дорогу сюда. Еще не все зло, только самый кончик, но уже зримое, осязаемое...

Из поземки вынырнули пауки... нет, не пауки, а словно бы огромные жуки, многолапые, отблескивающие металлом, а от горы, появляясь словно прямо из черного камня, понеслись новые стаи гигантских ос, шмелей, следом не то стрекозы, не то крылатые черви...

Воздух ревел, закручивался крохотными смерчами. На Придона сыпались, обжигая руки и плечи, хитиновые щетинки, обломки жестких крыльев, перелинявшие шкурки. На руках вздулись волдыри.

Ненадолго все затихло, только по-прежнему дрожала земля, а тяжелый грохот долбил череп. Тур начал было слезать, ему труднее всего на том пяточке, как вдруг поземка исчезла, вернее, превратилась в неимоверное количество муравьев, жуков, пауков, сколопендр — все валило вперемешку, налезало в давке друг на друга, шуршали и хрустели панцири, даже отлетали острые осколки, металлически взблескивали, похожие на крохотные лезвия.

Замерев, сидели под режущим ветром, Придон уже начал отчаиваться, как же слезут, как вдруг смешанную стаю чудовищных насекомых отсекло как будто незримой стеной. Муравьи, пауки и прочие твари спешно бежали от Черной Горы, но не убегали, а как будто торопились выполнить нечто важное, срочное.

Тур первым соскочил на землю, ухитрился даже придавить последних пауков. Похоже, руки и ноги его просто дольше не держали на голом камне под пронизывающим жарким ветром.

Олекса свалился мешком и, не поднимаясь, прокричал:

— Топоры — к бою!

Тур повертел головой во все стороны.

— Что еще?

Но в руках как будто сам по себе оказался топор, встали с Придоном спина к спине. Олекса поднялся, из марева выступили темные фигуры, пошли на них, молчаливые и страшные, безгубые и вообще безротые, но с длинными острыми ножами вместо пальцев.

Придон вызвал в памяти лицо Итании, ее удивленные глаза, закричал, вызывая в себе ярость, нагнетая во всем теле, пальцы крепче стиснулись на рукояти топора.

Он прыгнул вперед, с яростным воплем:

— За мной!.. Вперед не лезть!

Топор с его руках превратился в смазанную полосу. Олекса и Тур видели только смерч на месте Придона, он двигался с нечеловеческой скоростью, темные фигуры разлетались, словно их распинывал великан, в воздух взлетали отрубленные головы, руки, снова головы, и, переглянувшись, братья устремились в прорубываемую брешь, пуская топоры в ход совсем изредка, сами всего лишь старались не отстать от своего вождя.

Придон рубил озверело, люто, в ослепляющем бешенстве. Его все еще сотрясала злая дрожь, когда в уши пробился крик:

— Придон!.. Придон!.. Остановись!

Он попробовал остановиться, но свирепая сила все еще заставляла рубить и крушить, пока не сумел прислушаться к голосам друзей, красная пелена на глазах медленно растворилась. Темные фигуры, заметно поредев числом, уходили вдаль, а на земле осталось множество трупов.

Олекса и Тур, напряженные и с топорами наготове, шли за ним, стараясь не попасть под его удары.

Придон прохрипел:

— Что?.. Они не нападали?

Он ощутил сильнейший стыд, но Олекса заверил: —

— Они бы размазали нас, но ты прорубил дорогу. Ты спас наши шкуры!

Тур кивнул, лицо было измученное, глаза на черном от копоты лице смотрелись дико.

— Ты спас, — подтвердил он.

— Тогда вперед, — ответил Придон. — Мы должны идти... Олекса! Что там впереди такое бурое?

— А ты чего кричишь? — ответил Олекса.

Придон раскрыл рот... и ощутил, что в самом деле может разговаривать без крика. Ветер ослабел, только жар стал невыносимее, а воздух шелестел от прикосновения к коже, как сухие листья.

Из красного марева выступили новые руины. В следующее мгновение туман стал гуще, но сердце Придона за-

колотилось чаще. Он всхрапнул, как конь, наклонил голову и продолжал ломиться вперед.

Еще через сотню шагов кровавый туман не столько прорвался, как в прошлый раз, а поредел, и трое артан увидели развалины поистине огромного города.

Под ногами белели широкие пятна извести. Придон понял, это все, что осталось от огромных колонн из белого мрамора. И даже от огромных статуй, мраморных дворцов — все сторело, все пережгло незримое злое пламя, что со всех сторон сжимает кольцо вокруг этого места.

Дальше торчат гранитные плиты, наполовину вплавленные в горелую землю. Еще дальше — остатки величественных стен...

Не выпуская топоры из рук, медленно продвигались вперед. Олекса кивнул Туру, разошлись вправо и влево, оставив Придона в середине, но держались так, чтобы не терять друг друга в тумане.

Оплавленные неведомым жаром глыбы походили на маслянистые шляпки исполинских грибов, чьи ножки осели в землю. Земля спеклась, трещала под ногами, словно черепки разбитой посуды.

Чем дальше продвигались в глубь города, тем больше видели уцелевших строений. Кое-где фасады дворцов, однажды наткнулись на уцелевшее приземистое здание, похожее на усыпальницу. Странная катастрофа, что уничтожила старый мир, все еще не могла поглотить этот город, хотя кольцо уничтожения сжимается все теснее...

Придон вспомнил пятна и целые озера извести на месте мраморных дворцов, подумал утрюмо, что когда-то неведомая смерть доберется и сюда, в центр. А пока что здешние проклятые колдуны ухитряются не допускать в свою последнюю нору ни страшный жар, ни ревуший ураган.

Спекшаяся земля незаметно сменилась широкими гранитными плитами. Серые, выщербленные, в язвах, тянулись во все стороны. Руины расступились, артане вышли на площадь. Посредине уцелевшая колонна, толстая, как ствол дуба в пять обхватов. Вокруг колонны на расстоянии

двух шагов пробежал по кругу и застыл каменный заборчик до колена высотой.

Похоже, здесь когда-то был фонтан, на мраморной колонне виден с обломанными крыльями человек... наверное, у него был лук. Стоит с вытянутой вперед и вверх рукой, грозя сжатым кулаком грязно-лиловым тучам. В теле страшное напряжение, с таким натягивают стрелу, торс в развороте, жилы вздуты... и, хотя время сильно сгладило выпуклости, Придон чувствовал, как озноб ползет по телу от ощущения страшной силы искусства древних.

Олекса проговорил дрогнувшим голосом:

— Почти как человек...

Только теперь Придон уловил, что тревожило его при виде каменного стрелка. Он только похож на человека, очень похож, но все же не человек.

— Ветры и дожди, — сказал он не своим голосом, — это они... сгладили!

Но сам понимал, что дожди могут сгладить, но не изменить пропорции. Там на колонне в небо целится из лука не человек, а див. Див, похожий на человека.

Олекса вскрикнул:

— Тихо!.. Где-то шум...

Придон замер с поднятой в воздух ногой. Тур превратился в камень тоже на половине движения. Олекса вслушивался недолго, кивнул:

— Туда.

В той стороне колыхалась стена красного тумана. Более плотного с виду, чем тот, через который ломились к городу. Когда прошли с полсотни шагов, Придон тоже услышал неясный шум, очень далекий, похожий на топот множества ног.

Прислушался еще, но шум больше не повторялся. Олекса тоже кивнул, сделал пару шагов, застыл. Тур выругался.

Придон тоже шагнул и замер. В дальней серой каменной стене, жестоко изувеченной временем, ярко пламенеет красное, пополам с оранжевым, пятно. Олекса, Тур, а за

ними и Придон почти на цыпочках пересекли площадь. В красном пятне света видна наполовину выступившая из стены оранжевая молодая женщина. Золотые волосы подрезаны так коротко, что не достигают шеи. Голова чуть повернута вправо, женщина обеими руками держит странный меч, что уже начал оформляться в благородный топор, а за плечами распахнуты пурпурные крылья.

Придон хватал ртом воздух, грудь сжимало, как тисками. Молодая женщина держит оружие на изготовку. По лицу видно, что уже видит приближающихся врагов. Их много. Они сильнее. Юная, жертвенная, обрезавшая прекрасные волосы, чтобы не мешали в последней битве, она вот сейчас примет последний бой. Возможно, она последняя из оставшихся людей. Крылья невиданные, таких не бывает ни у птиц, ни у летучих мышей, ни у драконов. Сильные крылья, но не похоже, что она собирается спастись бегством... Да и куда?

— Ничего не понимаю, — сказал за его спиной Тур. — Если она див, то я кто?

— Она див, — сказал Олекса, — но...

— Но что?

— Она хороший див.

— Див и вдруг хороший?

— Ты посмотри на нее еще, — предложил Олекса.

Тур что-то буркнул и отвернулся. Придон чувствовал, как сердце колотится чаще, а дыхание из груди идет горячее, как из пылающего горна. Вдруг захотелось встать рядом с нею, отражать натиск неведомых врагов... Даже если те враги — люди.

— Вон там свет, — внезапно сказал Олекса. — Смотрите... вон в том храме!

— Какой же это храм? — возразил Тур.

— Назови иначе, — огрызнулся Олекса, — но в той части города еще есть жизнь! Уцелевшие там либо живут, либо собираются... Что будем делать?

Их взгляды обратились к Придону.

— Не знаю, — ответил он честно. — Но если ножны здесь, то скорее всего там. Что нам остается? Придется идти.

Олекса вздохнул.

— Повалился кувшин по воду ходить... Только давайте как можно осторожнее.

— Давайте, — согласился Тур. — А это как?

Над головами кроваво-красные тучи уже не мчались через все небо, их заворачивало в страшный гигантский смерч. Над городом нависло опрокинутое кровавое море с исполинской воронкой. Центр воронки был ослепительно желтым, красные струи вытягивались рвались, исчезали в страшном небесном водовороте.

Придон шел медленно, в руке топор, осматривался и, хотя Олекса видит дальше, а Тур слышит лучше, все равно прислушивался, вздрагивал и подпрыгивал при каждом шорохе или треске лопнувшего камешка.

Здание, что Олекса назвал храмом, приблизилось, заняло половину неба. Камни оплавилась от неведомого жара настолько, что Придон тщетно искал взглядом стыки, все в наплывах, будто камень плавился и стекал, как воск, постепенно твердея. Вокруг здания растеклась каменная лужа, каждая следующая волна застывала чуть выше, и казалось, что к храму ведут ступени с округлыми краями.

Придон пошел на цыпочках вокруг, все так же вздрагивал и подпрыгивал, все мышцы напряглись, тронь — порвутся.

Олекса и Тур, спина к спине, двигались боком, готовые отражать нападение любых зверей или врагов. Храм не соприкасается с другими зданиями, во всяком случае теперь, втроем обошли вокруг, потом еще раз.

— Я не понимаю, как туда войти, — сказал Олекса со злостью.

Тур кивнул, сказал с нервным смешком:

— Разве что вон там...

Из стены исполинского здания на уровне каменных потеков выступала страшная распахнутая пасть дракона. Придон прикинул, что в нее могли бы въехать два всадника

стремя в стремя. В красной пасти алой россыпью светятся угли, из стен выступает кровь и сползает на угли, шипит, взлетает дымками.

Олекса бросил раздраженно:

— Если туда войти, то где выйдем?

— Известно где, — ответил Тур с тем же смешком. — Или рассказать?

— Сам туда иди, — отрезал Олекса. — И сиди там. Придон, ты куда?

Нижняя челюсть дракона выступает из стены на уровне его колен, определил Придон, но жар обжигает все тело, даже ступни. Он отступил на шаг, запрыгнул на край челюсти. Сухой воздух опалил лицо, веки. Он прикрылся ладонью, шагнул...

Жар утих, а когда он сделал еще шаг, впереди открылся широкий туннель, ярко-красный, с выступающими ребрами. В стенах пульсировало, чавкало, двигалось.

За спиной послышались шаги, из огня выступил Олекса, лицо бледное, глаза вытаращены.

— Уф!.. Сам не верил... Думал, сгорю...

Его толкнули в спину, появился Тур, быстро зыркнул на обоих, прорычал одобрительно:

— Молодец, Придон, допер!.. Не могут угли столько гореть, это ж ясно... теперь. Да и кровь давно бы вытекла.

— Проклятые колдуны, — сказал Олекса. — Ничего, доберемся... В следующий раз приведем целую армию. Все здесь разнесем!

Придон, не отвечая, пошел по странному туннелю. Временами казалось, что идет по живой трубе, в стенках двигаются соки, кровь, протискиваются сгустки, вон даже видно, как выпячивается, можно стукнуть...

Он даже стиснул пальцы в кулак, но опомнился: а вдруг в ответ труба стиснется, сомнет их, перемелет в кровавую кашу? Пока что она их даже не замечает, пусть не замечает и дальше.

Внутри полупрозрачных стен красные струи побежали быстрее. Труба начала вибрировать, подергиваться.

— Вперед! — прокричал Придон. — Надо успеть...

Под ногами вздыбился пол. За спиной Придон слышал тяжелое дыхание. Ноги несли, как испуганного оленя, в голове стучала только одна мысль, как бы не споткнуться, только бы не растянуться, сам — пусть, но чудовищный туннель захватит друзей...

Труба расширилась, здесь жарче, но воздух суше, и сразу же ощутилось, что это уже мертвый туннель. Мертвый, окаменевший. Каменные стены, по ним не двигаются соки, как по дереву, хотя стены еще почти новенькие.

По этой части туннеля шли, как показалось Придону, гораздо дольше. В двух местах пересекли широкие трещины, а еще через два десятка шагов дорогу преградили ярко-красные глыбы. Сверху упал зловещий свет, Придон вскинул голову, на него недобро смотрела широкая дыра в своде.

Он подпрыгнул, ухватился за край. Ноги мелькнули в воздухе, рывком взлетел наверх, а с края протянул руку. Тур зарычал, но ладонь ухватил, Придон выдернул его наверх, дивясь тяжести Тура. Впрочем, у потомков горного великана и мясо наполовину каменное.

Олекса вылез сам, осматривался, не обращая внимания на озадаченных друзей. Полуразрушенный и заброшенный зал, в стенах дыры, вместо крыши страшные багровые тучи в жутком водовороте, а в зале нагромождение упавших глыб, статуй, колонн, смятые ударами массивные медные светильники... или жертвенники, где когда-то в кипящем масле сгорали вопящие жертвы.

Чудом уцелела статуя лежащей женщины с распростертыми крыльями. Всклопоченные волосы отливают синевой металла, крылья тоже из камня с металлом, страшное нечеловеческое лицо с красными рубиновыми глазами без сетчатки и зрачков, сплошная жуткая краснота, но лицо все же женское, даже длинные серьги в ушах почти такие же, какие носила его мать.

Усталое сердце Придона забилося чаще. Да, серьги те же, тот же узор. И даже черты лица чем-то совпадают,

страшная нечеловеческая красота, таких лиц нет ни у артан, ни у куявов, ни у славов... Правда, есть еще народы, некий Вантит, но Придон никогда не видел вантийцев...

Донесся женский крик. Между колоннами бежала женщина, наступила на полу длинного синего плаща, Придон видел, как с разбегу рухнула на вытянутые руки. Сзади раздался звериный рык. Женщина вскочила, из-за колонн появилась исполинская фигура такого невероятного чудища, что Придон невольно ахнул, а рука с топором задрожала.

Темно-синий зверь, весь отливающий металлом, двигался на двух лапах, коротких и толстых, когти с металлическим звоном впивались в каменные плиты. Четыре чудовищные лапы вслепую шарили по воздуху, задевали обломки колонн, крушили камень. На широких плечах три головы, с вытянутыми мордами, оскаленные, глаза горят нечеловеческой злобой...

Тур вскрикнул, Придон не успел глазом моргнуть, как перед глазами мелькнула широкая спина. Блеснуло лезвие топора. Одна лапа дива ухватила женщину за плечо, ткань сразу окрасилась кровью.

Див потащил жертву к трем распахнутым пастям. Снова блеснул металл, победно и страшно, стены дрогнули от дикого рева. Отрубленная рука не шлепнулась на пол, осталась висеть на плече женщины. Она визжала и с омерзением отдирала впившиеся когти.

Тур нанес второй удар, отпрыгнул, под ноги покатилась срубленная голова. Див взревел, огромная, как бревно, лапа пошла к нему с неумолимостью тарана. Сбоку забежал Олекса, ударил сильно и красиво. Пол вздрогнул, о каменные плиты ударились лапа чудовища. Кровь брызнула тугими струями, залила пол.

Придон, стряхнув оцепенение, ринулся в схватку. Олекса и Тур рубили люто, он тоже рубил и что-то кричал, рассек чудовищу бок, его топор снес вторую голову. Тур разрубил диву толстое плечо, слышно было, как орал и ругался Олекса. Див наконец рухнул на колени, но и тогда пытался

отбиваться уцелевшими двумя лапами. Придон исхитрился и отсек третью, а Олекса снес последнюю голову. Туловище с одной уцелевшей лапой грохнулось, как срубленное дерево. Из широких ран брызнули потоки темно-багровой крови.

Тур вытер лезвие о мохнатую спину дива, сунул в петлю и шагнул к женщине.

— Что, милая, поцарапал он тебя...

Женщина прямо с пола прыгнула ему на грудь, как огромная кошка. Придон видел только, как взвился за ее плечами синий плащ, что и не плащ, а свернутые крылья! Тур вздрогнул, отступил на шаг, но ее пальцы с длинными когтями уже вцепились в его горло. Он захрипел, его руки перехватили ее за кисти, однако она с яростным змеиным шипением сжимала пальцы. Ее прекрасное бледное лицо приблизилось к его горлу.

Олекса и Придон прыгнули с двух сторон, сверкнули два топора. Голова женщины скатилась, все еще скаля длинные клыки. Качнулось и отстранилось тело, но срубленные по локоть обрубки рук все еще держали хрипящего Тура за горло.

Олекса отшвырнул топор, Придон зорко смотрел по сторонам, а Олекса ухватился за тонкие женские кисти, дернул, едва не свалив Тура. Вместе с братом кое-как разогнули пальцы одной руки. Олекса с отвращением отбросил, вместе пытались отодрать другую, но отрубленная кисть за глазами пожелтела, застыла, окостенела так, что теперь даже мизинец разогнуть не удавалось.

Измучившись, Олекса предложил:

— Так и ходи! Вернемся, на тебе будем показывать, что глупо кидаться между мужем и женой.

Лицо Тура было не багровое, а уже синее, придушенным голосом возразил:

— Сам ты... жена. На ней не написано...

— Так видно же!

— К-как?

— Красивая, — сказал Олекса убежденно. — Красивые — все ведьмы.

— Это я и сам знаю... А что жена... Как?

Олекса сказал сварливо:

— Откуда я знаю? Видно, и все!

— Молчал бы уже, умник. Возьми нож, обрежь эти чертовы когти!

Придон с подозрением осматривался. Огромное тело распласталось в красной луже, оттуда же торчат, будто выглядывают странные звери, срубленные головы и отсеченные руки. Кровь медленно растекается, но вся уходит в щели между камнями.

Почудилось, что по ногам тянет прохладным, даже холодным воздухом. Думал, мерещится, но взглянул на кровь под ногами, по ней идет крохотная рябь.

— Хватит отдыхать, — сказал он тревожно, — кто знает, когда их хватятся...

— Да мы... тебя... ждем, — ответил Тур, он с трудом отламывал прочные, как стальные прутья, пальцы на своем горле. — Как только... ты проснешься...

На бегу увидели в конце туннеля дверь, одна створка висит на одной петле, другая вовсе на полу. Кровавые битвы вряд ли виной, дверь провисела столетия, если не тысячи лет, сорвалась от собственной тяжести.

Дверной проем слегка перекосило, тяжелое здание начинает усаивать под гнетом своего же веса. Воздух становился все прохладнее. Придон с бега перешел на шаг, всего колотит, пальцы выдавливают из рукояти топора сок, будто из молодого стебля.

Проем пошел в стороны. Придон выглянул, тут же раскинул руки, отступил, оттеснив обоих обратно. Олекса все же осторожно выглянул, а за ним и Тур, что ни в чем не собирался уступать старшему брату.

Жуткий мертвенно-синий мир, под противоположной стеной огромного зала высится статуя огромного чудовищного бога. Этот зверобог выступает прямо из стены, нависает, как массивный каменный карниз, а под ним жаркий

огонь подобострастно лижет ему колени. Перед огнем двое дивов на коленях, еще двое бросают в огонь не то травы, не то щепки. Костер отгорожен от зала массивным алтарем из черного камня.

В центре зала колыхается, как показалось Придону на первый взгляд, сплошная бугристая синяя масса. Сотни три дивов, все в синем, стоят плотно, словно черпая силы друг в друге. У всех козлиные головы, толстые рога тускло поблескивают в оранжевом свете костра. И все-таки Придон успел рассмотреть, что это маски. Значит, под козлиными личинами скрываются звери еще страшнее.

Сверху, из темноты, свисает толстая цепь. Настолько блестящая, что показалась Придону выкованной прямо сегодня, а не созданной тысячу лет назад, как все остальное.

— Что будем делать? — спросил Олекса.

Оба смотрели на Придона. Тот сказал в затруднении:

— Я не успел увидеть самое главное... Ножны там?

Тур пожал плечами. Олекса сказал осторожно:

— Но если и нет... Что ж, возвращаться? Нужно придумать, как пройти к тому алтарю.

Тур сказал грубо:

— Придумать? Хитрости не в артанском характере. Мы — люди честные. Пойдем и возьмем. Кто заступит дорогу — получит вот этим.

Он потряс топором, на пол все еще срывались красные капли. Олекса заметил:

— Что заступят, не сомневайся.

— А если нет?

— Почему?

— Да просто струсят, — ответил Тур и коротко хохотнул.

— В своем храме? — усомнился Олекса. — Перед лицом своего бога? Не смейся кур.

— Где ты видишь кур?

— А ты кто?

Придон осторожно выглянул. Воздух все-таки горячий, но по шкуре побежал мороз. Этот холод от жутких синих

стен, будто они трое во внутренностях огромного трупa, от негромкого зловещего пения. Костер полыхает жарко, фигура чудовища почти человечьa, из стены вырастает на уровне груди, вместо живота — пылающее пламя, бьет в растопыренную грудную клетку, страшными, сводящими с ума бликами пляшет по нависшей вперед жуткой оскаленной морде.

— А что, если...

— Тихо!

Два десятка мохнатых рук ухватили свисающую сверху длинную металлическую цепь. Заскрипело, Придон остановившимися глазами видел, как из темноты начала опускаться клетка. В ней сидел, скорчившись, человек. Даже отсюда видно, что тело исполосовано свежими ранами, из спины нарезаны широкие ремни, сочится кровь.

ГЛАВА 20

Тур ругнулся, сделал движение тут же броситься с поднятым топором. Олекса положил ладонь на плечо брата. Клетку опустили перед алтарем, пленника вытащили, поставили на колени. Руки несчастного жестко связаны за спиной, уже почернели, а когда бросили на колени, артане увидели, как от резкого движения открылись раны. Кровь потекла по коже, запятнала синие плиты, где показалась почти черной.

Тур взревел:

— Пора!

Страхнув ладонь старшего брата, он с диким криком выскочил в зал и понесся на толпу. Перед ним расступились, перепуганные дивы давили друг друга, освобождая дорогу страшному разъяренному гиганту.

Олекса выругался, но, прежде чем он успел выскочить, Придон прыгнул в зал и понесся вслед за Туром. Дивы перед Туром расступились, но четверо у алтаря, напротив, встали плечо к плечу, разом вскинули руки, затем вытянули

их, как остроконечные копья, нацеленные в бегущего на них разъяренного гиганта.

Придон предостерегающе закричал. Четыре слепящие молнии сорвались с пальцев жрецов. Тур на бегу пошатнулся, молнии ударили в грудь, но топор не выронил, только с бега перешел на шаг. Вторая молния ударила так же ослепительно, после ее вспышки в зале стало темнее.

В ужасе Придон видел, что Тур с ног до головы покрылся странной белизной, сделал шаг, замер с поднятым над головой топором. В тот миг Придон пронесся мимо, но все чувства вскрикнули, что Тур, его друг и сын Аснерда, превращен в камень, в белый мрамор!

Он закричал дико:

— Смерть!.. Убивай!

В расширяющемся проходе видел эти четыре ненавистные фигуры. Их руки поднялись, слепящая вспышка ударила в глаза. Полуослепший, он бежал прямо на них. Вторая вспышка, по телу прошла волна холода, но тут же мысль, жаркая, как раскаленный в горниле кузнеца меч, пронзила мозг: а как же Итания? Он должен добыть и принести...

Третья вспышка ударила в грудь с такой силой, что едва не швырнула назад. Он закричал, нагнетая ярость, но та не приходила, только перед глазами встало прекрасное лицо Итании.

Четвертая вспышка, он успел ощутить волну холода, что мгновенно испарилась, как горсть снега, брошенная в жаркий костер.

Жрецы пятились, с их рук все еще срывались молнии, били в его обнаженную грудь. Отступая, уперлись спинами в черный алтарь. Придон налетел как буря. Топор блеснул страшно, в воздух взлетели срубленная голова и кисть руки, вторым ударом он разрубил второго, третий отступил в ужасе, споткнулся и с диким криком повалился в огонь.

И тут Придон увидел выступ, прямо под грудью свирепого бога дивов, и над огнем, на ровном, как стол, гранитном выступе — ножны для меча! Старые потертые ножны, тускло блестит кольцо, чтобы пристегнуть к поясному рем-

ню, если великан, или к заплечной перевязи, если этот Хорс хоть когда-то был человеком...

Донесся яростный клич Олексы. В толпе дивов мелькали руки с ножами, мечами с кривыми лезвиями. Вся толпа напирала к алтарю, Олекса сдерживал натиск. Придон закричал, чтобы держался, бросился с поднятым топором.

Олекса дико заорал:

— Догони четвертого!.. Догони!!!

Крик был страшен, Придон понесся за убегающим жрецом. Из ниш выскакивали дивы, не все с оружием, но у многих когти казались страшнее мечей и топоров. Придон рубил в бешенстве, неистово, звенел металл, на него плескало кровью, перед глазами возникали лохматые фигуры, он рубил, сек, сбивал, топтал, проламывался, снова неся за жрецом, догонял, снова кого-то рубил и топтал.

Жрец наконец замедлил бег, медленно повернулся. Придон увидел измученное, залитое потом лицо уже немолодого человека... нет, не человека, у человека не может быть такого лица, таких глаз, скул, нижней челюсти...

Лезвие топора рассекло череп дива до гортани. Придон быстро уперся ногой, высвободил топор. За спиной слышался топот, хриплые крики.

— Смерть! — закричал он яростно. — Артания!.. Итания...

Два-три дива за весь обратный путь к залу выскочили из теней, но Придон рубил в бешенстве, неся как пылающая скала, все сметал, топтал, размазывал по стенам.

Впереди заблестал свет, в проеме мелькнул убегающий див. Придон вылетел в зал, его трясло, сердце едва не выпрыгивало, а топор казался легче перышка. С топора веером разлеталась кровь, она же струилась по рукам, по груди, и после каждого шага за ним оставались кровавые отпечатки.

В голове мутилось, но, когда переступил порог, поразила мертвой тишине. В зале залито кровью, дивы навалены кучами, кровь даже на стенах. По каменным плитам те-

кут, журча, темно-красные ручейки. Воздух пропитан запахом вывалившихся внутренностей.

— Олекса, — позвал он дрожащим голосом. — Олекса!

В зале поднялась одна рука, упала бессильно, но Придон не сдвинулся с места. Рука торчала из синего халата. Кровь текла обильными потоками, Олекса мог упасть от изнеможения, герои умирают не от ран, а от изнеможения, от боевой ярости, что забирает человека целиком, а затем так же с окровавленным топором их переносят в небесный дворец, где павшие в битвах пируют за столом наравне с богами и где радостными кличами приветствуют нового героя.

— Олекса, — повторил он. Голос его задрожал. — Олекса!.. Не бросай меня, Олекса... Я не вынесу, чтоб остаться одному...

Пустая клетка чернела в двух шагах от алтаря, а сам пленник по-прежнему стоял на коленях перед черным камнем. Стянутые за спиной веревками руки почернели до самых локтей, уже отмерли. Пленник всхлипывал, по изуродованному лицу катились слезы. Мужчина не стал бы плакать, но кто знает, что здесь за пытки, топор Придона в два взмаха перерубил веревки на руках. Пленник с трудом потащил руки со спины. Придон с холодком заметил, что в ладони несчастного вбиты толстые штыри.

— Здорово ты им насолил, — сказал он хриплым голосом.

Отвернулся, пошел через трупы в синих халатах. Ноги дрожали, поскальзывался. Дважды падал, поднимался все труднее и труднее. Многие дивы разрублены почти пополам. Осатаневший Олекса не знал меры, рубил, крушил, повергал, но нельзя проследить его путь, он дрался сразу со всеми, переступал горы трупов, когда за ними уже не видел врага, рубил и крушил, а затем шел дальше, где тоже рубил, крушил и повергал, поворачивал и прорубывался к другой стене.

Вон там куча трупов самая огромная, оседает, как тающий снег, выдавливая кровь из рассеченных тел. Придону

показалось, что там, судя по ручьям крови, битва только что оттремела, направился туда, опираясь о топор. Боевая ярость ушла, в ушах звенело от слабости, перед глазами плыло и качалось, будто он стоял на палубе плывущего корабля.

Олекса сидел, прислонившись к стене. Высокий вал трупов закрывал героя, Придон едва не протаскился мимо, но, движимый неясным чутьем, расшвырнул еще теплые тела, вскрикнул от горя.

Лицо Олексы рассечено страшным ударом, все тело покрыто ранами. Кровь слабо сочится, лицо Олексы смертельно бледное, изнуренное. Он с трудом поднял тяжелые веки. Губы дрогнули, пытаясь раздвинуться в улыбке, но не хватило сил.

— Добрая была битва... — прошелестело в теплом и мокром от пролитой крови воздухе.

— Добрая, — подтвердил Придон.

Ноги подкосились, он сполз по стене. Залитые кровью плечи соприкоснулись. Олекса слабо улыбнулся: в небесный дворец войдут кровными побратимами.

— Наши деды будут довольны, — прошептал Олекса. — Зла в мире... меньше...

— Это сделали мы, — ответил Придон.

В черепе все усиливался звон. Топор выскользнул, как мокрая живая рыба. Придон смутно услышал звон, то ли в ушах, то ли от упавшего на камни топора, весь мир закачался.

Звон в черепе становился громче. Из ран сочится уже не кровь, а сукровица, и с каждой каплей тело покидает жизнь... Перед глазами расплывалось, качалось. Тяжелые веки начали опускаться, но он заставил себя смотреть прямо: герои смотрят в глаза смерти без дрожи. Пальцы вслепую нашарили рукоять топора, сжали. Перед небесными героями он должен появиться с оружием. Мужчина умирает с топором в руках.

Внезапно тень колыхнулась перед самыми глазами. Его коснулись холодные когти, он успел подумать, что здесь смерть является в виде холодной жабы, и все провалилось в черноту.

Очнулся он все с тем же звоном в ушах, ужасной слабостью во всем теле. Но теперь жутко хотелось есть. Он заставил себя поднять голову. Лежит все на том же месте, а рядом...

Прислонившись к камню спиной, дремлет этот человек, если он человек, которого он спас от пыток и, наверное, казни. Все тело покрыто ранами, но кровь свернулась, а на животе словно бы зарастает молодой кожей.

Придон несколько мгновений рассматривал его с головы до ног. На артанца не походит, на куява или слава — тоже. Что-то совсем уж нелепое, ибо мужчина все-таки должен быть покрепче и повыше. Тем более такой, который попадает в железные клетки.

Он хотел спросить, за что же его так, в клетку, да еще и зверствовали, но смутное беспокойство заставило провести ладонью по боку. Пальцы нащупали вздутые края раны. Сухая корка скрывает рану, и тут Придон понял, что рука его двигается, а это раненая рука. И что у него может хватить сил как-то подняться.

— Это ты сделал? — спросил он. — Ты лекарь?..

Человек открыл глаза. Крупные, лиловые, они всматривались в Придона так же интенсивно, как всматривался он в спасенного им.

— Константин, — сказал он. — Константин...

Голос его был хриплый, каркающий. Но, возможно, и у него, Придона, карканье сейчас не лучше. Он порывлся в памяти, не нашел ничего похожего на это странное чужое слово, решил, что чужак называл свое имя, ткнул себя в грудь кулаком.

— Придон, — сказал он. — Меня зовут Придон. Твои враги мертвы! А где... здесь был мой друг...

— Мертвы, — согласился человек, назвавшийся Константином. В его голосе Придону почудилась великая печаль. — Мертвы... Твой друг еще жив. Но я ничего не смог сделать больше.

Придон с огромным усилием повернулся. Голова закружилась, он на какое-то время потерял сознание. Когда

очнулся, он уже стоял, держась за стену. Видимо, в беспомощности велел себе подняться на ноги и сумел это сделать.

Олекса под стеной на том же месте, где и был, это сам Придон перепутал правое и левое. Только теперь Олекса лежит, и видно, насколько он силен и огромен. Кровь не сочится из ран, однако там просто нечему сочиться: тело Олексы исхудало, пожелтело, словно после долгой мучительной болезни.

Придон повернул голову и застыл. Кровь в жилах превратилась в лед, а в душе разрасталась великая горечь.

Тур стоит огромный, с яростным лицом. Топор занесен над головой, тело в боевом развороте, одна нога чуть вперед, рот перекошен в боевом кличе. Придон сжал челюсти, но горестный стон вырвался из глубины сердца. Тур в мраморе еще прекраснее, чем в жизни, но как сердце обливается кровью: не остановил, не успел, не обогнал...

Он невольно взглянул на свою грудь. Две глубокие раны от ножей, кровь уже свернулась, но ни следа от ударов проклятых молний! То, что защитило его, почему не спасло отважного самоотверженного Тура, что всегда спешил закрыть его своим сердцем?

Дрожь прошла по телу, оно еще помнило удары этих молний.

На мраморной статуе трепетали оранжевые блики. Придон повернулся, на жертвеннике огонь полыхает с той же мощью. Голова чудовищного бога медленно повернулась в сторону дерзкого пришельца.

— Пошел ты, — сказал Придон с ненавистью.

Волна лютой злобы пошла от чудовища с такой силой, что Придона на миг отбросило на шаг. Он закричал, нагнетая в себе боевую ярость, измученное тело задрожало.

Внутри чудовища зародился свет, словно тусклая звезда на вечернем небе, что в ночи заблещет ярко и беспощадно, Придон ощутил, что вот-вот полыхнет гнусный мертвенный свет, что ослепит, ослабит, отшвырнет, закричал во весь голос и ринулся прямо через алтарь, через огонь, через треск рассыпающихся под ногами раскаленных углей.

Удар обухом обрушился на клык в пасти зверобога. Страшный рев потрянул Придона. Тело ослабело, топорщище заскользило в пальцах. Он закричал громче, вкладывая в крик всю ярость, боль и жажду. Топор снова блеснул в воздухе, руки трянуло от удара, по телу прошла болезненная волна.

Он успел увидеть, как сверкнули крохотные блестящие, словно из пасти зверобога выскользнули крохотные рыбки, мальки. Клык уменьшился наполовину. Измученные руки ощутили в себе мощь держать топор, он продолжал кричать, стоял в огне прямо перед мордой чужого бога и рубил, крошил, сносил целые пластинки и даже пласты камня.

Яростный рев, в котором было бешенство и изумление наглостью жалкого человека, сменилось хриплым воем смертельно раненного зверя. Придон сам охрип от крика, он придает силы, при каждом ударе руки сотрясает так, словно изо всех сил бьет по камню... да так и есть, но сцепил зубы и бил, бил, бил до тех пор, пока топор не выскользнул из мокрых обессиленных пальцев, что тут же от жара стали сухими.

Он шагнул назад, сзади под колени толкнуло твердое, упал навзничь, перекатившись через алтарь, и лежал так, жадно хватая широко раскрытым ртом воздух. Ноги пекло, он страшился посмотреть в ту сторону, за время неистовства могли сгореть не только подошвы, но и ноги до колен.

Мокрая пленка на глазах мгновенно превратилась в соль, рассыпалась, он увидел на месте чудовищного зверобога искрошенный камень. Головы не осталось, грудная клетка изуродована, а на месте горящего костра поднимаются слабые дымки. Там все завалено каменными обломками, это по ним он ступал, затаптывая горящие угли...

Приподнялся, взглянул на сапоги. Только съевшиеся от жара голенища, вместо подошв торчат красные распухшие ступни. В страхе, что не сможет идти, он с трудом стянул голенища, те стали жесткими, как сухая кора дерева, отбросил, а когда пощупал пятку, вскрикнул от боли.

Издали слышался слабый крик. Он закричал в ответ,

но услышал только слабый сип, что едва-едва выполз из пересохшего горла. От подошв в голову стегнуло острой болью, он ухватился за алтарь, постоял мгновение, задержал дыхание и отнял руки.

Его раскачивало, как стебель одинокого камыша под сильным ветром. Все тело пронизывала острая боль. Обожженные подошвы стонали, ноги подламывались в коленях.

— Итания, — сказал он хрипло, — Итания!

В голове трещали перемалываемые камни. Шатаясь, он снова перелез через черный камень алтаря. Теперь, когда костер погас, он с трепетом по всему телу видел, что от ножен идет спокойный ровный свет. Багровый свет заходящего солнца, не горячий, а теплый, согревающий — от округлого кончика ножен до окованной незнакомым металлом щели, куда со стуком вбрасывают клинок...

Перед глазами поплыло. Он выставил перед собой руки, под ногами зло хрустело, вонзало в обожженные подошвы ядовитые зубы.

— Итания, — прошептал он сухими губами. — Итания...

Кончики пальцев коснулись ножен. По руке пробежала дрожь. Глаза очистились, он видел все и слышал все, а грохот в черепе оборвался.

Ножны не казались тяжелыми, хотя краешком сознания он понимал, что держит в руках почти гору. Сердце колотилось, как пойманная в горшке мышь, кровь шумела в жилах, но этот победный шум, шум скачущего на врага огромного войска артан, что сметет, вобьет в землю, развеет пыль...

Он глубоко вздохнул, в грудь впервые не кольнуло обломками сломанных ребер.

Спасенный человек склонился над Олексой, изувеченные ладони осторожно прощупывали ему грудь. Ревность и подозрение кольнули Придона с такой силой, что рука метнулась к топору.

— Ты что? — гаркнул он свирепо.

Закашлялся от собственного рева, горло першит, но голос, хоть и хриплый, каркающий, уже вернулся.

— Он умрет, — прозвучал тихий голос.

— Он не умрет, — отрезал Придон. Злость и отчаяние сшиблись в груди с такой силой, что ребра затрещали, а сердце едва не разорвалось. — Я не дам!.. Сперва Тур, теперь Олекса... Что скажу Аснерду? Как посмотрю в глаза?

— Он умирает, — повторил человек.

Придон быстро сорвал с ближайших трупов одежду, торопливо укутал Олексу, поднял, вскинул на спину и завязал узел у себя на груди.

— Я вынесу его, — крикнул он с бешенством. — Или умру с ним! А ты, если хочешь, можешь идти с нами. Вряд ли тебе стоит оставаться в этих руинах. Тебя как зовут?

— Константин, — сказал человек, и Придон вспомнил, что уже слышал это имя. — Да, теперь здесь одни мертвые камни. Я пойду с тобой.

— Но если отстанешь, — предупредил Придон, — искать не стану. И... твоё имя не выговорить человеку. Я тебя стану звать Констом.

Олекса плотно держался на спине, Придон чувствовал в теле сына Аснерда искру жизни, что затаилась в глубине угольков, но страшился неосторожного движения, что может её погасить.

— Не умирай, Олекса, — попросил он хриплым голосом. — Не умирай!.. Меня пощади. Как я смогу... Как я предстану перед Аснердом?..

Рыдания сотрясали его тело. Конст двигался за ним послушно, как привязанный.

Они не сделали и полдюжины шагов, как пол тяжело дернулся из стороны в сторону. Придон зашатался, нелепо взмахнул руками. Олекса начал сползать со спины, как ледник с горы, а Конст ухватился за стену. Под темным сводом засверкали молнии. Оттуда донесся шипящий треск, вниз полетели длинные искры.

Изуродованная статуя бога медленно разваливалась на

части. Придон поправил Олексу на плечах, бегом ринулся из зала. На входе в тот самый туннель задел край, его развернуло, успел увидеть, что Конст, нелепо переваливаясь, со всех ног бежит следом.

Снова затрещало, загремело, он несясь по туннелю, очень долго мчался, вывалился на площадь, отбежал, и здесь земля дернулась под ногами с такой силой, что он рухнул, в последний миг вывернулся, чтобы не обрушиться на Олексу всей тяжестью.

За спиной был жуткий грохот. Стены храма раскачивало, их трясли невидимые руки. Камни выдвигались из стен, верхние с тяжелым грохотом падали, скатывались пониже, подпрыгивали, на каменных плитах разлетались сотнями мелких сверкающих осколков, либо вбивали плиты глубже, а сами оставались нагромождением глыб. Запахло гарью, в небе сверкнули молнии. Придон видел, как под их ударами рухнул купол храма, а молнии исчезали там внутри, шипящие и трепещущие, похожие на огненные деревья.

Придон пощупал Олексу, цел ли, побежал от храма. В спину трижды догоняли волны жара, а запах гари и горелой земли стал сильнее. Они были почти на другой стороне площади, когда грохнуло совсем оглушающе. Сильный удар между лопаток бросил его на землю, но опять он успел извернуться. Олекса почти не ушибся, но очнулся, застонал тихо и жалобно. Веревки лопнули, он сполз с Придона и лежал рядом, изувеченный, с желтым, как у мертвеца, лицом.

— Не умирай! — сказал сквозь слезы Придон. — Тур погиб... тебе этого мало?... Не умирай, держись...

Тяжелый грохот оборвал его слова. Храм раскачивался, целые куски стен вываливались, очень медленно падали на площадь. От каждого удара земля вздрагивала и стонала. На месте величественного здания осталась дымящаяся груда развалин, и тут Придон с ужасом увидел, откуда идет гарь и запах горелой земли. Темная груда камней медленно опускается, тает, уходит в красное озеро лавы, а та выступает из

берегов. Тяжелые волны очень медленно выкатываются на площадь, и вот уже начинают гореть сами каменные плиты.

— Уходим, — прохрипел он.

Из озера лавы взметнулся фонтан оранжевого огня. Страшный жар сжег все волосы на руках и лице Придона, мгновенно вздул кожу пузырями и вошел в тело до мозга костей, вызвал невыносимую боль. Ноги подкосились, он упал, подполз к Олексе. Тот стонал, не открывая глаз. Лицо и грудь почернели, жуткий жар сжег верхний слой кожи, Олекса казался покрытым серой пылью, но это был пепел его сгоревшей кожи.

Он ухватил Олексу, сам закричал от боли, кожа на руках сожжена. Грохот затих, земля не дергается, только сильный жар все так же иссушает кожу и превращает оболочку глаз в мертвую слюду.

На том месте, где возвышалось последнее убежище дивов, плескалось огненное море лавы. В низком небе разверзлась жуткая дыра, проглянуло такое же жуткое красное пятно, неподвижное, без бегущих в страхе округлых, как бараны, туч, словно страшное озеро отражалось там, как в зеркале,

В сторонке пытался подняться и снова падал на руки Конст. Спина его стала красной, словно кожу сняли живо, волосы сгорели, а серый пепел сдуло порывом жаркого ветра. Придон, почти теряя сознание, отнес Олексу подальше от огненной лавы, затем вернулся за Констом и положил их рядом. Очнувшись, Конст слабыми пальцами пощупал Олексу, тот перестал стонать, и Придон подумал, что не зря он вытащил этого Конста, умеет лечить лучше любого из артанских лекарей.

От изнеможения в глазах плыло. То ли заснул, то ли терял сознание, но, когда очнулся, пурпурные тучи стали темно-багровыми, а оранжевое море лавы остыло, покраснело, кое-где покрылось темной коркой.

Массивные глыбы почти целиком скрылись в озере, только в самом центре озеро остыло чересчур быстро, и несколько огромных каменных блоков торчат из оплавленной

дымящейся земли, уже не погружаясь. Земля еще вишне-
вая, но остывает, доносится треск, шипение, сухие щелчки,
рвутся остывающие каменные пласты.

Конст укутал Олексу обгорелыми тряпками так, что из
лохмотьев торчит только нос, красный, обгоревший, рас-
пухший.

— Спасибо, — прохрипел Придон. — Теперь помоги
мне его на спину... Нет, я подниму сам, ты привяжи...

Горячий злой ветер сильно толкал в спину. Придон чув-
ствовал, что без этого ветра он не мог бы идти вовсе, страш-
но и подумать, как это двигались совсем недавно в обрат-
ную сторону, как ломились сквозь эту пылающую стену.

Конст дважды брался помогать нести Олексу. На нем
раны заживали быстро, затягивались на глазах даже жуткие
ямы от выжигания раскаленным железом.

— Сделай что-нибудь с моим другом! — потребовал
Придон. — Ты же можешь!

Конст на ходу повернул к нему худое, как будто на че-
реп натянули кожу, лицо. Запавшие глаза прятались так
глубоко, что Придон видел только пугающе пустые глаз-
ницы.

— Не могу, — ответил Конст просто, и Придон увидел,
что спасенный им человек держится из последних сил. —
Нужна вода, много воды... И мне, и ему...

— Вода, — вырвалось у Придона хриплое. — Вода!.. Да
будь здесь вода...

Они шли под пурпурным небом, что значило день, шли
под багровым, такая здесь ночь, снова под пурпурным, а
горячий ветер с каждым днем слабел, а без подталкивания в
спину каждый шаг становился все тяжелее.

Придон сам впадал в беспамятство, а когда вздрагивал
и возвращался в этот жуткий мир, обычно видел впереди
тощую фигуру Конста. Его фигура отбрасывала жуткие те-
ни по мертвой выжженной земле, он что-то бормотал, раз-
махивал руками, словно так было легче идти. Похоже, он

нарочито выходил вперед, что если какая беда, то хотя бы успеет поднять крик, могучий воин очнется и схватится на огромный топор.

Сухой воздух сушил горло, оба жадно разевали рты, пытаясь захватить больше жизненной силы, но сухость лишь проникала по гортани в легкие, заставляя долго и судорожно кашлять, выплевывать горячие комочки спекшейся пыли.

Придон чувствовал, что мозг уже плавится от дикой жажды. Губы стали сухими, как кора старого дерева, полопались, как эта же кора, горло саднит, словно изнутри содрали кожу, а потом еще и набили туда горячего песка, язык превратился в неподвижную каменную плиту, его не сдвинуть, не сдвинуть...

Конст молчит, не жалуется, хотя Придон видел, как тот падает все чаще. Последний раз он не захотел вставать, пришлось попинать ногами. Второй раз не помогли и пинки. Придон опустил Олексу на землю, оторвал длинную полосу ткани и привязал Конста за шею.

— Я, — выхрипел он пересохшим горлом, — я... буду тащить... Мне тяжело... Если ты пойдешь... мы дойдем...

Конст ответил совсем сипло:

— Мы... не дойдем... Иди один...

— Нет... мы дойдем...

Он качнулся, поднял Олексу и двинулся, не видя дороги, но так, чтобы ветер дул в спину. Конст некоторое время тащился следом, но однажды Придон не ощутил привычного натяжения. Дернул сильнее, подтащил веревку, поворачиваясь с Олексой на плечах труднее, в ладони оказался чисто срезанный обрывок.

Зарычал, бережно опустил Олексу, разогнулся, широко расставив ноги. Ветра уже нет, но качает так, словно треплет ураган. Если присмотреться, то можно заметить легкие отпечатки... вот здесь он упал и уже полз, цепляясь за камни, за неровности почвы... Вот здесь ударился головой... уже не видит...

На Конста он наткнулся всего через сотню шагов. Упал рядом, тяжело дыша, сказал измученным голосом:

— Там остался мой лучший друг... Его ждет отец, который отправил со мной двух сыновей... Один уже погиб, закрывая меня! Могу ли я лишиться отца и второго сына?

Конст долго лежал молча, уткнувшись лицом в горячий черный песок. Прошептал едва слышно:

— Иди сам. Если можешь, носи своего друга... Я вам только помеха...

— Ты в моем отряде, — ответил Придон.

— Я... я чужой...

— Ты в моем отряде, — повторил Придон. — Теперь ты наш...

— Если ты оставишь меня... — прошептал Конст, — доберешься быстрее... Со мной можете не добратся вовсе..

— Я же не куяв, — ответил Придон. — Артане своих не бросают!

Конст повернул голову, в запавших глазах на этот раз блеснул странный огонек. Не говоря ни слова поднялся, пошел, шатаясь, обратно.

ГЛАВА 21

Придон помнил, что он шел, очень долго шел. Потом полз. Тащил на себе Олексу, возвращался и ловил Конста. Тот все пытался уползти и умереть, чтобы Придон мог двигаться быстрее, без обузы, а Придон чувствовал, что для него это тягчайшее оскорбление, если примет такую жертву.

Все чаще наступало затмение, когда он шел или полз в полной тьме, а затем возникало сияние, в нем проступало лицо Итании, он двигался на этот свет, и снова ноги переставали подкашиваться, а пальцы не соскальзывали с камней, за которые подтягивался.

Однажды земля начала подрагивать, затем затряслась уже сильнее, загудела, словно прямо на него несли табун диких коней. У него не было сил поднять голову, но грохот

затих. И снова он помнил лишь, что надо двигаться, надо идти, ползти, надо доставить Аснерду хотя бы Олексу, там волхвы и маги, там могучие лекари, там есть все, молодые и сильные должны умирать только в бою...

Сильные руки подхватили его за плечи. Он услышал взволнованные голоса. Ему почудился голос самого Аснерда, он понял, что снова впал в беспамятство, вздохнул и позволил черноте сомкнуться над его головой.

Сейчас он лежал на широком ложе, что вынесли из шатра прямо под утреннее солнце. Ловкие руки дюжего лекаря втирали в обожженную кожу мази, целебные масла. На ночь его обложили душистыми листьями, что вобрали жар и стерли с кожи ожоги.

Аснерд наведалься лишь однажды, он не отходил от Олексы. Тот не приходил в сознание, лекари боролись за его жизнь, но уверяли воеводу, что сын у него с двумя сердцами, выживет, еще и внуков своих будет учить седлать коней.

Как узнал Придон, Ютлан и Скилл не находили себе места, когда он отправился на поиски ножен. Аснерд тревоги не выказывал, напротив, хвастливо заявлял, что у него сорок сыновей, все — герои, но когда Аснерду предложили выехать навстречу Придону, оказать почет, то Аснерд в тот же день оседлал коней и пустился вскачь с десятком героев.

Он прошел по всему пути Придона, побывал на том зеленом клочке, где селянин рассказывал артанам про героев, добывавших огонь, узнал о проходе, забрал коней уехавших артан, а потом с двумя молодыми и ловкими — Придон не поверил своим ушам — сумел взобраться на горы, спустился в болото, прошел по их следам и даже вышел в сами Лихие Земли, где обнаружил массу мелкого зверья и тучи ворон, что все еще пировали на трупах кентавров.

Здесь увидели надвигающуюся черную бурю и, уstraшенные, собрались было отступить и ждать у прохода к бо-

лоту, но тут сам Аснерд заметил ползущего человека. За ним — еще одного...

Сейчас ласковое солнце нежно и ласково трогало кожу Придона, ветерок шевелил быстро отрастающие волосы. Он открыл глаза, услышав знакомый стук сапог. Подходил Скилл, могучий и красивый, с радостным и встревоженным лицом. За Скиллом шел Горицвет, он улыбался своей такой не тцарской улыбкой, доброй и немного застенчивой. Придон поднялся, на это сил хватило. Скилл обхватил его, прижал к груди. Снова Придон ощутил себя маленьким, счастливым и защищенным.

А Горицвет обнял коротко, по-деловому, тут же спросил:

— Это верно?

— Я добыл ножны, — ответил Придон.

— Да в задницу эти ножны! Тот, спасенный тобой, рассказал, что ты в самом деле сумел проломить эту стену!.. Это верно? Ты сумел пройти Черные Пески... россыпь Зубов Небесных Драконов... и даже Красную Землю?.. Он сказал, но я просто не поверил, что теперь до самих земель Вантита можно дойти по прямой? Без месячного крюка?

Придон кивнул. Он вспомнил Тура, горло перехватило, как тисками.

— Может быть, — прошептал он, — ты был прав... Это было безумство — идти туда.

Горицвет кивнул, но глаза его смотрели поверх головы Придона, словно видел, как новой дорогой скачут всадники, осматривают теперь артанские земли, роются в руинах, с торжеством вытаскивают чудесные вещи дивов.

А Скилл сказал приподнято:

— Брат мой, в неведомое всегда пути прокладывают безумцы вроде тебя. Те самые пути, по которым затем пойдут караваны осмотрительных!

Придон с трудом поднялся, сел.

— Брат, — сказал он, — на мне все заживает, как на собаке. Пока я буду ехать в Куябу, все раны затянутся. Вели седлать моего коня!

Скилл долго всматривался в его исхудавшее лицо.

— Я, — сказал он негромко, — понимаю тебя. Ты слаб... но в дороге обростешь силой. Однако...

— Что, Скилл?

Скилл улыбнулся.

— Не кричи. Уже вечер. А завтра с утра езжай. Я понимаю тебя, Придон. Понимаю.

— Спасибо, — ответил Придон с чувством. — Я люблю тебя, Скилл!

Еще притронувшись к пологу шатра, он ощутил сильный запах лечебных трав, настоев. А когда открыл, задержал дыхание: резкий бодрящий запах лез в ноздри, забивал дыхание.

Олекса раскинулся на ложе, весь перевязанный чистыми тряпицами. Слабо и виновато улыбнулся Придону.

— Прости... Это мы должны были охранять тебя. Но, выходит, ты нас спасал...

— Тур погиб, — сказал Придон горько.

Олекса сказал хрипло:

— Мы шли на то, чтобы погибнуть, но помочь тебе добыть меч. Придон, думай об Артании, а потом о себе... О нас же вообще не думай. Мы живем, чтобы Артания жила. Но и умираем затем, чтобы она — жила!

Придон в неловкости переступил с ноги на ногу.

— Отдыхай, набирайся сил. Мы еще повоюем!

Он отступил и вышел на солнечный свет и чистый, напоенный степными травами воздух. На заднем дворе подвели Луговика, помогли взобраться в седло. Сердце застучало чаще, что-то колдовское в перестуке копыт, городские ворота надвинулись, над головой промельнула арка, впереди распахнулся простор.

Он придержал коня, от скачки заныли раны, пустил ровным шагом. Западная часть неба наливается пурпуром, пока что радостным, живым, без той багровости, что быстро темнеет, переходит в ночную черноту. Оттуда, из этой

бурлящей пурпурности протянулись огненные нити, вонзились в сердце сладкой болью.

Копыта застучали чаще, конь перешел на легкую рысь. Над головой пронзительно прокричала мелкая быстрая птица, Придон успел увидеть только скошенные крылья. Выпрыгнул из травы и скакнул в сторону серый заяц. Зеленые стебли мерно шелестели о конские ноги, ветер шуршал в ушах, сердце стучало все громче. Сверху с облаков донесся странный звук. Тело Придона содрогнулось в радостном ожидании. Звук донесся громче, протяжнее, в него ровным и четким узором впелся ровный стук копыт, шелест ветра и травы усилился, Придон радостно закричал и потрясенно увидел, как мир впереди колыхнулся, как будто отражение в озере от брошенного камня. Там прогнулось, по краям вспыхнула радуга, разлетелась острыми стрелами, сердце стучит громче, в ушах гремит кровь, Степь ответила многоголосым криком, с неба тоже странные звуки, Придон жадно ловил, сплетал в узор, конь перешел в галоп, перед глазами мелькает зеленое, он ощутил, что выкрикивает какие-то великие слова, способные перевернуть мир, настолько могучие, что небо могут обрушить на землю, но остановиться не мог, тело трясет от неземного восторга, он с грохотом несется через степь, кричит, поет, слезы срывает ветром и уносит мельчайшими каплями, а он крошечной долей сознания понимает, что из них вырастут дивные цветы.

Пурпурное небо опустилось, приблизилось. Он влетел на полном скаку, растворился, но вместо ужаса была ликующая радость, он чувствовал, что это и есть он — блистающий, великолепный закат, окрашенные красным огнем облака, пылающее небо, темно-красный край земли, горячий и пульсирующий мир, заполненный его криком, голосом, болью и радостью.

Когда он вернулся, во дворе ждали обеспокоенный Аснерд и Вяземайт. Аснерд покачал головой, в голосе прозвучало осуждение:

— Это ты зря. Перед поездкой надо отоспаться, отъесться. А то и не один день.

Вяземайт же прежде всего обратил внимание на потрясенный вид Придона. Тот спрыгнул с коня, Луговик тяжело отдувался, с удил падает пена, а Придон, хоть и устал, побледнел, но глаза блестят, как звезды, красиво вырезанные ноздри раздуваются, словно у зверя, зачуявшего добычу.

— Что-то случилось?

— Да, — ответил Придон.

— Где ты был?

— Не знаю, — ответил Придон.

— Как это...

Придон коротко взглянул на Вяземайта. Волхв смотрит с недоверием, глаза из-под нависших бровей, похожих на заснеженные кусты, глядят остро, пронизывающе, но чем дольше Вяземайт на него смотрел, тем больше в глазах верховного волхва появлялось изумления, смешанного с почтением.

— Я был в другом мире, — сказал Придон. — Я и раньше ощущал его прикосновение... но сегодня я там был.

Вяземайт подошел ближе, его широкая ладонь опустилась на плечо Придона.

— Ты можешь рассказать, что видел?

Придон покачал головой:

— Нет. Я только чувствовал. Но и это едва не разорвало мое сердце... Я ощутил, что в мире есть нечто настолько высокое и ценное, что я никогда-никогда... И это наполнило меня всего великой печалью и великой гордостью.

— Почему? — спросил Вяземайт настороженно.

— Я ощутил, что это недостижимо для меня сейчас... Я муравей рядом с горой, это наполнило меня таким великим горем, что сокрушило и раздавило, как валун раздавил бы муху! Но я ощутил, что когда-то смогу вырасти выше самой высокой горы, все объять, все вместить... Вяземайт, когда копыта моего коня снова застучали по земле, я ощутил, что вернулся с небес с новой песней. Хочешь, я сейчас ее...

Вяземайт отшатнулся, выставил перед собой ладони.

— Нет-нет!.. Я не хочу, чтобы мое каменное сердце

трескалось, как валун в жарком огне. Твои песни исторгают из меня слезы, а мужчина должен быть бестрепетен.

Придон сказал виновато:

— Прости...

— Уходи и пой таким же пустоголовым!

Рано утром он почти вскочил, по телу стегнула резкая боль, но лишь стиснул челюсти, не подал виду, что еще не все зажило. Позавтракал быстро, как голодный волк, что глотает, не пережевывая, все потом, потом, торопливо вскочил во двор.

Яркий свет болезненно ударил в глаза. Обнаженные плечи мгновенно впитали солнечные лучи. Прямо от солнца протянулась нить, по которой в его тело бурным потоком пошла вливаться эта кипящая мощь.

Всю площадь перед дворцом заполнил народ. Воздух задрожал от сотен труб, пищалок, бубнов. Слева от дворца на конях гордо восседали сильнейшие герои Артании.

Скилл крикнул им что-то веселое, они разом вскинули в воздух топоры. Мир дрогнул от их дружного рева:

— Придон!.. Придон!.. Придон!..

Придон развел руками. Скилл хотел поддержать его под руку, но Придон сбежал по ступенькам резво, молодая сила бурлила, он чувствовал, как все раны затягиваются на нем вот прямо сейчас, быстро, а за ворота города выйдет лишь с белыми шрамами.

Толпа расступилась, там стоял Градарь. Он ударил пальцами по струнам, запел хрипловатым сильным голосом. Придон ощутил, как по спине пробежали мурашки. Он уже не слышал слов, но все тело встрепенулось, душа подпрыгнула и расправила крылья.

Круг постепенно раздвигался. Туда вошли Скилл, Аснерд, Вяземайт, даже сам Горицвет, все на ходу в ритме хлопали в ладоши, этот звук тоже заставил встрепенуться, кровь вскипела.

Горицвет поманил Придона.

— Давай-ка на дорогу танец Победившего Воина!

Градาร์ запел громче, Аснерд, Вяземайт и Скилл начали хлопать в ладоши громче, чаще, убыстряя темп. Придон вышел в круг, выпрямился, душа ловила ритм, затем тело вздрогнуло, мышцы сами задвигались, сапоги быстро-быстро передвинулись на полшага, почти шаркая подошвами, и дальше его повела по кругу та сила, что пробуждалась в нем сама по себе, когда слышала красивую сильную песнь, когда душа ловила серебряные звуки труб, создающие небесную мелодию.

Мужчины хлопали в ладони все громче, сильнее. Придон шел по кругу, выпрямившись, с гордо разведенными плечами, подошвы пристукивали часто, в только им известном ритме, он даже не вмешивался, эта странная мощь делает все сама, ей надо всего лишь не перечить.

Итания, шепнул он одними губами. Итания, именем твоим я прошел все дороги. Итания, я начал жить с того дня, как увидел тебя... Итания, я скоро снова увижу тебя!

В круг влетел, не удержавшись, Скилл. Его танец был четок и строг, но глаза смеялись, а губы расползались в счастливой улыбке.

Придон отступил, взял у Градаря бандуру. Все получилось само, он просто не перечил силе, что вела его в танце, а сейчас она ударила его пальцами по струнам.

Он услышал свой голос, перед глазами лицо Итании, звездное небо, скачущие кони, гневное лицо бога, яркий свет и снова лицо Итании...

Скилл танцевал, но теперь строго и торжественно, а когда Придон без перехода заиграл другую мелодию, подошел и встал рядом.

Могучие силы швыряли Придона, как утлую лодчонку в бушующем океане. Он задыхался, в груди нарастало злое жжение, голос стал хриплым, но он пел, ибо все это в нем, накопилось, рвалось наружу, и, даже когда голос начал прерываться, он все еще бил по струнам, а голос бога говорил в нем странные щемящие слова, нежные и огромные, способные охватить все...

А потом он опомнился, все стоят, замерев, у многих на глазах слезы. Скилл смотрит с любовью и тревогой, но лицо серое, как будто вырублено из гранита, а глаза запали в темные пещеры.

— Придон, — сказал он тихо, — садись на коня. Езжай. Ты заставил мужчин не просто плакать — рыдать! Я даже не знаю, что можно... больше.

Толпа распахнулась, Блестка вела коня. Придон поцеловал ее в щеку, одним прыжком вскочил в седло. Слегка кольнуло срастающееся ребро, но это все, что осталось от его ран.

Он вскинул руку в прощании, умный конь красиво встал на дыбы, помесил воздух копытами, грива развеивается, а затем сам, без напоминаний метнулся в сторону городских врат. Ножны бога Хорса в седельном мешке, боевой топор и щит укреплены по обе стороны седла.

Почти у самых ворот он увидел Конста. Тот вышел навстречу, был он страшно худ, кости выпирают из-под сухой кожи, поперек груди огромный багровый шрам с безобразно вздутыми краями. Сукровица выступает крупными прозрачными каплями, зато глаза теперь не прячутся в глубоких впадинах, и Придон зябко повел плечами, заметив в желтых глазах по два зрачка.

Он наклонился с коня, спросил шепотом:

— Конст... ты человек?

Конст ответил после паузы:

— Даже не знаю, как и ответить. Да и нужна ли тебе правда?

Придон выпрямился, щек коснулся жар.

— Прости, спросил глупость. Мы дрались с дивами, мы победили. Вместе вернулись, помогая друг другу. Ты лечил, как мог, меня и моего друга. Я вырвал тебя из рук врага, когда тебя убивали...

Конст взглянул исподлобья. У Придона появилось нехорошее предчувствие. Он предпочел бы, чтобы Конст не открывал рта, но тот сказал тихо:

— Не совсем так... Ты не понимаешь...

— Что я не понимаю?

— Меня не убивали.

Придон вскрикнул:

— А что же с тобой делали? На тебе места живого не было!

Конст опустил голову. Пораженный Придон видел, как под его взглядом огромный багровый шрам стал белым, опустился, растекся по коже, и через пару мгновений на том месте, где был шрам, осталось чистое место с молодой кожей. Конст задышал с усилием, застонал, и Придон услышал, как хрустнули и соединились кости в левом боку.

Когда Конст поднял голову, со лба сползали крупные капли пота, глаза были страдальческие.

— Понял теперь?

— Нет, — признался честно Придон. — Ты умеешь заращивать свои раны. Ты волхв? Но ведь и волхвов убивают?

Конст покачал головой:

— Я не волхв. И меня не убивали. Меня просто... наказывали.

— Наказывали? — воскликнул пораженный Придон. — Это что-то вроде родительской порки?

После долгой паузы Конст ответил несчастливо:

— Не думай, что вырвал меня из рук любящих родителей. Хоть меня убивать не собирались, но мне запрещали делать то, что я хотел делать. А для мужчины это равносильно смерти. Они уничтожали плоды того, что я копил сотни лет.

Придон дико посмотрел на Конста. На вид обыкновенный человек, разве что больше похож на куява своей изнеженностью, чем на мужественного артанина, но все же... как это — сотни лет?

— Так... кто ты?

— Человек, — ответил Конст невесело, — но тот человек, которых вы, новые, называете дивами. Хотя дивы... это... словом, дивы были давно. Еще до нас. А мы те, кто пришел на их земли и... чему-то научились у них... Придон,

тебе надо ехать. Меня приютило твое племя, здесь добрые и чистые люди. Когда вернешься, я расскажу тебе больше. Да что там больше, расскажу все!

Аснерд долго смотрел вслед Придону. Солнце играет на литых плечах юного героя, в черных как смоль волосах прыгают искры. Он держится в седле красиво, чуть откинувшись назад, гордый, как артанин, красивый, как артанин.

Рядом часто дышит Вяземайт, взгляд его тоже не отрывался от удаляющегося всадника.

— У меня от танцев всегда вскипала кровь, — признался Аснерд. — Когда я смотрю на танцующих мужчин, на их гордые лица, на прямые спины и сильные руки, у меня у самого выпрямляется спина, учащается сердце. Я сам вот прямо сейчас на коня и с обнаженным топором в одиночку на все вражеское войско, что посмело... Но почему, когда смотрю на танцующего Придона, у меня закипают слезы?

Вяземайт спросил глухим голосом:

— Он что, так плохо танцует?

— Нет...

— Так почему?

— Не знаю, — ответил Аснерд сердито. — У меня от его песен, от его танца тоже выпрямляется спина и учащается сердце, однако... понимаешь, я же артанин! Почему ладонь рвется не к рукояти топора? Напротив, мне хочется разорвать свою собственную грудь, выхватить пылающее сердце... не знаю, то ли бросить к чьим-то ногам, то ли... Нет, не знаю! Слезы застилают взор, я только реву как дурак, вскакиваю и ухожу, чтобы не видеть, не слышать, не попадаться на глаза молодым. Стыд какой: увидят меня, старого дурака, ревушим! А я ж не просто старый и битый, тертый, я ж еще и военачальник!

Вяземайт долго молчал в неловкости.

— Какая-то магия, — сказал он невесело, — но я не знаю ее истоков.

Аснерд отшатнулся, глаза сверкнули сердито.

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Кто из нас волхв?

— Не знаю, — ответил Вяземайт сердито. Он отвел взгляд. — Не знаю!

Аснерд помолчал, рассерженно махнул рукой.

— Ладно, ты хоть признался. Вообще-то никто не знает. Ни один человек!.. Хотя всем кажется, что знают. А кто говорит, что знает, тот брешет. Или дурак, что вернее.

Степь гудела и трещала, как молодой ледок под крепкими копытами, а встречный ветер снова трепал волосы. Куявия приближается с каждым конским скоком, он на ходу достал мешок, вытащил драгоценные ножны.

К пограничной речке несли уже с двумя перевязями, что перекрещивали его широкую грудь. В кожаном чехле удобно покоился боевой топор, а на другом ремне закреплены ножны бога Хорса.

Хотя выехал он все еще слабым, но бешеная скачка на горячем коне и сухой встречный ветер вдували силы, наполняли тело мощью. Чтобы провериться, выхватил топор, швырнул в синее небо. Конь мчится в полный скок, ветер рвет волосы, Придон уловил момент, когда вращающийся топор, распугав в небе птиц, понесся вниз, протянул руку и ловко подхватил на лету. Мышцы знакомо напряглись, в плече чуть-чуть кольнуло, но даже в этой боли сладость: тело сообщило, что уже может драться, бить, ломать, крушить... уже живет!

На пограничной реке вода поднялась чуть не вровень с берегами, в горах снова дожди. На той стороне сторожевая вышка, у артан внизу обязательно стояли бы оседланные кони, но эти куявы... эх, если бы не их башни магов, всю бы Куявию уже в кулак!

Конь протестующе заржал, но Придон сжал бока коле-

нями, процедил тихо, словно с того берега могли услышать или понять его слова по губам:

— Не позорь меня!

Брызги разлетелись в обе стороны, похожие на крылья огромного серебристого лебедя. Так и понеслись через реку, но к середине конь устал, пришлось соскользнуть в холодную мутную воду. Их сильно сносило по течению, плыть пришлось наискосок.

Когда наконец выбрались на берег, Придон чувствовал, как подкашиваются ноги, а частое дыхание распирает грудь. Да и конь едва стоит на растопыренных четырех, даже не отряхивается, только вздрагивает. Наконец взмахнул хвостом, вцепившийся рак сорвался и с костяным стуком врезался в стену сторожки.

Стражи, четверо молодых парней под началом старого хмурого воина, смотрели с раскрытыми ртами. Ветеран покачал головой:

— У нас говорят: горд, как артанин!.. А если бы вода унесла?.. В это время года целые стада уносит.

— Но только не артанских коров, — ответил Придон гордо. Грудь еще вздымалась, но говорить он уже мог, не задыхаясь. — У нас и коровы... лучше.

Ветеран покачал головой, смолчал. Придон отжал конскую гриву, а то при скачке вся вода будет на нем, сам отряхнулся, как огромный пес: всем телом, брызги полетели во все стороны.

Когда он вскакивал в седло, один из молодых сказал удивленно:

— А что за артанин, у которого и топор, и ножны для меча?

Ветеран обошел Придона, глаза расширились. Отшатнувшись, потрясенный хрипло проговорил дрожащим голосом:

— Древние руны... Их нельзя смертным!.. Что за ножны у тебя, артанин?

Придон надменно усмехнулся, выпрямился в седле, показывая во всей мощи глыбы плеч и ширину выпуклой груди.

— Может быть, тебе еще объяснить, кто я и зачем меня ждет ваш тцар?

Он развернул коня, услышал за спиной, как кто-то ахнул, но Луговик уже пошел вскачь, каждый скок длиннее, пока дорога под копытами не слилась в одну серую мерцающую ленту, а деревья по обе стороны широкой дороги не замелькали, как быстро летящие навстречу птицы.

ГЛАВА 22

Итания, Итания, Итания! Все десять дней, что Луговик мчался без усталости, останавливаясь только на ночь, это имя звучало в ушах, вспыхивало сиянием в небе, выстраивалось узорами звезд ночью, слышалось в свисте встречного ветра.

На одиннадцатый — стык сине-голубого неба с зеленой землей заблестал белыми искрами. Луговик, будто у него выросли крылья, стелился над землей, как быстро скользящая птица, и вскоре Придон уже различил белые стены Куюбы.

К распахнутым воротам тянулись тяжело груженные телеги. Придон обогнал, въехал, игнорируя окрик стража, а тот, поколебавшись, посмотрел на широкую спину с двумя перевязями и решил не гнаться за одиноким артанином.

В прошлый раз Череве повел их к дворцу со стороны сада, теперь же Придон ехал узкими улочками к большой площади, куда дворец выходит главными воротами.

Конь нес легко, быстро, гордясь героем-хозяином. Далекий дворец разрастался в размерах, Придон различал сперва высокие башенки, затем невыносимо заблестела золотая крыша, обозначились ровные зубцы стен.

Из дворца поспешно выходили богато и празднично одетые люди. Их и так всегда перед дворцом немало, а сейчас дворец выплескивал целые толпы. Придон пустил коня шагом. Тот потряхивал гривой, огненные глаза диковато косились по сторонам, грозный храп отгонял чересчур сме-

лых, что норовили подойти ближе и коснуться чудесного животного.

Камни дворца казались еще белее, чище, праздничнее. Дворец блистал, как вырезанный из покрытого прозрачной смолой льда.

Придон гордо выпрямился, одну руку упер в бок, другую красиво опустил на рукоять гигантского топора. Он знал, что выглядит красиво и мужественно, а среди женоподобных куявов, что даже перед женщинами, как говорят, не решаются раздеваться, так и вовсе со своим суровым мужественным торсом, покрытым шрамами, кажется богом войны и воинских забав.

Теперь с его плеч спадает пурпурный плащ, добытый Скиллом у горских народов, плащ держится на золотой зацепке с драгоценным камнем, широкая выпуклая грудь открыта, на коричневой от поцелуев солнца коже белеют шрамы и шрамики, лучшее украшение героев, живот в валиках мышц, широкий пояс стягивает тонкий стан, ни капли жира, он красив и свиреп, но сейчас в нем снова начинает мелко-мелко дрожать тот Придон, что глубоко внутри.

Луговик с удовольствием пошел по широким ступенькам, копыта звонко стучали о белоснежный мрамор. У ворот два гиганта воина в доспехах с головы до ног, даже лица закрыты так, что — стыдно сказать! — только глаза трусливо посматривают в щелочки.

Оба перекрыли и без того закрытые ворота длинными копьями. Придон не успел раскрыть рот для гневного окрика, как появился настоящий гигант, широкий, массивный, лицо широкое, как луна, черная разбойничья борода скрыла подбородок.

Он загородил двери, глаза сверлили Придона с откровенной злостью.

— Кто? — проревел он настолько низким голосом, что тот показался идущим из глубин земли. — Артанин?

Придон надменно выпрямился, голос его прозвучал, как если бы молотом ударили по наковальне:

— Дунай, ты не помнишь меня?.. Тогда позволь пожать тебе руку, как пожал ее мой дядя!

Он зловеще улынулся и протянул руку. Сердце трусливо трепыхнулось, он не столь силен, как Аснерд, однако чернобородый стал желтым, как спелая дыня. Придон незаметно перевел дыхание, когда этот Дунай инстинктивно спрятал правую руку за спину. Это заметили стражи тцарских врат, переглянулась, один заулыбался во весь широкий рот.

Дунай наконец понял, что проиграл, с неохотой отступил. Воины у ворот тоже разошлись, а створки пошли в стороны. Придон с тем же надменным видом проехал под арку. Подумал, какая жалость, что Итания не видит, от этой мысли спина выпрямилась еще ровнее, а нижняя челюсть выдвинулась, как подъемный мост у пограничных крепостей.

Цветной, как куры, народ пугливо разбежался в стороны. Придон бодро поехал через большой зал, его узнавали, указывали пальцами. Не останавливая коня, он проехал весь зал, лицо неподвижное, как у тех статуй, что под стенами в таком изобилии, даже глазом не косил на придворных, хотя у них морды какие-то очень странные...

Ему что-то кричали, он оглядывался надменно и раздраженно, пока не сообразил, что это в благословенной Артании на конях въезжают даже к властелинам, а для этих тупых куявов милые верные кони кажутся чуть ли не дикими зверями.

Прибежал управляющий или что-то похожее. Нет, управляющий — это Щажард, ну и придумали имя, значит, сейчас нечто помельче...

Придон соскочил, ноги едва не разъехались на блестящих цветных плитах, скользких, как лед. Бросил в лицо этому мелкому управителю повод, тот отшатнулся, но все-таки поймал. Придон велел:

— Коня напоить, накормить, держать веселым.

Управитель побагровел, на них смотрят, но Придон по-

смотрел тоже, глаза у варвара бешеные, и он сказал поспешно:

— Да-да, герой!.. Не беспокойся о своем... коне.

Луговика увели, а он, оставшись в центре зала, неспешно и с достойной медлительностью осмотрелся по сторонам. Сейчас о нем уже побежали сообщать тцарю, а тот наверняка сперва пришлет этого толстяка Череву.

Вокруг пустота, беры и беричи прижались к стенам, обходят его по широкой дуге, словно ждут, что выхватит топор и начнет крушить все подряд, бросаться на стены, выкрикивать что-нибудь артанское, боевое, непристойное. Лишь на той стороне зала восстановилось движение, шушуканье, переглядывание, слуги потянулись гуськом с напитками на подносах, сладостями.

Похоже, во дворец допущены и веселятся изо всех сил женщины, жены и дочери знатных людей Куявии. Конечно, мужчин больше, но женщины держатся настолько вольно, что Придон сперва только их и замечал. Артанские тоже любят одеваться ярко, но куда им до этой пышности, часто совсем нелепой, когда даже не представишь, что у этой женщины под платьем, зато мужчины здесь понятнее, привычнее.

Придон перевел дух, он уже узнавал мазунчиков, что вертятся вокруг женщин, слащавят, увиваются, умеют говорить приятные слова, женщины их слушают с великой охотой, но сами нет-нет и поглядывают на настоящих, которые обычно в сторонке. Эти настоящие, с обветренными и потемневшими от солнца лицами, иногда с темными пятнами от ударов мороза, чувствуют себя не то чтобы уж совсем чужими, но им гораздо легче находиться там, внизу, среди воинов, что несут охрану, спать не в роскошных покоех, как надлежит гостям тцара, а на солдатских топчанах, под храп стражи и сопение близких коней.

Придон безошибочно угадывал, кто из этих воинов прибыл с горных кордонов, кто несет охрану морских рубе-

жей, а кто день и ночь скачет по степи во главе летучих отрядов, высматривая: не переправляются ли дерзкие артане через речку для очередного набега?

Некоторых узнавал даже по походке: не спутаешь поступь всадника, что проводит целые дни в седле, с походкой человека, что неделями не покидает скачущее по волнам судно! Особенно отличались военачальники, прибывшие с горных застав. Яркое солнце и блистающий снег покрывают кожу особым темным цветом, эти люди даже щурятся сильнее, чем степняки, привыкшие всматриваться в движущиеся точки на самом стыке земли и хрустального небосвода.

Высокие стены уходили в полутьму. Придон знал, что на купол лучше смотреть снаружи, когда он блещет под солнцем, как остроконечная гора, потому сейчас ни разу не взглянул вверх... А там, в полутьме, вокруг всего зала тянулась терраса, с которой так удобно наблюдать за гостями. Сейчас там остановилась Иргильда, с нею красавец Горасвильд, старый однорукий маг по имени Барвник, несколько придворных. Все рассматривали застывшую в красивой картинной позе блестящую, как бронзовая статуя, фигуру артанина.

Сверху он казался еще шире в плечах, массивнее. Хорошо было видно за его спиной боевой топор, который не сумели отобрать при входе, и странно мерцающие ножны.

Старый маг сказал потрясенно:

— Он добыл... Он добыл! Я чувствую странную непонятную мощь... Ножны меча Хорса, кто бы мог подумать!

Иргильда быстро взглянула на Горасвильда. Тот помедлил, кивнул:

— Да-да. Чувствуются силы, которых мы пока еще не знаем... полностью. Но это пока что...

Иргильда поморщилась, придворные смотрят чересчур восторженно, сказала сухо:

— Хотя этот дикарь добыл для нас ножны меча бога Хорса, однако сам остался дикарем. Мне кажется, наш до-

рогой Тулей к нему слишком снисходителен... А его безумная любовь к нашей единственной дочери — просто нерассуждающая животная страсть. Другое дело — князь Терпуг. Вот он любит Итанию верно и нежно!

Старый маг поморщился.

— Это тот, который струсил при переходе через горы? Потом трясся во время нападения разбойников на караван, а здесь белеет как полотно, едва только увидит этого варвара?

Голос Иргильды стал сухим и неприятным:

— А это вы к чему?

— Трус вообще не способен проявить любовь, — объяснил Барвник. — Тем более — верную и нежную! Вообще любовь может зародиться только в отважном сердце. Уж простите, но такова особенность любви.

На террасе наступила долгая тишина. Барвник видел, как у многих на лбу пошли морщины, взгляды стали отсутствующими, брови от усилий осмыслить сдвинулись с такой силой, что от столкновения поблескивают короткие злые искорки. Похоже, придворные пытаются понять, переварить, уложить среди своих знаний, примерить эту новую истину к себе, своим близким и даже к соседям.

Иргильда громко фыркнула.

— Вы что-то путаете! Любовь — это одно, а пробивание лбом стен — другое.

Горасвильд тихонько зааплодировал, наклонился к поветельнице и что-то шепнул. Она довольно улыбнулась.

— Ему просто повезло, — объявила она.

— Во всяком случае, — обронил старый маг, — ножны у него за плечами.

— Случайность!

Барвник сказал суховато:

— Простите, Ваше Величество, мне надо идти. Но я знаю твердо, что любовь, которая отступает перед препятствиями, — не любовь.

Иргильда обронила небрежно:

— Пусть даже так. Не так важно, в самом ли деле князь Терпуг любит Итанию... верно и нежно. Важнее то, что он князь из Вантита!

Придон медленно двигался через зал. Перед ним расступались, а те, кто находился далеко, вытягивали шею, стараясь рассмотреть его получше.

Их взгляды его не трогали, но вдруг он ощутил словно дуновение холодного ветра. На него с удивлением и ненавистью смотрел высокий и, похоже, очень сильный человек. Под легкой рубашкой поблескивает кольчуга, Придон хорошо рассмотрел ее через небрежно расстегнутый ворот. Шея незнакомца широка, как ствол дуба, в плечах хорош, во всем теле чувствуется сила.

Уловив, что Придон его заметил, незнакомец повернулся к другому гостю, что-то сказал. Тот коротко взглянул на Придона, кивнул. Плечом к плечу ушли в дальний конец зала, там затерялись. Придон поймал за плечо пробегающего мимо слугу.

— Стой!.. Ты, рыло, ответствуй. Всех здесь знаешь?

Слуга испуганно пролепетал:

— Что вы, господин!.. Здесь столько гостей, кто же их всех упомнит. Да и меняются постоянно.

— Ага, — сказал Придон. — Ладно. Ну, а знатных ты помнишь?

— Да здесь все знатные!

— Ну, знатный знатному рознь, — рыкнул Придон. — Вон тот высокий, у него еще кольчуга под рубашкой... Его знаешь?

Слуга удивился:

— Обижаете, господин. Его каждый знает. Это же сам Янкерд!

Придону почудился в самом имени звон боевых труб и лязг железа. Даже словно бы снова в воздухе повеяло недобрым холодом.

— Янкерд, — повторил он, — Янкерд, говоришь.

— Янкерд, — повторил слуга. — Он самый!

— Все понятно, — сказал Придон. — Но только непонятно, кто такой этот Янкерд. И чем он известен. И что он вообще такое.

Слуга раскрыл рот. Придон смотрел прямо в глаза, наконец до сознания слуги дошло, что есть такие дикие земли, где не слышали о великом Янкерде. Он даже выпрямился, когда сказал уважительно:

— Это же князь из рода потомственных боров, он властелин земель, что граничат с самой Славией!.. Потому у него самое большое войско! А сам он побеждает во всех турнирах. А впервые прославился, когда привез голову Оранжевого Дива и бросил под ноги тцару.

Придон пожал плечами.

— Наверное, у вас тут дивы мелковаты.

— Что вы, господин!

— Ладно, беги, — разрешил Придон. — Больше ничего о нем не знаешь?

Слуга отступил, потер плечо, морщась от сильных пальцев артанина, сказал почтительно:

— Да что там... Потом все узнаем. Ведь он жених нашей Итании Прекрасной.

Придон ощутил удар в живот. Слуга уже исчез, а дыхание не возвращалось, в глазах потемнело.

Часть II

ГЛАВА 1

Женщины бросали испуганно-похотливые взгляды. Одна еще при первой встрече украдкой от бредущего рядом мужа открыла грудь, заговорщицки улыбнулась, а когда пришли, с другого конца зала обернулась и сделала приглашающий жест.

За ним никто не приходил, словно о нем забыли вовсе. За это время к его виду чуть привыкли и уже не шарахались с испуганными криками. То одна красотка, то другая начинали, осмелев, кокетничать, показывали то обнаженные ноги, то груди. Одна и вовсе ухитрилась продемонстрировать сочные и вздутые, словно взбитые подушки, молочные-белые ягодицы.

Молодой бер, в окружении таких же разряженных хлыщей, что-то рассказывал, сам похохатывал, бурно жестикулировал. Остальные посмеивались сдержанно, посматривали по сторонам, кланялись более знатным, брезгливо отворачивались от людей ниже по положению.

Рассказчик, заметив Придона, заговорил громче, а когда увидел, что артанин не обращает внимания, еще больше повысил голос. До Придона донеслось:

— Спрашивают артанина: как будет по-артански: «вперед»?.. «Аглы», отвечает артанин. Хорошо, говорят ему, а как будет по-артански «назад»?.. Тут он отвечает так это надменно, как все они умеют: у гордых сынов великой Артании нет слова «назад»! Мы поворачиваемся и — «аглы»!

Придон медленно впери́л в него взгляд. Он не потянул руку к рукоятке топора, но многие уже усмотрели это страшное оружие в его ладони. Вельможа смертельно побледнел, его затрясло, словно уже видел вскинутый над собой топор, уже представил, как отточенное лезвие с хрустом разрубит ему череп, как язык вывалится на сторону, как острое железо рассечет грудь и живот так, что из вскрытого желудка потечет все, что сейчас молодецки и по-мужски усвоил на пиру...

Другие поспешно отступили, а молодой бер не смог сдвинуться с места, ноги как приросли к полу. Остановившимися глазами смотрел на огромного варвара. Придон так же неспешно подошел ближе, посмотрел в белые от ужаса глаза, поинтересовался медленно, с расстановкой:

— Так как... было... твое имя?

— Мое имя... — пролепетал вельможа, губы тряслись, как листья осины в бурю, — мое имя... Кохан...

— Кохан, — повторил Придон. — Твое имя было Кохан...

Светлые штаны вельможи потемнели. Под ногами начала расплываться лужа. Он видел, что варвар смотрит уже не на него, а на могильный камень, на котором написано «Кохан».

Придон брезгливо поморщился, отступил. В Артании, если такое случилось бы с кем, тут же выхватил бы нож и покончил с собой. А этот... сегодня же, сменив штаны, будет шутить с женщинами, с теми женщинами, что видели его позор!

Вельможа, видя, что сейчас его отпускают живым, попятился. За ним потянулась желтая струйка мокрых следов.

— Смени имя, — сказал Придон. Подумал и добавил: — И лицо.

Он сам не знал, как это сменить лицо, но, похоже, этот трус, что тоже не знает, исчезнет из дворца. Не из стыда перед другими, а из страха перед ним, мужчиной.

Ему казалось, что за спиной посмеиваются, потому ходил с надменным лицом, посматривал на все и на всех свысока, чуть откинув голову, а руки слегка растопыривал, так

выглядит страшнее, косые мышцы спины раздвигаются, как крылья летучей мыши, руки как бревна — готовы задеть всякого, кто неосторожно окажется поблизости.

Мужчины шарахались, варвар явно нарываясь на драку, эти дикари не могут без ссор и поединков, полужвери. Женщины хихикали и, напротив, старались пройти так, чтоб задеть его грудью или коснуться бедром.

К нему все еще никто не шел, он в нетерпении бродил по залу, осматривался. Жаль, оставил Луговика, здесь такие пространства, что проще бы на коне...

Во всех уголках этого огромного помещения, размером с городскую площадь Арсы, преследовал тяжелый приторный запах. Не цветов, цветы пахнут иначе, не древесной или даже горной смолы, а чего-то настолько сладкого, что в желудке протестующе квакнуло. Внезапно захотелось соленых огурцов или кислых ягод.

Люди тоже со сладкими лицами, сладкими взглядами и сладкими улыбками. Говорят тихо, словно сговариваются что-то украсть или кого-то зарезать во сне, осматриваются по сторонам, сладко улыбаются и кланяются, если кто смотрит в их сторону.

Осмотрев весь зал с его статуями, картинами, барельефами, пошел бродить дальше, по залам, по дворцу. Перед ним все так же шарахались, а стража только ошалело провожала взглядами, но никто не рискнул пойти за ним следом. Он видел, как все смотрели на горящие в помещении странным зеленоватым светом ножны. Похоже, здесь уже пронесся слух, что варвар добыл, сокрушил, поверг и доставил, так что никто не рискнул приставить стражу или попробовать отобрать топор.

Может быть, потому, что теперь доверяют, или же, что самое близкое к правде, подумал он саркастически, тупые куявы просто растерялись. Никто не ожидал, что он вот так явится, въедет на коне, войдет по-хозяйски, бросит повод одному из самых знатных, теперь же поздно переиначивать, дубоголовый варвар уже освоился держаться именно так.

Он ощутил взгляд, обернулся. Женщина средних лет, еще красивая, статная, с хорошей развитой фигурой артанки, но в богатой куявской одежде, рассматривала дружелюбно, с участием.

Он сдержанно поклонился. Она улыбнулась, не спеша подошла ближе.

— Держись, артанин. — Голос ее был сильный, низкий, но в то же время очень женственный. — Даже если там готовы тебя принять... и даже если сами сгорают от нетерпения, то выдерживают время...

Он буркнул:

— Догадываюсь. Но зачем?.. Вы артанка?

Она улыбнулась, у нее была хорошая белозубая улыбка, ямочки на полных щеках.

— Как я понимаю, это не оскорбление, а любезность?.. Нет, я куявка, и вся моя родня из Куявии. Меня зовут Дивиния, я жена знатного бера, он командует всеми войсками Куявии.

— Дунай-богатырь, — вспомнил он. — У вас очень сильный... и красивый муж.

— Спасибо, — ответила она почти серьезно, но глаза смеялись. — Вторая за вечер любезность от артаннина! С ума сойти можно... Дорогой Придон, наберитесь терпения. Вас испытывают, будьте сдержанны. Ничему не удивляйтесь.

Он поинтересовался:

— Почему вы, благородная Дивиния, преисполнились ко мне сочувствия?

— Потому что вы один против всех, — ответила она с той же мягкой улыбкой. — А все против вас. Должен быть хоть кто-то, кто станет с вами рядом?

Она ушла, смеясь, оставив в этом душном зале свежий запах, который напомнил аромат степных цветов и заставил вспомнить о родной Артании.

Он проследил за нею взглядом, подумав, что этому Дунаю повезло, у него чудесная жена, затем выпрямился, расправил плечи. Дивиния права, ему навязывают придворную игру, он в нее сыграет по-своему.

Роскошные залы, в которых он раньше усматривал только тупую спесь и недостойную мужчины жажду украсить жилище ненужными вещами, на самом же деле все строилось с учетом того, чтобы удобнее защищаться. Сейчас он это замечал, замечал нарочито, демонстративно, кое-где даже замерял пальцами и локтями толщину стен, морщил лоб, словно прикидывал, как будут ломать таранами, крушить, откуда полезут с топорами в руках, а куда можно ворваться сразу на конях... Ага, вот сверху обязательно широкая галерея, откуда из-за барьера легко бить стрелами на выбор, откуда даже слабая женщина в состоянии бросить горшок, что разобьет голову сильному воину.

А крохотные бойницы в очень толстых стенах, где наверняка есть внутренние ходы? Сюда надо будет врывать, держа перед собой широкие щиты. А вот в этом зале чересчур широкие стены, и там наверняка тайный ход, там пройдет воин в полном вооружении, даже Черевое с его пузом протиснется...

Легко на помине, в дальнем конце зала придворные расступились. К нему быстро шел взволнованный, отсапывающий Черевое. Лицо было еще багровее, чем раньше. Завидев Придону, распахнул короткие ручки для объятий, Придон ловко уклонился, а потом увидел по хитрой роже тцаредворца, что Черевое и не собирался обнимать, пугал, догадываясь о чувствах артанина, у которого все написано на лице и горит в глазах.

— Вернулся? — сказал Черевое очень радостно. — Я сперва не поверил...

— Чему? — спросил Придон надменно. — Что добуду?

— Что ты, что ты, — замахал Черевое холеными ручками. — Что так быстро!.. Ну, хотя бы год-два, а то и пять лет... А ты вон — раз-два, и все готово! Покажи, это и есть те самые ножны?.. Что за письма, таких я еще не видел.

Придон спросил насмешливо:

— А ты все видел?

— Наверное, все, — ответил Черевое серьезно. — Ты не

видел нашей библиотеки! Там книги из самых дальних земель. Слушай, ты, наверное, хочешь есть?

Придон покачал головой.

— Нет. Я хочу видеть Итанию.

Придворные зашушукались. Придон покосился в их сторону недобрым оком, пугливо умолкли. Их множество, этих пестрых и ярких кур, и все безликие, хоть такие яркие и пестрые.

Череву поморщился.

— Вот так сразу? Быстро только раки зимуют. Принцессы — не дворовые девки, что прибегают по первому же свисту. К тому же Итания сопровождает тцара.

— А где тцар?

Череву изумился.

— Как где? На благородной охоте, конечно! Чем еще заниматься тцару, когда в стране все хорошо?... Только охота, бабы, пиры. Снова охота, бабы, пиры... А что еще делать?

— Как что? — не понял Придон. — А воевать? Разве война не лучше, чем охота?

— Лучше, лучше, — сказал Череву поспешно. — Пойдем перекусим, ты расскажешь о своих подвигах. Что за вар... что за артанин, что не хочет немедленно есть и пить? Я захвачу с собой пару писцов. Или, хочешь, сразу к магам? Наш придворный маг Горасвильд очень хотел тебе что-то рассказать.

— К магам потом, — ответил Придон. — Я хочу видеть Итанию.

Череву удивился.

— Разве я тебе не сказал?

Но в глазах царедворца Придон видел, что тот его понимает.

— Разве я добиваюсь не ее руки? — ответил Придон.

— Но тебе не надо выслушивать другое задание, — объяснил Череву. — Это когда герой приносит добытое, а ему говорят: а теперь пойд и сделай то-то. А у тебя все ясно!

Тебе надо собрать все три части меча. Можно было явиться сразу со всеми тремя...

Но голос звучал неубедительно. Он сам понимал, Придон это видел, что любой герой с торжеством приносил бы каждую добытую часть меча и требовал награды. А наградой пусть еще не может служить сама Итания, но может оказаться разговор с нею, прекрасной и желанной добычей.

Придон смолчал, только выпрямился, раздвинул плечи, поднялась и рукоять боевого топора. Череву переменялся в лице. Нет, не испугался, Придон видел по его лицу, что Череву не испугался, уже знает артанина, но явно подумал, что варвар — единственный, кто ходит с оружием, пугая в залах изнеженных мужчин, похожих на женщин, и женщин с разрисованными лицами, похожих на... пугала, если не сказать крепче, а это не есть хорошо, в доме хозяина надо соблюдать законы этого дома.

Череву, однако, проглотил готовые сорваться с языка слова, сказал со вздохом:

— Хорошо, я добыю для тебя приема. Боги меня должны взять живым на небеса, ведь я разговариваю с самым толстолобым варваром во всей Артании! Как только вернутся, я даже не дам им отдохнуть и помыться, клянусь!.. Ну, попробую, попробую.

— Я буду с нею разговаривать?

— Будешь, — сказал Череву. — Пусть не тут же, но будешь.

За спиной послышались тихие шаги. Придон оглянулся резко, рука метнулась к топору. К ним подходил человек в серой хламиде, капюшон надвинут так, что виден только подбородок, словно у него и глаза там, на подбородке. Или же капюшон протерт почти до дыр.

— Приветствую, доблестный варвар, — проговорил человек в капюшоне. Голос прозвучал молодо. — Не желаешь ли посетить дворцового мага Горасвильда? У него есть что тебе показать.

Придон поморщился: сперва Череву, теперь этот...

— Веди.

Череву хмыкнул, они пошли за посланцем, потом Череву сказал в серую спину:

— Ты беги по своим делам. Мы дорогу знаем.

Человек в хламиде исчез, Череву повел в дальний зал, оттуда вовсе вышли во двор. Придон шурился от яркого света, Череву кивнул на высокую башню.

— Вон там наши маги. Но ты не бойся, на самый верх карабкаться не придется.

— Да я и не боюсь, — ответил Придон. Он выразительно оглядел бочкообразную фигуру бера. — Мне это как-то не страшно.

К башне вела хорошо протоптанная, даже уложенная плитами дорожка. А что хорошо утоптанная, видно по выбитой до твердости земле рядом, словно по дорожке ходили целыми толпами.

Они были на полпути к башне, когда оттуда вышел высокий мужчина в белом. Непокрытые волосы отливали синью, белый халат перехвачен таким же белым поясом, даже высокие сапоги из белоснежной кожи. Когда человек двинулся по дорожке им навстречу, Придон ощутил, как на затылке зашевелились волосы.

Есть люди, от которых свет исходит, и люди, поглощающие свет. Еще когда Придон впервые увидел этого красавца мага, это было на первом приеме у тцара Тулея, он еще тогда ощутил, как холодок пробежал по коже.

Сейчас он смотрел на этого приближающегося красавца, на холеное умное лицо, сердце начало стучать чаще, а пальцы конвульсивно сжались, словно ухватил его за челюсть и сейчас рванет в сторону. Похоже, маг ощутил что-то подобное, Придон это видел по его острому взгляду.

Однако Горасвильд небрежно кивнул Череву, а Придону улыбнулся светло и радостно. Руки протягивать не стал, то ли потому, что маги никогда ни с кем не обмениваются рукопожатием, то ли помнил про искалеченную руку Дуная, силача-полковника.

Остановился, загораживая им путь, губы поползли в стороны, однако глаза оставались замороженными.

— Наслышан о доблестных подвигах артанина, — сообщил он. — Да что там я, весь двор только о тебе и говорит!

Придон ощутил, как кровь бросилась в лицо. Сердце застыло в испуге, когда он проговорил:

— Весь... двор?

Горасвильд всмотрелся внимательно, брови приподнялись, потом спохватился:

— Ах да, конечно же!.. Как это я... Весь-двор только и говорит! Итания дважды интересовалась. Ей рассказывали очень подробно.

Придон встрепнулся.

— Даже подробно?

— Очень, — серьезно сказал маг, даже очень серьезно. — Со всеми подробностями! Она вообще любит слушать о героях, но в этот раз...

Он умолк, пристально смотрел на Придона. У того вырвалось с таким жаром, что едва не выскочило и само сердце:

— Что на этот раз?

— На этот раз, — повторил маг со вкусом. Он всмотрелся поверх головы Придона, брови его удивленно приподнялись. Придон мгновенно развернулся, плечи напряжены, топор мгновенно оказался в руке, из горла вырвался предостерегающий рык, но маг просто любовался своим отражением в стене дворца за спиной варвара. — На этот раз... гм... на этот раз Итания изволила поинтересоваться чуть больше. Понимаешь, с некоторой, я бы сказал, заинтересованностью.

Придон выдохнул с жаром:

— Правда?

— Истинная, — подтвердил Горасвильд. Он подвигал плечами, поправляя плащ, попробовал смотреть гордо и загадочно, но взгляд задел Придона, лицо мага сразу омрачилось, он повторил уже с неохотой: — Истинная правда. Интересовалась. Ведь герой... У тебя в самом деле есть Сила?

— Сила? — переспросил Придон. — Конечно!

Он напряг мышцы. Череву вздохнул и отвернулся. Ча-

родей с сомнением посмотрел на вздутую грудь, широкие плечи, боевые браслеты на предплечьях.

— И это все?

— А что еще? — удивился Придон.

— А помимо этого...

Чародей брезгливо ткнул пальцем Придона в грудь. Похоже, он ждал, что от его ногтя будет дыра, через которую выйдет воздух, а богатырь уменьшится. Но вместо этого он сломал ноготь, скривился, принялся нянчить палец.

— А, — понял Придон, — ты говоришь о гнусном колдовстве? Но разве это необходимо для честного воина?

Чародей морщился, дул на палец. Череву за его спиной скалил зубы в беззвучном смехе.

— Гнусом? — переспросил Горасвильд. — Для спасения жизни ничего не гнусно или позорно. И для победы. У тебя, как вижу, защиты нет. Совершенно. На что надеешься, герой?

Придон вскинул руку, чтобы чародей лучше рассмотрел могучие мышцы его необъятного предплечья. Пальцы коснулись рукояти топора, что выглядывает из-за плеча, будто настороженно следил за колдуном, извечным врагом честных воинов.

— Как тебе это?

Чародей развел руками:

— Ну, если у тебя есть только это...

— Этого достаточно, — ответил Придон гордо.

Он двинулся на чародея, тот поспешно отступил. Придон прошел, задев его плечом. Это было все равно что задеть мешок с грязной ватой. Чародей взмахнул руками, стараясь не упасть, Череву с легким смешком проскользнул мимо, и дальше Придон двигался уже за Черевом, злой и настороженный. К Горасвильду при первом взгляде вспыхнула почти ненависть, потом, когда он сказал про Итанию, ненависть сменилась горячей благодарностью, а теперь снова что-то нехорошее...

Им накрыли стол в небольшой и, на взгляд Придона, чересчур захлавленной дорогими вещами и украшениями комнате. Череву ел и пил за троих, Придон насыщался по-артански: с достоинством, не теряя лица, в то время как знатный бер жрал как свинья: быстро, жадно, чавкая и хватая руками лакомые куски.

Молчаливые слуги моментально убирали пустые блюда и приносили новые. Помещение наполнилось запахами ароматного мяса, рыбы. Помня наказ Тулея, никто не пытался даже вносить в комнату вино или свинину, а Череву если и повздыхал о жареном кабанчике, то про себя. Его руки хватали, раздирали, совали в пасть, глаза выпучились, а на полупрезрительный взгляд Придона промычал:

— Тебе что, ты привык... по три дня без еды!.. А я слабый, мне надо есть часто. И много.

Придон кивнул:

— Да, такая плоть требует еды.

— Вот видишь!

— А она, возрастая, — добавил Придон, — требует на прокорм все больше и больше. Череву, ты не лопнешь?

Череву поспешно ухватил сладкое пирожное, запихнул его вслед за куском жирного мяса, просипел:

— Вообще-то тебе стоит от меня подальше... Эх, еще бы... молчу-молчу!

— О чем? — спросил Придон.

— Да так, подумал, что всего лишь чашка с вином, а как меняется жизнь!.. Увы мне, приходится с гостями обходить острые углы. С вантийцами не говорить о серой козе, со славками — о зеленом дубе, с артанами — о вине и жареном кабанчике...

Придон посочувствовал:

— Обходишь острые углы — бежишь по кругу. Нет уж, лучше с топором в руках — и прямо!

— Ну, ты в самом деле герой...

Придон сказал угрюмо:

— Я хочу увидеть Итанию.

Череву схватился за голову:

— Опять...

Придон посочувствовал:

— Очень болит? Ударься головой в стену. Помогает.

— Точно?

— Проверено, — ответил Придон уверенно.

Череве посмотрел на него очень серьезно, про артан говорят, что шутить не умеют и шуток не понимают, поколебался, махнул рукой.

— Пойдем. Тцар с охоты вернется завтра-послезавтра. Уверен, будет счастлив узнать о тебе.

— А Итания?

— Итания принимает гостей... только в присутствии тцара.

Придон проворчал:

— У нас женщины пользуются большей свободой.

— Даже дочери тцара?

Придон чуть запнулся, но ответил твердо:

— Моя сестра свободна.

Череве развел руками.

— Я тебе говорил или не говорил, что Итания сопровождает отца на охоту? Один раз только не поехала с ним, и в тот день кабан сбросил его с коня, распорол бок и повредил руку. С тех пор она всегда рядом.

Остаток дня он метался как зверь в клетке. Огромный дворец был тесен, стены сдвигались, а потолок опускался так низко, что становилось трудно дышать. Череве вообще пытался удержать в отведенных для артанина роскошных покоех, прислал молодых рабынь, но Придон не повел в их сторону и глазом. Во дворце, где все дышало Итанией, где он чувствовал ее запах, а краем глаза ловил призрачное движение, словно она оставила медленно тающий след и в пространстве, мог ли смотреть на что-то иное? А все женщины мира — всего лишь что-то иное.

Тогда искушенный в дворцовых забавах бер разрешил пройти тайком к молодому герою знатым дамам. При-

шлось потруднее, в арсенале этих оружия и стрел было намного больше, чем у рабынь, что умеют только раздвигать ноги. Пользовались своим оружием эти новые гости намного искуснее, благодаря чему из рабынь... а женщины все рабыни, поднялись до нынешних высот.

Придон вспомнил, что в Куявии чуть что — умывают руки, сообщил всем, что пошел их умыть, что за дурацкий и непонятный обычай, но очень удобный: в дальнем помещении, где в металлических чанах протекает горячая вода, он выбил кулаком окно, протиснулся в щель и удрал с огромной высоты, приводя в восторг и ужас всех, кто видел, как варвар спускается по отвесной стене.

Над городом выгнулся черный звездный купол. Половинка луны светила ровно и равнодушно, но мир был серым, несмотря на лунный блеск. Когда прошла городская стража, Придон подивился их серости, ведь в солнечном свете они бы блистали, как деревенские петухи.

Чувствовал себя голым, оставив обе перевязи в своей запертой комнате, даже беззащитным, хотя с его могучими мышцами это звучит смешно.

Блуждая по улочкам, незаметно выбрался к реке, а ниже по течению и вовсе открылась уютная гавань. В ночи жутко чернеют мачты множества кораблей, ночной воздух застыл, как теплая вода в болоте, даже как желе, Придон чувствовал рыхлые комья нечистых запахов, сквозь которые продавливался могучий аромат чистого вольного моря, пахло солью, кожами, сушеной рыбой, просмоленными канатами.

Здесь, вблизи корабельной стоянки, лепились один к другому портовые кабаки, у входа горят факелы, возле одного даже полыхает смола в бочке. Красное пламя рвалось к небу, толпа плясала, орала песни. Придон вышел к теплой воде, в Артании тоже есть море, только северное, часть артан вообще живет на островах, бьют тюленей и ловят семгу, дивную рыбу с нежным красным мясом, однако там нет такой теплой воды, таких крупных звезд...

Он застыл, в небе пронеслась хвостатая звезда, следом

показались призрачные драконы, едва уловимые на темном небе, сквозь их тела просвечивали звезды, метнулись в сторону, словно завидели добычу, исчезли. Придон медленно выпустил запертый в груди воздух, и в это время прямо со стороны открытого моря показалась золотая точка, разрослась, превратилась в золотую фигурку.

Не веря глазам своим, он смотрел на юную женщину. Ее ноги с такой стремительностью неслись по волнам, что те успевали схватить ее лишь за тонкие точеные лодыжки. Золотые волосы, сбросив тугую ленту, освобожденно вытянулись за нею в длинный сноп оранжевого пламени, превратились в струю чистейшего золота.

Снова появились драконы, налились плотью, попытались перехватить ее с двух сторон. Она на бегу нанесла незримый удар, словно бы оттолкнув нечто розовой ладошкой... и один из драконов сломался, как от удара исполинского молота. Он замолотил крыльями, брызги от верхушек волн взлетели странно синие, словно горячий яд, а когда рухнула массивная туша, вздыбилась волна высотой в двухэтажный дом.

Золотоволоска неслась быстрее чайки над волнами, никакой волне не догнать, короткая туника переливается всеми цветами, но Придон с холодком видел, что все это цвета металла: от красной меди до холодного серого булата. Она осталась в булате, цвет лишь менялся в оттенках, словно теперь ее тело покрылось ртутью. Ему стало страшно, когда холодный цвет медленно поднимался к горлу и опускался на длинные стройные ноги.

Рядом с ним остановились еще люди, от них пахло солью и морем, смотрели молча.

— Если превратится в булат, — вскрикнул Придон, — она... уйдет под воду?

На него посматривали искоса, но у варвара сейчас по-детски распахнутые глаза и отвисшая челюсть, самый смелый пояснил робко:

— Это же сама Карна!..

— А что, Карна не утонет?

— Богиня, — объяснили ему. — Как она может утопнуть?.. Она и по дну выйдет на берег...

— Да и не первый раз так носится, — поддержал другой осмелевший голос. — Говорят, когда погиб ее возлюбленный, она не находила себе места... и до сих пор не находит.

Придон попытался представить себе, когда же это происходило, волосы встали дыбом. Это столько столетий, нет, тысячелетий любовь может терзать, истязать? И нет сил забыть?

Осмелевшие гуляки стали приглашать гульнуть с ними, есть свободные девки, есть вино, он отмахнулся и скользнул в тень между домами. Глаза с тоской пробегали по звездному небу, почему ночь такая длинная, почему не наступает утро, когда в город вернется Тулей с несравненной Итанией?

Впереди послышались осторожные шаги. Это встревожило, отступил в тень, пальцы опустились на рукоять ножа, застыл. Двое прошли мимо, но вдруг остановились всего на расстоянии вытянутой руки. Придон присел за бочкой, а двое вертели головами, прислушивались. Придон затаил дыхание, эти куявские свиньи худшие из свиней, любой воин уже отыскал бы его по запаху, воздух, как вода в болоте, можно услышать, чем пахнет даже из дома напротив...

Послышался топот ног, в полосу света вынырнул третий, закутанный в тряпки так, что Придон видел только выступающий, острый как шило подбородок.

— Ну что? — спросил он быстро. — Не догнали?

— Здесь нет, — ответил один из двоих. — Видишь, дальше площадь, а оттуда восемь улиц...

— По какой ушел, — добавил второй, — поди догадайся... А у тебя?

— Я что-то чувствовал, — сказал третий со злобой. — Ведь был же рядом!

Первый проговорил, как показалось Придону, с облегчением:

— Может, братья, так лучше?.. Мне бы не хотелось иметь дело с человеком, против которого нанимают троих.

Третий удивился:

— Ты не боялся один, а что случилось теперь?

— Когда меня нанимали кому-то сунуть нож в ребра, — ответил первый сердитым шепотом, — я знал, что это простой человек. Когда нас троих посылают против одного, то это уже великий воин. Даже если воткнем в него ножи, я слыхивал про случаи, когда уже почти убитый герой, на последних каплях сил, истекая кровью, погнал пятерых убийц, убил всех и только тогда помер!

— И я слышал, — пробормотал второй и пугливо оглянулся. — У нас в Бескидах как-то раз...

— Тихо, — прервал зло третий. — Мы получили деньги, за какие пришлось бы отправить на тот свет половину этого города! Надо сделать все, что от нас ждут.

Медленно двинулись к выходу на площадь, на этот раз осматривались внимательнее, до Придона донесся удаляющийся голос:

— Я бы предпочел денег поменьше, но жертву попроще...

Он вышел из засады, покачал головой. Подлый город!..

ГЛАВА 2

В тесной комнатке однорукого мага Барвника все светильники были погашены, а свет шел только от самого крохотного на столе. Да и тот прикрыт сверху непрозрачным колпаком. Свет делил лицо мага на две части, нижняя стала похожа на освещенный глиняный горшок. Когда он говорил, губы шевелились, словно он мерно растирал травы для снадобий.

Напротив, на сундуке, примостился Щажард, управляющий всеми делами Куявии, пока тцар изволит развлекаться на благородной охоте.

— Что ты думаешь, — повторил он напряженно, — про этого нового героя? Артанин, а добыл ножны меча бога

Хорса! Кто бы подумал? Станный этот мир! Двери все еще взламывают, а не открывают хорошо подобранным ключом.

— Могла быть просто удача, — сказал старый маг задумчиво. — Он потерял голову... А таким обычно везет. Я раньше задумывался над причинами подобного странного везения... ведь мечтающие только об одной женщине на земле — самые беззащитные существа на свете! Но им удастся силой меча захватывать страны, рушить державы, разгадывать тайны, находить пути к пещерам с сокровищами. Или это не везение, а что-то иное...

Щажард прервал, морщась:

— Везение! Конечно же, простое везение. Пока его противник пытается предугадать, какой же прием применит артанин, этот дикарь просто бьет по голове. А такому достаточно попасть один раз...

— А может, в этом и есть мудрость, — сказал Барвник. Он засмеялся. — Где можно упрощать, там упрощать необходимо. Только глупец наворачивает сложности на простые истины.

Щажард спросил с подозрением:

— Мне кажется, он тебе нравится.

— Очень, — ответил старый маг искренне. — Он чист, как круто сваренное и очищенное от скорлупы яйцо. Он незапятнан, он благороден. И еще: он любит верно, трепетно и нежно. Такими восторгаются даже враги.

— Но не помогают, — пробормотал Щажард. — Сейчас этого благородного и трепетного надо остановить. Но как?

Барвник задумался, бледные губы тронула слабая улыбка. Он покачал головой.

— Есть кое-что... Для меня просто любопытно, а ты, с твоим... гм... твоей находчивостью сумеешь воспользоваться.

Щажард сказал нетерпеливо:

— Я не знаю, на что ты намекаешь, и знать не хочу. Я тоже тебя обожаю... так же. По-своему. Понял? Но пока мы с тобой соратники...

— Сообщники, — обронил старый маг.

— Что?

— Соратники и сообщники — не одно и то же, — объяснил однорукий маг рассеянно. — Вот смотри теперь сюда. Внимательно, не отводя взора!

Трясущейся рукой поставил на стол широкую чашу на низкой ножке. В ней слегка колыхнулась маслянистая жидкость, тут же застыла. Щажард решил чуть придвинуть, неудобно тянуть голову на середину стола, но чаша как примерзла. С огромным усилием перетащил на свою половину столешницы. Если бы чаша была доверху заполнена золотом, самым тяжелым из металлов, она была бы впятеро легче.

Барвник наблюдал за ним с бледной усмешкой. Щажард перевел дух, старик не так слаб, как выглядит, стоит запомнить.

— И что же? — спросил Щажард.

— Просто смотри, — сказал Барвник.

Он что-то делал за его спиной, резко запахло псиной, послышалась скороговорка заклинаний. В помещении пронеслись темные тени, пахло жаром и запахом горящего леса. В темной поверхности странного масла, что больше похоже на жидкое железо, возникло слабое свечение.

Маг продолжал бормотать, уже громче, настойчивее. В масляной жидкости проступило неясное изображение темной ночной улицы. Долго Щажард ничего не мог рассмотреть, только далекие блики факелов, краешек звездного неба, потом дважды промелькнула вроде бы человеческая фигура. Кто-то шел в тени настолько глубокой, что глаза ломило от всматривания.

— Ну и что? — спросил Щажард.

Барвник не ответил, запах паленого стал сильнее, запахло горящей шерстью. Человек передвигался в тени, наконец впереди выступил освещенный факелами дом. Красивый, богатый. Щажард чувствовал, что уже видел этот дом, но сразу не мог вспомнить, ночью все смотрится по-другому.

Человек не стал подходить к двери, а перемахнул через

забор. Все время невидимый глаз следовал за ним, словно над прячущимся летела бесшумная сова и смотрела на него неотрывно. Человек забежал к маленькой боковой двери, отрывисто постучал. Прислушался, снова стукнул трижды, с разными интервалами. Дверь открылась, он шагнул в освещенный проем.

Шажард едва не вскрикнул. В освещенной комнате стояла с факелом в руке Валенсия, одна из знатнейших женщин Куябы, жена покойного володаря Гицула. Мужчина откинул на спину капюшон, распахнул объятия. Женщина выронила факел и бросилась ему на грудь. Мужчина наступил широким сапогом на пылающий факел, наступила тьма.

Шажард откинулся на спинку кресла. Мучительно хотелось видеть, что там дальше, хотя мог догадаться, но этот проклятый варвар затоптал факел, как будто чувствовал, что за ним наблюдают!

В помещении сильно пахло нечистотами. Шажард ощутил подступающую блевотину, сказал грубо:

— Распахни окна!.. Почему такая вонь?

— Таким делом занимаемся, — ответил Барвник. Однако окна распахнул, чистый воздух разбавил запах гнили, пригасил вонь. — Ну что увидел?

— Что показал, то и увидел, — буркнул Шажард. — И давно ты это обнаружил?

— С неделю.

— С неделю? И все это время молчал?

Барвник пожал острыми, как у сидящей птицы, плечами.

— А что особенного? Всего лишь артанин тайком ходит к куявке. Наши страны враждуют, всем известно, что не мешает разным людям дружить, торговать, извлекая для себя немалую выгоду. Это не запрещается. Кстати, практичные куявы из торговли с артанами извлекают выгоды больше, чем артане, это мы все знаем.

— Да при чем здесь выгода, — протянул Шажард. Мозг разогрелся от вихря мыслей, что метались в тесном черепе,

как сухие листья во время урагана. — Это же сам Скилл! Наследник престола. Правда, тцар силен и крепок, но он не подлинный тцар, а лишь замещает исчезнувшего тцара, отца Скилла!.. Этот Скилл уже сейчас мог бы предъявить права на престол.

Барвник нахмурился.

— Насколько я слышал об этом Скилле, он даже не заикнется. В Артании, как известно, благородство постоянно состязается с еще большим благородством. Дядя Скилла тут же передаст ему престол, едва Скилл восхочет занять, но сам Скилл, признавая умение дяди управлять страной, предпочитает оставаться у него лучшим полководцем.

Щажард буркнул:

— Зато у нас все полководцы спят и мечтают захватить престол. Как будто страной управлять так же просто, как войском!.. Так что же с этим Скиллом?.. Как использовать наше знание?.. Он нарушает строгие законы...

— Не законы, — возразил Барвник.

— Пусть заповеди, — охотно согласился Щажард. — Заповеди еще строже. Законы можно менять каждый день, а вот заповеди... Скилл нарушает строгие заповеди своих предков! Простолюдинам это как-то прощается, хоть и осуждается, но это совсем недопустимо для благородных. Тем более высших! А выше Скилла практически нет никого... Только чернь уверена, что чем человек выше, тем он свободнее. На самом же деле самые свободные — это беднота, простолюдины. А вот Скилл должен быть безупречным...

По его подвижному лицу пробегали быстрые тени мыслей. Старый маг почти видел, какие из них острые, какие глубокие, какие взяты из самых тайных арсеналов, а какие родились только сейчас, на стыке, на сплаве, от столкновения, как при ударах огнива возникают искры, что могут превратиться в бушующее пламя, от которого побегут люди и звери, а ночь превратится в день...

— Погоди, — напомнил Барвник. — Не увлекайся. Это на потом. Сейчас у нас другая задача. Понеотложнее. Этот Придон добыл ножны с какой-то непонятной легкостью.

Говорят, он полностью разрушил одно из укреплений дивов. Вообще стер их с лица земли, так что теперь артане могут напрямую ходить через те земли в Вантит, минуя наши земли.

Щажард поморщился.

— Да, это непредвиденное осложнение. Раньше мы держали в руках все дороги в Вантит. Артанам приходилось платить, единственная дорога проходила в пределах видимости сразу трех башен горных магов. Этот варвар нанес нам урон...

— Но он стер с лица земли дивов, — заметил Барвник. — Может быть, это перевесит?

— Нет, — ответил Щажард. — Не перевесит... Куявия — превыше всего. Но что с рукоятью меча?

— Боюсь, что узнать ее точное место — дело времени.

Щажард со злостью ударил кулаком по столу.

— Как мы были уверены, что он не сумеет добыть даже ножны!.. Добыл, гад.

— Боюсь, — сказал Барвник трезво, — что рукоять добыть будет не намного труднее. Здесь ему обещана помощь... Череву обещал ее от имени тцара, дурак.

— Дурак, — согласился Щажард.

Маг покачал головой.

— Придумывай. Но подумай и о том, что я тебе показал. Скилл — нарушитель их освященных богами или традициями законов. Придон — наш враг. Если сегодня же... или завтра Придону показать... а еще лучше — столкнуть его с переодетым Скиллом? Придон в обычаи Артании верит свято. Он готов будет убить...

— Брата?

— Нет ни отца, ни матери, ни брата, — отрезал Барвник, — когда дело касается освященных основ! А здесь Скилл осквернил, с точки зрения правоверных артан, самую святость их веры! Осквернил богов. Придон не просто будет готов его убить, но, возможно, даже постарается убить. Чтобы скрыть позор своей семьи. Убить и сказать, что брат

был с важной тайной миссией по выявлению наших сил, но подлые куявы его убили...

— Ну-ну, продолжай.

— Но мы знаем, что лучший воин в Артании — это Скилл. Возможно, он вообще сильнейший на белом свете. Ходят слухи о его необыкновенной матери... Так вот, Скилл, защищаясь, легко убьет Придона. Он вынужден будет убить, потому что Придон честен и не станет скрывать постыдную тайну. Единственный способ заставить его замолчать — это убить. Скилл убьет без колебаний — артане сентиментальны, но жестоки.

Щажард всмотрелся в покрасневшее лицо мага. Спросил с неожиданным любопытством:

— Ты знаешь, что руководит мной. Но в чем причина твоей ненависти к этим артанам?

Барвник усмехнулся.

— Мои причины поблагороднее. Я, как и артане, больше пекусь о величии страны, чем о своей шкуре или своем животе. Артания гордится своими воинами, своей доблестью, воинским умением, а лучшей защитой своих городов считает не высокие городские стены, а воинскую доблесть. А когда в чести мускулы и острые топоры, то магия презираема, а сами маги изгоняются! Я не хочу быть изгнанным. Я не хочу, чтобы Придон взял самое большое сокровище Куявии — прекрасную Итанию, потому что это усилит власть Острого Топора!

Щажард подумал, кивнул:

— Да, у тебя причины веские. Если честно, я тебе доверяю больше, чем... себе. Меня интересует только власть. Все остальное у меня уже есть. Если сумею столкнуть с трона этого дряхлеющего льва, то — обещаю! — никто не посмеет преследовать магию в Куявии. Ни Придон, ни кто другой из героев. Мне же магия нужна.

— Знаю, — ответил маг невесело. — Даже знаю, для чего. Но наши интересы совпадают. Так что действуем вместе.

— Действуем, — подтвердил Щажард. — Я даже знаю как.

Дворец спал. Стражи ходили взад-вперед, звякало оружие. Если бы везде такие ротозеи, то всю Куявию можно было бы взять голыми руками. Но на кордонах крепкие воины, словно и не куявы вовсе. Наемники, видать.

Выждав, Придон проскользнул от тени к тени, затаился, а когда страж прошел мимо, покарабкался по стене. Когда это закованное в железо существо топало обратно, Придон был уже на высоте третьего этажа. Правда, луна светит ярко, но куявы и свиньи смотрят на небо только раз в жизни: свиньи, когда их смалят, а куявы — когда наследники на глаза кладут по медной монетке.

Тяжело протиснулся в узкое окно, поставил обратно железные штыри, выправил, как мог. И все-таки не мог отделаться от тревожного чувства, что во дворце что-то неладно. Все-таки похоже, что те трое выслеживали именно его. Но тот, кто послал проследить за ним и убить, явно действует без ведома тцара. Тулею не надо хитрить, он мигнет — и человека не будет. Это кто-то из тех, кто во дворце, кто знал, что он уйдет и будет бродить по ночному городу.

Кто? Он как воочию увидел изумленно-ненавидящий взгляд того крепкоплечевого. Вид у куява таков, словно только что прибыл с границы, где дрался с горцами или усмирлял возжелавших независимости беричей. Янкерд!

Сон не шел долго, но, когда пришло тепло и мышцы наконец-то расслабились, он сразу обнаружил себя в седле, конь несется по ровной, как стол, степи, руки сжимают самое драгоценное, что есть на свете! Итания тихонько дремлет, доверчиво прижавшись к его широкой груди, тонкие руки обхватили за шею, а золотые волосы треплет встречный ветерок.

— Итания, — прошептал он во сне. — Итания, Итания...

Лунный свет упал на картину, изображавшую покойного тцара на горячем коне. Если бы Придон не спал, он сумел бы заметить, как глаз коня слегка мигнул.

Утром Череве явился радостно возбужденный, белые ручки терлись одна о другую, только что не мурлыкали.

— Итания вернулась? — вырвалось у Придона.

Брови Черева взлетели на лоб.

— При чем тут Итания? Я уже поднял на ноги магов всего города! Ломают головы, где может быть рукоять меча.

— А Итания? — спросил Придон настойчиво.

— Итания еще не вернулась, — ответил Череве с раздражением. — Ты можешь о чем-то другом говорить?

— Нет, — ответил Придон честно.

— А думать?

— Тоже нет, — ответил Придон.

Череве посмотрел в его открытые глаза, в лице могущественного бера что-то дрогнуло. Он развел руками.

— Да, тебя уже ничего не спасет. Ладно, Итанию ждем сегодня вместе с тцаром. Так идем или не идем к магам?

Придон вздохнул, тоже развел руками. Мир от слов Черева сразу потускнел, а краски поблекли. Уже тяжелым голосом ответил:

— Если Итании все еще нет, тогда что ж... Пойдем хоть к магам, хоть к...

Череве сказал неодобрительно:

— Что-то не горишь жадой добыть меч! Я думал, артане все помешаны на славе. А есть, оказывается, помешательство еще опаснее...

Придон вспомнил богиню, бегущую по гребешкам волн.

— Есть, — ответил он со вздохом. — Есть.

— Ты уже позавтракал? — поинтересовался Череве.

— Что? — переспросил Придон.

Череве покачал головой:

— Ну, артанин... Ты — пропащий человек. Ладно, пойдём поедим... Или лучше подать сюда?.. Нет, все-таки пойдём поедим как люди.

— А как это?

— Вволю! Всласть. Чтобы дышать было тяжело, чтоб пояс распустить...

Придон поморщился.

— Это не как люди, а как куявы... Ладно, мы в Куявии! Пойдем.

Стол, что называется, накрыли в отдельной малой комнате. Слуги, пугливо поглядывая на грозного артанина, поспешно застелили стол скатертью, быстро натаскали всевозможной еды. Через раскрытые двери Придон заметил стражей с той стороны. Когда слуги поспешно убрались, двери плотно закрылись.

Череву отмахнулся.

— Это чтоб не мешались. Ты ешь, ешь!.. Никакой свинятины. Даже я не ем, чтобы твои религиозные ндравы не ущеблять непотребством.

— Ценю, — сказал Придон сухо. — Исхудаешь, бедолага.

— Ничё, — ответил Череву бодро, — я наверстаю вот этим молодым гусем... Если ты не против.

— Ешь, — разрешил Придон. — Мне хватит этого зайца.

Нежное мясо таяло во рту, а горькие травы разжигали аппетит. Придон ел быстро, молодые кости трещали под крепкими зубами. Даже не кости, а еще хрящи, все сочное, нежнейшее, будто и зайцу не давали побегать, нарастить мышцы и укрепить жилы.

Череву ел капризно, выковыривал самое лакомое, отшвыривал кости с огромными лохмотьями мяса, что не позволил бы себе ни один уважающий себя и богов артанин. Поморщился, когда в дверь неслышно проскользнул слуга, тот пробежал на цыпочках, тонкий и грациозный, как девушка-подросток, почтительно склонился к уху Череву. Придон видел, как шевелились губы, но слов не расслышал. Это бы Тур услышал все... Печаль стиснула сердце. Он вздрогнул, обнаружил, что Череву обращается уже к нему:

— Доблестный артанин!.. Там в большом зале замечены верховный маг и также правитель города и дворца...

— Верховный? — спросил Придон испытующе. — Это кто?

Череву усмехнулся.

— Артанин, твои хитрости у тебя написаны на лице. Ты слишком... простодушен.

— А что, — пробормотал Придон, — какие хитрости...

Он смешался, умолк. Череву с удовольствием понаблюдал, как жаркая краска всползла и на уши варвара, засмеялся:

— Ты хотел услышать, кого я назову верховным?... Без всяких хитростей скажу, что это Барвник. А Горасвильд... пока еще ему в подметки не годится, хотя распространяет слухи о чудесах, которые он творил в тех странах, откуда прибыл.

Придон пробормотал, не поднимая глаз от столешницы:

— Я ничего не имею против, если благородный Щажард и маг Барвник присоединятся к нашему столу.

— Правильное решение, — одобрил Череву покровительственно. — Тем более что у них есть кое-какие соображения...

Он сделал многозначительную паузу. У Придона вывралось:

— Об Итании?

Череву поморщился.

— Не смейся.

Слуга по его кивку отступил, Придон хмуро тянул из кубка прекрасный охлажденный напиток из давленных ягод. Череву молча дожирал отвратительных жареных червей, наконец в комнату вошел однорукий старый маг, все в том же синем халате до полу, хвостатые звезды спереди, сзади и на боках, за ним с достоинством двигался Щажард, медленный, величавый, с задранной кверху головой, что давало ему возможность на всех поглядывать как бы свысока.

Череву повел рукой на стулья напротив, сели так же медленно и с достоинством. Слуга мигом поставил перед ними блюда, кубки, но оба даже не посмотрели в их сторону. Взгляды были на Придоне, и он, чувствуя их на своей коже, стал пить шумно, кубок опустил на стол с грохотом, захохотал, оглядел их наглыми глазами.

— Ну что, куявы?... Узнали, где остальные части меча?

Старый маг ответил спокойно:

— Никто не думал, что ты... вернешься так быстро. Иначе мы, конечно же, поторопились бы. Но кое-что уже знаем.

Череву в удивлении вскинул бровь, а Придон спросил жадно:

— Что?

— Знаем, — ответил маг замедленным голосом, — где искать не надо... Уже это — знание.

— И немалое, — добавил Щажард строго, ибо Придон морщился все сильнее. — Мы сузили район поисков! Но, правда, осталась почти треть Куявии... Плохо то, что меч был сломан в очень уж давние времена. Не осталось ни записей, ни даже достоверных слухов. Даже боги поменялись дважды или трижды...

Старый маг отодвинул кубок, глаза смотрят в пространство.

— Кстати... а что, если спросить у старого бога?

Череву икнул и едва не выронил из пасти горсть недожеванных червяков. Щажард зябко передернул плечами.

— Неизреченного?

— Да, — ответил маг. — Неизреченного.

По тому, как на него посмотрели, Придон ощутил дуновение ледяного воздуха. Подобрался, спросил как можно небрежнее, хотя внутри предостерегающе задержались жилки:

— Что за старый?

Щажард посмотрел на мага. Тот постучал кончиками пальцев по столу, звук был сухой и четкий, зачем-то оглянулся на открытое окно. Голос его разом упал до свистящего шепота:

— Помимо наших богов, куявских, есть и еще один бог... Его обнаружили в горах, когда было землетрясение. Одна гора лопнула, открылся вход. Пещера огромная, там оказался древний храм... Почти все в нем погибло, прошли тысячи и тысячи лет... Возможно, намного больше, чем ты-

сячи, мы не знаем. Весь мир дивов погиб, но этот спрятанный в горе храм уцелел. И статуя бога сохранилась. Тогдашний тцар велел о ней забыть и не вспоминать, но лет сто назад на Куявию обрушились засухи, наводнения, снова засухи, а зима была настолько долгая и лютая, что волки приходили в села, врываются в дома и ели обессиленных людей... Тогда-то от отчаяния и решились воззвать к этому богу, раз уж свои не помогают. Пять тысяч человек отправились в горы. Вход расширили, затем сотни искуснейших мастеров отделили статую от стены, смастерили огромные сани с полозьями, за зиму сумели спустить статую бога, а потом еще почти год вырубали из стен камни того древнего храма... Словом, сейчас в дальнем конце рощи есть тайный храм, перевезенный из пещеры и установленный таким, какой он был. Туда никто не ходит, но там алтарь этого бога. Мы страшимся туда даже заходить, дабы не прогневать наших богов... но ты ведь артанин, верно?

Придон буркнул, чувствуя подвох:

— И как ты заметил?

— И ты не страшишься войти в алтарь этого бога?

— Я только одного страшусь, — ответил Придон.

— Чего?

— Недовольного взгляда Итании. А всякие мелкие боги меня не страшат!

Он успел подумать, что этим может оскорбить своих богов, но слово уже вылетело, он лишь выпятил нижнюю челюсть и посмотрел на мага и Щажарда свысока.

Все трое переглянулись. Придон со злостью подумал, что его снова в чем-то обвели вокруг пальца.

Городские ворота распахнулись. Придон успел недовольно подумать, что совсем уж непривычно и оскорбительно для артанина выходить за городские врата пешком, эту гадость проклятые куявы нарочито придумали, чтобы унижить его, гордого сына Степи!

Череве шел тоже пешком, что совсем удивительно, как

шли и старый маг Барвник, и с ним еще с десятков магов поменьше. Даже Щажард вызвался проводить их до самого храма.

Роскошная зеленая роща, ухоженная, как придворная женщина, услужливо раздвигала белые холеные ноги березок, манила яркими лесными цветами, дурманила голову запахом меда, душистого клея. В глубине открылся широкий холм, просевший под чудовишной тяжестью огромного серого камня размером с гору. Придону он показался цельным куском, затем рассмотрел у самого основания темное отверстие пещеры. Однако трава вокруг храма густая, ее никто не топчет, там даже не пасутся кони. Никаких окон, ведь в той старой пещере окон быть не могло, просто массивная глыба. Сейчас в этой глыбе темнеет вход, отсюда похожий на мышиную норку.

Он спросил неверяще:

— Это в пещеру, где тот... старый бог?

Он спрашивал у Черева, но ответил важно Щажард:

— Да. От входа пройти совсем немного.

Придон сказал дрогнувшим голосом:

— И вы... вместо того, чтобы забрать один алтарь... притащили сюда все?

Щажард усмехнулся, смолчал. Череву кивнул, на пухлом лице тцаредворца проступила откровенная гордость.

— Мы могли бы и весь горный хребет приволочь. Если уж куявы за что-то берутся, доводят до конца!

— Ну-ну, — сказал Придон. Настроение испортилось, артане на такую работу просто не способны. — Это все от страха, чтобы чужого бога не побеспокоить!

— А зачем беспокоить? — удивился Череву. — Куявы дерутся... даже ссорятся только по необходимости. Мы все, что нам нужно, стараемся поиметь без войны и стычек. И совсем не от страха.

— А почему же?

— А зачем? — снова удивился Череву. — Главное, получить то, что хотели. Это как на базаре, когда что-то покупаешь: стараешься заплатить поменьше, так ведь?

— Так, — согласился Придон. — Но разве пойти войной — не дешевле всего?

Гора приблизилась, темный вход зиял пугающе, словно распахнутая пасть неведомого зверя. На каменном полу слой пыли и песка, на стенах обрывки старой паутины. Придону подали горящий факел, он ощутил, что все смотрят на него, как на идущего на смерть.

По коже пробежал холодок, будто потянуло сильным сквозняком. Мог бы подумать, что только у него такое странное ощущение, все-таки геройски обнажен до пояса, но кудавы в их пышных одеждах ежатся тоже, неуверенно поглядывают друг на друга, с испугом — на темный вход.

Он сделал несколько шагов в темноту, освещая факелом дорогу. Оранжевый свет выхватил из тьмы массивную дверь, изъеденную временем, ямочек так много, что вся дверь в металлической коросте. Придон взглядом начал искать запоры, как вдруг металлическая преграда с легким подрагиванием поднялась вверх. Он невольно проследил за ней взглядом: из щели там наверху выглядывает только самый краешек.

Он задержал дыхание, будь что будет, сделал шаг, переступил черту. Ничего не случилось, оглянулся: в светлом круге темные фигуры колышутся, как стебли грязных трав под свежим ветром.

— Дверь открыта! — крикнул он. — Кто-то пойдет со мной?

Там было явное замешательство, потом донесся слабый голос старого мага:

— Я не пойду... но постою у двери... с этой стороны.

— И я, — раздался другой голос, Придон узнал Черво. — Вдруг да увижу, как тебя, наглеца, раздерут на части!

Послышались шаги, в круге света появились их бледные лица, но с места никто не сдвинулся. Зато появились двое молодых жрецов. Один протянул Придону горящий факел, тут же попятился. Придон повернулся, сделал шаг, ноги задрожали сильнее.

Зал кудавы вырубил немаленький, стены странно си-

ние, как и пол, даже багровый свет факела не может бросить живой солнечный свет. Страх холодил тело, коснулся сердца. Мрачный зал синий от пола до потолка, а слева у стены темно-синие мраморные плиты, алтарь неведомого бога. Прямо из стены выступает, нависая над алтарем, каменное изваяние. У Придона ноги стали такими же каменными, он невольно замедлил шаг, глаза не отрывались от чудовищного бога.

Внизу под изваянием полыхает огонь. Углей Придон не рассмотрел, языки пламени и багровый свет подсвечивают снизу чудовищную морду, делая ее еще страшнее и злоеющее. На плече древнего бога такой же каменный зверек. Он, Придон не поверил глазам, повернул голову и уставился на чужака. В широко расставленных глазах вспыхнули красные угольки.

Огромный бог все еще пребывал в неподвижности, затем каменная голова шелохнулась. Мертвые глаза вспыхнули красным, как и у зверька, только ярче, мощнее. Придон поспешно напомнил себе, что там, в глазах статуи, всего лишь рубины, это свет от огня, от его факела, блики.

— Кто ты, дерзкий? — прогремел голос. — Как посмел... Кто прислал?

Слова были на незнакомом языке, но странным образом Придон понял, да и что еще можно было спросить, он собрался с силами и выкрикнул:

— Меня зовут Придон! Я пришел по своей воле.

Страшная голова выросла в размерах, но это бог всего лишь чуть выдвинулся из стены. Выпуклые, как у большой ящерицы, глаза цепко держали Придона.

— Придон? — проревел страшный голос, от которого Придону захотелось стать муравьем и забиться в щель между плитами. — Но ведь ты уже взял у меня амулет?.. Что ты хочешь, Придон?

Придон растерялся, мысли замесались, как те муравьи, на пень которых он однажды сел в детстве. В голосе чужого бога нет угрозы. Говорит так, словно с давно знакомым. Принимает за кого-то другого?

Внезапно фигурка демона на плече бога шевельнулась, скрипучий голос сказал подобострастно:

— Мой господин, этот не Придон...

Бог прорычал:

— Не Придон?.. Но он — Придон!

— Я — Придон, — выкрикнул Придон поспешно. — Я могу поклясться небесами, подземным миром и всем сущим!

Демон сказал поспешно:

— Мой господин, он Придон... и не Придон. Я чую в нем нечто чужое! Мой господин, ты ценил меня за то, что единственное, в чем я превосхожу тебя, это в чутье!.. Как пес превосходит человека в чутье, что не умаляет величие человека перед псом, так и я чую лучше... это не тот Придон, которому ты дал амулет, вручил Меч Низвержения и позволил пройти Врата Шестого Мира! Это не тот Придон, который сокрушил несметные рати убозергов, построил Темный Мост и низверг гордых демонов хвостатых звезд в преисподнюю.

От голоса этого мелкого с виду зверька начал дрожать воздух, постанывали древние камни. Придон стискивал челюсти, чтобы не закричать. Кровь уже кипит в черепе, вот-вот прорвет слабые преграды и горячими струями брызнет наружу.

— Кто ты? — спросил бог. — Если ты Придон, то почему и не Придон?.. Теперь это чую и я. Но ни один смертный не смог бы войти в этот древний храм... помимо потомков славного и гордого рода солнечных хермонцев. Никто из живущих, помимо потомков рода Азазеля, не может слышать мой голос и оставаться на ногах. А ты даже не пал на колени!.. Кто ты?.. Как звали твою мать?

Придон открыл уже рот, но вспомнил в странном озарении, что отец однажды, когда думал, что их с матерью никто не слышит, назвал ее странным именем Шатанья.

— Шатанья, — ответил он. — Ее зовут Шатанья.

Демон заметно вздрогнул. Бог пребывал в раздумье, наконец голос его прогрехотал как близкий гром:

— Шатаньи давно нет в живых. Уже много тысяч лет.

Придон сказал дерзко, чувствуя, что сейчас надо быть дерзким, надо спорить, иначе погибнет:

— Всего не могут знать даже боги! Почему ты так решил?

— На моих землях, — прогремел нечеловеческий голос, Придону в нем послышалась печаль, — на моих землях... которым я покровительствую, Шатаньи нет в живых. Ты соврал, смертный. Сейчас ты умрешь.

Придон отступил на шаг, все потеряно, но это было бы потеряно для куява, он крикнул с гневом и громким голосом:

— Но велика ли твоя земля? Нет ли земель, где твоей власти нет?

— Моя власть не простирается только на Запретные Земли, — прорычал бог.

— Почему? Ведь это твои земли? И твой народ?

— Между нами... — проговорил бог. — Между нами... — Он сказал несколько непонятных слов, явно заклинаний, демон взвыл, застонал, запричитал на том же непонятном языке.

Придон воскликнул:

— Но твоей власти и твоего покровительства хватило, чтобы Шатанья и на Запретных Землях осталась жива! Она ушла с моим отцом в его земли, сейчас нас трое братьев и одна сестра — ее дети! Если ты можешь ее увидеть... увидеть ее гробницу, то взгляни!

Бог молчал долго, Придон затаил дыхание. Он чувствовал как страшатся его дерзких речей куявские жрецы, если, конечно, слышат этот могучий голос. Наконец голос прогрехотал, огромный, в котором Придон ощутил такую печаль, что волосы встали дыбом.

— Я не могу ее зреть... За чем ты, Придон?

— Мне нужны обломки меча Хорса, — ответил Придон. Он выпрямился. — Я уже отыскал ножны. Вот они!.. Теперь нужна рукоять. Говорят, она здесь, в Куявии.

Нечеловеческий голос громыкнул:

— Что такое Куявия?

— Довольно мелкая и никчемная страна, — ответил Придон громко, — не обращай внимания. Рукоять меча где-то в горах. Вечных горах, которые были такими же, как и тогда, когда никакой Куявии и в помине, а ты был силен и молод... Укажи мне это место! А взять ее в свою ладонь я смогу сам.

Он говорил гордо, и спина его была прямая. Сердце стучало сильно, он говорил с богом и не падал ниц, не устранился нечеловеческой мощи! Далеко у раскрытых дверей, готовые, как овцы, толпой в диком страхе ринуться прочь, маячат фигуры в синих плащах. Сохранят ли в записях, как дерзкий пришелец из враждебной Артании смело говорил с их богом?

— Моя власть не идет дальше знакомых мне гор, — пророкотал нечеловеческий голос, — и этого клочка земли... Там не было такого меча... или обломков, как ты говоришь...

Ноги Придона дрогнули, в коленях появилась слабость, а сердце оборвалось в пустоту.

— Как же нет? — спросил он жалким голосом. — Маги говорят...

Он почти услышал, как у дальней двери ахнули жрецы. Мало находилось смельчаков, что осмеливались обращаться к богу напрямую, минуя их, жрецов, но еще не родилось такого, что посмел бы спорить с богом!

Каменная статуя не двигалась, Придон терпеливо ждал, наконец могучий голос пророкотал:

— Какой бог, говоришь?

— Хорс, — ответил Придон торопливо.

Долгое молчание, затем под сводами прокатился грохот, где едва различались слова:

— Нет таких... Разве что из самых молодых, что пришли уже позже... Я посмотрю, в тех землях, которые зрю. Ты можешь... ко мне завтра.

Грохот становился все тише, упал до шороха. В мертвом молчании Придон вздохнул горько, но вспомнил, что

куявский бог еще не отказал, да и эти крашенные куры смотрят от входа, гордо выпрямился и надменно осмотрелся по сторонам.

— Я приду, — ответил он громко и с достоинством. — Может быть, завтра буду занят... но постараюсь освободиться для разговора с тобой. Если нет, то приду послезавтра.

С прямой спиной он отвернулся и — плечи развернуты, а голова высоко — пошел к бледным и потрясенным жрецам. На самом же деле голова шла кругом, в черепах звонко били огромные, как горы, молоты. Когда сделал первый шаг, пол пытался вздыбиться, пришлось пошире расставить ноги. Пошел, как моряк по палубе плывущего в бурю корабля.

Вышел, лицо каменное, жрецы поспешно расступились. В левую щеку все еще тянет смертным холодом, словно он уже в могиле, зато правую внезапно так прижгло солнце, что вот-вот вздуются волдыри... Да и звуки стали громче, он слышал все, о чем разговаривают далеко за его спиной жрецы, но грохот в черепах затихает медленно. Суматошные растерянные мысли мечутся из стороны в сторону, как вспугнутые у ручья мотыльки. Все так просто? Изготовился к страшной смертельной битве, когда с топором и щитом в самую гущу врага... а если придется, то в смертном двобою с самим вождем местных демонов, с встающими из могил скелетами... наслушался у костров рассказов бывалых воинов, готов отражать нападение крылатых драконов и наносить удары сам... но чтоб вот так древний бог разговаривал с ним... почти как с равным? Отвечал, спрашивал, снова отвечал?

Он сделал лицо как можно каменнее и высокомернее, остановился и повернулся к жрецам. Черво еще издали показал ему большой палец, хотя сам выглядит потрясенным, даже вечно красная морда побледнела и словно бы чуть опала. Щажард смотрел исподлобья и с опаской.

— А еще кто-нибудь в этом городе может знать? — спросил Придон надменно.

Приблизился Барвник, он посматривал на Придона с величайшим уважением и опаской.

— Будем искать, — сказал он торопливо. — Но уже то... что вот так... уже много!

— Мало, — отрубил Придон.

— Почему?

— Мне надо все, — ответил Придон. — И сразу.

Барвник поклонился.

— Слышу речь истинного артанина.

Шажард подошел с Черевом, оба смотрели на Придона во все глаза. Череве сказал осторожно:

— Вернемся, доблестный герой, во дворец. Там за истинно мужским делом решим, что делать дальше.

— За каким мужским? — спросил Придон подозрительно.

— За накрытым столом, конечно, — ответил Черев с удивлением. — Хорошо накрытым!

ГЛАВА 3

Был накрытый стол, был пир, дюжина музыкантов стучала в бубны и дудела в трубы, а покрашенные девки плясали очень усердно, однако Придон не поднимал на них глаз, только ел, пил, мечтая, чтобы день закончился как можно быстрее.

После разговора с неведомым богом ему отвели другую комнату, настоящие покои. Огромную, роскошную, с великанским ложем и множеством мебели. Череве намекнул, что за особые заслуги. Мол, ножны ножами — это подвиг, но жрецов сразил его разговор с неведомым богом. Теперь даже Барвник его чтит и побаивается.

Придон равнодушно оглядел покои, все тлен и прах, а поселили здесь лишь потому, что в единственном окне прутья толщиной не со стрелу, а с древко дротика. И не простое железо, а кованое — не гулять сегодня ночью по городу...

Если Итания приедет завтра, то надо поскорее лечь спать, чтобы это завтра наступило поскорее. Он начал раздеваться, в дверь постучали. Злой, все мешают наступлению этого завтра, отодвинул засов.

Слуга пугливо смерил взглядом его могучую фигуру, проговорил, запинаясь:

— Моя госпожа, благородная Тельша, напоминает, что не стоит вам на ночь брать рабынь...

Придон спросил тупо:

— Почему?

— Она велела передать, что никто из них не сумеет согреть вам ложе так, как сделает она. И что ложе вообще воспламенится от того, что она умеет и покажет вам.

Придон с тоской обвел взглядом комнату. Снова удирать по стене и скитаться по ночному городу, рискуя получить нож в спину? Вдруг в голову пришла мысль: а что, если вообразить себя на минутку Аснердом, как бы поступил тот?

— Это бы хорошо, — ответил он медленно, стараясь, чтобы в голосе прозвучало сожаление, — но вот-вот придет благородная Пельша. Она тоже просила не брать рабынь и велела передать, что покажет такое, что не снилось даже Тельше! Так что, скажи, что мне жаль, но Тельша не успела...

Слуга скривился. Видимо, пока госпожа забавлялась бы здесь, слуги тоже нашли бы себе дело. Придон захлопнул дверь перед его носом, прислушался. Слышны удаляющиеся шаги. На цыпочках вернулся к ложу, поднял и перенес в самую дальнюю комнату. Ибо если вдруг захрапит, пусть никто не узнает, что он спит один.

Да, мелькнула мысль, Аснерда бы сюда!

Он рухнул в роскошнейшую постель и поспешно закрыл глаза. Чем быстрее придет сон, тем скорее увидит Итанию. И в ночных грезах, и утром, утром, утром...

И все-таки сон не шел долго, сердце слишком колотится, роскошное ложе слишком роскошно, устроиться ну никак, мешают то собственные ноги, то уши, то локти. Аснерд бы попользовался всеми, снова мелькнула мысль. Это

нисколько не мешает старому черту любить свою жену нежно и верно.

А вот он просто не может, у него не получится. В мозгу все время стучит, что обкрадет себя, отщипнет крупинку от своей золотой горы души, что принадлежит Итании, а он хочет, чтобы Итания получила все, все! Даже не он хочет, а в нем хочет нечто великое и властное. Вся его душа так велит, сердце не принимает другого пути, он обречен, он заколдован, над ним уже смеются, но пусть это наваждение останется в нем навсегда...

Он вздрогнул, рука метнулась к рукояти топора. Лунный свет падал из окна наискось широким лучом. Из тьмы медленно выступила человеческая фигура. Лунный луч вычленил из темноты только ноги, а верхняя часть осталась в сумраке. Глаза быстро привыкли, Придон различил, что незнакомец высок, широк как в плечах, так и в поясе, и, судя по складкам одежды, под нею тяжелые доспехи.

Фигура качнулась, двинулась в сторону ложа. Придон вскочил и ухватил топор обеими руками.

— Успокойся, герой, — донеслось от незнакомца. Страх пополз по спине Придона, голос замогильный, в нем ничего человеческого. — Артания была моим врагом... очень давно. Но сейчас я пришел к тебе за помощью.

Придон напряг все мышцы, не показывать же врагу, что всего трясет, ответил сквозь зубы:

— Я бью врагов Артании везде, где вижу!

— Смелые слова, — одобрил незнакомец. Он сделал еще шаг, лунный свет упал на его лицо. Придон, уже начавший заносить топор для удара, похолодел, а рукоять едва не выскользнула из слабеющих пальцев. Лицо незнакомца было человеческое, но сквозь него смутно просвечивали камни на противоположной стене. — Ты отважен, герой, потому я прошу у тебя помощи...

Придон пробормотал заклятие, отгоняющее злых духов. Призрак покачал головой:

— Не поможет. У нас разные боги. Когда-то были одни, но теперь те заветы забыты.

— Что ты хочешь? — прошептал Придон.

— Ты в полночь явишься в усыпальницу куявских тцаров.

Придон ахнул:

— Я?

— Ты, герой.

— Зачем?

— Тебе сообщат там. Я лишь один из посланцев своего повелителя.

Придон спросил невольно:

— А кто твой повелитель?

— Его имя известно и в Артании, — ответил призрак уклончиво. — Так что передать моему повелителю?

Придон лихорадочно раздумывал. Конечно, надо отказаться, но какой артанин откажется из страха, что сочтут трусом? Да еще сам о себе подумает, что устрасился куявского мертвяка?

— Если отыщу дорогу, — ответил он сердито. — И...

— Что?

Придон заколебался, но перед куявом, хоть и призраком, негоже выказывать страх, бросил небрежно:

— Если не просплю полночь.

Незадолго до полуночи он неслышно встал, на цыпочках подкрался к двери. От окна со двора долетает слабый непонятный скрип, едва слышные голоса, но в коридоре тихо. Он как можно тише отодвинул засов, толкнул дверь. Не поддалась, он надавил плечом. Толстая массивная доска нагрелась под его горячим плечом, но даже не скрипнула.

Так же тихо, рассерженный и встревоженный, он задвинул засов обратно в петли. Его заперли, заперли надежно. С той стороны двери. В единственное окошко все еще падает лунный свет, только сместился на другой конец комнаты, между толстыми металлическими прутьями из закаленной стали разве что просунешь руку... Да и то если это рука худосочного куява, а не настоящего артанина.

Но призрак сказал, что он выберется. Конечно, тут и призраки пришибленные, откуда им быть другими, если сами куявы мало отличаются от коров, которых пасут, но вдруг призраку что-то известно?

Прутья приятно обожгли горячие пальцы холодом. Толстые, каждый втрое толще большого пальца руки, к тому же слишком короткие, не согнуть... Все же напрягся, тянул изо всех сил, задержал дыхание, вложил последние капли, что еще оставались...

Вдруг скрипнуло. Он не поверил глазам, это подался камень. Железные штыри начали со скрипом выползать из каменных гнезд. Нажал еще, уже вернее распределяя силы. Целый каменный блок выдвинулся, повис козырьком.

Во дворе тихо, слышно, как далеко завывла собака. Внизу прохаживается страж. Если спрыгнет ему на спину, сломает, как соломинку, но ведь призрак просил, чтобы об этом... ну, его посещении, никто не узнал... Или не просил? Трудно ждать, будто призрак хоть что-то да попросит, призрак и есть призрак...

Душа еще раздумывала, а тело лезло дурной головой вперед, пальцы хватались за выступы камней. Он повис над темной каменной бездной, выждал миг, пока жидкое, как кисель, облачко наползет на сияющую луну, на руках начал подтягиваться, ноги упирались в каждый выступ, пока не ткнулся макушкой во что-то твердое.

— Дураки, — прошептал он обессиленно. — Какие же дураки!

Навес крыши выступает почти на длину стрелы. И выглядит ветхим, как вся Куявия, вместе взятая. Наверняка удержит воробья, может быть — некрупную ворону, но крепкоплечего артанина...

Он изошел потом и проклял все на свете, пока сумел сдвинуться на расстояние вытянутой руки, там навес прогнул вовсе, зато по бревну можно вскарабкаться на самую крышу.

Прошло еще с полчаса, пока сумел спуститься на землю, потом, часто припадая к земле, начал пробираться в

сторону дворцового сада. На той стороне, как уже знал из разговоров, громадная усыпальница правителей Куявии. Только правителей, жен и детей хоронят на другом кладбище.

Половинка луны светила с такой яркостью, словно на небе полыхают три полных, а все звезды приблизились. Мир залит серебристым светом, но тени стали еще злее и чернее. Он ненадолго припадал к земле и замирал в каждой тени по дороге. Дорожка вела между деревьями в темноту, он нырял туда почти с облегчением, исколосся и поцарапался, зато никто не видит, наконец на звездном небе начала вырисовываться темная громада из массивных черных плит. Здесь лунный свет терял силу, блеск даже не отражался от черного камня. Глаза вычленили из тьмы массивную металлическую дверь, выкованную из черной бронзы, что втрое прочнее любых сортов железа. Так вот она какая, древняя усыпальница куявских тцаров!

Из земли выдвинулись призрачные стражи, лунный свет проникал сквозь их доспехи и длинные мечи, но лица настолько строгие и решительные, что по спине пробежал предостерегающий холодок.

— Тихо, ребята, — прошептал он. — Я не ломлюсь сам... Меня пригласили.

Стражи переглянулись, редкий куяв устаивается чести войти под эти своды, но, словно получив неслышный приказ, исчезли.

Он взялся за массивную ручку, пальцы ощутили покалывание. Челюсти сжались, но трусить поздно, он с силой потянул на себя. Огромная, тяжелая, как городские ворота, дверь подалась медленно, нехотя.

Скользнув вовнутрь, он так же осторожно притворил за собой, огляделся. Сплошная тьма, потом глаза чуть привыкли, впереди слабо блеснул рассеянный свет. Ступеньки повели вниз, он сперва нащупывал вслепую, потом глаза начали их различать, а вскоре увидел и сам светильник:

широкий, медный, с медленно горящим маслом. Запах от светильника шел мягкий, совсем не гадостный.

Придон всмотрелся в темноту дальше, хоть глаза выколи, поколебался, но что храброму артанину какие-то куявы, да еще дохлые, решительно выломал светильник из стены. Да, ступени все еще ведут вниз, в темноте хорошо бы загремел голова-хвост, голова-хвост, но по освещенному идти можно без потери достоинства...

Длинный, как рассказ волхвов о сотворении мира, спуск привел еще к одной двери. Старинной, массивной, но хуже того — опечатанной знаками в виде драконов, пастей драконов, пылающих мечей. По коже побежали мурашки. Может быть, это и безобидные знаки, но откуда безобидные в таком зловещем месте, да и вообще все тайное — происки злых колдунов, кои исчезнут из мира лишь тогда, когда там проскачат артанские кони.

Он сделал шаг, обнаженной кожи коснулся холод. Теперь, когда в нем иногда звучал голос неведомого бога, душа будто потеряла защитный доспех, чувствовала малейшее прикосновение воздуха... и сейчас он понимал и даже видел, что дверь защищена так, как не защищен сам дворец Тулея.

— Но не от нас, артан, — выдавил он сквозь зубы.

Губы прошептали заклятие против злых духов, хотя умом понимал, что в Куявии свои духи, им наплевать на артанских колдунов, но руки уже протянулись к двери, а еще раньше, озлившись на себя, пнул ногой.

Дверь исчезла, он оказался в большом темном зале. Правда, вдоль стены слабо мерцают огоньки светильников, но освещают разве что самих себя. Такие же медные чаши на вбитых в каменную стену штырях. А внизу, освещенные этими желтыми мертвенными огоньками, стоят жертвенники, на иных все еще темные пятна крови. Одни жертвенники — простые валуны, другие — гладко отесанные камни с надписями на всех сторонах, над третьими потрудились

мастера — блистают золотом, серебром, у самого основания искусная рука высекла колдовские знаки.

Он обошел все помещение, встревожился, наконец заметил еще одну дверь. Черную, под цвет стены, без всяких украшений. Перед ней слой пыли был толстым, как царское одеяло. Сердце Придона заколотилось, как у пойманного зайца.

Сцепил зубы, нажал плечом. Дверь не подалась, нажал еще, запоров не видно, и тут взгляд упал на небольшой металлический штырь в полу рядом с дверью. Грубо дернул, ничего не изменилось, но, когда снова толкнул дверь, она без скрипа приоткрылась.

Из щели пахнуло плесенью. Придон задержал дыхание, приоткрыл еще, протиснулся вовнутрь и тут же с усилием придвинул створку на место. Но, когда повернулся, его словно окунули в ледяную воду, ноги ослабели, и он не решился убрать спину от двери из страха, что сползет на землю.

Помещение оказалось длинным, дальняя стена теряется в темноте. Светильники горят только с одной стороны, так что другую стену не увидеть, будто ее нет, словно там другой мир, жуткий мир смерти, а сами светильники бросают свет на лица... мертвецов.

В Артании тцаров тоже хоронят в склепах, но там все умершие упокоены в каменных гробах, а здесь...

Он присмотрелся, с шумом выдохнул. То, что он принял за лица, на самом деле каменные изображения умерших. Чтобы издали видеть, что где лежит. Но какое нечеловеческое умение так изобразить их куявские хари! Да не только хари, вон фигура выступает из камня, оставаясь погруженной в него разве что на треть...

Пальцам стало больно, он опустил взгляд, костяшки побелели на рукояти топора. Заставил себя перевести дыхание, с трудом разжал пальцы, а потом и вовсе убрал руку. Не зная, куда ее деть, зацепил большим пальцем за пояс,

огляделся, стараясь держать лицо надменным, а нижнюю челюсть вперед.

С трепещущим сердцем, он все-таки заставил себя стронуться с места. Каменные ящики поплыли мимо, запорошенные толстым слоем пыли, в мертвой паутине, с засохшими трупиками пауков. Разные по форме, размерам, то из мрамора, то из черного гранита, то вовсе из неведомых пород, три гроба вовсе из черной бронзы, что не поддается ржавчине, один гроб словно бы из дерева, но Придон не знал такого дерева, чтобы не рассыпалось в этом влажном сыром воздухе...

Чем дальше от двери уходил, тем меньше пыли на каменных гробах, но, когда оглянулся, сердце остановилось в страхе. Вместо стены с дверью такая же чернота, как и впереди, а в обе стороны уходят бесконечные огоньки странных светильников, что горят, не сгорая, и масло в них никогда не кончается.

Он стиснул зубы, есть там выход, есть, вот сейчас он вернется и отыщет тут самую дверь, в которую вошел...

Сырой воздух колыхнулся. Ему показалось, что сами стены сдвинулись, как при землетрясении. Затрепетали огоньки светильников. А затем раздался голос, который Придон сперва не расслышал, настолько бестелесный, похожий больше на дуновение ветра, на легкий посвист в трубе очага.

Придон насторожился, повертелся из стороны в сторону. Голос повторился, Придон опустил для уверенности пальцы на рукоять топора, медленно двинулся вдоль ряда гробов дальше, в сторону тьмы. Откуда, словно из небытия, вываливались новые глыбы, все черные, из камня или металла.

— Артанин, — прошелестело в воздухе. — Артанин...

Голос был слаб, но отчетлив. Придон остановился возле каменной глыбы, лицо выступает могучее, с горбатым носом и выдвинутым надменно подбородком. Полузакрытые глаза смотрят с такой интенсивностью, что по спине снова пробежал холодок и протиснулся под кожу.

— Были тцары, — прошелестел голос, — которые дружили с Артанией... Я же всегда воевал... Но именно мне выпало тебе сказать... помочь...

Придона колотил страх, ноги ослабели. Чтобы как-то скрыть ужас, он сам выпятил нижнюю челюсть и спросил почти враждебно:

— Так почему говоришь ты?

— Не все... — прошелестел голос, — не все... Немногие могут взирать на этот мир... остальные не покидают мира мертвых... но из взирающих только самые сильные могут...

Он произнес несколько слов, но голос истончился, пропал. Придон кое-как совладал с собой, сказал хрипло:

— Хочешь, чтобы тебя слышали, говори громче.

Снова посвистывание ветра, потом голос возник снова, словно мертвый собирался с силами.

— Только самые сильные... и только в полнолуние... И вот я, враг и воитель Артании, ужас их детей...

Придон прервал уязвленно:

— Не преувеличивай. Не родилось еще куява, который мог напугать хотя бы артанских зайцев. Говори, зачем просил явиться.

Голос произнес после паузы:

— Я знаю, ты ищешь рукоять меча...

— Да, — ответил Придон с вызовом. — Это где-то в твоей Куявии. Но я найду, нравится тебе это или нет.

— Найдешь, — согласился тцар. — Все когда-то находится. Не найдешь ты, найдет другой. Не сейчас, так через сто лет. Или через тысячу...

Мороз пробежал по коже, мертвец о таких сроках говорит с такой мертвящей легкостью, что у Придона вырвалось злое:

— Я найду этим летом!

— Однако старый бог не подскажет, — донесся тихий вздох.

— Почему?

— Просто не знает.

— А ты знаешь? — спросил Придон с вызовом.

К его удивлению, мертвец ответил тем же ровным голосом:

— Да.

— Ты? — не поверил Придон. — Откуда?

— Потому что я последний из смертных, — ответил мертвый тцар, — который держал его в руках. И только я знаю, где рукоять этого меча.

Сердце Придона забилося учащенно.

— Где?

— Я скажу тебе...

Внезапно волна подозрения окатила Придона, как холодная морская волна.

— А почему ты решил помочь мне? Артанину?

Голос ответил без паузы, сильный, но усталость звучала в нем:

— Я тебя не обманываю. Увидишь. Получилось так, что ты сейчас помогаешь Куявии больше, чем любой из куявских героев. Даже самые близкие к тцарю люди сейчас ему вредят... Раньше я хотел его уничтожить, ведь он стер с лица земли последних моих потомков, что правили Куявией триста лет!.. но потом остыл, ведь мои потомки, моя кровь уже стала бледнее воды. К тому же Куявии мои ослабевшие потомки приносили больше вреда, чем пользы...

Придон прервал, страшась потерять мелькнувшую мысль:

— Ты можешь смотреть в грядущее?

Голос прозвучал невесело:

— Я — нет. Зато могу говорить с тобой. А те, кто выбирает дар смотреть в грядущее, теряют дар речи... Вообще им нельзя общаться ни с живыми, ни с... даже такими, как я.

— Понимаю, — ответил Придон с разочарованием. — Это разумно. Хоть и жаль. Где меч?

— Весь?

— Хотя бы часть, — поправился Придон.

— Рукоять в горах Куявии. Здесь, на равнине, ее бы нашли. Чародей спрятал в Запретных Землях, где издавна живут бессмертные дивы. Вернее, он отдал дивам рукоять, ве-

лел стеречь... Сам он дивам не по зубам, они это знали. Если бы захотел, он бы разрушил их замки... Говорят, раньше даже рушил. Непонятно, почему вдруг пощадил, ведь он все же человек... наверное.

Придон прервал:

— Горы большие. Везде искать тысячи лет не хватит!

— Это почти на границе с Артанией, — сообщил мертвый тцар. — Да, знаю, там самые высокие и неприступные горы. Потому там и граница, что туда ни куявы, ни артане... Каждый по свою сторону горного хребта. Но тебе придется почти на вершину... Там небольшая высокогорная долина... Даже не долина, а... ладно, увидишь сам. Там есть странная гора, долина сразу за ней. Гора вся белая, а вершина как трезубец. Все горы вокруг старые, а эта как вчера родилась... Но тебе не стоит пускаться в путь одному, это человеку не по силам.

— Мне все по силам, — возразил Придон.

— Да, ведь ты артанин... Прямой и гордый. Но стоит ли карабкаться месяц за месяцем по обледенелым скалам, если можно туда попасть за сутки?

Придон ощутил, как отвисла челюсть, сердце радостно дернулось, но тут же волна подозрения прошла по телу, как струя холодной воды.

— Проклятой куявской магией? Да ни за что!

— Знаю, магии гнушаетесь. Гордые дети Степи! Но я не о магии. Проси у тцара доставить тебя к Запретной Земле на драконе. Ради такого случая тебе покажут дракона вблизи. Надеюсь, ты не успеешь подсмотреть, как им управлять... Да ваша гордость и не позволит это делать. Ведь все решает добрый удар топора, верно?

Придону послышался смешок в тихом голосе. Набывшись, он сказал зло:

— Ты угадал, мертвый. Меня не страшат куявские ящерицы с крыльями. Обещаю, если тцар даст мне дракона, я влезу ему на спину без колебаний. Только постелю попону, чтобы не испачкаться о его куявскую слизь.

ГЛАВА 4

От двери шелкнуло. Придон обернулся как ужаленный. Оба дверных засова медленно вылезли из петель, один во-все с железным стуком упал на камень пола. Дверь приоткрылась, в комнату скользнула молодая женщина. Фигура юной девушки, но что-то подсказало Придону, что ей намного, очень намного больше, хотя и лицо под стать фигуре: нежная, белая, румяная, с блестящими смеющимися глазами.

— Не надо за топор, — предупредила она быстрым шепотом. — Разве не знаешь, что мы, ведьмы, боимся железа?

— Что ты... — пролепетал он, — хочешь?

Она оглядела его оценивающе.

— Пришла бы я по своей воле, уже взяла бы... Но, увы, есть маг намного более могучий. И умелый. Одевайся, я что-то тебе покажу.

Он спросил, ошетинившись:

— А если я не хочу?

— Хочешь, — ответила она безапелляционно. — Ты из шкуры выпрыгнешь, чтобы ухватить что-то новое. Я покажу тебе нечто очень важное для тебя... и Артании. А потом проведу обратно. Если хочешь.

— Сам вернусь, — вырвалось у него, и по ее улыбке понял, что невольно ответил согласием. Озлившись, спросил сердито: — А что я увижу?

— Там, — ответила женщина. — Все там.

Прямо из воздуха она вытащила длинный плащ с капюшоном, накинула на плечи. Придон поймал ее оценивающий взгляд, потом она сказала с брезгливой гримаской:

— Ладно, я тебя проведу. Это будет стоить головной боли на полдня, но... ладно. За удовольствие смотреть на такую фигуру надо чем-то платить. А мы, женщины, на что только не идем ради красивого мужчины.

Она отступила в сторону, он понял, что надо идти, шагнул к двери. В проеме увидел стража с неестественно застывшим лицом. Женщина приложила палец к губам. При-

дон кивнул, вышел, задерживая дыхание и стараясь не топтать.

У его двери, оказывается, дежурили четыре стража. Сейчас все тупо таращились в пространство. Придон пошел за женщиной, она двигалась по широкому коридору, зад вилял из стороны в сторону, но спина оставалась прямой и гордой, как у артанки.

Светильники источали нежный золотой свет и наполняли пространство пряным запахом, в котором было нечто от гни-ли. Женщина вела по коридорам, переходам, стражи их не замечали, даже встретили хихикающую парочку, Придон задел его ненароком, тот лишь остолбенело уставился в стену напротив.

Из дворца выскользнули также без помех, лицо женщины покрылось мелкими бисеринками пота. Дышала она учащенно, Придон сочувствующе молчал. Когда пересекли площадь, сказал виновато:

— Отдохнем в тени?

Она бросила быстрый взгляд:

— Зачем?

— Да что-то ноги устали, — ответил он.

— Артанин, — бросила она беззлобно. — Даже соврать не умеешь!.. Но как же, защитить женщину — долг... У нас бы мужчина еще и сверху на мои узкие плечики. И ножки бы вот так свесил... Ладно, пойдем. Больше не скрываемся.

Он кивнул, пошел рядом посреди улицы, плечи раздвинул, а мышцы взбугрил. Если кому не нравится, он готов объяснить на кулаках, топорах или даже мечях, конным или пешим, что ему так нравится, а кто не одобряет, тот пусть попробует артанской отваги!

Город накрыт звездным небом, луна выглядит выкованной куявскими мастерами, крыши блестят, будто после дождя: в этой части города покрыты серебром и золотом. Ведьма посматривала насмешливо, потом в ее глазах он уловил сочувствие, насторожился.

— Теперь скажешь, куда идем? — потребовал он.

— Во-о-он там перекресток, — ответила она, — ви-

дишь?.. Если идти прямо, ты увидишь большой богатый дом. Очень богатый. Сегодня, как и вчера, в этот дом придет один человек... Тайком, как вор.

— Мне его остановить? — спросил он и вскинул руку, чтобы коснуться рукояти топора. Лунный свет красиво высветил могучие мышцы.

— Да, — ответила она, добавила поспешно: — Но не то, что ты думаешь... Не обязательно сражаться, драться, даже ссориться.

— А что же?

— Просто взгляни, — повторила она настойчиво. — Он будет в таком же плаще с капюшоном, как и я. Сорви с него капюшон, посмотри в его лицо. Только и всего.

— Он колдун?

— Да нет же, — ответила она терпеливо. — Тебе ничего не грозит. Мы знаем, кто это. Но хотим, чтобы узнал и ты.

Придон сказал рассерженно:

— Ничего не понимаю. Так скажи! Незачем вот так ночью...

— Ты не поверишь, — ответила она коротко. Хлопнула его по широкой спине. — Все, иди сам! Затаись в тени, он скоро появится.

Она остановилась, Придон сделал по инерции шаг, повернулся, ее тонкая фигура задрожала и растворилась в ночном воздухе. Рассерженный и встревоженный, он оглядывался, прислушивался к каждому шороху. Затаился в тени, чувствуя себя глупо, не по-артански прятаться. Разве что убедить себя, что в боевой засаде...

На том конце улицы показался человек. Двигался по темной стороне улицы, горбился, явно стараясь не привлекать внимания, хотя ночью кто на него будет пялиться. Ко всему еще и широкий капюшон надвинул так, что выглядывает только подбородок.

Когда человек приблизился и показался на освещенном лунным светом пространстве, Придон успел заметить, что подбородок широк и тяжел, выдвинут вперед, раздвоенный строго посредине. Если бы не этот надменный под-

бородак, так и вызывающий на ссору, Придон, может быть, пропустил бы мимо, показалось вдруг глупо хватать кого-то из темноты, но подбородок, подбородок...

Ноги как подбросили его от земли, он выпрыгнул из тени и заступил незнакомцу дорогу. Тот от неожиданности отпрянул, рука метнулась к поясу. Два ножа одновременно блеснули в призрачном лунном свете.

Незнакомец вскрикнул:

— Придон?

Придон вздрогнул, голос чересчур знаком, но почему здесь, ноги сами сделали шаг навстречу, а свободная рука отбросила капюшон с головы чужака, не обращая внимания на острие ножа у своего живота.

На него с великим изумлением смотрел... Скилл. Еще с большим изумлением и страхом воззрился Придон. Его старший брат, в которого он влюблен, как в сильного и могучего отца, в куявском плаще, под плащом пышная куявская одежда. Даже сапоги куявские: из тонко выделанной кожи, мягкие, удобные, легкие...

Скилл вскрикнул:

— Придон!.. Ты?

— Я, — ответил Придон. — Но ты... разве это ты?

Скилл запнулся с ответом, в глазах не то метнулся страх, не то проскользнуло нечто неуловимое, чего раньше в Скилле не замечалось.

— Я, — ответил Скилл с усилием. — Что ты делаешь здесь?

— Ты знаешь.

— Я имею в виду... здесь, у этого дома. Да еще ночью, как вор.

Придон сказал с горечью:

— Это я как вор? Скилл, а что здесь делаешь ты?

По обнаженной коже прокатилась холодная волна. В животе стало тяжело и холодно, а в сердце возникло тягостное ощущение близкой и неотвратимой беды.

— Я здесь... — начал Скилл. Он снова запнулся, Придон со щемом видел на обычно каменном лице старшего

брата непривычное колебание, сомнение, даже тень страха, что вообще представить было немыслимо. — Придон, ты не поймешь...

Придон наконец обратил внимание, что держит в другой руке нож, сунул в ножны. Пальцы вздрагивали.

— Все же объясни, — потребовал он. — Пока я вижу, что мой брат — предатель! Он переоделся в одежду врага, тайком ходит на встречи к врагу. Что он рассказывает — не знаю. Но что предает — вижу.

Скилл молчал, голова опускалась все ниже. Придон с болью и раскаянием видел, что старший брат, которого он боготворил, ищет слова и не может найти.

— Ты предал Артанию, — сказал он так, что сердце лопнуло, из ран брызнула горячая кровь. — Ты предал наших богов! Ты предал нашу доблесть, нашу честь, наше достоинство. Ты должен умереть, Скилл.

Скилл ответил, не поднимая головы:

— Если ты можешь меня убить, Придон, — убей. Может быть, я в самом деле заслужил... Не знаю. Раньше мне было все ясно, как и тебе. Но не теперь, не теперь... Если можешь, давай зайдем вон в тот дом. А потом ты можешь убить меня. Я сам подставлю тебе горло.

Страшная буря в груди, что терзала Придона, едва позволила услышать его слова. Без слов, без чувств он пошел за братом. Так же безмолвно, не понимая, что делает, следом за ним перемахнул через высокий забор, прошли в тени к боковой калитке для слуг. Сердце Придона снова облилось кровью: как низко пал его брат — здесь ходят рабы, слуги, челядь! Ни один артанин, даже самого низкого рождения, не позволит себе зайти с черного хода.

Скилл постучал с интервалами, за дверью послышались шаги. Дверь распахнулась, Придон уловил, как в полутьме замаячил и стал приближаться женский силуэт. В правой руке женщина несла разгорающийся факел.

Не видя затаившегося Придона, женщина бросилась к Скиллу, обняла свободной рукой за шею... Первым безумным порывом Придона было выскочить из тени и вонзить

нож в обоих. Он скрежетал зубами, пот выступил на лбу и потек в глаза ядовитыми струйками.

Он видел, как Скилл осторожно отстранил женщину, сказал ей тихонько:

— Прости, но наша тайна раскрыта... Придон, заходи.

Не убирая ладони с рукояти ножа, Придон вступил в полосу света. Женщина ахнула, тонкая рука задрожала. Скилл поспешно перехватил факел, обернулся к брату.

Женщина в ужасе смотрела на обнаженного до пояса мускулистого артанина. В лице его она увидела смерть. Беспощадную, неумолимую. Глаза смотрят с ненавистью, пальцы на рукояти ножа вздрагивают от напряжения.

— Войди в дом, Придон, — сказал Скилл. — А потом мы в твоих руках.

— Вы уже сейчас в моих руках, — процедил Придон. — А рука моя — карающая рука моей родины!

Скилл молча повел через плохо освещенное помещение, дальше пошли богатые комнаты. Светильники бросали мягкий свет на изящные статуи из белого мрамора, из стен выступали красивые барельефы.

Потом поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Скилл шел молча, не оглядываясь, ненужный факел рассыпал красные трепещущие искры. Широкие медные светильники давали чистый ровный и спокойный свет.

На втором этаже оказались в широком зале, откуда три двери в разные стороны. Скилл наконец загасил факел, пошел прямо. Придон чувствовал, что устрешенная женщина идет следом. Странно, даже не пытается позвать на помощь слуг, охрану, в таком доме должно быть немало воинов.

Эта комната оказалась небольшой, уютной. Поваяло чем-то давно забытым. Придон повернулся и сразу увидел у самой стены детскую кровать. В нем, прикрытый одеялом до подбородка, спал мальчишка.

Скилл приблизился к кроватке. К изумлению и негодованию Придона, старший брат опустил на колени, нежно взял в огромную ладонь тонкие розовые пальчики. Подер-

жал, тихо коснулся губами, поднялся. Лицо оставалось бледным, в глазах блестели слезы.

Женщина подошла сзади, обняла нежно и ласково. Скилл сказал тихо поверх головы ребенка:

— Это мой сын, Придон. Теперь ты можешь убить нас всех.

Придон молчал, слишком оглушенный, чтобы даже шевелиться. Скилл выждал, но Придон не двигался, и Скилл, продолжая обнимать женщину, вывел ее из комнаты.

Придон вышел следом, машинально прикрыл дверь.

— Как это могло? — спросил он сдавленно. — Как ты мог? Ты же... артанин!

Скилл сел на роскошный диван, что так контрастировал с его грубым плащом простолюдина. Женщина опустилась рядом. На Придона она старалась не смотреть, по ее прекрасному, белому как мрамор лицу катились слезы, а влюбленный взгляд не отрывала от лица Скилла.

— Я был молод и свиреп, — произнес Скилл тихо. — Я знал только кровавые забавы, любил свист стрел и звон оружия. Треск пожаров и крики умирающих врагов были моей самой сладкой музыкой. Но когда я встретил Валенсию, меня поразило святое безумие!.. Я бросил все, я ушел тайком в Куявию, я сумел завоевать ее любовь... Но все было тайно, ибо наши страны воевали, и о муже из Артании нельзя было и подумать. Затем однажды я получил от нее письмо, что она решила выйти замуж за бера Гицула, знатного вельможу, могущественного своей родней, богатствами и землями. Я обезумел от ревности, метнулся к ее дому, но ее уже и след простыл!..

Женщина вздрагивала и прижималась к груди Скилла. Для Придона было яснее ясного, все куявы — грязные продажные твари, а Скилл продолжал глухо, и лютая мука звучала в его тихом голосе:

— И тогда я проклял ее, проклял женскую неверность, проклял все!.. И снова возглавил отряд самых свирепых воинов. Снова совершал набеги, снова жег, убивал, уничтожал, разрушал без счета. Прошли годы, и вот однажды...

помнишь, мы ехали по этой же улице? Все эти годы этот богатый дом был заперт. Но тогда мне почудилось, что в нем живут люди... Вечером я снова поехал мимо этого дома, пока вы с Аснердом и Вяземайтом веселились в корчме. Да, в дом вернулись слуги, начали убирать, чистить, ремонтировать, приводить в порядок. Больше ничего я не увидел. Потом мы встречались с куявским тцаром, ты взялся отыскать меч... Словом, когда мы снарядили тебя и отправили с Олексой и Туром, я, как будто зачарованный, снова вскочил в седло и помчался в сторону Куявии. Наверное, я не только выглядел, но и был безумным... На этот раз я увидел среди слуг одного из старых, которые служили ей еще в те времена. Ты бы видел, с каким презрением он посмотрел на меня! Узнал, посмотрел и отвернулся! Этот жалкий куяв!.. Как я не убил его сразу, не понимаю... Наверное, потому, что ошалел от такой наглости слуги, который к тому же не просто слуга, а еще и вечно трусливый куяв. Схватил его, потрянул, прорычал, что сейчас распорю его, как хозяйка распарывает на столе жирную рыбу... А ты знаешь, что этот трус, этот слуга и — хуже всего, куяв! — мне ответил?

В тихом голосе Скилла звучал страшный крик, который мог бы рушить стены. Женщина вздохнула, прижалась крепче.

— Он мне ответил, — продолжил Скилл мертвым голосом. — Он мне ответил... Я никогда не забуду, что ответил мне старый жалкий куяв. Он сказал мне в лицо, что иного не ждет от труса и подлеца, который позорно бросил его госпожу, соблазнившись на деньги какой-то там дочки мелкого вождя горного племени!

Женщина вздрогнула, ее руки вцепились в Скилла крепче, словно боялась потерять его снова.

— Я все понял сразу, — прошептал Скилл. — Понял, какой я был дурак... Я тогда верил людям. Просто верил. А какой-то мерзавец, какой-то... он составил подложные письма: ей от меня, что бросаю ради другой, а мне сообщили, что она вышла замуж за этого бера... На всякий случай ее в самом деле увезли в другой конец страны. Там к ней

несколько раз приезжали «свидетели», рассказывали, как я счастливо живу со своей женой. Она все равно не сдавалась, много раз посылала ко мне людей с письмами, чтобы объясниться, умоляла меня не бросать ее...

Голос его прервался, из широко раскрытых глаз потекли слезы. Придон замер, впервые видел, чтобы его железный брат плакал. А слезы все бежали и бежали.

— Она умоляла не бросать ее, — выговорил Скилл чужим голосом, тот дрожал и прерывался, — а я метался по Степи и слал ей страшнейшие проклятия за ее измену, за ее черное сердце, за ее....

Женщина вздрогнула, впервые Придон услышал ее голос, тихий, но исполненный силы и нежности:

— Не надо вспоминать. Мы снова вместе. Теперь даже смерть нас не разлучит.

Скилл замолчал, рифленые желваки выступили остро, зло, а в глазах полыхнула безумная ненависть. Придон и сам сжимал кулаки: если бы попался тот, кто проделал с его братом такое, рвал бы голыми руками на куски.

— Словом, — закончил Скилл погасшим голосом, — годы шли. Ее сумели выдать замуж. За богатого и знатного человека. За достойного. У нее уже был ребенок... мой ребенок, но тот человек принял его как сына. И воспитывал как сына. Так жили несколько лет... Но ее муж был тяжело ранен в схватке с горными племенами, проболел год и умер. Тогда она решила вернуться в свой старый дом. Ее удерживали, после смерти мужа все его владения принадлежат ей, там богаче и зажиточнее, но она, как будто ведомая рукой богини, сперва прислала в Куябу слуг подготовить дом, потом приехала и сама... Вот и вся моя история, брат. Я артанин, потому не могу явиться открыто. Я старший сын тцара, я — наследник трона, потому не могу взять в жену куявку, это либо вызовет восстание, либо недовольство в войсках... Но я еще и человек, брат мой! Потому я прихожу сюда, прихожу тайком. Здесь единственная женщина, которая владеет моим сердцем. А теперь еще и мать моего сына. И сын... Ты видел, какой богатырь?

ГЛАВА 5

Утром он тщательно скоблил острым ножом щеки и подбородок перед огромным зеркалом, настолько ясным, что протягивал руку, чтобы потрогать стоящего в глубине человека. Всякий раз пальцы натывались на пальцы двойника. Дважды он пытался обмануть его, делал ложные выпады, но как ни хитрил, двойник успевал повторить каждое движение.

Однако в глубине души оставалось неясное чувство, что если он сумел бы двигаться быстрее, то двойник не успел бы, не успел...

И вот сейчас он скоблил щетину на щеках и подбородке, всматривался в суровое мужественное лицо двойника. Все то же, что видел в прошлый раз, только на скуле крохотный белый шрамик да над переносицей появилась продольная морщинка. Из-за нее он сам кажется себе задумавшимся, но пусть задумываются волхвы и маги, а воины должны жадно тянуться к топору, лицо же подставлять ветру и надвигающемуся простору!

Явился слуга, сказал с поклоном:

— Доблестного героя ждут в обеденном зале...

Придон встрепенулс:

— Тцар приехал?

Слуга развел руками:

— Еще нет. Но ждем сегодня. Что поставить на стол к вашему приходу?

— Ничего, — ответил Придон решительно. — Неси сюда. Я поем здесь.

Слуга развел руками, на лице проступило огорчение, словно был очень даже заинтересован вывести артанина и посадить за общий стол, но спорить не посмел, удалился.

Придон поплескал в лицо водой, вытерся, в это время дверь отворилась, трое слуг с широкими подносами начали перегружать еду на его стол. Лица бесстрастные, но в глазах удивление, ведь герой мог бы, пользуясь случаем, за общим

столом завести новых знакомых, укрепить старые связи, завести новые...

Придон перевел дух, опасался, что возникнут сложности. Кто этих куявов знает, а то и вовсе есть не дадут. Мысли перескочили к Скиллу, но тут же, словно ударившись о раскаленную наковальню, отпрыгнули. Если думать, надо что-то решать, а что — непонятно. Пусть разбираются сами. Скилл — старший. Он умный, мудрый, рассудительный. Разве не признался Аснерд, что все походы в Куявию отважные артанские удалыцы совершают даже не ради злата, а из-за куявских красавиц? Это их стараются все похитить, увезти, добыть...

Пусть Скилл выпутывается сам. Ему даже труднее, чем ему, Придону. Здесь он добивается Итании открыто. И получит ее под обозленные крики куявов при всех. Вскинет на седло и увезет, как богатую добычу. Открыто, при всех.

Больше половины того, что переставили ему на стол, он не знал. Пахло одуряющее. Но не по-артански ублажать себя едой, и он просто ел все это благоуханное, даже жрал — с хрустящими корочками, запеченное, изысканное, созданное ценой огромных усилий и соблюдения сложнейших рецептов, жрал... как если бы складывал в желудок наспех зажаренное на костре мясо оленя.

Напитков и настоев ему принесли на выбор в десятках кувшинах. Он приняхался, отыскал со знакомым запахом, остальное жестом велел унести.

Нет артанина, кто после сытного завтрака не ощутил бы себя готовым лихо вскочить на коня и ринуться навстречу звону клинков, крику воинов и конскому ржанию, — это куявы после завтрака, обеда и даже ужина норовят поспать или обжудить друг друга. Придон отодвинул стол с пустым кувшином и кубком и вскоре вышел в общий зал.

В зале то ли ждут Тулея, то ли здесь вроде деревенского колодца, где женщины собираются посплетничать: шушукуются группами у стен, прохаживаются по двое из конца в конец, раскланиваются, точно отмеривая кому небрежный

кивок, кому умеренный поклон, а кому и такой, что голова едва не стучается о колени.

Он расправил плечи, молодая кожа блещет здоровьем, поправил перевязь с драгоценными ножнами и медленно двинулся через зал. Плечи взбугрил и слегка подрастопырил, чтобы выглядеть страшнее, таких всегда сторонятся. Придворные шушукались, их глаза осторожно поблескивали, как у затаившихся в норках мелких паучков. Его запомнили хорошо еще с первого появления, теперь шепотом сообщали друг другу, он слышал, что ножны достались варвару нелегко: исхудал, потемнел, морда вся заострилась и стала как у хищного волка. Скулы едва не прорывают кожу, не к добру, глаза ввалились, это еще хуже, на подбородке добавился шрам — еще багровый, со вздутыми краями. Таких бы вообще во дворец не допускать, такие пусть на границах, защищают рубежи и наш сытый покой...

По второму ярусу, где могли находиться только особы царской семьи или же специально отправленные туда лучники, медленно двигалась Иргильда. Лицо ее оставалось бледным и бесстрастным, только в глазах время от времени вспыхивали искры раздражения, а щека нервно дергалась.

— Мне кажется, — заметила она с недобрый удовольствием, — он не жилец на этом свете. Какой-то он весь... несчастный.

К перилам старалась не подходить слишком близко: страшилась высоты, к тому же из глубокой тени, неузнанной, проще замечать на лицах придворных те выражения, которые человек допускает только наедине с собой или в полной уверенности, что его никто не видит.

За ней, стараясь держаться поближе, двигались тесной группкой целый ворох женщин и оба мага. Горасвильд явно гордился возможностью стоять рядом с Иргильдой, старый Барвник явно тяготился, но, пока цар отсутствует, кто смеет отказать в желании жены царя сопровождать ее на прогулках? Сейчас он проводил задумчивым взглядом прямую спину с широкими плечами. Поперек косых мышц багровеет свежий шрам, чересчур близко к спинному хреб-

ту. В глазах вызов и отчаяние, мрачная решимость драться со всем светом.

— Несчастный? — переспросил он задумчиво. — Не скажите, Ваше Величество...

Иргильда фыркнула:

— Да ты посмотри на него!

— Свойство любви в том, Ваше Величество, — осторожно сказал Барвник, — что она дает благо именно тому, кто ее испытывает...

Иргильда нахмурилась, голос ее прозвучал брезгливо:

— Что-то говоришь непонятно.

Маг поклонился, сказал смиренно:

— Простите, Ваше Величество. Я привык разговаривать с тцаром, а он меня понимает.

Она фыркнула, ушла в сопровождении фрейлин и Горасвильда. Барвник с непонятым выражением смотрел вслед. Когда никого не оказалось вблизи, с губ его сорвалось горькое:

— Что знает о любви тот, кто не презирал именно того, кого любил?

А Придон двигался через зал, почти ничего не видя перед собой. Перед глазами непрошено появилось и не хотело исчезать счастливое лицо Скилла. Таким он никогда не видел сурового брата. В глубине черных глаз, где он всегда видел готовность подраться, вступить в схватку, сломить противника, в глубине черных, как поспевшие ягоды терна, глаз, в которых всегда готово вспыхнуть бешенство воина, вчера он видел дивный чистый свет!

Это не портило брата, еще как не портило. Он стал еще выше, сильнее, краше, теперь похож на спокойного уверенного в себе бога воинских забав. Но ведь с Куявией не то что воюют, но... Нет, и это не то. При чем тут воюют или не воюют. Но та женщина — знатного рода, у нее здесь дворец, слуги... Тайком не увезешь, знатные люди у всех на виду...

Он едва не сбил с ног Череву. Тот отскочил, ухватил за рукав.

— Куда прешь? У меня для тебя новость.

— Ну?

— Тцар возвращается. Уже прискакали гонцы, велят к его появлению готовить ванну с горячей водой, собрать на стол.

— Итания? — выдохнул Придон.

— Будет вот-вот, — сообщил Череву довольно. — Сперва ванна, пир, потом пообщаемся. А ты куда?

Придон признался с бьющимся сердцем:

— Хочу просто поговорить со старым магом. Тем, который однорукий. Он должен знать много... А мне так хочется узнать о волшебном оружии, о зачарованных конях...

Череву похлопал себя по животу. Придон ожидал, что снова о пирах и забавах, но бер вдруг посерьезнел, сказал очень задумчиво:

— Волшебное оружие, зачарованные кони... В самом деле, от той древней эпохи осталось много вещей... Гораздо больше, чем знают. Далеко не все волшебные, как думают! Ведь те древние люди пользовались и простыми чашками да кружками, сидели за простыми столами, а не только за волшебными. Но в то же время знаем, что у правителя земель Вантит есть дивная птица, перья как жар, а голос слаще меда. Кто слышит эту птицу, забывает все печали. Если человек твердо задумал себя лишиться жизни, стоит послушать эту птаху, он уходит с жаждой жить и трудиться. Еще у владыки горного княжества Барбусии, это клочок земли между нашей Куявией и вашей Артанией, есть чудесный конь, что может мчаться по воде, как другие кони скачут по земле. У северного вождя Тора есть необычный молот, что, куда бы тот его ни бросил, всегда возвращается к хозяину. Наш повелитель, когда был в гостях у Тора, попросил позволения бросить... так я ему потом вправлял кисть, когда он ловил летящий обратно. Знаем о копье, что пробивает любые стены. Таких копий, кстати, найдено четыре, и все испробованы на городской стене толщиной достаточной,

чтобы по верху прошли три солдата... Что еще? Знаем про чудесные ларцы, про мечи, жезлы — как из волшебных деревьев, так и простых, но зачарованных... Есть много видов разных браслетов, а уж колец так и вовсе видимо-невидимо! Понятно, их не снимают даже при купании или в постели с женщиной, так что всю мощь магии всегда старались воплотить в кольца... Все это собирать не пересобирать! Не на одно поколение героев хватит подвигов.

Голова Придона шла кругом, не думал, что на свете столько чудесного, необычного, что от мира дивов осталось так много.

Череву заметил его потрясение, сказал с усмешкой:

— Это еще что!.. А сколько от мира дивов осталось... нерукотворного? К примеру, на востоке отсюда в горах растет дерево, отведав сока которого в течение недели, человек...

Звонкие радостные звуки труб прервали его снисходительную речь. Через зал пробежали замешкавшиеся слуги. Кто-то на ходу напяливал красочную одежду с драконами на полах, кто-то на бегу надевал шапку с павлиньими перьями.

— Тцар прибыл, — выдохнул Череву. — Прости, мне надо идти. Тцара должны встречать самые знатные.

В голосе бера звучала и перехлестывалась через край гордость, он-де приобщен к числу этих самых-самых, но понятно же, что если кто-то из знатных и сильных не встретит, то, значит, считает себя равным, что-то замышляет, такого надо быстро в подвал, порасспрашивать, клещами сдирая кожу, а потом и на кол, даже если вина не доказана.

— Я с тобой, — сказал Придон твердо.

— Опять? — испугался Череву. Внезапно смягчился: — Ладно, дал слово — держи, а не дал — полезай в кузов! Пойдем, теперь уже голову не срубят.

Иргильда брезгливо морщилась, народ слишком уж радостной толпой валит из дворца к дороге. Подумаешь, зрелище: тцар возвращается с охоты! Барвник тоже двинулся

было в ту сторону, но Иргильда произнесла железным голосом:

— Куда?

Барвник пожал плечами:

— Встречать тцара и повелителя...

— Наш супруг повелел вам, — сказала Иргильда с нажимом, — в свое отсутствие служить мне.

— Но он же...

— Еще не прибыл, — отрезала она. — Извольте быть! Да-да, быть на месте.

Она указала пальцем на место, что очень напоминало место у порога, на которое указывают взятому в дом из жалости приبلудному псу.

А молодой Горасвильд засмеялся.

— Он хотел присоединиться к этим двум! Вы только посмотрите...

Им сверху было видно, как в пестрой толпе, возвышаясь на голову, двигается могучий артанин. Голый до пояса, он резко выделялся, как ростом и могучим сложением, так и свирепой красотой дикого зверя: блестящая здоровая кожа, бугристые от мускулов спина и плечи, иссиня-черные волосы, туго перехваченные металлическим обручем.

Артанин раздвигал народ, как бык раздвигает стадо овец, даже не замечая сопротивления, а за ним спешил человек в пестрой одежде.

— Это ж Череве, — воскликнул молодой Горасвильд. — Что-то слишком близко сдружился! А раньше артан ненавидел.

Барвник заметил хмуро:

— Он и сейчас ненавидит. Но этого варвара трудно не уважать. Даже не любить... трудно. Он благороден, даже если это идет ему во вред. Я не могу представить на его месте куява.

Иргильда несказанно удивилась.

— Вы, маг тцара, сказали слово в защиту этого... сумасшедшего артанина? Или мне послышалось?

Наступила зловещая тишина. Из-за спины Иргильды

светильник бросал искорки в глаза, оставляя лицо Иргильды в тени. Барвник бросил быстрый взгляд по сторонам. Тцара нет, здесь все сторонники Иргильды. Он вздохнул, плечи опустились, растянул губы в примирительной улыбке.

— Людей безрассудных, — ответил он почти извиняющимся голосом, — больше, чем мудрецов.

— Это верно, — произнесла Иргильда холодно. — Это верно.

— Но даже в мудреце, — добавил он, — безрассудства больше, чем мудрости.

Иргильда милостиво улыбнулась, принимая победу, все зашущукались, задвигались, заулыбались — умные, рассудительные, никогда-никогда не допускавшие не то что безумств, но даже опрометчивых поступков. Даже пошупочков. Хорошие правильные люди. Куявы.

Барвник опустил взгляд. Ладно, это честь можно продать только раз, а он все-таки куяв, продает умение, а его можно продавать и продавать. И перестать стыдиться, что — куяв.

Придон протолкался между слуг и челяди, пока не уперся в спины стражи. С той стороны дороги такие же парни в железе и с копьями в руках сдерживают напор любопытствующих горожан. Проход для тцара оставили широкий, семеро всадников проедут стремя в стремя. Придон видел веселые лица, для всех проезд тцара и его свиты — праздник, злых взглядов не заметил, живут тут сравнительно счастливо.

Снова протрубили трубы. Впереди на конях показались знатные беричи, очень гордые, наряженные как петухи, и не рассмотреть, если ли мускулы или же в нужных местах подложены тряпки, кони тоже разукрашены, рябит в глазах, стоя мотыльков, а не тцар с самыми мудрыми и сильными.

Тулей восседал на коне грузно, милостиво улыбался в ответ на ликующие крики, наклонял голову. Даже пару раз

вяло вскинул руку. Под глазами мешки, лицо обвисло. Как ни хорохорься, а ночевки в лесу даются не так легко, как тридцать лет тому.

За тцаром снова человек сорок на конях, а затем... сердце Придона застучало так, что испугался, как бы бедное не расшиблось о тесную клетку ребер. Голубые легкие носилки несут четверо дюжих рабов, верх украшен серебряными рыбками, занавески задернуты, тонкие полупрозрачные занавески, из-за которых можно рассматривать мир, самому оставаясь не увиденным.

Носилки поравнялись с местом, где стоял Придон. Он задержал дыхание, душа выпорхнула из тела и ринулась туда, вовнутрь... Занавески колыхнулись, тонкие пальцы слегка отодвинули, Придон увидел половинку чистого нежного лица, один глаз под удивленно вздернутой бровью.

Тут же занавеска опустилась. Носильщики едва не бежали, предвкушая скорый пир. Толпа тоже колыхнулась и потекла вслед за красочной процессией. Придон стоял, как вбитый в землю обломок скалы. В черепае радостный рев, грохот, дивы бьют в барабаны и орут: она тебя заметила! Она посмотрела! Она даже занавеску отодвинула, чтобы убедиться, что это он, тот самый, который...

Тот самый, повторил он про себя. Который. Да, тот самый и который! Ты права, божественная Итания. Я — тот самый, который...

Череве появился довольный, лоснящийся, лысина блестя, как яйцо огромной птицы. Щеки колыхались, словно студень из молодой телятины.

— Вот видишь, — сообщил он доверительно, — быстро только раки зимуют!.. А мы все не спеша, полегоньку... Тцар отдохнет малость, выслушает, кто кому за время его отсутствия на ногу наступил, а потом и тебя примет!

Придон стиснул челюсти. Все понятно, тцар выдерживает, чтобы не зазнавался, знал свое место. Вряд ли он о таком забыл: добыть меч самого бога Хорса, отдать дочь в чужие руки! Хотя, может быть, в самом деле надо сперва разо-

браться с мелочами, кто кого удавил в его отсутствие в спальне тцара, а потом уже заниматься более интересным.

Череву наблюдал за прояснившимся лицом, сказал со значением:

— Тцар позволил показать тебе его сокровищницу.

— Да зачем это мне? — отмахнулся Придон.

— Не говори гоп, — ответил Череву значительно, — коли рожа крива. Это знак величайшего доверия! Думаешь, всякому покажут такое? Я сам только однажды был допущен! Да-да, мне было дозволено лицезреть...

— Мне неинтересно, — сказал Придон.

— Да что с тобой? — сказал Череву. — Такое выпадает раз в жизни!

Он провел Придона, им обоим кланялись, Череву — как знатному беру, Придону — как опасному герою, через залы, все ниже и ниже, пока не оказались в полутемных и зловещих подземельях. Но стены выложены хорошими плитами, светильники — из толстой старой меди, под ногами между широкими каменными плитами не просунуть лезвие ножа.

Двое стражей с факелами пошли впереди, зажигая по дороге светильники. Каменные ступеньки вели вниз, потом еще и еще. Обычно внизу сыро и мрачно, но здесь сухо, от факелов бодрящий красный свет, от трепещущих огоньков в медных чашах — яркий оранжевый.

Наконец впереди показалась и начала приближаться широкая дверь из темного металла. Головы драконов выступают как будто живые, только чуть задремали, но рубиновые глаза приоткрыты, зубы предостерегающе оскалены.

Череву проделал что-то с дверью, нажимал, поглаживал, постукивал, шептал, та не отворилась, как ожидал Придон, а всей толстой створкой въехала в каменную стенку. Череву шагнул, сделал Придону знак подойти, дверь за их спинами так же бесшумно вылезла из стены и краем вдвинулась в узкую щель на противоположной. Вошла так, что Придон с трудом мог отыскать зазор.

Вспыхнул свет. Яркий, солнечный. Придон прижму-

рился, они в огромном зале, все как будто залито золотым огнем с неба.

— Магия... — проговорил он с трудом.

— Она самая, — подтвердил Черевое, хохотнул. — Но самое смешное...

— Что?

— Никто не знает, даже Барвник, откуда свет.

— Почему?

— Здесь собрано много разных вещей, сам смотри...

Придон повел глазами по огромному пространству зала. Дух перехватило при виде сундуков с драгоценностями, огромных чаш, доверху заполненных золотыми монетами или редкими камнями, доспехов, дивного оружия.

На широких столах, сделанных нарочито для показа сокровищ, тускло блестят кубки из неизвестного металла. Стен не видно из-за щитов, топоров, мечей, копий, распятых кольчуг и доспехов, начиная от простых кожаных и кончая цельноковаными латами. Простые, как понял Придон, либо принадлежали великим героям, за то им такой почет, либо не простые, не простые... Как и вон тот вроде бы обычный меч грубойковки деревенского кузнеца, на лезвии следы молота, но висит повыше тщательно отделанных мечей хорошей стали, с украшенными золотом и драгоценными камешками рукоятями.

Черевое хмурился, недовольно сопел. Артанин даже не повел глазом в сторону драгоценных одежд, что принадлежали великим тцарам, не замечает короны, их изготавливали лучшие ювелиры, на эти короны идет лучшее золото, туда вставляют самые драгоценные из камней, ибо корона — зримое величие и богатство правителя, но артанин... эх, эти артане!... смотрит только на оружие.

Придон в самом деле чувствовал, что дыхание учащается, а кровь струится чаще, когда взор падает на боевые топоры, мечи, копья, богатырские луки. Даже сейчас учащается, когда сердце полно тоской и нежностью к Итании, а раньше так вообще бы сошел с ума, позабыл бы сдержан-

ность и невозмутимость артанина, хватал бы эти мечи и целовал лезвия...

Он с шумом вздохнул, мозг очистился. Всего лишь вещи, всего лишь вещи. Из блеска золотых вещей, ларцов с золотыми монетами, золотых кубков и чаш, проступило сияние чище, ярче, а в нем — прекрасное девичье лицо.

— Итания, — проговорил он таким горячим шепотом, что губы сразу обожгло, как огнем. — Итания...

— Что? — спросил Череве, не поняв.

Придон собрал размякшее лицо в каменную маску, голос прозвучал тверже:

— Уже полдень. Когда я буду говорить с Итанией?

Череве поперхнулся на полуслове. Оказывается, он что-то вещал. Наверное, о мощи и величии куявских тцаров. Глаза потемнели, лицо налилось нездоровой багровостью.

— Кто сказал, — спросил он визгливо, — что ты будешь говорить с нею?

— Но ты обещал...

— Я обещал, — подчеркнул Череве, — что постараюсь... постараюсь!... добиться, чтобы она тебя приняла уже сегодня. Ты узришь, что она здесь, во дворце. Ты это зрел еще там, на дороге, что она уже здесь. Может быть, тебе будет даже дозволено сказать ей несколько слов. Но я не обещал, что она тебе ответит! Тем более, никто не мог пообещать такую дерзость, что ты будешь говорить с нею!

Придон возразил горячо:

— Но если я буду говорить, она что, не ответит?

— Может быть, — сказал Череве, — ответит. Может быть, нет. Кто знает женщин? Я, к примеру, не знаю. И даже не пытаюсь узнать. Зачем? Мне так жить легче. Я не хочу заглядывать в те бездны, которые у них в душах... если у женщин есть души. Вот у нас, мужчин, есть. Даже у наших коней есть! Большие и верные души. У собак есть — чистые, преданные, любящие. Но вот у женщин... гм... Ладно, пойдем, это еще не все!

Придон двинулся следом, в конце зала такая же дверь

из металла, Череве поколдовал, дверь втянулась в щель, как морда улитки, дальше еще один зал, чуть поменьше, и, судя по торжественности бера, здесь уже только волшебные вещи, амулеты. Потом еще зал, еще и еще...

В самом последнем Череве остановился, обвел все пространство руками.

— Здесь собрано... которое... словом, непонятно, что оно за и для чего. Тулей сюда даже Барвника пускает не иначе как при себе, чтобы тот чего-то не узнал раньше его, великого тцара. Не понимаешь почему?

— Не понимаю, — ответил Придон равнодушно.

— Здесь может лежать ключ к абсолютной власти над людьми, зверьми и демонами! А это самое большое сокровище на всем белом свете...

Придон фыркнул.

— Богатство? Да вы даже не знаете, как пользоваться тем, что уже в залах!

— Когда-нибудь узнаем, — ответил Череве серьезно. — А пока могу добавить, что все это... весь этот зал и все, что выше, когда-то достанутся тому...

Он умолк, пауза затянулась, Придон сказал раздраженно:

— Не тyani, я не куяв!

— Вижу, увy. Достанется тому, кому достанется несравненная Итания.

Он пытливо вглядывался в лицо Придона, но там не дрогнул ни единый мускул. Артане умеют владеть собой, умеют, однако же Придон скользнул безразличным взором по волшебным вещам, ибо при упоминании Итании снова мир поблек, а все его сокровища потускнели. Если завладеет Итанией, что эти горсти песка в сравнении со сверкающей дивной жемчужиной?

— Тебя ничем не проймешь, — сказал Череве с досадой. — Ладно, я тебе такое покажу, что ни один еще не зрел...

Придон с видом полнейшего равнодушия пожал плечами:

— Ты думаешь удивить артанина?

— Думаю, удивлю, — ответил Черевое очень серьезно. —
Пойдем.

Он отодвинул огромный сундук, явно пустой, Черевое не выглядит силачом, потрогал стену. Оглянулся на Придона, тот понял, отвернулся. Черевое сопел долго, крихтел, даже ругался, наконец послышался скрип, в спину Придона потянуло холодным сырым воздухом.

— Пойдем, — послышался голос Черева.

Часть камней исчезла, в неровном проходе зияла чернота. Черевое вынул из медного кольца чашу светильника, первым шагнул, наклонив голову, в проем. Придону пришлось согнуться чуть ли не вдвое.

Комната совсем крохотная, почти чулан. И абсолютно пустая. Так почудилось Придону, но Черевое поднес светильник к левой стене, и Придон ощутил, что у него остановилось дыхание. На стене меч с длинным, абсолютно черным лезвием. Из стены торчат расплюснутые тяжелыми молотами шляпки массивных стальных штырей, рукоять меча прикована к этим штырям неимоверно толстыми и явно тяжелыми цепями. Такие же толстые цепи, драконов ими приковывали, что ли, прижимают к стене лезвие.

Черевое оглянулся, сказал с сарказмом:

— Ну что?.. Не удивил? Видел бы ты свою артанскую рылу сейчас!

— А почему... — начал Придон и умолк.

Цепи зазвенели. Меч рванулся, забился в путах. По черному лезвию пробежали искры, показались Придону звездами в безлунной ночи. Цепи натянулись, меч отпрянул к стене, прижался, а затем с силой рванулся снова. Цепи зазвенели громко и тревожно.

Черевое воскликнул:

— Да что это с ним?.. Я даже не слышал о таком!..

Придон медленно разжал губы:

— А я слышал.

Черевое попятился к пролому, глаза не отрывались от меча. Тот забился еще яростнее, цепи звенели непрерывно,

стучали кольцами, терлись, ударялись друг о друга и о камень стены. Брызнули первые искры.

— Уйдем отсюда, — проговорил Череве. Он побледнел, губы стали синими. — Уйдем... ох, зачем я тебе такое показал!

Придон сказал как можно равнодушнее:

— Уйдем так уйдем. Все-таки это меч, не топор.

Он прошел мимо Черева, не оглядываясь, тот закрывал секретный проход, придвигал сундук, наконец догнал, пошла плечо к плечу. Череве дышал тяжело, часто искоса поглядывал на Придона, наконец не вытерпел:

— Так что это за меч?

Придон скривил губы.

— Как можно хранить и не знать?

— У нас много чудесных вещей, — огрызнулся Череве. — Известно только, что этот меч обладает чудесной мощью. Рассекает все, как соломинку, будь то стальные доспехи, железный столб, каменная стена или гора, заколдованный щит... К тому же человек с этим мечом неуязвим для всех. Для людей, зверей, грозы, падающих с горы камней, стрел, мечей, топоров, копий... Что, этого мало?

Придон кивнул:

— Мало.

Череве вспыхнул, даже уши побагровели.

— А что же еще?

— Человек, у которого в руке этот меч, — ответил Придон ровным голосом, — станет властелином. Племена, провинции, страны, всего мира... чего захочет! Так что не звени ключами от тайн, не звени! Опасно.

Прошли довольно долго, Череве вдруг вздрогнул, остановился.

— И ты, — спросил он, глядя в глаза Придону, — не ухватился за этот меч?

Придон прошел надменно мимо, Череву пришлось догонять. Он сердито сопел, пыхтел, начал задыхаться от быстрой ходьбы. Уже когда поднялись наверх, Придон сжался, сказал высокомерно:

— Дурак ты, хоть и бер. Что мне весь мир, если в нем не будет Итании?.. А если я завоюю Итанию, то у меня будет весь мир... и намного больше. Еще не понял?

Череве посопел, сказал сердито:

— Нет, не понял. Зато понял, что наш тцар не совсем еще дурак. Он знает, перед кем можно таким бахвалиться... и не быть ограбленным.

ГЛАВА 6

В большом зале народу прибавилось, не протолкнуться от пышно одетых беров, беричей, разбогатевших песиглавцев. Время от времени слуги докладывали, что прибыл такой-то князь, а то и светлый князь, и тогда народ молчливо выстраивался в два ряда, почтительно кланялся знатным и родовитым, шепотом передавал друг другу сплетни, каким образом добыл богатство и мощь тот или иной мечник, хранитель или вотчинник.

Череве вполголоса объяснил, что это гости из соседних земель. Приехали, чтобы лишний раз выказать тцару свое почтение.

— А зачем? — спросил Придон.

— Что зачем? — не понял Череве.

— Зачем, говорю, что-то делать лишний раз? Когда лишнее, это плохо.

Череве поморщился, сказал с раздражением:

— А черт его знает, почему так! Не цепляйся к словам. Больно вы, артане, к словам чувствительные. Мы, куявы, привыкли к ним, как к стертой монете. Для нас уже нет свежести в словах, как в еде или одеждах. Просто будь как все. Скоро сообщат, что тцар изволит пригласить на пир в честь удачной охоты. А пока пей, что увидишь, ешь...

Слуги сновали с широкими подносами. То один гость брал либо чашу с вином, либо гроздь винограда, то другой, а слуга неслышно скользил дальше.

— А если охота была неудачной? — спросил Придон. Ему стало весело. — Все останутся голодными?

Череву даже отшатнулся:

— У тцара? Неудачная охота? Ну и шутники у вас в Ар-тании!

Подошла группа немолодых беров, поклонились Череву, сунули им по чаше с вином, ушли, переговариваясь медленно и важно. Холодный металл приятно остужал горячие пальцы. Вино колыхалось темное, похожее на кровь. Не пожадничали, налили до краев. Как только донесли, не расплескав. Впрочем, когда дело о еде и пьянстве, руки куявов никогда не дрожат, а сердца бьются отважно.

Он подержал чашу, поднял недобрый взгляд на Череву. Бер поморщился, пожал плечами. Для многих куявов есть только Куявия, не знают о других странах и народах... да и не хотят знать их богов и чужие обычаи.

Придон спросил:

— Хорошее вино?

— Самое лучшее! — заверил Череву. — Это чей дворец?

— Тцара Тулея...

— Ну вот! Как тут может быть не самое лучшее в мире вино?

Придон сунул ему в руки чашу.

— Держи! Пей.

Череву спросил с недоумением:

— А ты чего... Ах да, прости, забыл!.. У нас все пьют, тут скорее встретишь двухголового, чем непьющего. А вы, страна непьющих людей, для нас такая же диковинка, как дивы, летающие маги, призраки, оборотни... Но, говорят, вам в дороге можно... ну, не соблюдать обычаи?

— Надо соблюдать везде, — отрезал Придон, — где возможно. Где тцар, где Итания?

— Скоро выйдут, — ответил Череву. — Какой ты... нетерпеливый! Эй, принесите нашему дорогому герою что-нибудь их туземное... например, кумыса!

— Откуда у вас кумыс? — удивился Придон.

— У нас же Куявия, — напомнил Череву с гордостью.

- Ну и что?
- У нас есть все.
- Тогда настой гори-травы, — сообщил Придон.

В толпе началось завихрение, сразу несколько человек приняли участие в поисках дивного настоя для героя-артанина. Придон уже не верил, что принесут, хотя Череву уверял, что просто выбирают лучший, наконец толпа расступилась, к нему шли уже не слуги, а богато одетые люди. Один обеими руками нес полную чашу. Придон присмотрелся, этого, пышно одетого молодого красавца ему уже показывали, это наследник престола Вантита, доблестный Терпуг.

Придон еще издали уловил родной запах, ноздри жадно вздрогнули. Терпуг с поклоном протянул чашу, Придон взял, не меняя выражения лица. Когда он понес чашу к рту, на него жадно смотрели со всех сторон, а Терпуг даже затаил дыхание. В его глазах было: пей, ну пей же скорее!

Только Череву стоял спокойный, насмешливый, с гордостью во взгляде: у нас все нашлось, мы — молодцы. Даже если ты пьешь только птичье молоко, и оно отыщется в богатой и щедрой Куявии. Потом в его глазах появилось беспокойство. Взгляд пробежал по лицам, на лбу появились морщины. Он быстро взглянул на Придона, в глазах появилось неуверенное предостережение: не пил бы ты лучше свою гадость, а то что-то тревожное с этим...

Терпуг нервно сглотнул, губы плотно сжались. Глаза не отрывались от медного ободка чаши. А второй, что шел с ним плечо в плечо, а теперь стоит рядом, так и вовсе задержал дыхание. Во взгляде немой крик: да пей же, не тяни! Пей, это самый лучший настой гори-травы, его пьют правители земель, а ты — артанин, тебе поднесли, скорее пей, пока не отняли...

Предостерегающий холодок появился в желудке, словно гори-трава разом оказалась там. Придон помедлил, глядя на Череву, тот с каждым мгновением становился все озабоченнее, и на остальных. Сейчас бы отказаться, но как отказаться, покажешься трусом, не скажешь же вот так

вдруг, что даже настой гори-травы для него отравлен... а вдруг не отравлен, тогда вечный позор, тогда беги куда глаза глядят...

Он снова поднес чашу к губам. В глазах молодых вельмож стоит этот безмолвный крик, явно очень хотят, просто жаждут, чтобы он выпил.

В последний момент в ушах вдруг прозвучали слова Го-ришвета, он перехватил чашу другой рукой. Единственное, что он не сумел тогда снять и отдать Туру, кольцо на пальце, едва слышно царапнуло по меди. Он услышал, через силу улыбнулся. Холодный край коснулся губ, он сделал первый глоток. Настой слегка горчит, но это приятная горечь...

Вельможи смотрели жадно. Оба как набрали в грудь воздуха, так и застыли. Казалось, глаза провожают каждый глоток, от губ и по горлу с работающим кадыком, до самого желудка.

Придон, погибать так уж сразу, осушил чашу до дна. Он следил за их лицами краем глаза. Видел, оба расцветают, оживают, дело сделано. Когда он отнял чашу и глубоко вдохнул воздух, Терпуг воскликнул почти с неподдельным восторгом:

— Так пить умеют только дети Великой Артании!

— Да, — торопливо поддержал Черевое, но голос его был угрюмым. — До дна! Надо же, глотка... У быка меньше.

В отличие от Терпуга, он был раздражен и очень недоволен. Придону даже показалось, что сгорбился, не находит рукам места, начал оглядываться по сторонам, явно хочет на все махнуть рукой и уйти.

Придон вернул чашу Терпугу, сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Что-то горьковатый настой... Если с ним что-то не так, я сегодня же ночью за вами обоими приду.

Терпуг побледнел еще больше, отступил и постарался затеряться среди гостей. Но те стояли такой плотной толпой, что он уперся в них спиной, остановился вынужденно и под тяжелым взглядом Придона с явной натугой расхохотался.

— Горьковатое?.. Да нет слаже вина, кумыса или чего угодно, неважно, что делается в Куявии. Ты просто не понял, герой!

— Я не понял? — спросил Придон угрожающе.

— Ну, не все знают даже артане...

— Самый сладкий виноград растет в Артании, — прорычал Придон. — И самое сладкое молоко только в Артании.

Терпуг выставил ладони. Он с жадным вниманием вглядывался в лицо Придона.

— Доблестный герой, — ответил он с достоинством, громким голосом, — если ты полагаешь, что куявский виноград кислый, то мой меч — против твоего топора! Это тебя устроит?

Громкий голос привлек внимание. А когда услышали, что именно сказал Терпуг, толпа стала втрое больше. Придон на миг онемел от дерзости. Потом внезапно понял, ублюдок уверен, что он, Придон, не переживет эту ночь. Возможно, он уже сейчас должен пошатнуться, рухнуть на пол и задергать ногой. И пустить пену изо рта.

— Хорошо, — ответил он. — Все слышали?

Кто-то вскрикнул в тревоге:

— Доблестный герой, не слушай этого бахвала! Он просто много выпил!

Терпуг выпятил грудь.

— Это я много выпил? Я перепью, если захочу, и этого тупого артанского быка. Но завтра на рассвете мы скрестим свое оружие. И еще посмотрим, кто из нас мужчина!

Придон ощутил, что голоса в толпе разом умолкли. Даже те, кто стоял ко входу спиной, разом подобрались, надели на морды сладкие улыбки и повернулись, будто там стоит и смотрит на них сам тцар.

В дверях появился Щажард. Ему кланялись почти как самому тцару, лишь Придон посмотрел холодно и отвернулся. Впрочем, он не кланялся и самому тцару. А если и поклонится, если такое невероятное случится, то не тцару Куявии, а отцу Итании.

Он чувствовал, как острый взгляд побуравил ему голые лопатки, но у артан кожа прочнее, чем у горных туров, и острое, затупившись, а то и обломившись, сгнуло.

— Вѣликий тцар, — прозвучал холодный властный голос Щажарда, — изволит разрешить почтенным гостям войти в тронный зал.

Почтенные гости, как стадо овец, хлынули к распахнутым дверям. Придон не понял, зачем такая спешка, ведь тцар наверняка появится последним, но Череве ухватил за руку, потащил. В тронном зале пышно одетые слуги не давали приближаться к трону слишком близко. Придон понял, что все торопились, чтобы успеть занять передние ряды.

За столами звенели ножи, стучали ложки, гости состязались, кто провозгласит тост за здоровье тцара поцветистее и вычурнее. Тулей сидел довольный, уже сытый, взрыгивающий, но Придон чувствовал, как его взгляд то и дело останавливается на нем, артанине. Щажард наклонился к уху Тулея, что-то прошептал. Тцар покачал головой, указал на Придона. Щажард поморщился, Придон видел, каких усилий стоило ему выдавить улыбку, затем управляющий негромко хлопнул в ладоши, и, Придон не поверил своим ушам, в огромном зале мгновенно воцарилась мертвая тишина, а все замерли, словно превратились в каменные статуи.

— А теперь, — сказал Щажард громко, — великий тцар желает, чтобы все видели, что для сильных и отважных преград нет! По воле великого тцара доблестный герой Придон... вот он сидит, отправился в Лихие Земли, где совершил множество подвигов, перебил тысячи дивов и... отыскал ножны божественного меча самого Хорса!

Тцар милостиво улыбнулся и хлопнул в ладоши. Гости встали и, стоя, тоже хлопали в ладоши. Нестройно, по-овечьи, не так, как ритмично хлопают воины, приглашая на огненный танец с кинжалами.

Черта с два, подумал Придон хмуро, я добывал ножны по воле вашего куявского тцара. Я добывал по собственной воле, ибо именно я сам возжелал добыть для себя божественную Итанию. А за нее готов добыть не только обломки меча, а хоть самую бороду любого из ваших куявских богов.

Он поднялся, плечи расправились сами, а подбородок вызывающе поднялся. Он чувствовал, что силен и красив, и очень хотелось, чтобы в этот момент, когда все хлопают и смотрят с восторгом и завистью, его увидела Итания.

Тцар вскинул руку, шум стих, как будто отрубило ударом топора. Тцар сказал властно:

— Придон, я вижу, ты не расстаешься с ножнами?

Придон с достоинством поклонился. Не как тцару, а как старшему по возрасту, и успел заметить, что это заметил, понял, правильно оценил и оттого зло нахмурился Щажард.

— Я добывал их для тебя, — ответил он спокойно, — тцар!.. И не хотел, чтобы чьи-то лапы трогали то, что отныне принадлежит тебе.

Тулей довольно улыбнулся. Придон видел, как глаза тцара быстро зыркнули по сторонам, заметили или нет, что варвар сам признал, что ножны отныне принадлежат ему, а это значит, что и сам артанин у него на службе, но черт с ним, пусть истолковывает как хочет, эти ножны и в самом деле принадлежат ему как выкуп за Итанию. Еще ему уже принадлежит рукоять, а также лезвие. А потом он отдаст Итанию, и Придон свободен от того, что здесь понимают как службу...

— Покажи, — велел тцар.

Придон неспешно снял перевязь. За это время так привык к ножнам, что стали как частью одежды. Нет, даже кожи. За спиной тцара появился старый однорукий маг, Придон перехватил пронизывающий взгляд, что-то пошептал Тулею на ухо. С другой стороны ревниво вытянул короткую шею Щажард.

Тцар протянул руку, Придон покачал головой:

— Нет... Если стол крепок, я положу.

Все затаили дыхание. Тулей буркнул:

— Клади.

Придон снял перевязь, мышцы двигались и перекачивались под чистой, процелованной солнцем кожей, ну почему Итания его сейчас не видит, все взгляды прикованы к его замедленным движениям, вот ножны осторожно опустил на стол, с толстыми дубовыми ножками, узкая щель для лезвия меча зияет, как ночное небо... затрещало, стол просел, заметно прогнулся.

Тулей вытарашил глаза, за его спиной ахнул Барвник. Стол напоминал силача, что принял на плечи огромный вес и, покраснев и напрягая мышцы, удерживает изо всех сил, пусть все увидят, оценят, запомнят.

Треск повторился, от ножки с сухим щелчком отлетела белая щепка. Барвник вскрикнул:

— Быстрее возьми в руки!

Придон взглянул на Тулея. Тцар кивнул, мрачный, как грозовая туча:

— Да... возьми. Сам отнесешь в храм. Там каменная плита, выдержит.

Пальцы Придона успели подхватить перевязь в тот миг, когда ножка стола разлетелась в мелкие щепы. Белая щепка с силой била во все стороны, люди закрывали ладонями лица и сквозь пальцы смотрели на артанина, что с легкостью перекинул перевязь через плечо, ножны заняли свое место за спиной.

— Ваше Величество, — сказал Придон почтительно, — когда я первый раз попробовал взять эти ножны... мне тоже показалось, что я пробую сдвинуть с места гору! А потом вдруг... Эти ножны даже легче, чем любые другие.

Лицо Тулея прояснилось, а Барвник, не сводя взгляда с артанина, что-то прошептал Щажарду. Тот пожал плечами, Барвник прошептал настойчивее, Щажард нехотя кивнул. Он выступил вперед и уже раскрыл рот, намереваясь сказать что-то очень важное и значительное, судя по его виду, но от дальней двери послышался шум, выкрики. Створки распахнулись, спиной вперед вдвинулись двое стражей.

Один запнулся о край ковра, упал, нелепо задрав ноги. Второй пытался ухватить за рукав вторгшегося, это был высокий худой старик с белыми редкими волосами, что красиво и страшно падали на плечи, и с длинной белоснежной бородой.

В руке старика была длинная суковатая палка, он шел прямо к трону. Толпа перед ним расступалась, Придон сразу подумал, что это маг неслыханной мощи, ибо у тцара тысячи воинов охраняют город, сотни отборнейших героев стерегут дворец, а здесь, у дверей зала, сильнейшие из сильнейших. К тому же защищенные амулетами от всевозможных чар.

Старик двинулся к трону напрямик. Остановить его не смел никто, даже не пытались. Придон насторожился, пальцы скользнули к плечу, где всегда торчит рукоять топора, старик явно рассержен, может натворить бед... и в то же время что-то в облике старика вызвало симпатию. Старик явно не артанин, но идет гордо, не теряет достоинства даже в гневе, у него красивое лицо с суровыми морщинами старости, что не портят лицо, а придают ему значительность.

Ему показалось, что тцар вздрогнул, в масляных глазах под набрякшими веками мелькнуло беспокойство. Он даже оглянулся по сторонам, словно искал помощи, но старик уже остановился перед троном и выбросил вперед руку с указующим перстом. Из длинного рукава халата сухая рука торчала жалко, похожая на высохшую птичью лапу, пальцы были темные от солнца, с твердыми ногтями.

— Ты, — сказал старик обвиняюще. — Сидишь и пируешь?.. Наслаждаешься едой и питьем, слушаешь песни и смотришь на танцы, что придумывают только для тебя?.. Но как ты можешь, когда в далеком горном селе, откуда ты пришел в эти земли, твоя мать ослепла от слез, выглядывая тебя?.. У тебя трое братьев, все они навешают мать!

В зале наступила мертвая тишина. Гости опускали головы, делали вид, что не слышали ужасных слов старика, который напомнил, что их славный и могучий тцар был ко-

гда-то не самым славным и могучим. И что вообще не из рода правителей мира, а из какого-то бедного села.

Тулей поднялся, раскинул руки.

— Отец!.. Отец!.. Я тебя не узнал сразу, уж прости. У тебя такая борода за это время отросла... Отец, давай неспешно отдохнем, пообедаем, поговорим... Ты же знаешь, меня не очень жаловали в том селе, так что я вспоминаю о нем без радости...

— Не очень жаловали? — воскликнул старик гневно. — А ты... Как вел себя ты?

Тулей развел руками, Придон с изумлением увидел на лице грозного тцара то ли стыд, то ли сильное смущение.

— Отец... Я был молод, а в селе тесно... И слишком много хрупких горшков всюду. И все почему-то под ноги, под ноги... Пойдем за стол! Эй, накрыть нам на двоих!

Щажард суетливо оказался рядом, спросил угодливо:

— Обед подать в золотую гостиную?

— Лучше в жемчужную, — ответил Тулей. Спросил у старика уже почти веселым голосом: — Отец, кроме овечьего сыра... что закажем на обед? Жареных карпов из глубин высоких озер? Молодого барашка, вскормленного молоком дракона? Блюдо из соловьиных язычков, приготовленных в молоке девственных пчел?

Старик сделал шаг вперед, споткнулся и упал на бархатном ковре. Поднялся, старательно отряхнулся, словно здесь не роскошный дворец, а пыльная дорога.

— Я прошел, — ответил он горько, — много дорог в горах и лесах, я бродил в пустынях. На узких тропках над пропастью не падал... не спотыкался над бездной, я прыгал по вершинам утесов!.. Но если я здесь упал, где так уверенно ходит мой сын, то моя ли это дорога?

Мертвая тишина стояла в огромном зале. Даже занавеска на дальнем окне, взлетев от порыва ветерка, застыла в неестественном положении. Придон не дыша смотрел на тцара.

Взгляд Тулея был прикован к старику. Тот выпрямился, лицо стало спокойным и бесстрастным. Придон залю-

бывался гордым и полным достоинства лицом человека, чей сын стал тцаром великой страны. В той же мертвой тишине старик повернулся и пошел к выходу. Перед ним пугливо расступались, хотя только что там негде было яблоку упасть, но перед стариком образовалась широкая дорога, можно на трех конях в ряд.

И лишь когда старый выцветший халат исчез за дверью, Тулей вздрогнул, провел ладонью по лицу. На миг Придон увидел упрятанную муку и сильнейший стыд, даже раздражение на все это пестрое, шумящее и славословящее его сборище слабых и льстивых людей, но через мгновение тцар уже выпрямился, с натугой рассмеялся, широко развел руками.

— Как он меня еще не взялся выпороть!.. Продолжаем пир, дорогое мои гости! Я рад вас всех видеть. Виночерпий! Еще вина. Лучшего, у тебя есть в подвалах, знаю.

Все задвигались даже чересчур усердно, словно навстречивая паузу. Стук ножей стал частым, будто град колотил по крыше, а гул от разговоров стал напоминать мерный шум морского прибоя.

Придон, о котором на это время забыли, с любопытством смотрел, как могучий повелитель Куявии выкрутится из неловкого положения, ведь и в Куявии чтут заповедь богов: бояся каждый своих мать и отца, а Тулею как-то неловко бояться такого отца. А сказано же у древних волхвов: «Даже если возьмут отец с матерью его кошелек с золотом и на его глазах выбросят в море, не может возразить им, показать, что расстроился, а тем более нельзя разгневаться на них. Пусть примет случившееся с молчаливой покорностью. Даже если он, одевшись в дорогие одежды, сидит во главе общины, и приходят его отец и мать, рвут на нем платье, бьют по лицу и плюют на него при всех — даже тогда не поносит их, а молчит, убоявшись Всевышнего, повелевшего почитать родителей». Ну-ну, великий тцар, выкручивайся...

Тулей как ощутил, зыркнул со злостью, но сейчас не до артанина, взмахом длани услал Щажарда ублажать гостей, шепнул пару слов Барвнику, и сразу же светильники

вспыхнули ярче, под сводами начали порхать огромные разноцветные бабочки, прямо из стен зазвучала чарующая музыка.

Понятно, мелькнула мысль у Придона, что дети нередко идут дальше отцов. Тулей вон из деревушки, а сумел с наспех набранным войском захватить власть в Куябе. Такому трудно уважать родителя в дырявом халате. Не любить, любить просто, даже звери любят, а как раз уважать...

А вот кое-что Тулей нарушил! Куда бы ни уехал, обязан время от времени посылать родителям весточку. Если разбогател, то и денег. Золотых монет Тулей наверняка посылал не один мешок, но это могло быть не заботой, а бахвальством, если без слов почитания... Старик не зря сказал, что его братья навещают мать, значит, тоже живут вдали...

Он ощутил на себе недобрый взгляд. Тулей, уже освободившись, смотрел тяжело, с угрозой.

— Ты видел, артанин, — произнес он недобрым голосом, — такое, что негоже показывать чужим... И что ты скажешь?

— О чем? — спросил Придон.

— О чем видел!

Придон ответил с достоинством:

— Я только что видел самого достойного человека во всей Куявии.

Их взгляды сшиблись с такой силой, что в воздухе блеснули искры, словно при столкновении меча и топора. Запахло горячим железом.

Тулей сказал сквозь зубы со странным выражением:

— И, конечно же, ты имеешь в виду не меня?

Придон ответил прямо:

— А сам ты как думаешь?

В зале наступила мертвая тишина. Все смотрели и слушали жадно. Ему почудилось, что слышит, как шлепаются по всему залу на мраморный пол слюни.

Тулей быстро зыркнул по сторонам, губы раздвинулись в принужденной усмешке.

— Ах да, все остальное — мелочи... Благородные артане

их не замечают! Только почему-то все наши тайны им известны. Ладно, оставим наших гостей пировать, а мы с тобой удалимся. Ты расскажешь, как добывал ножны, а вместе поищем пути, как добыть рукоять.

ГЛАВА 7

В покоях Тулея, огромных и блистающих, как предыдущий зал, их тоже ждал роскошно накрытый стол. Вся посуда из чистого золота, кубки с множеством мелких рубинов, что красиво перемежаются с изумрудами. Придон даже залюбовался игрой красок, но тут же подумал, что все чересчур, чересчур. Словно тцар все еще не насладится богатством, как бедный пастух, попавший в пещеру с сокровищами.

Тулей перехватил его взгляд, поморщился.

— Думаешь, все еще ликую?.. Нет, но не менять же на глиняную посуду. Да и все равно теперь: золото или глина.

Придон по его жесту сел за стол. Тцар не последний дурак, мелькнула мысль, многое понимает. Хоть и не артанин. Но старик... есть же и в проклятой Куявии люди! Или же старик из тех артан, что когда-то ушли от набегов в горы, прижились, стали горными племенами. Не знают даже, что где-то проходит граница, которая делит их на артан и куявов.

Тулей широким жестом обвел стол.

— Все твое. Ешь, пей, пируй, на меня не смотри, у меня уже из ушей лезет.

Придон сел на указанное место, но на стол даже не взглянул.

— Я сыт, тцар. Я хочу увидеть твою дочь... услышать ее голос. И тогда я немедленно отправлюсь за рукоятью.

Тцар вскинул брови. Взгляд стал острым.

— Ты говоришь так, будто знаешь, куда идти!.. Ладно, будь по-твоему.

Он хлопнул в ладоши. Придон затаил дыхание, почуди-

лось, что вот сейчас войдет божественная Итания. Из-за дальней портьеры вышел человек в неприметной одежде.

Тцар велел негромко:

— Позвать Щажарда и Барвника.

Придон с разочарованием откинулся на спинку кресла. Все яства стали серыми и сразу покрылись пылью, а блеск драгоценных камней померк.

Щажард и старый маг явились, будто стояли за дверью. С ними был и красавец Горасвильд. Увидев его, Тулей нахмурился, Придон видел, как рука тцара уже приподнялась, словно хотел сделать некий выгонятельный жест, но пальцы, задрожав в непонятном усилии, медленно опустились на подлокотники.

Все трое остановились в почтительных позах, кланялись. Тулей сделал нетерпеливый жест, все трое так же одинаково сели вдоль стены. За стол, отметил Придон тут же, могучий Тулей не пригласил. Время пира закончилось, настало время совета.

— Что узнали о рукояти? — спросил Тулей.

Щажард и Горасвильд одновременно взглянули на старого мага. Однорукий встал, поклонился.

— Светлый тцар, за время твоего отсутствия мы осмелились потревожить покой древнего бога дивов.

Тулей насторожился:

— Ого, как осмелели... И что же?

Маг кивнул на Придона.

— Говорил с ним он. Мы смиренно стояли у входа.

Тулей рассматривал Придона с великим удивлением и, как показалось взволнованному Придону, с растущим уважением.

— Говорил с... богом?

— Говорил, — ответил Придон.

— И... что же... он сказал?

Придон пожал плечами:

— Ничего особенного. Ваш бог тоже не знает. Обещал поискать.

Молодой маг сказал жирным звучным голосом:

— Пресветлый тцар, он за сутки обойдет мыслью всю Куявию, все равнины, горы и долины, заглянет в каждую пещеру, каждую нору... И скоро даст ответ! Кстати, уже вечер, отсюда мы поведем артанина в старый храм. Дабы во-просить снова...

Закончив речь, он победоносно посмотрел на других. В отличие от них, он называл тцара не светлым, а пресветлым, что не могло не нравиться стареющему властелину.

Придон, чувствуя, как неприязнь растет, обронил как можно спокойнее:

— Туповатые у вас боги. Я и без них знаю, где в Куявии рукоять.

Он нарочито дважды назвал бога дивов богом Куявии, но эти тупые свиньи стерпели или не заметили оскорбления, да и сейчас распахнули рты лишь при последних словах.

Тудей переспросил недоверчиво:

— Знаешь? Где?

— Высоко в горах есть крепость дивов, — ответил Придон. — Туда еще не ступала нога куява... Что и понятно, там же холодно. И вдвойне скользко.

Щажард, чуткий к словам, пробормотал:

— Почему вдвойне?

— Лед тоже скользкий, — ответил Придон, смолчав о том, что куявы на своих соплях скользаются, но Щажард, похоже, скрытое оскорбление уловил, нахмурился, смотрит волком. Но черт с тобой, смотри, скоро он, Придон, заберет Итанию и увезет в родные края, где никогда больше не увидит этих рож. — Там все еще живут могучие дивы... Никто не знает, сколько там исполинов, сколько чародеев. Рукоять меча пока что в их храме.

Они смотрели, вытаращив глаза, уже все четверо. Наконец Щажард пробормотал:

— Пока что?

— Да, — ответил Придон. Пояснил, как деревенскому дурачку: — А потом она будет в этих ножнах.

И вскинул руку, касаясь кончиками пальцев металла за

спиной, а заодно давая лишний раз посмотреть на горы ту-гих мышц.

Тулей глубоко задумался, все в напряженном молчании ожидали, что решит грозный тцар. Тулей оглядел их напряженные лица, улыбка тронула полные мясистые губы. Он звучно хлопнул в ладоши.

— Накрыть на стол!.. Если все повернулось так по-артански, то нам следует все же промочить горло. Все сроки сокращаются! Выходит, герой волен идти на поиски хоть сегодня... но мы должны помочь, чем сможем. Область, о которой он говорит, в самом сердце гор, в недоступном месте. Надеюсь, Придон, ты знаешь какие-то приметы того храма, иначе искать придется долго... К тому же тебе туда добираться годы. Не думаю, что этого жаждешь, хотя я слышал артанскую поговорку, что счастье не в самом счастье, а в пути к нему... Ха-ха!

Он захохотал, явно находя такую поговорку глупой и забавной. Старый маг бросил короткий взгляд на Придона.

— Но что можно сделать?

Придону почудилась некая подсказка тцару. Тулей кивнул.

— Если герой доедет до заставы Трех Мечей, то оттуда мы перевезем его на драконе через горы.

Горасвильд ахнул.

— И раскрыть врагу наши тайны?

Тулей поморщился.

— Какие тайны за один перелет? А драконы летают и над Артанией. Решено! Как только он будет готов, сразу же волен к заставе...

— Я волен хоть сейчас, — ответил Придон твердо. — Как только увижу Итанию.

Горасвильд вспылил:

— Да как ты смеешь, дерзкий, ставить условия самому величайшему из властелинов...

Он наткнулся на твердый взгляд тцара, поперхнулся, сник. Тулей кивнул:

— Резонно. Эй, позвать Итанию!

Снова незаметный человек выскользнул за двери. Барвник тем временем наклонился к Придону, втолковывал настойчиво:

— Мы не враги, понимаешь?.. По крайней мере, сейчас. Ибо добываешь обломки меча для нас, для Куявии. Понимаешь? Так что наша помощь — настоящая. Мы в самом деле хотим, чтобы ты сумел добраться до цели. И чтобы сумел вернуться. Потому мы берем на себя то, что знаем лучше. Тебе не надо искать дорогу — тебя доставят к самой границе земли дивов.

Горасвильд ядовито улыбнулся.

— А уже дальше, как сам хотел, ножками, ножками.

Придон не повел в его сторону и бровью. Барвник поморщился, сказал настойчиво:

— А потом... потом на то же место снова пришем дракона. На нем и вернешься в Родстан или в Родень. А уже оттуда сюда, в Куябу.

И снова увижу Итанию, мелькнуло в голове Придона. И она увидит, насколько я силен и отважен. Увидит, что я сделал то, о чем другие только трусливо мечтают.

Сердце внезапно затрепыхалось. Прямо в зале восходит солнце, но никто ничего не видит, тело бросило в жар, будто прыгнул в горячую воду, глаза безумно шарят по всем трем дверям, и тут наконец одна отворилась, Итания вошла... вплыла... внесло ли ее волшебство — он не заметил, только видел ее, слышал ее, а в нем снова говорил неведомый бог, в голосе которого мощи больше, чем — страшно вышептать! — чем в могучем гласе грозного и яростного бога войны, сражений, побед и воинской славы.

Итания присела рядом с отцом, глаза ее смеялись, Придон слышал ее чарующий голос, в нем самом пели райские птицы, а от восторга он мог бы взлететь и кувыркаться под сводами. Итания посматривала на него сперва со страхом, потом с изумлением, наконец он понял, что она слушает его безумные речи с непонятным огоньком в глазах.

Он сам не понимал, что говорил, а иногда и вовсе не слышал, голос бога слишком силен, а слышно было только

стук сердца да грохот крови в ушах. Но его слушали, даже старый однорукий маг, которому такие речи должны быть вовсе омерзительны и богохульны, слушал, однажды даже кивнул, только глаза оставались темными, как лесные озера ночью.

Затем солнце померкло, повеяло стужей по обнаженной коже. Он ощутил, что Итания покидает их раньше, чем она поднялась, никто еще не заметил потери, а его грудь пронзили тысячи ножей, Итания это как-то поняла или ощутила его боль, он уловил в ее глазах сочувствие... потом она исчезла.

Остальные даже не заметили переход знойного дня в темную ночь, переговариваются, поднимают кубки, хрустят орехами, едят холодное мясо и рыбу, как из тумана донесся голос Тулея:

— Ну что, Придон, ты видел Итанию. Принеси весь меч — ты ее получишь. Но... если ты уже знал, где рукоять...

Выплыло лицо грозного тцара Куявии. Тулей сидел в кресле, откинувшись на спинку, могучие длани на широких подлокотниках, в правой руке чаша с остатками красного вина. В глазах насмешливое любопытство.

Придон страшным усилием воли, даже затрещали нити души, выдрался из сказочного мира в этот, грубый, неустроенный, кивнул:

— Знал.

Даже голос ему показался хриплым, грубым и неестественным, ибо только что говорил с Итанией на небесном языке богов, который ей, конечно же, ведом по крови, по рождению.

Тулей насупился, глаза сердито блеснули из-под густых косматых бровей.

— Тогда чего понесло в старый храм?

— А я любопытный, — ответил Придон, ибо куявы — враги, а врать врагам — это не врать, а благородно вводить в заблуждение противника. — Хотел посмотреть, что за боги правят Куявией.

Он в очередной раз оскорбил всю Куявию, вроде бы

ненамеренно, он-де тупой варвар, не понимает разницы, однако теперь и Тулей уловил намек, посмотрел подозрительно. Придон сделал каменное лицо и выдвинул нижнюю челюсть. Тулей усмехнулся и больше не проронил ни слова.

Барвник поманил Придона к окну. Заходящее солнце красиво и страшно позолотило красным огнем каменные плиты площади перед дворцом. По ступенькам вниз побежали поджарые воины. Навстречу одетые в дворцовую одежду юноши бегом вели под уздцы уже оседланных коней. Гонцы позапрыгивали с разбега, ловко и красиво, вроде бы и не куявы, как стремительные стрижи унеслись в сторону распахнутых врат.

Барвник сказал доверительно:

— Через два дня будут на заставе. Оттуда дадут знать гонцам драконов.

— Я готов ехать сейчас, — сказал Придон нетерпеливо.

Барвник взглянул на заходящее солнце. Багровые лучи уже залили крыши дворцовых строений красным тревожным огнем.

— Куда ночью? — сказал он мирно. — Все равно придется вот так же застрять на заставе. Не всякий дракон позволит сесть на спину чужаку! Пока подберут смиренного...

— Смирного мне не надо, — отрезал Придон. После разговора с Итанией он чувствовал, что может сам полететь впереди дракона, указывая этой крылатой ящерице дорогу. — Мне надо быстрого! Чтобы летел прямо к цели.

— Кто летает прямо, — пробормотал Барвник, — дома не ночует... Впрочем, что будет, то будет. Отдыхай! Завтра трудный путь.

Угодливый Черевко повел Придона через тот же галдящий и заполненный гостями общий зал с пирующими. Придону показалось, что могущественный бер посматривает на него опасливо, а кланяется ниже, чем кланялся раньше. Воздух стал еще жарче, несмотря на полночь, увлажнился от пота и нечистого дыхания. Сильно пахло распа-

ренными телами. Придон, окинув быстрым взглядом всю эту пеструю толпу, сразу понял, что здесь так и не вылезали из-за обильно накрытых столов.

Слуги снуют по-прежнему, разве что на подносах больше кувшинов, время от времени проносили и жареное мясо. За самым дальним столом веселились крепкоплетие мужчины в добротной и неброской одежде. По суровым обветренным лицам Придон узнал воинов с дальних границ.

Он ощутил острый укол, по коже прошел неприятный озноб. От стола этих, что с границы, в упор смотрел высокий воин с суровым надменным лицом. Едва Придон повернул голову, воин отвернулся, но Придон узнал бы его и в затылок. Это тот, от которого еще в первый раз пахнуло лютой ненавистью. Но не бессильной ненавистью, как пышут многие куявы, Придон мог различить опасность в шелесте травы за две сотни шагов и сейчас чувствовал себя так, что рука едва не метнулась к рукояти топора... которого не было.

Он медленно прошел вдоль стены, разглядывал светильники, но, когда дошел до двери, резко оглянулся. Воин снова опустил голову, однако Придон боковым зрением успел ухватить выражение холодной ненависти на жестоком лице.

Янкерд, вспомнил он. Янкерд, который добивается руки Итании.

Добивайся, сказал он про себя люто. Я все равно добуду и рукоять, и лезвие. А если за моей спиной только попытаются отдать Итанию этому... только подумают о такой низости!.. то Скиллу все станет известно заранее, он держит в столице своих людей. И тут же на границах Куявии появится молниеносное грозное артанское войско. Запылают куявские города, заплачут вдовы, проклиная своего же тцара, нарушающего слово...

Он чувствовал, что грудь вздымается часто и мощно, дыхание вырывается горячее, злое. Пальцы стиснуты в кулаки, а челюсти сжались так, что перекусил бы подкову.

Двери в соседний зал, из которого выход уже во двор, на свежий воздух, распахнуты настежь. Здесь ни единого стола, а гости с кубками в руках стоят и бродят небольшими группками. Воздух тяжелый, спертый, насыщенный запахами пота, вина, жирной пищи.

Он проталкивался, как тур через стадо овец, к дальнему выходу. Перед ним пугливо расступались, кто-то уронил серебряный кубок, тот зазвенел звонко и чисто. Впереди группа людей распалась, ощутив или увидев его приближение. Один в богатой и пышной одежде повернулся, на Придона взглянули вытаращенные глаза Терпуга.

Терпуг отшатнулся, глаза полезли на лоб. Красное от выпитого вина лицо начало быстро бледнеть. Придон никогда не видел, чтобы кровь так быстро покидала лицо человека. Даже если перерезать яремную жилу и кровь будет хлестать горячей струей под внутренним напором, и тогда нельзя побледнеть так быстро и страшно.

На Придона смотрело лицо покойника. Нос заострился, губы стали синими. К тому же этот покойник мелко и часто затрясся. Придон напомнил зловеще:

— Уже скоро утро. Готовься. Твой меч против моего топора, не забыл?

Терпуг отступил, ноги подкосились. Он оперся о стену, но колени не удержали, сполз по стене. Сидя, он выглядел настоящей развалиной, на глазах превратившись в старца. Каштановые волосы превращались в серые, словно их покрыла пыль, а затем и вовсе стали белыми. Когда Терпуг наконец поднял голову, на Придона взглянуло морщинистое лицо старика.

Придон с отвращением обогнул его по широкой дуге. Подумать только, что делает с трусами страх. Народ продолжал расступаться до самой двери. Перед ним образовался широкий проход, словно в его лице к выходу двигался твар Куявии.

— Все свободны, — бросил он насмешливо с порога. — Продолжайте!

Он сам не поверил глазам, но эти вельможи начали поспешно кланяться, на мордах облегчение, просто счастье, что не поубивал всех, не размазал по стенам.

ГЛАВА 8

Утром он проснулся так же мгновенно, как просыпался все последние годы: одним прыжком вылетел из постели, только что затемненные сном глаза уже мгновенно схватывают цепким взглядом все вокруг, а растопыренные пальцы ждут радостного прыжка в ладонь рукояти топора.

Из-за окна доносились голоса, которые он счел продолжением сна. Бросился к окну, но далеко внизу хлопнула дверь, голоса умолкли.

Он быстро оделся, и... не поверил глазам: дверь распахнулась, ввалились Аснерд, Вяземайт, за ними стеснительно двигался Конст. Аснерд и Вяземайт — оба, как обычно, обнаженные до пояса, мускулатура красиво играет, Конст до самого горла в панцире из плотной кожи тура, да и то, похоже, мерзнет: из-под панциря выглядывает толстая вязаная рубашка.

Придон ощутил, что нижняя челюсть отвисла до пряжки на поясе.

— А вы... откуда?

— Из Артании, — объяснил Вяземайт очень серьезно. — Артания — это такая страна. Хорошая страна, сынок! Как-нибудь я тебе многое о ней расскажу.

Аснерд сдвинул Придона в объятиях, тот задержал дыхание, напрягся, кости трещат, а потомок горных великанов довольно мял, тискал, охлопывал, наконец отодвинул, все еще держа за плечи, оглядел внимательно.

— Да... Что-то отошал. Я всегда говорил, что здесь плохо кормят! Что с них взять, куявы...

А Конст, стеснительно улыбаясь, объяснил:

— Придон, мы с тобой.

Придон охнул от очередного шлепка Аснерда по плечу.

— Но вам-то зачем?

Конст смолчал, Вяземайт посмотрел на Аснерда. Тот слегка потемнел лицом, прогудел потвердевшим голосом:

— Что начал, надо завершить. Ты в Артании получил ножны... с трудом. Здесь Куявия, придется еще труднее. Олекса еще слаб, так что тряхну стариной я сам. Тур был моим любимцем, я просто обязан отомстить дивам за сына.

Придон сглотнул комок в горле. У Аснерда сорок сыновей или даже больше, на которых почти не обращает внимания, но любимцем всякий раз становится тот, который прищемил пальчик или которого ужалила пчелка. Грозный воевода вставал на их защиту, как осатаневшая курица, что с растопыренными крыльями бросается на коршуна, посмевшего пролететь низко над ее цыплятами.

— Я даже не знаю, — пробормотал он. — Но придется, наверное, на драконе...

Аснерд приятно удивился.

— Да? На черном или зеленом?

Придон удивился еще больше, чем воевода.

— А что, разные?

— Конечно, — сказал Аснерд убежденно. — Это с земли все темные в небе, а на самом деле все разные. Верно, Вяземайт?

Вяземайт кивнул:

— Да, их с десятков расцветок. Но более темные — боевые, а светлых пользуют для перевозок. Лучше всего светлые рогокрылы, те берут с десятков воинов.

— Как раз нас четверо, — рассудил Аснерд. — Придон, заказывай рогокрыла!

Придон сказал с некоторой досадой:

— Похоже, только я ничего не знаю о драконах. А Конст так и вовсе наверняка летал!

Конст кивнул скромно:

— Конечно. А что, есть люди, которые не летали?

Аснерд захохотал. Вяземайт наконец обнял Придона, очень коротко, словно стесняясь, сообщил:

— Мы едва коней не загнали! Боялись тебя не застать.

— Да его отсюда палкой не выгонишь, — захохотал Аснерд. — Пируем, Придон? Как здешние девушки?

— Моего коня уже седлают, — ответил Придон.

— Пусть расседлают, — решил Аснерд. — Моему надо перевести дух, поесть вволю. В полдень можно ехать... Но лучше бы завтра с утра. По свежачку.

Придон вскричал:

— Нет!.. Я не могу больше. Итания рядом и... недоступна. Я хочу ехать как можно быстрее, чтобы быстрее вернуться. А если сложу голову, то меня не будет жечь этот огонь.

Аснерд и Вяземайт переглянулись, Аснерд ответил снисходительно:

— Ладно, выедем в полдень. В самую жару. После сытного обеда.

Они уже оглядывались хозяйски, здесь им жить до обеда, конечно же — сытного, артанского, бурчали, даже Конст и тот, как истинный артанин, бурчал на излишний простор. Придон, сам ранее не обращавший внимания, где он спит и на чем, только сейчас увидел, что в его комнате Аснерд, Вяземайт и Конст не только поместились, разместились, но и почти затерялись. Аснерд, везде побывавший и все повидавший, проворчал, что все это уж слишком. Такие помещения непросто натопить зимой, а в холоде да на сквозняках таким залам будешь не рад.

Вяземайт многозначительно напомнил что-то о придворных магах, что знают, как зимой делать стены теплыми, а летом прохладными. Аснерд помрачнел, выругался. Похоже, он просто предпочитал забывать о проклятом колдовстве, а волхв некстати напомнил.

Конст жадно вслушивался во все разговоры, глаза беспрестанно шарили по стенам, он рассматривал все узоры, дивился самым простым вещам. Вяземайт долго рылся в походных мешках, ворчал, наконец с торжеством извлек и разложил по столу тонко выделанную телячью кожу. Придон еще издали узнал по рисунку с синими реками и коричневыми горами Куявию.

Вяземайт всматривался пристально, палец блуждал над реками и лесами. Придон невольно подумал, что существам на карте кончик пальца в небе покажется огромным орлом или драконом.

— Высоко в горах, — проговорил Вяземайт медленно, — что отделяют благословенную богами Артанию от гнусной Куявии... живут старики, которые знают все. Им дано такое понимание, что им стоит только взглянуть на человека или зверя, чтобы увидеть всю его жизнь надолго вперед.

Аснерд буркнул:

— И что же?

— Пусть Придон сперва заедет к ним, — сказал Вяземайт хладнокровно. — Если даже они не скажут, где обломки меча, то искать ему вслепую.

Аснерд зло хохотнул.

— Лет за тыщу отыщет! Если ему будет помогать весь народ Артании, Куявии и Славии. А также все звери и птицы. Но где те старики? Горы тоже за годик не обшаришь.

Вяземайт кивнул.

— Однажды... Да что там, словом, я могу подсказать дорогу. И указать. Как только Придон будет готов...

Придон воскликнул:

— Я готов! Я прямо сейчас!

— Хорошо, — сказал Вяземайт. — Давай-ка я нарисую, как идти, где сворачивать...

— Разве ты идешь не с нами?

— На всякий случай, — ответил Вяземайт уклончиво. — Кто знает, что с нами может... Это дорога!

Перед глазами Придона встало, как живое, смеющееся лицо Тура. В груди болезненно сжало. Он сказал тихо:

— Рисуй. Я все понимаю.

Аснерд, который с подозрением вслушивался в сбивчивую речь всегда гладкоговорящего волхва, с еще большим подозрением смотрел, как волхв намечает переход через перевал, подъемы в горы, тайные тропки, проходы, пещеры. Даже указал, где всегда пасется стадо горных баранов, а вот здесь из расщелины вытекает мед бесчисленного

роя пчел... вот сюда можно подняться по ветвям плюща, а сюда идти не стоит, тупик, зато в этой вроде бы сплошной, если смотреть издали, стене есть хитрый проход на ту сторону...

Он едва не спросил, откуда волхв такое знает, но сдержался, невыдержанность в вопросах свойственна только мальчишкам да безусым юнцам. У стариков свои тайны.

Их провожали такой огромной толпой, что Аснерд пожалел бедных куявов: не часто у них праздники. На что Вяземайт ехидно заметил, что для куявов в самом деле праздник — избавиться от четверых, что опустошили кухню, а что не съели, то взяли в дорогу.

Но в самом деле, даже Придон заметил, все четверо выделялись суровой простотой среди пестрой толпы знатных беричей и придворных беров. Богатырские кони без всяких украшений, трое обнаженных до пояса героев, вместо шапки или шлема — лишь обруч, поддерживающий волосы, взамен доспехов — браслеты на запястьях и бицепсах. Даже штаны простые, без вышивок, как и сапоги, что плотно всажены в узкие стремяна. Знаменитые артанские топоры сейчас приторочены к седлам, но, если героям придется пешком, эти же топоры окажутся за спинами.

Выехали из ворот шагом, Придон сразу же пустил коня вскачь. Он вздрагивал, глазами держал тонкую линию горизонта, душа летела впереди, дробный стук копыт уносил ветром. Он закричал, сам не понимая, то ли от восторга, то ли потому, что внутри что-то кричит, рвется наружу, раздирает изнутри, выламывается на простор...

Встречный свежий пьянящий ветер выдувал из одежды и кожи гнилостные запахи, остатки ароматов, душистых масел, благовоний, в легкие врывалась холодная чистота, пропитывала тело. И вместе с этой чистотой пришла холодная трезвая мысль, что потрясла всего до основания.

Далеко впереди показались всадники, за ними скрипела повозка, ярко украшенная, а следом еще две — попроще.

Сблизились, Придон рассмотрел веселые лица всадников, веселые и счастливые лица людей в повозках. Долетели звуки музыки, песен, ликующие вопли, смех, снова нестройное пение.

К ним навстречу выехал весь красный как рак от выпитого и съеденного мужчина, седая голова, но черные усы, закричал ликующе:

— Еще гости!.. Какие вы молодцы!

— Мы молодцы, — согласился Аснерд. — У вас свадьба, что ли?

— А что же еще? — удивился черноусый. — Что может быть лучше, чем свадьба?

Аснерд подумал, кивнул:

— Ты прав. Это самый лучший праздник. И как жаль, что нельзя задержаться.

Черноусый явно огорчился, даже руками всплеснул и ударил об полы.

— Почему?

— Государево дело, — объяснил Аснерд значительно. — Видишь вон того мальчишку?.. Он добыл ножны меча бога Хорса, а сейчас едет за самим мечом. Откладывать низзя. А так мы были бы рады, поверь...

Придон со смешанным чувством смотрел на счастливую молодую пару. Оба в бедной, но чистой одежде, простая деревенская девушка и простой парень, по одежке — пастух. Оба в венках из луговых цветов. Они светло улыбались артанам, но еще чаще смотрели друг на друга влюбленными глазами.

Черноусый старик поклонился. Глаза его стрельнули в сторону Придона.

— Слава о тебе, герой, летит быстрее твоего коня!.. Благослови этих счастливых. Пусть их счастье утроится, пусть вспоминают, что на их свадебном пути встретился сам доблестный Придон.

Придон вскинул обе руки, сказал сильным, но каким-то застывшим голосом:

— Боги Артании, благословите этих счастливых... как

благословляю я. И пусть у них все будет... Пусть у них будет все!.. И пусть будут счастливы...

Голос его задрожал, прервался. Аснерд быстро сказал сильным и очень веселым голосом:

— Счастья вам от всех нас!.. Жених и невеста — это то, что любят все боги. Живите счастливо!

Он тронул коня, Вяземайт и Конст уже повернули коней за Придоном, тот ускорял бег своего Луговика. Аснерд догнал, спросил, что случилось, Придон не ответил. Аснерд переспросил, Придон не ответил снова. Встревоженный Аснерд заглянул в лицо Придона.

По бледным как снег щекам безостановочно бежали крупные блестящие слезы. Массивный подбородок прыгал, невидящие глаза смотрели вдаль, но явно ничего не видели. Распухшие губы, ставшие беспомощно детскими, кривились в мучительной гримасе. Придон изо всех сил старался удержать их твердыми, как и подобает мужчине, тем более — герою, но губы тоже дрожали. Блестящие слезы огибали уголки, повисали по обе стороны подбородка, срывались, как весенние капли с крыши.

— Что случилось? — заорал Аснерд.

Придон неотрывно смотрел вперед, даже вскинул подбородок выше, гордо и надменно, но этот жест был лишь для того, чтобы не выронить новые слезы.

— Да что стряслось?

Губы Придона задрожали сильнее. По лицу пробежала судорога. Слезы хлынули ручьем, из могучей груди вырвался не рык, а жалобный детский плач. Аснерд поспешно подал коня ближе, со звоном ударились стремянами. Придон повернулся в седле, Аснерд распахнул огромные лапы. Придон прижался к груди воеводы. Его трясло, как в лихорадке. Он всхлипывал, дергался от попыток удержать позорящий мужчину плач, но слезы бежали и бежали. Рыдания разрывали грудь, а плечи беспомощно прыгали.

Аснерд уже ничего не спрашивал, широкие ладони прижимали его, как ребенка. Толстые грубые пальцы неуклюже гладили по голове, ворошили волосы.

— Ну почему? — вырвалось из самого сердца Придона. — Почему?.. Им бог дал, а мне только показал!.. Их дорога ведет в общий дом, а меня дорога уводит от той, для которой... за которую...

Рыдания задушили несвязные слова, Аснерд снова хлопывал и гладил, успокаивал молча, ибо любые слова будут все не те. Нет таких слов, чтобы утешить... да и что за человек тот, который возьмется утешать в таком, это хуже, чем плюнуть в огонь, чем ударить в спину.

— Ты не понимаешь, — сказал Аснерд тихо. — Душа болит?..

— Горит!

— Значит, есть... У кого не болит, у того... Душа либо болит, либо ее нет...

— Но я не могу больше! — вскрикнул Придон. — У меня все горит... Горит мозг, горит сердце!.. Я не могу смотреть на солнце, оно стоит на месте!.. Птицы не взмахивают крыльями!.. У меня вечность между двумя ударами сердца, и вся вечность — горящие угли в сердце, в груди... Я не могу, Аснерд! Я умираю, Аснерд...

Аснерд смолчал, гладил и похлопывал по широкой спине, гладил плачущего ребенка, пока тот, обессиленный, не затих. Мокрые дорожки еще блестели на исхудавшем лице. У него едва хватило сил поднять руку. Дрожащие пальцы попытались стереть слезы, но промахнулись. Аснерд придержал коня, Придон поехал вперед, сгорбившийся под невыносимой тяжестью, с обвисшими плечами.

Вяземайт и Конст медленно ехали далеко позади. Вяземайт, уловив кивок Аснерда, послал коня в галоп. Конст отстал всего на полкорпуса.

— Что случилось? — спросил Вяземайт.

— Ты знаешь, — буркнул Аснерд. — Потому и топтался там трусливо подальше, так?

— У меня конь заупрямился, — ответил Вяземайт.

Аснерд хмыкнул, посмотрел на Конста. Тот сказал печально:

— А что делать, если стыдимся того, чему другие завидуют?..

Вяземайт сказал сердито:

— Я... не могу.

— А я?

— Ты можешь, — сказал Вяземайт твердо. — Ты грубый.

Аснерд ахнул от такого оскорбления:

— Я? Я грубый?

— И черствый, — буркнул Вяземайт. — Помнишь, когда конь мне наступил... ты еще хохотать начал! Боль адская, а ты хохочешь... Если бы я мог тогда подняться, я бы тебя убил!

— Видел бы ты тогда свою рожу, — сообщил Аснерд. — Ты сам бы кончился от смеха.

— Все равно ты бесчувственный, — возразил Вяземайт. — Я могу тебе сто случаев...

— Ну давай все сто!

Конст тихонько ехал в сторонке. Спор благополучно соскользнул с опасной темы, опасной для всех, Вяземайт обвиняет воеводу в бесчувственности, тот умело защищается, оба вспоминают мельчайшие подробности старых битв, где оба дрались простыми воинами, оба довольны, о Придоне можно забыть, или отодвинуть эту боль в сторону. Не из бесчувственности, а потому что сделать ничего нельзя, а просто обсуждать — слишком по-женски.

Потом он засмотрелся на небо, ответил невпопад другой. Аснерд наконец заметил, куда посматривает Конст, тоже засмотрелся, а за ними начал задира́ть голову и Вяземайт. Наконец и Придон, обратив внимание, что от него отстали, едут сами по себе и то и дело поглядывают вверх, тоже метнул взгляд к небосводу.

Он поперхнулся, застыл, уstraшенный и очарованный. Небосвод исчез, они едут под опрокинутым морем. Все небо, от края и до края, бушует в волнах, а те все в белоснежной пене, кое-где ее столько, что и волн не видно, только белая растрепанная ветром пена, холодная и злая.

Голова закружилась, он невольно ухватился за луку

седла, что вообще-то позор для всякого, кто садится на коня. Но все смотрели наверх. Придону почудилось, что это море наверху движется, катит волны, а все здесь на земле застыли, замерли на месте, только конь зачем-то покачивается, а мир движется только там, наверху...

Он ощутил дурноту, словно укачало волнами. Низкое море катит над вершинами старых коричневых гор, сложенных не столько из камня, сколько из рыжей глины, а если из камня, то настолько старого, что уже превращается в глину, как сильные и шлемоблещущие воины к старости превращаются в дряхлые трухлявые пни.

Куявские горы изрыты норами, отсюда кажется, что гнездами птиц, но Придон понимал, во многие норы можно въехать на коне, а там, внутри, нетрудно спрятать целое войско. Когда-то так и поступали, и вражеская армия, пройдя с победой и расположившись беспечно на отдых, вдруг обнаруживала за спиной могучую армию! Да как обнаруживала: ночью, когда половина уже вырезана бесшумно, а остальные спросонья не успевают надеть доспехи...

Вяземайт сказал с досадой:

— Могли бы прислать дракона прямо сюда!.. Неужели у них нет драконов, что долетят до Куябы? Не поверю!

Аснерд пожал плечами, глаза его высматривали впереди горных баранов, а руки то и дело трогали лук.

— Ни один дракон не долетит до Куябы... без отдыха. Так что это дело трудное, но вообще-то суть в другом, сам знаешь.

— Да, — буркнул Вяземайт. — Добыть меч — наше дело, куявы и пальцем не шелохнут, чтобы помочь.

Придон услышал, сказал горячо:

— Но ведь через пропасть нас перевезут на драконе?

— Только потому, — отпарировал Вяземайт, — что иначе вообще начинать бы не стоило. К тому же показывают всем, что мы без них ничто...

— Да и неизвестно, — сказал Аснерд многозначительно, — что там ждет. Может быть, мы прибудем сразу дивам на стол.

— Сколько нам ехать? — спросил Придон.

— Если никуда не будем заезжать, — ответил Аснерд, — то дня за три-четыре доберемся.

— А куда можно заезжать в горах? — удивился Придон.

Вяземайт посмотрел на Аснерда и буркнул хмуро:

— Свинья найдет грязь даже в снежных горах.

Старые горы миновали за сутки, дальше дорога вывела в широкую просторную долину. Настолько широкую, что невольно вспомнились бескрайние просторы Артании. Придон судорожно вздохнул, только здесь, вдали от родных степей, ошутимо, что любит свою Артанию страстно, нежно, жить без нее не может. Артания, Артания, моя Артания, я тебя люблю, Артания, я люблю... ты жди меня, я вернусь с этой рукоятью меча, ты увидишь, что никто этого не мог сделать, твой отец просто вынужден будет отдать тебя, Итания...

Его губы шевелились, имя то и дело слетало с губ. Аснерд прислушался, вздохнул, сказал Вяземайту вполголоса:

— Я слышал, что есть такая волшебная палочка... Возьмешь ее в руки, взмахнешь три раза... и любое желание пропадает!

Вяземайт подумал, сказал убежденно:

— Враки. Или что имеешь в виду?

Конст засмеялся, но, когда раздраженный волхв оглянулся, Конст сделал вид, что смотрит в другую сторону.

Еще трое суток ехали сплошными лесами. Вообще-то леса Артании просматривались насквозь, их и лесами называть трудно, там все рощи да гаи, но здесь лес настоящий — темный, дремучий, полный тайн. Две трети деревьев Придон видел впервые, да и те, которые встречал в родной Артании, здесь приняли чудовищные формы и размеры.

Обыкновенные дубы здесь в три-пять обхватов, как будто сопротивляются тянущей к небу силе, приседают, даже стволы оплывают, как горящие восковые свечи, бугрятся наплывами, наростами, зияют трещинами, откуда вытекает густой оранжевый сок, прозрачный и опасный...

Почти в каждом таком дереве дупло. На Придона из

темноты смотрели зеленые или желтые глаза. Он уверял себя, что это обыкновенные филины, но какие филины днем, да и глаза слишком далеко один от другого, таких филинов не бывает.

В этих лесах, как говорят, колдуны из племен гномов и эльфов собирают чародейские травы. Здесь бродят дивные звери, каких больше нигде не встретишь. В Артании тоже встречались в давние времена, но артанские герои всех истребили, а этот народ торгашей воевать не любит, так что эти звери царят в лесах, иногда даже выходят в поля и нападают на поселян, а ночью врываются в дома и уносят детей.

К концу дня на горизонте начали подниматься белые, снежные, а на солнце так и вовсе сверкающие льдом горы. Настоящие горы, молодые, без пещер, цельные, такими цельными бывают только обкатанные морскими волнами камни. Их острые пики смотрели в небо, как острия обледеленных копий.

Аснерд лишь однажды обронил небрежно:

— Там.

И сделал рукой небрежный жест, охватив весь горный хребет в тысячи и тысячи верст длиной.

На третий день горы не просто приблизились, снежное дыхание теперь чувствовалось в воздухе, хотя ехали еще внизу, по зеленой цветущей долине. Сами горы высятся, казалось, преграждая путь, но к ним ведет проторенная дорога, хорошо укатанная тысячами колес. По обе стороны то и дело либо сломанные колеса, либо клочья истлевшей упряжи, а то и вовсе изорванные попоны...

Сама дорога ощутимо поднималась, а горы вроде бы и не особенно интересовались чужаками, но однажды Придон оглянулся и заметил, что первые горы уже пропустили их, смотрят вслед. Воздух стал еще холоднее, чище, дорога начала петлять, ибо горы сдвигались, оставляя внизу место только для самой дороги.

Заснеженные вершины гор радостно блистали белым

огнем, рассыпали искры. Серые и темные внизу, всю красоту отдавали вершинам. Придон поднял голову, вздрогнул, по телу прошла холодная волна.

Черная башня жутко и страшно выплывала из-за поворота. Снег на солнце блестит так, что глазам больно, и только черные камни даже не отражают света. А в полуверсте еще одна, такая же черная, зловещая, неуместная в чистом свежем мире снега и горного воздуха.

— Чтоб вы провалились, — пробормотал он. Кулаки стиснулись, ненависть стукнула в сердце, захотелось даже самому броситься на эти оскорбляющие его башни и разнести вдрызг хоть голыми руками. — Чтоб вы все там передохли...

Аснерд догнал, поинтересовался:

— Что ты бормочешь? На песни не больно похоже.

— Башни, — сказал Придон с ненавистью. — Да еще сразу две!

— Ага, — согласился Аснерд, — наверное, одно озеро делят.

Послышался стук копыт, приблизился Вяземайт, фыркнул:

— Колдуны? Делят?.. Не знаете вы чародеев! Они все глотки друг другу рвут. И всю жизнь выясняют, кто сильнее. Да и не бывает таких больших подземных озер. Просто две лужи натекли... близко.

Аснерд присмотрелся, коротко хохотнул.

— Уверен, и сейчас больше следят друг за другом, чем за дорогой!

Вяземайт буркнул:

— На это больно не рассчитывать! Одиноких или вот таких, когда не больше десятка, пропускают не глядя. Не угроза. Но если бы пришли сюда с войском...

Он зло засопел, а Придону кровь в голову бросилась с такой силой, что едва не вспыхнули волосы.

— Доберемся, — процедил он с ненавистью. — Доберемся и до этих башен!

Еще сутки двигались по настоящей горной дороге.

Слева стена до небес, справа — бездонная пропасть, а сама дорога, что не шире размаха рук, пугливо жметя к стене. Артанские кони, привыкшие к просторам, храпели от страха и едва двигались на дрожащих ногах. Отважно бросаются в гущу врагов, умеют бить копытами, разбивая черепа, хватают зубами, сбивают корпусом, но того врага можно было побеждать!

Придон тихонько стонал сквозь стиснутые зубы. Эти дни казались минутой, растянутой в бесконечность. Копыта стучат о камень чересчур звонко, в степи звук совсем другой — сухой, четкий, приглушенный, домашний, а здесь слишком вызывающе, такой звук не должен долго длиться... а он, напротив, длится и длится! И снова длится. Изодня в день.

Очередной короткий привал устроили прямо на горной дороге. Коням дали овес в мешках, сами прижались спинами к каменной стене, поели холодного мяса, терпеливо ждали, пока отдохнут кони.

Придон отодвинулся в сторонку, дрожащие пальцы нащупали горячую дощечку на груди. Он положил на ладонь эту оправленную в бронзу драгоценность, жадно смотрел на портрет Итании, нарисованный Вяземайтом.

— Неужели, — шепнули его пересохшие губы, — тебе так сладко меня мучить?.. Ты улыбаешься, но в твоём сердце лед. Ты видишь, как я страдаю, но ты весела... Не тесно тебе в рамке? Выйди, скажи мне слово!.. Ты же можешь!.. Ты настолько красивая, что ты можешь все... Вяземайт говорит, что красота — самая великая магия на свете, потому ей подчиняются даже маги, создатели магии. Даже боги — создатели всего...

Ее лицо стало расплываться, глаза кольнули льдинки. Он поспешно вытер замерзшие слезы. Со стыдом и ужасом подумал, что раньше никакие раны, никакие пытки не могли вырвать даже стон, не говоря уже о слезах. Он смеялся и пел боевые песни, когда дикие горцы захватили в плен и начали истязать, но теперь плачет как ребенок, едва вспомнит ее лицо, ее голос, ее строгие удивленные глаза...

— Что со мной, — прошептал он, — что ты делаешь со мной?

Аснерд посматривал искоса, но молчал. Вяземайт тоже видел и слышал все, помалкивал, а Конст вообще старался не смотреть в его сторону.

Вяземайт после долгого молчания толкнул Аснерда в бок.

— Слышь, медведь...

— Что?

— Не спи, говорю.

— А что тебе?

— Ты же знаешь, если взять всего десяток верст на север, там гора, где живет... помнишь?

Аснерд недовольно хрюкнул.

— Я у него был лет сорок назад!.. Да за это время...

— Это для тебя время, — бросил Вяземайт. — Но не для него, сам знаешь.

Аснерд насупился, буркнул:

— Знаю. Если надо, что ж... можем сделать кряк.

Вяземайт кивнул в сторону Придона.

— Сам видишь.

Аснерд вздохнул.

— Да вижу, такое как не увидеть. Ладно, ты все мясо умял?

— Еще хлеб остался. Хочешь?

— Хлеб сам ешь, ты же волхв.

Они поднялись, Конст торопливо отвязывал от конских морд мешки с овсом. Он поглядывал то на Придона — с сильнейшим сочувствием, то на старших героев — с жадным интересом, ибо каждое их слово несло в себе тайны, а тайны его манили больше всего на свете.

Придон ехал, погрузившись в думы, затем как-то невзначай далеко-далеко за горами заметил фигуру великана. Залитый оранжевым солнцем, тот возвышался над самыми высокими горами, в обеих руках нечто похожее на испо-

линскую чашу. Придону она показалась панцирем гигантской черепахи. Из чаши лился золотой поток, похожий на жидкое золото. Еще в воздухе превращаясь в туман, разбивался на белые кучевые облака, но Придон почему-то был уверен, что часть волшебной воды достигает гор, сбегает горными потоками в долины, несет золотые крупинки.

Конь остушился, Придона трянуло, а когда он снова вскинул голову, великана уже наполовину скрыло облаками.

— Кто это? — спросил он.

Аснерд вздрогнул, посмотрел по сторонам.

— Где?

— Да вот же...

Он осекся. На том месте ползло огромное облако. Аснерд посмотрел еще раз на Придона, снова на то место гор, спросил:

— Что-то видел?

— Да, но...

— Не всем дано, — сообщил Аснерд. — Может быть, ты чем-то наделен большим, чем остальные люди.

Придон покосился на его мощную фигуру, буркнул:

— Мне кажется, как раз я обделен больше всех.

Аснерд покачал головой, некоторое время ехали молча, потом Аснерд сказал медленно:

— Ты помнишь тот базар, когда ты взял из рук бродячих актеров бандуру?

— Не напоминай, — простонал Придон.

— Почему?

— Я стараюсь забыть свой позор, а ты...

Аснерд хмыкнул.

— Позор? Многие бы отдали правую руку за такое колдовство! Ты же чародей, еще не понял?.. Да-да, тебе дана власть... или пробудилась в тебе, не знаю, но теперь в тебе такая сила, что ты можешь делать с людьми все, что угодно!.. Когда ты шепчешь имя своей принцессы, у меня тоже сердце начинает стучать чаще, а кровь вскипает. Я посмотрел на других, у всех — то же самое. Ты можешь заставить

людей плакать, можешь велеть им смеяться до упаду, можешь бросить с голыми руками на вооруженного врага, можешь велеть им всем попрыгать в пропасть... У тебя страшная мощь, но ты, как дурень, едешь с боевым топором, мечтаешь бить по головам собственными руками, как...

Он запнулся, подбирая слово, Придон сказал зло:

— Как герой!.. Пусть как мужчина, в конце концов!

— А кто сказал, что если мужчина, — возразил Аснерд, — то обязательно дурак? Попадаются и умные. Вот я, например. Всегда себе попадаюсь как самый умный.

— А что, выходят на поединки обязательно дураки?

— Не простые, — сказал Аснерд наставительно, — а отважные! Отважные дураки — это красота, это гордость любого племени. Все, что делают, — прекрасно. И наполнено великим смыслом. Правда, словами такой смысл не передать, надо чувствовать. Отважные дураки — это символ любого народа. Без дураков племя не племя, ибо только дураки ведут народ на свершения, на захват новых земель, а умные потом все это объясняют красивыми и умными словами. Если у дурака все получилось, то объясняют — почему, а если нет, то умно рассказывают, что было предельной дуростью вот так поступить и вот так сделать.

Придон, совершенно сбитый с толку, пробормотал:

— Так что же... я не понял... хорошо или плохо быть умным?

Аснерд хохотнул.

— Наверное, хорошо. Не знаю, я сам им все еще не стал. Я говорил о том, что ты, как простой воин, ломишься вперед с топором в руке, хотя мог бы, как чародей...

— А чародеи что, не умные?

Аснерд развел руками. Конь, почуяв, что хозяин выпустил повод, попытался остановиться и пожрать малость чистого снега, но воевода сдвинул сапогами бока, и конь вздохнул, пошел еще резвее.

— Вроде бы умные, ведь чародеи ж... но и дурости в них много. Ищешь, что-то делают, строят, ломают, кого-то защищают, на кого-то нападают! А ведь умный уже с детства

ва знает, что все на свете трын-трава, ничего не изменишь, все люди — скоты, все бесполезно, нужно сидеть в своей норке и не рыпаться, ибо все вокруг сволочи.

Придон покосился на Аснерда, вздрогнул. Там, вдалеке, за спиной воеводы из серых туч вышла сверкающая белизной полуобнаженная женщина.

— Что это?

Аснерд быстро обернулся, в руке непостижимо быстро оказался топор.

— Где?

— Да вон же! — вскрикнул Придон. — Вон!

Он потыкал пальцем. Прекрасная женщина, как он видел отчетливо, идет по вершинам гор, однако ноги ее не касаются земли. Он со сладким в душе ужасом видел, как она свободно двигается в их сторону, вокруг — грязно-белые облака... Нет, не облака, это тяжелые снежные тучи появляются прямо из складок ее одежды, из ее волос, из ее тела. На мгновение сама женщина становится этими тучами, ее прекрасное тело растворяется, и тогда тучи расходятся от этого центра, как бегущие в ужас овцы, и снова она идет прямо на них, ее тело прекрасно, но это тело бездушного белого мрамора... нет, холодного льда...

— Что ты видишь? — спросил Аснерд не своим голосом.

— Женщина... нет ее прекраснее... если не считать Итании! Идет в нашу сторону...

— Богиня зимы, — произнес Аснерд странным голосом. — Мы в ее владениях... Хотя я предпочел бы с нею не общаться.

Он снова вглядывался в облака зорко, лицо окаменело, а брови сдвинулись. Придон даже задержал дыхание, будто этим мог помочь воеводе увидеть прекрасную женщину. Аснерд всматривался пристально, очень пристально, но Придон с растущим разочарованием замечал по его лицу, что воеводе не удастся рассмотреть то, что так ясно видно ему, Придону, не отмеченному ни силой Аснерда, ни зоркостью Олексы, ни мудростью Вяземайта.

Богиня ушла в облака, Придон долго вглядывался, вер-

телся в седле, вдруг да появится где еще. Аснерд наконец сказал с сочувствием:

— Брось страдать. Хватит и того, что ее видел. Значит, ты отмечен богами.

— Как? — спросил Придон. — Как отмечен?

— Отмечен, — повторил Аснерд. — А вот как...

— Ну хоть к добру? — взмолился Придон. — Или к худу?

— А это как повернется, — ответил Аснерд.

Вяземайт, что уже некоторое время прислушивался, сказал с неудовольствием:

— Что ты мелешь?.. Не как повернется, а как он сам повернет! Боги не управляют человеком, но награждают или наказывают за его поступки. Но поступает-то он всегда по своей воле!

Аснерд фыркнул, как большой конь, захохотал.

— Ну да, по своей! А если его тцар пошлет?

— Любой волен идти или не идти, — твердо сказал Вяземайт. — Придон, ты его не слушай. Человек всегда решает сам, потому и должен думать, что он делает. Потому и отвечает за свои поступки! Конь подо мной не отвечает, волк не отвечает, дракон не отвечает, а человек — в ответе!.. Ты на что опять смотришь?

Придон прошептал с мукой:

— Вон там идет высокий воин... в странных таких доспехах... красивых, но странных!.. А рядом с ним три огромных белых волка. Ростом с медведей, но это волки, клянусь!

Вяземайт всматривался еще дольше, чем Аснерд, сказал с неловкостью:

— Да, тебе бы волхвом стать... Такое видение двух миров дано... неспроста. Ты для чего-то рожден, Придон.

В сторонке Аснерд захохотал так гулко, что в горах отозвалось эхо:

— Все мы для чего-то рождены!.. Самое меньшее — унавозим землю. Да еще детей наплодим.

— Дурак, — ответил Вяземайт беззлобно. — Этих боги

не замечают. Но за некоторыми, кому вручили свои бесценные дары, следят. И чего-то ждут.

— Чего? — спросил Придон с сильно бьющимся сердцем.

— Свершений, понятно. Только не спрашивай меня каких.

Придон пугливо оглянулся на скалу, в которую вошел огромный воин, а за ним без усилий вдвинулись в камень три белых волка.

— Не проще ли было сказать?

Вяземайт развел руками, совсем как недавно разводил дланями Аснерд.

— А если хотят понять, как ты сам распорядишься бесценным даром?.. Если от этого зависит что-то огромное, важное?

Придон в замешательстве пробормотал:

— Все равно не понимаю. Проще — приказать.

Вяземайт покачал головой. Глаза его блеснули и погасли.

— Не все можно приказать, — ответил он. — Не все... приказуемо.

Он ослабил повод, и конь освобожденно понесся, как низколетающая над верхушками трав огромная птица. Придон с огорчением смотрел вслед. Рядом ехал огромный Аснерд, спокойный, неподвижный, Придон спросил почти жалобно:

— Почему он так... непонятно?

Аснерд пожал плечами, лицо не изменилось. Конст, что не проронил ни слова, сказал тихо:

— Это горы, Придон...

— А что, если горы?

— Здесь больше от старого мира, — сказал Конст. — Потоп не залил эти вершины... А когда с неба падали камни, то равнины были охвачены огнем, потом все засыпало горячим пеплом, а здесь стена огня разбилась о горную стену. Так что здесь можно увидеть много странных существ.

Аснерд сказал мечтательно:

— А также можно отыскать немало странных вещей.

- Каких? — спросил Придон жадно.
Конст сказал с мягким укором:
— Аснерд, как тебе не стыдно?
— Да стыдно, стыдно, — проворчал Аснерд. — Уж и по-
мечтать нельзя!
— Это не мечты, а грезы!
— Да какая разница...
— Э-э-э, поживи с мое, увидишь разницу.
— Это ты поживи с мое, — буркнул Аснерд загадоч-
но, — увидишь разницу.
Конст фыркнул, Придон не понял тонкостей спора,
но, похоже, один упирает на продолжительность своей
жизни, а другой — на ее наполненность.

ГЛАВА 9

- Аснерд долго всматривался, лицо немного ожило, брови приподнялись. Он вытянул руку.
— Видите вон ту вершинку?..
Трое всмотрелись, Вяземайт сказал:
— Если ты о той, что как острие меча в небо, то лучше опусти руку. Нам надо прямо.
— О той, — ответил Аснерд довольно. — Здорово, да?
— С твоим ли пузом? — спросил Вяземайт горько. —
Туда не то что на конях... туда кот паршивый не взберется!
— Старик же взобрался.
— Старик... Старик — колдун! Мог туда птицей или драконом.
— А мы, — сказал Аснерд, — ножками... Коней придется оставить здесь. Думаю, тебе лучше посторожить коней, чем общаться с магом, что тебя посильнее...
Придон спросил непонимающе:
— О чем вы? Что там, на вершине?
Вяземайт ответил со странной усмешкой:
— Я ж говорю... иное существо найдет грязь на вершине горы прямо под солнцем. Ладно, если вам так уж при-

спичило, то я лучше останусь с конями. Они умные. Все равно ничего не узнаю от человека, что ушел от жизни и теперь предается, видите ли, каким-то сложным размышлениям на вершине высокой горы!

— Я тоже останусь, — сказал Конст неожиданно.

Мохнатые брови Аснерда взлетели еще выше.

— А ты чего?

— Я сам долго сидел на вершине, — ответил Конст. — Ну, не на горе... словом, я изголодался по лицам, разговорам, дальним странам. Мне интереснее побыть с Вяземайтом, который многое видел, чем с мудрецом, который последние годы зрит только снежные вершины.

Аснерд грузно слез с коня, бросил, не глядя, поводья Консту. Придон потащился за старым воеводой, пару раз оглянувшись, Вяземайт и Конст устраиваются так, будто собирались провести здесь пару суток.

Аснерд подпрыгнул, зацепился за каменный выступ и пошел быстро подниматься по стене, будто превратился в огромного мохнатого паука. Придон стиснул зубы, не опозориться бы, поспешно ринулся следом, от спешки иногда срываясь и зависая над головами Конста и Вяземайта на одних кончиках пальцев.

Некоторое время взбирались вверх почти по отвесной стене. Придон дивился, как это грузный воевода намеревается взобраться на самую вершину, уже сейчас засапался, но Аснерд, как почуяв невысказанный вопрос, прохрипел:

— Еще чуть-чуть... А дальше есть тайный ход, я уже ходил по нему.

Придон карабкался и карабкался, страхась взглянуть вниз. Он казался себе мухой на стене дома, но мухе ничего не грозит, если заснет или сорвется... За плечо ухватили грубые пальцы, втащили на уступ. Аснерд широко улыбался.

— Ого, есть еще мощь в теле сына Осеннего Ветра!

— В тебе... ее побольше... — прохрипел Придон. Свои губы казались обугленными от жаркого дыхания. — Как ты можешь?

— Во мне говорит кровь, — ответил Аснерд. — Мои родители... те, давние... по горам носились быстрее горных козлов. Смотри, вот и дорожка!

Придон содрогнулся всем телом. То, что воевода называл дорожкой, оказалось всего лишь цепочкой ямочек на отвесной стене. словно крупная железная ящерица пробежала вверх по стене, а за нею остались следы, где можно зацепиться разве что кончиками пальцев.

— Пойдем, — пригласил жизнерадостно Аснерд. — Здесь совсем близко.

Придон со страхом и недоумением смотрел, как этот гигант с непостижимой легкостью почти побегал вверх по отвесной стене. А тут пальцы дрожат от напряжения, ноги трясутся, он карабкался следом и карабкался, это «совсем близко» дальше, чем скакал бы на коне от восхода и до заката. Пот заливает глаза, течет по раскаленному лицу, а что не возгоняется паром, падает далеко внизу мелкими ледяными комочками.

Сквозь пелену в глазах видел медленно уползающее вниз серое. Ободранная щека горит, страшно хоть на миг оторваться от промерзлого камня. Он хрипел, стонал, на губах пузырилась пена, а когда за плечи ухватили жесткие пальцы, он вскрикнул и дал себя затащить наверх, как мокрую тряпку.

Аснерд опуститься не дал, встряхнул, гаркнул жизнерадостно прямо в ухо:

— Не заснул?.. Вот и хорошо. Пойдем, у них там поедим чё-нить.

Холодный воздух ожег лицо, словно плеснули ледяной водой, но солнечные лучи опалили настоящим огнем, еще чуть — и дотронется до раскаленного светила рукой. Он стоял, пошатываясь, на ровной, будто срезанной ножом площадке. Только на той стороне громоздится еще одна глыба, промерзшая глыба льда. Он страшился шевельнуться, ибо со всех сторон только беспощадно синее небо, оно же сверху, и, Придон боялся такое представить, небо даже снизу, ибо вот там облака, застывшие, как заснеженные

вершины, на самом же деле плывет и покачивается эта вот каменная глыба.

Он пошатнулся снова, сделал шаг, Аснерд перехватил, рыкнул:

— Куды?.. Повело?.. Ишь, чуйствительный какой... Будто я сам в детстве... Пойдем, нас уже заметили.

И тут Придон потрясенно понял, что белая промерзлая глыба — не глыба, и не промерзлая, а дом из белого как снег камня. При их приближении окна вспыхнули теплым желтым светом. На крыльце появился обнаженный до пояса коренастый мужчина с седой головой. Волосы свободно падают на плечи, грудь широка, а живот хоть и не разбит на квадратики мускулов, но все еще не свисает через ремень.

Он внимательно всматривался в чужаков, Аснерд издали вскинул над головой обе руки.

— Приветствую, мудрый!.. Прости за вторжение, но однажды я уже у тебя был.

— А я сказал, — закончил старик сильным звучным голосом, — что приходи, дескать, еще. Помню. Это было вчера?

У Придона мороз пробежал по коже. Аснерд отмахнулся с несвойственной для сурового гиганта легкомысленностью.

— Для тебя — да. Для меня — сорок зим тому, но кто обращает внимание на такие мелочи?

— Хорошо сказано, — одобрил старик. Он пытливо взглянул на Придона. — Меня зовут Льяст, а ты — Придон, сын Осеннего Ветра и потомок Яфета. Заходите в дом, переведите дух. Ко мне подъем не прост...

— Да ерунда, — возразил Аснерд. — Вон Придон говорит, что по такой удобной тропке бежал бы хоть до самого неба.

Льяст распахнул дверь и остановился, пропуская их в дом. Снова Придон ощутил на себе цепкий ощупывающий взгляд. Из комнаты пахло теплом и свежестью, странное сочетание, ибо для Придона свежесть всегда в морозном воздухе, потому свежее этой свежести, что вот здесь, на вер-

шине горы, вроде бы и вообразить немыслимо, но гляди ж ты...

Хозяин вошел следом, в просторном очаге, встроенном в стену, вспыхнуло жаркое пламя. Оранжевые блики осветили помещение живым огнем. Лдяст повел рукой, прямо из воздуха соткался массивный дубовый стол. Темная поверхность тускло блестела, толстые ножки украшены фигурками дивных зверей. Аснерд покачал головой.

— Вот теперь ясно, почему здесь нет просторного ложа.

— Почему? — засмеялся Лдяст и, не дожидаясь ответа, спросил: — Что предпочитаете после такого подъема?

Придон посмотрел на Аснерда, еще не понял, при чем тут отсутствие просторного ложа, а тот отмахнулся с самым беспечным видом.

— Да на твой выбор... Мы, артане, не привередливые.

Лдяст хитро подмигнул Придону.

— Ты все еще не считаешь его хитрым? Ведь знает же, что не напридумывает такого, что уже давно есть на свете... в других землях.

Он посмотрел в сторону стола, тот моментально покрылся скатертью, по кругу очень быстро начали появляться широкие тарелки с жареным мясом. Даже хлеб был не простыми ковригами — коричневые корочки усыпаны орешками, диковинными зернами, маком, а уж мясо так и вовсе на мясо не похоже, слишком нежное и сочное. Придон с трудом узнал разве что птицу в розовом соусе да еще ракушки, мимо которых проходил на берегу моря, не подзревая, что их можно есть.

Лдяст быстро взглянул на его смущенное лицо, кивнул. Со стола мигом исчезли диковинки, зато появились зажаренные целиком олени, лебеди, огромные окорока, явно туров или подобных им зверей, огромные рыбыны, сваренные в сладком соке из ягод... Стол заметно удлинился, стараясь все принять, все вместить. Все это быстро сменялось, что-то исчезало, что-то оставалось, увеличивалось в размерах, а то и удваивалось, Лдяст все следил за лицом

Придона, а тот, наконец сообразив, как горный чародей выбирает блюда, умоляюще оглянулся на Аснерда.

Воевода крикнул, сказал досадливо:

— Ты вот что, не хвались, не хвались. Мы не бабы изнеженные...

— Это едят куявские военачальники, — сообщил Льядст.

— Вот я и говорю, мы ж не бабы. Нам хорошо прожаренное мясо... чтобы без крови, малость сыра. Лучше молодого оленя. Если есть гори-трава или кумыс, давай. Если не сумеешь, то хотя бы воды.

Оскорбленный Льядст, не дали побахвалиться обилием пищи, повел дланью, стол заполнился широкими глиняными блюдами с черными узорами по краям, сильно и знакомо пахло жареной олениной. Дивный аромат не смешивался и не забивался никакими гадкими запахами.

Некоторое время ели быстро и молча, потом Придон вспомнил о манерах, заставил себя поглощать мясо медленнее, с достоинством. Льядст сидел по ту сторону стола, в руке золотой кубок, глаза с интересом следят за гостями, сам медленно потягивает этот перебродивший сок, именуемый вином. Артане тоже с удовольствием пьют виноградный сок, как и едят сам виноград, но только до тех пор, пока сок не испортится, не скиснет, не забродит. Остальные эту перебродившую гадость пьют, становятся подобны животным, орут, бахвалятся, шатаются, движения их становятся неверны, в бою их победит даже ребенок, речь их подобна бреду сумасшедшего, а выпившие много — падают там, где придется, нередко в таком беспамятстве могут обгадиться на виду у всех...

Льядст словно понимал, что думают о нем сдержанные в еде и питье артане, сделал еще пару коротких глотков, едва смочив губы, поставил кубок на стол. Вина там уменьшилось разве что на палец.

— Есть другое вино, — сказал он негромко Аснерду, — ты сам знаешь его сладость.

Аснерд вежливо рыгнул, пожал плечами.

— Я-то знаю, — ответил он суховато, — потому даже и не прикасаюсь к такой дешевой замене.

Лдяст скупой улыбнулся Придону. Тот перестал жевать, горный волшебник внимательно смотрит на него по-старчески выцветшими глазами. По тонким бесцветным губам пробежала легкая усмешка.

— И что же ты, Придон, сын Осеннего Ветра, хотел спросить?

Голос его был молодым и сильным. Придону почудилось, что, пожелай старец, он и сам бы стал таким же молодым, как и его голос. Но только крайний бедняк тут же бросается в пыль за блеснувшей монетой, только умирающий с голоду ухватит хлеб раньше старшего в роду! Этот старец совсем-совсем не бедняк...

В глазах защипало. Он видел как сквозь пелену дождя, глаза старца стали огромными, как озера, заполонили весь мир.

Исполинский голос, что шел со всех сторон, повторил:

— Что ты хотел спросить?

Ты же знаешь, хотел ответить Придон. Его трясло, губы дрожали, а руки не находили себе места. Ты же знаешь, из-за чего мое сердце рвется!

— Скажи, — вырвалось у него из глубин сердца, — скажи мне... Ты прожил долгую жизнь, видел многое... Говорят, ты видел рождение моего народа, знал юность всей этой страны... Скажи!..

Он умолк, не в состоянии подобрать слова. Старец, уже принявший обычный вид, сидел по-прежнему на том же месте. Взор устремлен через исполинские окна на заснеженные вершины. Освещенные острым солнцем, блистали ярко и дико, как обнаженные мечи.

— Говори. Я догадываюсь, о чем ты, но все же скажи это вслух.

— Я хочу, — вырвалось у Придона, как стон, — если не могу прекратить всю эту муку, то... поскорее состариться!

Старик вскинул брови, глаза всматривались в Придона с новым выражением.

— Зачем?

— Чтоб вот так же... как горы... безмятежно! До каких пор любовь будет меня мучить?

Старец снова долго молчал, взгляд оставался неподвижным, а вершины гор, казалось, сами суетливо двигались, стараясь попасть в его поле зрения, чтобы ощутить сильную ласковую руку хозяина на каменной шкуре со вздыбленной шерстью.

Придон затаил дыхание.

— Дальше в горах живет мой старший брат, — наконец ответил Лдяст. — Он намного... старше. Спроси лучше у него.

— А ты?

— Что я могу знать? — ответил волшебник. — Я стар и сед, но моя любовь еще не постарела... Ты видел, как зимой на крыше лежит снег, но в очаге полыхают раскаленные угли? Моя любовь греет и меня, и ту, для которой я много-много лет тому назад добывал перья сокола.

Он посмотрел в сторону двери. Брови сдвинулись, он перевел взор в окно. Там, над острыми пиками гор, блеснула искорка, разрослась. Придон с изумлением рассмотрел крохотную фигурку летящей женщины в развевающихся одеждах.

Аснерд взглянул тоже, наконец буркнул:

— Ага, вот какое твое вино...

— Ты не ошибся, воевода, — ответил Лдяст довольно.

— Наверное, старое вино, — похвалил лицемерно Аснерд. — Выдержанное!

Брови Лдяста сдвинулись, а голос прогремел, как пока еще далекий гром:

— Да, любовь, как и вино, с возрастом тоже становится крепче, ароматнее и тоньше... Ты еще не знаешь?

— Я-то знаю, — отпарировал Аснерд. — Но то я, а то ты!

Лдяст побагровел, раздулся от гнева. Некоторое время казалось, что разразится страшная гроза, но Лдяст внезапно расхохотался, хлопнул Аснерда по плечу.

— Завидуешь, что не только тебе повезло?... Ладно, я...

Придону почудилось, что толстые доски дрогнули. В щели хлынул свет, дверь исчезла. Через порог шагнула женщина, за ее спиной на миг возникли снежные горы на синем небе; затем дверь возникла на старом месте. Лицо Лдяста вспыхнуло, налилось молодостью, спина распрямилась. Он засмеялся молодо и грохочуще. Женщина уперла руки в бока, лицо ее было румяным от мороза, а глаза смеялись.

— Вот так? — сказала она веселым голосом, старательно изображая гнев. — Стоит мне за порог, а ты уже пьянствуешь?

Артане поднялись, поклонились. Лдяст обвел рукой.

— Сердце мое, это мои друзья. Собери нам на стол, а то мы чуть-чуть перекусили, чтобы не умереть с голоду, но все с нетерпением ждем твоего обеда...

Аснерд удивился:

— Тебе ж только бровью шевельнуть!

— Хе, — ответил волшебник гордо. — Ничто не сравнится с тем, как она готовит! Есть вещи и повыше колдовства.

Придон посмотрел на волшебника, на его красавицу-жену, вдруг ощутил, что все то, что пожрали, в самом деле всего лишь разминка перед Настоящим Обедом.

Конст и Вяземайт вскинули головы. Аснерд и Придон спускались как два каменных медведя, сопели и ворчали, Аснерд еще ухитрился почесаться на ходу, даже непонятно, что за сила им помогает не сорваться с отвесной скалы.

Придон соскочил, когда до площадки оставалось не больше двух сажен, но колени подломились, он охнул и пал на бок.

— Переел, — объяснил он виновато, поднялся поспешно, огляделся. — У вас все в порядке?.. Тогда поехали.

За спиной Аснерда болтался мешок. Он сунул Вяземайту в руки, тот заглянул вовнутрь, глаза расширились. Придон снял путы с конских ног, Луговик счастливо за-

ржал. Уже с седла Придон оглянулся на Вяземайта, тот что-то совал Консту и объяснял знаками, как именно надо есть эту непонятную штуку.

— Вперед? — спросил Придон вопросительно.

— Да, — согласился Аснерд и добавил: — Но — за мной. Уже скоро доберемся.

— Ага, скоро, — буркнул Вяземайт.

— Что-то не так? — поинтересовался Аснерд грозно.

— Да нет, все так. — ответил Вяземайт лицемерно. — А у тебя еще много здесь знакомых?

Аснерд фыркнул, выехал вперед. Навстречу пронизывающий ледяной ветер, на сытый желудок в нем никакого холода, никакой враждебности, просто ветер. Все трое цепочкой тащились следом. Вяземайт и Конст в седлах передавали друг другу мешок, Придон слышал их голоса, иногда насмешливые, иной раз удивленные. Часто умолкали надолго, а если ветер менял направление, слышно было хруст мощно работающих челюстей.

Впереди по горам неслась крохотная фигурка скачущего коня. Придон рассмотрел в седле человека в доспехах и с красным плащом за спиной. Конь скакал по скалам, как горный козел, что знает каждый выступ, каждый камешек. Всадник повернул голову в их сторону, Придону почудилось пламя на месте глазниц, затем всадник исчез за выступом скалы.

Придон украдкой посматривал на воеводу. Тот слегка помрачнел, лицо стало задумчивым.

— Аснерд, — сказал Придон с надеждой, — ты же видел... Ты же видел!

Воевода нехотя кивнул:

— Да.

— Всадника на крупном коне?

— Верно.

— С красным плащом за спиной?

Аснерд подвигался в седле, лицо из задумчивого стало недовольным.

— Придон, его многие видят... Это же Забертур!

Придон оглянулся на Вяземайта с Констом, те смотрели только в мешок, не замечали даже их двоих.

— Ну и что? — сказал он жалко. — Аснерд, я не знаю даже всей Артании, а уж здешние порядки...

— Это старая история, — буркнул Аснерд. — Очень старая. Ее забыли даже здесь, в горах.

— А ты откуда знаешь?

— От Льядста. Я у него бывал раньше, когда-то мы даже дружили. Ну, мне так казалось. Словом, жил-был тцар, который привел в эту долину полумертвых изгнанников и беглецов из разных племен. Он создал из них новое племя, а затем половину жизни провел с мечом в руке, защищая и укрепляя страну. Наконец он добился, что другие племена его признали, перестали тревожить набегами, а затем ему предложили руку самой красивой женщины мира! И вот должна быть свадьба...

Придон сглотнул ком в горле. Весь мир говорит о свадьбе, грезит о свадьбе, творит свадьбы. Вон два горных коршуна летят крыло в крыло, по перьям видно, что сейчас пойдут вить общее гнездо, вон две одинаковые скалы...

— И все люди, — продолжал Аснерд почти через силу, — знали и говорили с благодарностью, что не было большей заботы у него, чем благо его молодой страны! Боги, которые в те века больше, чем сейчас, вмешивались в судьбы людей, усомнились и решили проверить, так ли это. И тогда явился к нему один и предложил на выбор: жениться, жить долго и счастливо, вырастить сынов, даже внуков посадить на коней и сделать воинами... или же умереть сегодня, в цвете лет, но оставшиеся дни жизни тратить медленно, медленно...

Придон ахнул:

— Это же... это бесчеловечно!

— А при чем тут человечность? — удивился Аснерд. — Выбор предложили боги.

— И что выбрал молодой тцар?

— Поколебавшись, — сказал Аснерд тяжелым голосом, — что было, то было, он выбрал все же последнее.

— Что? — не поверил Придон. — Что он выбрал?

Аснерд не повел бровью, продолжал, будто не слышал:

— Был тогда по всей стране плач великий, ибо умер красавец тцар, что безумно любил страну и заботился о ней. Плакала молодая невеста, что, так и не став женой, превратилась во вдову... И вот тцар каждый год просыпается от вечного сна, выезжает на коне на белый свет. Три дня скачет, смотрит, вопрошает, как живут люди в его стране, которую он создал, ликует ее успехам и горько рыдает над поражениями, над павшими воинами. Три дня ему отпущено в каждом году. Иногда он что-то успевает сделать для своей маленькой страны великое, полезное... А потом снова земля с грохотом разверзается... ты еще услышишь!.. он падет в бездну и засыпает до следующего года.

Придон слушал в благоговейном молчании. По спине бегали мурашки, а кожа на руках вздулась пупырышками. Аснерд взглянул в его потрясенное лицо. По губам старого воеводы скользнула горькая усмешка.

— Ну как?

— Я бы так не смог, — прошептал Придон.

— Он был настоящий тцар, — согласился Аснерд. — Настоящий.

— Настоящий, — сказал Придон с трудом. — Я... я не такой. Это Скилл у нас настоящий. Он весь в отца. А я... я в маму.

Аснерд дотянулся и похлопал его по плечу. Звук был такой, словно шлепал по огромному обкатанному волнами камню. И по твердости плечо Придона не уступает камню. Вот только сердце у брата Скилла совсем не каменное. Нет, у героя сердце и не должно быть каменным, иначе не услышит горестных криков тех, кого должен защищать, но все же сердце Придона слишком уж похоже на сердце девочки-подростка.

— Я не знаю, что тебе сказать, — признался Аснерд. — Не знаю, что лучше. Это слабость... наверное, я уже старею, теряю волчью хватку, которой гордятся все артане, но ска-

жу как свое личное, хоть ты и не поверишь, — пусть будет правильно и то, и другое.

— Что?

— Большой стране, как вот наша Артания, нужны и железные герои, и мягкосердные ревуну.

— Ревуну? — переспросил Придон. — А что это за звери?

Аснерд отвел глаза в сторону. Придону показалось, что по губам старого воеводы пробежала едва заметная усмешка.

— Плаксы, — ответил он коротко.

Придон прикусил язык.

ГЛАВА 10

Дорога истончилась, пропала, еще сутки пробирались только по указке Аснерда. Он не то сверялся со звездами, не то ориентировался по вершинам гор, затем появилась тропка, выросла в дорожку, а та и вовсе превратилась на следующий день в настоящую дорогу.

По обе стороны начали попадаться широкие каменные плиты с высеченными на них знаками и фигурками зверей. Дорога все еще поднималась, под копытами трещал лед, в щелях белел настоящий снег, хотя середина лета. А затем Аснерд ликующе вскрикнул:

— Ну, кто сомневался?

За все время в горах им попадались разве что крохотные каргалистые деревья, чудом выросшие в трещинах, щелях. Обязательно низкорослые, покрученные, почти всегда одинокие, в таких расщелинах места только на одного, всегда все мелкое, кривое, разве что на дрова, а тут вдруг сперва мелколесье, Луговик вброд перешел мелкую горную речушку, и за ней сразу от воды пошли такие сосны, что, будь у Придона шапка, уже свалилась бы с головы. Вершинки все упираются в небо, стволы ровные, вытянутые, дрожат от жажды дотянуться до небес, разорвать острыми вершинками брюхо облакам...

На вершине неприступной горы гордо и надменно вы-

силась над остальными горами, долинами, селами и пастбищами массивная крепость, что показалась Придону просто продолжением самой горы.

У самого основания холм окружал высокий забор из толстых бревен, вкопанных одним концом в землю. Даже ворота деревянные, но по середине холма идет уже каменная стена, довольно толстая, с массивными воротами. Сама вершина выглядит монолитной скалой, хотя Придон по рассказам Аснерда уже знал, что там есть и внутренний двор, отсюда не видный, в том дворе два колодца, своя кузница, оружейная, не считая пристроек для столь необходимых хлебопек и прочей челяди.

Крепость выглядела квадратной, только на левом краю торчит высокая каменная башня. Видно было, как ходит страж, изредка исчезая за массивными зубцами. А над самой башней трепещет по ветру кумачовый прапор, страшная драконья морда то появляется на полотнище, то исчезает.

Когда Придон послал Луговика вслед за Аснердом и, двигаясь по извилистой тропке в сторону ворот, оглянулся, то невольно дернул повод, удивив Луговика. Все горы окрест и вся долина как на ладони, видны крохотные села, игрушечные домики, едва различимые фигурки людей...

Под копытами вместо снега шуршала сухая хвоя. Стволы толстые, в три-четыре обхвата, а когда конь выскочил на пригорок, Придон увидел выбежавшую навстречу деревушку.

Дома все один в один, собраны из толстых каменных глыб. Крепость далековато, но дома все до единого — тоже маленькие крепости. Видно, что построены недавно, камни со свежими сколами. Придону почудилось, что здешние люди привыкли строить из бревен, но здесь в горах леса нет, а эта дивная роща — ее явно берегут, священная, что ли, потому рубят и обтесывают камень. Но зато камня не жалели, благо ездить за ним не надо, все постройки высокие, широкие, словно в них живут великаны. Даже на сараи, конюшни и всякого рода пристройки, без которых не

может существовать деревня, пошли добротные толстые... он чуть не сказал «бревна», но в самом деле эти каменные блоки большегодились бы на ограду защитной стены небольшого города.

Он въехал на околицу, на дома посматривал с некоторой опаской. Нет привычных украшений, узорчатых наличников, петухов или коньков на крышах, на камне узор не оставишь с такой же легкостью, ставни есть, но не раскрашены, зато когда навстречу попались утки, важно шествующие к озеру, он посторонился с конем: утки размером с гусей, толстые, уверенные, гогочущие, а когда позволил Луговику идти дальше, впереди в луже увидел свинью, что сперва показалась коровой или спящим бескрылым драконом.

Объехал свинью, дивился колодцам, в каждом дворе по колодцу, сруб из массивных глыб, а сверху обязательно на толстенных столбах могучий навес. Если пролетевшая ворона выронит мельничный жернов, то и тогда подобный сор не попадет в чистую воду колодца...

Из-за каменных заборов на него смотрели люди. Все как один кряжистые, хотя и рослые, мужчины обязательно чернобородые, с угрюмыми дерзкими глазами, женщины все румяные, упитанные, бойкие, со смешливыми глазами, блестящими, как поспевший чернослив.

Аснерд весело блеснул глазами, помахивал рукой, крупные люди ему всегда нравились. Крупных он считал обязательно честными и прямодушными, в то время как всякая мелочь, чтобы выжить, обязательно будет хитрить и умничать.

— А кто здесь? — спросил Придон.

Вместо Аснерда ответил язвительно Вяземайт:

— Как я понял, очередные друзья Аснерда. На самом деле нам чуть правее. Там пост Трех Мечей, куда за нами прибудет дракон.

Аснерд услышал, буркнул независимо:

— Придон, не слушай этого зануду. Увидишь, мы не зря заедем.

Дорога пошла по прямой, все укатаннее, шире. Аснерд выехал вперед, от возбуждения раскраснелся, глаза весело блестели. Стены великанские, слишком высокие для крохотной горской крепости. Сюда огромное войско привести невозможно, а от мелочи не обязательно поднимать стены так, чтобы зубцами обдирали толстые брюха тучам. Либо здесь отбиваются от врага посерьезнее, могут же нападать волшебники или драконы, либо выстроили такую громаду просто так, от избытка силы. Женщинам такое в голову не придет, а мужчины — могут. Дров наколоть поленья, зато топоры точить или крепости складывать — всегда найдется время и желание.

В спину дохнул холодный ветер, в воздухе закружился мелкий снег. Аснерд неспешно вытащил рог, Вяземайт поморщился и приложил к ушам ладони. Аснерд покосился на него, поднес рог к губам... подумал и со вздохом опустил. Лицо его стало опечаленным. Вяземайт в недоумении опустил ладони, и тут же коварный Аснерд быстро приложил рог к губам и дунул во всю мочь.

Страшный рев разметал снег на десятки шагов, обнажились голые камни. Тугая стена заснеженного воздуха понеслась в сторону крепости. Снежная волна ударилась о камни с силой океанской волны в бурю. Взметнулось наподобие брызг, стражи на стене отшатнулись, затем оттуда донесся звучный здоровый хохот.

Придон прислушался: воины ржали над собственным испугом и теми, кто испугался сильнее. Ворота дрогнули, со скрипом отворились. Обе створки тащили в стороны по двое дюжих мужиков, каждый выше Придона... да и, пожалуй, выше самого Аснерда. Снег возле ворот убран, но дальше сугробы поднимаются выше окон. За высокими стенами метелице не разбушеваться, здесь кружились только вихри да вихрики, снежная пыль ходит винтами, как привидения. На улицах пусто, время ужина и сна, многие окна уже темные.

Миновали рынок, дальше небольшое скалистое возвышение. На нем серебрились покрытые инеем массивные

стены, тоже уходящие в низкие тучи. Там еще одна крепость, внутренняя, огромное здание из великанских глыб, последний рубеж защиты. Здание под самыми стенами окружает ров, широкий и показавшийся бездонным, — единственно черное место среди сверкающей белизны.

Аснерд вскинул рог, Вяземайт зажал уши, но Аснерд на этот раз не стал дразнить волхва, протрубил громко и мощно. В окнах, освещенных светильниками, появились темные головы. Четверку чужаков явно разглядывали. Потом, видимо, не сочли опасными, ибо негромко заскрипели, застонали цепи. Мост опустился, а пока артане двигались по толстому бревенчатому настилу, ворота скупно приоткрылись.

Копыта сухо стучали по камням. Все четверо въехали во внутренний двор, там их окружили очень высокие крупные люди в кожаных доспехах. Минуту спустя появился огромный и широкий человек с роскошной бородой и волосами до плеч. Он издали зыркнул на гостей исподлобья, всхрипнул и пошел в их сторону, слегка косолапя.

— Кого это принесло? — прорычал он грозно.

— Счастье твое пришло, — заявил Аснерд сладким голосом, — отворяй ворота!

Он слез с коня, Придон поспешно перехватил повод, только из почтительности, ибо конь Аснерда оставался похожим на вырубленную из камня фигуру, даже не шелохнул ухом.

— В прошлый раз, — прорычал хозяин крепости еще страшнее, — ты полгорода спалил!..

— Зато погуляли как, — ответил Аснерд мечтательно. — Здравствуй, Антланец.

— И тебе... ага, здоровья, Аснерд.

Сшиблись, как две скалы, сухо заскрипели толстой, как у драконов, кожей. Придону даже почудился треск костей, похожий на шелканье мелких камешков. Огромные, могучие, тяжелые, некоторое время мяли друг друга в объятиях. Руки у обоих толстые, как бревна, головы — пивные

котлы на сорок человек, а грудь каждого с сорокаведерную бочку.

Придон вспомнил старые слухи, что род Гормедов, во владения которых приехали, идет от горного медведя. Горные медведи впятеро крупнее лесных, а силы вовсе неимоверной. Якобы однажды девки собирали в лесу ягоды, одну утащил медведь, найти не удалось, только через год как-то охотники наткнулись в отсутствие хозяина на берлогу в скалах, а там обнаружили молодую бабу с ребенком и медвежонком. Всех троих забрали и привезли ко двору тцара. Тот подивился чуду, велел бабу определить на кухню, ее детей воспитывали среди челяди и дворцовой стражи. Мальчишка рос на диво могучим, свирепым. Медвежонок ему не уступал, но его пришлось в конце концов отпустить в лес, слишком многих покалечил. Зато выросший сын медвежий стал принимать участие в боях, отличился, ему дали свой небольшой отряд, а для прокорма — деревушку... С той поры, говорят, и пошел род Гормедов, могучих воинов, которые оставались в родстве и великой дружбе с медведями, своей родней.

Антланец свое прозвище получил, по слухам, еще в молодости, когда с небольшим отрядом удальцов спустился в долину и прошел огнем и мечом по ланам местного воинственного племени антов, пожег, истребил, а на оставшихся наложил тяжелую дань и обязательство посылать им по пять девственниц в горы. Анты, впервые получив такой жестокий урок, теперь не пытались перечить народу гормедов ездить через их земли в Куявию или Артанию.

— А ты еще не совсем... не совсем... — прохрипел наконец Антланец.

— Да и ты... — ответил Аснерд полузадушенно, — еще не рассыпаешься... как трухлявый пенёк...

Огромный, тяжелый, Антланец напоминал горного медведя и вытянутой клином головой, и маленькими глазками, и длинным торсом с короткими кривыми ногами. Сейчас он двигался несколько неуклюже, но в бою старый воевода, по слухам, преображается: бежит как лось, прыгает

ет как коза, может залезть на ровную и гладкую сосну, а в бою у него словно бы вырастает по четыре руки. И все — с топорами.

Антланец наконец отпустил Аснерда, косолапо переступил с ноги на ногу, раскинул руки:

— Придон!

Треугольная морда кое-где поросла шерстью, но вообще-то лицо воеводы было гладким, до багровости прокаленным солнцем, морозами, встречным ветром и суровой жизнью на заставах и кордонах. Придон соскочил с коня, Конст перехватил оба поводя, Придон заставил себя радостно улыбнуться, ибо сказано, что дети и вообще младшие обязаны принимать от родителей и старших все «с приятным выражением лица», то есть радостно, даже если щас кости затрещат...

Сам Антланец вблизи напоминал массивную глыбу с натянутой шкурой: никаких выступающих мышц, никакой стати, просто движущаяся скала, что крушит и ломает все на пути. Голова прямо на плечах, отчего ею почти не двигает, а поворачивается всем телом, но делает это редко, будто медвежьим нюхом и так знает обо всем, что за спиной, по бокам и даже в ближайших домах.

Обнялись, Придон задержал дыхание, Антланец обнял с грубоватой нежностью, отстранил, всмотрелся, но, когда Придон перевел дух, Антланец снова прижал к груди, воскликнув:

— Боги, как же ты похож на свою мать... и на того дива, что носится в снежные бури по здешним горам!

В глазах Придона было темно, он слышал свой голос, что-то жалобно мявкаящий. Потом их всех повели в дом, там теплый сухой воздух, пляшущие языки живого огня, в гигантских очагах сгорают целые дубы, и он наконец перестал чувствовать себя так, словно его пропустили через камнедробилку.

Вбежали собаки, толстые, массивные, тяжелые, очень похожие на Антланца. Поглядели на Придона подозрительно и уже высматривая на нем самое вкусное, разделявая

взглядами, как мясник корову, тот замер, но Антланец рыкнул, собаки послушно улеглись на роскошную шкуру снежного барса, совсем свежую, не вытертую.

На широком подоконнике в глиняных горшках распустили красные и желтые цветы незнакомые растения, тоже толстые, мясистые, раскоряченные. Придон посмотрел на них, потом на Антланца. В окно влетел шмель, закружился над цветами, но и шмель был похож на Антланца.

В комнату роем забежали слуги, от них стало тесно, но, когда схлынули, как морская волна, что не столько уходит обратно в море, сколько исчезает в песке, огромный стол уже трещал под тяжестью блюд и умолял поскорее все это изобилие... убраться.

Антланец пригласил взмахом за стол. Все четверо гостей не стали ждать, пока попросят трижды, расселись, достали ножи. Похоже, Антланец до сих пор по-медвежьи не понимал, что даже маленького олененка можно варить или жарить по частям. Осоловевший от еды Придон смотрел, как на стол подавали целиком годовалого оленя — съели, затем — барашка — съели, потом по гусю на каждого, Придон посмотрел, как управляется Антланец, вздохнул, принялся и за гуся.

Готовить у Антланца в самом деле умели. Придон чувствовал, что отяжелел, у Луговика подломятся ноги, но в желудке все еще находилось место, там не протестовало, он все принимал, рассовывал по углам, что-то теснил, укладывал, предчувствуя долгую голодную дорогу впереди.

Когда покончили с осетром, Придон был уверен, что обед просто не должен продолжаться, уже конец, но перед ним поставили вареники по-куявски: в сметане, каждый вареник с вишнями, а размером с хлебный каравай, потом особого гуся, выведенного в этой же деревне, — Придон ахнул, решив, что на стол пытаются взгромоздить жареного бычка, гусь лопался от напиханных вовнутрь яиц и ломтиков жареной печенки, но желудок все это как-то принимал, а когда Придон поднялся из-за стола, он снова с жалостью подумал о своем коне.

— От дела лытаете, — спросил Антланец, — или просто гуляете?

Он захохотал, наконец-то, подумал Придон, он уже сгорал от нетерпения. Что за мучитель придумал обычай, что нельзя начинать о деле, пока сам хозяин не спросит? Не так уж и проголодались... Сейчас он просто уверен, что им есть не хотелось вовсе.

— Мне нужен меч бога Хорса, — начал он просто.

Антланец смотрел, вытаращив глаза, потом гулко захохотал. Толстые щеки, однако, не колыхались, как и живот, словно весь Антланец высечен из одного куска скалы.

— Меч бога Хорса? — переспросил Антланец, хохоча. — Только и всего?

— Да, — ответил Придон сердито. — Мне самому неловко беспокоить тебя по такому пустячку, но что делать, ты ближе всех к его рукояти. Она где-то здесь, в горах... Предполагают, что в местах, где логова или лежбища дивов. Понимаешь, ножны я уже... а здесь где-то рукоять...

Антланец слушал и похохатывал, но, когда Придон небрежно обронил, что ножны он уже, ахнул, вытаращил глаза. Аснерд нагло захохотал, Вяземайт скромно опустил глаза, пряча довольную усмешку. Антланец звучно хлопнул в ладони. Дверь тут же открылась, блеснули обнаженные мечи, видна группа стражников, но все остались на местах, через порог переступил старик с седой бородой, на голове остроконечный колпак, с плеч ниспадает длинная мантия с хвостатыми звездами и странными знаками.

По знаку Антланца он подошел к Придону, долго рассматривал ножны у того за спиной. Губы старца шевелились, глаза как прикипели к ножнам, потом уставились в пространство, а губы задвигались быстрее. Дважды Придона посещало чувство, что горный маг снимает с него кожу. По коже прошла холодная волна свежего воздуха. Затем чародей отступил, Придон впервые услышал его тихий бархатный голос:

— Да, это в самом деле...

Антланец спросил сипло:

— Ты не ошибся?... Он в самом деле... добыл?

— Добыл, — ответил старый маг медленно и очень тихо, словно мышь пробежала по медвежьей шкуре. — Как добыл, не знаю. Украл или выпросил, но эти ножны у него... Ножны от меча бога Хорса.

Аснерд, Вяземайт и даже Конст цвели от радости. Антланец смотрел на них выпученными глазами, наконец коротко хохотнул:

— Я думал, ко мне заехал родственничек со своими друзьями!... а оказалось, что ко мне пожаловали герои!.. Узигой, вели собрать хотя бы малый совет.

Маг поклонился.

— В большом зале? — спросил он тем же мягким, совсем не старческим голосом.

— В самом большом, — ответил Антланец. Он коротко хохотнул. — Пусть гости думают, что у нас их много. На самом же деле всего два. Этот и... чуть побольше.

Соседний зал в самом деле оказался просторнее раза в полтора. А так все те же стены в толстых коврах, что закрывают холодный камень, оружие на коврах, посреди зала огромный стол, по обе стороны широкие лавки с обтянутыми толстыми шкурами спинками.

Придон, выждав, пока старшие сядут, опустился на твердое сиденье, подумал, что Антланец вообще не признает кресел с мягкой обивкой — не скрипнуло и не прогнулось, словно сел не богатырь, а комар. Стол из толстых дубовых досок, гладко выструганных. Когда Придон положил на столешницу руки, ощутил, что это не стол, а такая же глыба дерева, как колода во дворе для рубки мяса или другая колода, подальше, для колки дров.

Антланец сел во главе стола, сказал благодушно:

— А теперь пообедаем!

А что ж мы делали в малом зале, хотел спросить Придон, но смолчал, увидев, как через раскрытую дверь входят гуськом слуги с блюдами в руках. До этого была, как он по-

нял, просто легкая закуска, чтобы в животе проснулось и захотелось есть.

Вслед за слугами вошли и смиренно расселись на освободившихся местах хорошо одетые люди со значительными лицами. Однако держались смиренно, а сам Антланец забыл назвать их, и сидели, как незнакомцы, только бросали быстрые пытливые взоры и прислушивались к разговорам их властелина с гостями. Среди них Придон узнал только одного, маг Узигой, как называл его хозяин. Узигой ел очень мало, птичка больше клюет, но не пропускал ни слова. Придон постоянно ощущал на себе его ощупывающий взгляд.

Антланец насыщался ровно, без спешки, как лесной пожар, что уже с жадностью пожрал сушняк, а теперь двигается через напоенный влагой лес, где стволы, ветви и листья полны холодной воды, что, впрочем, не мешает им гореть ровно и мощно.

— И что дальше? — спросил он. — Как собираетесь найти?

Придон раскрыл рот, но Аснерд положил на плечо ладонь, легонько сжал.

— Погоди. Антланец — старый злодей, он может видеть чуточку дальше, чем мы. Дело в том, Антланец, что парню уже указали место.

— Его место?

— Место меча. Вернее, рукояти.

— Ого, — сказал Антланец. Он посмотрел на Придона с огромным уважением. — Такое узнать пока никому не удавалось. Верно, Узигой?

Маг кивнул, не отрывая испытующего взгляда от Придона. Снова у Придона возникло нехорошее ощущение, что маг чересчур уж шарит у него под шкурой, прощупывает суставы и сухожилия.

— Верно, — ответил он ровным голосом. — Никто даже не знал, где спрашивать.

— И потому даже не думали, что такое возможно, — согласился Аснерд. — Есть вещи, что сами по себе выпол-

нимы трудно, а со временем так и вовсе невыполнимы. Но однажды появляется вот такой, как наш Придон, который даже не предполагает, что берется за невозможное... и все как будто само падает ему в руки! И про ножны сообщили, и где рукоять — уже знает...

Антланец пылливо взглянул на Придона. Тот за столом без оружия, но две широкие перевязи перекрещивают его широкую грудь, как знаки воинской доблести. На одной перевязи — старинные ножны бога Хорса.

— Да, — согласился он, — ты прав... Когда все сделано, каждый говорит, что это было просто... Но, как я понял, место указали, но как добыть... и что там вообще его ждет?

Он остановился, Аснерд стукнул кулаком по столу:

— Ты всегда ловишь на лету! А с виду такой пень... Что там, кто там — ничего не известно. Явно же, что охрана непростая. Даже не охрана, там просто может быть пещера, где в темноте тысячи ядовитых змей... Ну, это я так, для примера. Будут охранять, даже не зная, что охраняют. Вот тут меня и берет сомнение... Но ты ж хитрый, хоть с виду просто пень пнем! Ты придумаешь, как узнать хоть что-то.

Антланец покачал головой.

— Я? Меня лучше спроси про закалку топоров. Об этом больше меня никто не знает на всем белом свете!

— Помоги, — попросил Аснерд.

Антланец повернулся в сторону своих приближенных. Острый взгляд отыскал Узигоя, тот наклонился было над блюдом и делал вид, что изучает рисунок.

— Узигой, — сказал он укоризненно, — не прячься.

— Да я что... — пробормотал волшебник.

— Вот-вот. Подумай, а?

Узигой развел руками.

— Повелитель, это не в моих силах. Точно, не в моих.

— Ты же мог заглядывать за край света! — сказал Антланец резко.

— И сейчас могу, — ответил маг, — но только если местные колдуны не закрывают своими заклятиями. А те мес-

та, куда идут наши гости, вообще под заклятиями такой страшной силы...

— Так ты знаешь, — прервал Антланец, — куда идут?

— Конечно, — ответил Узигой без всякой гордости. — Сказать?

Антланец оглянулся на гостей. Аснерд переглянулся с Вяземайтом и Констом, на Придона не обращал внимания.

— Говори, — разрешил он.

— В Долину Дивов, — ответил маг. — Она совсем крохотная... даже не долина, а так, клочок земли на вершине гор. Туда просто невозможно добраться, но вы, как я вижу, верите, что вас доставят туда на драконе.

Аснерд сказал резко:

— А что, не доставят?

Узигой продолжил так же монотонно:

— Но и там, в Долине, человек перед дивом так же слаб, как лягушка перед быком. Я уж молчу, что каждый див ко всему еще и могучий чародей! Ту мощь, что мы добываем по капле, он черпает горстями. Я просто не знаю, на что вы надеетесь.

Он говорил все тише, а когда умолк, все некоторое время еще молчали, словно вслушивались в его неслышимый голос.

— И что же? — спросил Антланец нетерпеливо. — Я все понимаю, что трудно. Мой племяш выбирает дела по плечу! Но ты, мудрый, что предлагаешь?

Узигой помялся, на ранее неподвижном и бесстрастном лице менялись сотни выражений, наконец сказал тихо:

— Если велишь...

— Велю! — перебил Антланец, даже не дослушав.

— То я, — продолжал Узигой, — по твоему повелению попробую обратиться к Далиле... Она в свое время там побывала. Даже жила... некоторое время.

Держался он и выглядел странно. На артан пахнуло опасностью, словно над головами пролетела огромная хищная птица. Антланец, похоже, тоже ощутил неладное, буркнул нетерпеливо:

— Так обращайся!.. Или тебе надо куда-то ехать?

— Только пройти в свою комнату, — ответил Узигой кротно.

Антланец поднялся.

— Так пойдемте!

Узигой не сдвинулся с места.

— Волшебники не выносят множество народу. Я буду говорить один.

Антланец уже кивнул, соглашаясь, но внезапно заговорил Аснерд. Голос воеводы звучало сурово и твердо, как если бы заговорила замороженная столетиями скала:

— Прости, дорогой Антланец, но дело касается нас. Или говорят при нас, или... тогда сами отыщем, сами добудем!

Антланец нахмурился, на лице отразился гнев, Узигой мялся и елозил взглядом по столешнице. Придон умоляюще смотрел на Аснерда, что за предосторожности, все равно ему не жить, если не искать меч, наконец на той стороне послышался долгий тяжкий вздох, изменившийся голос Узигоя произнес:

— Хорошо... Пусть со мной пойдет... вот он!

Придон радостно вздрогнул, палец мага нацелился через стол ему прямо в грудь.

— Да-да, конечно, — сказал он торопливо, — я да... еще бы!

Аснерд скривился, повторил раздраженно:

— Да-да, конечно... еще бы... Но только смотри — навведешь на него порчу... я тебя не просто убью! Я тебя заставлю помучиться.

Узигой слабо улыбнулся.

— Никто не сможет заставить меня мучиться больше, чем... чем я уже. А твоему юному другу никакая порча не грозит бóльшая, чем уже на нем. В нем самом.

В молчании смотрели, как он поднялся из-за стола, Придон поспешно встал следом. Аснерд поднял руку, но оборвал себя и лишь вяло подал слугам знак, чтобы убрали от него пустое блюдо.

ГЛАВА 11

В своей небольшой комнате, донельзя захлавленной, Узигой молча прошел к дальней стене и рывком сорвал темное покрывало. Придон с волнением смотрел на большое, в рост человека, зеркало в черной зловещей оправе, массивной, в орнаменте, но не из дерева или металла, а словно бы из окаменевшей смолы.

— Зеркало, — сказал Узигой, голос его звучал странно, губы кривились, а щека дважды дернулась. — Зеркало — неперменный атрибут чародеев... Все обзаводятся зеркалами, но только старые зеркала... сделанные древними мастерами, несут в себе великую и непонятную магию. А все остальные зеркала — только подделки.

— Это, — спросил Придон шепотом, — старое?

— Очень, — ответил Узигой. — Очень старое.

Его руки двигались как бы сами по себе, он не отрывал взгляда от темной поверхности зеркала. Придону чудилось, что по ту сторону что-то происходит, по отражению проходят легкие волны, пропорции искажаются.

Узигой заговорил громче. Он пытался выпрямиться, смотреть прямо и бесстрастно, но Придон с изумлением видел на лице колдуна не страх перед заключенными в зеркале демонами, а стыд и сильнейшее смущение.

Из зеркала хлынул чистый пурпурный свет. В комнате стало светло, стены из серого гранита стали красными, а разбросанные вещи заблестали, как драгоценные. По телу Придона прошла теплая волна, словно рухнул с коня в прогретую солнцем траву, а жаркие лучи солнца, будто руки рабынь, разминают ему мышцы.

Ему почудилась некая странная мелодия, а красный свет из зеркала стал ярче. В глубине на миг блеснуло, послышался хлопок, словно лопнул огромный пузырь. Свет не померк, даже стал еще ярче, но Придону показалось, что все же померк. Там, в раме, не выходя из зеркала, стояла ослепительно красивая женщина. У нее было умное гордое лицо, насмешливые глаза, слегка выдвинутая челюсть, не-

сколько утяжеленная, что придавало ей вид упрямый и надменный.

Но Придон ощутил, что не может оторвать взгляда от ее наряда. Впервые он смотрел на одежду больше, чем на человека, дыхание остановилось, с трудом поднял взгляд на ее лицо. Она поймала его взгляд, насмешливо изогнула губы.

С плеч ее ниспадал лиловый плащ, перехваченный у горла золотой цепочкой. Но спереди едва-едва прикрывала снизу грудь белоснежная плотная ткань на серебряных шнурах, половинки не сходились почти на его ладонь, так что ее прекрасная высокая грудь видна больше чем наполовину.

Острые края толстой ткани едва достигали пупка, нежного и такого аппетитного, что ему захотелось коснуться его губами, а дальше... Он обомлел, по всему телу бегали мурашки, но отчаянным усилием воли держал взгляд на ее лице, рассматривал полные губы, гнал от себя видение, что дальше из одежды на ней... нет ничего!

Правда, от середины бедра и до кончиков пальцев обеих длинных и безукоризненных ног у нее не то сапоги, не то особые чулки из мелких чешуек металлической рыбы, но это он заметил вскользь, а сейчас трясся, исходил потом от усилий смотреть ей в лицо и только в лицо.

Она с самым непринужденным видом улыбнулась мило, плащ почти стелился по полу, касаясь ее обнаженных ягодиц.

— Дорогой Узигой, — промурлыкала она светлым пушистым голосом, — как давно тебя не видела...

— Всего-то пару сот лет, — ответил тот хриплым голосом. — Ты чего голая?

Она в недоумении вскинула тонкие брови.

— А что, так уже не ходят?

Узигой вскрикнул в странной муке:

— Да оглянись вокруг! Мир изменился. Теперь закрывают то, что раньше было открыто, а открывают то, что было закрыто.

Придон видел, как в безукоризненном лице чародейки что-то дрогнуло, в глазах появилось сомнение.

— Не врешь? — поинтересовалась она недоверчиво. — Какая же бесстыдница посмеет показать на людях голую ступню? Или плечи?

Узигой почти крикнул:

— Как вы меняетесь медленно... женщины!

Придону послышалась в голосе чародея скрытая боль. Волшебница огляделась по сторонам, всмотрелась через плечо Узигоя, там широкое окно во двор Антланца, видно народ, женщин... На ее лице Придон видел быструю смену удивления, восторга, отвращения, снова удивления.

— Как быстро, — проговорила она дрогнувшим голосом. — Как быстро, оказывается, мужчины привыкают! Потому нам, скромным женщинам, приходится менять открытые для взглядов места снова и снова... Что делать, мы так стараемся вам понравиться, как-то вас заинтересовать... Ладно, я не поверю, что ты по мне просто соскучился. Говори, зануда.

Узигой сказал тем же охрипшим голосом, хотя на пиру он говорил чисто и ясно:

— И будешь не права. Я в самом деле... Даже сильно, если хочешь правду. Но вот так просто к тебе обратиться... не знаю, смелости не хватало.

Она ахнула, широко раскрыв глаза и даже приоткрыв хорошенький ротик:

— У тебя?.. Смелости?

Он кивнул, развел руками.

— Даже вот сейчас признался, как в холодную воду прыгнул. Да, у меня хватало смелости сражаться с толпой демонов Огненного Крыла, хватало отваги спуститься в Адские Топи, хватало мужества даже встретиться лицом к лицу с Желтым Дивом...

— Ты победил, — напомнила она тихо, — хотя твоей жизни вытекали последние капли, когда я наткнулась на тебя... Теперь помню, как ты сам желтел и смущался, когда я передевалась при тебе. Странно, мне до сих пор не при-

ходило в голову, что ты меня заметил уже тогда. Я тогда была совсем маленькой дурочкой...

— Ты всегда была самой красивой женщиной на свете, — возразил Узигой. — Но твое совершенство отнимало у меня язык и превращало в деревенского дурачка.

— Ты избегал меня! — сказала она обвиняюще.

— Потому что страшился. Я глупел на глазах, мудрые мысли выдувало через уши, я становился жалок и смешон. А когда только думал, что вот бы подойти к тебе... или вызвать тебя... я вообще деревенел!

Она перебила с внезапной тревогой в голосе:

— Но сейчас ты вызвал меня легко и уверенно. Не значит ли это...

Голос ее оборвался. Он покачал головой.

— Нет, — сказал горько и в то же время со странной гордостью, — нет, не значит.

— А что придало силы?

— Друзья, — ответил он. Поправился: — Даже не друзья, но люди, которым хочу помочь. Ради них и вызвал тебя, для других мне вовсе не страшно... почти! Я же собирался говорить о них... а говорю о себе.

Она сказала ласково:

— Мне нравится, как ты говоришь о себе... и обо мне. А эти люди, что тебе? Теперь мы наконец говорим... оба уже сумели заговорить прямо. Избавься от них. Просто убей. Или сожги.

Придон вздрогнул, пальцы пощупали пустые ножны. Узигой покачал головой.

— Я слишком долго жил среди людей, Миранделла. Их беды — мои беды. Их радости — мои радости.

— Ладно, — перебила она нетерпеливо, — что хотят?

Теперь она не замечала Придона, глаза ее не отрывались от Узигоя. Узигой смотрел на нее жадно, спина его наконец распрямилась, плечи раздвинулись. Миранделла взялась за раму зеркала, там легонько хлопнуло, будто прибили ладонью на стене муху, и она ступила в комнату.

— Миранделла? — повторила она задумчиво. — Да, я назвалась тебе именно так... Ты был без сознания!

— Я не прикидывался, — ответил Узигой. — Но все, что касается тебя, огненными стрелами записано в моем сердце. А твое имя начертано на камнях, скалах, горах, небосводе, вылеплено в облаках, звучит в ручьях!

Придон отступил, но волшебница обратила на него взор, странная одежда незаметно превратилась в точно такую же, как и на Узигое, вплоть до узора на рубашке. В мужской одежде она выглядела ничуть не хуже, моложе и загадочнее.

— Так лучше? — спросила она. Прочла ответ на его лице, кивнула. — Хорошо. Итак, расскажи, с чем ты прибыл, юноша. Я тебе кое-чем обязана.

Придон пробормотал:

— Чем?... Да ничем...

Она бросила короткий взгляд в сторону Узигоя. На ее лице отразилась нежность, что как острым ножом пронзило сердце Придона и наполнило душу едкой горечью. Опять кому-то бог дал, а ему только показал!

Антланец то и дело взмахом длани приглашал за стол знатных людей, у него тоже свои беричи и песиглавцы, даже пара берегов с собственными войсками и знаменами, прибыли двое чародеев, Вяземайт было обрадовался, решил, что снизошли могучане из черных башен, но это оказались местные, простые, что хорошо знают только мир гор, его волшебных обитателей, общаются с подземными рудокопами, знают язык горных эльфов, но смутно представляют себе жизнь внизу, в долинах, а уж огромные такие водные пространства, как моря, не могут вообразить вовсе и считают выдумкой.

На стол долгое время подавали напитки, потом начали приносить холодное мясо с овощами, холодную рыбу. Через некоторое время Вяземайт обнаружил, что снова разрывает горячего, только что испеченного гуся, под пальцами

хрустит коричневая корочка, сладкий обжигающий сок бежит по пальцам, из разломов вырываются струйки дурманящего пара, нежное мясо пахнет одуряюще...

Колдуны, как назло, приставали с расспросами, что да как, не терпится поговорить со знающим человеком из далеких, почти сказочных стран. Аснерд и Конст, к которым никто особенно не лез, жрали неспешно, разборчиво, записывали и снова жрали, а вот он слушает это... может быть, и очень важное для колдунов, но совсем неважное для него. Когда Вяземайт совсем осоловел от чересчур сытной еды, умеет Антланец поесть, умеет, ему казалось, что колдун появляется то справа, то слева, голос то гроыхает, как раскаты грома, то падает до мышиноного писка, тогда Вяземайт начинал щипать себя за икры, стараясь, чтобы колдун не заметил, и голос снова становился нормальным, только колдун не менялся в размерах, а сидел по ту сторону стола, сильно наклонившись вперед, борода елозила по миске с политой маслом кашей, что-то втолковывал.

Вяземайт перестал понимать его уже давным-давно, но не скажешь же вот так сразу, артане должны держать лицо, и он держал: вскидывал брови, качал головой, цокал языком, кивал, а этот дурак все токует, как тетерев в лесах Славии.

Колдун наконец прервал речь, глаза его с беспокойством впились в лицо Вяземайта.

— Что-то не так?

— Да все так, — отмахнулся Вяземайт. — У нас это знают даже детишки. Мы вот в связи с этим все не можем понять: почему же все-таки вода мокрая?

Колдун посмотрел на него с почтением. Вяземайт всхрапнул и отодвинул от себя блюдо.

— Вы как хотите, — сказал он решительно, — а я пойду посплю малость. Во сне мудрецам вроде меня дивные знаки подают боги!

Антланец кивнул, Аснерд сделал неопределенный жест, мол, ты иди, старость — не радость, а мы тут с мальцом Констом только-только разогреваться начали.

Вяземайт слышал, как колдун тихонько сказал другому:

— Вот истинное величие!.. Ему завтра, возможно, лютая смерть, а он все равно живет в мучительных размышлениях о дивных тайнах бытия.

— Да, — согласился второй, — это великий человек. Подумать только, ведь наша великая страна — в центре мироздания, все остальные окраинные земли — варвары, но даже там по милости богов появляются люди, отмеченные их знаком!

Рано утром, в горах утро начинается рано, слуги готовили коней в дорогу. Четверо артан завтракали в одиночестве. Антланец сам пошел проверять, чтобы родне положили все необходимое, отбирал для них проводников. Вместо него остался маг Узигой, он выглядел усталым, помятым, но на лице постоянно блуждала глуповато-счастливая улыбка.

Артане доедали уже третьего гуся, когда дверь распахнулась, в комнату быстро вошел высокий, со светлыми до плеч волосами и с фигурой воина молодой мужчина. Придону достаточно было взглянуть ему в лицо, чтобы сразу сказать: нет, не воин. Вяземайт и Аснерд тоже, судя по их взглядам, сперва ревниво прошлись по его фигуре, слишком уж мускулистой, а потом так же, как и Придон, посмотрели на лицо, оба распустили напряженные мышцы.

Мужчина быстро оглядел их, глаза живые, никакой враждебности, высокий лоб перехвачен кожаным шнурком, что прижимает золотые волосы. У него красивые высокие скулы, обветренное и даже обожженное морозным ветром удлиненное лицо, мужественный подбородок, однако в лице ни следа воинственности, задиристости, а в глазах слишком много мягкости и уступчивости.

— Антланец куда-то ушел? — спросил он приятным мягким голосом.

— Сейчас явится, — ответил Аснерд. Он все еще мерил взглядом незнакомца, тот ростом, пожалуй, не уступит ни-

кому из них, да и в плечах широк, весь из тугих жил, крепок, как окрестные скалы. — Мы здесь в гостях, так что не хватайся за меч...

— Меч? — переспросил незнакомец с удивлением. Он оглядел артан снова, широко и дружелюбно улыбнулся. — Я даже не знаю, с какого конца за него братья!

Вяземайт спросил недоверчиво:

— Тогда ты — чародей? Не похож...

Незнакомец пожал плечами:

— Неужели других достойных занятий нет? Я — смотритель драконов, меня зовут Иггельд. Мне нравится эта работа, ни на что другое не поменяю. Антланец поставляет мне провизию, я хотел просить его, чтобы увеличил вдвое...

— Это у тебя такие аппетиты, — спросил Аснерд, — или у твоих драконов?

Иггельд развел руками, на чистом честном лице проступил румянец.

— Нет, у людей... Ко мне в долину переселяется все больше народу. Такие же сумасшедшие, как и я. Это высоко в горах, там ничего не растет. Даже дрова возим отсюда.

Аснерд с недоверием покачал головой:

— Так зачем же?

— Драконы, — ответил Иггельд с нежностью. — Там живут драконы.

По спине Придона пробежали мурашки. Перед ними один из легендарных повелителей драконов? Из тех, кто сумел подружиться с драконами? Общается с ними, говорит на их языке, драконы даже носят на спине, когда летают по небу. А он может указать дракону на скачущего всадника, дракон догонит и сожжет огнем или же схватит огромными лапами вместе с конем, поднимет высоко в небо и отпустит...

Аснерд тоже удивился, Вяземайт нашелся первым, спросил живо:

— Ты общаешься с ними?

— Да, — ответил юноша. Он нахмурился, словно ждал подвоха или неприятных вопросов, сказал предупреждающе:

ше: — Антланец говорит, что ваша Долина Дивов отрезана от остального мира отвесными стенами, пропастями, провалами. Со мной связалась волшебница Миранделла, говорит, что туда можно добраться только на драконе. Да и то еще надо отыскать, где сесть. Если вы согласны, вас отвезет моя сестра, Яська.

Придон спросил потрясенно:

— Женщина?

— Да, — ответил Иггельд с гордостью. — Трудно поверить?.. Я тоже не верил, что у нее что-то получится.

Придон покачал головой:

— Чтоб женщины... и драконы...

Иггельд развел руками.

— Женщины — еще нет, не занимаются. Яська пока единственная, кто сумел. Она... словом, она у меня самая замечательная, я ее очень люблю!

Он улыбнулся светло и чисто, Придон ощутил к нему волну симпатии, хотя к мужчине своего роста и такого же могучего сложения инстинктивно чувствовал враждебность. Этот же чист, сам признался, что не боец, меч в руках не держал, но ладони в твердых желтых мозолях, а плечи и грудь бугрятся мускулами, видать, нелегкая это доля — ворочать каменные глыбы в пещере дракона.

Аснерд помалкивал, но в глазах стояло осуждение. Для артанина признаться, что не держал в руках оружия, равносильно тому, что броситься вниз головой в пропасть. А этот даже не смутился. В самом деле, сумасшедший. Хоть и здоровый, как бык.

Вяземайт сказал с облегчением:

— Я вижу, ты понравился моим друзьям. Как и мне. Вообще мне хотелось бы, чтобы мы подружились!.. Давай присоединяйся, а потом придет Антланец...

Волхв прав, подумал Придон. Я бы хотел подружиться с этим молодым силачом, ибо видно, что такой не предаст, будет оберегать имя друга, сам будет предан и верен без всяких клятв, ибо такова его натура, стоит только посмотреть в его чистое честное лицо.

Иггельд выставил перед собой ладони.

— Нет, ни за что! Я знаю, что такое попасть за стол к Антланцу. Потом даже дракон жалуется, что я потяжелел. Я лучше пойду поищу его во дворе. К счастью, здесь княжество не так уж и велико.

Узигой проводил долгим взглядом Иггельда, лицо мага омрачилось.

— Он хорош, — сказал он во вздохом, — но больно уж...

— Что? — спросил Вяземайт, на реплику мага лучше отвечать другому магу. — Что не так?

— Увлекающийся, — ответил Узигой мрачно. — Ну не может нормальный человек любить драконов больше, чем людей! Не может. А этот ради своих драконов что угодно сделает. Там целая долина помешанных, драконов разводят, так вот даже они считают этого Иггельда помешанным, представляете?

Аснерд оскалил зубы.

— Представляю. А что он натворил?

— Не дал убить одного из детенышей. Когда сука рожает, топим же всех щенков, оставляя самого сильного?.. Так всегда делаем, чтобы собачий род становился все лучше, не мельчал. А Иггельд забрал щенка дракона и ушел с ним еще выше в горы.

— И что?

— Там спрятался в пещере и прожил почти год.

— Без людей? — спросил Вяземайт с невольным уважением. — Он бы мог стать волхвом!

— Почему волхвом?

— Волхвы — это мыслители. А научиться мыслить можно только тогда, когда под руку не гавкают постоянно: пойдем поедим, пойдем по бабам, поехали на охоту, давай набег на соседа...

Узигой кивнул.

— Ты прав, мудрый. Мог бы стать... мыслящим, чародеем, стать услышимым богами. Но он прожил год без людей, без баб, без вина... Правда, дракончика выходил, я видел это страшило, остальные драконы поджимают хвосты!

К нему, к Иггельду, начали стягиваться такие же чокнутые, придурочные. Сперва жили в пещерах, как звери, потом настроили домов, обжили всю долину. Она теперь так и называется — Долина Драконов. Странные слухи докатываются... Вроде бы там построили храм Великого Ящера, поклоняются ему, отринув богов Куявии. Не знаю, верить ли, ведь Ящер — это же страшный Вий, бог подземного мира... у вас его зовут Нием. Как можно отринуть светлых богов?

Придон вспомнил рассказы о Ние, что слышал в детстве: бич, которым этот бог побивает даже тех, кто выходит против него с мечами и топорами, ужасный взгляд из-под шлема, что скрывает все лицо... Плечи передернулись, как от озноба. Он спросил живо:

— А что, бываем в его Долине Драконов?

Вяземайт сказал строго:

— Обойдешься. Даже в Город Драконов чужакам дорога заказана, а эта Долина Драконов — еще выше. Там даже не долина, а так... зеленый клочок на вершине горы, окружен отвесными скалами. Чтобы туда попасть, надо сперва через Город Драконов, где и топят негодных детенышей. Другой дороги нет. Верно, Аснерд?

Аснерд кивнул.

— Одна дорога через Город Драконов, да и та не шире, чтобы по одному всаднику... По краю пропасти, по краю пропасти! Еще там две черные башни. Не пройти. Один стрелок может перебить по одному все войско. Или забросать камнями.

Придон бросил пытливый взгляд. Похоже, Аснерд знает намного больше, чем просто человек, что где-то что-то услышал. Да и Вяземайт откуда все это узнал...

Конст смотрел на одного, на другого, сказал нерешительно:

— Но что-то же да узнаем нового?

— Узнаем, — пообещал Аснерд мрачно, — мы даже...

Дверь распахнулась, вошел раскрасневшийся на морозе Антланец, на седых волосах медленно таяли, искрясь, снежинки.

— Готово! — провозгласил он жизнерадостно. — Сейчас я с вами перекушу малость... Вам покажут дорогу до плато, где садятся драконы!.. Еще не летали? О, на всю жизнь запомните!.. Яська перебросит вас через бездонные пропасти за пару часов. Я даже не знаю, сумели бы вы их одолеть сами... разве что за год?.. Эй, слуги! Подать того барана, что я вчера застрелил! Как он прыгнул на меня, как прыгнул... Еще бы чуть, я бы летел в пропасть, как... даже не знаю как. Еще не пробовал.

— Тебя искал странный такой парень, — сказал Аснерд.

— Иггельд? — переспросил Антланец. — Да, он отыскал. Мы обо всем договорились. Я пошлю им больше мяса. Дело даже не в вас, они и для нас много делают. Вы бы знали, сколько народа раньше гибло под лавинами! А теперь им стоит пролететь разок на драконе, взмахнуть крыльями, и лавина прокатывается, никого не задев... Да и многое другое, вам неинтересное. Это хорошие ребята! Но — сумасшедшие. Сейчас такое расскажу...

Чавкая, сопя и быстро проглатывая огромные куски мяса, он поведал смешную, как ему казалась, историю про этих зрителей: Иггельда и его сестру. Оказывается, настоящий питомник расположен не так уж и далеко, всего сутки, если пешком, но можно и на коне, называется он — Город Драконов. Если конь хороший и не боится узких горных троп, тогда вообще выедешь утром, а к обеду поспеешь к драконам. Ну, не на обед, ха-ха, а вообще, в их маленький городок.

Придон бросал быстрые взгляды на артан. Оба, даже Конст, делали вид, что слышат впервые и про Город Драконов, и даже про самих драконов. Антланец, довольный, похохатывая, рассказывал, как там, в этом Городе Драконов, что-то не поделили или обидели этого Иггельда, он забрал с собой одного дракончика, которого хотели не то убить, не то отдать другому, и ушел высоко в горы. Там отыскал пещеру, дракончика выходил, вырастил. Получился огромный и очень сильный дракон. Потом к нему ушла Яська и принесла пару драконьих яиц, затем явились еще люди.

Сперва жили в пещерах вместе с драконами, потом построили домики. Отыскали богатую руду, что выходит прямо на поверхность, пришли рудокопы. Поставили кузницы...

Словом, теперь треть той крохотной долины заселена, в питомнике уже пять драконов, собираются выращивать еще и еще. Место очень удобное: высоко в горах, выше уже не бывает, со всех сторон окружено отвесными скалами, как забором из камня, только с одной стороны можно пробраться по узкой тропке над пропастью. Этот Иггельд фактически стал основателем целого городка, но сам этого стесняется, от власти отказывается, другие тоже не хотят ее брать, так что там живет народ вольный, немножко сумасшедший... или сильно сумасшедший, как посмотреть.

Аснерд поднялся, с грохотом отодвинул лавку.

— Да мы все немножко... а то и сильно. Нормальные по домам сидят. Жопы попрели, а сидят! Мудрые, значит.

Придон поспешно вскочил, нельзя младшему противить задом лавку, если старший на ногах, Вяземайт и Конст тоже поднялись, сытые, отдувающиеся, но без удовольствия простолюдинов, что после обильной еды мечтают о постели.

— Да, — сказал Аснерд, — пора.

Конст кивнул, он, хоть и самый старший по возрасту, право говорить первыми отдал артанам, как более знающим этот мир.

Антланец с грустью посмотрел на все еще обильный стол, вздохнул, поднялся. Гигантская фигура заслонила окно, откуда било резкими, как крик, лучами утреннее солнце, в зале потемнело.

— Я провожу вас до городских врат, — громынул он.

ГЛАВА 12

Солнце поднялось над вершинами гор, маленькое, злое, жальщее, ослепительно белое, настоящее горное солнце, что даже к концу дня не унизится, чтобы идти к закату багровым, распухшим и пытящим от усталости.

Во двор вывели оседланных коней, по бокам туго набитые седельные мешки, Антланец сам проверил, потыкал кулаком, подергал за ремни. Аснерд испугался, что порвет, Антланец сообщил с гордостью, что ремни не простые, а из кожи молодых драконов, что значит — легкие, прочные, не растягиваются, если намокнут. Вяземайт осторожно поинтересовался, как на это посмотрит дракон, на котором ехать.

Антланец удивился:

— Вы же не на конях собираетесь дальше?.. Коней можно скормить... Да пошутил я, пошутил! Я же знаю, что есть помешанные не только на драконах!

Аснерд проворчал:

— Лучше насчет коней не шути.

— Да знаю, знаю, — отмахнулся Антланец. — После женщин кони — самые лучшие животные!

— А для кого и раньше женщин, — уточнил Вяземайт. — Ого, а это кто?

— Ваши проводники, — пояснил Антланец с гордостью. — Мои сыновья: Болгор и Коман. Тот, что слева, — Болгор. Который справа — Коман. Или наоборот?.. Да какая разница, оба мои дети, я их люблю.

Он захохотал мощно, руками придерживал живот, но лицо осталось серьезным, и Придон не понял, всерьез говорит властелин гор или же так странно шутит.

К ним медленно подъехал Болгор, настоящая живая гора на таком же похожем на гору коне. Его Придон встретил еще вчера, когда возвращался после разговора с Узигом и волшебницей Миранделлой. Они явно старались от него, Придона, отделаться. Миранделла очень быстро сообщила, как добраться в Долину Дэвов, так здесь называют дивов, пообещала о них сообщить зрителям драконов, иначе добираться пару лет, после чего выставили за дверь, а во дворе Придон обнаружил этого молодого гиганта, только что вернувшегося с объезда владений.

Даже чудовищный конь Болгора напоминал хозяина: не сопел, не фыркал, не чесался, просто стоял, ибо надо

было стоять, в то же время готов был ожить и сдвинуться, едва надо будет, чтобы сдвинулся. И еще, наверное, он когда-то да ел, хотя Придон услышал за спиной шепот слуг, что до сих пор никто не видел, как он ест и что ест. Вроде бы Болгор кормит своего коня не то камнями, не то мясом со своего стола. Сам Болгор такой же малоподвижный, настолько огромный вширь, что как-то не замечается сразу, что и ростом мало кому уступит. Сейчас солнце блистало на умело выкованных доспехах редкой куявской работы, настолько тяжелых, что их сковали, может быть, вовсе и не на человека, но на Болгоре сидят с той же легкостью, с какой куявы носят одежду.

Стремя в стремя подъехал и Коман, младший брат, если Антланец не перепутал, почти такой же громадный, малоподвижный, похожий на Болгора как две капли воды. Только вместо тяжелых доспехов его нечеловечески могучий торс туго облегает легкая кольчуга. Придон с содрогающим смотрел на эту необъятную гранитную скалу, обтянутую металлической чешуей. Вчера именно Коман вышел обнаженным до пояса, напрягал мышцы и предлагал лучникам стрелять ему в грудь или в живот. Придон не утерпел, израсходовал весь колчан стрел, но лишь однажды удалось поцарапать кожу гиганта на животе. Коман ласково похлопал его по плечу и сказал довольно, что из него выйдет великий воин. У Придона всю ночь ныло плечо и все еще не сошел огромный кровоподтек. Похвалой такого воина вообще-то можно гордиться, если бы не ощущение, что Коман намного моложе, а за солидностью движений прячет подростковую.

Антланец обнял обоих, похлопал по плечам с таким звуком, словно вбивал сваи в каменистую землю.

— Все!.. Отправляйтесь. Чтоб волос не упал с голов наших гостей! Иначе позор обрушится на весь наш род.

Аснерд вскинул руку в прощании, все тронули коней и двинулись к городским воротам. Вяземайт все поглядывал на могучих проводников, для пробы пустил коня рысью, огромные дети Антланца держались рядом, как приклеенные,

но едва Вяземайт коварно перевел коня в галоп, дорога сузилась, опасно пошла вблизи пропасти, под копытами хрустел лед, пришлось вообще дальше шагом, да и то гуськом, пропустив проводников далеко вперед.

Придон ехал задним, губы шевелились сами по себе, в черепае роились слова, сцеплялись, как пчелы, что образуют рой, обдирали чешую, шелуху, оставляя сверкающие чистые ядра. Эти ядра тоже стучали друг о друга, сцеплялись, обрастали новой кожей, блистали новыми гранями, так что слова выходили странные, ранящие, задевающие, а когда выстраивались в неровную песню, в глазах туманилось, губы дрожали и даже на самом холодном ветру слезы закипали, обжигали кожу.

Ветер сорвал с ближайшей скалы целый навес из снега. В воздухе стало белó, словно разорвали сотни подушек с нежными перьями. Аснерд даже не повел бровью, ехал весь облепленный с головы до ног. На плечах и голове широкие пласты, на мохнатых бровях белые карнизы, что грозят сорваться лавинами по щекам.

Придон вздрогнул, Аснерд придержал коня, громыхнул, словно с треском разломил бревно:

— А чего это он страшился взять нас в свою комнату?..

— Кто?

— Да Узигой... Помнишь, только тебя взял, да и то с такой неохотой!

Вяземайт тоже придержал своего водяного коня, прислушался, сказал ревниво:

— Что ты всех магов подозреваешь?.. Взял же, это главное.

Аснерд сдвинул плечами, снег заструился по телу, словно с горы катились пенистые потоки.

— Да просто странно все выглядело.

Придон помялся, наткнулся на понимающий взгляд Конста, странный друг смотрит с сочувствием, сказал нехотя:

— Мне кажется, весь мир сошел с ума... Помните, у то-

го деда побывали в горах? У него, видите ли, полыхает любовь в душе...

Аснерд захохотал:

— Так это ж хорошо! Смотришь на него и думаешь: так у меня еще сколько лет впереди!

— А этот Узигой, — продолжил Придон, — оказывается, сгорал от страсти по той волшебнице. Но молчал. Почему молчал, не знаю.

Аснерд хохотнул, распрямился, остатки снега ссыпались; он ехал помолодевший, с блестящими глазами.

— Ага, — каркнул он довольным, — тогда понятно.

Вяземайт сказал укоризненно:

— Ну чего ты ликуешь? Просто человек не хотел...

— Позориться!

— ...выставлять свои чувства на обозрение. Даже Придону не хотел показывать, хотя одного поля ягоды. Придон сейчас просто ревнует.

Придон вспыхнул:

— Я? К кому?..

— К его чувству, — объяснил Вяземайт. — Тебе кажется, что только у тебя, единственного на всем свете, загорелось в сердце такое солнце? Греет, светит и в тот же час выжигает внутренности. Что, не так?

Придон опустил глаза, пробормотал:

— Нет, но... не на каждом же шагу на таких наткаться!

— Ты прав, — сказал Вяземайт со вздохом. — Это — редчайший дар... И достается очень немногим. Большинство же, как скот, никогда такого не ощутит. А вот горные вершины... всегда первыми ощущают на себе утреннее солнце. Эти горные вершины еще и последние, кто видит солнце, когда то закатывается за край земли... Еще не понял?

— Нет, — признался Придон.

— У нас длинные ноги, — пояснил Вяземайт.

Придон снова ничего не понял, а Конст подъехал и сказал участливо:

— Волхв говорит, что для того, чтобы шагать по вершинам гор, нужны длинные ноги.

Придон хлопал ресницами. Аснерд сказал с другого бока:

— Мы, длинноногие, мчимся по вершинам. Мы встречаемся только с героями. А герои — это люди, что могут смеяться и плакать, любить и ненавидеть... в то время как простой люд всегда туп, а искра любви в их сырых сердцах никогда не вспыхнет.

Коман и Болгор, что всю дорогу едва маячили впереди, выбирая дорогу, теперь остановили коней. И пока к ним подъезжали, их кони не шелохнулись, не трянули хвостами или дернули кожей, сами всадники тоже выглядели высеченными из камня исполинами.

Придон подъехал, Коман слегка повернул голову и посмотрел на вершину близкой горы. Придону слышался оттуда шум, он тоже повернул голову, проследив за взглядом проводника.

Соседняя гора заканчивалась не острым пиком, а ровной, словно срезанной острейшим ножом каменной плитой. Там дрались два крохотных с такого расстояния дракона. Так показалось Придону, тут же выступ скалы закрыл их, ехали довольно долго, потом скала милостиво отодвинулась, место схватки стало ближе. Дрались красный дракон, похожий на раскаленный слиток металла, и зеленый — сверкающий, будто кожа покрыта крупной изумрудной чешуей, костяные выступы на спине тоже словно выточены из кристаллов изумруда.

— Ого, — произнес за спиной Придона Вяземайт. — Далеко залетели!

— Это мы далеко залетели, — возразил Аснерд негромко. — Здесь их владения.

— Да, мы — гости.

— Незванные. Которых можно в шею.

— Или на зуб...

Тропка вильнула, другая скала закрыла бойцов. Ехали

долго, солнце прошло зенит и начало опускаться к закату, тропка обогнула наконец гору.

Огромные драконы дрались совсем близко, земля подрагивала от столкновения тяжелых тел, теперь слышен был даже скрежет когтей по крытым пластинами шкурам. Красный заметно теснил зеленого. Аснерд смерил расстояние, драконов от людей отделяет пропасть, крылья друг другу уже повредили, не взлетят, не нападут, покосился на солнце.

Коман и Болгор на этот раз держались вблизи, не выпуская на извилистых тропках артан из виду. Коман взглянул на брата, тот кивнул, Коман сказал гулко:

— Привал. Здесь и заночуем.

Придон послушно собрал коней и отвел к стене для защиты от ветра. Конст пытался разжечь огонь, Вяземайт вытаскивал из мешка хлебные лепешки. Аснерд с любопытством рассматривал дерущихся чудовищ.

Зеленый уже на краю пропасти, дерется из последних сил, дерется упорно. Даже отсюда видно, что изранен, но драконьей крови не видно на зеленом теле. Красный хватает зубатой пастью, а по ранам лупит еще и когтями, крыльями, усеянным шипами хвостом. Зеленый отбивался только зубами и передними лапами.

— Скоро зеленому конец, — констатировал Аснерд.

— Похоже, — согласился Вяземайт с удовлетворением.

— Да что похоже, точно! На одного чудища будет меньше. Я не знал, что и между собой...

— И я не знал, — признался волхв. — С другой стороны, если бы не дрались, уже всю землю бы заполонили!

Красный неосторожно сунулся вперед, то ли хотел столкнуть зеленого с уступа, то ли возжаждал скорой победы, но зеленый извернулся, ухватил страшной зубатой пастью красного сбоку за шею и стискивал зубы изо всех сил. Красный взвыл, начал пятиться, волоча за собой зеленого. Теперь Придон видел, как изранен зеленый, — по огромной луже крови на месте схватки. У дракона кровь оказалась зеленой, не такой, как у человека.

Все же красный сумел выдрать шею из пасти обесси-

ленного зеленого, но не напал с удвоенной яростью, глаза сверкали, как осколки слюды, дрался с прежней расчетливостью бойца, сохранившего больше сил. На шее пламенела широкая рваная рана, на красном кровь видна отчетливее, но зубы зеленого, похоже, главную жилу не порвали, струйка хоть и течет, но не хлещет потоком.

Придон расседлал коней, вытащил из мешка лук.

— Я видел горных козлов, — сказал он.

Коман сказал предостерегающе:

— Стоит ли?.. У нас хватит еды на всю дорогу.

— Люблю свежее мясо.

— Ты устал, — предостерег Аснерд.

— Да, — признался Придон, — но все же меньше любого из вас. Если не считать, конечно, Комана и Болгора.

Аснерд кивнул:

— Ладно, топай. Нам не помешает теплое мясо. Но будь осторожен. Не поскользись на... сам знаешь, ты очень юн!

— Годами, — огрызнулся Придон, — но не головой!

Аснерд улыбнулся в его удаляющуюся спину. Головой и даже сердцем этот сын тцара вообще еще желторотый пенчик.

Коман и Болгор проводили обеспокоенными взглядами. Коман было поднялся идти следом, но Болгор опустил руку на плечо: мол, здесь пока места безопасные, а вот когда пойдут трудные...

Следы горного барана отыскал с легкостью, тому не пришлось в голову уподобиться зайцу, что делает круги, петли, двойные соскоки в сторону, сказано — баран, Придон подкрался и тихонько натянул тетиву. Баран гордо и красиво стоял на уступе, абсолютно черный на фоне красного закатного неба, только рога искрились и блистали, как раскаленное железо. Стрела заставила прыгнуть, Придон любовался смертным прыжком в пустоту, когда тело пронеслось по широкой дуге, остановилось на миг в высшей точке взлета и горячей тушей рухнуло к его ногам.

Обратная дорога по широкой дуге, но он помнил направление и уверенно срезал угол по прямой. Скалы раздвинулись, он, прыгая с камня на камень, увидел площадку, залитую зеленой кровью, но еще раньше донеслось тяжелое сопение, громоподобное усталое рычание, шум, он ощутил содрогание почвы.

На самом краю все еще ворочались красный и зеленый драконы. Тела их огромны, только сейчас уstraшенный Придон оценил подлинные размеры, оба возвышались, даже лежа на брюхах, как сараи, а растопыренные гребни торчали, как обугленные стропила.

— Двое дерутся, — сказал Придон вслух, — третий пользуется...

Он натянул лук, зашел поудобнее, спустил тетиву. Стрела исчезла, послышался хлопок, из глаза красного дракона брызнуло слизью, там появилось белое оперение. Дракон глухо взревел.

Не уверенный, что наконечник достал мозг, Придон зашел с другой стороны, расщеп стрелы уже на тетиве, прицелился еще тщательнее и подошел ближе. Щелчок, стрела ударила с такой силой, что и оперение почти целиком скрылось с глазнице. Ослепленный дракон взревел и уронил голову.

— А теперь ты, — сказал Придон и наложил новую стрелу, глядя уже на зеленого дракона.

Тот хрипло дышал, кровь слабо вытекала из глубоких ран. Он посмотрел на человека мутным взглядом, но глаза не отвел, смотрел, как тот поднимает лук.

Придон вдруг ощутил себя так, будто превращается в мелкого и подленького куява. А что может быть хуже, чем быть хоть в чем-то похожим на куява?

Он убрал лук, безбоязненно подошел к самой морде зеленого. У того, похоже, не было силы даже зарычать. Только неотрывно смотрел на смерть в облике двуногого.

Придон сбросил с плеч тушу барана, ногой придвинул к окровавленным ноздрям дракона. Оттуда с вытекающей

струйкой крови вырывался и горячий воздух, шерсть на баране затрепетала, как на живом.

— Уж пасть-то открыть сумеешь, — сказал Придон громко. — Ты хорошо дрался!.. Живи. Мы, артане, чтим храбрых.

Дракон проводил взглядом его быстро удаляющуюся фигуру, ноздри наконец-то уловили живительный запах.

На небе выступили крохотные звезды. В родной Степи огромные, часто мигают таинственно, есть звезды синие, есть желтые, есть красные, даже зеленые, а здесь, в горах, все настолько мелкие, одноцветные, ни одна не мигнет, что и на небо смотреть не хочется, настолько чужое и недоброе.

Из темноты вынырнула согнутая фигура. Придон подбежал к костру, на землю рухнули два тела, а Придон сел рядом с Констом. Аснерд удивился:

— Двух коз?.. А где же тот баран, за которым погнался?

— Ушел, — ответил Придон, он смотрел в сторону. — Да какая разница, зато вот молодые козы. Им не больше чем по году. Давай, разделявай, я уже проголодался!

— И я, — сказал Вяземайт, добавил со смешком: — А у Антланца был уверен, что наелся на всю оставшуюся жизнь!

— Брюхо старого добра не помнит, — согласился Аснерд. Он уже быстро и умело разделявал добычу, Конст раздувал огонь и подкладывал сухие хворостины. — Сколько ни напоминай, что месяц тому кормил на убой, оно и сейчас нагло требует жрать!

Придон поинтересовался:

— А почему нельзя было сразу от Антланца?.. На драконе? Не пришлось бы сейчас вот так... Этот, как его, Иггельд прилетел наверняка на драконе!

— Наверняка, — согласился Вяземайт, — только спрятал, мерзавец. Наверное, прилетел на том самом, которого выносил за пазухой и выкормил с рук. Посмотреть бы хоть одним глазом на такое чудище.

Коман помогал Аснерду разделявать коз, проворчал:
— Скоро посмотришь... Вам вон только до той горки, видишь?

— Не вижу, — ответил Вяземайт сварливо.

— Что за глаза у артан...

— Да что глаза, — отмахнулся Вяземайт. — Давай как-нибудь поплаваем наперегонки?

Придон спросил:

— Так почему нельзя на драконе?

Аснерд фыркнул, скривился, по лицу Вяземайта тоже было видно, что сейчас скажет какую-то гадость в адрес куявов, вмешался Конст:

— Придон, ни один дракон не может унести стадо, таскает по корове. И то после каждой отдыхает! Подолгу. Иггельд прилетел один, но если взобраться на его дракона всем нам, то его крылатая ящерица, возможно, вообще будет хлопать крыльями по земле!.. Нам нужно подъехать к этой Долине Дэвов как можно ближе. За нами пришлют дракона, что сможет поднять четверых и перелететь через их проклятый гребень. Если бы подобрали нас прямо отсюда, то у дракона просто не хватит сил...

Аснерд сказал нетерпеливо:

— Я ж говорил, слабые эти драконы! Только и годятся, что свои гнезда могут охранять. Да и то разве что от куявов.

От мяса на углях пошел будоражащий запах.

Ночь холодная и, несмотря на разгар лета, — зимняя, мерзли даже у костра, а коней оседлали сразу, едва небо посветлело. Когда встало солнце, копыта стучали уже далеко от места ночевки. Проехали совсем близко от площадки, где вчера дрались драконы. Красный за ночь застыл, но бока зеленого мерно вздымались, спит.

Аснерд покосился на Придона, тот выпятил нижнюю челюсть и надменно смотрел поверх конских ушей. Перед мордой зеленого дракона темнеют комья выплюнутой шер-

сти да еще обломки раздробленного крепкими зубами черепа с огромными завернутыми в кольцо рогами.

Коман и Болгор переглянулись. Коман хмыкнул, на лице Болгора появилась снисходительная улыбка. Придон выждал, но никто не удивился, не спросил, как это израненный дракон сумел добыть быстроногого барана, и он благополучно соскользнул в сладкий мир горячечных слов, из которых складываются дивные, будоражащие душу и сердце песни, воспламеняющие кровь и плоть.

Аснерд ехал рядом величавый и неподвижный, как гора. На левой руке как солнце блещет щит, прикрывая бок и плечо, из-за спины выглядывает исполинский топор, лучшее в мире боевое оружие. На длинное топорище насажено тяжелое лезвие с оттянутым краем и жутковатым крюком, что пробивает любой шлем и срывает его с головы вместе с верхней костью черепа.

Ветер иногда сдергивал с вершинок тончайшее белое покрывало. В полете рассеивалось на мириады крохотнейших снежинок, обнаженные плечи сперва обжигало холодом, но, когда солнце начало прогревать озябшие за ночь тела, снежинки уже просто приятно щекотали кожу.

После обеда встретили крохотную деревушку, прижавшуюся к отвесной стене над ужасающим обрывом. Их покормили и настойчиво советовали остаться на ночь. Ночи морозные, к тому же замечены стаи огромных волков, таких огромных раньше не видели. Аснерд заколебался, да и Вяземайт с Констом готовы были задержаться на ночевку, но Придон помнил, что Итания там в окружении женоподобных красавцев-куявов, накрашенных и надушенных, как портовые девки, а он пока что с каждым шагом отдаляется... вскричал сердито:

— Ну и что, если волки? Это всего лишь одичавшие собаки.

— Но большие, — напомнил Конст.

— Зато собаки! — сказал Придон сердито.

Едва покинули деревушку, небо затянуло тучами, кони брели по снегу, почти не видя ничего ни впереди, ни по бо-

кам. Холодный ветер обжигал лицо, началась метель, колющий снег больно бил по векам. В ушах стоял непонятный гул, перемежаемый тоскливым воем. Придон уже не знал, выюга это или волки, конь тащился изо всех сил, снег поднялся до брюха. Луговик, похоже, вовсе пал духом, едва переставляет ноги.

Метель перешла в метелицу, хуртовину. Придон вроде бы увидел огни, но в следующее мгновение ветер швырнул в лицо тучу снега. Он задохнулся, начал отплеываться, рядом так же хрипел и стонал Конст. Возле него теперь постоянно находился Коман, оберегал, его длинная лапа не выпускала повод коня Конста.

Из пурги вынырнула громадная фигура Аснерда, раздраженный голос посоветовал:

— Конст, вытри слюни. А то замерзнут, порежешься.

Метель ревела, выла, свистела, перед глазами была взбесившаяся пелена. Ветер срывал и нес целые горы снега. Огни блеснули снова, Придон крикнул:

— Там жильё!.. Целый город!

Сбоку отозвался будничный голос Болгора:

— Конечно, город. Застава Трех Мечей, где вас давно ждут. А что, все это время не видно было?

Пронизывающий холодный ветер ударил с такой силой, что Придон не удержался и повалился на конскую шею. Сразу же навалилось пушистое одеяло, стало накрывать, он кое-как распрямился, тело задубело, рядом двигался через напор метели Аснерд. Вяземайт присматривал за Констом, чтобы не потерялся, но Коман присматривал уже за ними обоими, так тащились в сторону огоньков, что исчезали, появлялись, снова исчезали, будто это не огни, а волчьи глаза.

Наконец, когда силы покидали вовсе, почти уперлись в каменную стену. Первыми их почуяли собаки, подняли лай. Болгор, не слезая с коня, начал стучать в ворота. Он не выглядел уставшим, в то время как все четверо артан заледенели и покрылись сосульками.

ГЛАВА 13

В воротах приоткрылась дверца. Придон увидел, как выбежали тепло одетые мужчины, один крикнул Коману с укором:

— Ну что так долго? Суп уже остыл!

Второй сказал раздраженно:

— Еще к обеду ждали!

— Дык... — сказал Коман и начал слезать с коня, — трудности... были.

Придон смолчал, эти четыре трудности больше похожи на обледенелые сосульки, чем на людей, кое-как сполз с седла. Коня тут же перехватили, увели, а потом и его, как старца, поддерживая за плечи, через калитку, сразу же наискось заметенного снегом двора в гостеприимно распахнутые сени, откуда свет, тепло, вкусные запахи...

Аснерд довольно взревывал, пил еще в сениях горячий, обжигающий отвар жги-корня, оживал, с волос текли струи растаявшего снега, Вяземайт и Конст суетливо отряхивались, а их уже дергали, нетерпеливо тащили в большую комнату, через дверной проем видно обильно накрытые столы.

Болгор исчез ненадолго, а вернувшись, сообщил удовлетворенно:

— Дракон за вами прибудет утром!

Придон спросил жадно:

— Он прилетит прямо сюда?

— Нет, кони пугаются... Там за городской стеной есть Драконья Ложбина. Завтра все увидишь!

Утром от снега ни следа, даже ни лужи, камни сухие и чистые, только вершины гор все так же искрятся льдом и снегом. Выехали вшестером, Коман и Болгор все еще бдили и оберегали, хотя ехать пришлось недалеко: место для прилетающих драконов было всего за три выстрела из лука от городской стены.

Широкая утоптанная площадка, по ее размерам можно судить о размахе крыльев драконов, а по обеим сторонам с десяток длинных просторных сараев, неопрятных, сколоченных наспех, явно возводили недавно, срочно.

От городских ворот в сторону этих сараев тянулись вереницы подвод, плелся скот, воздух заполнен скрипом колес, мычанием, ревом. Часть скота забивали прямо подле сараев, снег пропитался кровью, остальных гнали по узким горным тропам, пока не исчезали из виду.

— Торговля ширится, — объяснил Коман. В этом городе он чуть ожил, заговаривал уже сам, не дожидаясь расспросов. — Это все наверх... в Долину Драконов! Народ к Иггельду идет охотно. Говорят, в его долине золотые самородки прямо на земле. Вот только...

Он умолк в нерешительности. Аснерд поинтересовался с любопытством:

— Что не так?

— Говорят, что надо поцеловать дракона в зад, — выдавил Коман смущенно, — иначе Иггельд не примет.

Болгор злорадно захохотал, но, перехватив укоризненный взгляд Вяземайта, поспешно отвернулся. Судя по его роже, это он запустил такую шуточку, народ поверит, зная, как Иггельд обожает своих драконов.

Все спешили, Болгор собрал коней и увел в конюшню. Выходя, закрыл ворота и задвинул на два засова. Аснерд все поглядывал на небо, спросил раздраженно:

— И долго мы здесь будем торчать? Разве уже не утро?

Вяземайт сказал злорадно:

— Пока Итания не выйдет замуж.

Придон подпрыгнул, глаза дикие, его сразу затрясло, Аснерд торопливо крикнул:

— Да пошутил он, пошутил! У дурня и шутки дурацкие.

Но Придона била крупная дрожь, сердце стучало все чаще, а глаза стали совсем отчаянными. Аснерд поспешно встал, обхватил его за плечи, прижал к своей мощной груди. Придон слышал могучие толчки сердца воеводы, а ши-

рокая длань Аснерда утешающе шлепала его по спине с небрежной величавостью морского прибоя.

— Брось, — прогудело над ухом, — брось! Он же не человек, а всего лишь волхв. Что он понимает?.. А прилететь за нами должны, обязательно должны. Они ж не знают, что ты такая ранняя птаха! Думают, что раз песни складываешь, то обязательно свинья свиньей. И спишь от пуза, как распоследняя свинья.

Вяземайт засмеялся.

— И вообще лодырь, — добавил он злорадно. — Иначе откуда песни?

Аснерд похлопал Придона по спине, прижал сильнее и отстранил на длину вытянутых рук.

— Ну, ты как?

Придон не мог смотреть в ясные понимающие глаза воеводы, поспешно уронил взгляд, затем вовсе увел в сторону, словно скользил им по снегу.

Коман и Болгор, только бы не сидеть без дела, развели костер и вытащили из мешков ломти холодного мяса. Издали донесся крик Конста:

— Летит!

Аснерд отпихнул Придона, синие глаза впились в чистое ясное небо. Придон подпрыгнул, дико огляделся. Перед глазами от напряжения запрыгали звездочки. Аснерд вытянул руку.

— Да вон же он!

Толстый палец с ногтем, как панцирь толстого жука, упирался в пустоту. Вяземайт, как и Придон, всматривался безуспешно, но в Артании все рассказывали у костров о чудесном даре рода Аснерда, потому оба смотрели, смотрели, смотрели, пока у Придона не вырвался ликующий вопль:

— Вижу!

Сперва это была только черная точка, но она двигалась, очень медленно росла. Придон различил едва заметные взмахи крыльев, продолговатое тело, даже вытянутый хвост. Дракон терял высоту, крылья просто растопырил, а когда снизился еще, Придон различил плотно прижатые к

белесому брюху лапы. Лапы почти не видать, в брюхе там вмятины, так что дракон выглядит очень крупной безногой ящерицей.

Дракон сделал круг, седока все еще не видно, теперь и сам дракон почти неразличим с его белесым брюхом, таким малозаметным на таком же белесом небе, что удобно для подкрадывания к пасущимся коровам.

Придон невольно оглянулся на стены города, так и хочется броситься под их защиту. Вяземайт и Аснерд все еще стоят, зачарованно глядя вверх. Дракон снижался, теперь видно, насколько чудовищно громаден, одни только крылья закроют половину всей площадки, а когда сядет, то длинный хвост разрушит ближайшие сараи.

Дракон прошел над городом и ушел далеко за его стены. Придону показалось, что с загривка дракона свесилась голова, после чего дракон сделал круг, снизился, прошел почти над их головами. Сильный удар ветра бросил Придона оземь, он перекатился через голову, растопырил руки, хватаясь за все, что попадалось, вскочил, никакого ветра нет, а дракон уже разворачивается далеко за краем площадки...

Придон бегом бросился к Аснерду, сзади рев, скрежет, земля дрогнула, затрещал камень. В спину ударила тугая волна перегретого животного тепла. Аснерд ухватил Придона, не дал шарахнуться о стену, а на площадке стояла снежная буря, при посадке крылья дракона взметнули целое облако снега, теперь оно нехотя опускалось, а дракон пробежал с полсотни шагов, остановился и сразу лег всем телом на промерзшие камни.

Мощный бас над ухом Придона прорычал:

— Какой красавец!

Морда дракона лежала на земле всего в десятке шагов от Придона, но все равно нависшие, как выступы скал, надбровные дуги оказались на уровне глаз человека. Сейчас глазные яблоки дракона были закрыты толстой кожистой пленкой, но он как почувствовал взгляд человека, веко поднялось, на Придона взглянули самые огромные и

страшные глаза, какие он когда-либо видел. Нечеловеческие и нерассуждающие глаза рептилии, холодные и точные, умеющие только находить цель для убийства.

Ноги ослабели, Придон чувствовал, как бешено колотится сердце, слышал голоса Аснерда, Конста и Вяземайт, что-то говорили Коман и Болгор, потом Вяземайт засмеялся:

— Аснерд, он в самом деле... Точно, похож на тебя! Не заметил?

Голова дракона напоминала каменный валун, грубо обделанный тупым долотом. Глаза пряталась в узкие каменные щели, даже короткая шея выглядит литой, хотя от затылка по ней идет короткий гребень, а на спине уже страшный костяной лес до самого кончика хвоста. Из вывернутых ноздрей толчками вырываются горячие струи, сожгли корочку льда на камне и теперь плавят, как воск, сам гранит.

Аснерд сказал довольно: ‘

— Ага. Красавец!

— И характером, наверное... — добавил Вяземайт.

— Ага, — снова согласился Аснерд. — Хорош!

На спине дракона медленно опускался гребень. Придону он напоминал заостренные колья для казни, между которыми протянули темно-зеленую шкуру. Сейчас эти чудовищные иглы валились одна на другую, ветер уже не трепал гребень, хотя дракон сел на площадку точно против ветра.

На спине появился человек в теплой меховой одежде. Спускался по веревке, привязанной к одной из игл, соскальзывал, ударялся. Придон сразу ощутил к нему неимоверное презрение, мужчина не должен быть таким слабым и неуклюжим.

Наконец ноги хозяина дракона коснулись земли. Он еще освобождался от веревки, та оказалась привязанной поперек пояса, когда Аснерд опасно обошел морду дракона, крикнул весело:

— У тебя неплохой конь!

Хозяин дракона обернулся. У него было чистое, хоть и очень загорелое на высокогорном солнце лицо, ясные си-

ние-синие глаза. Тонкая рука, появившись из широкого рукава, замедленным движением сбросила меховой капюшон. Придон ощутил, как будто его кто ткнул кулаком в живот. А девушка тряхнула головой, длинные золотые волосы, чистые и блестящие, крупными локонами рассыпались роскошным водопадом, в них подобно золотинкам заблистали крупные золотые искры.

— Меня зовут Яська, — сказала она чистым ясным голосом. — Вам не сказали, что приеду я?... Вы правы, у меня лучший крылатый, как вы говорите, конь по эту сторону гор!.. Лучше только...

Она остановилась, Аснерд сказал ревниво:

— Что, есть еще лучше? Не поверю.

— У моего брата, — призналась она. — Да, у Иггельда получше.

Аснерд развел руками. Придон видел, что старый воевода потрясен не меньше, чем он сам. Девушка надменно и насмешливо улыбалась. У нее такое же чистое ясное лицо, как и голос. Теперь Придон понимал, зачем ей этот капюшон, только мужчины, да и то не все, гордятся грубыми обветренными лицами.

— Конь... — сказал Аснерд, — конь... Черт, у нас только вот этот герой способен смотреть на красивую женщину и говорить о ее коне, но не я, не я, старый воевода Аснерд, который знает, что такое красота, когда ее видит!

Яська улыбнулась, ее удивительно синие глаза метнули стрелу в сторону Придона.

— Так этот тот самый, кто попытается войти в земли дэвов?

— Тот самый, — подтвердил Аснерд. — Его зовут Придон. Он умеет даже говорить и чесаться. Ты не смотри, красавица, что у него челюсть до земли. Он не всегда такой...

— А какой бывает? — поинтересовалась она.

— Ого! Он даже умеет шмыгать носом. А челюсть...

Красавица внимательно рассматривала Придона. В ее широко расставленных глазах мелькали странные искорки. На щеках появились ямочки.

— Иногда поднимает и до пояса?

— Даже выше! — заверил Аснерд с восторгом. — И слюни у него не всегда текут, чесс слово! Он бывает умным, клянусь твоим крылатым конем!.. Почти как человек. Ты уверена, что это... это с крыльями поднимет нас всех? Я, знаешь ли, так хорошо пообедал...

— Поднимет, — ответила девушка. — Надеюсь, что поднимет. Но пусть отдохнет чуть. Мы ломились через встречный ветер. Мой Асмард притомился.

С Команом и Болгором она обменялась лишь кивками, ни тени тепла, как и вражды, просто как будто общалась с говорящими быками. Издали донесся укORIZненный голос Вяземайт:

— Яська, не слушайте их! Идите сюда, у меня тут костер. Для вас поджарю мясо.

Придон сказал мстительно:

— Асмард! Почти как Аснерд.

Девушка оглянулась через плечо:

— Смотрите, оно в самом деле разговаривает!

— И даже пробует острить, — хохотнул Аснерд.

— Вот так? — изумилась Яська.

— Как может, — пояснил Аснерд.

Вяземайт, который всегда все видел на три шага вперед, уже спешно раскладывал куски мяса на горячие камни, а уже поджаренные снял и протянул Яське. Аснерд перехватил и сам подал красавице. Она улыбнулась, как ребенок, Придон снова поймал лукавый взгляд ее смеющихся глаз.

Ветер утих, сидели на камнях, подстелив мешки с привезенной Яськой теплой одеждой. Странное ощущение коснулось Придона: тихое очарование, словно сидит не в горах в пяти шагах от морды дракона, а на берегу спокойного озера в родной Артании.

Яська ела быстро, с удовольствием, сверкали белые зубки, такие ровные и блестящие, что Придон поймал себя на том, что забывает жевать, все смотрит неотрывно, мысленно ведет солнечным лучом по ровному ряду, заставляя

вспыхивать одну жемчужину за другой, а когда доходит до края, то с таким же наслаждением ведет обратно.

Яська вдруг сказала очень серьезно:

— Мне все-таки не нравится, что вы голые.

Аснерд удивился.

— Голые?

— До пояса голые, — ответила она твердо. — А вы знаете, что такое встречный ветер?

— Знаем, — ответил Придон дерзко.

Она проглотила едкое словцо, сказала почти мягко:

— Я вам не зря привезла теплые шубы. Поверьте, не зря. Не нравится вам? Тогда купите другую, получше. Или украдите, мне все равно. Вон торговый склад, там есть все. Вы очень красивые мужчины, смотреть на вас одно удовольствие... но в полете вас рассматривать некому. А промерзшие кому вы нужны?

Аснерд гордо выпятил грудь.

— У нас, артан, горячая кровь!

— Горный воздух, — предостерегла она, — даже кипящую воду превращается в лед!

— Так то воду, — коротко сказал Придон.

Яська окинула его внимательным взглядом с головы до ног и обратно, ненадолго задерживая взгляд на ровных квадратиках живота, широких грудных мускулах, на упрямо выдвинутом подбородке, высоких скулах... затем их взгляды встретились. Придону почудилось, что между ними двумя проскользнула короткая молния. Во всяком случае, его потрянуло, он ощутил, да и Яська вздрогнула, смотрит странно, глаза поспешно опустила.

Дракон шумно вздохнул, голова его приподнялась, он посмотрел на чужаков с удивлением. Яська поспешно проглотила последний ломтик мяса.

— Пора.

Аснерд беспокойно вздохнул. Все смотрели, как Яська бесстрашно подошла к самой морде дракона. Что-то говорила, ее пальцы трогали и гладили его ноздри, похожие на сопла кузнечных мехов. Дракон не двигался, только кожи-

стая перепонка на одном глазу приподнялась и тут же опустилась.

Затем она помахала рукой.

— Заходите сбоку и залезайте по задней лапе.

— А по передней? — спросил Аснерд.

Она оглядела его критически.

— У вас крепкие кости, но только не для зубов моего дракона.

Вяземайт полез первым, он волхв, все новое должен познавать первым, затем начал взбираться Аснерд. Придон тем временем подошел к лапе, что больше напоминала покрытое чешуей изогнутое бревно. Острые когти погрузились в твердый как камень снег. Придон услышал неприятный скрип, понял с холодком во внутренностях, что когти чудовищного зверя расцарапывают камень, словно это сухой песок.

Он полез, сорвался, лапа скользкая, как гигантская сосулька, больно стукнулся бровью. Снова полез, цепляясь за крупные чешуйки, что становились все крупнее, а когда по округлому боку забрался на спину, под ногами пошли уже широкие, как лопаты, костяные пластины с тупыми шипами посередине. Вдоль хребта от самого затылка тянулся уже знакомый издали гребень. Вяземайт уместился между самыми толстыми и высокими иглами, Аснерд осторожно усаживался сзади, их разделяла только одна игла, правда, толщиной с оглоблю.

Яська села на загривке дракона, оглядывалась, посоветовала:

— Вы зря так... красиво. Еще раз предупреждаю, будет холодно!

Ее глаза метнули взгляд на Придона. Он надменно посмотрел в сторону, не ответил. Она вздохнула, отвернулась. Дракон приподнял голову, неспешно огляделся. Придон чувствовал, как от этого простого движения по всей спине проснулись мышцы, а под ногами колыхнулись плиты чешуек.

Всех качнуло. Каменная стена резко ушла вниз и оста-

новилась. Дракон постоял, начал разворачиваться на месте, переступая лапами, как неуклюжая корова кривыми копытами. Хвост со скрежетом взламывал твердую кору слезавшегося наста.

Затем дракон неспешно ушел шагом на другой конец площадки, снова развернулся. Яська не двигалась, Придон наконец понял, что дракону не просто нужно место для разбега и взлета, но еще хочет взлететь навстречу ветру.

На той стороне площадки остались только Коман и Болгор. Подняли правые длани ладонями вверх, прощаясь. На широких лицах осознание выполненного долга: довели, не дали расшибить носы и колени, утирали степной родне сопельки, батя будет доволен.

— Готовы? — крикнула Яська весело.

— Давно, — ответил Аснерд за всех.

— Держитесь крепче, — предупредила она.

Оглянувшись, снова их взгляды с Придоном встретились, но теперь ни капли смущения он не увидел в ее синих глазах, а только насмешливое веселье. Он не понял повода, на всякий случай нахмурился и принял достойный воина горделивый вид. Вяземайт и Аснерд обмотали себя веревками вокруг поясов и привязали другие концы к иглам гребня, Придон постарался сделать это как можно незаметнее, а узел на игле накрыл ладонями.

Дракон побежал. Сперва это был все убыстряющийся шаг, потом тяжелая рысь. Крылья расползлись в стороны, ветер поддел снизу, потащил вверх. Дракон еще бежал, дважды с усилием приподнял и опустил крылья. Придон видел, как ударом воздуха выломило плиту смерзшегося снега и швырнуло в стену. Под ногами скрипели и терлись одна о другую костяные плиты, иглы гребня угрожающе раскачивались.

Край пропасти приближался, а эта глупая скотина бежит прямо, Придон задержал дыхание, душа тряслась и молила, чтобы дракон не забыл взлететь, но дракон как бежал с вытаращенными глазами, так и рухнул вниз головой.

Сердце Придона оборвалось и понеслось быстрее дра-

кона к страшному дну пропасти. В сотне шагов прямо перед глазами замелькала каменная стена, ее уносит вверх, ветер с удесyтеренной силой ударил снизу, пытается вывернуть губы и веки, раздуть легкие...

Придон в смертельном страхе закрыл глаза. Тело внезапно стало тяжелым, желудок не просто от горла вернулся в брюхо, а постарался продавиться в самый низ, в самый что ни есть самый. Ветер дул теперь то справа, то слева, воздух стал намного холоднее.

Он осторожно приоткрыл глаза. В лицо свирепо дует холодный режущий ветер. Дракон несется между скал, как выпущенная из баллисты гигантская стрела. По бокам мощно бьют крылья, воздушные завихрения достигают Придона мощными упругими толчками, но сильнее всего морозит встречный ветер. Совсем не тот встречный, что на коне, тот в сравнении с этим и не ветер вовсе. Однако сердце возликовало, по телу прошла волна радостного тепла. Дракон все же каким-то чудом не брякнулся о каменное дно, удержался, даже взлетел. Теперь только бы выбраться из глубокого ущелья...

Стены с каждым ударом крыльев опускались, наконец дракон пронесся над горой напрямую, а дальше снежные пики ниже, и все опускаются, опускаются, словно кучи снега под весенним солнцем. Вяземaйт вертит головой, рассматривает горы, словно запоминает, какими тропами приведет сюда войска. Аснерд прижался лбом к костяному шесту и вроде бы дремлет, Конст вообще сжался в комок, их удивительного проводника за телами артан не видно, да и ниже она, они трое на самом горбу, где самые длинные и толстые иглы.

Дракон вильнул в полете, Придон на миг увидел Яську. Она съежилась, вобрала голову в плечи, сунула руки под мышки, вообще вся собралась в комочек, чистая куявка, нежная и слабенькая...

Он ощутил гордость своей стойкостью, расправил плечи, но тут же произвольно передернул ими и сообразил, что уже замерз, что ему холодно, что встречный ветер сдул

все тепло с его кожи, а теперь морозит саму кожу и добирается до мяса.

Еще через полчаса он ощутил, что лютый холод не просто добрался до мяса, а превратил его в лед, теперь пробирается в глубь костей. Исполинские горы проползают внизу очень медленно, похожие на промерзлые кочки на зеленом лугу. Иногда кочки вплотную, иногда цепочкой, иногда поодиночке, но вон там впереди вообще странное кольцо из сверкающего льда...

В лицо ударило, как молотом. До этого дракон упорно и привычно ломился сквозь встречный ветер, Придон уже знал, что встречный ветер будет, он всегда возникает, когда скачешь на быстром коне, и чем быстрее скачешь, тем сильнее ветер в лицо, но сейчас в лицо ударил настоящий ураган, разбил лицо, из рассеченной губы брызнула кровь, во рту стало солоно.

— Колдуны! — прокричал чей-то измененный голос.

Дракон качнулся, попытался собрать крылья у тела, но его упорно переворачивало. Страшный вихрь раздирал рот, выворачивал веки. Сквозь слезы Придон видел, как Аснерд подхватил голову Конста, мнет уши, видно было разинутый рот, но крик уносило ветром.

Долетел крик Вяземайта, что у Конста оборвало ремни, сам держаться не может, держите, а то потеряем. Страшная рука ветра коварно ухватила Придона за волосы сзади. Ремень натянулся, дыхание перехватило, в глазах стало темно. Он задыхался, но тут ремень лопнул. С ужасом он ощутил, что его выдернуло с места, ударило о костяной выступ, швырнуло...

Он полетел с дракона, сжимая в кулаке обрывок ремня. Страшные покрытые льдом вершины гор трижды перевернулись вокруг оси, сердце застыло в смертном ужасе. Вдруг он увидел, как прямо перед лицом что-то мелькнуло, руки как выстрелило вперед, пальцы сами ухватились за костяные чешуйки, впились в щели между шипами, он распластался всем телом, обхватил тонкий хвост дракона руками

и ногами, вцепился за выступающий шип гребня зубами и плотно-плотно закрыл глаза.

— Это не колдуны башен! — прокричал другой голос. — Вниз-вниз...

Исполинские силы, созданные неведомой магией, швыряли дракона, как мальчишки бросают друг другу мячик, часто с размаха поддавая его ногами. Придон на какое-то время потерял сознание, или же думал, что потерял, потому что, когда очнулся, он все так же до ломоты в челюстях держался за костяной выступ. Руки сумел свести, пальцы переплел так, что и сам не смог бы сейчас разжать.

Рот оказался заполнен слюной, похоже, он успел опорожнить желудок. Когда попробовал приоткрыть глаза, едва не умер от страха, совсем рядом пронеслась гранитная стена, затем снова мелькнуло небо, потом опять багрово-красная стена гранита...

Высоту дракон потерял, теперь его несло не над острыми скалами, а между ними. Он отчаянно хлопал крыльями, извивался всем телом, стараясь не нанизаться на острые выступы. Иногда воздушный толчок подкидывал, словно земля давала могучий пинок, но часто влетали в такие места, где Придон жадно хватал ртом воздух, а того словно бы не было!.. Дракон почти падал, но его все же несло вперед, хоть и почти над смертельно опасными камнями дна ущелья, и снова удавалось отчаянными рывками приподниматься. Придон все время твердил, что вот еще чуть, и он разожмет пальцы. Нет, можно продержаться еще чуть, а там уже не удержать разжимающиеся пальцы, онемевшие от усилий и ледяного ветра ноги...

Пальцы в самом деле разжались, но в тот момент ветер уже не терзал так люто, а резкие падения в пустоту сменились мелкой тряской. Он мысленно попрощался с Итанией, его тело сползло по гладкой чешуе, почему-то ветром не швырнуло... но падал он бесконечно долго. Ударился о твердое, распластался, уверенный, что уже мертв, а это в нем живет и чувствует только душа. В стороне грозно простучали огромные когти. Земля вздрогнула, качнулась. Там

же звучали голоса. Он прислушался, узнал Аснерда, Вяземайта и даже Конста.

Приоткрыл один глаз. Прямо перед ним худой красный муравей упорно затаскивает в щель коротенькую жирную гусеницу. Гусеница извивалась и очень не хотела в щель. Голоса Аснерда и Вяземайта звучали громче. Он решился повернуть голову.

Дракон лежит, вытянув шею, голова на камнях, глаза закрыл, из ноздрей вырываются клубы горячего пара.

Придон со стыдом и невероятным облегчением понял, что сорвался с дракона, когда тот уже бежал здесь, по этой каменной площадке, гасил растопыренными крыльями скорость. И падать пришлось всего с высоты седла, а то и вовсе, сказать стыдно, стремени...

Он повернул голову, как раз чтобы увидеть, как озябшая Яська сползает с драконьего загривка. Стыд стегнул Придона с такой силой, что сквозь стиснутые зубы протиснулся стон, этот же стыд пронзил тело более вражеского копья, что проникает в живот и рвет внутренности, и превратившееся в ледяную глыбу тело начало разгибаться. Все трещало, разламывалось, а промерзшие насквозь кости звенели, как сосульки. За время перелета костный мозг превратился в ледяные шарики, перекатывался внутри полых труб, размалывал в кровавую труху красные кристаллики.

Нечеловеческим усилием он заставил себя подняться. Руки почти не двигались, он поискал остатки веревки, но, видимо, она превратилась в лед и рассыпалась еще там, наверху. Он слышал по шороху, что ноги Яськи уже коснулись земли.

Постанывая сквозь зубы, он с огромным усилием заставил выпрямиться согнутую, как у старика, спину. Развел плечи, затрещало, на землю осыпались мелкие льдинки. Ног не чувствовал, вместо них два негнущихся бревна, зато бок дракона вот рядом, раздувается и схлапывается, как у коровы. Придон протянул руку, такую же бесчувственную,

как и все тело. Пальцы ощутили тепло и толчки под толстой кожей чудовищного зверя.

Послышался скрип снега. Яська шла от головы дракона, меховой капюшон отбросила на спину, на ходу трянула головой. Волосы метнулись из стороны в сторону золотым огнем, глаза смеются, вся она свеженькая, уютная, наверняка там, под меховой шубой, очень теплая и мягкая.

— Ну как летелось? — крикнула она еще издали.

Придон страшился оторвать руки от дракона, но и стоять так глупо, с трудом похлопал по истончившимся внизу чешуйкам, погладил, с еще большим усилием расцепил смерзшиеся губы:

— Хороший дракон.

Она фыркнула.

— Все артане такие разговорчивые?

Сверху показались ноги Аснерда. Он слезал аккуратно, мешок под мышкой, другой рукой цеплялся за выступы. Очутившись внизу, зябко передернул плечами.

— Ну и холодно же у вас! Или, пока мы летели, здесь наступила зима?

— Зима? — удивилась Яська. — Зимой сюда не попасть даже драконам!

Вяземайт слез тоже степенно, на голове снежная шапка, брови от снега белые, даже волосы на груди покрыты инеем. Он внимательно посмотрел на Аснерда, на Придона, буркнул:

— Да, зря мы не оделись.

Придон ощутил на себе насмешливый взгляд Яски. Из всех сил не позволяя себе трястись, он выпрямился и буркнул:

— Не холодно.

На последнем звуке пришлось так стиснуть челюсти, что едва не вдавил зубы в кости. Дрожь шла изнутри, страшная, сотрясающая, там, в костях и промерзшем мясе, холод намного страшнее, чем здесь, на этом заснеженном плато.

Чтобы не выдать себя, он вытащил топор, стараясь не

прикасаться к металлу. Аснерд и Вяземайт разговаривали с Яськой, он видел, как указывают на заснеженные вершины. Ее щебечущий голосок тонко звенел, отражался от мрачных стен и рассыпал серебристые бубенцы по толстому слежавшемуся снегу.

ГЛАВА 14

Глыбы льда под ударами его топора отламывались со звоном, будто и не лед вовсе, а промерзшие куски металла. Отец однажды рассказывал, что побывал в таких краях, где самое прочное железо на морозе становится хрупким, как тонкий лед. Только бы его надежный топор не подвел, не рассыпался...

Пока рубил, он изо всех сил напрягал все мышцы, задерживал дыхание так, что едва не лопался, в глазах темнело, зато кое-как нагретый воздух начал прогревать замерзший костяной мозг, затем сами кости, а когда тепло пошло в мясо, он подхватил глыбу и понес к месту стоянки.

Аснерд, Конст и Вяземайт уже распотрошили мешки, напялили шубы, только головы остались непокрытыми, и снег блестел на волосах мелкими злыми искорками. Аснерд оглянулся, сказал довольным:

— Воды принес? Хорошо, тогда уж и огонь разведи заодно.

Яська критически осмотрела Придона, теперь его могучие мышцы перекатывались под кожей свободнее, он чувствовал ее взгляд и тогда, когда она отвернулась к Аснерду со словами:

— А за той горой будет...

— Спуск? — спросил Вяземайт.

— Какой спуск? — удивилась она. — Нет, подъем!

— Ух ты, я уж думал...

— Что выше места нет? — засмеялась она. — Дальше будет выше. Хуже того, там странное ущелье, снежные бури начинаются сразу, среди ясного дня. Так что будьте готовы.

Аснерд хмыкнул:

— Угораздило же нас искать этот меч в такое время! Нет чтобы выждать, пока потеплеет...

Яська удивилась еще больше, брови взлетели, она всматривалась в лицо воеводы, не шутит ли старый воин.

— Потеплеет? — переспросила она. — Как будто сейчас не самое жаркое время года!.. Видели бы вы, что здесь зимой!

Вяземайт спросил заинтересованно:

— А что здесь зимой?

— Наверное, очень страшно, — ответила она.

— Наверное?

— Ну да! Никто не смог бы сюда добраться зимой. Так что никто не знает, что здесь и как здесь. Говорят, что именно зимой просыпаются древние боги и в этих местах собираются на Большой Совет Богов.

Придон кое-как выбил огонь, замерзшие пальцы едва держали огниво. Сухой мох пустил дымок, вскоре занялся рулончик бересты, наконец желтые огоньки начали лизать, а затем и грызть тонкие веточки. Он осторожно примостил прутья побольше, поставил сверху котел с глыбой льда. Костер он привычно развел в ямке, хотя здесь не от кого прятать пламя, зато котел можно ставить прямо на края ямки, не прижимая пламя.

Снова Придон ощутил на себе взгляд красивой погонщицы драконов. обернулся, успел заметить, как она смотрит широко раскрытыми восторженными глазами, но тут же напустила на себе прежний насмешливый вид, сказала деловито:

— Ну, мне пора. Мой Зайчик не любит огня. Он считает это вызовом! Может в ответ сам плюнуть.

— Огнем? — спросил Аснерд.

— Конечно!

— Ого!.. Значит, у тебя огнедышащий?

— Что, хотите проверить?

Аснерд покачал головой:

— Я ж пока не покупаю... А он в самом деле плюется?

— Если дохнет хоть наполовину, — заверила Яська, — всю эту долину затопит огнем!

— Ого!

— Снег растает, а вода внизу затопит села.

Все трое смотрели, как она идет к своему дракону, а она чувствовала, что смотрят, и шла красиво, по-женски, прямая, с гордой вскинутой головой и струящимся потоком золотых волос по спине, мелко ставя ноги на одну невидимую линию.

Аснерд помахал ей рукой.

— Не столкнись со стаей ворон!

Она крикнула:

— Возвращайтесь с победой! Возвращайтесь... мы будем очень ждать.

Придону почудилось, что последние слова были обращены напрямую к нему. Дракон поднялся, повел огромной, как таран, головой по сторонам. Яська что-то крикнула, дракон пошел шагом, все убыстряя и убыстряя шаг, потом бегом, на этот раз до края далеко, он забил по воздуху крыльями, его приподняло, Придон успел увидеть белесое пузо, лапы на ходу подтягивались, прижались плотно-плотно, будто огромный зверь страшился зацепиться ими за облака.

Дракон сделал по воздуху расширяющийся круг, словно запоминал место, и ушел на юг.

Аснерд повернулся к Придону. Глаза сердито сверкнули.

— Ну, хватит храбриться?

Придон признался пристыжено:

— Да как-то... не мог... при женщине.

Он торопливо вытащил из мешка меховую одежду. Еще когда сунул руку в мешок, уже ощутил тепло, а когда натянул на себя это куявское бесстыдство, почувствовал, как душа зыграла, а сердце счастливо запрыгало.

Вяземайт вытащил из мешка хлебные лепешки, мясо.

На холоде надо есть часто и много, силы уходят на обогрев, а если в брюхе пусто, то какой из тебя воин?

— Нам вроде бы уже недалеко, — сказал Аснерд задумчиво. — Яська сказала, что вон за тем перевалом начинается спуск.... Тьфу, подъем. Чудесная девушка! Как только управляется с таким зверем? Я думал, что погонщики драконов — зверюги покрупнее меня.

— А что за спуск? — прервал Придон. — Э-э, подъем?

Он сам чувствовал, что хочется поговорить о такой странной наезднице, и потому спросил как-то чересчур резко, даже Вяземайт посмотрел с удивлением.

— В Долину Дэвов, конечно, — удивился Аснерд. — Но тут даже не подъем, нам просто перевалить через этот гребень. А дальше то, что... что там есть.

На всех пахнуло холодным ветром. Придон невольно поежился. Вяземайт произнес задумчиво:

— С этими дэвами дивно то, что никто не видел, что там в долине... Я все выяснил у местных колдунов и магов. С драконов не видать, а кто спускается, как вот сейчас попытаемся мы, тот просто исчезает. Как будто в воду ныряет! И уже не возвращается. Никогда.

Конст кивнул, глаза были задумчивые.

— Потому Яська и высадила нас по эту сторону гребня. Да и то рисковала...

— Чем? — быстро спросил Вяземайт.

Конст помялся, взгляд уводил, а голос прозвучал нерешительно:

— Ходят слухи, что у дэвов есть стрелы, которыми могут поражать все... что видят. Дракона собьют даже за облаками.

— Что насчет пеших? — спросил Аснерд деловито.

Конст смолчал, Вяземайт ответил буднично:

— С пешими, что и с крылатыми. Все как с тем светом! Никто не пришел и не рассказал, как там.

Аснерд хмыкнул:

— Так, может, там и есть тот свет?

Вяземайт смолчал, а Придон, чувствуя, что пора и ему что-то сказать, обронил:

— Скоро узнаю.

— Узнаем, — поправил Аснерд.

Придон сказал с усилием:

— Нет, Аснерд. У тебя уже погиб сын по моей вине. Я всю свою жизнь буду проклинать себя, если твои дети потеряют еще и отца.

Аснерд фыркнул.

— Всю жизнь! Размечтался. Ты думаешь, тебе боги отмерили долгую жизнь?.. Нет, брат, такие долго не живут.

Вяземайт сказал рассудительно:

— Давайте поступим умнее. В чем-то Придон прав, в чем-то нет. От того, пойдем вчетвером или он один, — разницы нет: дэвы и тысячу таких, как мы, — одним пальцем. Но и одному идти глупо, должен быть еще, который вернется и расскажет. Двоим надо здесь на случай, если прилетит Яська. Ей нужно будет объяснить, что двое чуть задержались... Хорошо я придумал?

— Ну, — сказал Аснерд, — по крайней мере, верно...

— Вот видишь, — сказал Вяземайт победно. — Так что мы с Придоном пойдем, а вам с Констом выпадает важная и трудная задача дожидаться Яську и, при необходимости, уговорить ее задержаться еще на пару дней.

Придон кивнул, он со всем согласен, но Аснерд почему-то заспорил, вмешался Конст, долго что-то выясняли, а когда почти охрипли, Придон услышал грустный голос Конста:

— Мы старше Придона, но глава сейчас — он. Мы — лишь топорище, а он — карающее лезвие. На нем вся тяжесть и... ответственность. Потому ему и решать, а не нам, кто пойдет, а кто останется. Мы ведь помним... Придон, ты помнишь, что впереди долина, где живут дивы?.. Именно дивы?

Аснерд крикнул, сказал с неудовольствием:

— Ну, вообще-то я согласен. Понятно же, что сильные руки и тяжелый топор...

— Я тоже согласен, — заявил Вяземайт. — В страну, где сильны не мускулы, а магия, надо брать с собой чародея.

Аснерд поморщился:

— Только не начинай снова...

Придон кивнул.

— Я выслушал всех. Я думал. Я решил. Со мной пойдут... Конст.

Конст, ничуть не удивившись, к этому и подталкивал, закинул мешок за спину.

— Пойдем, — сказал он коротко. — Нам надо успеть перебраться через гребень до того, как солнце опустится.

Аснерд смотрел зло, буркнул:

— А не лучше перебираться ночью?

— Дэвы видят ночью так же, как и днем, — ответил Конст бесстрастно. — А вот мы — нет.

— А ты откуда знаешь?

— Про нас?

— Про дэвов, дубина!

— Знаю, — ответил Конст.

Солнце безжизненным светильником горело на беле-со-голубом небе. Придон даже не ощутил на плечах привычного обжигающего жара, когда под прямыми лучами кожа начинает трещать и лопаться, а в тени замерзает вода. Да и трудно ощутить через толстую меховую шкуру. Они с Констом удалились за каменный гребень, прошли по узкой тропке над пропастью и одолели бурный поток, которому вздумалось изливаться почти с вершины горы, прежде чем Конст впервые разомкнул губы.

— Ты сделал верный выбор, — сказал он Придону в спину. — Так было правильно.

— Ты подсказал, — буркнул Придон. — Иначе мне бы навязали Аснерда или Вяземайта. Зато ты бы сидел у костра, вместо того чтоб тащиться вот так, обдирая бока и локти.

— Но я сам див, — ответил Конст. — Я лучше знаю, что тебя ждет.

Придон тут же спросил живо:

— А что меня ждет?

Конст развел руками:

— Не знаю.

Они расхохотались, но смех был невеселым. Конст сказал смущенно:

— Я не знаю, что ждет, но все же знаю, что дивные люди, или дэвы, дивы — как вы называете, от вас отличаются лишь тем, что помнят старый мир. Как важно, оказывается, забывать!.. Как важно для выживания забывать знания, мудрость, культуру!.. Когда земля тряслась и рушились многоэтажные дома, из нас уцелели только те, кто выскакивал в чем есть и убегал в смертельной панике на открытые места, в горы, карабкался на утесы. А погибли все, кто пытался спасти и вынести книги, кто будил детей и выносил их спящими...

Голос сорвался, он застыл, глядя безумными глазами в пространство. Придон легонько потрянул за плечо. Конст вздрогнул, сказал осевшим голосом:

— Дивьи люди тоже одичали, Придон. Но у них еще есть остатки былой мощи... У одних — одна мощь, у других — другая. Да, оказывается, можно одичать, даже оставаясь бессмертными!..

Придон перебил:

— Но мы сумеем срубить им головы?

Конст поперхнулся на полуслове, глаза замерли в орбитах. После долгого молчания сказал уже другим голосом:

— Да, конечно. Не сейчас, так позже.

— Мне нужно сейчас, — возразил Придон. — Мне нужна рукоять меча Хорса!

— Ты ее получишь, — ответил Конст глухо. — Сила дивов неизменна, а сила людей растет. Вы сломите мощь дивов, сотрете их с лица земли. От нас не останется и воспоминаний...

— Тогда прибавь шаг, — велел Придон. — Я хочу, чтобы это наступило как можно быстрее. Мне нужна эта рукоять! Я хочу увидеть, как счастливо улыбнется Итания.

Солнце наконец опустилось и светило с запада им в спины, зато с востока надвинулись грозные иссиня-черные тучи. Мир был залит холодными солнечными лучами, однако зелень блистала чистотой, свежестью. Конст, что выдвинулся вперед, обогнул скалу, вскрикнул и присел за камнем.

Придон поспешил к нему, Конст знаками велел пригнуться. Придон подполз, выглянул. Дыхание остановилось. На расстоянии двух выстрелов из лука на невысокой горе возвышался белый-белый замок. На фоне грозных туч он блистал, как драгоценный камень. Придон не мог оторвать от него взгляда, сердце начало стучать чаще, взволнованнее.

— Дэвы, — прошептал он. — Я думал... что должны быть обязательно чудовищами!

Конст сам не мог оторвать зачарованных глаз. На лице его быстро-быстро сменялись выражения восторга, зависти, непонимания, страха и ликования.

— Мы, — ответил он таким же шепотом, — разные... Мы можем быть разными.

— Тогда почему, — спросил Придон с удивлением, — вы не стали все красивыми?

Конст покосился на чудовищно вздутую мышцами грудь друга, обозрел перевитые мускулами плечи и бугристую спину, отвел взгляд и ответил непонятно:

— Одинаковость не бывает красивой. А в красивом кувшине может оказаться гнилая вода. Будем спускаться?

— Я пойду один, — ответил Придон. — Ты выжди, потом спускайся, но за мной не следуй. Я буду пробираться к их дворцу в одиночку.

— Может быть, я? Ты же знаешь, что я...

— Знаю, — оборвал Придон. — Но лучше об этом забыть. Да и... понимаешь, вдруг да придется драться? Я бы не хотел, чтобы ты дрался против своих.

Конст нехотя кивнул:

— Я тоже.

Придон шлепнул его по худому плечу.

— Жди. Спустишься ниже, там вроде бы пещеры, ручей. Я... обязательно вернусь.

— Сколько ждать?

Придон окинул взглядом долину.

— Думаю, если за пару дней ничего не отыщу, вернусь за тобой.

Он опускался быстро, в голове стучали острые злые молоточки, а камни, за которые хватался, были горячими, но пальцы не обжигали. Он наконец понял, что сам разогрелся, как раскаленное в горниле кузнеца железо. Это уже Долина Дэвов, где обломок дивного меча, это уже почти победа... половина победы, ибо никто и никогда из смертных сюда еще не добирался!.. а потом он на этом же драконе к Итании, она одаряет его благосклонной улыбкой...

Дважды на пути вставала странная призрачная радуга. Всякий раз он чувствовал, как его тело проходит будто сквозь влажный туман. Однажды дорогу загородил водный поток, что бурно ниспадал с горы. Придон замедлил шаг, но поток выглядел полупрозрачным, вода даже не шумит, а брызги исчезают прямо в воздухе...

Он вытянул руку, засмеялся и прошел насквозь.

— Итания, — сказал он шепотом. — Все для тебя, Итания... Весь мир существует для тебя, Итания! Ты есть богиня... Я умру, если ты взглянешь сердито...

Слова пошли изломанные, горячечные. Он сам смутно дивился. Снова проснулся в нем и заговорил неведомый бог, что наполняет уже не только сердце, но все тело сладкой болью, шемом, тоскою и страстью, от слов которого из-под лопаток прорастают незримые крылья, душа то взмывает к небесам, то падает в темные бездны ада, кувыркается в радуге, скачет по вершинам деревьев, а сам он чувствует себя, как могло бы ощутить, наверное, чистое ядро ореха, когда внезапно раскалывается серая сморщенная скорлупа, покрытая пылью и грязью...

Три острых копыта появились ниоткуда. Три лезвия уперлись в грудь; он шелохнулся, и тут же три тонкие струйки

крови появились на груди. Он вскинул глаза. Лица троих существ, что держали копьа, были суровыми и холодными.

Он замер, не столько от страха и боли, сколько от неожиданности. Совсем не дивы, а... ну да, эльфы, о которых столько слышал каждый артанин, каждый куяв! Наверное, даже дикие славь наслышаны о прекрасных бессмертных, что живут в дремучих лесах или среди неприступных гор. Все трое тонкие и стройные, в легких, но явно очень теплых одеждах, лица точеные, бледные, изящные, с удивительно острыми удлинненными ушами.

— Смертный, — проговорил один чистым красивым голосом. — Смертный... Я не могу понять, как он здесь оказался?

Второй эльф рассматривал Придона с явной брезгливостью.

— Я тоже не понимаю, — сказал он высоким чистым голосом, — как ему удалось отыскать этот проход. Ведь он закрыт всеми видами магии для людей, зверей и птиц. А также для дивов, гномов и даже богов. Ты маг?

Придон прохрипел:

— Как из медведя... танцор.

— Да? Странно... Защита наша... все верно — целая! Но ты как-то прошел. Правда, никакой маг не мог бы пройти через наш Пояс. Никакой чародей не смог бы даже увидеть!

Эльфы с копьями начали теснить к краю пропасти. Придон отступал, лезвия копий острее бритв, а ноги от изнеможения все еще дрожат, еле держат измученное тело.

— Ладно, Гордальф, — сказал второй, — позабавился, и хватит. Наш господин все узнает сам.

— Ты хочешь его отвести во дворец?

— Да.

— Зачем? Это просто грязный невежественный дикарь. Еще один дикарь. Мало ли их было?

— Немало, — согласился эльф. — Почему-то полагают, что именно они — первые.

— И вообще, — сказал второй с холодным злым смехом, — единственные.

— Да, — согласился первый, — единственные.

А третий молча зашел со спины и упер острие копья в спину. Придон вынужденно сделал шаг. Мелькнула сумасшедшая мысль попытаться выхватить копье, разметать их всех, эльфы не выглядят очень сильными, даже просто сильными не выглядят, чересчур утонченные, изысканные, но острия копий как бритвы, его кожа подавалась сразу, даже не натягивалась, горячая струйка уже стекает по спине.

Он пошел, острия стерегли каждое его движение. Из-за поворота скалы начал выдвигаться дворец. Сперва Придон даже не понял, что это дворец, показалось, что выплывает огромный сверкающий кристалл, исполинский алмаз, а когда внезапно сообразил, что это настоящий дворец, ахнул, сам добежал до самого края пропасти, откуда видно дворец целиком, остановился на краю бездны, потрясенный, ошеломленный так, что уже не замечал направленных на него копий.

Появился еще один эльф, высокий, с седыми волосами до плеч, узколицый, одет изысканно, но Придон успел заметить разве что небольшую корону на белых волосах, сновя засмотрелся на дворец.

Трое эльфов начали рассказывать, как и где захватили чужака, эльф с короной на голове прервал нетерпеливым жестом.

— Я видел, — сказал он, глаза не отрывались от восторженного лица Придона, — потому и здесь... Дивно, очень дивно!.. Что, дикарь, тебе нравится мой дворец?

Придон смотрел ошалелыми глазами. Даже не заметил, что его оскорбили, израненные опухшие руки прижал к груди, из сердца вырвалось:

— Я даже не знал, что на свете может существовать такое прекраснейшее чудо!

— Может, — подтвердил король эльфов холодно, — может, как видишь.

— Только ради этого, — сказал Придон зачарованно, — стоило идти сюда... Посмотреть и умереть! Эх, ей бы...

— Что? — переспросил король.

— Ей бы, говорю, показать...

Он смотрел жадно, не отрываясь, уже вел Итанию к этому дворцу, показывал, она ахала и всплескивала руками, тоже удивленная такой красотой.

Король с недоверием смотрел в его восторженное лицо.

— Ей, — переспросил он, — женщине?

— Да, — шепнул Придон. — Ей бы это показать... подарить, чтобы радовалась, чтобы смеялась счастливо и весело! Ведь ее смех заставит алмазы блестеть еще ярче, ее маленькие ножки превратят гранитные плиты пола в мраморные, а ее взгляд заставит вспыхнуть светом тьму, оживит неживое...

Он что-то говорил еще, быстрое и бессвязное, король эльфов смотрел с гримасой гнева. Второй эльф наклонился к его уху, но сказал громко, услышали все:

— Это же дикарь! У него ум и чувства дикаря.

Король проговорил, пристально глядя на Придона:

— Да, очень цельные чувства.

— Но в них нет изящества!

— Нет, — согласился король. — Но силы с избытком.

Третий эльф с другой стороны добавил с тонкой улыбкой:

— И наоборот верно тоже...

Очень медленно лицо короля смягчилось, улыбнулся одной половинкой рта, сказал с некоторой неловкостью:

— Никто еще... никто еще не сумел похвалить мой дворец так... сильно! Многие говорили красиво и изысканно, но так мощно... как будто горная лавина на меня сорвалась!

Придон очнулся, смутился, он сам не помнил, что бормотал его дурной язык, спросил со стыдом:

— Я что-то не то сказал?

— Говорил не ты, — буркнул король, — говорило твое сердце. Прямо орало! Оно у тебя грубое, как неотделанный алмаз, но алмаз все равно алмаз, даже если еще далек от бриллианта. Ведь в самом деле... все лучшее добываем для своих женщин. Мысленно лучшие в мире драгоценности примеряем к их ушам, лучшие в мире ожерелья навешива-

ем на их шеи... И если ты этот дворец хотел бы подарить ей, то это в самом деле лучший в мире дворец. Ты не мог бы сказать лучше. Да, ты нашел такие слова, варвар!.. Но что же с тобой делать?

Второй эльф наклонился к уху короля, пошептал, не дружелюбно глядя на Придона. Король скривился, но кивнул. Второй сделал знак копейщикам. Те быстро придвинулись к Придону, копыя неумолимо приближались к груди. Еще несколько эльфов подняли луки. Он понял, что не стреляют, чтобы не тащить труп к краю пропасти. Лучше, когда упадет туда сам...

Третий эльф тоже что-то сказал королю. Тот нахмурился, брезгливо посмотрел на эльфа, затем на Придона.

— Ты утверждаешь, что ты не маг? — спросил он подозрительно.

— Не маг, — ответил Придон.

— А что за заклęcia ты шептал, когда полз по этим скалам?.. Не отпирайся, тебя слышали!

— Если слышали, — пробормотал Придон, — то что вам еще?

— Слышали, — сказал король, — что ты бормотал. Но что, расслышать не удалось. Говори, и ты можешь продлить свою жизнь на столько, пока будешь рассказывать.

Придон неотрывно смотрел на сказочный дворец.

— Это не заклęcia, — ответил он.

— А что?

— Песни.

Эльф отшатнулся, глаза из удивленно удлинённых стали круглыми, как у большой совы.

— Песни? У тебя?

Второй эльф сказал с презрительной гримасой:

— Ваше Величество! Я надеюсь, мы не станем слушать это... которое у них... песни? То, что зовется песнями?

— Нет, конечно, — согласился король, посмотрел на Придона, спохватился: — А почему, собственно, нет? Пусть повторит, что шептал там. Возможно, в его песнях какая-то волшебная нить?

— Ваше Величество! — ахнул второй эльф. — Да есть ли на свете что-то более грубое, чем песни человека? И есть ли на свете что-то более тонкое и изысканное, чем песни эльфов?

— Нет, — согласился король. — Но все же пусть споет. Эй, приговоренный! Тебе разрешается спеть ту песню, что ты бормотал...

Придон ответил, не отрывая взгляда от дворца:

— Я еще не составил слова. Ведь эти песни составляю я сам. Но если хочешь, я спою последнюю из песен, которую закончил.

Второй эльф заткнул уши и с гримасой отвернулся. Третий саркастически улыбался, Придон не понял, к кому относится та улыбка.

— Пой, — велел король.

ГЛАВА 15

Последний звук еще дрожал в морозном воздухе. Эльфы сидели и стояли неподвижные, словно глыбы льда, от которых почти не отличались. Первым вздрогнул и зашевелился король, глаза дикие, будто только сейчас обнаружил, где находится.

Огромными круглыми глазами взглянул на Придона.

— Говоришь, нет в тебе магии? А это что?

Придон последил за его рукой. Эльфы сидели на камнях и одинаково отчаянными глазами смотрели на Придона. У многих в глазах стояли слезы, у остальных бежали по щекам. Откуда-то за это время появились прекрасные утонченные женщины, всхлипывали, прижимали к лицу прозрачные ладони.

Голос короля дрожал, колебался, как натянутый над пропастью висячий мост, который треплут свирепые ветры:

— Ты владеешь большим, чем просто магией. Ты завладел их душами, посмотри!.. У меня уже сотни лет сердце не билось вовсе, а сейчас не просто щемит... ноет, будто от-

крылась старая рана... Но ведь в самом деле открылась! Я снова дрожу и выговариваю те слова, которые не мог тогда сказать... Если бы я услышал тебя тогда! Я бы смог ее убедить, склонить, доказать...

Придон медленно покачал головой. В его глазах тоже стояли слезы.

— А вот я не смог, — прошептал он.

Король торопливо шагнул к нему, обнял, и Придон обнял, и оба обнимались, чтобы никто не видел, как по их щекам бегут слезы.

Свет исходил прямо из стен дивного зала. Король эльфов, его прекрасная королева и несколько придворных сидели по одну сторону стола, Придон по другую. Справа и слева от него тоже эльфы, но Придон их не замечал, любуясь то прекрасной королевой, то великолепием дворца, и все время думал с отчаянием, что он видит эту дивную красоту, а Итания — нет, не видит, а ведь на свете все существует только для того, чтобы показывать ей, чтобы она видела и радовалась.

Король допил вино, опустил кубок на стол. Глаза не отрывались от лица молодого артанина.

— Я уже говорил, — сказал он, — ты владеешь самой мощной магией на свете! Но это дикая магия, герой. Она не подвластна ни богу, ни эльфу, ни человеку. Сегодня помогла тебе пройти через зачарованный Пояс... а здесь не пройти даже богу, но завтра она же расплющит тебя, как муху.

— Пусть, — ответил Придон, — пусть... ибо что я, когда она уйдет?

— Ты... как будешь, как все мы.

Придон покачал головой.

— Я живу для того, чтобы Итания радовалась... чтобы я мог своей жизнью заставить ее улыбнуться еще хоть раз... Если меня раздавит на этой дороге... то это лучше, чем жить долго, не видя ее, не слыша ее, не срывая для нее горные цветы, не добывая перья сокола или меч бога Хорса!

Придворные умолкли, король всмотрелся в Придона, покачал головой.

— Теперь мне понятно, почему ты здесь.

Придон сказал тихо:

— Почему?

— Здесь такой же воздух, такой же снег, такие же камни, — ответил король. — Но я тоже слышал про легендарный меч Хорса. Где ножны и лезвие — не знаю, но рукоять здесь, в долине.

Придон спросил жадно:

— В долине? Не у вас?

— Нет, — ответил король. — Не у нас. Но близко. Со всем близко.

Лица придворных не изменились, все такие же величественные, тцарственные, с красиво вскинутыми тонкими бровями. Они благосклонно улыбались ему, обменивались улыбками друг с другом, эти улыбки были полны смысла, настолько богатые, что сердце Придона сжалось во внезапном понимании, что, проживи он здесь хоть тысячу лет, все равно никогда-никогда не сможет понимать их, как понимает своих артан или даже куявов.

— А что еще в этой долине? — спросил Придон. — Она ведь так невелика...

— Но в ней великий народ, — ответил король. — Пусть даже не народ, а его остатки.

— Пусть даже не живет, а умирает, — сказал один из эльфов горько. — Но все равно...

Придон не успел спросить, что такое за «все равно», король заметил с улыбкой:

— Ты так часто смотришь на мою жену...

Придон спохватился:

— Простите... Просто у нас в Артании столько рассказов о том, как ласточка занесла в гнездо под крышей дворца длинный золотой волос! Тцар заметил, велел доставить ему, а потом, восхищенный и очарованный, послал лучших богатырей разыскивать эту золотоволосую красавицу. Теперь

я знаю, откуда все это золото волос! И куда летают наши ласточки.

Король засмеялся, засмеялись прекрасные женщины.

— Эти истории у вас... в Артании? Так называется ваша земля?

— И в Артании, и в Куявии, — подтвердил Придон. — Везде рассказывают, как ласточка принесла волос из вашей страны, а царь увидел дивный свет, что идет из гнезда ласточки!

— Это не пересказы, — сказал король, — не пересказы одной и той же истории. В наших древних странах самой великой ценностью считались красивые женщины. Неужели и сейчас еще бывает так?

— Бывает? — воскликнул Придон воспламененно. — Да их добывают, из-за них воюют, их воруют, умышляют, выкупают, обменивают, за них отдают табуны жеребцов, несметные стада скота, караваны золота, сундуки с драгоценными камнями, рудники с белым мрамором, шахты с железной рудой!.. Из-за них начинаются войны, из-за них переселяются народы...

За столом было тихо, все слушали затаив дыхание. Король покачал головой.

— Мы думали, — сказал он, — эта особенность осталась только в наших странах, которые вы, смертные, зовете дивными. Вы, сохранившие жизни, но потерявшие память, жили, как... животные.

Один из эльфов, весь серебряный, с бородой до колен и длинными волосами до пояса, сказал негромко:

— Ваше Величество, с того времени прошло много веков. Даже тысячелетий. А смертные меняются быстро, такова их особенность.... Особенность смертных.

Придон смотрел на этих ослепительных женщин, величественных и прекрасных, чувствовал, что его закованная в доспехи душа поддается их обаянию, и хотя напоминал себе, что если опухший женский мозг поместить в куриный черепок и потрясти, то все равно сильный грохот будет, од-

нако другой голос вкрадчиво шептал в ухо: разве от женщины требуется мудрый мозг?

Итания, сказал он себе, и душа сразу озарилась неземным светом. Итания — в тебе все! И красота, и ум, и обаяние, и чистота, и все-все, чего не имеют даже боги.

— На что был похож ваш мир? — спросил он.

Король сидел в кресле, слегка откинувшись на спинку, тонкие изящные руки свободно лежат на широких перилах. Лицо слегка потемнело, он сказал негромко, глаза смотрели поверх головы Придона:

— О... наш мир!.. Я помню только, что он был прекрасен. Да, прекрасен, хотя помню смутно... Но больше всего помню наши ночи... О, это были ночи!.. После ослепительно блистающего дня наступали сумерки, а потом приходила благословенная тьма. Не просто тьма, а Тьма, когда тело холодеет, кровь застывает, а сознание растворяется в великом небытие.

Кто-то из эльфов судорожно вздохнул.

— Эта великая тьма, — продолжил король торжественно и скорбно, — накрывает мир... города из блистающего белого камня исчезают, как будто стертые рукой небесного великана... Уходят из мира живых прекрасные белые колонны из лучшего гипарийского мрамора, барельефы на портиках храмов, исполинские гордые башни магов, несокрушимые городские стены, все дома, базары, большие и мелкие храмы, фонтаны, просторные дворы для приезжих, умело созданные пруды с мраморным дном и дорогами скамьями для отдыхающих... Темное небо опускалось и воцарялось на земле, души людей бродили по миру богов, общались с давно умершими родителями, зрели богов и слушали их дивные грохочущие речи. Никогда-никогда в ночи не вспыхивал свет костра или очага, это немыслимо, кто же променяет блаженство общения с богами на жалкое удовольствие от похлебки или куска жареного мяса?

Кто-то вскрипнул, кто-то заскрежетал зубами. Придон с изумлением видел за столом бледные искаженные лица. Король выдохнул:

— Но вот настала та страшная эпоха, когда на небе со всей ужасающей мощью вспыхнула Луна... Нет, она не просто вспыхнула! Она долго металась по небу, отыскивая себе место, и все ее метания вызывали страшные землетрясения, ураганы, с неба падал огненный дождь, сыпались камни размером со скалы, а земля лопалась, из трещин выливалась раскаленная земля и заливала целые города, сжигала людей, скот...

Придон пробирался между скалами, затаивался, выжидал, над головой теперь покачивалось странное белесое небо, ни ночь, ни день, исчезло солнце, исчезли звезды, только белесый туман, такой же точно иногда проскальзывал тонкими струйками под ногами.

Он вздрогнул и ухватился за рукоять топора, когда из расщелины неожиданно вышла темная фигура.

— Конст!.. Зверь, ты напугал меня...

Они обнялись, Конст всматривался в него с жадностью. В желтых глазах Придон прочел глубоко упрямое изумление и сдержанное ликование.

— Ты сумел, — выдохнул Конст, — ну, Придон, ты рожден под счастливой звездой...

— Почему?

— Я видел, как тебя схватили! Как ты сумел уйти от них живым?

Придон пожал плечами:

— Наверное, потому, что мертвым уйти бы не сумел точно.

— Придон!

— А почему нет? — спросил Придон. — Они все такие красивые... просто прекрасные.

Конст сказал серьезно:

— Под прекраснейшей внешностью могут таиться чудища. Но ты все же уцелел. Что узнал о мече?

— Он дальше, — сказал Придон. — Там есть еще одна

группа уцелевших. Эльфы... это тоже, оказывается, дивы!.. ничего о ней не говорят, сразу умолкают...

— Это понятно, — сказал Конст. — Ты чужой, а те все-таки из их рода-племени. Когда-то был один народ, один род, но осколки зажили... каждый, как сумел. Куда теперь?

— К этим, — сказал Придон твердо, — к другой группе!.. Если рукояти меча нет у эльфов, то обязательно у тех, вторых дивов. Странно, эти умники даже не поняли, что у меня за спиной ножны того самого волшебного меча! Почему?

Конст развел руками. Улыбка его стала горькой.

— Придон, эти ножны диковинны только вам, людям. А эльфы столько видели... что подобные ножны... ну, совсем не кажутся необычными. Они все видели, но просто не обратили на них внимания.

Придон скривился.

— Подумаешь! Все видели, все знают... Потому их и перебьют когда-то. Как живут? Этот дворец, как рассказали, пять тысяч лет назад построили! И с той поры хотя бы башенку добавили, хотя бы одно окно прорубили... Только землю занимают. Ну и что, если никому не мешают? Не мешают, так помешают.

— Ладно, не злись. Обидели, подумаешь! Ладно, я за это время присмотрел удобную тропку на ту сторону долины. Правда, заросла, но когда-то, судя по следам, между этими двумя общинами фей была оживленная дорога...

— Фей? — переспросил Придон. — Я думал, что феи...

— Только женщины? — договорил Конст. — Нет, конечно. Феи — это часть нашего дивьего народа. Общее название для...

Он умолк, тропа сузилась, ее перегораживали сорвавшиеся сотни лет тому с гор камни, пришлось перелезть, стараясь не выдать себя ни сопением, ни стуком подошв. Придон прошептал:

— Не знаю насчет их владений. Эльфы обмолвились, что их крепость... я говорю о крепости второй общины,

почти на виду, но скрыта. Из виду скрыта. Они — могучие колдуны! Даже сами эльфы говорят про них как про колдунов! А себя, значит, колдунами не считают, понял?.. Так что будем идти, пока не ударимся лбами о стену.

Конст сказал несчастным голосом:

— Или пока нас не цапнут незримые руки. Те люди уже могут наблюдать за нами. Прямо сейчас.

Придон зябко передернул плечами, даже думать о таком гадостно, сказал тяжело:

— А что делать? Я буду драться, а ты постарайся спрятаться.

— Почему так?

— А ты меня потом спасешь, — предположил Придон.

Обоим стало смешно, Конст покачал головой.

— Ох, Придон... Не всегда тебя спасет острый боевой топор!

— Не всегда, — согласился Придон. — Ты прав. Надо еще и кинжалом.

Он с тоской смотрел на каменную отвесную стену в десятке шагов впереди. Отвесная, отвратительная, без единой щели. Верх грозит небу белыми ощеренными зубами, блеск вышибает слезу из глаз, холодом веет так, что уже сейчас начинают стучать зубы. Единая цельная стена, забор, сотворенный рукой бога, без единой трещинки, словно только что созданный.

— Ох, что это... — пробормотал за его спиной Конст.

Придон оглянулся, сердце в страхе сжалось. Наступает туман, серый, тяжелый, чем-то похожий на застывшее неопрытанное железо. От него несет неживым, хотя умом понятно, что туман и есть туман, ничего опасного, но все же тревожно, в любом тумане тревожно, а когда вот такой гадостный, то вовсе по телу мурашки...

А за стеной, что предстоит перелезть, выглядывают заснеженные, и оттого слепящие на солнце острые вершины. Придон судорожно перевел дыхание, ноги сами понесли прочь от настигающего тумана. Трава исчезла, под ногами поскрипывают камешки. Здесь песок зернистый, грязно-

оранжевый, в мелких острых камешках, словно наверху чешутся великаны, а сюда осыпаются каменные чешуйки.

— Придон, — вскрикнул Конст. — Туман наступает!

И, обгоняя Придона, полез наверх. Придон стиснул челюсти, минуты страха и растерянности ушли, пальцы пошли привычно цепляться за неровности в камне. Мышцы напрягались, подтягивая тело, упирался ногами, стена медленно уползала под ним вниз, а он, прижимаясь всем телом, всползал все выше и выше.

Он слышал только свое хриплое дыхание, а так везде жуткая звенящая тишина, не слышно даже Конста, хотя, если скосить глаза, он карабкается слева чуть ниже. Иногда доносился звон, потом соображал, что от напряжения звенит в ушах. Если в походе к Черной Горе едва не оглох от постоянного грохота, там земля прыгала под ним, как конь при виде стаи волков, то здесь в облике вечных гор является сама вечность, он слышит ее и даже чувствует ее.

Вдруг странное чувство потери охватило все тело. Руки задрожали, ноги ослабели. Очень быстро наступила темнота, он едва-едва различал прожилки камня прямо перед лицом. Он боялся, что вот-вот разожмет пальцы, не понимал, что стряслось, затем из темноты послышался дрожащий голос:

— Придон... посмотри на восток!

Там стремительно светлело, вслед залило алым, красным, поднялось свежее умытое солнце. Быстро пошло по небосводу вверх. В течение минуты вскарабкалось почти к зениту, там побагровело, распухло и, не сдвигаясь с места, начало обретать неприятные черты гниющего яблока.

— Посмотрим, — прохрипел он. — Посмотрим...

— На что?

— На это... — ответил он хрипло. — Вверх! Доползем и... посмотрим.

Он карабкался, уже не глядя вверх, только чувствовал, что с солнцем что-то странное. Меняет цвет, раздувается, становится меньше, снова раздувается, словно горячее живое сердце, а вместе с его пульсацией по горам бегут то

красные тени, то черные, иногда все погружается во тьму, а то вдруг заливают жгучим нещадным светом.

Сейчас он карабкался в белой жуткой тиши. На сотни и сотни конских переходов в любую из сторон — мертвые неподвижные горы. В степи везде тушканчики, мыши, в кустах и траве гнездятся птицы, конь едва не выбрасывает из седла, когда перед самой мордой вылетает нечто, шумно хлопая крыльями, в небе парит орел, носится всякая птичья мелочь, везде норы, холмики, выглядывают суслики... А здесь — мертвый неживой мир.

Когда он на последнем издыхании вскарабкался наверх, солнце еще висело над острыми как ножи скалами, а внизу сгустились сумерки. Солнце выглядело обычным, каким должно быть солнце. В долинах сумерки — всего лишь тень, а здесь в тени все исчезает, сами сумерки темнее самой темной беззвездной ночи, страшноватые, холодные. Придон часто растирал застывшее лицо, почти твердые уши, бил себя по груди и бокам, заставляя замерзающую прямо в жилах кровь двигаться.

Послышалось частое дыхание, кое-как вскарабкался, отвергая протянутую руку, Конст. Долго лежал, собираясь с силами. Придон уже осмотрелся, по гребню стены можно уйти как далеко влево, как и вправо, пока не отыщется подходящий спуск.

Но сердце уже похолодело от предчувствия неудачи. Отсюда вся равнина как на ладони. Пустынная, засыпанная битым льдом и ноздреватым снегом. Голая. А дальше, совсем рукой подать — вздыбленная стена из камня, что окружает всю эту Долину Дэвов. Ее хорошо видно сквозь падающий снег на горизонте. С угольно-черного неба смотрят мириады крохотных немигающих звезд... Черт, если видны звезды среди бела дня, то там не пелена падающего снега, а нечто вроде тумана. Но какой туман при таком морозе и чистой звездной ночи?

Он вскинул голову, ощутил удар солнечной дубиной по глазам. Потемнело, под опущенными веками в черноте поплыли огненные пятна. Когда открыл глаза, впереди двига-

лись и шевелились едва заметные звездные тени. Иззубренные горы кажутся ясными и выпуклыми, потом вдруг — темной тенью, а дважды исчезли вовсе. Придон прошептал заговор, отгоняющий горных демонов, протер глаза, горы послушно проступили на прежнем месте.

Конст сел, сказал несчастным голосом:

— Обманули?

— Похоже, — пробормотал Придон. — Долина пуста. А дальше — каменный забор!

Конст внезапно вздрогнул так, что лязгнули зубы. Солнце чуть-чуть сместилось на небе, и вместе с ним сместилось нечто во всем мире. Придон ощутил, как на затылке зашевелились волосы, кожа пошла крупными пупырышками.

Ночная долина исчезла, внизу колыхались высокие зеленые травы, непривычные, невиданные, переполненные соком, а прямо посреди долины на расстоянии двух выстрелов из лука высится... крепость! Нет, не крепость в привычном понимании, а башня. Одна-единственная, но... какая! Целые скалы служат кирпичиками, получился массивный каменный столб, что уходит к облакам.

Он зябко повел плечами, внезапно словно бы передалось отчаяние строителей, что спешно громоздили эти глыбы, спеша то ли отгородиться от наседающей беды, то ли уйти от нее повыше. Что тут случилось тысячи лет тому: землю заливало кипящее море или же двигалась всепожирающая орда несокрушимых чудовищ, был ли внизу ядовитый туман или же...

Послышался дрогнувший голос Конста:

— Я даже не думал... Вот это мощь!

— Они там, — сказал Придон, он дрожал от нетерпения. — Они там... И рукоять меча — там!

— Да, — ответил Конст рассеянно, в его лице были восторг и преклонение. — Да, конечно... Как смогли? Сохранить такое было невозможно, значит — заново?

Придон не слушал, сердце колотится неистово, снова полное сил, требует схватки. Надо добыть меч. Рукоять там,

больше ей негде. А как и отчего тут дэвы — он не волхв, чтобы ломать голову. Это последнее пристанище дивов...

Последнее, повторил он победно. Последнее. Строители башню строили в дикой спешке, ясно, но потом было время, чтобы привести в порядок. Или хотя бы стесать края скал, а то весь исполинский столб похож на сосновую шишку, расклеванную птицами. Значит, на стесывание сил уже не хватило. Или половина строителей все же погибла, а оставшимся не по силам что-то делать, им бы выжить, уцелеть...

Так что там остатки, смогут ли защищаться? Сейчас узнаем...

— Конст, — сказал он торопливо, — дуй в ту сторону, ищи спуск. Если найдешь, меня не жди, спускайся.

— А ты?

— Я пойду по стене налево. Найду спуск, попробую спуститься. Не найду — вернусь, пойду в твою сторону. Но ты все равно меня не жди, выбери место, затаись.

— Зачем?

— Если не вернусь, ты найдешь дорогу обратно, приведешь с собой уже войско. Ты знаешь теперь, куда. Но если вернусь...

Конст закончил оскорбленно:

— То уже с рукоятью, понятно! А я должен кричать «Слава!» и бросать вверх шапку, да?

— У тебя нет шапки, — уличил Придон. — Все, Конст, не сиди. Пошел, пошел!

Он хлопнул по узкому плечу, Конст не успел ответить, Придон повернулся и почти побежал по узкому гребню стены. Икроножные мышцы подрагивали в нетерпении, где же бой, схватка, тело зудело от желания выхватить топор и врубиться в толпу орущих врагов, от нестерпимого желания бить по головам, вбивать зубы в разинутые в крике рты, видеть, как сверкающее лезвие рассекает черепа, вскрывает животы, отсекает руки с зажатыми в ладонях рукоятями мечей...

Он всхрапнул, красная пелена ушла с глаз, но сердце

стучало все так же сильно и часто. Даже не перегибаясь через край, уже видел, где и как спуститься, где-то переползая, как муравей, а кое-где даже прыгая с камня на камень, подобно горному козлу.

От дальней горной гряды, отделяющей Долину Дэвов от мира, через месиво льда метнулись страшноватые тени, похожие на исполинские наконечники копий. Из-за страшной башни выдвинулось солнце, он вздрогнул и закрылся ладонями. В его родной степи огромное и почти всегда красное, а здесь с самую крохотную монетку, белое, слепящее, с бешенством продирается сквозь стиснутые пальцы, норовит ударить острыми как иглы лучами прямо в глаз...

— Не дамся, — сказал он со злостью. — Не дамся! Я... артанин.

Спускался быстро, чутье вело так, будто здесь и родился, подошвы с высоты опускались на камни, что не шатнутся еще века, и перескакивали через глыбы, что только с виду устойчивые. Стены все поднимались, он ощутил себя на дне каменного котла раньше, чем спустился. Башня высится, как гора, уходящая вершиной за облака, а внизу все, от его колен и до башни, занято угловатыми глыбами зеленоватого льда. Сверху это казалось пышной и сочной травой, он готов был поклясться, что даже видел, как колышутся стебли...

Он осматривался ошалело, лед внезапно стал голубым и лиловым. Солнце приподнялось, сдвинулось, лучи пронзили глыбы насквозь, и Придон застыл в немом восторге. Массивные плиты льда искрятся на изломах всеми красками, вспыхивают огоньками, а внутри двигаются призрачные тени, фигуры, возникают и рушатся дворцы, замки, башни магов, храмы, мелькают скачущие всадники...

Итании бы показать, мелькнула мысль. Что она видит в своем дворце? Нет, он все-таки покажет ей большой и красочный мир, покажет все его чудеса, сокровища, необычности, дивности, пусть удивляется, ликует, ахает, радуется, пусть смотрит на него восторженными глазами, ибо он раскроет перед ней мир намного богаче куявского...

Пригибаясь, он бежал к башне, хотя умом понимал: если кто-то смотрит вниз, то не заметить его просто невозможно. От ледяных глыб несло могильным холодом, внутри двигались тени, огоньки, но Придон взглядом держал только каменную стену башни, удивительную тем, что скалы в ней держатся без всяких клиньев, растворов, но нет ощущения, что башня вот-вот развалится.

Он подпрыгнул, пальцы зацепились за край плиты. Подтянулся, влез, а если два шага влево, то можно дотянуться до следующего карниза. Он снова ухватился, втащил себя наверх, потом еще и еще. Когда рискнул посмотреть вниз, земля виднелась так далеко, словно он парил на орлиных крыльях.

Колени царапнули острые ветки. Ветры за века нанесли в щели земли, семян, проросла настоящая трава, затем — кусты. Вон левее вообще небольшие деревца. Странно, а внизу — ни травинки, один лед, вечная зима, а здесь, в щелях, жизнь отвоевала себе кусочек лета.

Кусты бледные, жалкие, на веточках хилые светлые листочки, нет ни паутины, ни жуков, ни бабочек, но все-таки настоящие живые кусты...

Он перевел дыхание, полез выше и выше. Плиты и обломки скал нагромождены в беспорядке, башня давно должна бы рухнуть беспорядочной грудой. Страх то и дело вонзал в сердце острые ядовитые зубы, но мускулы послушно сокращались, он карабкался и карабкался, не так уж и трудно, совсем не позаботились, чтобы сделать стены своей крепости неприступными....

По спине пробежала первая горячая струйка. В правом глазу началось жжение, это с брови сорвалась капля едкого, как кислота, пота. Страшно даже подумать, что это не башня, а столб, весь этот столб из камней, глыб, плит, валунов. Какие же силы все это громоздили, как сумели на такую высоту, чем скрепили...

Когда до вершины оставалось всего ничего, он увидел сверху на расстоянии вытянутой руки свет. Каменный выступ загораживает, видно только искрящийся край, но ми-

мо пронеслась стайка птиц, их высветило, будто пролетели прямо перед горящим очагом.

Он перевел дух, раскорячившись, как паук на стене, отдыхать в такой позе неудобно, но все же мышцы сумели вскинуть грузное тело, дали зацепиться за край, дальше быстро встали на ту плиту.

Окно! Огромное, можно бы ворваться верхом на Луговике. Изнутри бьет яркий слепящий свет. Придон напрягся, ожидая встретить волну иссушающего жара, однако в лицо ударил просто свет, немыслимо чистый и яркий свет.

За Артанию, произнес он, взбадривая в себе ярость, и, с топором в руке, прыгнул в это смутно различимое помещение.

Комната казалась огромной, почти залом, хотя это явно комната. Стол, три просторных кресла, мебель под стенами. Волосы зашевелились, а по спине пробежал холодок ужаса. Край столешницы чуть ли не на уровне его головы, в креслах восседать бы турам или буйволам, а мебель... мебель тоже для великанов...

Он осматривался, пальцы ослабели, рукоять топора едва не выскользнула из пальцев. Тело сотрясала дрожь, а сердце стучало громко и мощно.

ГЛАВА 16

Свет на миг померк, тут же вспыхнул еще ярче, до рези в глазах. Ослепленный Придон ахнул, покрепче стиснул рукоять топора. В помещении возникли трое, все — чудовищно высокие: на голову, а то и на две выше него, но в плечах узкие настолько, что мертвецки-бледные уши оказались на ширине плеч. У всех длинные и очень тонкие руки, совершенные голые черепа, даже без бровей, очень тусклые, безжизненные глаза.

Все трое смотрели без всякого выражения, Придон так и не понял, одежда ли, что струится вокруг их тел, как серая пленка на болотных пузырях, или же сгустившийся

воздух. Все трое выглядели одетыми. Одетыми легко и свободно, но в то же время — в незримых доспехах.

— Комар, — сказал один без всякого выражения. У Придона пробежала по спине новая ледяная волна. — Комар вбекирил в окно...

— Я рек, что следует задвинуть, — сказал второй.

Третий сдвинулся, Придону почудилось, что каждое движение ему дается с трудом, оглядел Придона сбоку.

— Наверное, гедзо, — сказал он со вздохом. — Местные гедзы все назозедливее. А мы только отгастиваемся...

— Не только, — возразил первый.

— Отгастиваемся, — сказал третий невесело, — а то и вовсе тапимся...

Они говорили на своем дивьем языке, но, странное дело, Придон понимал, даже чувствовал их страх, ненависть, подавленность, отчаяние при такой своей неимоверной мощи, гнев и ярость при виде его, такого маленького, слабого и такого отважного.

Передний дэв сделал небрежный жест. Придона схватили тысячи огромных пальцев. Топор выдрало из руки, пол и потолок поменялись местами, задвигались стены. Он напряг все мускулы, отчаянно рвался из чудовищной лапы, но исполинские пальцы стиснули сильнее, дышать стало совсем трудно, незримая ладонь сжала до треска ребер. Бешенство ударило в мозг, надо бы раньше, с разворота топором левого, ногой правого, а потом достать лезвием того, что напротив...

Его швырнуло на твердое. Он попытался тут же вскочить, он умел вскакивать быстро и красиво, как через голову кувырком, так и в сторону, не выпуская топора и всегда готовый к бою, но те же огромные ладони с силой прижали к этому ложу. Незримые оковы упали на запястья. Придон застонал от злости и отчаяния, дернулся.

Над ним появился огромный дэв. Тусклые глаза без выражения смотрели на прикованного, распростертого, что все еще лихорадочно искал способы, как ухватить, поверг-

нуть, бить и убивать, слышать хруст костей, с наслаждением смотреть в глаза, что заволакиваются смертью...

— Сколько у сех новых истот виты, — произнес он серым голосом. — Это гыдотно...

— Ен, — сказал второй, — ен... Бачь его сабны! Непрометящий зверь, все кипет, бурлит, возгонит, а замист света бегут скалки яркой и четкой дерты...

Третий сказал тоже ровным голосом, но Придону в нем почудилась горечь:

— Щемно сем зверям зоставлять... весь огирт...

Придон пытался пошевелить хотя бы головой, но не мог, однако глазами яблоками двигать удавалось, хотя всякий раз чувствовал тупую боль в черепе, что странным образом отдавалась в зубы. Один из дэвов исчез, потом второй, Придон не мог понять, куда деваются, однако вскоре появилось двое других, такие же высокие, лысые, с неподвижными лицами.

В мозг внезапно кольнуло: да все эти дэвы с легкостью проходят сквозь стены, призрачные для них и невесомые, как сгустки тумана! Это для него это все камень, железо, но не для дэвов. Один из новых, старый и седой настолько, что казался сгустком тумана, сразу подошел, навис над распростертым пленником, всматривался, вслушивался, хотя Придон не произнес ни слова. Ноздри дива часто дергались, схлапывались, задерживая запахи.

— Как он прошел сюда? — спросил он. — Кто его заметил первым? Ты, Шаге Райк?

Дэв, к которому он обратился, указал глазами на другого, что застыл у окна.

— Дирт Става.

— Когда?

— Он карабкался, — ответил Шаге Райк, — по стене.

Седой дэв переспросил:

— По стене?

— Да. Они... бесстрашные. Их жизнь коротка, потому им не страшно падать с большой высоты.

Дэв всматривался в лицо Придона, потом, не глядя,

протянул длинную тонкую руку и с легкостью взял с соседнего стола металлическую глыбу размером с наковальню. Придон не поверил своим глазам: металл прямо в ладонях мага накалился так, что осветил снизу злое лицо красным светом. Жар докатился даже до Придона. А металл уже начал течь, струился между пальцами ярко-оранжевыми струйками.

С поверхности стола навстречу метнулись синие дымки, под суровым взглядом мага рассеялись, а выжженное пятно исчезло. Капающий металл начал обретать форму, через несколько мгновений на столе стояла широкая чаша. Красный цвет сменился багровым, но еще раньше, чем она остыла, маг взял оттуда же со стола камень, самый обыкновенный обломок гранита, с задумчивым видом сжал в ладонях над широким зевом чаши.

Захрустело, будто в комнате заработала камнедробилка. Хруст истончился, в ладонях мага уже не глыба и даже не мелкие камешки, а мельчайший песок. Маг высыпал в чашу, по-житейски отряхнул ладони, как отряхивает хозяйка, выдернув морковку из грядки, даже вытер пальцы о халат.

Придон в ужасе опустил веки. Это не люди, не чудовища, это настоящие боги. Нечего и думать с ними совладать. Его разрежут сейчас, достанут сердце для своего нечестивого колдовства... Сердце, в котором нет ничего, кроме любви к Итании!

Щаге Райк смотрел с явным неудовольствием.

— Что ты с ним... — буркнул он. — Нетопыри возыпляют в ночи...

— Рано, — сказал седой дэв. — Я хочу понять, как он сюда.

— Ну, где-то щели...

— Негетс! Не змогла стена ушелиться. Ставил не ты, а сам великий Гетар. Сейчас стена та же, как и эрко лет. Как она в шакумп перемолола стадо скота и какое-то самодвижущееся племя?.. На два жарекса все было в брызгах слизи!

Он удовлетворенно засмеялся. Щаге Райк буркнул:

— Ну, при жаре слизь... Так спроси его!

Седой покачал головой, предложил неожиданно:

— Спроси ты.

Щаге Райк насторожился, взгляд глубоко запавших глаз метнулся к Придону.

— А что с ним?

— Не ведню.

— Не ведишь? Ты и не ведишь?

Седой дэв устало усмехнулся.

— Попробуй сам.

Щаге Райк повернулся к Придону, глаза оценивающе измерили мощную мускулатуру пленника.

— Да, он крепок. Но крепыши хрустят быстрее.

— Пробуй, — повторил седой дэв.

Он зевнул, потянулся, с кряхтением поднялся на ноги. Снова он показался Придону непомерно высоким, таких тонких и худых просто не могло быть. Слишком худых, с тонкими птичьими костями и непомерного роста.

— Я начну с Озера Боли, — предложил Щаге Райк.

— Да хоть с Берега Желтых Туманов, — ответил седой дэв. Он направился к двери, с порога оглянулся. — Только не убивай... пока.

Придон терпел дикую обжигающую боль, пока мог терпеть. А терпеть ее мог, как истинный артанин: терпеть и смеяться врагам в лицо. Стойко и мужественно терпеть, не замечать, держать лицо, все должно быть красиво, но его не жгли огнем, не рвали крючьями мясо, не растягивали на ремнях. Тем не менее боль возникла сразу во всем теле, пронзила внутренности, взорвалась огненным шаром в черепе, пронзила каждый сустав, каждую жилку.

Он терпел, даже улыбался. Боль стала невыносимой, он погрузился во тьму, а там, во тьме, уже не артанин, он всего лишь то, что осталось в его теле. Это стонало или даже кричало от боли, но он, Придон, не отвечает за того человека, как по совету волхвов перестал считать себя отве-

чающим за свои же поступки, совершенные во сне. Здесь же вообще небытие, черное и поглотившее с головой. Иногда он выныривал, слышал свой хриплый крик, снова погружался во тьму, боль не исчезала, но становилась как бы чужой, существующей отдельно.

Прошли годы, прежде чем вынырнул надолго, сумел даже рассмотреть комнату, в ней ничего не изменилось за эти века. Явился старый седой дэв, серебряные волосы слабо колышутся по ветру, легкие и невесомые, как паутины. Глубокие морщины на лице то ли разгладились, то ли Придон уже привык к его уродству. Тоска в глубоко запавших глазах дэва почему-то стала еще злее, отчаяннее, кричащее.

Придон услышал его скрипучий голос:

— Ну и что изведарил?

Шаге Райк буркнул утомленно:

— Это просто обезумник. Как сумел пройти все защитанство, не разумею. Ты искордь, что он говорит!

— Ну-ка...

Придон ощутил, что его вывернули наизнанку, достали из тайников самое сокровенное, что он прятал в самые глубины сердца, и вот теперь оно, кровоточащее, развернуто, как спелая слива, вся мякоть под палящим солнцем, он все это понимал, но магия затмила разум и погасила волю. Он вместе с дэвами слышал этот хриплый задыхающийся голос, полный непередаваемой муки, страсти, мольбы, страха, но не понимал смысла этих слов:

— ...а если ты... видишь у ворот дворца тысячи и тысячи брачных послов.... то среди них толчется и мой посланец, любимая!.. Если сто мужчин не могут ни есть, ни спать, то среди этой сотни мечусь я... с воспламененной душой и израненным сердцем! Если десять героев бросили мечи в пыль, надели лохмотья певцов и пошли по свету, воспевая твою красоту, то я среди них... Если ты сумела всех отстранить от себя настолько, что остался только один, — то знай, это я тот единственный, которого ты не сможешь прогнать ни угрозами, ни холодностью, ни оскорблениями...

Щаге Райк хмыкнул, бросил на седого дэва острый взгляд. Старый дэв холодно и внимательно слушал, но глубоко запавшие глаза блестели, а на бледных щеках выступил румянец.

— Что он глаголит? — сказал он негромко. — Разве... дикие могут вот так?

— Ты слушай, — ответил Щаге Райк. — Слушай.

С губ распростертого и одурманенного варвара, лишенного сознания и воли, продолжали срываться странные для такого испещренного шрамами воина слова:

— ...но если тебе скажут, что у твоих ног нет ни одного... ни одного!... тогда знай, что мое измученное сердце не выдержало. Ни кровавые битвы, ни воля чужих колдунов, ни сами боги не могли остановить и повергнуть, но твой холод убил меня надежнее любого меча. Я мертв, я похоронен, а на мою могилу навалены тяжелые камни, чтобы не встал, влекомый любовью...

Он шептал все тише, заклятие ослабевало, седой дэв наклонился, ловил каждое слово, а Щаге Райк повторил задумчиво:

— Влекомый любовью... Что-то знакомое. Но не вспомнить, не вспомнить...

— Автан Дарх, — обронил седой дэв негромко.

— Кто?

— Автан Дарх, — повторил седой с некоторым раздражением. Он наклонился, стараясь не пропустить ни слова, слетающие с губ зачарованного. — Великий маг, жил и творил за пятьсот лет до осознания.

— Маг? — повторил Щаге Райк. — А при чем здесь маг?

— Он был великий маг, — бросил седой дэв еще раздраженнее. — Он освоил даже магию любви. По крайней мере, так глаголят.

Щаге Райк отмахнулся.

— Эти слухи раснеют эпоха от эпохи. Всем хотелось чуда... Но заклятия его... те, что проросли до нас, в истинстве дивно и странно красивы.

Придон уже шептал совсем тихо. Седой дэв распря-

мился, теперь лицо было снова бледным, зато глаза блестели странным влажным светом.

— Щаге Райк, я боюсь, что... что этот варвар как-то нашупал ключ...

— Ключ? Разве это бытносно?

— Или хотя бы отыскал отдельные слова.

Щаге Райк подумал, покачал головой.

— Ты прав. Я тоже познаю, как мое сердце трепещет, а на глазах кипенье слез. Тебе арнтно, но я сейчас страстно жажду уберечь какую-то грязную и тупую, как корову... нет, как козу невежественного сенга, девку...

Седой дэв сказал встревоженно:

— Пойди к Акуниргу. Пусть он тебя очистит, опуринит. Погрузись, ты устал. Лучше оластись прямо сейчас! От магии любви нет щита. Не надо опасничать.

Щаге Райк поднялся, сделал пару шагов к двери. Оглянулся с тревогой:

— А ты?

Седой дэв сказал невесело:

— А у меня щитанство есть.

Щаге Райк дернулся.

— Ты же сам рек, что от магии любви нет щитанства!

— Нет, — ответил седой дэв. — Но для меня — есть. Иди.

Щаге Райк вышел, пальцы его на ходу растирали ноющее сердце. Когда за ним захлопнулась дверь, а незримые руки наложили колдовские печати, видимые только чародеям высшей степени, седой дэв снова повернулся к потерявшему сознание варвару.

Сквозь кровавую пелену, застилающую взор, Придон видел, как на стене, прямо над запрокинутой головой колдуна, возникло светлое пятно. Расширилось, в мерцающем свете высветилось, созданное его волей и чарами, женское лицо с удивительно тонкими, почти птичьими чертами. Крупные выпуклые глаза смотрели с любовью и нежностью.

Колдун часто задышал, сказал что-то, в голосе послышались хрипы. Он всхлипнул, сам испугался или устыдил-

ся, пугливо оглянулся на дверь, взмахнул рукой, изображение исчезло.

Да, он защищен, сказала что-то в черепе Придона, и он с испугом понял, что понимает мысли этого дэва. Как любой защищен, продолжал надрывный ломкий голос, кто до смертной муки переболел чем-то... У того вырабатывается способность не заболеть снова... И болеть уже нечему.

И тут же мысленный голос дэва утих, больше Придон не уловил ни слова.

Он вынырнул из океана боли, глаза снова увидели ту же комнату. Тела своего Придон не чувствовал, даже веки не мог опустить, так и смотрел сквозь боль и жуткую резь в глазах. Старый седой дэв все еще в комнате. Отлучался или нет, Придон не видел, но дэв выглядел измученным, словно пытали его самого, будто это его пропустили через костедробилку, а потом жгли на незримом огне.

Потом зазвучали голоса, в поле зрения появился Щаге Райк.

— Ну что? — услышал Придон. — Расхрустеть его не расхрустеть?

Старый дэв покачал головой.

— Он... отдан кому-то. Очень отдан. А любовь — это самое сильно ведарство. Она разом полонит голову, сердце и тело. Отданный уязвим лишь от того, кого любит. От всего остального — укрыт, как никто.

Щаге Райк фыркнул:

— И от удара его же рубилом из железа? По темени?

Седой дэв брезгливо отшатнулся.

— Глаголишь, как эти грязные варвары!.. Запечатлеваю тебе: он укрыт от любой магии, любых охотей, любых возникалищ. Ему беназдно горы золота или целые окерты. Его беназдно умызывать любыми женщинами...

Щаге Райк снова фыркнул:

— Любыми? Хочешь речь, что даже Орлидия, ся у тех

полузверей зныкалила богиней любви... не сумеет се зачаровать?

— Он уже зачерен, — терпеливо сказал старый дэв. — Сам себя зачерил, своей волей. Эти черы укрывают от всех других черов. Его убить — да, победить — нет.

Они говорили между собой, на него внимания обращали не больше, чем на раздавленную муху, голоса звучали ровно, монотонно, Придон вслушивался в эти странные слова, и постепенно понятными становилось все больше и больше слов, наконец он уже понимал все, словно дэвы с самого начала говорили на его языке.

— Та, — спросил Щаге Райк, — ради которой он... далеко?

— Очень, — ответил старый дэв. — Даже не эгению, где, за какими горами, морями или пустынями. Но разлука для любви, что уже и не любовь, а Великность, что ветер для огня. Слабый гасит, сильный — раздувает. Да и вообще, любовь, что боится длинностей или щитностей, — не Великность. Во всяком случае, я легко проткну щитность такой Великности хоть пальцем.

Щаге Райк кивнул. Лицо было угрюмым.

— Я вем. Напротив, длинность только усиливает власть тех, кого мы любим. И усиливает щитность.

Старый дэв долго задумчиво смотрел в неподвижное лицо варвара.

— Не понимаю... Вот он, полужверь, но... как он может? Ведь, Щаге Райк, наша вщентность в том, что в нас, Настоящих, мертитса сама Великность, даже простая любовь. Онейшая боль нашего кровства не в том, что гибнем, не в силах приникнуться к жизни в мире с этой страшной сводящей с ума Луной... из каких бездн тьмы только взялась на гибель нашего народа!.. а в том, что стушеваем любить. А люди без сего быстро беднеют, обертаемы в полужудей, упрошаются, а затем и вовсе... Не вем, но мне жутно и гадно думать, что у сех полужверей может выникнуть то, что гинет в нас.

Щаге Райк долго всматривался в лицо варвара.

— Все-таки он зверь, — обронил он со вздохом. — Хищный, плотоядный. Не могу поверить!..

Старый дэв сказал тихо:

— Если к нему пришла Великность... что мне кажется тоже дивнонесбыточным, то она изменит его до неузнаваемости. Помнишь, великого Энкиду из зверя превратила в человека?

— Зато Ахримана из человека — в зверя.

Старый дэв отмахнулся.

— То была не любовь, а совсем другое! Ты знаешь, что было с Ахриманом на самом деле. Это стало для многих уроком... Ладно, что делать с варваром?

— А что предлагаешь ты?

Старый дэв ответил хмуро:

— Что и со всеми, кто сюда добирался.

Шаге Райк удивился.

— А такое было?

— Дважды, — заверил старый дэв. — Только это случилось еще в эпоху Серого Неба.

Он застыл, глаза невидяще уставились в даль, взгляд ушел сквозь стены. Шаге Райк понял, что старый дэв видит это страшное небо, в которое от чудовищного удара о землю было выброшено столько песка, пыли и пепла, что многие поколения рождались, не видя солнца и не догадываясь о нем, как и о том, откуда на землю идет тепло. Впрочем, оно и сейчас идет не столько от солнца, сколько от подземного жара...

Шаге Райк сделал усилие, прошел мыслью по цепочке разговора, вспомнил, о чем говорили, сказал:

— Тогда еще не было варваров.

— Да... — прошептал старый дэв. — Но появились первые обезглазевшие... что научились есть в этом страшном свете с Луной над головами... что иснит прежде прекрасные звездные ночи в это... в это!..

Он уронил голову. Придон снова услышал его скорбный голос, не понял смысла, только уловил, что появившаяся Луна не только уничтожила все дивство за несколько

дней, но и зашвырнула в дикость горсточку уцелевших. Дивы так и не сумели приспособиться к этому мертвенно-колдовскому свету, страшным приливам и отливам в сознании, когда близость Луны не только дважды в сутки бросает волны океана на берег, затопляя близкие к воде рыбацкие деревни и переворачивая лодки, но и творит те же страшные приливы и отливы в телах людских и звериных. Но звери и есть звери, а вот тонкость внутри людей ломается под внезапными ударами крови.

Хуже другое, сказала в голове Придона, но он понимал, что это говорит сам себе старый дэв. Мы, уцелевшие, как-то сопротивляемся, впадаем в спячку на период приливов-отливов, пытаемся выстроить щитность... хотя враг коварен, нападение свершается внутри наших же тел, но мы еще могли бы на что-то надеяться... если бы не обезумевшие. Не все погибли, увы. Участь некоторых еще ужаснее. Они выжили, как звери. Все позабыв, опустившись до простого собирательства съедобных корней и птичьих гнезд во вновь выросших лесах. Но что ужаснее, у них появляется многочисленное потомство: невежественное, свирепое и настолько живучее, что первых захваченных дикарей Люди исследовали как чудо. Эти лунные толчки крови ускорили метаболизм... И что же?... О чем это я думал? Ах да, Шаге Райк спрашивал, что делать с дикарем... Старееет Шаге Райк, а ведь он самый молодой... С дикарем то же самое, что с попавшими оленями... Ах, олени были в той жизни, теперь здесь голые скалы... А все, что мы творим, заново населяя мир, это не выше насекомых... Совсем недавно сил еще хватало создавать прекрасных нетопырей, жароптиц, летающих лягушек... А в самом начале, до удара Ахримана о землю, он умел творить чудесных коней, наделенных даром речи и способностью скакать по воде...

Что еще... Ах да, еще Дирт Става выглядит растерянным. Он всегда был ровен, как выжженное поле, и кристально тверд, но сейчас избегает называть состояние пленника иначе, чем безумие, помешательство, умопомрачение. С одной стороны, он, конечно же, прав: душа и мозг

пленника в защитной скорлупе помешательства, никакие заклинания не могут воздействовать на уже смятенную душу, там буря, словам и чарам не пробиться, но, с другой стороны... этот безумец словно бы черпает силы еще и из неведомого источника.

Он проговорил вслух:

— Если бы этот герой явился, как приходили другие!

Из-за стены послышался голос Дирта Ставы:

— За золотом и сокровищами?

Он хмыкнул, а седой дэв поник головой. Если бы герой за сокровищами, он сейчас трепыхался бы распятый, как лягушка! Его бы вывернули наизнанку, он рассказал бы все, предал и продал бы всех, включая жену, детей и родное племя...

— Пока дикарь, — произнес он, — охвачен этим безумием, против него магия бессильна. Но его легко убить мечом. Или топором.

ГЛАВА 17

Слышно было, как хлопнула дверь. Придон не мог шевельнуть головой, краем глаза видел, как в комнате появился третий дэв. Его шатало, он кое-как проковылял к широкому креслу, рухнул, из узкой птичьей груди вырвался стон:

— Опять!.. Этот жуткий прилив...

Щаге Райк сказал, не оборачиваясь:

— Девятый будет еще гешено.

— Девятый! — простонал дэв. — Меня даже седьмой... плющит.

Щаге Райк сказал хмуро:

— Седьмой и меня... Что, уже?.. А дикарю все лемпно.

Старый дэв зашел с другой стороны, выпуклые глаза без всякого выражения смотрели на распростертого Придона.

— Мы зрели по его металлу на голове, — проговорил он, — смотрели на эти дурацкие железки на руках... для че-

го?... но ни ты, ни я не закести это колечко. Незаметное такое на покрытом грязью састе...

Щаге Райк с содроганием перевел взгляд на крупные кисти дикаря. Надежно прикованные, страшили и вызывали омерзение: покрытые, как у дикого зверя, шерстью, грязные, с сильными пальцами, где изящные склериты снова превратились в грубые ногти... настолько толстые и крепкие, что уже почти когти...

На пальце кольцо из серого металла. Щаге Райк вытянул указательный палец. Еще до того, как прикоснулся, ощутил светлое тепло. Изумился, металл при его прикосновении ответил слабым звоном.

— Защитное колечко, — прошептал он в великом изумлении. — Неужели могло помочь дикарю?... Откуда оно?... Хотя, понятно... Где-то разрушили еще одну Башню, убили всех, разграбили, даже не подозревая о ценности того, что рушат и что жгут... Все блестящее забрали их вожди, а это... затоптанное в грязи, подобрал какой-нибудь самый неудачливый дикарь...

Придон чувствовал, что старик пытается стащить это кольцо, собрал все силы и попытался сопротивляться. Увы, все, что он смог, это чуть согнул мизинец. Однако у проклятого колдуна брови полезли на лоб.

— Щаге Райк, — вскричал он блеющим голосом. — Щаге Райк, пойдн сюда!

Молодой дэв стоял бледный, с закрытыми глазами. На голос седого дива с трудом поднял веки, в глазах плавают толстые серые нити, ответил прерывающимся голосом:

— Надо зэрнить... в хранилища... Седьмой прилив... восьмой истернит...

— Ты посмотри, — сказал седой дэв настойчиво.

— Потом... — сказал Щаге Райк. — Посленсте...

Его качнуло. Он вслепую провел по воздуху растопыренными ладонями. Седой дэв сказал тяжелым голосом:

— Иди... я сейчас... Грозно и звездно, что у него шевеленство в састах...

Придон видел, как сузились зрачки третьего дива, что в

дверях. Этот колдун явно умеет зреть все с любого конца комнаты. После паузы третий дэв проскрипел:

— Не можешь снять... отрежь. Или преврати в камень... и разбей.

Лицо его перекосилось, Придон услышал хриплый стон. Шатаясь, дэв попытался привстать, ухватился за подлокотники. Кресло подалось вниз и в стороны, выгнулось, приподнялось с боков, мягко подхватывая падающее тело. Колдун всхрипнул и закрыл глаза. Кресло превратилось в ложе с невысокими бортами.

Седой дэв смотрел на неподвижного Придона с непонятным страхом. Лицо его перекосилось, он прохрипел:

— Слаб ты, Щаге Райк... Почему я, унерниц, держусь дольше? Приливы бьет гошенгов и цсангов тоже...

Голос его хрипел, прерывался. Второе кресло, на ходу превращаясь в такое же ложе, подкатилось ближе, словно его волокли невидимые слуги. Колдун с усилием пересел, даже перевалился с одного на другое, там тоже приподнялись бортики, и Придон с ужасом и омерзением увидел, что из бортов ударили тонкие струйки воды. Через несколько мгновений вода поднялась так, что торчал только острый птичий нос колдуна. Когда скрылся и он, вода перестала прибывать. Под водой дэв казался мертвецом, однако по лицу пробегали судороги, щеки дергались, однажды веки приподнялись, и на Придона уставились такие страшные глаза, что он задрожал и поспешно опустил веки. И все это время в голове стучало, как молоточками, что все это связано с теми чародейскими силами, что напускает на весь мир Луна, лунный свет... и что колдунов этот лунный свет гнет так, что пробуют загораживаться от неба бешеными тучами, прячутся в эти рукодельные болота, терпят, страдают, переживают, а потом в бешеной злобе... Да, эти собрались его не то порезать на куски, не то в камень...

Он напрягся, пальцы бессильно шевелились. Жилы на руках вздулись, он видел, как по всему телу вздуваются мускулы. Вздуваются? Он напрягся изо всех сил. Застыв-

шее тело словно размораживалось, по всем мышцам кололи мелкие иголки.

— Спасибо, — прошептал он сухими губами, — Луна... Ты в наш мир на погибель старому... и в помощь нам, людям...

Кисти его руки медленно отделялись от подлокотников. Металл не изломался, не пошел трещинами, а — диво дивное! — тянулся за его поднимающимися руками, словно густой клей!

С нечеловеческими усилиями сумел оторвать спину от ложа. В окаменевшие застывшие мышцы изнутри пошло тепло. Поднялся, сел, обвел налитыми кровью глазами комнату. Трое дэвов злобно смотрят из прозрачных кувшинов, что были недавно креслами. Лица расплываются в мутной воде, это даже не вода, а какое-то колдовское снадобье.

Ноги дрогнули и подогнулись, но удержался, шагнул к ним ближе. Жар быстро распространялся от сердца, кончики пальцев начало пощипывать, словно отходили от мороза.

— Где... — сказал он, — где... где этот меч бога... Хорса?

Перед глазами плыло, качалось. Он машинально поднял руку к плечу. Но пальцы вместо твердой рукояти верного боевого топора пощупали воздух.

— Где, — повторил он громче и ощутил, что голос крепнет. — Где эта рукоять?

Из ближайшего кувшина дэв смотрел злобно, Придон видел, как исказилось длинное лицо в гримасе страха. Придон ударил ногой в стенку кувшина, дэв перекосясь, руки начали подниматься, будто он намеревался выбраться.

— Ага, — крикнул Придон победно, — это тебя страшит?

Огляделся, взгляд упал на металлический штырь, похожий на заготовку для меча. Ухватил, штырь оказался прикреплен к полу, а когда Придон рванул посильнее, затрещало, по всей комнате замигал свет, словно в окна ворвался сильный ветер и колеблет трепещущие огни светильников.

С яростным воплем он выломал штырь, тяжелый и грозный, руки сразу ощутили надежную тяжесть, полетели искры, словно рядом невидимый великан бил по камню кресалом, добывая огонь. Ветер задул свет. Запахло свежо и остро, будто только что отгремела гроза...

— Еще не отгремела! — заорал он победно. — Я здесь!

Кувшин треснул, вторым ударом железного прута Придон разнес кувшин вдреызг. Конец прута достал дэва по голове. Придон отпрыгнул от хлынувшей под ноги воды, тело дэва вывалилось вместе с мутным потоком. Вода растеклась по всему помещению, а дэва распластало посередине, из проломленной головы обильно текла красная кровь и окрашивала розовым воду.

— За Артанию! — закричал Придон. — За Итанию!

Тяжелый железный штырь превратился в продолжение его рук. Из двух оставшихся кувшинов дэвы попытались вылезти, но двигались медленно, словно засыпающие на морозе рыбы, Придон без труда успел разбить им головы, сам дивясь легкости и презирая таких страшных противников за непонятную уязвимость.

Он победно орал, крушил, ломал, повергал, потом опомнился, выбил дверь и понесся по извилистому коридору, что иногда разбухал, превращался в комнаты, залы, снова сужался, ни на что не похожий, без всякого переходя становясь то роскошной палатой, то настолько узким проходом, что на бегу задевал обе стены плечами.

Успевал увидеть в кувшинах застывшие лица дэвов, им не шелохнуться в плотной мутной воде, подбегал и обрушивал страшный удар. Вторым ударом убивал дэва, а третьего удара еще ни разу не понадобилось, мчался дальше, спеша застать этих чудовищ в их странно беспомощном состоянии.

В одной из комнат подхватил свой топор, с разбега вылетел на уступ, оказавшийся на немыслимой высоте, если оступиться — костей не соберешь, отступил, но успел увидеть нависающее небо — такое же темное, звездное, загадочное, как и над Артанией, и луна такая же, как и над Ар-

танией... Уже склоняется к серебряным под ее светом пикам гор, еще чуть — и скроется...

Скроется! А к дэвам вернется их прежняя мощь? Он заорал снова, мысленно связав воедино странные слова дэва про их ненависть к Луне и их беспомощность. Это Луна однажды разрушила могучие державы дэвов, разнесла в пыль всю их мощь, а теперь остатки уцелевших дэвов нашли способ, как прятаться от нещадной Луны. Но едва Луна скроется...

Он задрожал, вскрикнул, стены замелькали по обе стороны, словно он оседлал низколетящую птицу.

Дэв подошел к привязанному Консту. Тот подергался, но путы держали крепко.

— Очнулся? — спросил дэв. — Теперь внимли. Ты уламне к столбу. Крепко. Я кдонлу на вершинку вот этот шар... видишь? Нет, лучше тебе на голову. Стой пернло, не шевелись. Шевельнешься, шар рухнет. Ты унелишь, что будет?

В стеклянном шаре бешено метался красный демон. Шар заполнен водой целиком, движения демона замедлены, иначе за ним не уследить даже взглядом. Еще когда дэв держал шар на уровне груди, Конст видел слишком большой рот на таком маленьком тельце демона, острые как иголки клыки, когти и горящие ненавистью глаза.

Дэв зажимал пальцем крохотную дырочку, там обязательно есть дырочка, иначе не засунуть демона, не залить страшной для него обессиливающей водой.

— Ты будешь кричать, — сказал дэв мерным голосом. — Будешь имну помощь, ибо это выжиниет плоть до кости, и никакие эрны не в... заглушить боль... Меня самого однажды... Это было динку лет тому, но я даже денно просыпаюсь в холодном поту! Мучительнее сей боли нет...

Конст сказал тихо:

— Ты ни в чем не ошибся?

— Нет.

— А если не позову?

— Позовешь, — ответил дэв со злой насмешкой. — Не ленно сжился с этими животными... Не ленно до их скотской истности, чтобы перестал огранить жизнь...

— Я ее ценю, — сказал Конст с тоской, — еще как ценю...

— Ну так вот, — сказал дэв, — ты будешь вингащить за нее изо всех сил. Как все мы. И ты покличешь своего... ди-каря. Здесь под плитой зегардная яма. Когда этот дикарь заблится, чтобы освободить тебя, он очернится в эту яму. Там, сам знаешь наши девинги... острые колья, ядовитые гады. Все компо?.. И лишь тогда я сниму с тебя этот шар.

Он начал поднимать шар к голове Конста. Конст сцепил челюсти, хотел было держаться, как умеют артане, но из груди вырвался всхлип, а затем крик испуганного до потери рассудка существа:

— Не надо!..

— Кричи, — посоветовал дэв. — Кликай на земгу погромче!.. Как только он рухнет в яму, мы сдемчим тебя. А все раны залечим. Ты же знаешь, залечим.

— Знаю, — прошептал Конст, — но эта боль...

— Кричи, — снова сказал дэв и поставил шар на голову Конста. — Пусть он узрит.

Конст застыл, страшась шевельнуться. Из крохотного отверстия потекла вода. Волосы зашипели, начали сворачиваться, пошел сизый дымок. Капля побежала через лоб, за ней вспухала красная дорожка. У брови капля помедлила, словно пыталась обогнуть, затем пошла напрямик. Волосы вспыхнули. Конст поспешно зажмурился, капля пробежала через веко, оставив красную дорожку ожога, потекла по щеке... а из шара выскользнула уже другая капля...

Дэв кивнул с удовлетворением, отступил на пару шагов, не отрывая взгляда от страшного сосуда.

— Кричи, — сказал он, — но окаменись, чтобы шар не скатился... Если разобьется, то... сам зынекнешь...

Конст прошептал, едва шевеля губами:

— Неужели и я был таким?

— И будешь, — пообещал дэв.

— Неужели, — прошептал Конст, — этот меч неведомого бога стоит таких мук?.. Тем более что его здесь и нет... Он у эльфов...

Дэв коротко засмеялся.

— Он у нас. Но вам его никогда не отыскать, потому что он не здесь, не в Башне... а глубоко под нею!

Придон неся, как взбешенный тур, через все помещения. То ли ему повезло, то ли дэвы совершили большую ошибку, затащив в палаты, но здесь он сильнее, свирепее. Они гонялись за ним, а он, убегая, успевал рубить топором по одному и снова убегал, чудом или звериным чутьем избегая ловушек.

Сейчас он пробежал по темному проходу, свет на миг оглушил, но через несколько шагов он уже шел твердо, глаза привыкли, и тут он увидел в середине зала каменный столб, вверху чудовище, раздирающее человека, а у самого подножия Конст!

Его соратник привязан толстыми, как корабельные канаты, веревками. Грудь сдавило так, что едва дышит, на голове какой-то шар, в нем мечется красноватый огонек...

Придон сделал еще пару шагов, Конст увидел, прокричал:

— Придон! Остановись сейчас же!

Придон сделал еще шаг, крикнул:

— Я сейчас освобожу тебя!

— Нет, Придон, — прокричал Конст. Шар на голове закачался, Конст замолчал, крикнул после паузы: — Это ловушка! Не подходи...

— Но... — начал было Придон и осекся. Из шара медленно, капля за каплей, вытекает зеленая жидкость. За каждой каплей оставалось дымящееся обугленное место. Через лоб уже пролегла глубокая борозда, рассекла надвое надбровный уступ, заполнила выжженную пустую глазницу, ниже рассекла лицо, видны торчащие наружу зубы, шея

цела, ибо с подбородка капли срываются на грудь, дымится выжженное мясо, а капли неторопливо текут дальше, сжигая плоть, углубляя с каждой каплей борозду...

Он содрогнулся, едва не заплакал от жалости, это же какую боль терпит всегда боящийся боли и смерти Конст, и почему он не кричит, не стонет, не зовет на помощь?

— Придон, — заговорил медленно Конст. Голос его был ясный, четкий. Один глаз остался цел, он смотрел на Придона с такой силой, что Придон застонал и невольно сделал еще шаг. — Стой, Придон... Это ловушка! Тебя для них важнее убить, чем убить или наказать меня. Я всего лишь приманка. Как только ты подойдешь и начнешь развязывать меня...

Придон вскрикнул:

— Я сперва сниму и выброшу эту гадость!

Конст застонал, все же не смог удержаться, но быстро совладал с собой, заговорил торопливо:

— Нельзя, демон тут же освободится. А нести в Ущелье Снов не сможешь, не успеешь... Как только коснешься, что-то произойдет, это в моих костях!.. Придон, тебе надо суметь пробраться в подземелье, меч Хорса там!.. В самой Башне его нет. Прощай, Придон!.. Не все, что останется от нашего мира, отвергай...

Придон ощутил, что сейчас Конст сделает что-то ужасное, мышцы уже напряглись для прыжка, но Конст тряхнул головой, сосуд слетел с головы, и теперь падал, падал... Возможно, Конст ощутил, что сейчас артанский друг мужественно метнется в безнадежной попытке спасти, и в последнем усилии поднял колено навстречу падающему сосуду.

Придон прыгнул. Ноги отрывались от пола, он услышал звон, дикий нечеловеческий крик. Страшная волна жара ударила навстречу, как если бы на полном скаку налетел на раскаленную наковальню размером с гору. Его подняло, смяло, скрутило, швырнуло обратно, как безжизненный клочок тряпки, старой и уже никчемной даже для самой бедной и скупой старухи.

В голове жар, грохот, а все тело вопило от дикой всесо-

крушающей боли. Он с трудом оторвал голову от пола. На каменной плите осталось красное пятно. Он потрогал лицо, ладонь вся в крови.

На том месте, где был столб с привязанным Констом, в низкий свод с силой бил столб белого огня. На глазах потрясенного Придона камень горел, плавился, как воск, разбегался волнами и срывался огромными багровыми каплями, тут же застывая на каменном полу. Красная дыра в своде все углублялась и расширялась, светилась, как пурпур, а внизу огненный столб уходил в широкую дыру с оранжевыми краями. Толстые плиты горели, как береста, камень плавился и срывался вниз, в гулкую пустоту.

— Конст, — прохрипел Придон — Зачем ты?..

Сердце яростными толчками гнало кипящую кровь в голову, нагнетало в мышцы. Он ощутил, что тело становится подобно горячему железу. Разогнулся, взгляд его быстро обшарил зал. Герои не умирают без слов мудрости. Простые люди помнят в последние минуты жизни о себе, герои — о соратниках. Конст сказал, что обломок меча в Башне искать бесполезно, однако он хранится в подземельях...

Пальцы сдавили рукоять топора с такой силой, что закапала вода. Он услышал свой хриплый крик, полный страсти, боли и бешенства. В голове зазвучал голос бога, сердце погнало кровь горячими толчками. Он зарычал, голос бога стал громче, а рука бога властно взяла его в свою ладонь, Придон выдохнул жаркий воздух, ноги метнули его в сторону выбитой волной горячего воздуха двери.

Он чувствовал в себе силу урагана и понимал, что это не только чувство. Он в самом деле сейчас несет в себе мощь урагана.

Перед ним мелькали лица, морды, рыла, блестели мечи, топоры, щиты, взрывался холодный и горячий огонь, возникали огненные стены, с потолка падали горящие камни. Он рубил, сшибал, повергал, дорогу не запоминал, помнил одно: в Башне меча нет, надо пробиваться вниз. А так как он проник через окно на самом верху башни, то теперь

придется, сметая все с пути, как горная лавина, что устремляется вниз, вниз, вниз...

Все залы казались одинаковыми, везде ровный сильный свет, везде навстречу выскакивают эти длинные тощие фигуры, проклятые колдуны, и окровавленная рукоять топора давно скользит в ладони. Он рубил в холодном бешенстве, убийцы Конста должны быть уничтожены все, а если кто бежит — догнать и зарубить, пусть все зальет кровь, пусть не останется жизни...

Потом ему начало казаться, что пробивается вниз уже целую вечность. Голос бога все еще звучал в нем, но уже не гремел, не грохотал, а говорил тише и тише, устало, завершающе. Могучая сила медленно покидала тело, он начал чувствовать ушибы, ссадины, но увидел перед собой еще дверь.

— Итания! — закричал он страшным голосом.

Дверь с грохотом слетела с петель, Придон ворвался в подземелье раньше, чем металлическая плита рухнула на гранитный пол. Он оказался в небольшой комнате с низкими округлыми сводами, почти касался макушкой. Из округлых стен исходил рассеянный мягкий свет, в самом центре темнела глыба до пояса человеку, а на ней...

Придон ахнул и задержал дыхание — рассыпает искры, словно горящее железо, только что выхваченное клещами кузнеца из горна, — дивной формы...

Он даже не сразу разглядел в этом чуде оружейного искусства, даже не оружейного, а ювелирного — крестообразную рукоять меча. Оружие должно быть простым и грубым, а это, это!..

Тела коснулось нечто упругое, словно дорогу перегородила хорошо промытая пленка бычьего пузыря. Он сделал шаг, пленка натянулась, зазвенела, он ощутил, когда она лопнет, напрягся, пленка лопнула с пронзительным тонким звоном. Протянул руку, пальцы уперлись еще в одну незримую пленку, будто еще один туго натянутый бычий пузырь. В нетерпении ткнул, словно копьём, тот же звон,

шелчок, хлопнуло, и тело, не встречая сопротивления, качнулось к черному алтарю.

Рукоять блистала живым огнем. Рои искр стремительно носились по всей рукояти, создавая волшебные узоры, говорили с ним на своем языке, а он смотрел, онемев, не понимая, только кровь стучит в висках, а голос бога уже за тих, он довел, указал, помог, теперь осталось только...

И — рукоять торчит из его ножен! Проклятые колдуны, сняв с него перевязь с драгоценными ножнами, принесли сюда. Теперь у них сразу два сокровища...

Придон протянул руку, искры вылетели навстречу со злым шипением, словно сотни крохотных ядовитых змей. Все гасли на небольшой высоте, но их так много, что рукоять окружило красным светящимся шаром, огненным шаром, на который трепетно даже смотреть...

В коридоре, откуда явился, слышался шум, громкий топот множества ног, донеслись приближающиеся голоса. Он торопливо метнул пальцы к рукояти. В последний миг мелькнула паническая мысль, что за рукоять браться пока что нельзя, огонь жалит пальцы. Но уже успел ухватить одной рукой за рукоять, другой за ножны, быстро перекинул перевязь через голову, в коридоре голоса все громче, и с поднятым топором бросился навстречу погоне.

Он помнил свой дикий хриплый крик: «За Конста!» и страшные удары, что обрушивал во все стороны. Дэвы нечеловечески сильны, но медлительны, он это уже понял, сейчас молниеносно рубил, уклонялся от ударов, даже не пытался блокировать, это все равно что пытаться остановить голыми руками падающую скалу, наносил точный удар и отпрыгивал от падающего тела.

И все-таки голова трещала, какие-то удары достигали цели, пусть вскользь, в теле вспыхивает острая боль, но он кричал от ярости и рубил, поднимался вверх и рубил, переступал через огромные тела и рубил...

А потом, шатаясь от усталости, он шел вверх через залы, топор в опущенной руке, не в силах поднять даже на

уровень пояса, с лезвия срывались частые красные капли, а за ним тянулись вихляющие кровавые следы.

В знакомом зале с распахнутым окном он даже не перевел дух, сразу же полез в эту щель. Топор за плечами цеплялся за камни, не шел в узкую щель, а когда взял в руку, зацепились ножны с торчащей из них рукоятью меча. В голове от усталости гудели шмели, во рту пересохло, даже не ликовал, что рукоять наконец-то у него за плечами. Руки дрожали, несколько раз повисал на кончиках пальцев, плакал от изнеможения, но за всю долгую дорогу к земле не остановился перевести дух.

— Конст, — сказал он одними губами. — Какой из меня вождь... если со мной гибнут люди, а я не могу спасти...

Мелькнула мысль, что Скилл сумел бы выручить и Конста, и не дал бы погибнуть Туру, и все добыл бы гораздо меньшей кровью. Но могучий Скилл уже нашел свое счастье, горькое и запоздалое, но все же счастье. Если готов рисковать жизнью, то это счастье...

Отдыхал, прислонившись к башне, не позволив себе даже сесть. Вторая перевязь заметно потяжелела. Скоро привыкнет, но пока что он чувствовал, что в ножнах появилась рукоять волшебного меча. Сердце еще колотилось учащенно, когда он всхрипнул и заставил себя двинуться в обратный путь.

Поле ледяных камней, прозрачных глыб льда миновал быстро, замок эльфов обошел по дуге, дорога пошла резко вверх, он почти бежал, в легких сплошной клеткот, грудь надсадно сипела. Он карабкался, как слепой, ударялся головой о нависающие камни, стер до крови щеку, прижимаясь ею к стене, стонал в полузабытьи, почти не выбирал дорогу, помнил одно, что должен карабкаться наверх, только наверх, там гребень...

Он не помнил, сколько шел, сколько полз, потому что не давал себе отдыхать, он теперь один, Конста нет, надо идти, двигаться, ползти, ломиться через этот красный туман в глазах и грохот крови в ушах...

И однажды сквозь этот грохот в черепе донесся далекий крик:

— Придон!.. Это же Придон!

Он рухнул вниз лицом, тьма накрыла, как морская волна.

ГЛАВА 18

В ноги грело, однако щеку холодило так, словно он лежал на сосульке. Приоткрыл глаз, над ним скальный навес, свисает смерзшийся снег. Уже превратился в мелкие сосульки, доносится потрескивание веток, отсюда веет теплым воздухом. Сам он лежит на гряде меха и под теплой длинной шубой. Спасибо Яське, уговорила дураков взять с собой...

Аснерд и Вяземайт неспешно разделявали горного козла. Красные куски мяса аккуратно разложены на камне, внутренности вывалены неопрятной кучей. Услышав шорох, Вяземайт оглянулся. Лицо его было суровое, осунувшееся.

— Проснулся?.. — спросил он с некоторым сомнением. — В самом деле проснулся?.. А то ты просыпался вроде, но такую чушь нес...

— Где Конст? — спросил Придон, вспомнил, что Конст погиб, как воочию, увидел его красивую смерть, застонал и закрыл глаза. Минуту боролся с собой, открыл глаза, прошептал: — Конст погиб как мужчина... Он ехал слабым, но погиб сильным... Мой меч... где мой меч?

Подошел Аснерд, присел на корточках. В глазах были тревога и глубокое участие.

— Лежи, лежи, — сказал он. — На месте твой меч. В ножнах. Вон они, рядом. Мы уж думали, что не выживешь... Вместо тебя пришел чуть ли не скелет, обтянутый кожей!.. Что там с тобой делали?.. Двое суток спал беспробудно. А потом еще трое только ел и спал. Хоть мясо чуть naroslo... Лежи, лежи!.. Яська должна прилететь только через три дня.

Придон прошептал:

— Аснерд... Снова Аснерд! Как ты догадался выйти на-
встречу?

— Ты бы и сам дошел, — сказал Аснерд.

— Не знаю... — прошептал Придон.

— Дошел бы! Ты бы видел, как ты пер!.. Как лось по
молодым кустам.

Вяземайт тоже присел рядом, лицо волхва было очень
серьезным, в глазах глубокое участие.

— Как погиб Конст, расскажи.

Придон хотел вкратце, но перед глазами встали во всей
страшной красоте огромные залы дэвов, их несметные со-
кровища, мимо которых проходил, как в тумане, странный
облик этих обитателей Башни, их нечеловеческую жизнь, к
которой приспособились со времен, как появилась Луна,
сам чувствовал, как голос дрожит и прерывается, но тот по-
степенно креп, в нем зазвучали сила и гордость, ибо Конст
погиб... а не помер в постели, как женщина, погиб достой-
но, отдавая жизнь за други своя, а это самая достойная
смерть для человека...

Хотя он был дэвом, добавил для себя, но смолчал. Не-
зачем теперь, кем был Конст, из какого народа и под каки-
ми богами жил.

Костер полыхал неярко, но в тесной пещере красные
сполохи бегали по стенам и своду, а выход Аснерд заткнул
каменной плитой, так что воздух прогрелся, словно в жар-
кий летний день, даже снег у далекого выхода начал таять.

Вяземайт несколько раз гадал на Конста, хмурился,
ворчал, пробовал снова и снова. Придон помалкивал, делал
вид, что не замечает неудачи волхва. Для того чтобы гадать,
надо хотя бы знать, что Конст был нечеловеком...

— А то, что началась снежная буря, — объявил Аснерд,
влезая в дыру, — знаете?

Вместе с ним в пещеру ворвалась струя ледяного возду-
ха. Придон зябко повел укутанными в меха плечами и при-
двинулся к огню. Вяземайт оторвал взор от веревочки с

узелками. Глаза были измученными, а взор недоумевающим.

— Странно, — пробормотал он, — среди лета...

Аснерд коротко хохотнул, тут же умолк, лицо стало напряженным, Придон сразу вспомнил Тура, у того точно так же поднимались брови, когда он к чему-то напряженно прислушивался.

— Похоже, — проговорил он негромко, — это дракон... Его рев.

Вяземайт сказал недоверчиво:

— Что можно услышать при таком ветре? К тому же рановато... Яська точно сказала, когда прилетит!

Придон приблизился к выходу из пещеры. Сплошная метель, снег мечется с жутким леденящим свистом. В груди тревожно екнуло. Вяземайт прав, дракон прилетел слишком рано. А что, если это враги?

Он оглянулся на топор. Широкое лезвие заледенело, топорщится острыми иглами инея. Вся рукоять покрыта ледяной корочкой... При мысли, что надо будет выходить в этот леденящий ужас, дрожь пронзила все тело. Зубы начали постукивать, он подул на замерзающие пальцы и поспешно сунул их под мышки.

— А тебе не почудилось? — спросил он с надеждой.

— Дракон, — ответил Аснерд уже увереннее.

— Может быть, просто летит мимо?

— Может, — согласился Аснерд. — Хотя нет... не зря ревет.

— На охоту, — продолжал Придон с надеждой, — или у них брачный период...

Вяземайт бросил раздраженно:

— Да бросьте!.. Какая охота, какой брачный! В такой мороз только до брачности. Гору не видать, а какие коровы пасутся в эту метель?.. Это к нам, точно. Ревет, предупреждает.

Аснерд покачал головой:

— Что за дурь? Мы выждали бы, пока буря утихнет.

Он говорил медленно, брови сдвинулись, воевода ду-

мал о другом, и Придон почти видел, как он перебирает драконов, какие из них способны выдержать такой ураганный напор ветра. Как рассказывал еще Антланец, только большой серый дракон может летать в бурю, он абсолютно непригоден в бою, как непригодна корова, зато может нести на себе сразу пять-семь воинов в полных доспехах. А еще где-то в горах есть почти тайная Долина Драконов, где Иггельд разводит черных драконов, страшных, как голодные волки, способных нести только по одному седоку, который управляет и указывает, на кого нападать, ведь драконам все люди — просто добыча, но это не черный, черный страшен в бою, но ветер снесет как бабочку, это явно тяжелый серый...

— Кружит над нами, — сказал Аснерд. — Идиот! Что он хочет?

— Над нами?

— Над этим местом.

Вяземайт выругался. Придон придвинулся к выходу. От этого движения сапоги затрещали. Звеня, осыпалась тонкая корочка льда. Вся одежда была мерзко жесткой, топорилась, как сухие листья.

Вяземайт сказал сварливо:

— Неужели нам придется выходить?

— Вряд ли дракон догадается залететь вовнутрь, — ответил Аснерд.

Придон со страхом смотрел из пещеры. Ветер несется с такой скоростью, что сможет катить валуны. Слышен непрерывный едва слышный звон, это ледяные кристаллики ударяются о каменную плиту.

Аснерд сказал со злым весельем:

— А кто это отказывался от куявских шуб?

Он посмотрел на Вяземайта, но волхв сделал вид, что не знает такого, отпихнул воеводу и первым вышел в бушующий ад. Придону стало совестно, он выбежал следом, чуть-чуть опередив Аснерда.

Свирепый ледяной ветер согнул его пополам. Придон закашлялся, леденящий холод обжег гортань и заморозил легкие. Он прикрыл рот обеими ладонями, легкие могут превратиться в лед раньше, чем он доставит в Куябу рукоять меча и увидит Итанию, задержал в груди воздух, чтобы там хоть немного прогрелся, постоял, держась за выступ скалы и повернувшись спиной к урагану.

Когда еще сидели в пещере, этот ветер стонал, свистел, выл и завывал жуткими могильными голосами. Сейчас же он торжествующе взревел, набросился со всей мощью, терзал, забивал горсти снега... нет, мелкого льда в складки одежды, за ворот, пихал в уши, ноздри, ловил миг, чтобы человек приоткрыл рот... даже не приоткрыл, а чуть разжал плотно стиснутые губы, а дальше он сам с силой вывернет губы так, что невольно разожмешь челюсти, и тогда в рот и глотку вобьет снега больше, чем есть во всей долине.

На миг показалось, что в ночи блеснуло. Но то ли дракон полыхнул огнем, то ли ураган с силой ударил крохотной льдинкой в глазное яблоко, Придон безуспешно всматривался в белесое мерцающее небо. Сбоку на миг вспыхнул яркий свет, ушел вверх огненным столбом и вскоре бесильно помер.

Придон стиснул челюсти, терпел. Крохотные частички льда с огромной силой впивались в лицо, пронизывали кожу, как пронизывают ее жала ядовитых ос. Он снова подумал, что если бы Яське не удалось уговорить взять с собой эти меха, то сейчас превратился бы в иссеченную ледышками кровотокающую статую.

Над головами пронесся глухой звук. Придон не сразу признал рев дракона, измученный, на пределе издыхания, рев загнанного зверя.

— Вот они!

Это кричал Аснерд, а через мгновение и Придон увидел, как из тьмы вынырнуло нечто бесформенное, пронеслось с востока на запад, исчезло. Показалось, что пахло на краткий миг запахом свалывшейся шерсти и старой донной рыбы, Аснерд закричал и метнулся во тьму.

Придон согнулся, стараясь не дать ветру покатить, как перекасти-поле, заставил себя оттолкнуться от каменной стены. Ураган набросился с такой силой, что приходилось почти опускаться на четвереньки. Он с ужасом думал о том, что дракону здесь точно не сесть, ибо даже в ясный день приходилось выбирать, чтобы опуститься точно между острыми пиками и уродливыми глыбами, иначе пропорет брюхо, а сейчас так вовсе...

Над головой раздался приближающийся надсадный рев. Придон рухнул вниз лицом, а над самой головой, едва не ухватив за волосы, пронеслись гигантские лапы с острыми и длинными, как столовые ножи, когтями. Едва вскочил, ветер воспользовался ошибкой и прокатил его с десятков шагов, пока раскинутые руки не зацепились за камень.

Земля дрогнула. Удар был таков, словно сорвалась лавина. Придон привстал, тут же упал на колени и зажал уши: раздался страшный рев, чудовищный вопль, предсмертный крик боли, когда могучий здоровый зверь видит свое изломанное тело и понимает, что жизнь сейчас кончится... а проклятый враг все еще жив!

Рев стал тише, а затем свист ветра заглушил вовсе, в нем Придон различил вопли торжества. Кое-как поднявшись, он двинулся в том же полусогнутом состоянии, кашлял, стонал, едва не плакал, все равно никто не увидит, горло жгло, словно хлебнул расплавленного олова, лицо горит адским огнем, и он останавливался, чтобы растереть отмороженные места.

Череп сузился от холода, выдавливал мозг через уши, Придон слышал треск, его шатало от боли в голове. Кашель терзал, отнимал последние силы, хотя закрывал рот, как мог, а воздух хватал скупыми короткими глотками.

Внезапно он ударился о что-то огромное и твердое. Сильные руки ухватили его за плечи. Лицо Вяземайта было страшным, перекошенным.

— У тебя отморожено лицо!

— Где Аснерд? — крикнул Придон.

Ветер сорвал слова прямо с губ и унес, но Вяземайт услышал, прокричал:

— Он уже там... Смотрит.

Придон дал растереть себе щеки и нос, больно, но затем по коже начали колоть острые иглы, изнутри к поверхности начала пробиваться кровь. Вяземайт повернул его и толкнул вперед, Придон чувствовал, что старый волхв идет за спиной, торопился, чувствуя стыд, что старые герои и здесь опекают его, как младенца.

Ветер швырял в лицо плотную тучу мельчайших льдинок, Придон слышал только свист, рев, а затем ему почудилось, что слышит какие-то звуки.

Но это не были те звуки, какие издает человек.

Лунный свет упал на массивную гору, по крайней мере Придон счел это за гору, даже когда ударился лицом о нечто выпирающее вперед, словно расщепленный ствол дерева, попробовал обойти, нечто острое зацепилось за одежду, он раздраженно попытался освободиться, похолодел.

Когти на лапе дракона еще дергались, жили, не смирялись с гибелью огромного тела. А впереди, в тени огромной отвесной стены, что подпирала небосвод, громадилась туша дракона. Придон даже не смог увидеть голову, ее либо разнесло, как яичную скорлупу, либо вмяло вместе с длинной шеей в плечи, а те тоже сплющило, сам дракон стал вдвое короче, зато значительно шире.

Иглы гребня тоже сложились почти все. На трех висели люди, двое пытались освободиться, третьего ветер трепал, как тряпочную куклу.

В тени копошился Аснерд, кого-то поднимал, встряхивал. Вяземайт обогнал Придона, крикнул, перекрывая визг ветра:

— Перевязывать не надо! Неси в нашу пещеру.

— Тут кровь так и хлещет...

— На таком морозе и ветру раны закроются... уже за-

крылись. Бери этих двух, я посмотрю остальных... Придон, сможешь снять тех со спины?

Придон вздрогнул, прокричал:

— Все, что смогу!

На лапу вспрыгнул, тут же поскользнулся на обледенелых чешуйках и сорвался на другую сторону. Затылком треснулся так, что искры осветили весь мир. Сцепив зубы, полез снова, дракон весь в броне, огромная чешуйчатая рыба, только чешуйки размером с тарелку, ближе к спине уже толстые костяные шипы, а вдоль хребта вообще длинные прочные иглы гребня. Говорят, этот гребень только для красоты, как у петуха, но Придон видел, как быстро поднимает гребень ерш, ни одна щука не рискнет проглотить эту маленькую рыбку со вздыбленным гребнем, так что гребень может быть не только для красоты...

Он сорвался, сполз на животе по выпуклому боку. Жесткая чешуя задрала меховой жилет, Придон закричал от страха и неожиданности, когда голым животом проехал по ледяному, замороженному еще в полете боку чудовищного зверя. Стыдясь своего вопля, сжал челюсти до хруста и полез уже неистово, обламывая ногти, хватаясь за все выступы, не жалея обмороженные пальцы.

Человек, что слабо пилил ремень, вскрикнул:

— Артанин!.. Придон, спаси меня!

Придон ахнул от изумления, закашлялся, так как свирепый ветер тут же вбил на самое дно легких ледяной кляп. Он выхватил из рук Черева нож, перехватил ремень, прокричал:

— Череву, ты? Идти сможешь?

— Идти? — спросил Череву в ужасе. — Я?

Придон молча повернулся ко второму. Тот уже освободился от упряжи, прижался к игле гребня всем телом, на Придона взглянули серые настороженные глаза, сейчас сильно затуманенные болью.

— Третий мертв, — сказал он, предупреждая вопрос. — Не знаю, как он ухитрился. Воин был сильный... Куда теперь?

— Мы схоронились от бури в пещере! — закричал Придон. — Спускаемся, а там я вас отведу. Отнесу...

Аснерд уже исчез, вместо Вяземайта удалялась некая темная копна. Придон соскользнул первым, подхватил Черво, принял второго. Тот застонал, сказал нехотя:

— У меня что-то со спиной....

Придон не услышал, крикнул:

— Что?

— Спина, — прокричал мужчина.

Он закашлялся, изо рта хлынула кровь, что показалась в лунном свете черной, как деготь. Черво вскрикнул в ужасе:

— Хрольд, ты не смей... Мы без тебя все погибнем!

Придон присел, велел Черву:

— Быстро залезай на спину!.. Сорвешься, пеняй на себя. Искать не стану.

Он взял мужчину, которого Черво назвал Хрольдом, на руки. Тот попытался отвести его пальцы в сторону, но Придон схватил в охапку и побежал. Теперь ветер дул в спину и чуть-чуть вбок, бежать легко, только бы не потерять дорогу...

Черво плюхался на спине, как большая лягушка, давил горло, но Придон от усилий чуть согрелся, хотя сильная дрожь все еще сотрясала с головы до ног. Ветер выл, рычал, пытался сбить с ног, коварно забегал сбоку.

Черная громада стены выросла неожиданно. Придон ударился плечом, пробежал, едва не падая, но теперь есть ориентир, и уже через сотню шагов он налетел на плоскую плиту. Черво охнул, ободрал локоть. Плита отодвинулась, Придон опустил раненого на землю, Черво первым на четвереньках с непостижимым проворством вбежал в пещеру.

Аснерд и Вяземайт втащили Хрольда, Придон залез следом и задвинул плитой вход. В глубине уже горел костер, но Придон не чувствовал тепла. Под стеной сидели и лежали люди в теплой одежде воинов Куявии. Аснерд тут же принялся растирать Придону лицо, Вяземайт посмотрел

на руки Придона, ахнул, начал шептать заклятия и тоже тер, щипал, пока на побелевшей как мрамор коже не начали проступать красные пятна. Щипало невыносимо, Придон едва терпел, взмолился:

— Лучше заняться ранеными! Им досталось сильнее.

— Они куявы, — буркнул Аснерд бессердечно. Пояснил: — Это их горы, знали, на что шли. А за тебя мы отвечаем.

Из восьми человек, летевших на драконе, двое погибли от удара о стену, один недвижим с поврежденной спиной, все остальные в кровоподтеках, ссадинах, с выбитыми пальцами, двое с переломами ребер, еще двое шамкают, потеряв передние зубы.

Череве спросил торопливо:

— Отыскал рукоять?

Придон, открывший уже рот для утвердительного ответа, перехватил предостерегающий взгляд Вяземайта. Старый волхв смотрел на него так, словно замахнулся копьем.

— Да, конечно, — ответил Придон. Череве вспыхнул от радости, но Придон тут же добавил: — Но мы пока что оставили ее там.

Череве спросил испуганно:

— Где?

— Там, — ответил Придон. — Под охраной еще надежнее, чем была.

Череве ахнул:

— Но... зачем?

Придон отмахнулся.

— Мы не о том говорим. Как вы здесь оказались? Почему в такую бурю?.. Договаривались же, что за нами придет дракон только через два дня. Что случилось?

Череве сказал тускло:

— Во дворце решили, что ты можешь... успеть раньше. А какие тут бури, сам видишь. Решили прислать пораньше, чтоб ты не замерз здесь, если управишься не за неделю, а за пару дней.

Аснерд кивнул, соглашаясь, вид спокойный, лицо, как всегда, неподвижное, но Придон знал его слишком хорошо, видел, воевода сильно встревожен. И не верит ни единому слову.

Он замерзал, тонул в снежной буре, а когда вздрогнул и открыл глаза, его трясло от холода. За каменной плитой ревела снежная буря, в щели набивался снег, что пологим холмиком тянулся почти до середины пещеры, где темнел и таял.

В пещере темно, только под дальней стеной слегка светятся багровые угли. Придон заставил себя подняться, все тело болит, словно всю ночь дрался с дэвами. Шатаясь, добрался до очага, положил мелкие прутики поверх углей, там слишком мало жара, добавил сверху поленьев.

Тонкие язычки огня начали лизать прутики, пробились наверх, по пещере пошли яркие блики. Высветились темные неподвижные фигуры. Все сбились в кучу, жмутся один к другому, сберегая тепло. Пар от дыхания поднимается как легкий туман, но на низком своде оседает длинно-игольным инеем. Даже стенки блестят, за ночь покрылись, как глазурью, тонкой пленкой льда.

Аснерд пошевелился, лицо серое, измученное. А вчера так лихо таскал раненых, подумал Придон с раскаянием. Сил у старика, может быть, и больше, но вот восстанавливает их быстрее он, Придон. На этих камнях вряд ли сумел заснуть и Вяземайт. А если и заснул, то не отдохнул, это точно.

Он набрал снега в котел, утоптал, поставил на огонь. Теперь видел, куявы уже не спят, но не поднимаются, смотрят угрюмо, наблюдают за шапкой снега над краем котла, она темнеет, опускается, пропитывается водой.

Костер разгорелся, поленья расщелкивались, словно грыз огромный бобер. Оранжевые языки огня поднялись выше, от костра наконец начала распространяться волна тепла. На своде среди белоснежного инея появилось тем-

ное пятно, крупные капли срывались, как спелые груши с дерева, в костре шипело, взлетали легкие комочки пара.

Затем пятно расширилось, капли падали уже и за костром, но ближе к выходу снова превращались в блестящие, похожие на чешуйки молодого дракона, льдинки.

От стены раздалось кряхтенье. Череву приподнялся на локте и наблюдал за костром. Придон поймал на себе внимательный взгляд. Против ожидания, Череву выглядел сравнительно неплохо.

— Как долго продлится эта буря? — спросил он.

Придон изумился:

— Кто из нас куяв?

— Куявия — огромная страна, — ответил Череву с достоинством. — У нее есть море, на островах которого я еще не бывал, есть эти чертовы горы... на которых тоже не бывал и куда меня больше не затащить никакими деньгами, женщинами или землями.

— Артания еще больше, — возразил Придон вызывающе. — У нее тоже есть море... даже два — Северное и Южное!.. есть горы — все намного выше, а земли наши так и вовсе бескрайние.

Череву сказал примирительно:

— Да-да, кто спорит? Конечно же, в Артании камни тверже, снег белее, а вода мокрее. Я только хочу побыстрее вернуться.

Кто-то длинно и злобно выругался. Придон резко обернулся. Двое воинов стояли над Хрольдом. Один встал на колени, опустил руку на лицо. Придон мгновенно оказался рядом. Командир был не просто мертв, у него в глазах блеснул лед, словно остыл еще с полуночи.

Воин провел ладонью, опуская веки Хрольда. В глазах ветерана были злость и отчаяние. Похоже, вместе прошли не одну войну, сражались спина к спине, но вот так нелепо умереть в пещере после дурацкого удара впотьмах в стену?

Все не двигались, в пещере еще витала на широких крыльях смерть, и никто не хотел, чтобы она его заметила.

Придон ощутил на себе взгляды, на него смотрели как на старшего, даже Аснерд и Вяземайт.

— Он умер, — сказал Придон горько. — Чертова буря!

— Он еще долго держался, — сказал Череве. — Двое погибли сразу. А были не самые слабые воины!

Придон кивнул, пошел к выходу. По ту стороны плиты все еще ревели буря, струйки холодного воздуха проникали в пещеру, как острые ледяные ножи. Он долго стоял, замер, глядя бездумно на струйку снега под ногами. Даже не снег, а мелкие кристаллики льда. Мелкие, но острые, как крохотные ножи.

Сзади слышались шаги. Аснерд положил руку на плечо, грубый голос прошелестел почти в самое ухо:

— Тебя что-то беспокоит?

— Еще бы, — буркнул Придон.

— Да я не о буре...

— Беспокоит, — ответил Придон. — Ты не заметил, что их командир умер не от раны? И не потому, что замерз.

Аснерд насторожился.

— А что случилось?

— Его убили, Аснерд, — ответил Придон горько. — Обязательно бы выжил, но его просто задушили.

Аснерд ахнул, быстро оглянулся. Придон не поворачивался, но чувствовал, как острые медвежьи глазки воеводы быстро и прицельно обожали всех прибывших. Затем Аснерд так же тяжело развернулся, посопел рядом, раздумывая.

— Зачем?

— Откуда я знаю, — ответил Придон тоскливо. — Что-то непонятное. Если хотели убить нас, то могли бы сразу... Хотя нет, были и так побиты, а мы нет. Но могли бы ночью перерезать нам глотки!

Аснерд подумал, сказал настороженно:

— Эту ночь еще не решались. У них руки дрожали, а мы спим чутко. Зато в следующую, если буря не прекратится...

— А если скоро кончится?

— Попытаются перерезать нам глотки, когда будем спускаться. Надо сказать Вяземайту, чтобы был настороже.

— Вяземайт уже настороже, — ответил Придон. Он вспомнил предостерегающий взгляд волхва, когда Череве спросил о рукояти меча. — Вяземайт всегда настороже.

С покойником оставаться никому не хотелось, и, когда Придон предложил похоронить Хрольда, вызвались сразу все четверо его воинов.

Едва сдвинули плиту, как сильный порыв помог отодвинуть, а потом Придон с ужасом ощутил, как ураган тащит тяжеленную плиту по спрессовавшемуся до твердости льда снегу. Он закричал, упал на глыбы, стал цепляться, ему помогли, кое-как подтащили обратно, в то время как Аснерд вынес мертвое тело.

Могилу долбить не решились, леденящий ветер пронизывал до костей, кое-как углубили мечами и топорами подходящую трещину, быстро уложили мертвого, засыпали сверху тяжелыми камнями.

Когда влезали в пещеру, Придон оглянулся. Над местом захоронения буря уже намела снежный холмик. К полудню снег станет по крепости равным льду, никакой зверь не сумеет добраться.

Придон велел прибывшим воинам выйти и срубить сухое дерево, что торчит из расщелины. Хворост заканчивается, а без огня здесь не выжить. Вязеймата предупредил, чтобы с мешка с мясом и сухарями не слезал, кто знает, сколько здесь длятся бури.

Он чувствовал, что голос его звучит сильно, уверенно, Вяземайт кивнул, Череве промолчал, а двое тут же взяли мечи и вышли в белый ад, отодвинув плиту. Придон нырнул следом, чтобы два раза не впускать холодный воздух, колючий снег больно полоснул по лицу, ветер торжествующе взывал в ушах и похоронной песней отозвался в черепе.

Однако тучи двигались уже рваные, иногда проглядывало солнце. Он пошел в другую сторону, снег и ветер под-

талкивали в спину. Когда-то здесь со скалы бежал водяной поток, замерз, огромные глыбы сверкающего льда искрились в редкие моменты, когда на них падал луч солнца.

Древко хоть и остыло, но это не железо, к которому прикоснись — сразу кусок кожи подаришь. Придон размахнулся, двумя ударами отколол глыбу с хорошего барана размером, с облегчением сунул топор в петлю, нагнулся за отколотым льдом.

Пальцы подхватили снизу, он начал разгибаться...

Голову тряхнуло, будто ударили в лоб молотом. В глазах блеснул ослепительный свет. В черепе раздался треск, звон, загудело. Он чувствовал, как из ослабевших пальцев вываливается глыба, ноги подкосились, успел увидеть, как навстречу метнулась крупнозернистая поверхность слежавшегося снега.

ГЛАВА 19

Его трясли, били, щипали. Он замычал, открыл глаза. Мир был красным, снег розовым, а каменная стена, перед которой его держали, — темно-багровой. Голова раскалывалась от боли, в черепе стоял грохот, что-то пыталось выбраться и для этого разламывало его изнутри.

Он застонал, провел ладонью по лицу. Ладонь сразу стала мокрой, липкой, зато мир из красного превратился в обычный, и Придон понял, что взор застилала пленка крови.

Сильные руки тряхнули снова, голос за спиной прогудел:

— Что случилось? Поскользнулся?

— Еще как, — прохрипел Придон. Закашлялся, выплюнул, на лед шлепнулся красный комок. — Так поскользнулись, что... голова сзади как?

— Вроде целая, — ответил Аснерд, — но кровь все еще... Твое счастье, что я вышел почти сразу.

Придон зябко передернул плечами. Упасть вниз лицом и пролежать так в беспамятстве совсем немного — это оч-

нуться уже в том мире, где сейчас скачут на конях его прашуры. Никакой маг не возьмется вернуть убежавшую из ледышки жизнь.

— Что-нибудь заметил?

Аснерд, все еще придерживая его на ногах, зашел сбоку, всмотрелся в лицо, присвистнул.

— Да у тебя харя успела обмерзнуть!

— Что-нибудь заметил? — повторил Придон. — Вокруг?

— Показалось... — ответил Аснерд задумчиво, — вроде бы метнулась тень... Но ты ж знаешь, при таком ветре...

— Надо быстро вернуться, — сказал Придон. — Узнать, кто еще выходил.

Аснерд буркнул:

— Да все выходили. Я сам их погнал, чтобы дров искали.

— Даже Черево?

— Его я попер в первую очередь, — ответил Аснерд злорадно.

Кряхтя, подхватил ледяную глыбу, прижал к груди. Ветер сорвал с грани мелкую ледяную крошку, брови воеводы сразу стали серыми, косматыми. Придон кивнул, мол, постарается добраться сам, качнулся и двинулся к пещере. За спиной громко топал Аснерд, Придона все еще раскачивало, он хватался за каменную стену.

В пещере он лег рядом с Вяземайтом. Волхв сразу понял, что стряслась беда, подставил ухо. Придон, едва шевеля губами, пересказал, как его пытались оставить здесь навеки. Вяземайт хмурился, сопел, став очень похожим на воеводу.

Эту ночь спали поочередно. К утру буря утихла, но небо все еще оставалось затянуто низкими грозовыми тучами. Вяземайт сказал хмуро:

— Пока не очистится, за нами никто не прилетит.

Придон спросил тревожно:

— Почему?

— Чем больше узнаешь про драконов, тем больше понимаешь, почему не захватили мир... В такую погоду не летают.

Аснерд сказал очень серьезно:

— У них крылья намокают, как у комаров.

Вяземайт отмахнулся:

— Не дури ребенка. Жили бы драконы в Степи, летали бы, там тучи высоко. А здесь, в горах, тучи ходят и выше, и ниже, и на уровне пещеры. Летать вслепую — это разбиться сразу. Эти твари не такие поворотливые, как воробьи... Так что в непогоду смирно сидят в пещерах. Вернее, спят, чтобы жир не расходовать.

— Так что приходи и бери их голыми руками, — снова сказал Аснерд лицемерно, — вот так и берутся герои-куявы! Так что нам здесь еще до-о-олго... Может, до настоящей зимы. Вот тогда бури задуют уже настоящие!

— А зимой драконы не летают, — добавил Вяземайт.

Придон видел, что его к чему-то подталкивают, спросил хмуро:

— А что, есть дорога, чтобы назад пешком?

Аснерд ответил живо:

— Нет, конечно. Но у нас теперь есть веревки, Череву зачем-то привез два мотка. Спускаться — не подниматься. Можем вернуться обратно за пару недель.

— А если пойти не через перевал в сторону земель Антланца, — сказал Вяземайт, — а через земли Серого Вилька, то можно даже быстрее. Или спустимся в Артанию, а там на быстрых конях рукой подать до Куябы...

Придон вскочил.

— Так чего же мы сидим?

Череву пришел в ужас, но Придон, чувствуя за спиной поддержку, повторил непреклонно:

— Спускаться — не подниматься! Те веревки, что ты захватил... кстати, зачем?... как раз позволяют спуститься с этой отвесной стены. А дальше — проще. Если не хотите с нами, оставайтесь.

Воины слушали молча, Череве воскликнул:

— За нами не пришлют!

— Почему? — спросил Придон быстро.

— Ну... — сказал Череве быстро, замялся, глаза быстро забегали по сторонам, он промямлил: — Это очень трудное... с драконами! И очень долго связываться с хозяевами драконов. Хотя я и знатный бер, но сейчас все говорят и думают только о тебе... Хотя, я думаю, с мечом у тебя что-то не получилось? Я даже не спрашиваю, где ваш четвертый, уже догадываюсь, прости.

— Он погиб, — ответил Придон глухим голосом. — Красиво, по-мужски. Насчет рукояти меча... не беспокойся. Я обещал её Тулею, а не тебе. Собирайся, выступаем немедленно. Я не хочу, чтобы нас здесь застала вторая буря.

Воины, прилетевшие с Череве, посматривали на него как на их командира. Хрольд погиб, а Череве не воспринимали как человека, которому могут подчиняться мужчины с оружием.

— Но как же... — начал было Череве и осекся. Из каменной стены напротив вышел полупрозрачный исчезник, прошел несколько шагов, оставляя глубокие следы, и погрузился в россыпь крупных камней, как если бы вошел в яму.

Придон крикнул Аснерду:

— Выступаем!.. Череве остается.

— Нет-нет, — сказал Череве торопливо. — Здесь и так много народу.

Воздух прозрачный, чистый белый снег, такое же чистое голубое небо, блестящие льдом вершины гор, все сверкает, искрит, и только на дальней горе, как столб мрака, из черной ночи высится башня. Черный камень даже не отражает яркие солнечные лучи, башня абсолютно черная, и еще в синеве неба Придон различил гигантскую воронку, похожую на водоворот в бурной реке.

Кулаки сжались, волосы на руках встали дыбом. Даже

оттуда колдун может ударить по ним молниями. Или велеть земле расступиться под их ногами. Для колдунов в башнях нет расстояний, с одинаковой силой бьют по тем, кто подскочит к самым воротам башни, а там нет ворот, и по дальним, лишь бы увидели с башни. Так что подкрадываться придется по щелям, прячась за гребнями скал, одеваясь в шкуры горных козлов...

Он прерывисто вздохнул, Вяземайт тут же спросил за спиной:

— Что-то случилось?

— Башни, — ответил Придон коротко.

— Пока о них не думай, — посоветовал Вяземайт. — Придет время, найдется и на них... башнеломалка.

— Как?

— Не знаю, — ответил Вяземайт. Он догнал, пошел рядом. — Но ошиблись... погнавшись за легким хлебом. Да, невероятно сильны. Но и уязвимы.

— Как? — повторил Придон.

— Не знаю, — повторил и Вяземайт. — Придет время, мы найдем как. Все равно никуда не сбегут от своих подземных озер магии.

Впереди через дорогу бесшумно проскакали всадники на странных мохнатых зверях, исчезли. На снегу не осталось следов, однако в том месте скалы, куда ушли, камень разогрелся и потрескивал, остывая.

Вяземайт отмахнулся.

— Это старые...

— Кто?

— Не знаю, — ответил Вяземайт нехотя. — Мы только начали заново осваивать мир, Придон. До многих мелочей пока не доходят руки.

— А вдруг не мелочи?

— Придон, людям пока что надо просто выжить. Для этого воюют, захватывая новые земли, засевая их своим... семенем, дабы больше было на свете артан... а куявы тоже спешно заселяют свои земли, у них еще много пустых, ты сам видел. По всем пещерам начнем шарить, когда будет

минутка на передышку. И тогда все эти мелкие исчезники, гномы, эльфы, темные рудокопы, все диковинки, что пока спрятаны...

— Дивы, — подсказал Придон.

Вяземайт отмахнулся с полнейшим пренебрежением.

— Дивов, как серьезных противников, не останется. Их уже сотрут с лица земли. Такие, как ты. А мелочью займемся не потому, что противники, хоть противники, а потому, что природа человека такова, Придон. Нам до всего есть дело. Мы везде должны сунуть нос, везде порыться, все пощупать, переложить с места на место...

Он умолк, Придон не слушает, над горами с большой скоростью против ветра плывет широкое ноздреватое облако. Низ черный, как у побывавшего в огне дерева, там слабо поблескивают лиловые огни, зато кудрявый верх сверкает золотом. Там громоздятся башни, дома с золотыми крышами, иногда проступают нечеловеческие лица, морды диковинных зверей...

— Красиво, — вырвалось у Придона. — Показать бы Итании!

Уже не замечая Вяземайта, он ускорил шаг. Глаза не отрывались от дивного облака.

— Смотри под ноги, — буркнул Вяземайт.

Солнце жгло плечи и спину. меховую одежду он сбросил уже давно, как и Аснерд с Придоном, наслаждался дивным состоянием, когда идут по снегу, но солнце жарит так, что вот-вот вспузырится кожа. Не у них, понятно, а у этих черевщиков, что так и не сняли меховые одежды. Парятся, как старые куявские бабы в своих старых куявских банях.

Тяжело ступая, догнал Аснерд. Вяземайт нахмурился, Череве и его люди остались без присмотра, Аснерд оскалил зубы.

— Едва тащат ноги, — сообщил он. — Это не в дворцовых залах вышагивать!

— Странно, — сказал Вяземайт задумчиво, — что послали не... скажем, более привыкших к горам.

— Если ты думаешь то, что и я, тогда ничуть не странно.

Он догнал Придона, Вяземайт видел, что воевода долго прислушивается, даже пытался заговаривать, но Придон, судя по всему, не отвечал. Аснерд приотстал, а когда приблизился тяжело ковыляющий Вяземайт, сказал с неловкостью:

— Ты бы посмотрел, что там с Придоном.

— А что случилось?

— Заговаривается...

Вяземайт кое-как ускорил шаг. Придон двигался в стороне, солдаты поглядывали на него с испугом. Придон шел, не склоняясь перед ветром, как ходил всегда и как идут все трое артан, холодный ветер сечет, мелкие льдинки тут же превращаются на горячей коже в крохотные капельки, испаряются. Черные волосы треплет ветром, медный обруч горит, как раскаленный в огне, от него летят искры.

Ноги Придона загребают снег, глаза смотрят поверх далеких вершин, а губы непрерывно шевелятся. Вяземайт догнал, ветер все еще воет, слова разобрать трудно, но, когда он вслушался, понял все.

— Когда с синего неба, — донесся до него страстный шепот, — солнечный свет — я думаю о тебе, но если тучи и дождь — я тоже думаю о тебе! Когда ночь, а звезды от края до края, я думаю о тебе, любимая! Но если утренняя заря улыбается миру, я тоже о тебе, любимая! И в жаркий день, и в снежную ночь, и в дороге, и за столом — только о тебе я думаю, только тобой живу. Если по небу белокрылят птицы, я думаю о тебе, но когда низко над землей черные молнии стрижей, мои мысли тоже о тебе...

Вяземайт приотстал, а когда воевода догнал, старый волхв двигался задумчивый и отрешенный. Аснерд помолчал, ждал, когда волхв заговорит, наконец рыкнул:

— Что, это заразно?

Вяземайт слабо улыбнулся:

— О, если бы это было так!

— Что с Придоном? — потребовал Аснерд.

— Он просто бормочет о своей Итании. Его сжигает внутренний жар. Такое бывает...

Аснерд нахмурился, пробурчал:

— А может, это что-то с магией, да?

— Я бы не утверждал...

— Магия, — отрезал Аснерд. — Мне Олекса рассказывал, как Придон внезапно побил кентавров, разогнал дэвов, разнес их храм, уничтожил весь их город. Что еще, как не магия?

Вяземайт покачал головой:

— Не магия, Аснерд. Не магия.

— А что?

— Нечто повыше магии.

Долгое время брели молча, загребая ногами снег. Потом снег исчез, земля под подошвами звенела сухая, чистая, а солнце жарко палило обнаженные головы.

— Что такой нахмуренный? — спросил он Вяземайта.

— Да так, — ответил Вяземайт, — гляжу на Придона... Черт, он как укор! Рвет жилы, а ноша-то неподъемная... наверно. Такой дурак... нет, такой безумец, что я просто не знаю, плакать ли, глядя на него, смеяться навзрыд... или завидовать.

Аснерд безмерно удивился:

— Завидовать? Его мукам?

— Муки тела укрепляют волю, муки сердца очищают и возвышают... не знаю, наверное, всего — от кончика ушей до грязных ногтей. Признайся, всем нам выпадает такая возможность хотя бы раз в жизни. Увидеть волшебный цветок на краю пропасти! Рискнуть приблизиться и сорвать... Но я, как и все, предпочел сорвать простой цветок, который рос в моем же селе на той стороне улицы. Теперь он в моем доме, дал плоды: пятеро сынов и три дочери, но... вот я тогда, выбрав добрую и послушную жену... которую взял без этой крови из носа, не надрывая жилы, не потерял ли возможность любви великой?.. Пусть со всеми этими муками и страданиями?

Аснерд подумал, спросил с недоумением:

— Это ты о чем? Неужели о той, вертлявой и языка-

стой... как ее, даже имя забыл!.. Что постоянно дразнила всех, ее не любили... Так это ж было сто лет назад!

— Ну и что? — возразил Вяземайт. — Она у меня и сейчас перед глазами.

Аснерд опешил, но Вяземайт, ничуть не смущаясь своей дурусти, шел, сильно прихрамывая, по снежной борозде, чем-то неуловимо в этот момент похожий на Придона. Аснерд крикнул, махнул рукой, отстал. Неужели только ему, воеводе, повезло сразу и бесповоротно: жена досталась красивая, умная, верная, добрая и вообще лучшая из всех женщин! Никаких страданий, душевных мук.

Он догнал, спросил по-деловому:

— Ты лучше скажи вот что... Как думаешь, почему эти вылетели встречать нас таким скопом?

Вяземайт ответил сварливо:

— Тебя только сейчас это заинтересовало?

— Нет, я же видел, как ты струхнул. И начал вилить, а спиной никогда к ним не поворачивался. Даже Придон насторожился, не сказал, что рукоять у нас.

— Думаешь, поверили?

— Вряд ли... но пока рукоять не увидят, у них будут сомнения. А вдруг в самом деле не сумели добыть или же добыли, но спрятали где-то там в горах?..

— Думаешь, Тулей вот так решил...

— А ты что думаешь? — ответил Аснерд вопросом на вопрос.

— Дело умных, — сказал Вяземайт спокойно, — предвидеть беду, пока она не придет. Дело храбрых — сражаться с бедой, когда пришла. Я беду предвидел?

— Предвидел, предвидел... — пробормотал Аснерд нехотя.

— Ну вот... Сражайся. Ты ж у нас самый храбрый!

— Я не самый храбрый, — буркнул Аснерд. — Я самый добрый. Сколько бы ты меня ни дурил, а я все еще тебя ни разу не прибил.

— Аснерд, что ты говоришь! — ужаснулся Вяземайт. — Как это ни разу?

Аснерд сказал мечтательно:

— А так... Как-нибудь, когда доберемся до озера или речки, я тебе покажу... Прямо на берегу так измордую, чтобы живого места не осталось! Брошу в воду, вытащу, снова измордую. И так много-много раз... Нет, хар-р-рошим даром тебя снабдила родня!

Вяземайт отодвинулся и пошел на пару шагов в сторону.

— Ну знаешь ли... Только такой добряк может додуматься до такого изуверства!

Яркое синее небо блистало от горизонта до горизонта. Придон перестал хмуриться и оглядываться в неуверенности: не лучше ли было остаться ждать Яську. Они уже спустились с самого опасного обрыва, перевели дух и снова смотрели вниз с такой невероятно высокой стены, что, понятно, сюда можно только на драконе...

Здесь были острые скалы, и хотя вокруг уже зеленая травка, но в щели намело снега, сейчас он бурно таял, вниз бежали прозрачные струи.

Спуск — не подъем, но Придон измучился, исхудал, мышцы растаяли, а взамен выступили толстые жилы. Аснерд научил закреплять веревку так, что удавалось сдернуть после спуска. Он тоже потерял лишнее мясо, почернел, но смеялся зло и победно:

— И все-таки мы сумели!..

— Еще не Куяба, — сказал Вяземайт замученно.

— Но до Куябы, — заявил Аснерд, — почти прямая дорога!..

— Как, кстати, и до нашей Арсы, — заметил Вяземайт. — Я бы советовал...

Сильный грубый голос прервал резко:

— А я бы не советовал!

Придон поспешно оглянулся, Аснерд и Вяземайт схватились за топоры. Из-за камней поднимались, а из щелей выскакивали воины в блестящих доспехах. Придон бросил взгляд по сторонам. Справа и слева, даже сзади в их сторону смотрят острые наконечники копий. Хуже того, за их

спинами поднялись лучники, стрелы уже на тетивах. Все воины рослые, в добротных доспехах, чувствуется по уверенному виду, что горы для них — родной дом.

Аснерд спросил грозно:

— Что это значит?

Вперед сделал шаг крупный воин в легких латах поверх толстых доспехов из кожи. Глаза смотрели весело, он прорычал тоже с веселым самодовольством:

— Хозяин не зря сказал, что эти... с вами не справятся! И послал меня. Меня зовут Асиггка, вы обо мне должны были слышать.

Придон прошептал, глядя на Асигтку:

— Череву, ты нас предал...

— Мне было велено, — огрызнулся Череву шепотом. — Но я постараюсь спасти. Ты мне жизнь... а я не последняя свинья. Только молчи, что рукоять с тобой... Да-да, я давно заметил! Молчи. Может быть, их удастся направить...

Аснерд прогудел медленно:

— Асиггка... Это тот, что Горный Лев, да?

Воин скупо улыбнулся. -

— Да, так меня зовут. Потому что в горах я — лучший! А это мои львята... уже молодые львы! Я уже десять лет вожу их по этим горам! И пока еще от нас никто не ускользнул. Хорошо я придумал — схоронить их здесь?

Он был силен и красив, Придон с неохотой признал сразу. Высокий, с фигурой воина, в прекрасных доспехах, закрывающих все тело и не сковывающих движения, с плеч красиво ниспадает красный плащ. Вычурный металлический шлем, такой же блестящий, как и все доспехи, разноцветные перья на гребне, конский хвост укрывает прямую спину.

Воины приблизились со всех сторон, острые наконечники уперлись в спины, в бока. Асиггка посерьезнел, сказал повелительно:

— Где меч?.. Если возвращаетесь, значит, добыли?

Череву сказал торопливо:

— Рукоять меча добыли, но спрятали... там, среди камней.

Асиггка раздраженно:

— Зачем?..

Череве сказал еще торопливее:

— Что-то заподозрили!.. Потому и... вот так. Но я знаю примерное место... Нам стоит туда поспешить, пока не начались снежные бури.

Один из воинов вскрикнул:

— У этого варвара за спиной под тряпками прямые ножны!

Придон похолодел, острия уперлись под ребра. Он медленно повернулся. Асиггка сказал с торжеством:

— Да, на топор не похоже... Нет, пусть он сам. Эй ты, дикарь! Медленно сними перевязь... с тем, что там у тебя на ней. Та-а-ак... Положи на землю...

Придон видел окаменевшие лица Аснерда и Вяземайта. Они быстро зыркали по сторонам, однако по десятку острых копий уже уперлись в их голые спины и бока. Придон медленно положил перевязь и, разгибаясь, подумал: как только этот разряженный гусь наклонится за рукоятью меча, надо прыгнуть, ухватить, ударить, а там будь что будет...

Асиггка, однако, наклоняться не стал. Лицо его было торжествующее, он уже видел по мрачным лицам артан, что их попытка провести провалилась. Он лишь бросил короткий взгляд на понурившегося Череве.

— С тобой еще поговорят во дворце... А теперь, артане, ваша дорога оборвалась...

Сверху прогремел густой мощный голос, больше похожий на рев дракона:

— Еще нет!.. Убейте их!

Воздух наполнился свистом. Асиггка содрогнулся всем телом, сразу две исполинские стрелы, больше похожие на дротики, пробили его доспехи. Вокруг Придона вскрикивали люди. Аснерд первым опомнился, вырвал копьё у раненого стражника и с ревом крушил его соратников. Перед Придоном блеснули отточенные острия, но мелькнуло тело

Вяземайта. Придон услышал треск распарываемой плоти. Он с бешеным криком выхватил топор, глаза застлала красная пелена бешенства. Он рубил, повергал, рассекал, боковым зрением видел, как с каменного уступа спрыгивали, блестя мечами, огромные люди в мохнатых одеждах. Стоял крик, звон металла, чистый снег запламенел красными пятнами, что превращались в огромные лужи.

Последних еще рубили, прижав к отвесной стене, а к Придону подошел Антланец, сжал в объятиях.

— Ну как, вовремя я?

— Да, — ответил Придон потрясенно, — но... как?.. Откуда?

Антланец помял еще, отстранил на вытянутые руки.

— Да, отошал... Откуда? Да Аснерд не зря же сделал крюк, заехал. Он что-то почуял еще во дворце. Старый лис, хоть и медведь. Вот и попросил меня выехать навстречу. А этих орлов мы заметили еще неделю назад. Проследили за ними, видим — готовят засаду. Ну, им не сравниться с нами, кто не просто служит, а и родился в этих горах! Мы схоронились тоже и начали ждать.

Его люди ходили среди сраженных, переворачивали, деловито добивали. Красавец Асигтка лежал на спине среди своих горных львов, которым перерезали глотки, как простым, даже не горным баранам. Он был еще жив, но алая струйка бежала изо рта, он дышал трудно, из пробитой груди торчали две толстые, без всякого оперения стрелы.

Придон подхватил перевязь с драгоценным мечом, поспешно перебросил через плечо. Асигтка хрипел, загребал руками снег. Придон рассматривал с неприязнью надменного красавца. Шлем сделан искусно, с опускающимся забралом и загнутыми с боков пластинками, что прикрывают щеки, но сейчас забрало поднято, и всяк видит красивое холеное лицо с холодными глазами, крупным носом и крупными мясистыми губами. Нижняя челюсть так же тяжела, как и у Придона.

— Десять лет в горах? — спросил Придон. — Это тебе зачтется.

Сзади упала широкая тень, Придон резко повернулся, но это подошел Антланец, хмыкнул, его глаза с неприязнью оглядели умирающего.

— Это он — лучший? — спросил он грубо. — Пусть попробует соврать там, куда сейчас пойдет. Там мой батя ему врежет между глаз! А кулак у бати такой, что до сих пор помню...

Он наступил ему на горло, Асиггка захрипел громче, дернулся и вытянулся всем телом. Придон спохватился:

— Эх, надо было спросить, кто их послал!

Антланец двинул плечами.

— Это не Тулей. Ищи среди знатных береов. Кому-то ты опасен.

Воины заканчивали сдирать добротные доспехи, кто-то примерял один за другим шлемы. Асигтку раздели до белья, у него под доспехами еще и кольчуга, что обычно защищает от стрел, если только стреляют не в упор. За кольчугу даже поспорили, стоит целое состояние.

Донесся крик:

— Придон!.. Придон!.. Вяземайт ранен...

Череву размахивал руками и указывал на волхва. Тот сидел на теле убитого воина Асиггка, словно решил отдохнуть, спиной уперся в каменную стену, руки опустил. Он выглядел просто отдыхающим, и Придон не сразу сообразил, что на груди волхва пламенеют две страшные раны. Оттуда медленными толчками все еще текут алые струйки.

Придон бросился к нему с криком:

— Вяземайт!..

Вяземайт слабо улыбнулся, губы чуть шевельнулись, но Придон не расслышал слов.

— Аснерд! — заорал Придон. — Вяземайт ранен!

Вяземайт сказал слабо:

— Нет, Придон... я убит...

— Ты не должен! — крикнул Придон. — Мы уже возвращаемся, Вяземайт!.. Антланец, есть среди твоих лекарь?

Антланец покачал головой, он с сочувствием смотрел

на истекающего кровью волхва, что сражался лучше многих воинов.

— Откуда?.. Только в крепости.

Один из его воинов сорвал с себя рубашку и, разодрав на ленты, торопливо перевязал раны. Повязка сразу же пропиталась кровью. Аснерд подбежал с непривычной прытью, бросил быстрый взгляд на Вяземайта.

— Хватайте и — вниз!.. Там должны быть ручьи.

Антланец кивнул:

— Да, есть... но...

— Тогда быстрее! — заорал Аснерд.

Он сам сгреб Вяземайта, тряпками заткнул раны, понес на руках, спеша и оскальзываясь на снегу. Придон сперва бежал следом, потом поспешил вперед. Они спускались без дороги, скользили, чуть не падали. По обе стороны от Аснерда бежали непонимающие люди Антланца, поддерживали Аснерда, а тот ярился и все кричал Вяземайту, чтобы не подыхал, он еще долг не заплатил, и на свадьбе его внука не побывал, и вообще это будет куявство, что есть свинство...

Череве спешил сзади, падал, разбил лицо в кровь, но почти не отставал. Вяземайт посерел, уже не открывал глаз. Срываясь, скользя по камням, стремительно спускались по косогору. Снег остался наверху, здесь везде зелень, хотя воздух все еще холодный и свежий, как среди горных вершин. Наконец внизу блеснула гладь воды, у Придона вырвался радостный клич: целая река, а не ручей, зато Аснерд зарычал от бешенства: спуститься напрямую нет никакой возможности...

Люди Антланца быстро укрепили веревки, Аснерд бросил Вяземайта на плечо и начал торопливо спускаться. По другой веревке быстро заскользил вниз Придон. Когда пахнуло холодом воды, отпустил руки, вода накрыла с головой, больно ударился коленями и боком, но когда поднялся, вода в этом месте едва достигала колен.

Он ухватил спускающегося Аснерда, бережно опустили Вяземайта в стремительно бегущую воду. Ледяные струи, наткнувшись на препятствие, забурили, начали искать об-

ход, Аснерд здоровой рукой вывернул со дна пару валунов, Вяземайт опустилсЯ ниже, вода прозрачной пленкой побежала сверху.

Над водой осталась только голова, Придон спросил обеспокоено:

— А как надо? Всего под воду? С ноздрями?

Аснерд подумал, проворчал:

— Наверное... Но страшновато. Вдруг захлебнется?

— Тогда как?

— А пусть морда торчит сверху, — рассудил Аснерд. — Если все заживет, то и там затянется. Пара шрамов еще никому не вредила. Разве что для куявов шрамы — это черт-те что...

Сердце Придона вздрогнуло и застыло в страхе, словно эти холодные струи хлынули в его раскаленную грудь. Итания ведь смотрела в его лицо, видела все эти шрамы, их целых три: на скуле, у виска и на подбородке!

Волны бежали через Вяземайта, пальцы заледенели, а ноги застыли, несмотря на толстые сапоги. Аснерд вздохнул, лицо его совсем осунулось, посерело, Придон с болью видел, что старый богатырь в самом деле уже слишком стар, уже давно кордоны Артании защищают его сыны, внуки и даже правнуки, а сейчас он пошел с ним потому что... потому что...

Додумать не успел, хотя чувствовал, как случайно наткнулся на нечто важное, из-под пальцев донесся слабый стон. Вяземайт, желтый, как мертвец, слепо смотрел сквозь него, в глазах дикий ужас, грудь часто вздымалась. Аснерд вздрогнул, инстинктивно притопил старого друга, спросил озабоченно:

— Усе или еще поддержать?.. Вяземайт, ты скажи!

Лицо Вяземайта дико кривилось, дергалось, одна половинка лица не повторяла движения другой. Придону стало страшно, отвернулся. Холодное, как у большой рыбы, тело под его ладонями дергалось, судорога подбрасывала так, что волны выплескивала на каменные стены.

Аснерд выругался, предложил:

— Вытащить?.. Если надо, потом опять притопим.

— А если нельзя прерывать? — спросил Придон жалко.

— Можно, — рыкнул Аснерд и объяснил: — Он же меня с ног до ушей забрызгал!

— Тогда тащим, — согласился Придон, его волхв обрызгал тоже.

Вяземайта выволокли на берег и положили рядом с водой. Он распластался, как мокрая тряпка, но раны уже не кровоточили. Аснерд, ругаясь, срывал повязки, те мерзко липли к задубевшим пальцам, открылся могучий торс, весь в жутких багровых шрамах, вздутых, как защитные валы вокруг замков, но на глазах светлели, опускались, расползались по телу, словно упавшие капли масла, что способны растечься до полной незримости.

Вяземайт наконец перестал вращать глазами, Придон вздрогнул, когда дикий взор остановился на нем. Ощущение было таким, словно ему в грудь уперлось копьё с очень острым наконечником. Острым и холодным.

— Я в аду, — сорвалось с губ, — раз вы двое...

Аснерд сказал ликующе:

— Это нам с тобой был ад!.. Эх, здорово! Ну почему, почему я, старый дурак, не оторвал ему голову и не приставил ноздрями к заднице?. Эх, что за дурак...

Придон чувствовал, как буйная радость начинает колотить его вместе с дрожью от холода.

— Еще-е-е, — простучал он зубами, — сл-л-л-учай б-б-б-будет...

Вяземайт повертел головой, рука беспомощно пошарила под собой. Он приподнялся на локте, оглянулся.

— А где... этот?

— Кто? — удивился Аснерд.

— Ну... с рогами. Который на тебя похож!

— Бредит, — определил Аснерд озабоченно. — Придон, давай его снова в ручей. У него жар.

Вяземайт задвигался, с усилием сел. Ощупал грудь, поморщился при сильном вздохе, осмотрел руки — толстые,

сильные, перевитые веревками жил, уже без шрамов, покрытые рыжеватыми волосами.

— Все еще действует, — сказал он с изумлением. — А мне уже казалось...

— Что? — спросил Аснерд.

— Да так, — ответил Вяземайт нехотя. — После одного случая... я уж думал, что родня от меня отвернулась.

— Своя кровь, — возразил Аснерд. — Это все-таки своя!

Придон съезжился, перед глазами промелькнуло серьезное лицо Тура.

Справа и слева взлетали фонтаны воды: воины Антланца спускались стремительно, плюхались в воду и тут же выбегали из реки, чтобы другие не свалились на головы.

Последним спустили Череву, он тяжело плюхнулся рядом с Вяземайтом. Отдуваясь, весь красный, с ободранной мордой, он смотрел вытаращенными глазами и с раскрытым ртом.

— Вот оно как... А я слышал, думал — брехня! Вот что значит иметь полезные связи. Ну, в смысле, могущественную родню. Я вот — круглый сирота, у меня никого нет, все своим умом...

Аснерд хмыкнул:

— И своими мускулами!.. Ладно, Череву, если не скажешь, кто тебя послал, мы тебя тоже... как Вяземайта. Ты так хотел?

Череву затрясся.

— Я ж говорю, у меня нет такой родни! Я утопну сразу. Аснерд, ты бы мог догадаться.

Придон спросил быстро:

— Янкерд?

Череву заколебался, ответил уклончиво:

— Может быть, Янкерд очень заинтересован. И как-то участвует. Но я, сам понимаешь, не приму приказов от какого-то Янкерда. Он всего лишь бер, как и я. Знатный, но и я достаточно знатный, могущественный. Понимаешь?

Антланец слушал молча, насупившись. Вокруг собрались воины, на их лицах сильнейшее отвращение ко всем

этим хитростям и подлостям. Аснерд задумался, Вяземайт сказал слабым голосом:

— Да что тут думать! Сразу видно — Иргильда. Что, не так?

— Так, — согласился Черевое несчастливо. — Только она помимо самого Тулея может мне приказать. Да еще Щажард... может быть.

— А где дорогу Иргильде перешли?

— Иргильда рвется к власти, — пояснил Черевое. — Тулей погряз в утехах, у него с утра до вечера пиры, пляшущие девки со всего света, вина ему вообще из-за моря, на страну давно махнул рукой... На охоту съездил один раз за последние семь лет, а какой правитель может без благородной охоты на дикого зверя? Иргильда умело привлекает на свою сторону всех обиженных, обойденных вниманием...

Аснерд повторил:

— Но мы-то при чем?

— Вы в ней не нуждаетесь, — терпеливо объяснил Черевое. — Уже этим враждебны!.. Ей не нужны сильные. Но, может быть, у нее и другие причины, сами думайте. Но мне приказ отдавала Иргильда. Мы должны были прибыть раньше той Яськи... так ее зовут?.. убедиться, что рукоять меча с вами, убить вас всех, а рукоять и ножны привезти ей. Увы, началась сильнейшая буря, я хотел возвращаться, но Хрольд, верный приказу, велел сажать дракона даже вслепую. Как мы все не погибли, ума не приложу.

Вяземайт сказал:

— А кто самого Хрольда... Ладно, это неважно. Пойдемте быстрее, я то я замерзаю. Если не верите, искупайтесь! Вода — чудо.

Придон сказал торопливо:

— Ну что мы стоим?.. Пошли, пошли быстрее!

Антланец захохотал:

— Пешком?

— А что, — спросил Придон жадно, — есть кони?

Антланец сказал с удовольствием:

— У нас с собой заводные кони, да и эти герои... ишь,

горные львы!.. были на конях... Там наверху за скалой спрятаны. Мы сперва их захватили потихоньку, а уже потом сюда. Но, правда, теперь глупо лезть обратно. Да и по такой стене так просто не взберешься... А в обход, пешком — это к концу лета придете в Куябу. Нет, теперь вам в Арсу. Или и мне с вами? Заодно и родню повидать... Не спорь, не спорь! Отсюда к Арсе ближе. А из Арсы сразу в Куябу.

Вяземайт сказал задумчиво:

— Придон, он прав. Через Артанию ближе... да и должны в Арсе увидеть рукоять меча!.. И все пусть знают: артанин добыл, артанин сумел!.. Чтобы потом, когда куявские тцары станут бахвалиться сокровищем, все твердо знали: это артанин от щедрот отвез и подарил!

Придон в бессилии стискивал кулаки. Отсюда в Куябу — идти пешком через горы, а если сперва в Арсу, а оттуда в Куябу — можно за десять дней, там не через горы, а по родной Степи, но все равно сердце рвется от мысли, что придется куда-то заезжать, что-то говорить, с кем-то общаться, когда можно бы прямо сейчас по горным тропам в благословенный город Итании... Город, который она освятила своим присутствием.

ГЛАВА 20

Мир бесконечен, а время способно останавливаться. Это Придон понял, когда бесконечно долго сперва шли пешком, покидая горы, потом в ближайших селах покупали коней. С Антланцем двенадцать сильных воинов, коней столько не купить, но Придон стонал и рычал, как раненый зверь, и первого коня дали ему. К счастью, коней удалось купить троих, и Аснерд с Вяземайтом неслись сзади, почти не отставая.

Антланец, сжалившись над страданиями Придона, отпустил их, пообещав, что догонит, как только купит или уворует коней. Теперь Степь, родная Степь гремела под ко-

пытами, далекий край земли смыкался с небом, над землей проносились быстрые птицы, предвещая дождь.

Придон неся на этом простом коне, пригнувшись, ветер рвал волосы и трепал по лицу конской гривой. За спиной в ножнах блещет рукоять дивного меча. Никто не видит, что там нет лезвия. Всяк видит, как грозно сияет крестообразная рукоять, всякий видит грозный свет, что падает на гордое лицо воина, хозяина этого дивного меча.

Почти двое суток неслись, загоняя коней, наконец Аснерд остановил всех и твердо заявил, что коням нужен отдых. Их, двоих дурней, ему не жалко, но кони — не люди, боги их любят, есть за что, так что коней надо беречь, а люди — хрен с ними, сами откуда-то берутся.

Разложили костер, Придон быстро подбил стрелой дрофу, одним броском дротика пришил к земле молодого толстого зайца, Вяземайт с великим удовольствием взялся свежевать, Аснерд же стреножил коней, пустил на молодую травку, сел развлекать волхва непристойными рассказами.

После сытного обеда воевода и волхв вздремнули, а Придон ушел в сторонку, там старый дуб раскинул ветви над ручейком, что нежно звенит, будто стремится быть похожим на голос Итании, слова роились в голове и снова сцеплялись странным и непонятным образом, сердце щемило и стонало, вновь зазвучал голос бога.

Когда Придон опомнился, дальнюю тропку заполонило серое море овечьих спин, а пастух, молодой изможденный парень в бедной одежде, стоял перед ним в трех шагах, опираясь на длинную суковатую палку. В глазах пастуха был благоговейный страх. Он низко поклонился Придону, спросил, запинаясь:

— Откуда... Откуда ты все узнал?

Придон всмотрелся в печальное лицо молодого парня. Тот смотрел на него с суеверным ужасом.

— О чем? — спросил Придон.

— О том, — проговорил пастух с трудом, — что у меня на сердце!.. О том, как я люблю Зозульку... Как не сплю по ночам, как шепчу ей самые умные и красивые слова, но ко-

гда встречаюсь с нею, то стою как последний баран, язык мой прилипает к гортани... Кто мог подслушать и сказать тебе те тайные слова, что я придумал только для нее?

Придон сглотнул ком в горле. Не пастух перед ним стоит, а его измученная израненная душа, его кровоточащее сердце, от которого идет дивный свет.

— Брат мой, — сказал он, — брат мой...

Поднялся, обнял молодого парня, из груди вырвалось горькое рыдание. Пастух вздрогнул, отстранился, Придон увидел блестящие глаза, сверкающими ручьями хлынули слезы. Снова обнялись, пряча друг от друга мокрые от слез лица.

Когда все трое оставили пастуха далеко позади, он так и стоял среди овец и махал им шапкой, Вяземайт на скаку прокричал с удивлением:

— Вот уж не думал, что Придон...

— Я тоже не думал, — буркнул Аснерд. — Но если у тебя, старого козла, на глазах выступали слезы...

— У меня? — оскорбился Вяземайт. — Это брызги из реки!

— Там реки не было.

— Тогда дождь! Капли дождя.

— Да, — согласился Аснерд, ибо Вяземайт, которому нельзя терять головы и яриться, на то он волхв, начал повышать голос, — это просто капли дождя.

Дважды встречали пастухов, часто видели табунщиков. Степь дрожала и прогибалась, как молодой лед, под тяжестью этого чудовища в несколько тысяч голов, облачко пыли вздымалось следом, даже если табун несли по густой высокой траве: передние кони мяли и ломали стебли, следующие вбивали в землю, взрыхляли ее копытами, а потом измельчали так в бешеном беге, что она превращалась в перепаханное поле.

За сутки до Арсы их догнал Антланец с тремя сыновьями. Кони под ними были подобны змеям: с гибкими шея-

ми, блестящие, под тонкой кожей перекатывались тугие мышцы, широкогрудые, с сильными мускулистыми ногами.

Наконец вдали показались стены Арсы, такие родные и такие крохотные в сравнении со стенами Куябы. На воротах закричали было радостно, умолкли, навстречу высыпали вооруженные люди. Антланца и его могучих сыновей рассматривали придирчиво, с недоверием.

Антланец привстал в стременах, на огромном лице расплывалось веселье.

— Так-то встречаете родню? — грянул он громовым голосом. — Разве по мне не видно?

Из-за встречающих артан выехал на коне Нагайка, самый младший сын Антланца.

— Я им все рассказал! — крикнул он ломким голосом. — Предупредил!.. Не поверили, дурачье.

Придон утихомирил разгоряченного коня, в распахнутые ворота въехали с Антланцем стремя в стремя, сзади Аснерд и Вяземайт, а потом уже могучие горные витязи.

Народ орал, из домов выбегали мужчины и женщины. Кто-то быстро осмотрел их отряд, крикнул:

— А где же этот... как его... имя такое чудное... Конст?

Придон смолчал, ответил за спиной Аснерд:

— Конст погиб, как должен погибать мужчина.

— За други своя, — прошептал Придон. Он ощутил, что его расслышали, но все же повторил громче: — За други своя... Всем бы нам так в свой смертный час не дрогнуть.

Он стиснул зубы, некоторое время ехал молча, перед глазами встала страшная картина гибели друга. Народ притих, только все новые набегали с ликующими воплями. Придон чувствовал, что не сводят глаз с рукояти меча.

У тцарского дворца он соскочил на землю, коня тут же подхватили под уздцы и увели. Аснерд и Вяземайт слезли медленно, важно, сознавая, что на них сейчас смотрят, оценивают, ибо герои всегда возвращаются другими, чем отправляются в поход.

— Да, — сказал Аснерд. — Придон добыл уже и руко-

ять!.. Теперь у него волшебные ножны и рукоять. Об этом герои могли только мечтать.

— Герои всех стран, — добавил Вяземайт, возвысив голос. — Но добыл — артанин!

Толпа росла, всех окружили таким плотным кольцом, что приходилось протискиваться почти силой. Со всех сторон вопили ликующе, требовали показать меч, поднять над головой, чтобы видели все, да повыше...

Антланец поглядывал по сторонам с удовольствием, на медвежьей харе проступила сдержанная улыбка. Но он же первый насторожился, привстал в стременах, а рука потянулась к мечу.

Между домов, пугая народ, в их сторону мчался огромный черный жеребец с развевающейся гривой. Впереди жеребца стелился над землей крупный черный волк, Придон не сразу разглядел припавшего к конской шее мальчишку: развевающаяся грива укрывала ему голову и плечи.

Жеребец, без седла и узды, остановился резко, присев на зад, копыта пропахали в земле борозды. Жуткие красные, как полыхающие угли, глаза с дикой злобой уставились на людей. Дрожь пробежала по телу Придона, он поспешно напомнил себе, что этот жеребец всегда так смотрит, его и кормят горящими углями, ведь это не просто жеребец...

Ютлан соскочил, подбежал, Придон тоже слез на землю, обнялись. Под пальцами Придона плечи мальчишки оставались все такими же худыми и угловатыми, но за это лето там начали нарастать мышцы, а тонкие косточки вроде бы стали шире. Только в глазах прежнее дикое пламя во всю глазницу.

— Как мне тебя не хватало, — шепнул Ютлан.

— Я здесь, — ответил Придон тоже шепотом. — Ты чего, брат?.. Тебя любит Скилл, тебя любит Блестка.

— Блестка — да, — ответил Ютлан тихо. — Хотя, наверное, просто боится и жалеет...

— Скилл тоже любит, — заверил Придон. — Только

наш старший брат не выказывает, это ж не по-мужски... Ох, отпусти меня, а то твои... наши братья меня в ключья!

Ютлан наконец улыбнулся, выпустил Придона из кольца своих тонких рук. Волк присел у его ног слева и внимательно наблюдал за Придоном горящими красными глазами. Конь грозно сопел и нависал над плечом Придона огромной головой, приподнимал верхнюю губу, показывая совсем не лошадиные клыки. У них у всех троих в глазах бушевало пламя, Придон снова ощутил знакомый холодок по коже.

— Покажи, — попросил Ютлан.

Придон вытащил из ножен рукоять. Обломок дивного меча сразу же вспыхнул оранжевым огнем. Ютлан расширенными глазами смотрел на это чудо, Придон с облегчением увидел, как жестокое красное пламя в глазах начало угасать, и через минуту Ютлан ничем не отличался от обыкновенного подростка. Только в глазах его пса и его коня пламя стало ярче, шерсть на холке пса встала дыбом, он предостерегающе зарычал, а конь фыркнул и ударил в землю копытом.

— Я чувствую в нем силу, — прошептал Ютлан. — Брат, ты... необыкновенный!

— Да ладно тебе, — возразил Придон с неловкостью. Он сунул обломок в ножны, обнял Ютлана за плечи. — Пойдем в дом. Скилл дома?

— Нет, — ответил Ютлан, и Придон понял, где и с кем Скилл. — Зато Блестка должна быть...

Издали слышался счастливый визг. Народ расступился, от дворца неслась, почти не касаясь ногами земли, Блестка. Придон подхватил ее на руки, она не размыкала рук на его шее, он понес ее, счастливо повизгивающую, в дом.

Еще до пира явился Олекса, сильно исхудавший, прихрамывающий, с жуткими шрамами на груди и животе. Один шрам страшно пересекает щеку от скулы до подбор-

родка, но в глазах жизнь, а когда обнял Придона, в руках ощутилась прежняя сила.

— Ты все-таки добыл...

— Это мы добыли, — возразил Придон. — Ты шел со мной!

— Только за ножнами, — возразил Олекса.

— Нет, — отрезал Придон. — Ты и Тур все время рядом. И тогда, и в горах... Когда пойду за лезвием, будете со мной оба.

Они обнялись снова, Придон ощутил, как зашипало глаза, подумал с испугом, что с ним происходит что-то странное, слишком уж истончилась скорлупа сердца, любое дуновение ветра вызывает слезы. Это плохо, это не по-артански. Вообще не по-мужски.

— Здесь многое произошло, — сказал Олекса. Он отстранился, прямо посмотрел Придону в глаза. — Стряслась беда, Придон... Тхор поднял мятеж, к нему присоединились северные племена. Хотели отделиться... Горицвет бросился туда с малым войском, спешил не дать разгореться пожару. Он сумел погасить, но...

Придон спросил тревожно:

— Что с ним?

— Он погасил ценой своей жизни. Тхор убит, его сторонники рассеяны, Артания едина, как и прежде. Но Горицвет получил три стрелы в спину. Вчера его привезли, сегодня тризна, Скилл распорядился насыпать курган, как тцару-герою. Он сильно опечален, хотя, как ты знаешь, артане не должны жалеть погибших, ибо те уходят в небесный дворец, где пируют за одним столом с богами.

— А что сам Скилл?

— Принял тцарскую власть, — сообщил Олекса. — Так что, Придон, будь готов, что Аснерд и Вяземайт останутся. Скилл мудр не по годам, но ему нужна помощь. Тцарская власть свалилась на его плечи... очень уж внезапно.

— Скилл сможет, — горячо сказал Придон. — Скилл все сможет!

Череву первые два дня лежал пластом, бешеная скачка далась тяжело, но, едва оклемавшись, заторопился домой. Антланец, уже обжившись среди радушной родни, от щедрот выделил ему коня, Череву тут же отбыл в Куябу.

Наконец прибыл Скилл. Еще в дороге узнал, что его несчастный брат сумел проникнуть в твердыню горных дэвов, разнес ее всю, дэвов истребил, а из обломков извлек драгоценную рукоять меча Хорса. О нем говорили с восторгом, пересказывали его подвиги.

Шел пир, когда Скилл вошел в зал, там крики, песни, щедрое застолье, все заняты собой, но Придон, словно и здесь, как в пустыне, сразу же ощутил изменение, резко обернулся и увидел открывающиеся двери.

Скилл с тревогой и жалостью смотрел на брата. До первой злосчастной поездки в Куявию это был веселый парень с открытым и чистым лицом. Он старался выглядеть суровым, сдвигал брови и принимал надменный вид, но все видели, что это чистый и добрый юноша, стремящийся быть лучшим во всем, как и положено юности. Сейчас же из-за стола поднялся в самом деле суровый и жестокий воин. Шрамы на лице и на теле не исчезли, но потускнели, пахло железом и кровью, гарью пожаров, а в ушах предостерегающе прозвучал звон клинков.

— Скилл, брат мой!

— Придон!

Они обнялись, Скилл с удивлением чувствовал под своими пальцами упругость дерева, чуть ли не металла. Он встряхнул брата за плечи, снова ощупал его мышцы. Впечатление было такое, что он сжимает ствол дуба, а Скилл помнил, что под его пальцами любое дерево дает сок.

— Ты крепок, — только и сказал Скилл. — Что с тобой случилось, Придон?

— Ты знаешь, — ответил Придон, — ты все знаешь, брат.

— Знаю, — ответил Скилл негромко. — И... не могу ничего сказать.

— Почему? Ты же мудрый, брат!

Скилл покачал головой.

— В таких делах нет мудрых. Даже боги совершают безумства.

Придон спросил настойчиво:

— Но как поступить? Как поступить разумно?

— Как бы ты ни поступил, — ответил Скилл, — все будет неверно.

Он обхватил его за плечи и повел обратно за стол. Гуляки вскакивали, заметив Скилла, выкрикивали здравицу молодому тцару. Скилл улыбался и кланялся, но в глазах старшего брата Придон видел пугающую тоску.

Из-за стола поднялся могучий воин, жестокое суровое лицо в жутких шрамах, толстая шея и плечи, как горы, но глаза смотрели дружелюбно.

— Мой военачальник Печегд, — назвал его Скилл. — Он напросился со мной, чтобы пожать тебе руку. Ты стал именит, Придон!.. А это — Фриз, он водил отряды на Куявию, когда мы с тобой еще под столом кувыркались. Он тоже прибыл со мной, чтобы...

Высокий, худощавый и по возрасту под стать Аснерду, мужчина рывком протянул Придону руку. Ладонь оказалась выкованной из железа, но пожал пальцы осторожно, в глазах было расположение.

— Ты герой, Придон, — сказал Фриз. Голос его был резкий, звучный. — Ты даже в наше мирное... тьфу!.. время показываешь, что герои всегда могут свершать подвиги, сражать дэвов и драконов, очищать мир от нечисти. Ты пример для тех, что начинают засыпать на скаку!

Скилл похлопывал Придона по спине и плечам, повел вдоль стола, гуляки серьезнели, поднимались, смотрели в глаза и крепко пожимали руку, а он, смущенный и растерянный, краснел, лепетал что-то, ибо со Скиллом прибыли в самом деле великие полководцы, чьи имена наводили ужас на земли Куявии, на прибрежную полосу Вантита, чьи боевые отряды пересекали море и воевали неведомые страны.

— Прий, — называл Скилл, — Волог... Ну как тебе?

Гордись, брат, тебя заметили... и не просто заметили!.. Ты уже среди героев. Ну, теперь пойдем, пойдем за стол!

Придон сказал тихонько:

— Аснерд и Вяземайт, как я слышал, разгребают конюшни, что остались от прошлых тцаров? Брат, дай мне самых лучших коней! Я полечу в Куявию.

— Завтра на рассвете, — ответил Скилл тихо. — Я понимаю твое нетерпение, Придон. Ты не поверишь, но я... понимаю. Ладно, иди за стол, улыбайся! Держи лицо, брат мой.

За столом он просидел до полуночи, а когда песни загремели над всеми столами, мужчины пустились в пляс, он потихоньку встал, в голове и в теле все еще слабость, ноги как будто сами вынесли в прохладную артанскую ночь.

Дворец артанских правителей ярко освещен, даже во дворе и перед дворцом полыхает смола в бочках, доносятся слабые песни, даже звон оружия.

Под сапогами сперва похрустывала галька, затем зашелестела трава. Он опомнился, когда по обе стороны медленно поплыли белые могильные камни. Острая тоска сжала сердце с неожиданной силой. Под этим камнем лежит отважный Тавтандил, он был ранен в грудь и горло, но его сумели привезти в родное кочевье... А вот дальше веселый и всегда беспечный Агларц, погиб в предпоследнем набеге. Его привезли, засыпанного золотом и драгоценными камнями, что взяли в захваченной сокровищнице. Вдруг почудилась песня Жукоглаза, тот любил на привалах петь и плясать. Он погиб, когда возвращались из похода, когда сняли доспехи, ехали беспечные, веселые, уже мысленно пиروвали и хвастались за праздничным столом тцара. Стрела, неумело пущенная рукой подростка, попала ему в горло. Он умирал долго, мучительно, волхвы спасти не сумели...

И Жукоглаз больше никогда не споет. И никто из павших героев не промолвит слова. Здесь всегда тишина. Могильная тишина. Кладбище молчаливо разрастается, разрастается... Когда-то в этом городе мертвых поселиться придется и ему...

Белые могильные камни тянулись и тянулись, он нагибался, трогал некоторые кончиками пальцев. Казалось, что слышит молчаливый ответ павших друзей.

Дошел до конца, тоска в груди стала еще глубже. Но нет здесь камней с именами Кизлица, Орнатиса, Кмица, хотя понятно, что они давным-давно погибли. Но где, в каких землях?

На миг почудился веселый голос Устина, быстрые шаги Кимира, даже песня Евлаха.

И нет здесь камней с именами Велигрозда, Панаса, Даниты, они тоже остались в чужой земле. А где погиб доблестный Чернотал, их дальний родственник, соперник и союзник? Слава о нем катилась впереди него, но нет белой плиты с треугольным знаком летящей птицы.

Он смотрел на плиту, не понимая, почему выбитый железом знак становится все отчетливее, резче. Вздрыгнул, на востоке небо уже посветлело, начинается алеть.

— Итания, — прошептал он. — Итания...

На миг в самом деле нежная заря показалась румянцем на ее щеках. Сердце стукнуло, напоминая, он повернулся и почти бегом понесся к дворцу.

Блестка обнимала и роняла слезы, угрюмый Ютлан пришел проводить, чем удивил всех, мало кто его видел два дня кряду в одном и том же месте.

Аснерд и Вяземайт хлопали по спине, Олекса подвел коня, Скилл обнял, в глазах старшего брата Придон видел грусть и тревогу.

Отряд молодых героев, которым позволили сопровождать Придона до самой границы с Куявией, уже собрался у городских врат. Его появление встретили оглушительными криками.

Он вскинул руки, пальцы с сухим треском сомкнулись над головой, потряс в воздухе, прощаясь с Арсой. Ворота начали открываться. Взгляд Придона упал на женщину, что несла к городским стражам ребенка в легком одеяльце. Увидев его, женщина застенчиво улыбнулась. От нее веяло

лаской и покоем. Сердце Придона защемило. Тихая мирная жизнь, к которой стремятся все... или почти все.

Конь остановился и смотрел на женщину добрыми теплыми глазами. Женщина застеснялась, на щеках появились милые ямочки, вскинула ребенка над головой.

— Смотри, это великий Придон! Герой наших песен. Вырастай таким же отважным.

Младенец улыбнулся человеку на большом лохматом звере, помахал крохотными розовыми ручками.

— Сильный будет богатырь, — определил Придон. — Вон какие толстые запястья... Как его зовут?

— Константин, — ответила женщина застенчиво.

— Как-как? — переспросил он, думая, что ослышался.

— Константин, — ответила она тихо. — Имя героя не должно умирать. Отныне его всегда будут носить в моем роду.

Он так и выехал из ворот с опущенной головой. В глазах закипали слезы горечи и благодарности. Он даже не помнил, хоть раз назвал ли его Константином, да и от других не слышал, но теперь вот именно Константин, а не Конст! Зрелые мужи будут рассказывать подрастающим мальчишкам, как красиво и достойно погиб герой по имени Константин и что надо быть похожими на него, Константина.

Удальцы с криками и песнями ускакали вперед, теперь Придона с двумя оставшимися при нем героями везде по дороге ждали свежие кони. Чуть ли не на скаку пересаживались, мчались дальше, снова меняли усталых на уже отдохнувших, и так день и ночь, день и ночь, бахвалясь друг перед другом выносливостью. Так было на землях Артании, так же встречали и в Куявии, разве что кони здесь покрупнее и не столь быстрые, зато на постоянных дворах в Куявии им устраивали пышные приемы, кормили на убой, денег не брали и все просили указать на знаменитого Придона, который складывает такие дивные песни.

И который добыл меч бога Хорса, толковывали разозленные спутники. И который добыл меч бога Хорса, соглашались куявы и спрашивали тихонько, не споет ли великий Придон какие-нибудь из его новых песен?

Потом в утренних лучах солнца заблистали высокие белые стены Куябы. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, он с размаха ухватил пятерней, сдвинул до боли, терпи, уже немного осталось, он чувствует тепло, что излучает Итания...

Ни один из его молодых героев не восхотел почтить посещением грязный город врага, все повернули коней и с его песней помчались обратно в благословенную богами Артанию, страну славы, чести, доблести и мужества.

Придон горделиво въехал в распахнутые ворота, бронзовотелый, в могучих мышцах, красивый и надменный, с угрожающе выдвинутой нижней челюстью и гордо разведенными плечами. Две широкие перевязи перекрещивают могучую грудь, из-за правого плеча угрюмо смотрит рукоять боевого топора, из-за левого — дивным огнем сверкает рифленый металл рукояти меча. В этой рукояти нет алмазов, рубинов или яхонтов, только металл, но у каждого сердце замирало при взгляде на эту рукоять, а в груди растекались трепетный страх и благоговение.

За ним увязались стражники, он ехал суровый и невозмутимый, не обращая внимания на их окрики, вопли и даже угрозы, лишь однажды приподнял руку и слегка коснулся кончиками пальцев рукояти топора. Это простое движение сдуло не только стражников, но и весь народ на расстояние броска дротика, как ветер сдувает горсть сухих листьев с гладких каменных плит.

Перед дворцом на городской площади немало рослых воинов отборной стражи, Придон проехал мимо, не шелохнул бровью. За спиной только ахнули, когда он уже привычно направил коня по мраморным ступенькам. Гигантские ворота приближались, он видел, как напряженнее и несчастнее становятся лица гигантов, охраняющих вход во дворец.

Он сжалился, сказал громко:

— Именем Тулея!

Они выдохнули с облегчением и, толкаясь от усердия, бросились распахивать врата. Он въехал в роскошный зал, соскочил на изукрашенный мраморный пол, а повод швырнул в лицо ближайшему беру, пышно одетому, роскошному, с рыхлыми розовыми щеками на узких плечах.

— Коня напоить, накормить! Развлекать, чтобы не скучал.

Бер оцепенел, лицо пошло багровыми пятнами. Выпученными глазами смотрел то на конский повод в своей ладони, то на перекрещенную перевязями широкую спину варвара. Кто-то хихикнул, Придон услышал смешки и даже аплодисменты.

Раздвинув плечи и даже чуть растопырив руки, он медленно прошел через весь зал. Воздух тяжелый и спертый, перенасыщенный ароматами и запахами благовоний, душистых масел, пряностей, но его ноздри вздрагивали в нетерпении, вылавливая присутствие самого дивного существа на свете, при виде нее хочется плакать и кричать от восторга.

Когда вошел в следующий зал, за ним увязались беричи похрабрее, начали орать, что с оружием сюда нельзя. Он оскалил зубы, зарычал, их тоже сдуло, но в конце концов дорогу загородили трое песиглавцев, крепкие, уверенные в себе мужчины, один сказал резко:

— Артанин!.. Если собираешься идти с топором, то доставай его!

И все трое обнажили мечи. В их движениях чувствовалась сноровка и умение обращаться с оружием. Придон в бешенстве обнажил топор.

— Но вы с оружием?

— Нам можно, — отрезал тот, кто заговорил с ним.

— Тогда можно и мне, — отрезал Придон и взмахнул топором.

— Стойте!!!

В круг протолкался Череве, морда красная, запыхался, в глазах страх.

— Оружие в ножны! — закричал он тонким визгливым голосом. — Никто не смеет в зале Его Величества... Придон, прошу тебя!

Придон, поколебавшись, убрал топор за спину. Трое песиглавцев поспешно побросали мечи в ножны. Старший развел руками:

— Мы не могли допустить, чтобы этот варвар с топором...

— Вы сами должны были оставить мечи на входе! — сказал Черевое резко. — То, что вы приехали с далеких застав, вас не оправдывает. Как и то, что в ваших жилах все еще течет артанская кровь... Придон, дорогой, пойдем вон в тот зал. Перекусим, а тем временем тцару сообщат о твоём прибытии. Я сам только вчера приехал, троих коней загнал... хоть и, признаюсь, мчался в повозке, не верхом же, как дурак...

Придон хмуро улыбнулся песиглавцам, оказывается, из тех артан, кто переселился на куявские земли и теперь служит куявскому тцарю, все-таки что-то родное, сказал Черевое с холодноватой враждебностью:

— Веди, предатель. Подождем Тулея.

Черевое буркнул:

— Я свою страну не предавал.

Рядом с этим залом в небольшой богато украшенной комнате спешно накрывали стол. Черевое сидел насупившись, с Придоном старался не встречаться взглядом. Придон в самом деле проголодался, ноздри ловили ароматы жареного мяса, а слуги бегом принесли и заставили всю поверхность стола широкими блюдами из чистого золота. Придон поколебался, разрываясь между желанием мчаться дальше, сметать с пути людей и вышибать двери и смутным пониманием, что вот так нельзя в палаты правителя страны, да еще и требовать его внимания сей же час.

Слуги внесли роскошное кресло с высокой спинкой, дерево украшено затейливой резьбой, а по краям пурпурной ткани пробежали и застыли быстрые, как муравьи на

солнце, золотые гвоздики с широкими головками в виде цветов.

Череву хмыкнул:

— Тцарское... Садись, это тебе.

Придон выдохнул горячий воздух, что взламывал грудь, сел. Череву уже развалился в мягком кресле, не таком торжественном, зато широком, можно даже лечь. Придон оглядел его сиденье налитыми кровью глазами, не ущемили ли проклятые куявы артанского достоинства, нарочито подсунув два таких разных кресла?

Слуги спешно нарезали перед ним мясо, словно он безрукий, опасливо придвигали кувшины поближе. Его ноздри уловили аромат тонкого вина. Эти жалкие куявы даже не могут представить, что настоящие мужчины не боятся смотреть в глаза ни смерти, ни правде. И потому у них нет надобности в одурманивающем разум вине или других отравах.

Он насыщался медленно, заставляя себя не торопиться. Все равно тцара так быстро не поднимут с постели. И что, если сейчас полдень, куявы при каждой возможности сползаются на ложе, словно слабые женщины, а тцар Тулей — куяв из куявов. Либо спит, либо изволит нежиться в ванной, где толстые девки разомлело трут ему белое, как у протея, и жирное, как у свиньи, тело...

В приоткрытую дверь по одному прошмыгивали куявы, что похрабрее. Молча останавливались под стенами, наблюдали за ним с почтительного расстояния. В полумраке их глаза настороженно поблескивали, как у поджидающих добычу пауков. И сами шуршали шелками и переговаривались приглушенными голосами, пугливые и подлые, ибо мужчины не должны ни смотреть так трусливо, ни говорить так вот шепотом — это так же недостойно и гадко, как и горбиться, как делают куявы, а плечи и спину надо держать прямыми, взгляд гордым, а нижнюю челюсть — выдвинутой.

От двери зашелестело, в комнату вошел высокий однорукий старик. Придон узнал его. Старый маг был в преж-

нем черном халате, с темным, как побывавшее в огне яблоко, лицом, только белые волосы и белая борода выделялись, как крик в пустом зале.

— Приветствую тебя, великий воин, — сказал он издали.

Придон придиричиво смотрел, как маг поклонился, сделал шаг и снова поклонился, намного ниже. После этого маг застыл в неподвижности, только жадно и с благоговением смотрел на левое плечо Придона. Череву фыркнул, но Барвник даже не повел в его сторону глазом.

— Ладно, — сказал Придон, — садись за стол. Будем ждать вместе.

Барвник покачал головой.

— Боюсь, мой желудок уже не принимает такой грубой, хотя и очень мужской, признаю, пищи. А сидеть за одним столом и не есть опасаясь.

— Чего?

— Примешь за обиду.

— Даже за оскорбление, — согласился Придон. — Ладно, на учтивость... этой, учтивостью, ха-ха!.. Смотри, ты это хотел увидеть.

Он поднялся из-за стола, все видели, как его толстая рука, обвитая мускулами, взвилась к плечу. В ладони блеснула рукоять меча. Маг отшатнулся, но тут же качнулся вперед и даже сделал робкий шажок. Глаза не отрывали взгляда от рукояти.

Простая, в виде креста, удобная для хватки широкой мужской ладонью, за крестовиной полоса небесного железа обрывается так неожиданно, что Барвник ощутил болезненный укол в сердце: иззубренный обломок выглядит как трещина через ухоженный город, как оскорбление богам, как смертельная болезнь в еще молодом человеке!..

— Ты все-таки добыл, — прошептал он. — Боги.... Куявию посетил герой... каких еще не знал мир.

Придон отступил на шаг. Глаза его уже шарили в дверном проеме, ибо где-то на просторах дворца можно встретить Итанию.

— Добыл, добыл, — ответил он рассеянно, в голосе было нетерпение. — На, возьми... Где Итания?

Маг покачал головой. На остром конце шляпы печально болтался на шнурке блестящий комок металла.

— Нет, — произнес он с трудом, глаза не отрывались от чудесной рукояти. — Это с тобой. И должно быть с тобой... Лезвие нельзя взять голыми руками. Ты просто останешься без рук...

— Что, — спросил Придон, — со мной?

— Рукоять оставь в ножнах. Я ж говорю, лезвие нельзя... Когда ты отыщешь лезвие...

— Если отыщу, — прервал Придон. Артане не любили таких слов, боги могут оскорбиться самоуверенностью человека, помешать. — Я еще не знаю, где искать.

— Отыщешь, — сказал маг. — Полагаю, что отыщешь... Так вот, рукоять вынешь и отложишь в сторону! А пустыми ножнами зацепишь лезвие и... Можешь подтолкнуть щепочкой, да простят боги мне это кощунство.

Придон спросил с недоверием:

— Как если бы я заталкивал туда упрямую жабу?

Маг всплеснул руками, с опаской взглянул на потолок.

— Пусть боги, — сказал он со вздохом, — теперь простят твоё кощунство. Словом, как только лезвие окажется там, ты тут же вложи на место обломок с рукоятью! Это не даст лезвию выскользнуть. Рукоять главное, она ближе к тому, кто держал ее в божественной длани. Лезвие не решится ее толкнуть, побеспокоить. Так и доставь сюда. А здесь уже свершим все нужные ритуалы, принесем жертвы, испросим помощи богов. Возможно, изволят разрешить нам наконец-то соединить волшебный меч в единое целое, так злобно сломанный красноволосям колдуном с зелеными глазами!

Придон пробормотал:

— Так это еще и не просто?

— Еще бы! Хотя можешь и так. Ты возьмешь рукоять в одну руку, чтобы мощь этого меча богов наполнила тебя всего и ощутилась в пальцах другой руки... которой ты

дерзнешь коснуться лезвия. И только так ты сможешь взять, а затем, не выпуская рукояти, вложишь лезвие в ножны, в которых оно покоилось тысячи лет. Затем опустишь рукоять...

Череву бухнул в наступившей тишине:

— Останется пустяк — добежать до Куявии живым!

Он коротко хохотнул, Придон бросил в его сторону неприязненный взгляд, отступил, в груди жадное нетерпение, мага слышно вполуха, он чувствует запахи Итании, а тут эти зудят, как назойливые мухи, прихлопнуть бы обоих...

Голос Барвника внезапно стал громким, пронзительным:

— Но запомни! Возьединить обломки можно только здесь, в храме бога Хорса. Принеси нужную жертву, воскурив особые масла и выложив магические... да, магические! Острые на запад... или на восток, надо посмотреть в книгах, воззвав к богу, затем на север, снова воззвав... Всякий, кто дерзостно попытается без должных ритуалов, умрет тот же час отвратной смертью, и ничто-ничто на свете, даже сами боги его не спасут!

Придон поклонился. Кто таскал за спиной пустые ножны, а затем обломок меча в ножнах, тот донесет и лезвие. Это все не так важно, как увидеть Итанию перед уходом на последний подвиг.

ГЛАВА 21

Он пошел к двери, там во все стороны распахнулся цветной, как куры, народ. Череву крикнул в спину:

— Ты куда?.. Сиди, я уже сообщил и Тулею, и всем-всем!

— Мне все-все не нужны, — отрезал Придон. — Мне нужна Итания.

Череву, чертыхаясь, ринулся следом. Придон вышел в общий зал, народу много, но вокруг сразу образовалась пустота. Осторожно подошли Барвник и Череву, Придон

сделал шаг, в это время отворились дальние двери в стене напротив. Оттуда хлынул свет, ослепленный Придон ощутил, как часто-часто затрепетало его огромное сердце. В зал вошла Итания, за ней следом и по бокам суетливо двигались богато одетые мужчины, Придон вскипел и мгновенно в самых красочных грезах растерзал их всех, трупы бросил голодным псам, а обглоданные кости велел швырнуть в выгребную яму. С Итанией шли две девушки, гордые, что сопровождают такой редкий цветок, но мужчины оттесняли их, добивались внимания, старались держаться на виду.

Глаза Итании расширились, брови удивленно поползли вверх. Она даже замедлила шаг и бросила пугливые взгляды по сторонам, как бы ища, куда укрыться от пронизывающего, как горячий ветер, взгляда варвара.

Она случайно, мелькнула мысль, ей никто еще не сказал. Она может испугаться...

Он шагнул вперед, ощущая, как впереди него пошла волна горячего воздуха. Итания вздрогнула, остановилась, а ее окружение из цветных, как бабочки и жуки, мужчин и таких же бесцветно цветных женщин поблекло, словно под беспощадным дождем.

— Итания! — воскликнул он воспламененно. — Итания!

Она остановилась, он видел, что ей страшно, могучего отца нет, даже стража не окружает острыми копьями, а жуткий варвар глядит горящими, как уголья, глазами.

— Итания, — повторил он уже тише.

— Да, — ответила она вынужденно, — да, это я, Итания...

— Итания, — сказал он, — Итания...

Она смотрела настороженно, но на них смотрят сотни пар глаз, она выпрямилась и проговорила с достоинством:

— Ты не знаешь других слов?

Щеки вспыхнули, как сухая береста в огне, к лицу прилила горячая кровь.

— Других? — вскрикнул он воспламененно. — А зачем другие? Зачем вообще слова, когда все уже есть в одном

имени — Итания?.. Остальные могут быть, могут не быть, мир без них ни богаче, ни беднее... ибо все сокровища белого света, все добро и справедливость, вся истина — в слове «Итания»!

Ее хорошенький ротик чуть приоткрылся в удивлении. За ее спиной потихоньку начали шушукаться. Придон не сводил с нее жадного пожирающего взгляда.

— Ну, — сказала она нерешительно, — мужчина должен знать и другие слова... Тем более — герой. Отец скоро примет тебя... я думаю. Отдыхай пока. Я думаю, тебе здесь понравится.

— Мне? — изумился Придон.

— Ну да, ты же... герой?

— Как мне может понравиться место, — спросил Придон потрясенно, — где так страшно?

Она изумилась:

— Тебе страшно?

— Да, — вырвалось у него.

— Что тебя может устроить в нашем дворце?

По шеренге придворных пробежал насмешливый говор. Сотни пар глаз уставились на могучего варвара, чьи выпуклые мышцы будят смутные напоминания о сотворении мира, о древних богах и героях. И такие же фигуры все еще украшают залы храмов, выступают из стен дворца, иногда угадываются в очертаниях скал и гор.

— Все, — ответил он дрожащим голосом. — Я не знал страха ни в бою, ни в темных пещерах дэвов!.. Но теперь я боюсь, теперь я дрожу... вдруг кто-то тебя огорчит или обидит? Здесь столько народа, здесь столько забот... вдруг все не смогут за тебя сделать, все заботы твои взять на себя, и ты опечалишься, любимая? У меня сердце разорвется, если твои глаза затуманят слезы!

Ропот смолк, сотни пар глаз смотрели на варвара с недоумением. Принцесса, как известно, живет под неусыпной заботой лучших нянек и прочих заботчиков. Что мог бы делать среди них грубый варвар, в чьих грубых пальцах ломалась бы любая посуда?

На ее чуть припухлых губах появилась улыбка. Придон увидел интерес в ее чистых, как горные озера, глазах.

— Ты говоришь, — сказала она медленно, — очень непривычно...

— Прости, я не знаю шелковых слов!

— Да, слова твои... но все равно они...

Она запнулась, уже сама подбирая верное слово, но со стороны главных покоев распахнулись двери, вбежали слуги, раздвинули народ, а по образовавшемуся проходу медленно и величаво пошла Иргильда, с нею рядом неизменный молодой красавец-маг, весь в белом; Горасвильд. За ними неторопливо и важно вышагивали, презрительно поглядывая на собравшихся в зале, пятеро пышно одетых баронов.

Иргильда метнула в его сторону острый взгляд, полный ненависти. Барвник вздрогнул, опустил голову и торопливо пошел к жене Тулея. Это выглядело так, словно он перебежал из одного войска в другое. Только Черевое остался рядом с Придоном, хотя побледнел и опустил голову.

Сердце Придона колотилось мощно и часто. Он чувствовал, что способен улавливать движение рыб в реках, рост травы и шелест крыльев бабочки в саду за стенами дворца. И не удивился, когда услышал сквозь шум, как с губ Иргильды слетели злые слова:

— Да, этому дикарю невероятно повезло! Ножны, а теперь еще и рукоять меча? Любая женщина уже воспылала бы любовью к такому герою. Но, к счастью, Итания — редкостная дура!

Придону показалось, что щеки Итании слегка порозовели, она услышала тоже. Горасвильд что-то прошептал Иргильде на ухо, та кивнула, ее требовательный взгляд отыскал Барвника. Старый маг приблизился, заметил негромко:

— Принцесса не сказала о варваре ни единого слова.

Движение всей группы во главе с Иргильдой замедлилось, она покровительственно отвечала на поклоны милой улыбкой, легким наклоном головы.

— Ну и что? — спросила она холодно.

Барвник явно пытался увильнуть от ответа, но она пригвоздила его злым взглядом. В трех шагах от Придона и Черева, Иргильда оглядела его нарочито оскорбительным взглядом, как если бы осматривала на базаре коня, только что в зубы не посмотрела, Придон, в свою очередь, смотрел на нее, как на кучу навоза.

— Обычно, — сказала Иргильда достаточно громко, — Итания остра на язык... Почти все с кличками, которыми она наградила. Надо признать, иногда удачными. Будто и не дочь тцара, а уличная девка... От ее кличек не отмоешься, не соскребешь... Какие бы титулы и земли ни приобрел, такую кличку утащит с собой и в могилу, передаст наследникам... Странно, что про этого дикаря ни слова!

— У нее много дел, — заметил Барвник.

— А варвара не убоивается даже клички!.. Странно, она цепляла их гораздо менее достойным.

Горасвильд, уязвленный, что Иргильда разговаривает больше со старым магом, чем с ним, сказал со смешком:

— Ваше Величество! Он хочет сказать, что Итания просто притворяется равнодушной к варвару.

— Никакое притворство не поможет долго скрывать любовь, — ответил Барвник. Взглянул на Иргильду, сухо добавил: — Или изображать, когда ее нет.

Итания наконец отвернулась и прошла мимо Придона и не удостоив мачеху взглядом. Придон пожирал ее жадными глазами. Рядом шумно вздохнул Черев. Но Итания ушла, а вместе с ее уходом исчез мир, образовалась черная пустота, Придон отвернулся и долгим жадным взором провожал прямую спину Итании, а когда опомнился и бросился следом, она уже исчезла в огромном дворце с множеством залов, зальчиков, покоев, палат и горниц.

Итания успела увидеть, когда артанин ринулся за нею, отступила за колонну, а когда тот пробежал мимо, ловко шмыгнула в соседний зал, воспользовалась воздушным

мостиком и через несколько минут была уже на другой половине дворца, отделенной внутренним двориком.

Щеки горели, в ушах звучали его страстные слова. Она закрыла глаза, ноги стали ватными, оперлась о стену, чтобы не упасть. Даже под опущенными веками горело его воспламененное лицо, в глазах сияющие звезды, на лице восторг и обожание. У него сильное красивое лицо, шрамы придают значительности, таинственности, загадочности. Ее с первых же минут обожгли незримые волны животной страсти, в теле возник и остался жар, щем, непонятная тоска, от которых хочется то ли вернуться и броситься ему на шею, то ли закричать и убежать на другой конец не то что дворца — света.

На этой половине дворца чужих вообще не бывает, только свои, она прислушалась к отдаленным звукам музыки, поколебалась, вспомнила про Милену, лучшую подругу, с которой вместе росли, поверяли друг другу тайны.

Кто-то встретился по дороге, спросил участливо:

— Итания, на вас лица нет! Что-то случилось?

— Нет-нет, — ответила она поспешно, — все хорошо.

Не прошла и двух залов и, на ловца зверь бежит, услышала ласковый голос Милены:

— И не уговаривай, Андмир!.. Мы с ним разговаривали, уговорились. Я дала согласие и обещала, что попробую уговорить родителей...

Итания остановилась за колонной, ибо Андмир, старший брат Милены, воскликнул в бешенстве:

— Что их уговаривать? Они будут только рады!.. Но ты, Милена, ты! Ведь помнишь, мы из стариннейшего рода, корнями уходим к самому Тарасу, мы — беры, мы в родстве со светлым князем Вольдемар Большой Щит, а тот прямой потомок Яфета!.. Ну не позорь ты нас, я тебя умоляю!..

Итания ощутила, как сердце дрогнуло. Похоже, у ее лучшей подруги то же самое, та же беда, она полюбила неровню. Андмир, чистый и честный юноша, глаза у него, как помнила Итания, всегда светятся изнутри, у него настолько яркая и незапятнанная душа, что просто неловко за него...

Сейчас же в его страстном голосе звучат слезы, отчаяние, мольба.

— Ну, Андмир, — слышался слабый голос Милены, — ты все не так понимаешь...

— А что не так? — ответил он с яростью. — Он же торговал гнилым сукном да краденными лошадьми! А чего стоит его обман на стройке западной стены, когда он трижды продал несуществующий лес?.. И все равно эта толстомордая скотина как был мелочной гнидой, так и остался: слуг поедом ест, если кто купит не самые дешевые во всем городе мясо или рыбу! Я как увидел позавчера эту пузатую гадину, едва не выблевал!.. Пьян, грязен, волосы не стриженные, лоснятся от грязи, от него прет, как от коня, а еще и орет, что только дурни каждую неделю моются, а вот он ни разу в жизни не мылся и потому здоровый, как медведь!.. Да какой он здоровый, если пузо до колен?

Итания осторожно выглянула. Милена нервно краснела, бледнела, пальцы перебирали узел на поясе длинного платья, она то смотрела в лицо негодующего брата, то поспешно роняла взгляд в сторону.

— Мы уже уговорились, — ответила она слабо.

— Ну и плюнь на уговор! Подумаешь, уговорились! Ты что — артанка? Все, что не на бумаге и с подписями трех уважаемых свидетелей — тьфу... Ты — урожденная Гетельмира, из рода знатнейший беров, а он — разбогатевший торговец краденым, жулик, вор, пройдоха! Не позорь ты наш славный род, наши корни, наших великих предков!.. Подумаешь, кольца, серьги...

Итания видела, как Милена невольно бросила взгляд на свои руки. На кистях позванивают браслеты, пальцы унизаны кольцами с блестящими камешками.

— Это хорошие кольца, — сказала она, защищаясь.

Он фыркнул.

— Хорошие? Да если их показать ювелиру... Ты показывала? Вот видишь, не решилась. Он везде обманывает, сквалыга. Там простые камешки. И серьги, что появились у тебя со вчерашнего дня, тоже... если присмотреться... Он

же пройдоха! Он обманывает всех вокруг себя. Хуже всего — мелкий пройдоха! Хотя уже и с большими деньгами... А как же тогда начальник стражи Восточных ворот? Он хоть и беден, но зато из рода береов. К тому же я видел, какие взгляды вы бросали друг на друга...

Итания украдкой наблюдала за лицом подруги. Та вспыхнула, как маков цвет, взглянула умоляюще, тут же пугливо бросила взгляд по сторонам. Итания втянула голову за колонну, как улитка прячется в панцирь, слышно было только гневный голос Андмира:

— Он нажил богатство, но остался тем же мелким жуликом. А повадки? Да он в грязной одежде спит, в такой же выходит на улицу!.. Грязный, нечесанный, неграмотный... Стоит ли продавать себя так дешево? Те подарки, что он тебе сделал, того не стоят! Умоляю тебя, сестра, не делай ты этого!

Итания слышала, как голос Андмира прервался, там всхлипнуло. Она выглянула осторожно, Андмир вытирал слезы, подбородок его жалко прыгал. Милена проговорила уже нерешительно:

— Да, он был напорист, я не могла ему отказать... Сам понимаешь, наш род так обеднел, что у нас не осталось ничего, кроме нашего бедного дома. Да и тот заложили...

Андмир вскинул голову, в глазах блеснуло металлом. Даже голос стал тверже.

— Сестра, он в самом деле дрянь!.. Я не хотел тебе говорить, но он — дрянь!.. Хуже того — он преступник и подлец. Я узнал это случайно, у меня нет твердых доказательств, только косвенные, но, если надо, я отыщу и неопровержимые. Он виновен, он...

Они умолкли, Итания услышала шаги. Показался слуга, увидел Милену и Андмира, заспешил к ним, обеими руками прижимал к груди большой ларец из темно-коричневого дерева.

— Благородный Андмир, — сказал он с поклоном.

— Чего тебе? — отозвался Андмир высокомерно.

— Жанширц велел кланяться вам...

Андмир удивился, посмотрел на сестру, потом снова на слугу.

— Мне? С какой стати?

Слуга с поклоном попытался вручить ему ларец, но Андмир отстранился.

— Мне знать не велено, — ответил слуга. — Мое дело — передать вам поклон от Жанширца и подарок...

Андмир, брезгливо морща нос, пальцем откинул крышку. Изнутри хлынул свет. Андмир в недоумении вытащил золотую цепочку с крупным талисманом в виде золотого жука с рубиновыми глазами. Милена взглядом показала, что это ему на шею, но Андмир надевать не стал, морщась, взвесил на ладони.

— Легковато что-то... Настоящее ли золото? Этот... гм... может всучить и дутое. В камнях я не очень, надо спросить у Жарокла, он знаток, настоящие ли это рубины... А это что?

Он запустил руку в ларец, слуга стоял в почтительной и вместе с тем гордой позе, слегка откинувшись назад, словно ларец был забит доверху тяжелым.

Андмир встряхнул в руках красивую ткань, Итания рассмотрела рубашку из тончайшей дивной ткани голубого цвета, пуговицы и застежки из чистого золота, вдоль ворота толстые золотые нити в несколько рядов, а на груди уже приколотая крупная брошь янтарного цвета.

— Ну вот, — сказал он с кривой усмешкой, — теперь уже и ко мне начинает подлаживаться, подлая душа... Знает, что я против. Скотина... Раньше так не делал, а теперь засуетился. Ишь, размер как точно по мне, присмотрелся, подлец... Урод, купить меня восхотел!

Милена спросила торопливо:

— А что он, в чем замешан?

Андмир переспросил рассеянно, глаза не отрывались от драгоценной ткани:

— Что?

— Ну, Жанширец... ты говорил, что он — преступник...

Андмир нехотя кивнул:

— Да-да, это верно, но у меня нет доказательств, я же говорил. А если доказательств нет, то рот лучше на замок. На самом деле многих из богатых и добропорядочных, если поскрести... такое обнаружишь!.. Так что об этом лучше не заикаться.

Итания видела по лицу подруги, что та уже заколебалась, готова вернуть Жанширцу слово, разорвать помолвку, если та и была, но Андмир хмурится, уже явно жалеет, что сболтнул, отводит взор...

— Разволновал ты меня, брат, — сказала Милена жалобно. — Так как же поступить мне?

Андмир встряхнул в обеих руках рубашку, взгляд был задумчивый, ответил рассеянно:

— Ты уже взрослая, моя дорогая сестра. Ты умеешь все решать сама.

Итания тихонько попятилась. Недоставало, чтобы кто-нибудь застал за таким неблагоприятным занятием, как подслушивание. Настроение испортилось, на минутку показалось понятным, почему артане с таким презрением говорят о продажности куявов, их мелочности.

Пышно одетый человек с благородным лицом потомственного бера, а на самом деле — слуга из внутренних покоев отвесил церемонный поклон и сказал жирным голосом:

— Его Величество Тулей Ослепительный, великий и светлейший тцар благославленной Куявии, тцар Малой Куявии и Нижней Куявии, а также Горной Куявии и Прибрежных Земель, а также островов в Теплом Море... изволит позволить разрешить благородному Придону, сыну артанского тцара Осеннего Ветра, посетить малый Внутренний Зал...

Череве подхватился, сказал быстро:

— Пойдем. Быстрее! Тцаров нельзя заставлять ждать.

Придон уже на ногах, тут же двинулся за слугой, тот шествовал медленно и важно, спросил жадно:

— Малый Внутренний?

— Ты уже был там, — сообщил Черевое. — Когда у тебя, дерзкого, язык повернулся...

— Знаю, — сказал Придон счастливо. — Помню! С того дня я начать жить.

Черевое покосился на его сияющее лицо, вздохнул, глаза погасли, дальше шел молча. Слуга провел через анфиладу залов, остановился у одной двери, ее охраняли огромного роста воины, слуга кивнул им, дверь отворилась. Все трое вошли, слуга поклонился и тут же вышел. Дверь захлопнулась.

Придон узнал тут же комнату, в которой, как говорил Черевое, у него, дерзкого, язык повернулся просить руки Итании. Тулей и сейчас возлежал на том же месте и в той же позе. Даже чаша с крупными орехами стояла та же. Тулей рассеянно давил их в ладонях, слышался хруст, но на этот раз Тулей просто раскладывал на две кучки скорлупу и очищенные ядра. При нем находился старый однорукий маг. Он с неудовольствием взглянул на Придона и Черевое, но смолчал.

Тулей указал Придону на свободное кресло за столом, а Черевое остался на ногах. Наконец Тулей изволил заметить бера, кивнул, тот низко поклонился и поспешно плюхнулся на обитую шелковой тканью лавку.

— Я уже все слышал, — сказал Тулей. — Ты в самом деле... Покажи то, что добыл.

Придон встал, сидя непристойно доставать меч, вытащил с медленным достоинством, глаза Тулея расширились при виде обломка лезвия, но сами зрачки сузились от нещадного света.

— Как... горит, — произнес он, — Барвник, что в нем за свет?

Барвник проговорил с трудом, лицо стало напряженным, на лбу выступили мелкие капельки пота:

— Не знаю...

Тудей изумился:

— А кто у нас самый могучий маг? Кто знает?

— Боюсь, — проговорил Барвник тихо, — никто не знает. Могу только сказать, что этот свет уже был... еще до того благословенного дня, когда Творец создал мир.

Тудей в изумлении покачал головой. Пальцы разжались, измельченные скорлупки посыпались на пол. Глаза не сводили взгляда с меча.

— Так чей же это меч?

Барвник помолчал, глаза его загадочно мерцали, он предложил негромко:

— Вашего гостя, Ваше Величество, больше интересуется не то, кому он принадлежал... что героям-артанам история?... а где последний обломок этого меча. Ведь верно, Придон?

Придон, которому было, конечно же, жгуче интересно, чей это меч, а то, получается, вроде бы принадлежность к Хорсу уже под сомнением, вздрогнул, сказал поспешно:

— Да-да, мне нужно знать, где последний осколок. Я пройду и возьму. А потом возьму Итанию!

Тудей поморщился, Череву шумно вздохнул, Придон ощутил сильный толчок в бок. Скосил глаза, Череву показывал кулак. Жирный такой кулачок, хоть и маленький. Храбрец этот Череву.

Он медленно вложил металл в ножны, свечение погасло. Тудей смотрел на него исподлобья. Барвник прокашлялся, Тудей сказал неприятным голосом:

— Говори.

Барвник сказал неуверенным голосом:

— Я привлек два десятка чародеев, перерыли все древние записи...

— Это опусти, — сказал Тудей нетерпеливо.

— Как скажете, Ваше Величество.

— Так и скажу! Давай сразу бери артанина... тьфу, бери быка за рога. И не прыгай в сторону, не люблю.

Барвник поклонился, в его руке появился длинный свиток из пожелтевшей телячьей кожи. Когда его разворачивали, кожа потрескивала, Придон опасался, что рассыплется, ведь пересохла, однако желтизна исчезла, Барвник расстелил на столе свежесделанную шкуру молодого теленка. Черными и синими красками были обозначены реки и горы, зелеными — поля и леса. Придон лишь мгновение видел застывшую картину, потом ощутил себя летящим на драконе, тогда точно так же с большой высоты видел мир... и сразу же картина ожила, реки потекли, леса заколыхались от порывов ветра, донесся даже едва слышный шелест веток.

— Вот, — сказал Барвник, — смотри... да не сюда, это Куявия. А это Артания.

— А где лезвие меча? — спросил Придон.

Барвник поморщился.

— Ты хотя бы спросил, где Славия!.. Такая огромная страна, а на карте ее нет. Верно?.. Вот ее краешек. Видишь, узкая зеленая полоска?.. Это значит, наши войска дальше не заходили. А кто заходил, тот не вернулся. Так что не знаем, что там дальше.

Придон со стесненным сердцем смотрел на зеленую полосу вдоль границы Куявии и Славии. И это все, что известно?

— Лезвие там? — спросил он в лоб.

Черевое крякнул, Барвник с самым угрюмым видом кивнул:

— Да.

— Значит, — сказал Придон, — у вас могли быть какие-то старые карты... иначе откуда такое известно?

Барвник заколебался, Тулей сказал с мрачным спокойствием:

— Скажи ему. Герой должен знать все.

— Карты были, — ответил Барвник все так же угрюмо. — Но это еще до... Словом, когда вода затопила весь мир, то все страны стали... иными. Реки поменяли русла,

вместо гор теперь провалы, а на месте провалов выросли горы. Если Артанию сто лет потом выжигало солнце, то Славия поливали дожди, там сто лет из-за туч не видели солнца. Славия — это лес, единый угрюмый лес. И люди там... гм, лесные. У них другие боги, иначе на все смотрят, оценивают... Но я могу указать примерное место, где находится лезвие.

Сердце Придона как сорвалось с цепи, заскакало на всех четырех лапах.

— Где? — спросил он жадно. — Укажи!

Череве кашлянул, сказал с предостережением в голосе:

— Но если были такие катастрофы, то осталось ли лезвие на том же месте?

Барвник кивнул.

— Осталось.

Череве оглянулся на Тулея, тот откинулся на спинку кресла, глаза закрыл, то ли внимательно слушал, то ли задремал.

— Почему так уверен?

Барвник посмотрел на него со строгостью во взгляде.

— Потому что есть места, которые не изменит ни одна буря, ни одно землетрясение. Там как раз такое место!

Он повысил голос, Череве развел руками, мол, моя хата с краю, поспешно сел. Придон кипел от нетерпения. Барвник коснулся пальцем карты довольно далеко от зеленой границы, там сразу же засветилась искорка. Придон всмотрелся, в глаз больно кольнуло, он успел увидеть широкую поляну в лесу, огромный камень... и тут слеза застлала взор, а когда смахнул торопливо, искорка уже едва светилась, тусклая, словно подернутая серым пеплом.

— Я... — сказал Придон, голос сорвался, он сглотнул ком и сказал тверже, — я пойду! И вернусь с мечом.

Тулей приоткрыл один глаз, взгляд был острый, пронизывающий.

— Достойная речь, — сказал он. — Барвник, отдай ему карту.

Барвник поколебался, но Тулей смотрел строго, руки чародея нехотя сдвинули карту с краев, она уменьшилась до размеров подметки, стала похожей на клочок грязной неопрятной кожи.

— На, — сказал он. — Хотя мало чем поможет. Разве что направление... Никто не знает, что тебя ждет по дороге.

— Ты это уже говорил, — напомнил Придон.

Тулей кивнул на окно, залитое красным закатным огнем.

— Солнце садится, но утром тебе подготовят коня. И отряд, что проводит тебя до границы. Если хочешь, пойдут с тобой.

Придон сказал поспешно:

— Не хочу!

Барвник буркнул:

— Правильно. Ваше Величество, что славы подумают, увидев наших воинов в своих лесах? Нам только войны недоставало!.. А это всего лишь артанин. К тому же — один.

Череве поднялся, закричал, низко поклонился:

— Желаю хороших снов Вашему Величеству. Придон, пойдем. Если я не научу тебя сегодня пить, то уже никогда не научишься!

Придон отвесил короткий поклон, взял карту и сунул за пояс. Череве, похлопывая его по спине, проводил до двери. Когда дверь за ними плотно закрылась, Тулей хмыкнул, он все еще смотрел вслед, в глазах властелина Куявии было странное выражение.

— Знаешь, — сказал он медленно, — я почти желаю успеха этому варвару... Странно, да? Но когда подумаю только, что этому дикарю пришлось бы отдать Итанию...

— Грязному, — заметил Барвник.

— Что? — переспросил Тулей.

— Ваше Величество, — сказал Барвник очень почтительно, даже очень даже, — вы забыли добавить обычное «грязному дикарю». Или «грязному варвару».

Тулей поморщился.

— Ах да... Еще — грязному артанину... А что, я перестал употреблять эти слова? Или только сейчас?

— Уже давно, — сказал Барвник, он стоял ровный, как столб, не дрогнул лицом, не шевельнул бровью. — С тех пор, как принес рукоять. Нет, с тех пор, как этот грязный артанин принес ножны этого меча.

Тулей поморщился сильнее.

— Перестань. Никакой он не грязный. Как ни крути, это — герой. Но даже герою не хотелось бы отдавать Италию, если он — артанин.

Барвник вздохнул.

— А он ее и не получит.

Голос его был очень серьезен. Тулей отхлебнул вина, рука привычно потянулась за орешками, но тут до него дошло, что маг не просто поддакивает, как и надлежит вести себя с властелином.

— Да? Гм... Почему?

— Я забыл упомянуть...

Тулей кивнул.

— Ну-ну, забыл. Конечно же, совершенно случайно забыл упомянуть. И что ты забыл упомянуть?

— Что лезвие меча... не взять.

— Ага, — сказал Тулей, и нельзя было понять, обрадован или огорчен тцар. Да, судя по его виду, он и сам не знал еще, чего в нем больше. — Нельзя... Но лезвие вообще-то есть?

— Да, Ваше Величество, — ответил Барвник с поклоном. — Есть.

— Где оно?

— В Склепе, — ответил Барвник лаконично.

Тулей поставил кубок, глаза недобро блеснули.

— Знаешь, ты мне загадки не загадывай. Я — тцар. Мне надо говорить коротко и... просто.

— Хорошо, Ваше Величество, — ответил Барвник несчастным голосом. — Если коротко, даже очень коротко, то дело было так... Как вы знаете, когда наш Верховный Тво-

рец Род сотворил человека, то ангелы преисполнились ревностью и всячески старались очернить человека. Тогда Творец предложил ангелам облечься плотью и отправиться на землю. Двести ангелов спустились на гору Хермон...

— Это в Куявии? — спросил Тулей.

— Вряд ли, — ответил Барвник. — Хотя я не знаю всех гор. Может, в Артании... Словом, ангелы стали вступать в браки с земными женщинами, а от них рождались великие герои, великаны. Но эти герои не имели той святости, что вся в Роде и его ангелах, творили великие дела, даже очень великие, но не всегда... благородные.

— Ага, — сказал Тулей саркастически, — тогда уж точно не в Артании.

— Возможно, — согласился Барвник. — Словом, от этих детей ангелов и земных женщин рождались другие великие герои, полубоги, а от них рождались те, в ком еще меньше и меньше святости Рода, зато больше звериного начала, что в человеке...

Тулей поморщился.

— Как произошли все эти драконы, горгоны и прочие чудовища — знаю. Хоть и тцар. Могу же я знать то, что знает каждый мальчишка? Ты мне скажи про меч! Почему его нельзя?

— К этому и веду, — ответил Барвник торопливо. — Род позволил тем двумстам ангелам наплодить чудовищ, чтобы другие увидели пагубность такого пути. После чего послал верных ему ангелов, те низвергли неверных в глуби земли, а самого могучего, его звали Азазель, еще и придавили огромной скалой.

— Но при чем тут меч?

— Это его меч, — сказал Барвник.

Тулей выкатил глаза.

— Его? А как же Хорс?

Барвник отмахнулся.

— Хорс был просто последним, кто пользовался этим мечом. Он не бог, это с мечом обрел мощь бога. И стал бо-

гом! А потом великий чародей, который разломал этот меч, лезвие сунул под спящего Азазеля. Но этот меч, вернее тот обломок, не вытащить! Да, не вытащить... не разбудив Азазеля.

Тулей заметно побледнел, напомнил себе на всякий случай, что ему вроде бы ничего не грозит, но все равно по телу прокатился холод, словно оказался ночью голым на вершине мира. Даже думать, говорить о таких великих деяниях жутко простому человеку. А тцар, даже великий тцар, не вхож на небеса. Он так же прост, как и землепашцы.

— Но кто посмеет разбудить Азазеля? — проговорил он дрогнувшим голосом. — Это значит, пойти против самого Творца, создавшего мир, солнце и звезды! Населившего мир богами, людьми, создавшего свет и тень, день и ночь... Да, подлую вещь мы задумали. Бедный артанин!

Барвник сказал глухо:

— Но даже ножны этого меча обладают великой святостью. Город, в котором будут храниться эти ножны, станет неприступен. Разве этого мало?

Тулей тупо смотрел на кубок с вином. Затем тцарским голосом ответил:

— Да, этого достаточно.

— Нам только осталось, — уточнил Барвник осторожно, — оставить их в Куябе.

ГЛАВА 22

Придон заснуть не мог, метался по комнате, как попавший в клетку зверь. В окно смотрел тонкий серп луны, уже в другую сторону, крупные звезды сияли ровно, изредка подмигивали, от двух светильников шел ровный свет и распространялся сладковатый запах воска и меда.

Волнуясь, он впервые за много дней вспомнил о своей внешности, отыскал стену с большим зеркалом и долго рассматривал себя во всех обличиях: с выпяченной вперед нижней челюстью, нахмуренным, со вздутыми бицепсами

или же веселым, с широкой улыбкой на лице, чтоб его белые ровные зубы блистали... лучше стать против солнца, тогда на загорелом лице белые ровные зубы блистают как молния в ночи...

Вздутый шрам на левом боку, багровый, совсем свежий, заставил задуматься: артанские женщины воспринимают шрамы как знаки доблести, но Итания явно больше ценит гладкость кожи да запах ароматных масел, как вот этот запах от светильника или чаши с курящимися благовониями.

— Итания, — прошептал он. — Итания...

Он оглянулся на дверь, чуткие уши уловили грохот тяжелых сапог, стражи не спят, ходят взад-вперед, бдят. Но никто не поставил стражу по ту сторону окна, а если и поставил, то далеко внизу, на земле, а не прилепил к стене на уровне четвертого этажа.

Ноги сами взметнули его на подоконник. Решетка слегка заскрипела, железо выползло из каменных гнезд нехотя, противилось. Он напрягал мышцы, задерживал дыхание, в то же время прислушивался к шагам по ту сторону двери.

Решетка наконец оказалась в его руках. Он опустил ее на пол, тут же протиснулся, обдирая плечи, холодный чистый воздух заполнил легкие, начал сдирать приторные запахи. Придон, цепляясь за мельчайшие неровности, двинулся вдоль стены, заглядывал во все окна, затаивался, слыша внизу голоса и даже видя, как там прохаживается стража.

Беспечно живут куявы, подумал мрачно. Окна распахнуты, в любое можно пролезть без помех. Похоже, решетки только на его окне... нет, вот еще, но потоньше. Свет из комнаты желтый, запахи оттуда выдавливают тяжелые, едва-едва переваливаются через край и тут же, как слизь, ползут по стене тяжелыми волнами.

Комната заставлена тяжелыми сундуками, все заперты на большие висячие замки. Под сводами пучки колдовских

трав, стена завешана амулетами, даже изредка — талисманами. А вот там участок стены весь в талисманах...

Внизу шевельнулась куча тряпья, как сперва показалось Придону, поднялась в полный человеческий рост. Придон узнал Барвника — однорукий маг без шляпы, с розовой лысиной и венчиком седых волос. В Артании про таких говорят, что это мудрость вытоптала в лесу полянку, так что лысину можно не прятать, если, конечно, ты маг, это воину позорно быть умным.

Он не стал наблюдать за колдуном, подсматривать нехорошо, передвинулся по стене дальше. Сапоги едва находили крохотные выступы, уж очень старательно куявы стесывают камни, передвигался почти на кончиках пальцев. Заглянул в открытое окно молодого бера, роскошные покои, пахнет сладко и приторно, а сам бер... Придон узнал молодого князя Кохана, лежит на широком ложе, в руке кубок, на столе возле ложа кувшин, запах вина перебивает все ароматы.

Ветер подул сильнее, ноздри уловили знакомый запах, но еще раньше сердце затукало сильнее, взволнованнее. Придон поспешно начал перебираться навстречу волне запахов, ветерок стих, но источник ароматов явно ближе, еще ближе. Придон ухватился одной рукой за железный прут, перекрывающий окно, а другой ладонью накрыл левую сторону груди, сдвинул, чтобы ошалевшее сердце не выпрыгнуло.

Огромная комната там вдали тонет в темноте, зато здесь массивные светильники из чистого золота дают ровный приглушенный свет, два у двери, один возле самого ложа, но само ложе в тени, свет падет на левый край, там из-под одеяла высунулась розовая ступня с детскими невинными пальчиками...

От изголовья спинка поднимается и поднимается — толстая, массивная, из красного, как огонь, дерева, блестящая от лака, от ног такая же точно стена, сверху их соединяет такой же красный балдахин, толстый, словно матрац,

а та стена во всю ширь еще и расписана яркими красками, Придон в полутьме различил далекий сказочный замок, легкий и воздушный, реку, темный лес...

Итания спала в этой нише, скрючившись, как зайчик в тесной норке, подтянув колени до подбородка. Бесконечно милое прекрасное лицо порозовело, пухлые губы приоткрылись, Придону безумно хотелось взять ее губы, как спелые вишни, в свои и смаковать их нежность, их тепло.

Все залито розовым светом утренней зари, и Придону почудилось, что заря начинается именно отсюда, как он однажды и ответил мудрецам.

Воздух был чистый, едва-едва тронутый ароматом цветов. Неслышно ступая, он пересек эту часть огромного зала, ноги тонули в мягком толстом ковре. Когда подошел к лужу вплотную, привыкшие к полутьме глаза видели в этом свете уже все до мельчайших черточек.

Веки Итании опущены, длинные пушистые ресницы отбрасывают чернильную тень на щеки. Тени подрагивают при каждом вдохе, лицо спокойное и безмятежное, на губах улыбка, явно видит что-то радостное... Водопад золотых волос застыл на подушках роскошными волнами, даже в полутьме по ним проскакивают мириады крохотнейших искорок, живут сами по себе.

Он жадно вглядывался в ее лицо. Сам не помня как, тихонько опустился на самый край ложа, толстого, на которое можно уложить буйвола — не прогнется, но ресницы Итании затрепетали, веки начали медленно подниматься.

В ужасе он застыл, превратился в камень, не зная, метнуться ли обратно к окну, упасть ли на колени, поспешить сказать сладеньким голосом, что он совсем-совсем не хотел ее напугать вот так до смерти, не надо кричать, он не зверь, он не разорвет ее, только не кричи, не плачь...

Она открыла глаза, взор еще затуманен сном. Улыбка на губах осталась, сами губы на глазах наливались, как спелые вишни, покраснели. Итания смотрела ему прямо в ли-

цо, потом тонкая рука медленно поднялась, нежные пальцы коснулись его обнаженной груди.

— Почему у тебя этот шрам... — прошептала она едва слышно. — У тебя прошлый раз его не было.

Придон страшился сдвинуться с места. Он пожирал ее глазами, молчал, только смотрел потерянными глазами. Сердце стучало все громче. Ее пальчики на его груди подбрасывало с каждым ударом.

— Откуда этот шрам? — повторила она с недоумением. — Здесь у тебя... кожа оставалась... без шрамов..

Прекрасные глаза поднялись с его груди на застывшее лицо, в них появилось недоумение. Придон видел, как взгляд чистых невинных глаз соскользнул с его лица, уперся в стену опочивальни, прошелся до окна, откуда в зал наискось падает прозрачный лунный свет... там же прутья решетки раздвинуты чудовищной силой.

Когда снова посмотрела ему в лицо, в ее глазах появился страх.

— Это не сон... — прошептали ее губы. — Это не сон... Я здесь, в спальне... и здесь этот дикий варвар!

Придон сказал с мукой:

— Не пугайся, это в самом деле я... Но меня пугаться не надо! Ну не мог я уйти, не посмотрев еще раз на тебя. Пусть это будет последнее, что я увижу в этой жизни... Даже если в дремучих лесах злобные великаны будут рвать меня на части, я умру с улыбкой, ибо буду видеть твое лицо, твои глаза..

Она произнесла похолодевшим голосом:

— Ты разочарован, что я не воплю от ужаса?

— Итания...

— Я не воплю, — напомнила она гордо, — ибо я — дочь тцара, а не пастушка из ваших степей! И хотя ты, дикарь, можешь меня убить одним движением пальца, ты не заставишь меня кричать и просить пощады! Как ты посмел, дерзкий, вломиться сюда?

— Просто посмел, — выдохнул он жарко. — Моя любовь мне защитой. А здесь я потому, что... мне страшно!

— Страшно? — переспросила она. — Да ты в самом деле изменился в лице! Ты, похожий на голодного волка!

— Сытые свиньи, — вырвалось у него, — страшней, чем голодные волки.

— Свиньи? Ты о ком?

— Итания, — сказал он жарко. — Я люблю тебя!.. Вся моя жизнь отныне лепится вокруг этих трех слов, как молодая поросль вокруг сильного дерева, дающего им жизнь. И все мои дела, мечты, сны и грезы — вокруг этих слов, и весь я — эти три слова...

Она слушала его настороженно, но уже и зачарованно, как ребенок, слушающий странную волшебную сказку. Прекрасные глаза широко раскрылись, в них росло изумление.

— А вот Горасвильд, — сказала она, опомнившись на мгновение, — говорит, что ты принесешь нам несчастье!

Придон вспомнил красавца мага в белой как снег мантии, что уже и на мантию не похожа, а почти боевой плащ полководца. Сердце защемило. Как тогда посмотрел на него этот Горасвильд из-под краев белой шляпы!

— А что сказал тот маг, — спросил он, — который с одной рукой?

— Барвник? — переспросила она. — Такой худой старик в черном плаще и в черной шляпе?.. Он вроде бы к тебе относится лучше. Но я его почти не слышала.

— Да, — сказал он горько, — Барвник в черном плаще, и черная на нем шляпа. Как такого слушать? Зато Горасвильд весь в белом... Но ты уверена, божественная, что черная совесть обязательно под черным плащом? А под белым — белая?

Она наморщила лоб, подумала, снова взглянула в его лицо.

— Ты дикарь, — сообщила она ему. — Ты очень силен и безумно отважен... Для большинства женщин это все, что требуется от мужчины. Тогда они могут гордо вышагивать

рядом и свысока смотреть на подруг, у которых мужья не такие высокие и не такие широкие в плечах. Да, и в моей цивилизованной Куявии тоже такое... дикарство! Однако я — не дикарка. Мне вовсе не нравятся сильные и грубые мужчины.

Он был в отчаянии, поднялся и начал пятиться к двери, даже не понимая, что лучше через окно, как и пришел, когда она неожиданно спросила:

— Я нечаянно услышала, как челядинцы пели одну красивую песню... Я спросила, где ее слышали. Они указали на тебя. Неужели у вас поют такие песни?

Он опустил голову, прошептал:

— Поют. У нас поют.

— Да? — удивилась она. — Дикари тоже поют? Как странно и удивительно... Мне очень понравилась та песня. Ты запомнил ее случайно... или же знаешь еще?

— Знаю ли я! — вырвалось у него пламенное. — Я знаю сто тысяч песен! Я знаю... Я потерял им счет. Только это песни, потому что все о тебе! Все остальное — это так, тлен, прах, сухие листья...

В ее прекрасных глазах появилось удивление, росло, наконец перешло в изумление. Она прижала розовую ладонь ко рту, но не сумела удержать слова, что вырвались сами:

— Это... это ты их придумал?

— Я ли? — изумился он. — Нет, конечно!.. Их придумала моя страдавшая по тебе душа, мое израненное разлукой сердце, мое... все то, что есть я, и что выше меня, но тоже есть я! А я только та труба, тот боевой рог, что неумело выдувает прекраснейшие и неслыханнейшие звуки, превращая их в черт знает что, калеча и уродуя, ибо нельзя в человеческую речь вложить то, что рождается в человеческой же душе. Ибо тело у нас от зверя, а душа от богов... или даже выше, чем от богов!

— Выше, — повторила она зачарованно, — чем даже от богов...

Ему показалось, что она усомнилась, выкрикнул с жаром:

— Даже древние боги прослезились, а тонкошкурные эльфы рвали на себе одежды и рыдали... от зависти, наверное, что не могут сложить такие песни!..

— Эльфы? — спросила она остолбенело. — Ты видел эльфов? Настоящих?

— Я ночевал у них, — отмахнулся он. — Умоляли остаться еще на ночь, но для меня каждое мгновение разлуки с тобой — это кипящий огонь в груди, это ураган, сметающий города, это скачущий в пропасть конь, это...

— Ты видел эльфов... — прошептала она благоговейно. — Они в самом деле так прекрасны... как говорят легенды?

Он отмахнулся.

— Никто из них не настолько прекрасен, чтобы подавать тебе воду.

— Ты не можешь так говорить! — запротестовала она, щеки ее окрасились нежным румянцем.

— Могу, — сказал он твердо. — Я ведь вижу тебя.

— А их... женщины? Ведь прекрасны!

— Да? — спросил он. — Как-то не рассмотрел.

— Почему?

— У меня всегда ты перед глазами, — признался он. — Я из-за этого... не смеюсь только!.. натыкался на деревья, как куявский дурак. Надо мной уже смеялись братья и боевые друзья.

Она нежно коснулась его могучей руки трепетными теплыми пальцами.

— Бедный... Я того не стою. Так о чем твои песни? Та была о весне, о ласточках...

Он сказал пламенно:

— Да, я слагаю песни о весне и ласточках, я воспеваю твою поступь... но что бы я ни слагал, какими бы словами ни украшал свою песнь, все это те же три слова, что ты слышишь от меня. Только три слова! А все эти песни — это

толкование этих слов, это... даже не знаю, нет слов... их никто еще не придумал... и даже я не создал! Эти три слова мужчина произносит только раз в жизни, их выговорить труднее, чем поднять каменную гору...

За дверью слышались тяжелые шаги. Придон уловил дребезжание неплотно подогнанных доспехов из цельного железа. По коридору двигалось не меньше десятка человек. Судя по стуку, все несли тяжелые короткие копья с широкими зазубренными лезвиями и ударяли ими в пол при каждом шаге.

Возле двери шаги затихли. В дверь постучали. Придон замер, глаза быстро обежали стены, где, кроме медных светильников, ничего тяжелого, а в спальне только легкие столики и совсем невесомые стулья и кресла.

Итания испуганно взглянула на Придона. Он бесшумно встал с края постели, могучие мышцы вздулись, он стал в боевую стойку. Она испуганно и с каким-то страшным восторгом посмотрела на него, крикнула:

— Что случилось?

Из-за двери донесся виноватый мужской голос, густой и сильный:

— Принцесса, у нас срочный обход. Мы проверяем весь дворец.

Она посмотрела на Придона, быстро спросила:

— И потому меня разбудили?

— Принцесса... мы присматриваем за варваром из Артании. Сегодня он как-то исчез из своей комнаты, хотя за ним приставлены следить лучшие шпионы. Щажард велел нам срочно обойти весь дворец.

— И что же? — крикнула она.

В голосе командира стражи прозвучало явное недовольство:

— Его велено привести к Щажарду. Если откажется идти... то у нас есть приказ убить его на месте.

Она быстро посмотрела на Придона. Артанин не изме-

нилсь в лице, нижняя челюсть выдвинута вперед, мышцы вздуты, в глазах ярость и готовность к бою.

— Что за дурость! — крикнула она гневно. — Вы хотите обыскать и здесь?

В голосе командира стражи прозвучало смущение:

— Да, я хотел бы убедиться.

Она крикнула в неподдельной ярости:

— Калюжа!.. Если ты войдешь в мои покои... по своему желанию или по приказу Щажарда, то я... я клянусь, что твоя голова сегодня же утром будет смотреть на площадь с самого высокого кола! А с твоим Щажардом я разберусь завтра же с утра. И ему не поздоровится!

За дверью после молчания неожиданно послышался густой смешок.

— Принцесса... буду молиться, чтобы вы с ним разобрались как можно раньше. Спокойной ночи! Простите за беспокойство. Приятных снов!

Шаги сдвинулись, затопало громче. Лязгающая железом лавина двинулась по коридору дальше. Итания люто сжимала кулачки.

Придон ощутил страстное желание рухнуть на колени и спросить небеса, за что ему выпало такое счастье, что это небесное существо... защитило его! Солгало своим же стражам, но не стало выдавать его, вторгшегося в ее покои так грубо, нарушившего ее божественный сон.

Она проговорила, тяжело дыша:

— Этот Щажард мерзавец!.. Он слишком много на себя берет!.. Пока отец пьет да развлекается, этот... этот уже начинает отдавать приказы дворцовой страже. Неслыханно... Это... это верх низости! Спасибо тебе, если бы не разбудил, не узнала бы о таком... Но ты... ты займел могущественного врага!

Он вскрикнул пылко:

— Не иметь врагов может только предельное ничтожество! Можно ли гордиться отсутствием врагов?

— Это могучий враг! — предостерегла она.

— Иного выгоднее иметь в числе врагов, чем в числе друзей, — сказал он горячо.

Она сказала удивленно:

— Как ты говоришь странно...

Он упал на колени, откинул руки и голову, выставив грудь. Из самого сердца вырвалось:

— Итания!.. Все, чем я живу, — для тебя. Возьми жизнь мою, сердце мое, любовь мою! Я всегда буду жить для тебя, всегда буду думать только о тебе, никогда-никогда мой взор не падет на другую женщину... просто на свете нет больше женщин!

Она стояла перед ним, прижав ладони к груди. Гнев уже испарился. Коридор, стражи и Щажард забыты, она потребовала:

— Говори! Говори еще. Никто и никогда мне...

— Итания!.. В Артании в племени печенгуров считают, что сын родился в день, когда сам сумеет оседлать коня и взобраться ему на спину. В племени касогов днем рождения считают тот день, когда мальчик принесет домой первую добычу с охоты, а в племени языней — когда добудет перья орла или сокола. Про человека, который не знает любви, не страдал и не терзался из-за женщин, не стремится завоевать любовь, говорят: «Дожил до седины, а на свет не родился!» Итания, я родился на свет в тот день, когда увидел тебя. Как я тогда стоял, ослепленный молниями твоих глаз, оглушенный и обезоруженный, уже сдавшийся тебе в плен...

Она прошептала:

— Да, я тоже запомнила тот день.

— Твои губы горели, как рубины, — сказал он задыхаясь, — а зубы блестели, как ряд одинаковых жемчужин. Ты походила на редкий цветок, лицом как тюльпан, твои волосы струились, как благоуханный родник... Мое сердце было пробито стрелой твоего взгляда! С тех пор я истекаю кровью... но я не хочу, чтобы моя рана закрывалась хоть на миг!!!

Она быстро взглянула в сторону окна. Там занималась алая заря.

— Тебе надо идти, — сказала она торопливо, — тебя не должны здесь застать!

— Итания...

— Это опасно для нас обоих, — сказала она настойчиво. — Беги же, Придон!.. Увы, тот человек, которого ты любишь во мне, конечно же, лучше меня... Я не такая, Придон. Я не такая. Но ты люби меня, пожалуйста! А я постараюсь стать такой... такой... чтобы лучше той, что я сейчас!

Придон торопливо протиснулся в свою комнату, поставил решетку на место. За дверью шаги стихли, раздались громкие голоса. Он прыгнул на ложе, закинул руки за голову, в тот же миг загремел ключ.

Он закрыл глаза, услышал скрип двери. Пахнуло воздухом из коридора, пахло крепким мужским потом, кожаными латами и промасленными ремнями. Шаги приблизились, ноздри уловили запах вина.

— Поднимайся, — пророкотал голос. — Я же вижу, не спишь.

Он открыл глаза. У ложа стоял, неприятно улыбаясь, Дунай. За ним и чуть по бокам держались двое очень рослых и крепких воинов с обнаженными мечами в руках. Третий воин ощупывал решетку на окне. Дернул, она подалась, посыпались мелкие камешки. Он дернул сильнее, решетка оказалась в его руках.

— Решетку сегодня ночью вынимали! — закричал он.

Дунай кивнул, глаза сверкнули мрачным злорадством.

— Я так и думал!.. Ну что, артанин, сам пойдешь на казнь или тебя повести связанным?... Я не против, если окажешь сопротивление. Ты же артанин, верно? И без боя не сдашься?

Сердце Придона после долгого путешествия по стене от спальни Итании все еще стучало учащенно. Он выровнял

дыхание, спросил, не поднимаясь, не шевелясь, не отрывая взгляда от злобного лица Дуная:

— На казнь? За что?

Дунай захохотал.

— Ты еще надеешься, что твой удар был не смертельным? Нет, ты убил его одним ударом.

— Кого? — спросил Придон.

Дунай захохотал громче, засмеялись и его воины.

— Князя Кохана, — ответил Дунай почти весело. — Скажу по секрету, гнусный человечек был, но и ты для нас, куявов, не лучше! Так что сразу двух мух одним ударом...

Придон медленно начал подниматься. Двух мух одним ударом? Это он — муха? А их здесь всего четверо? Пусть даже все с обнаженным оружием, а его боевой топор стоит у изголовья, сразу не дотянуться...

— Ведите к Тулею, — сказал он. — Я не стану сопротивляться.

ГЛАВА 23

Тулей проснулся рано, в сильнейшем раздражении, причин которого не мог понять, а у Барвника решил не спрашивать: брякнет хоть и правду, но такую гадостную, что лучше не знать вовсе. Со двора доносился приглушенный шум, там уже готовили коней для Придона и сотни куявских героев, что будут сопровождать его до границ Славии. Дальше, как сказал сам Тулей, им ходу нет, да не подумают славы, что куявы решились на дерзкий набег... ну, насмотрелись на артан, переняли гадкие привычки, однако двум-трем можно будет сопровождать дерзкого артанина и дальше.

Он сам видел, как вчера этот артанин придиричиво осматривал коней, все-таки артанские быстрее, проворнее, выносливые, но и куявские хороши ростом, толстыми ногами, спокойным нравом. Долго шупал их тяжелые подковы с заостренными краями, сообразил, что этих коней обу-

чили драться в бою. Что ж, совсем нелишне, когда ты один против дюжины, а чтоб конь на дыбы и копытами по чужим головам.

Со двора донеслась резкая мелодия, играли на трубе. Морщась, Тулей выглянул в окно. Несмотря на рань, из окон уже высовывались хорошенькие головки, служаночки и даже знатные женщины строили глазки красивым воинам, что будут сопровождать Придона. Пришли песняры, задудели, застучали в бубны. Красивый женский голос завел песню.

Явился Черевое, безмерно удивив Тулея, этот бер никогда по доброй воле не появлялся до обеда. Он собственноручно затягивал подпругу на коне Придона, конь косился смирным глазом, но все же хитрил, старался надуть пузо. Черевое тыкал в брюхо кулаком, конь выпускал воздух, Черевое тут же затягивал ремни туже.

Тулей хлопнул в ладоши, из-за портьеры неслышно выдвинулся слуга.

— Зови Барвника. Да, еще и Щажарда подними с постели. Тцар изволит думать!

Слуга исчез, Тулей поморщился, за окном к женскому голосу присоединились мужские, заревели, затанули, заорали с присвистом да притопом. Говорят, это одна из тех песен, что сложил этот артанин. Никогда бы не подумал, что такой здоровяк может слагать песни. С чересчур громким голосом в глотке почти невозможно иметь тонкие мысли, а какая песнь без мысли?..

Он послушал еще, признал с раздражением, что песня — чисто артанская: никаких мыслей, один крик, боль, обиды, жалобы, стенания, обвинения... И что хорошего в такой песне? Однако же поют, дурачье. Да еще как стараются, душу надрывают...

Дверь приоткрылась, осторожно вошли Барвник и Щажард. Поклонились от входа, застыли. Щажард дождался, пока Тулей задержит на нем взор, поклонился снова.

— Что изволит Ваше Величество?

— Отчет о караванах, — сказал Тулей сварливо, — что ушли в Вантит... Я вроде бы не давал позволения открывать новую дорогу.

В окно донеслись визгливые крики, трубы загремели громче. Тулей поморщился, Щажард ответил с поклоном:

— Не царское это дело — вникать в такие мелочи. Вот и Барвник подтвердит...

— Да что Барвник, — сказал Тулей с досадой. — Он маг, а не... Черт, да там с ума посходили! Щажард, выгони тех певцов к чертовой матери! И чтоб духу их здесь не было!

Щажард поклонился, развел руками.

— Как скажете, Ваше Величество...

— Так и скажу! — заорал Тулей. — Вообще займись этим! Вычисти город от плясунов и песенников! Пусть Ящер на них воду возит!

Щажард, уже не кланяясь, неверяще смотрел в лицо повелителя, сказал осторожно:

— Все выполним, Ваше Величество. Но, может быть, мне будет позволено узнать, что лежит в основе столь необычного решения?

Тулей, как показалось Барвнику, быстро смахнул слезу, сказал еще злее:

— Потому что только эти сволочи заставляют меня плакать!.. Разве я проронил слезу, когда ты зашивал мне сапожной иглой рваную рану на животе?.. Когда меня заваляло в горах и лекари сказали, что мне не жить, а если жить, то — уродливым калекой? Я все принимал достойно!.. Но вчера я ревел, как последний дурак! У меня и сейчас вся борода мокрая. Как на меня посмотрит народ? Цар должен быть сильным, свирепым, с мужественным... и вообще с каменным рылом, как у медведя или свирепого вепря!

Щажард быстро зыркнул по сторонам, словно искал подсказки, поклонился снова.

— Ваше Величество... а не лучше ли тогда просто велеть певцам петь только взвеселяющие песни?

Тулей отмахнулся.

— Ты же знаешь этих гадов!.. Они сами для себя тцары. Не признают никакой власти, кроме как от богов. Но и с богами говорят напрямую, жрецы им не указ, а в храмы вообще не заходят.

Щажард сказал:

— Как скажете, Ваше Величество. Но без певцов вся наша жизнь станет серой.

Он высунулся в окно почти до пояса, крикнул. По мраморным ступеням сбежали с десятков воинов, остановились, задрав головы. Щажард указал им на песенников, сделал всем понятный знак пальцем по своему горлу, зыркнул на Тулея, а тот нехотя буркнул:

— Это ты слишком. Просто вытолкай в шею! И не пускай во дворец больше... У нас есть свои певцы. Прирученные.

В покоях Тулея Придон сразу увидел спины Щажарда, Барвника, даже Иргильда с неизменным Горасвильдом стоят перед троном, загораживая собой Тулея. На стук двери обернулись, Придон успел увидеть сожаление в глазах Барвника и злобное торжество на лице Иргильды.

Они расступились, давая возможность Тулею увидеть пленника. Тулей вскинул удивленно брови. Придон предстал перед ним целый, невредимый, даже руки не связаны. Дунай коротко поклонился.

— Ваше Величество, он дал слово, потому я не стал его в оковы.

— Дал слово? В чем?

— Что пойдет добровольно, — объяснил Дунай неуклюже.

— И ты поверил? — спросил Тулей.

Дунай отшатнулся, глаза выпучились.

— Ваше Величество... это ж артанин!

Тулей повернулся к Барвнику, пожал плечами.

— Видишь? Даже наш Дунай верит, если артане дают

слово. Да, в этом понятии о репутации что-то есть, есть... не ухвачу только, что именно.

Барвник поклонился.

— Есть, Ваше Величество. Свод законов, которые внутри нас. Которые запрещают что-то делать изнутри.

— Изнутри делать? — спросил Тулей насмешливо.

— Изнутри запрещают, — пояснил Барвник терпеливо. — А те запреты обмануть труднее, Ваше Величество, чем даже... Вас. Изнутри за нами постоянно кто-то наблюдает! И его не обманешь, он знает, что стоит за нашими словами и клятвами.

Остальные слушали их разговор с недоумением, Придон вообще перестал слушать, что-то совсем уж непонятное. Хотя насчет голоса изнутри правы: кто-то же подсказывает ему слова песен? Кто-то же иногда настолько завладевает его душой, сердцем... Даже всем телом, ибо иногда он говорит и делает то, что не собирався.

Иргильда заговорила первой, резким неприятным голосом сказала:

— Ваше Величество, сегодня ночью в своих покоях убит Кохан-младший, князь из достойного рода Коханских. Известно, что у них с этим артанином была ссора. Больше ни с кем Кохан не ссорился. А стража сразу же обнаружила, что артанин ночью сумел выломать решетку на окне и выбрался!..

Тулей покачал головой, взгляд был мрачен. Придон стоял, сжав челюсти, взгляд поверх голов, в голове стучалась только одна мысль: только бы не дознались, куда ходил на самом деле, даже если это спасет его шкуру! Имя Итании должно оставаться незапятнанным.

— И что же ты скажешь? — спросил Тулей. — Артанин, мы не выносим приговора, не выслушав обвиняемого!

Придон по-прежнему смотрел поверх головы куявского властелина. Это его раздражает, понятно, даже оскорбляет, но правы: что-то изнутри, очень сильное и властное, заставляет делать и нечто нелепое, вредное, и сейчас он

стоял надменно, расставив ноги и заложив руки за спину, смотрел вызывающе, что раздражает и оскорбляет не только Тулея, но всех в этой комнате.

— Ничего, — ответил Придон.

Тулей вскинул брови, Придон ощутил на себе его ошупывающий взор.

— Почему?

— А потому, — ответил Придон резко. — В Артании даже ребенок знает, что мужчина может сделать, а что нет.

Тулей всматривался некоторое время, хмыкнул, перевел взгляд на Барвника. Тот пожал плечами и отвернулся. Щажард смотрел себе под ноги. Иргильда сказала с торжеством:

— Ему сказать нечего!.. Он приперт к стене, даже не пробует защищаться. Ваше Величество, все ясно, пора выносить приговор. Убит один из кандидатов на руку Итании! Кому это выгодно? К тому же известно, что он ночью тайно покидал свою комнату, а утром сумел вернуться тем же путем.

Тулей кивнул, соглашаясь, перевел взгляд на Барвника. Тот пожал плечами.

— Вы хотите услышать мое мнение?

— Да, — подтвердил Тулей.

— Убил не он, — ответил старый маг.

Тулей хмыкнул.

— Но все улики падают на него, заметил?

— Ну и что?.. Он влюблен, Ваше Величество. Любовь завладела всем его существом. А любовь никогда не требует, она только дает. Любовь всегда страдает, никогда не выражает протеста, никогда не мстит за себя.

Иргильда презрительно фыркнула.

— А ты откуда такое знаешь?

Барвник смолчал, лишь поклонился с мрачным достоинством. Тулей слегка раздвинул губы в улыбке.

— Барвник, ты меня всегда удивляешь. Странные речи

от такого мудрого человека! Странные. Ты защищаешь безрассудство?

Барвник не нашелся что сказать, а Горасвильд поклонился королеве, затем только — Тулею, сказал с елейной улыбкой:

— Говорят, Ваше Величество, ваш любимый маг сам в молодости... поступал не очень... рассудительно.

Иргильда в удивлении вскинула тонкие брови, Тулей поинтересовался:

— Это верно?

Барвник ответил сухо:

— Кто никогда не совершал безрассудства, тот не так мудр, как ему кажется. Простите, мне добавить нечего.

Он поклонился, пряча лицо, а когда выпрямился, уже был сух, холоден и смотрелся так, словно его сто лет тому вырезали из дерева, а за это время еще и присыпали пылью.

Тулей оглядел всех, в комнате настала гробовая тишина, Тулей сказал тяжелым рассудительным голосом:

— Я не понял, что там насчет любовей... Возможно, ты прав, влюбленный не способен на преступление... Возможно. Но я другое вижу. Репутация!.. Когда закон бессилен... или может совершить ошибку, мир спасет репутация. Ну не может артанин тайком перерезать горло спящему, не может!.. Что-то артане могут, например — сжечь наше село вместе с женщинами и детьми, посадить людей на колья просто для потехи, но ударить в спину, ударить ниже пояса, зарезать спящего... гм... Тем более не сделает герой. Так что, несмотря на все улики против артанина, я объявляю его невиновным! А ты, Щажард, снова начни поиски — убийцу надо найти.

Барвник уронил взгляд, чтобы тцар не увидел в глазах опасного понимания. Артанина нельзя казнить еще и потому, что помимо них, собравшихся в этой комнате, не поверят и другие. Не поверят в Артании, не поверят в Славии, Вантите и, хуже всего, не поверят в дотоле верной Куявии. А это тяжелый удар по власти тцара. Власть тцара сильна до

тех пор, пока она... правильная. Пока ее одобряют, пока ей верят.

Придон поклонился, чуть-чуть, чтобы не подумали, будто переполнен благодарностью. Тцар не сделал ничего особенного, всего лишь поправил дурость своих подданных. Если копать глубже, то тцар отвечает за них, ибо сам ставил на эти должности, так что их дурь — это его дурь и его ошибки. На самом же деле это он, тцар Тулей, должен поклониться ему и попросить прощения за то, что поднял с постели, привел под стражей, какое-то время думал, что он, Придон, убийца. Но до такого понимания еще ни один тцар за пределами Артании, страны богов и героев, не дошел, так что и это здесь, в стране трусов и дураков, достижение.

Он выпрямился, сказал в пространство:

— Солнце взшло. Надеюсь, моего коня уже седлают?

Тулей несколько мгновений смотрел на него пристально. На лице попеременно вспыхивали раздражение, даже бешенство, тут же переходили в восторг. Наконец он сказал со вздохом:

— Не перестаю тобой любоваться, Придон. Ладно, езжай... Будь осторожен на улицах Куявии! Ты — герой, но теперь, как видишь, кому-то стал очень опасен.

Барвник напомнил:

— Ваше Величество, сроки...

Тулей хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да, вот еще. Как ты понимаешь, мы не можем ждать вечность. Итания состарится, если ты будешь искать долгие годы. Тем более, мы не будем знать, жив ты или твои кости уже давно белеют в лесах.

Придон сказал настороженно:

— Я понимаю.

Тулей оглянулся на Барвника.

— Сейчас какой день?.. Новолуние?.. Первая неделя? Придон, ты должен принести лезвие меча через месяц.

В такой же день рождения новой луны, как и сейчас. Или раньше. Но... не позже! Ты понял?

— Все понял, — ответил Придон с достоинством. — Я сейчас же покину город.

Тудей поморщился, на выходе из зала остановилась и повернулась в сторону двери Иргильда, одна. Даже свою неразлучную тень — Горасвильда отослала.

— Только не говори, — сказал он саркастически, — что ждала меня.

— Мой тцар, — сказала она высокомерно, — Вы это знаете. Зачем пустые слова?

Он взмахом отослал следовавших сзади, вокруг образовалось пустое пространство. Иргильда милостиво кивнула, что заставило его нахмуриться. Всегда ведет себя так, и всегда получается так, что он при ней будто старший над слугами. Мелкий управитель в ее дворце. Все-таки есть в этой высокорожденности нечто, что не выбьешь палкой и самому никак не обрести, несмотря на всю мощь всесильного государя.

— Ну-ну, — сказал он и добавил мстительно: — Брякай. Ты же умная у нас.

Она приподняла бровь, красиво и высокомерно. Глаза по-прежнему красивые, отметил он невольно, не портят даже мелкие морщинки у глаз, зря сводит всяческими колдовскими притираниями.

— Мне кажется, — произнесла она ровно, — Вы слишком много наобещали варвару.

Он скривился.

— Не начинай снова. Ты о Терпуге?

— Да. Ты же видишь, это самый удачный выбор.

Он кивнул.

— Возможно. А что это меняет?

— Обещание варвару, — напомнила она.

Он покачал головой.

— Знаешь, все будет по-твоему. Не потому, что ты вот

так меня вдруг переубедила... Просто варвару не собрать обломки меча. С тем мечом что-то связано страшное. Итания выйдет за Терпуга, так что умерь свою ненависть к артанину, она чересчур заметна.

— Ну и что?

Он усмехнулся с некоторым торжеством.

— А то, что тебя не все любят, не все. Чем больше твоей ненависти к артанину, тем больше у твоих противников к нему симпатии. И вот еще...

Она насторожилась, тон Тулея изменился от саркастически-покровительственного до очень серьезного.

— Слушаю тебя... тцар.

— Проскользнули слухи, что Придона кто-то пытался... ну, убить. Дважды. Один раз в городе, а второй раз, подумать только, здесь, во дворце! Это был бы позор лично для меня, а этого не допущу. Если такое случится, я знаю, с кем расправиться!.. Все запомнила, жена? А теперь иди.

Она вздрогнула от властного голоса и поспешно пошла к выходу, прежде чем сообразила, что на этот раз он ее отослал, как служанку.

Тулей потер ладонями лицо, так и не вспомнил, куда он шел, ругнулся и уже бесцельно приблизился к окну, выглянул. Во дворе стук копыт, это артанину выводят из конюшни коня, обтирают чистыми тряпками, укрывают попоной.

За спиной послышались шаги. Не оборачиваясь, узнал Барвника. Тот почтительно встал рядом, смотрел с краешку, стараясь понять, что заинтересовало тцара.

— Да, — сказал Тулей, — он герой... Если бы только не сочинял эти песни, на нем вообще бы ни единого пятнышка!

Барвник, не глядя на тцара, покачал головой.

— Да, все мы знаем, что легче и непрочнее песни ничего на свете нет... И что песни — самое нелепое занятие для мужчины. Тем более для такого, который может держать в

руках меч или топор... Дела мужчин — строить замки, создавать государства, завоевывать и покорять народы...

Тулей кивал, принимая мудрые слова старого мага. Но Барвник неожиданно закончил:

— Все же опыт меня научил... а также мудрость старых книг, что со временем рассыплются в прах замки, государства, забудутся имена правителей, даже некогда грозных народов... а вот песни... песни почему-то останутся.

Тулей нахмурился, засопел, но Барвник не отрывал взгляда от артанина далеко внизу, и Тулей смолчал.

Конь Придона нетерпеливо стучал копытом, уже оседланный, двое слуг привязывали седельные мешки на заводного коня. Снова появился Череве, суетился, распоряжался неумело и крикливо, но от Придона держался с другой стороны коня. Придон видел только толстые ноги в сапогах из неприлично мягкой кожи.

— Ладно, — сказал он громко, — Череве, не прячься. Я не знаю, что тебя так... но ты не совсем уж и предатель. Другие куявы куда хуже.

Череве вышел из-за коня, отряхивая руки, словно лично затягивал ремни. А может, и затягивал, чтобы хоть что-то сделать полезное для человека, которого готовился убить.

— Да что там, — буркнул он. — Я же не отказываюсь. Да, я прилетел на драконе с этими ребятами, чтобы убить тебя и других. И почти преуспел, разве не так?

Придон сказал со злым интересом:

— А что помешало?

— Снежная буря, — ответил Череве. — Снежная буря продержала нас двое суток в той проклятой пещере. До сих пор вздрагиваю! А за эти двое суток наслушался твоего бреда. Ну, весь этот лепет о несравненной и божественной... Насмотрелся на твои слезы. Двое суток некуда было деться, я слушал и смотрел. Пока меня всего не...

— Не выблевало?

Череве слабо улыбнулся.

— Нет, пока сквозь толстую шкуру ороговевшего сердца не проклюнулось одно воспоминание. Понимаешь ли, хоть как любовь ни редка и божественна... ибо это в самом деле бесценный дар богов, но... все это брехня, что любовь посещает только избранных. Даже — Избранных! Мол, для этого надо быть не то героями, не то вовсе потомками дэвов... Брехня это, Придон. Брехня. На самом же деле в жизни каждого мужчины, да-да, каждого, даже самого что ни есть простолюдина или нищего, бывает момент, когда ему стоит только протянуть руку... и взять этот дар!

Придон набычился, смотрел с подозрением. Череву, эта толстая жирная, самодовольная скотина, да чтоб мог даже говорить такое? Опять плетет какие-то козни?

— И что, — спросил он неверяще, — у тебя что... тоже такое было?

Череву помолчал, буркнул:

— Ты о чем?..

— Ну, сам понимаешь.

— Если о любви, то не было. А возможность... возможность была. Но я сам, трус проклятый... Да что я? Все мы так... ну, трусим. Даже те, кто не трусит на поле боя, в таких делах трусят. Почти все мужчины, за редчайшим исключением, трусовато избегают этого огня. Я уже знал по песням, легендам, пересказам о героях, что любовь всегда доставляет муки и почти всегда ведет к гибели. Даже к ранней гибели!.. И тебя приведет, Придон. А я был не по годам зрел и рассудителен. Не зря же теперь у меня такой высокий пост! Словом, я... не стал протягивать руку.

Придон подумал, кивнул с важностью. Недоставало еще, чтобы и эта жирная свинья оказалась в благородной армии любящих.

— Ты правильно поступил, — сказал он. — Зато теперь богат и знатен.

— Да, — согласился Череву трезвым, очень трезвым голосом, — да. Я богат и знатен. У меня собственный дворец,

куча слуг, наложниц. Но я долго не мог забыть, что я бы мог... мог!

В голосе этого знатнейшего и могущественнейшего бера звучала такая горечь, что Придон спросил с неловкостью:

— А кто она? Она тебя любила?

Черево отшатнулся.

— Любила? Нет, конечно. Она не замечала. Более того, никогда бы не заметила! А если бы я сказал ей о своей любви, только насмеялась бы жестоко.

Придон потрянул головой. С силой потер щеки ладонями, лоб.

— погоди, я ничего не понял. Так о чем ты жалеешь?

Черево молчал долго, наконец сказал тихо:

— Ты так и не понял?.. Я великую возможность любви неразделенной потерял.

Часть III

ГЛАВА 1

Вяземайт с угрюмой злостью смотрел на ночное небо. Везде побывал человек, по крайней мере — в Артании, разве что самые высокие горные долины пока что недоступны, да и то вопрос времени, лишь небо недостижимо, загадочно, недоступно. Для всех недоступно, даже для богов, ибо тоже здесь, на земле: среди лесов, степей, поднимаются из глубин земли, иные появляются из грозовых туч, но это все здесь, земное. Увы, небесная твердь отделяет тот, Высший Мир, от этого, земного...

Он вспоминал рассказы старых волхвов про те давние времена, когда не было богов, ни молодых, ни старых, а гремела Великая Битва, суть которой непостижима даже мудрым волхвам. Известно только, что человек, лучшее создание Творца, вел себя совсем не так, как задумал Творец, но Творец по-прежнему любил человека и не желал уничтожить человеческий род, к чему подталкивали его овеществленные мысли... Тут мнения толкователей поступков Творца становились совсем запутанными, ведь Творец — един, а его мысли — всего лишь мысли, значит — он спорил сам с собой, сомневался, колебался.

Когда требования этих мыслей стали совсем уж настойчивыми, Творец предложил им облечься плотью, ведь те — чистая мысль и плоти не имеют, и отправиться на землю, дабы поправить, как считают правильным. Двести спустились на высокую гору, облеклись во плоть и пришли к людям. Но недооценили мощь тьмы, заключенную в сы-

рой глине, из которой был сотворен человек, и едва им повстречались земные женщины, были покорены их красотой, новыми нахлынувшими чувствами, страстями, похотью и любовью.

От этих браков рождались странные дети, самыми человеческими из которых были великаны. Обладая огромной силой, двинулись по земле, прокладывая новые дороги через непроходимые леса, перекидывая мосты через бурные реки, пробивая проходы в каменных стенах. Они защищали людей от чудовищ, но, когда самим хотелось есть, с полным равнодушием отнимали еду у людей, а когда ее оказывалось мало, хватали и ели их самих.

От приземленных мыслей Творца, у которых лишь оболочка была плотской, родились драконы, грифоны, дэвы, а также бессмертные существа, облеченные плотью, которые позже стали богами. Теми богами, которых принято называть Старшими, правившими миром неисчислимые тысячи лет после ухода Падших, так позже стали называть приземленные мысли Творца. Правили до прихода Новых богов, или Молодых, как те себя назвали.

Тем временем сами Падшие, счастливо открыв для себя такие могучие чувства, как плотская любовь, ревность, верность, достоинство, продолжали учить людей тому, что знали. Самый старший из них, чье имя ныне под запретом, научил людей делать мечи и железные ножи, щиты и доспехи, научил прорывать шахты, добывать металлы и самоцветы, а также поведал о свойствах драгоценных камней. Так в мире появилась зависть, люди стали убивать друг друга из-за драгоценных металлов и камней. Шамхазай — помощник главного бунтаря — научил людей колдовству и магическим свойствам растений. Бракиель научил людей наблюдать за звездами, Кохвиель и Тамиель показали зависимость между жизнью человека и небесными светилами, а Сахариель дал понимание о периодах Луны. Само по себе это не так уж и плохо, но люди все эти знания стали использовать себе во вред. Железными мечами убивали друг друга из-за драгоценностей, ибо земель тогда всем хватало,

а там, где не помогало оружие, — пользовались подлейшим колдовством и растительными ядами.

Все больше и больше в человеке брала верх глина, а глина — это Тьма, и тогда Творец с болью в сердце послал четыре своих возвышенные мысли — Уриеля, Михаеля, Гавриеля и Рафаеля — для изъятия приземленных мыслей с земли и наказания их. Каждый из Падших получил срок наказания в аду — кроме самого главного, чье имя с тех пор под запретом, тот остался в этом земном мире и был заточен под одной из скал.

С тех темных и страшных времен прошли тысячи лет, прежде чем силу набрали существа, названные затем богами. Сперва были даже слабее великанов, драконов, горгон, грифонов, дэвов и прочих дивных детей падших мыслей Творца, но были бессмертными, потому хоть и медленно, но набирали мощь. Их силу начинали признавать люди и звери, ощутили на себе птицы и рыбы, деревья и камни. Испуганные люди начали приносить им жертвы и просить защиты, это увеличивало мощь богов, а через капища и храмы, выстроенные в их честь, они могли, не сдвигаясь с места, видеть все, что там происходит, и даже мгновенно появляться в тех храмах. Потому боги ревностно следили, чтобы храмы ставили всюду, чтобы приносили жертвы. Сами наибольшим вниманием одаряли тех людей, кто мог пробраться в неведомые ранее земли и поставить им храм, капище или хотя бы жертвенник.

Потом и среди богов произошла Великая, как называют, битва. Поколение старых богов, что от падших мыслей Творца, было свергнуто новыми богами, что произошли... здесь мнения волхвов расходятся, а предположения высказываются порой настолько дикие, что Вяземайт просто отбросил их скопом, ибо верховному волхву надлежит думать о стране, а не ломать голову над тайнами мироздания.

Сейчас старые боги заключены либо под землю, либо в горах и скалах. Они бессмертны, они страдают, они полны ярости и ненависти к молодым богам и этому миру...

Вяземайт содрогнулся всем телом. Сердце стучит тре-

можно, что-то в мире произойдет, слишком долго жили без катаклизмов. А боги ревнивы, не желают, чтобы люди жили счастливее, чем они, боги. Откуда придет беда? Откуда грозят великие испытания? В горах, говорят, по-прежнему сильны драконы, а в Куявии их вообще даже приручили, разводят, взяли под защиту. Стоит только вспомнить, как на драконе их перевезли через горы, пропасти, ущелья, пики, бездны! В лесах Славии, по слухам, расплодился лесной народ, что днем носится быстрее птиц, а ночью пускает корни и тянет соки из матери-земли. Эти люди почти бессмертны, ибо живут тысячи лет, как и деревья, удар топора по их телам оставляет лишь крохотную зарубку, как на дереве, а страшатся только огня. Из горных пещер все чаще выходят странные народы, что живут в глубинах земли, а наверх могут выйти только в дождливую ночь, чтобы и звезд не видеть за тучами, а лунный свет им вообще выжжет глаза, как наземным — жаркое полуденное солнце.

Пришел Аснерд, что-то спрашивал, Вяземайт лишь отмахнулся. Явились молодые воины, этих Вяземайт отправил повелительным жестом на охоту, глаза его медленно закрылись. Спина не чувствовала шероховатый ствол дерева, чувства обострились, но в то же время начал ощущать все запахи, слышать рост травы, и потому вообще, казалось, перестал что-либо слышать и даже чувствовать. В мозгу медленно и лениво ползли мысли о Придоне, о растоптанных сапогах, о цепочке муравьев, что пересекли ему дорогу прямо перед шатром, о запахе лопнувшего под подошвой лесного яблока...

Когда Аснерд вошел снова и нетерпеливо обратился с чем-то пустяковым, Вяземайт открыл непонимающие глаза. Аснерд прорычал сердито:

— Я за него беспокоюсь, а этот кабан — спит?

— Ну, — сказал Вяземайт, — не совсем...

— Ну хоть что-то увидел? Или потерял нюх?

— Это ты потерял нюх, — ответил Вяземайт кратко. — Мы раздражили темные силы, Аснерд... Я? Тоже с тобой,

как же? Но главное — Придон. Они его уничтожат... Но если удастся как-то обойти их, то не миновать тех, кто за ними.

— А кто за ними? — спросил Аснерд настороженно. — Какие-то герои?

— Хуже, Аснерд. За ними — бог. Старый, древний.

Аснерд вышел на цыпочках. А Вяземайт всю ночь жег волшебные коренья, вызывал духов предков, общался с богами, а потом с кучей волхвов пытался понять, что же те поведали. Аснерд видел, что верховный волхв мрачнел все больше, лицо вытянулось, в глазах появился страх.

Когда Вяземайт наконец ввалился в комнату и рухнул за стол, Аснерд заботливо придвинул кувшин с охлажденным соком грачника.

— Держись, — сказал он. — Догадываюсь, что это не топором махать.

Вяземайт долго и жадно пил, от нетерпения проливая струйки на грудь. Руки за эту ночь стали тоньше, словно неведомый жар иссушил тело, лицо исхудало, желтая кожа туго обтягивала выступающие кости.

— Аснерд, — сказал он хрипло. Сделал еще пару великанских глотков, задрал кувшин кверху дном, поймал последние капли широко распахнутым ртом. — Аснерд... сегодня я заглянул в бездны.

Он со стуком поставил кувшин. Столешница протесняющееся скрипнула.

— В бездну?

— В бездны. Увидел... я увидел такое, Аснерд, что язык немеет, превращается в деревяшку. Нет ни слов, ни... ничего нет, Аснерд, чтобы хоть близко... Я видел хаос, жуткий и страшный. В нем ни черноты, ни жара, ни холода, в нем ничего нет. Видел блистающий свет, видел краеугольный камень... хотя это и не камень вовсе, а... Но с того камня начался белый свет. Нет, белый свет начался на день или два раньше, а с камня начались мы... начался закон, порядок, упорядочивание... Так вот, Аснерд, я многое не понимаю, вообще ничего не понимаю, но все во мне говорит, что очень опасное дело мы затеяли.

Аснерд хмыкнул.

— Ну и что? Опасность — это как песня для артанина, как молодая трава для его коня!

— Я не о том. Мы нехорошее дело затеяли. Опасности для нас — что? Что нам беды, невзгоды, драконы, дивы, колдуны и горные великаны?... Но сейчас... сейчас хуже.

— Но что?

— Нам пришлось бы пойти против самого Творца.

— Что-о-о?... Ты имеешь в виду богов? Так ты уже вчера это сказал!

Вяземайт вяло отмахнулся.

— Что боги, даже Старшие?... Так, муравьи под ногами Творца.

Придон несясь впереди отряда, постанывал сквозь зубы. Тулей навязал ему целую сотню сопровождающих, где-то на пути есть земли мятежных береов или даже князей, что не то что не признают власти Тулея, но могут обидеть одинокого путника, напасть на караван, ограбить переселенцев или принудить поселиться в своих владениях.

Воины, надо признать, все, как один, бывалые, тертые, привыкшие к жизни в степи, на заставах, умеющие спать в доспехах и вполглаза. Они смеялись и шутили там, позади, ехали по кувяским меркам очень быстро, не понимали артанина, для которого весь отряд едва переползает от одной роши к другой, где тут же располагается на отдых, кони-де притомились. Артанские кони за это время еще не разогрелись бы...

На пятый день пути справа возникло облачко пыли, быстро пошло им наперерез. Кувявы насторожились, быстро достали из мешков доспехи, облачились, напялили шлемы, закрывающие не только голову, но и лицо так, что для глаз одна узкая прорезь. Ладони на рукоятях мечей.

В облачке заблистали искры, вскоре вперед вырвались бешено скачущие кони, а желтая пыль кружилась позади, да стала видна большая стая ворон, преследующая всадни-

ков. Придон первым узнал их, гордо выпрямился, еще горделивее поглядывал на куявских воинов.

Впереди неслись Аснерд и Вяземайт, за ними еще пять всадников. Придон впервые посмотрел на артан глазами куявов, понял, почему те побледнели и начинают ерзать в седлах. Аснерд и Вяземайт скачут на артанских конях, что значит — несутся, как низколетящие птицы, но это не кони, а настоящие горы, как и сами богатыри, а туча ворон за ними — просто крупные комья земли, выброшенные чудовищными копытами артанских скакунов.

— Это ко мне, — сказал Придон громко. — Мечи — в ножны!

Куявы с огромным облегчением убрали пальцы с рукоятей мечей. Аснерд начал придерживать коня, Вяземайт остановил чуть позже, его жеребец даже присел на круп, а копыта пропахали в твердой каменистой земле глубокие борозды, словно по мягкой глине. Вяземайт огромен и страшен, если смотреть глазами куявов, его кожа превратилась в плотные доспехи, потому и скачет обнаженным до пояса, а его спутник так и вовсе чудовище, это же ожившая каменная гора, не человек...

Аснерд подъехал ближе, обнялись, не покидая седел, Аснерд похлопал Придона по плечу.

— Отъелся на куявских харчах, отъелся...

— Что-то случилось? — спросил Придон.

— Да, — ответил Аснерд. Он оглянулся на Вяземайта, тот нахмурился. — Да, Придон. Объяви привал. Мы торопились перехватить тебя. Есть что сказать важное.

Пятеро молодых артан, которым выпала честь сопровождать старых героев, уже торопливо ставили большой шатер. Один бросился разжигать костер вблизи входа. Еще один сбросил с седла подстреленную по дороге серну.

Куявы, переговариваясь, отъехали в сторону, покинули седла, кто-то пустил коня пастись нерасседланным, кто-то углядел в сторонке ручеек и поспешил туда, чтобы успеть напоить коня и самому напиться, пока вода чистая.

Придон передал коня молодым воинам, чуть не пере-

дрались за честь отвести на водопой, нырнул в шатер. Вяземайт с кряхтением опустился на расстеленную шкуру горного льва. Вошел Аснерд, буркнул:

— Не умеют молодые мясо жарить... Ну, Придон, у нас плохие новости.

— Догадываюсь, — буркнул Придон.

— Откуда?

— Морды у вас такие. Плохейные.

Они помолчали, собираясь с мыслями. За это время серну разделали и пожарили, в шатер внесли горячее мясо. Аснерд схватил ломоть, ругнулся, обжигаясь, начал с жадностью пожирать, перетирая нежное мясо крепкими желтыми зубами.

Вяземайт и Придон ели спокойнее, держали лица. Аснерд проглотил крупный кус, едва не посинел, а потом просипел сдавленным горлом:

— Придон, на этот раз Славия... А там, волхвы говорят, тебе никак не пройти мимо Листогерта. Это древний бог. Не из тех, кто правит миром сейчас, а из первых богов, старых!.. Он свергнут и заточен, но боги бессмертны, он и в темнице копит мощь, она уже неимоверна... Хуже всего то, что бог этот в ярости. Он ослеплен злобой, он разрушит все, весь мир, едва вырвется из темницы...

— Так пусть там и сидит, — рассудил Придон.

Аснерд ухватил другой ломоть мяса, взглянул на Вяземайта, челюсти заработали часто и мощно. Вяземайт отер тыльной стороной ладони замасленные губы.

— Придон, — сказал он мягко, — тебе его не обойти.

— Почему?

— У него ключ. Только он может сказать, где лезвие этого меча. Надо тебе сказать, что с этим мечом вообще что-то странное...

— Что?

— Не знаю. Но мне кажется, он намного древнее, чем даже известно по хроникам и легендам.

Придон пожал плечами:

— Мне все равно. Мне нужен меч, а сколько ему лет и кто его ковал — все равно.

— Листогерт, — произнес Вяземайт. Лицо его стало серым. — Листогерт... запомнил? Это намного хуже, чем все джинны, дэвы и чудовища, вместе взятые.

Придон ответил нетерпеливо:

— Я не знаю ни чужих богов, ни чужих демонов, ни чужих алтарей. Если мне загородят путь, я все равно пройду.

Вяземайт беспомощно взглянул на Аснерда. Тот, продолжая жевать, кивнул на палицу, она лежала в углу шатра.

— Ну дури. Поддай-ка мне лучше мою палицу.

Придон нагнулся, пальцы дотянулись до отполированной частым касанием рукояти. Палица не сдвинулась, он нагнулся сильнее, ухватил крепче, но палица оставалась как приклеенная. Ему показалось, что Аснерд хмыкнул. Покраснев, он встал над палицей, нагнулся и схватил палицу уже со злостью и решимостью вздернуть прямо над головой. Она оставалась неподвижной, словно он пытался поднять скалу.

Аснерд наблюдал за ним с интересом. Придон, багровый от стыда и унижения, ухватил палицу двумя руками. Мышцы затрещали, палица начала приподниматься. Он оторвал ее от земли, начал поворачиваться, но пальцы не удержали чудовищный вес. Палица рухнула, едва не угодив ему по ноге.

Аснерд покачал головой, его рука без труда подхватила палицу, Придон с недоумением и страхом наблюдал, как Аснерд легко повесил ее справа на пояс, глаза его смеялись.

— Еще не понял?

— Понял, — сказал Придон со злостью. — Да, я не самый великий на свете герой! Но мне нужен этот меч, и я его получу. Или умру на пути к нему. Однако я пойду, все равно пойду... Кто этот Листогерт, кроме того, что он бог?

— Этого мало? — удивился Вяземайт.

— Нет, но я слышал, что были герои, побеждали даже богов.

Аснерд сказал гулко:

— Враки. Это придумали позже.

— Аснерд, — вырвалось у Придона с болью, — но что мне остается? Я выбрал эту дорогу!.. Говорят, что такие, как я, долго не живут. Наверное, это так. Умнее было бы отступить, но мы идем дальше... пусть даже будем видеть впереди гибель.

Полог шатра захлопал, Придон оглянулся, но это просто поднялся ветер, засвистел по ту сторону на разные голоса. Вяземайт долго прислушивался, взор стал отстраненным, кусок мяса вывалился из руки. Придон хотел окликнуть волхва, наткнулся на предостерегающий взгляд Аснерда. Вяземайт часто задышал, лицо перекосилось, на нем отразился смертельный ужас. Кожа посерела, на лбу выступили бисеринки пота, собрались в капли, начали срываться тонкими струйками по лицу, капали на обнаженную грудь.

Аснерд потупился, даже кусок мяса опустил, не замечая, что сладкий сок течет по пальцам. Придон неотрывно смотрел на Вяземайта. До этого не раз видел, как старый волхв становился багровым от нечеловеческих усилий, как бледнел от ярости, как его массивное лицо наполняется кровью при виде врага, даже видел его синим от смертельной усталости, изнеможения, но вот таким пепельно-серым — впервые.

— Придон, — проговорил Аснерд не своим голосом, — ты знаешь, что ты творишь?..

— Нет, — ответил Придон, — а зачем? Такое чувствуют, а не знают.

— Да?.. наверное. Но вот Вяземайт, похоже, уже знает. Или видит...

Придон сказал с завистью:

— Хотел бы я тоже вот так, прозревать взором!

— Сплюнь, — посоветовал Аснерд очень серьезно. — Я знавал даже волхвов, что впадали в безумие, накладывали на себя руки, бросались в пропасти, ибо не могли вынести то, что им открылось...

— А что им открывалось?

— Никто не знает. Возможно, сами не понимали, что видели. Только чувствовали, что великое, неимоверно великое, что не вмещается в сознании. Это сводило с ума.

Он умолк, смотрел на Вяземайта. Волхв дышал часто, с хрипами, но цвет лица возвращался, наконец он открыл глаза, Аснерд тут же протянул кувшин с настоем огонь-корня. Вяземайт пил жадно, руки крупно тряслись, зубы стучали по краю кувшина.

Аснерд сказал осторожно:

— Поспишь, отдохнешь?

Вяземайт покачал головой.

— Я из старых дубов, выдержу. Только бы теперь вы оба выдержали.

— Говори, — предложил Аснерд.

Придон настороженно молчал.

— Придон, — сказал Вяземайт хриплым страдальческим голосом, — мы сами — безумцы, что поддержали тебя... Надо было остановиться раньше. Правда, и сейчас, возможно, еще можно. Ты не знаешь, что безумцы подталкивают тебя выступить против самого Творца этого мира!.. Я не знаю, зачем он породил богов, но каждый знает, что Творец лишь дремлет, а не спит и не мертв, как хотелось бы волхвам!.. Придон, с богами как-то удастся договориться, принести им жертвы, дать обет, построить для них жертвенник или храм, совершить паломничество в дикие края, где не знали их имя, и водрузить там жертвенник в их честь... За это польщенные боги прощают любой поступок. Но не так с Творцом! Он... он беспощаден. Если ты что-то сделал против него, то участь твоя страшна. Уже никто тебя не спасет и ничто не отстрочит гибель. Он не знает ни жалости, ни снисхождения.

Придон слушал, лицо его тоже посерело. Он чувствовал, что съеживается, становится меньше ростом, словно тень могучего Творца, бога более древнего, чем сами боги, выросла перед ним, а Творец уже протянул к нему карающую десницу.

— Я должен... — прошептал он такими же серыми и похолодевшими губами. — Я должен... Нет жизни без Итании!

Вяземайт снова припал к кувшину. Аснерд прокашлялся, сказал тяжелым, как горы, голосом:

— Придон, я хочу тебе сказать... Посмотри на мир! Ты видишь, он существует и без нас с тобой. Если вдруг случится ужасное: ты умрешь, умрет Вяземайт и умрем мы все здесь, то мир этого даже не заметит. Люди будут все так же пахать и сеять, веселиться, рожать, растить детей, пасти скот, танцевать на свадьбах... Но если разбудишь Творца, участь твоя и всех нас решена, как говорит наш волхв, и взвешена. Более того, Творец может уничтожить весь род людской.

Вяземайт сказал невесело:

— Все те всемирные потопа, которые он уже насылал, покажутся всего лишь ласковым предупреждением.

— Шлепком по заднице, — прорычал Аснерд. — Расшалившемуся... Придону тех лет! Люди и раньше раздражали Творца, он уже населял землю заново. Возможно, на этот раз он вообще захочет вернуть землю в хаос, погасить Свет, который зажег перед началом Творения, создать что-то иное. Это все в его власти, Придон!

Слова обрушивались на Придона, словно тяжелые горы. Он вздрагивал, пригibal голову, лоб покрылся испариной, на висках вздулись толстые, как пиявки, темные жилы. В глазах было отчаяние, он прошептал:

— Нет жизни без Итании...

— Есть, — возразил Аснерд уже мягче, — а вот без человечества нет...

— Но как я буду жить?

— Просто, — ответил Аснерд. — Как живет большинство.

А Вяземайт поерзал в кресле, с кривой усмешкой кивнул на Аснерда:

— Вон как он живет. Разве не счастлив? Посмотри на его рожу! А ведь признался, что устрасился сорвать цветок на краю пропасти!

Аснерд смолчал, взгляд был устремлен в пол. Придону показалось, что от фигуры старого воина пахнуло не порицанием, а странным сочувствием.

— Но я не устрасился, — ответил Придон пылко.

— Да. Ты не устрасился. Но это касается твоей жизни. А если всей Артании? Вообще рода людского?

Придон опустил голову. Он весь вздрагивал, неведомые силы сражались в нем, как могучие рати в тесной долине. Тело дергалось, а на лице быстро сменялись ярость, страх, неведомая ранее кротость, вдруг снова звериный оскал, вздутые желваки и воинственно выдвинутая нижняя челюсть, потом окаменевшие мышцы расслаблялись, уходили вглубь, снова покорность и смирение перед неизбежностью.

Именно эта покорность и смирение с неизбежностью завладели душой, когда он вздохнул тяжело и сказал тихо:

— Да, вы правы. Я ничего не могу с собой поделать. Я поеду за мечом Хорса и сделаю все, чтобы его добыть... Ибо я — человек! Отказаться, отступить, уступить — это наступить на горло своей песне... и перестать быть человеком. Не этого ли возжелал Творец, называемый еще Темным Богом?

ГЛАВА 2

У него было суровое лицо, печать обреченности легла, как густая тень, погасив краски. Аснерд и Вяземайт долго мяли его в объятиях, всматривались, понимая, что видят в последний раз. Молодые герои уже сидели в седлах, молчали, чуяли, что происходит нечто важное.

— Прощай, — сказал наконец Аснерд. — Наша беда в том, что мы, артане, идем до конца.

— Возможно, — добавил Вяземайт невесело, — артане первыми исчезнут с лица земли... Но будут последними, о ком перестанут петь!

Они стегнули коней, за ними быстро повернули и

унеслись молодые. Куявы заворуженно смотрели вслед, не часто видишь таких героев, даже о встрече с такими вспоминают всю жизнь и рассказывают дома.

Придон оглядел их, сказал резко:

— Все, возвращайтесь!.. Вон там уже кордон со Славией.

Дунай поглядел, поколебался, сказал с сомнением:

— Ну, вообще-то, можно. Если думаешь, что мне очень хочется везти тебя в Славию, ошибаешься. Родзяник, Щелепа!

Двое воинов выехали вперед, один сказал:

— Да, мы поедem с ним. В самом деле, тут рукой подать.

Дунай кивнул Придону.

— Если хочешь, могу даже пожелать тебе удачи. Все равно это не поможет, я кое-что слышал о том, с чем столкнешься. Эти двое поедут с тобой, это распоряжение Тулея. У героя всегда должны быть, ха-ха, помощники!

Придон оглядел обоих воинов, Дунай назвал их Родзяником и Щелепой.

— Эти? Почему они? Вон те, — он указал на воинов сотни, — выглядят куда крепче.

Дунай сказал с усмешкой:

— Я слышу артанина.

— Да, — ответил Придон твердо, — я — артанин. И пока еще не стыдился этого.

— Не надо обижаться, — сказал Дунай покровительственно. — Артане по своей дикости в первую очередь замечают рост и ширину плеч. Да еще, конечно, толщину рук. Но сила не только в крепости мышц, герой.

Придон пожал плечами. Неясности никогда не нравились, а когда начинались, он торопливо уходил от них.

— Эти, — сказал он равнодушно, — так эти. Вам виднее. Лишь бы не мешались под ногами.

Дунай молча повернул коня, взмахнул рукой, сотня воинов ответила радостным ревом. Придон проследил взглядом, как пошли обратно сразу галопом, повернулся к воинам:

— Кто из вас кто?

Земля привычно гремела под копытами, он несся на заводном куявском коне, давая отдохнуть своему скакуну, тот мчался сзади, но и этот летит так, что земля слилась в серую полосу, а стук копыт превратился в монотонный шум дождя.

Он пригнулся, прячась от ветра. Не то чтобы ветер так уж сдует, как сухой лист, просто мешает мечтать и грезить об Итании. А мечтать и грезить о ней он готов всегда, всюду.

Родзяник и Щелепа неслись следом. К его удивлению, не отстают, держатся прямо за спиной. Правда, коней им отбирали по всей Куявии. Рослые кони, сильные, к тому же быстрые и выносливые, как все кони Артании. А сами Родзяник и Щелепа в доспехах, но без толстых панцирей, всего лишь в блещущих, как мокрая рыба чешуя, легких кольчугах.

Обычно держались вплотную за спиной, а когда позволяла дорога, брали его в подобие клещей и вызывающе по-сматривали по сторонам, словно провоцируя нападение. Придон хмуро улыбался, такое рвение понятно, хотят выказать себя перед ним героями. Сами по себе оба крепкие дубки, могучие, есть сила в руках, есть жажда показать себя в мужском деле, а не только в дворцовых покоях, где одни пьянки да распущенные девки, подмигивающие жены боров, дворцовые сладострастные женщины, непонятно, кто и чем занимается...

На развилке дорог он свернул направо, тут же догнал Родзяник, а затем и Щелепа, у него конь чуть поплосше, едва ли не в один голос закричали:

— Это длинная дорога!.. Надо на ту, что во-о-он там!

Придон изумился:

— Но эта дорога ведет в Славию, даже я знаю.

— Это дорога торговцев, — объяснил Родзяник. — Хорошая дорога: широкая, вымощенная камнем, с указателями, а через каждые три дневных перехода всегда большой постоялый двор. Можно есть, пить, спать, дать отдохнуть коням...

Щелепа хохотнул и ядовито добавил:

— Еще там воинские отряды через каждые десять верст. Чтобы защищать караваны от разбойников. Конечно, я понимаю, отважному артанину никто не страшен...

Придон нахмурился, куяв издевается, ясно. Если со всеми по дороге драться, то двигаться будешь медленно. А там и власти Славии, встревоженные, что кто-то побивает их заставы, вышлют навстречу целое войско.

— А что с другой дорогой?

— О, она скоро станет тропой, а потом и вовсе сгинет. Там дикие непроходимые леса. Там даже сами славы, судя по всему, не живут. Если пройти через тот лес, а он не так уж и велик, то сразу будет Черное Капище. Но, конечно, если доблестный артанин желает обязательно подраться, можно и по главной дороге...

Придон молча повернул коня.

Еще когда мчались сюда со всей сотней Дуная, каменистое плато уже гремело под копытами, а сейчас оно заметно приподнималось и приподнималось, словно стремилось привести их на небо. Воздух становился свежее и чище, словно он снова очутился в горах.

Родзяник догнал, лицо веселое, рука выстрелила вперед повелительным жестом:

— Славия!

Придон заставил усталого коня перейти с шага на рысь, затем на галоп. Что-то неправильное чудилось впереди. Он не мог сообразить, что именно, только линия горизонта почему-то быстро приближалась, а он уже привык не спрашивать больше по-детски волхвов: почему, сколько ни скачи, а линия между небом и землей все отодвигается и отодвигается?

Сейчас же эта линия, напротив, с каждым конским скоком становилась ближе и ближе. Горизонт был в виде выщербленного скалистого края. Конь захрапел, прижал

уши. Придон сбавил бег, а в десятке шагов от этого чуда остановился и соскочил на землю.

Впереди край света, так почудилось в первое мгновение. Земля обрывается отвесно, словно он, как крохотный муравей, стоит на вершине каменной стены. Далеко внизу в жуткой бездне клубится желтый неприятный туман. Плита, что несколько дней вела с небольшим наклоном вверх, закончилась. Сейчас он стоит на ее краешке. На самом краешке огромной каменной плиты.

По телу прошли мурашки, он начал догадываться, что там, внизу. Послышался стук копыт, конский храп, шаги. Голос за спиной произнес:

— Отсюда всего сутки... от силы двое!.. до Черного Капища.

Подъехал Щелепа, посмотрел с седла, не слезая, сказал уныло:

— Двое суток?.. Это ворона долетит за двое суток.

— А ты чем хуже вороны? — спросил Родзяник. — Ты же почти орел!.. Вон у тебя какой нос... красивый.

Щелепа потрогал свой длинный крючковатый нос, в глазах мелькнуло злое, не поверил, пожал плечами.

— Отдохнем, — сказал он и спрыгнул на землю, — подумаем, как спускаться.

Придон подошел к самому краю, всматривался в желто-зеленую жуть внизу. Живя в чистом, прокаленном солнцем мире ровной, как обеденный стол, степи, он не любил и боялся лесов, хотя что за леса в Степи? Так, мелкие рощи, просматриваемые насквозь. Только в северной части Артании, что граничит со Славией, уже да, леса. Настоящие. У него все тело покрывалось мурашками, когда вступал под сень, так это называлось, сень леса. Над головой вместо бездонного пронзительно синего неба, иногда с облачками, появляется низкий зеленый полог, постоянно шевелятся ветки, по ним что-то ползает, скачет, наблюдает за ним враждебно и злобно.

Кордоны между Куявией, Артанией и Славией сложились как бы сами, где по рекам, а где по горным хребтам,

там зимой вовсе ни пройти, ни проехать, да и летом непросто провести войско горными тропами, а вот сейчас он на высшей точке каменного плато, солнце жжет кожу, но почему во всем теле ширится, расплзается смертельный холод могилы?

Там внизу уже Славия... Славия в виде сплошного топкого болота, поросшего предательским мхом. Даже не кочками, тогда можно бы еще попробовать прыгать с одной на другую, как делают это порождение жаб — славы... хотя, если честно, он никогда на такое не решится, у него затрясутся колени, и тут же промахнется мимо кочки в гнилую воду, где топь заглотнет его сразу же.

Болото бесконечное, тухлое, даже сюда, на такую высоту донесло сладковатый запах разложения, гнилья, особенно мерзкий для человека чистых солнечных запахов степи. Кое-где пятна не зеленые, а вовсе желтые, а то и красноватые, словно нарывы на теле человека или животного. А вон там бугрится, будто из мерзких глубин поднимается исполинский пузырь болотного газа, уперся в моховой покров, ищет, где прорвать...

Придон вздрогнул, наконец-то ощутив, что видит не пузырь болотного смрада, а холм, поросший лесом. И не болото там вовсе, а сплошной дремучий лес, что с этой высоты выглядит толстым слоем мха на стареющем болоте.

За спиной Родзяник долгое время смотрел с седла, слез с великой неохотой, будто этот обрыв его изумил до крайности, а ведь еще Дунай говорил, это эти двое знают все дорожки как свои пять пальцев, даже бывали в Славии не раз. Щелепа соскочил на землю бодрее, с Родзяником переговаривались вполголоса, Придон не прислушивался, только слышал в голосе Родзяника сильнейшее раздражение.

За спиной послышались шаги.

— Как будем слезать? — спросил Щелепа. Он подошел ближе, опасливо вытянул голову. Чертыхнулся, отступил. — Ничего не боюсь, но вот высоты...

— Так зачем же вызвался? — спросил Придон.

— Я ж говорю, — ответил Щелепа с обидой, — что ничего не боюсь! Мне бы только слезть...

Подошел Родзяник, скалил зубы. Придону очень не понравились глаза бывалого воина. Так смотрят лишь на человека, которому вот-вот нанесут смертельный удар. Правда, Родзяник тут же отвел взгляд, даже улыбнулся, но Придон ощущал себя так, словно по груди проползла большая холодная змея.

Щелепа, посвистывая, принялся снимать с заводного коня мотки прочнейшей веревки. Закрепил конец за выступ скалы, остановился в задумчивости. Родзяник сказал раздраженно:

— Что застыл? Другой конец себе за пояс — вот и все.

— А вдруг расстегнется? — спросил Щелепа. — Я ж так хорошо пообедал...

— Тогда обвяжись, — посоветовал Родзяник. — Только и всего.

— А дальше?

Придон, не обращая на них внимания, потуже затянул перевязь, ножны меча бога войны прижались к спине, как будто стали ее частью. Родзяник посматривал неодобрительно, сказал наконец:

— Это не мое дело, но... тебе лучше передать эти ножны одному из нас.

— Почему? — спросил Придон враждебно.

— Тебе спускаться первым, — объяснил Родзяник. — Если там какая-то дрянь, то и драться в одиночку. Мы когда еще поспеем!

— Ну и что?

— Если по привычке схватишься за рукоять меча, — объяснил Родзяник, как дурачку, — а меча там нет, одна рукоять...

— Я не схвачусь за рукоять меча, — сказал Придон.

А Щелепа буркнул за его спиной:

— Гордые артане дерутся только топорами. Как плотники.

— Эй-эй, — сказал Родзяник, — не дразнись. У нас се-

годня будет нелегкий день... Хотя, если честно, я бы меч все-таки передал. У тебя, доблестный Придон, руки должны быть свободны.

— Обойдетесь, — буркнул Придон.

Что-то в его тоне не понравилось Родзянику, он вскинул тонкие женские брови.

— Ты что... нам не доверяешь?

— Когда меч за спиной у меня, — сказал Придон насмешливо, — вам не так захочется перерезать веревку.

Щелепа оскорблено фыркнул, Родзяник покачал головой.

— Зря ты так.

— Он нас обижает, — сказал Щелепа печально.

Придон, не слушая, обвязал веревку вокруг пояса. Во всем теле был холод, кончики пальцев покалывало. Он рожден в Степи и для Степи, для него вот так, на край бездны — это холод во внутренностях и страх во всем теле, это душа в пятках, это запрятанный глубоко свинячий визг, что рвется наружу...

Внезапно холод пронзил его до мозга костей. Резкий, ужасающий холод, тело застыло, а с последним выдохом вылетело облачко пара. Он силился крикнуть, но губы не двигались. Кровь замерзла, превращалась в льдинки, он чувствовал, как эти льдинки начинают разрывать ткань.

За спиной послышались шаги. Он успел удивиться и обрадоваться, этот холод сковывает только его, так что еще не все потеряно, но донесся довольный голос Щелепы:

— Как ты его шарахнул!.. Он уже инеем покрывлся.

— Теперь талисман выбрасывать, — послышался раздраженный голос Родзяника. — Я не думал, что он вот так весь... Дунай обещал, что на десять героев или сотню простых воинов хватит!

— А может, этот и стоит десятка героев, — ответил Щелепа. — А уж сотни простых он точно стоит...

Он зашел справа, Придон видел его краешком остановившихся глаз. Получалось плохо, глазные яблоки как будто подернуло инеем, он видел только мерцающий силуэт.

Ему показалось, что на голове этого человека, если это человек, гребень, а руки чересчур короткие, чтобы оставаться человеческими.

— Да? — слышался злой голос из-за спины. — Мне этот талисман обошелся в три мерки золота!

— Брось, — сказал другой голос утешающее, — нам дадут десять мерок. Забыл?

Придона толкнули в спину, за спиной кто-то кряхтел, сопел, дергал за ремень. Родзяник зашел спереди, на Придону внимания уже не обращали, деловито пытались растегнуть пряжку перевязи, та примерзла, оба бурчали, ругались, дергали его взад-вперед.

Щелепа сказал злобно:

— Да шарахни по нему молотом! Рассыплется, с обломков снять проще.

— Где молот ты увидел?

— Где-где... Да вон тебе чем не молот?

Придон не видел, куда указывает палец Щелепы, догадывался, рядом россыпь крупных валунов. Слышалось кряхтенье, затем на плечо обрушился тяжелый удар. Боли он не ощутил, только небо и каменистое плато сдвинулись, опрокинулись. Он обнаружил, что лежит на боку.

Родзяник выругался, Придон ощутил еще несколько сильнейших ударов, но боли не чувствовал. Щелепа сказал разочарованно:

— Да он не кусок льда, а заледеневший кусок скалы!..

— Да, крепкий парень...

Щелепа еще некоторое время пытался содрать перевязь, а Родзяник молча и уже с явным удовольствием колодил Придону камнем по спине, по голове, по плечу, через которое перекинута перевязь. Жар от сильных ударов нагрел те места, куда с силой опускался камень, застывшая кровь медленно начала двигаться по жилам. Придон ощутил, что уже может пошевелить губами, но в этот момент пряжку наконец растегнули, Щелепа с победным воплем начал снимать перевязь.

В глазах Придона потемнело. Если эти двое вернутся с

ножнами и рукоятью меча, то уже никак он не отыщет и не возьмет меч.

Щелепа снял перевязь с окаменевшего артанина, только за руку зацепилась, там скрюченные пальцы, он нагнулся и начал выпутывать, как вдруг пальцы медленно согнулись и прихватили к ремню еще и кисть его руки.

Он отшатнулся, взгляд уперся в медленно оживающие глаза артанского героя.

— Родзяник! — закричал он диким голосом. — Он приходит в себя!.. Быстрее!

Родзяник резко повернулся, глаза его расширились. Щелепа кричал и пытался вырваться. Родзяник подбежал к коню Придона, выхватил из чехла боевой топор и, держа в обеих руках, бросился к ним. Страх пронизал Придона, этим топором он с легкостью раскалывал валуны покрупнее, чем его голова. Этот топор ковали гномы из своих металлов, по своим тайным секретам, и от этого топора уже не уйти...

Он с нечеловеческим напряжением согнул ноги. Подошвы уперлись в тот самый выступ, за который привязана его веревка. Он с силой оттолкнулся, услышал нечеловеческий вопль Щелепы. Хрустнули кости, веревка хлестнула по лицу, мир завертелся. Он ощутил пустоту в желудке, его швыряло, вертело, било в спину, плечи, голову, ветер зашвистел в ушах, так длилось долго, ветер гудел и свистел...

...затем сильнейший удар о землю. В голове помутилось, пытался сделать вдох, но на грудь навалилось тяжелое, он погрузился во тьму.

ГЛАВА 3

По ноге двигалось, ползало, щекотало. Он сделал попытку прихлопнуть комара или мерзкое насекомое, но рука не сдвинулась. Шевельнулся, ощутил, что тело расплющено, кости переломаны, а во рту солоно не потому, что на-

глотался соли, это кровь все еще вытекает тонкой струйкой...

Далеко-далеко за стеной тумана проступил зеленый холм. Придону почудилось, что холм шевелится. Туман не рассеялся, но глаз наконец ухватил, что это не холм, а обыкновенная жаба в двух шагах, даже не замечает распластанного человека.

Он чуть повернул голову, скосил глаза. Голая нога покрыта свежей кровью, в одном месте кожу сорвало так, что лоскут шириной с ладонь завернулся, как красная тряпица, пропитанная сукровицей. Широкая черная лента движется через его ногу безостановочно, равнодушная к запаху и вкусу крови. У этих крупноголовых муравьев другое задание от их муравьиного вождя или даже тцара. Но будет приказ — разорвут его в клочья, оставят только чисто обглоданные кости. Пока что муравьиный тцар не знает, что в его владениях такая роскошная гора неподвижного мяса.

С трудом приподнялся на локте. Он наполовину погрузился в яму, выбитую его телом в твердой как камень земле. В трех шагах пламенеет окровавленный кусок мяса размером с ладонь. Еще дальше, шагах в пяти, еще один клочок: обломок кости с обрывком кожи. Все, как он понял, оставшееся от Щелепы.

— А я, — произнес он вслух, удивился надтреснутому голосу, — как уцелел я?

Почти отвесная стена начинается в двух шагах, поднимается и поднимается до тех пор, пока не тонет в желтоватом нечистом тумане облаков. Кое-где заметны выступы. С иных все еще срываются крупные красные капли.

По всему телу покалывали иголки, как будто отсидел руки, ноги, голову и даже внутренности. Справа под рукой перевязь с ножнами. Он пощупал ее плохо гнущимися пальцами, похолодел, рукоять исчезла. Застонал и, превозмогая боль во всем теле, двинулся вдоль стены, прошел около сотни шагов. Покалывание стало невыносимым, ноги подгибались, он стонал и подвывал, никто же не слы-

шит, затем повернулся, едва не упал. Стена снова поплыла рядом, но уже в другую сторону.

Под ногами хрустели мелкие камешки. Сердце сжимало холодной железной лапой, он передвигал ноги, как старик. Когда он, чтобы не отдать ножны, ринулся в пропасть, ремень перевязи был у него в руке. Правда, рукоять могли выдернуть в последний миг... но тогда тот, кто успел за нее схватиться... вот он, еще один обломок расщепленной кости. Свеженькая, окровавленная, сочится костный мозг. Что значит падать без веревки. Хотя его веревка разве что задержала где-то, но все же оборвалась, даже следа не осталось... Да и понятно, веревки едва ли хватило до середины этой чудовищной стены. Зато он все еще не вышел из своей каменности, окаменности, что и спасло.

Впереди блеснуло. Он заспешил, упал на колени, дрожащие пальцы бережно коснулись в россыпи камней торчащей кверху рукояти. Обломок лезвия ушел в щель между камнями, издали казалось, что меч цел.

И лишь когда рукоять заняла свое место в ножнах, он огляделся. Справа стена, у подножия которой бродит взад-вперед, а слева... тот самый густой дремучий лес, что с высоты казался желто-зеленым мхом. Здесь, где у подножия все засыпано камнями, от деревьев свободна полоса в полсотни шагов, но дальше...

Плечи зябко передернулись сами. Зеленая стена покрытых мхом деревьев, оттуда идет теплый влажный воздух, словно из куявской бани. Кроны, огромные, плотные, многоэтажные, настолько сплелись вершинами и перекрыли доступ свету, что здесь, внизу, почти ночь. Холодная темная ночь.

Нет, все-таки день, неприятный зеленоватый день, но день вечного сумрака, в котором сейчас что-то грохочет...

Он вскинул голову и долго старался понять, что же это такое, знакомое и незнакомое разом, пока не сообразил, что это гром, обыкновенный гром, только зависший и завязший в трясине веток, зелени, продавливающийся к земле в виде старческого бормотания, кашля.

На голые плечи плеснула струйка. Он отскочил, но с другой стороны на голову обрушился целый водопад. Вода с силой была в зеленую землю, вверх взлетели желтые комья. Все-таки зеленая крыша леса не может удержать огромные массы воды, где-то, да прорывается, страшно представить, что начнется...

Он заспешил в сторону огромного ствола, там вроде бы под нависшими ветвями можно укрыться, однако перед лицом с грозным грохотом опустилась водяная стена, ударила в землю. Почва затряслась, взлетали пласты земли. Он пытался удержаться, хватался за ветви, но могучая сила подхватила, как щепку, понесла, помчала, с силой ударяя о деревья, переворачивая, залепив лицо жидкой глиной, снова с размаху была всем телом о деревья, что выстаивают, запустив корни очень глубоко, ударяла о стволы, что рухнули под напором воды и теперь пытаются перекрыть водному потоку путь, протаскивала сквозь коряги со вздыбленными вверх острыми корнями...

Наконец бурный поток напоследок ударил уже бесчувственное тело о ствол могучего дуба и оставил в развилке нижних ветвей.

Он выныривал из сна, но это оказывался лишь другой сон, вязкий, душный и отвратительный, а когда удавалось выкарабкаться, обнаруживал другой темный кошмар, липкий и вонючий, от которого забивало дыхание, а желудок поднимался в горлу.

Наконец, когда пришел в себя, он еще долго ждал, когда же кошмар кончится: воздух душный, липкий, смрадный, пахнет гнилой древесиной, по телу ползают мокрицы, темно, только в трех-четырех шагах виднеется светлое пятно, в котором те же гниlostные растения, покрытая толстым жирным мхом кора...

Проваливался в забытие, снова выныривал в этом же мире. Лишь на третьи сутки сообразил, что он внутри огромного дупла, потому и пахнет гнилой древесиной. В ис-

полинском дереве выгнила сердцевина, по толстым стенам все так же из глубин поднимаются озера ледяной воды, потому так сыро и прохладно.

Где-то, вспоминал он вяло, продираясь сквозь тупую боль в черепе, на невообразимой высоте многие этажи веток, листьев. А он в дупле, как сова, белка или какой другой лесной зверь. Даже не зверь, звери не страшатся ходить по земле и спать внизу, а так, мелкое пугливое лесное существо.

Неровная дыра в дупло посветлела, он услышал хоть какие-то звуки. Скавчанье, чавканье, ага, наступает утро. По ту сторону дупла установился ясный зеленый свет. Тело болело мучительно, он едва смог доползти до края, а когда дополз, тоска вошла в грудь с такой силой, что забыл о своих ранах и перебитых костях.

В зеленом влажном мире всюду исполинские, покрытые толстым слоем мха деревья, больше похожие на скалы. Наверное, дубы. Гордому сыну Степи надо знать четыреста видов трав для скота, но вовсе не обязательно знать бесполезный и даже вредный лес.

По широкой поляне, окруженной этими дубами, бродили, притопывая, по кругу понурые рослые мужчины. Все в звериных шкурах, лохматые, волосы падают на спину, бороды у всех, даже у молодых.... Если есть здесь молодые.

Из дупла в дереве напротив показалась женщина, тоже в шкурах, в руках огромный горшок из зеленой глины. К ней потянулись руки, отдала горшок, мужчины снова принялись бродить по поляне, а женщина нырнула в темное дупло. Теперь Придон видел, что мужчины что-то разбрасывают, а сочная трава, которую топчут, под их подошвами превращается в слизь и повисает на лаптях жирными ломтями.

Придон свесил голову, до земли примерно три человеческих роста, но кора в таких трещинах, наростах, что и есть ступеньки. Он хотел было вылезти, но страшное воспоминание заставило метнуться обратно в эту рыхлую гниль, труху.

Пальцы лихорадочно рылись в этом месиве, натыкались на крупных белых червей, толстых и скользких, личинок жуков, он разбрасывал во все стороны пережеванную их челюстями труху, глаза привыкли, вдруг увидел в стороне кончик ремня.

— Боги... — прошептал он, — пусть это будет правдой...

Трясущимися руками потащил перевязь. Коричневая труха осыпалась мягко, бесшумно. Перевязь почти не гнулась, облепленная сухой глиной, что, казалось, за эти дни окаменела. Ножны на месте, как и рукоять меча, сейчас перепачканная так, что сам издали принял бы за уродливый сук или корень.

— Спасибо, — прошептал он. — Боги Артании... вы и здесь со мной!

Не было сил очищать от глины и грязи, лишь сбил самые большие комья, кое-как надел через плечо, сразу ощутил себя увереннее, даже вроде бы здоровее, только в черепе еще гул, а мысли плывут медленно и вяло, словно вылезающие в лютый холод лягушки из болота.

Вернулся к краю дупла, начал осторожно спускаться, пальцы дрожали от слабости. Недалеко от земли толстый слой мха подался под ногами, ослабевшие руки безуспешно пытались ухватиться за кору, и, хотя с такой высоты упасть и ушибиться — смешно, он все-таки ушибся, лежал и хватал ртом воздух, как рыба на берегу.

От вытаптывающих траву отделился мужик, подошел, Придон смотрел снизу вверх, и казалось, что мужик — настоящий лесной великан: волосы до плеч — с зеленым оттенком, в длинной бороде зеленые водоросли, травинки, мох, даже рубашка с зелеными потеками вся покрыта мхом, что уже пророс, пустил крохотные зеленые корешки.

Мелковатые для такого огромного лица глазки без всякого выражения оглядели Придона, на миг задержали взгляд на странной перевязи через плечо.

— Живой, — протянул он с некоторым удивлением. — Я не думал... Зачем, говорю, Коряга, нам тащить этот труп? А Коряга мне: он еще живой, не видишь? Вижу, говорю, но

у него все кости переломаны, вон даже живот лопнул, да и весь синий, ровно ядовитых грибов обожрался! Вот-вот кончится. Но Коряга у нас дурак, ничего не понимает, пальцев на руке не сочтет, взвалил тебя на плечо, прет в деревню... Ну, я без него три нырки добыл и одну летягу видел, это к удаче!..

Придон, не поднимаясь, спросил глухо:

— Но как я выжил?

— А дупло на что? — ответил мужик с недоумением. — Он же тебя в дупло сунул!.. Ты ж шас из дупла вылез!.. Тебе главное было до дупла дотерпеть, не кончиться. А Коряге грю, что не донесет, брось, до деревни еще три версты, да и чужак ты вовсе, а зачем чужаков подбирать? Нам своих девать некуда, поляна всех не вмещает, а за Большое Болото еще никому не удавалось выйти...

Придон наконец собрался с силами, поднялся. И тут обнаружил, что мужик — в самом деле великан, на голову выше, в плечах шире вдвое, руки толщиной с бревна. И еще стало понятно, что все мужики, что мерно вытапывали траву, крупнее его, Придона, тяжелее и наверняка сильнее.

— У вас такие дупла, — пробормотал он, — волхвостые... лекарские?

Мужик рассматривал его пристально, потом взгляд померк, как у пса, что не умеет долго смотреть на что-то неотрывно, огромная лапища поднялась, Придон услышал скрип, это мужик поскреб загривок.

— Да, — сказал мужик, — у нас дупла. А в вашей деревне... нет, что ли?

Он заранее скорчил морду в скептической ухмылке. Дупло, подумал Придон. Он пощупал грудь, живот. Чувствуются рубцы от ран, но он двигает руками, его тело уже на ногах. Выходит, эти дупла не простые. Возможно, даже смертельные раны могут залечить, и какая жалость, что эти деревья не растут в Артании! Да и за войском их не потаскаешь, чтобы раненых сразу туда, в сырую гниль опилок...

— Меня хотел убить очень умный человек, — сказал он

задумчиво. — Очень! И почти убил. А спас, значит, самый большой дурак вашей деревни?

Мужик обрадовался.

— Верно говоришь! Так хорошо, что у меня даже голова закружилась, будто песню услышал. Складно. Ты кто? Ты не из наших. Где твоя борода, ведь ты не ребенок? Или ты, может быть, ребенок какого-нибудь великана?..

Придон всмотрелся внимательнее, но мужик говорил совершенно серьезно.

— Я не... — начал говорить Придон и тут ощутил, что колени подламываются, а в голове зазвенело. Лицо мужика начало расплываться. Губы его шевелились, но слов Придон уже не слышал.

— Мне бы поесть, — прохрипел он из последних сил.

Тьма обхватила его со всех сторон.

Очнулся от гадостного ощущения, что через лицо ползет огромная улитка. С трудом открыл глаза, рука поднялась, чтобы смахнуть мерзкую тварь, и застыла на полдороге.

Перед ним на корточках сидела полуголая молодая женщина. У нее было миловидное лицо, коричневые глаза древесного цвета под широкими и густыми бровями, расплюснутый нос. В руке грязная деревянная ложка, лицо испачкано золой и древесным соком. Перед ней раскорячился широкий горшок из необожженной глины.

— Опамятовался? — проговорила она участливо. Улыбнулась. — Вот и хорошо... Теперь сможешь есть сам. Мужчины должны есть много...

Из ее ложки высунулась блестящая от слизи голова улитки. Повела рожками и, пока женщина смотрела на больного, перевалилась через край. Придон вздрогнул всем телом, когда мерзкая тварь шлепнулась ему на голую грудь.

Женщина проворно шлепнула ладошкой, накрыла, не дав залезть под перевязь, белые зубы блеснули в торжествующем смехе:

— Проворная? Я еще проворнее.

Придон дернулся, когда к его рту приблизилась женская ладошка с зажатой в ней улиткой размером с большую толстую жабу.

— Ты что? — вырвалось у него. — Хочешь, чтобы я это съел?

— Конечно, — удивилась она. — Ты вон какой большой!.. Тебе надо есть много. А те, что я тебе скормила из первого горшка, разве насытят мужчину?..

Справа от женщины лежал на боку пустой горшок. В нем влажно блестит, тонкая ниточка слизи тянется через горлышко в сторону коричневых опилок. Похоже, одна улитка все же оказалась проворнее, убежала.

В желудке, как ему показалось, начало шевелиться, дергаться, переползать с места на место. Он напрягся, стараясь удержать желудок на месте, не дать карабкаться к горлу. Кровь застыла в жилах.

— Что-то опять побледнел, — произнесла женщина с беспокойством. — Съешь еще хоть парочку...

— Не... хочу... — пробормотал он. Желудок начал подниматься к горлу. — А ты кто?

— Я? Я женщина.

— Это понятно, — сказал он слабо, — но разве ты единственная женщина?

Она удивилась.

— Нет, конечно. Нас семь человек в деревне. И двенадцать мужчин!

— А как тебя зовут?

Она вскинула широкие мохнатые брови. В глазах появилось удивление.

— Я же сказала — женщина!

— Ну да, — согласился он, — но вас семеро женщин. Как вас отличают одну от другой?

Она засмеялась.

— А, вот ты о чем? Ну, четверо уже совсем старые, только две в возрасте, одна еще почти ребенок. Нас отличить легко.

Он вздохнул.

— Ладно, я буду называть тебя... Цветок. Хочешь? Это очень красиво. У человека должно быть имя.

— Имя? А зачем?

Плечи его передернулись, от мокрой земли тянуло холодом.

— Эх, — сказал он, стуча зубами, — огня бы...

— Огня?

— Ну да... Костерок бы хоть маленький...

— Что такое костерок?

В голове шумело, но он удивился так, что в мозгу на время прояснилось.

— Не знаете, что такое костер? Огонь? У вас не бывает лесных пожаров?

За это время вокруг них собралось с полдюжины мужчин и женщин, с вялым интересом рассматривали его, переговаривались, он видел разинутые в удивлении рты. Затем мужчины один по одному, теряя к нему интерес, начали отходить в сторону, расходиться. Он слышал удаляющееся бормотание, но говорили уже не о нем, а о сломанной ноге Грабохлыста, о разливе вод у Темного болота, о двухголовой рыбине, которую поймал мальчишка Косых...

Он осматривался с тоской и растущим нетерпением. Воздух настолько темный и влажный, что в нем хоть плавай, недаром над поляной носятся такие громадные жуки, попадет сослепу — собьет с ног. Стволы деревьев блестят от влаги, то ли выступившей, то ли осевшей из воздуха. На голову и плечи постоянно каплет, здесь постоянный унылый дождь. Земля вязкая, подошвы отрываются с чавканьем, все двигаются мокрые и блестящие, как громадные слизи.

— Я вам покажу, — пообещал он.

Цветок увязалась за ним, а он побрел между деревьями, искал хоть какие-то камни, чтобы выбить искру, зажечь огонь, научить этих людей огню. Как когда-то их, диких артан, научил кто-то из Знающих и Умеющих. Однако везде дерево, трава, влажная или вовсе мокрая земля, временами — глина, даже песка не увидел.

Да и отыщет он камни... Выбьет искру, но та упадет на мокрую землю, мокрую траву, насквозь промокшие щепки. Здесь соорудить костер — небывало трудное дело. Это скорее задача для колдуна, а то и чародея, но не для воина.

Воздух казался ему разреженной водой. Гнилостные испарения плавали в воздухе желтыми струями, от мокрой земли поднимались запахи разложения, а из покрученных болезнями стволов выступали багровые наросты, похожие на пузыри с гнилой кровью.

Он чувствовал, как лес провожает его взглядами. Иногда замечал в зелени кустов чьи-то глаза, мелькали тени, дважды совсем близко проломился неведомый зверь, на Придона пахнуло мощным запахом свалывшейся шерсти, но еще больше пахло почему-то большой придонной рыбой.

У самого края болота он заметил сгорбленную фигуру. Коряга, который его спас, время от времени тыкал в темную воду длинной палкой с заостренным концом. Когда Придон приблизился, в воде забурило, Коряга с торжеством выволок огромную рыбину... сперва она в самом деле показалась Придону рыбиной.

За спиной Коряги уже бились три крупные водяные рыбозмеи. Они подпрыгивали, выгибались, с каждым движением болото все ближе, вот одна плюхнула в воду и скрылась в глубине, вот вторая обрушилась совсем рядом с увлеченным Корягой, а он ничего не заметил. Судя по перепачканной слизью траве и оброненным чешуйкам, он выловил и набросал себе за спину уже десятка два этих чудовищ. Из них к спасительному болоту приближается последнее...

Коряга улыбнулся Придону, лицо пошло мелкими морщинками:

— А, чужак!.. А я смотрю, кто это идет так бесстрашно?

Он швырнул, не глядя, рыбозмею себе за спину. Там глухо чавкнуло. Коряга гордо усмехнулся.

— Спасибо тебе, — сказал Придон просто. — Если бы не ты...

— Да ты чё? — удивился Коряга. — Все ж знают, я — дурак! Потому и принес тебя, хотя другой бы бросил.

— Спасибо, — повторил Придон. — А теперь скажи, как мне отсюда выбраться?

Коряга от удивления распахнул рот:

— Выбраться?

— Ну да, — сказал Придон. — Дальше. В другую деревню. А еще лучше — сразу в город. Лучше всего — в большой город!

Коряга смотрел с изумлением, потом с великим сожалением покачал головой.

— Да, надо было бросить... Теперь ты еще дурнее меня. Я вон даже и траву топтать не умею. Слышь, чужак, других деревень нету! Мы — деревня. И людей других на свете нет. Ты что ж, думаешь, есть еще на свете люди?.. Откуда же взялись бы, только подумай своей дурной головой!

— Но я-то взялся, — возразил Придон кротко.

Коряга на мгновение задумался, почесал в затылке.

— А кто знает, где ты прятался... Может, тебя родила Перепугица, она в прошлом году с животом ходила, а потом как-то враз перестала. А ты не показывался, чтобы траву не топтать, только ночью вылезал и жрал мою рыбу... То-то теперь вспоминаю, что ее всегда меньше, чем ловил!.. А потом тебя что-то стукнуло, а мы с Голяком на тебя и на-ткнулись... Надо будет у Перепугицы спросить, она тебя признает. Она все признает, такая она у нас!..

— Сколько я валялся без памяти? — спросил Придон.

Коряга воззрился на него в удивлении.

— Сколько? Да просто лежал, вот и все. А потом подобрали.

— Нет, здесь!

Коряга флегматично двинул плечами.

— Да кто это знать может? И как узнать?

— Ну... ночь и день сменяются... вы же спите когда-то?

— Спать — спим, — ответил Коряга довольно. — Мы спим часто и много!.. А как же? Поспать — это поспать... И ты спал. Много. Дык все ж спят много!

ГЛАВА 4

Яркое, хоть и вечернее солнце заливало красноватым светом двор, сад, блистало на уложенной золотыми плитками крыше дворца, из-за чего та казалась похожей на чешую крупного дракона. Воздух застыл, неподвижный, словно вода в теплом болоте. Цветные струи ароматов плавали медленно и лениво, колыхались величаво, изгибались так томно, что хотелось почесать им спины.

Из сада доносились изысканные звуки томной песни, ей мягко аккомпанировали на струнах. Шажард неспешно потягивал вино, усталое за день тело распустило мышцы. Тихий, как мышь, слуга неслышно подал на серебряном блюде сдобренных винным соусом очищенных раков.

За спиной звякнуло, послышался стук подкованных сапог, бреление небрежно подогнанного металла. Шажард поморщился, но, когда шаги приблизились вплотную, надел самую приветливую улыбку и поднял голову.

Янкерд вскинул кверху кулак.

— Приветствую государственного человека! — сказал он бодро. — Обремененного государственными... ну, тайнами, делами, заговорами, налогами и прочими интригами.

Шажард лениво кивнул на свободный стул.

— Да ладно вам. Садитесь, промочите горло.

Янкерд сел, бодрый и налитый силой, усы задорно торчали кончиками кверху. Слуга молча поставил перед ним золотой кубок. Янкерд вскинул брови в молчаливом вопросе, сам Шажард прикладывается к серебряной чаше. Шажард медленно и лениво отмахнулся.

— Пейте, пейте, что за церемонии!..

— Благодарю, дорогой бер.

— Что нового?

— Нового много, — ответил Янкерд. — Но для меня главное, что срок, данный варвару, заканчивается. Пора готовить свадьбу!

Щажард помолчал, сказал осторожно:

— Еще три дня... Он может вернуться.

Янкерд отмахнулся:

— Чепуха!

Щажард сделал долгий глоток, тяжелые набрякшие веки опустились, он некоторое время прислушивался к ощущениям. Янкерд выпил содержимое своего кубка в несколько быстрых торопливых глотков, не отрываясь. Щажард поморщился, когда Янкерд со стуком опустил кубок на столешницу.

— К тому же, — сказал он в сомнении, — Тулей не захочет нарушить слово.

— Тулей?

— Ну да, Тулей. А что? Слишком многие знают о подвигах этого варвара. О нем поют песни... такого еще не было, чтобы пели и его песни, что он сложил, и о нем самом! Варвар-певец, надо же такую нелепость... Но если наши соотечественники любой обман по адресу артанина примут как военную хитрость, то артане придут в ярость... Так что Тулей будет ждать до последнего дня.

Янкерд прямо взглянул в глаза первого после Тулея человека в Куявии, сказал размеренно:

— Уверяю вас... вы же государственный человек!.. варвар не вернется.

В голосе было столько твердой убежденности, что Щажард насторожился.

— Почему так думаете, дорогой друг?

Янкерд заколебался, хотелось сказать правду, этот хитрый и жестокий бер будет уважать по-настоящему, уважать и побаиваться, но плох тот интриган, который дает прямые ответы, и Янкерд ответил очень-очень скромно:

— Да так... я мог бы сослаться на чутье. Просто чутье...

Щажард внимательно посмотрел в его торжествующее лицо.

— Ах, не просто чутье...

— Да-да, — подтвердил Янкерд и тоже посмотрел ему в глаза, холодно и оценивающе, знай меня, старик, и таким, — не просто чутье.

— Чутье, — повторил Щажард, он растягивал слова, заметно было, что чуть растерян, пытается быстро найти единственно правильную дорожку, все приближенные к тцару ходят по лезвию ножа, а слухи о привольной и беспечной жизни придворных беров — сказка. Жизнь их привольна, но совсем не беспечна. — Я понимаю, что чутье... чутье у вас должно быть, как у орла на дичь! Только чутье могло помочь найти верный путь от храброго вожака мелкого племени южан до знатного князя!

Он говорил, сыпал комплименты, Янкерд смотрел оценивающе, уже расправил плечи, смотрел сверху вниз, а Щажард прогибался все ниже. Он понял, принял, уже в позе пьющего оленя. Значит, уже видит его на троне.

— Начинаем готовить свадьбу, — велел Янкерд. — Скажу вам, как самому близкому к трону человеку: варвар не вернется. Я посылал с ним двух верных людей... Увы, один из них погиб, сорвавшись вместе с варваром в ту бездну... Вы же знаете, что такое Небесное Плато! Если верхний край этой плиты чуточку не достаёт до неба, то нижний находится чуть ли не в аду.

Щажард помолчал, спросил осторожно:

— А варвар... погиб?

— Он упал с края обрыва, — ответил Янкерд. — С такой высоты пока долетишь, можно состариться. Я не думаю, что от него осталось даже мокрое пятно.

Тулей возлежал на широком ложе, подложил кучу подушек под бок и голову. Перед ложем на коленях стояла полуголая девушка с подносом в руках, в зале под тихую музыку медленно плясали юные танцовщицы, Тулей рассеянно отщипывал крупные виноградины.

Слуга ввел Щажарда и Янкерда, бесшумно удалился,

плотно закрыв за собой дверь. Щажард некоторое время стоял в неподвижности, ожидая, пока тцар изволит заметить обоих, наконец решился кашлянуть, сделал робкий шагжок вперед.

— Ваше Величество...

Тулей окинул обоих брезгливым взором, губы скривились в недовольной гримасе.

— Ну что у вас?.. После тяжелого дня еще и ваши рожи...

Щажард торопливо поклонился.

— Зато у нас рожи совсем не тяжелые!

— Зато веселые, — добавил Янкерд. — Глядя на такие рожи...

— ...будто уксусу хлебнул, — закончил Тулей. — Ну что у вас? Предупреждаю, дури я за день уже наслушался. Вволю.

Он не кивнул им на сиденье, что значит, долгих бесед не желал, потому Щажард сказал быстро и коротко:

— Мы только на минутку. Благородный Янкерд уверен, что пора начинать подготовку к свадьбе. Я поддерживаю его мнение. Союз с могущественным бером, князем и властелином богатейшей Нижней Куявии — разве не то, что нужнее всего Вашему Величеству? А значит, нашей любимой Куявии?

Тулей посмотрел исподлобья. Жестом велел служанке оставить поднос с виноградом, а самой убираться из покоев. Девушка подхватила и с явным облегчением исчезла, словно испарилась.

— Я дал ему сроку месяц, — обронил он. — Прошло только три недели.

— Из лесов Славии не возвращаются, — сказал Щажард.

Он покосился на Янкерда, тот понял, сказал с поклоном:

— К тому же варвар отправился прямо к Небесному Разлому. Еще ни одному не удавалось спуститься с этого разлома.

Тулей проворчал:

— Осталась неделя.

— Он не вернется, — сказал Янкерд. — Осмелюсь напомнить, осталось три дня. Если считать и сегодняшний, то четыре.

— А если вернется?

Янкерд сказал медленно, со значением:

— Он не вернется.

Тулей надолго задержал кубок возле губ. Глаза из-под нависших бровей бросили острый и очень жесткий взгляд на Янкерда, на Щажарда, снова вернулись к Янкерду. Тот уверенно взглянул в его напряженное лицо, глаза не отвел, хотя Тулей буквально прожигал его взглядом.

— Вот как, — сказал Тулей медленно. — Вот как... Гм, иногда жалею, что я тцар не Артании... Тогда все было бы просто. Они очень простой народ. И честный.

Щажард хмыкнул, пожал плечами.

— Очень честный.

— Даже чересчур, — добавил Янкерд. — Такие долго не живут.

Тулей молчал долго. Музыканты приглушили музыку, танцовщицы незаметно исчезли, а за ними неслышно ушли музыканты.

— Через неделю, — ответил Тулей неожиданно. — Ладно, через четыре дня.

Щажард видел, как Янкерд за эти четыре дня почернел. Могущественный бер чувствовал себя оскорбленным, тцар должен был тут же назначить свадьбу. Во-первых, слово бера, что опасный соперник уже больше не появится в этих покоех и палатах, во-вторых, что значило быть предельно честным с каким-то дикарем, когда вот он, союз с сильнейшим из правителей Куявии? Даже великий тцар нуждается в постоянной поддержке наместников удаленных земель, ведь у них, помимо своих законов, есть и свои армии. И — не слабенские!..

Сам Щажард видел, что появление отважного артанина не прошло бесследно для Куябы. О нем говорят, его песни

распевают по улицам, насчет его судьбы заключают пари, его возвращения ждут. С удивлением он убедился, что знают не только день и час, когда он должен вернуться, но и подробности их договора с Тулеем. Насчет Итании мнения разделились, многие не хотели отдавать ее за артанина, однако Шажард был поражен, как еще больше народа считают, что артанин уже завоевал прекрасную принцессу и что по справедливости она уже принадлежит ему.

— По справедливости, — проворчал Тулей, когда он пересказал ему слухи, — когда это справедливость торжествовала? Да еще при дворе?

— Мечты, — вздохнул Шажард.

— Что?

— Мечты простого люда, — пояснил Шажард. — Каждый мечтает... нет, грезит, что вот бы заполучить принцессу, войти во дворец, стать богатым и красивым... Артанин как бы свершил все за них. Показывает, что это возможно. Потому он так популярен.

Тулей улыбнулся одной половинкой рта.

— А мы, значит, поступим мудро, отрезвив народ? Разведем сладкие грезы, укажем ему место у корыта?

Шажард поклонился.

— Мудро сказано, Ваше Величество.

Янкерд кипел в бешенстве, каждый день тянулся для него со скоростью растущего сталактита в пещере. Шажард видел, как он взглядом подгонял застывшее в небе солнце, едва удерживаясь, чтобы не взбежать по хрустальному небосводу и в жадном нетерпении не упереться плечом и руками в горячий бок светила.

С утра четвертого дня в городе началось привычное оживление, однако на этот раз массы народа потянулись в сторону Главного Храма. Раньше Тулей подумал бы о каком-то празднике, но сейчас уже знал. И лишний раз убедился, насколько отважный артанин популярен.

Когда он, обильно позавтракав и приняв вельмож,

прибыл к храму, там уже толпился народ. На воротах храма сиял, как солнце, огромный медный щит неведомого героя, принесшего дар храму. Вообще-то не щит самого героя, у героя щит был обычный, а этот — великанский, в рост человека, по легендам, герой снял с побежденного им великана.

Теперь в этот щит один из младших жрецов трижды бьет каждый день, отмечая утро, полдень и вечер, когда надо гасить огни и ложиться спать, а по великим праздникам сам верховный жрец берет в руки тяжелый молот.

Тулей прибыл в роскошной коляске, в сопровождении большой свиты. Не выходя из коляски, дождался, когда ворота распахнулись и под звуки труб со всеми жрецами храма вышел, шурясь на солнце, верховный жрец — осанистый и величавый, несмотря на малый рост и худобу. Это в Артании, говорят, даже верховный жрец должен быть огромен телом и свиреп видом, здесь же законы другие, и в государстве, где больше всего ценится умение, а не сила, верховный жрец был одним из самых хитрых, проникательных и впередсмотрящих людей Куявии.

Тулей снова подумал, что хорошо бы сблизиться с этим человеком; сколько лет прошло, как он, Тулей, захватил этот трон, а жрец все присматривается, будто и впрямь хранит верность прежнему правителю. Это уж совсем неумно, но если такой мудрец так поступает, то что-то держит за спиной...

Жрецы остановились огромной толпой в белых одеждах, похожие на стаю голубей на залитых солнцем ступеньках. Все смотрели в сторону городских ворот, где громко стучали копыта, отряд прекрасно и дорого одетых всадников красиво и надменно проскакал к храму.

Под Янкердом шел великолепный белый как снег жеребец, огромный, с толстой шеей и толстыми ногами. Длинная роскошная грива ниспадала едва ли не до земли, пышный хвост стелился по ветру. Сам Янкерд — в бесценных доспехах, выкованных лучшими оружейниками Куявии, на металлической груди львы и драконы, даже на шле-

ме искусно выбито изображение схватки героев с дивами. Его красные сапоги упирались в позолоченные стремяна, седло украшено изумрудами, а конь покрыт длинной красной попоной, прошитой золотыми нитями.

Он остановил коня перед храмом и, как все, в нетерпении посмотрел на солнце. Раскаленный добела диск поднимался к зениту для одних невыносимо быстро, для других — застыл на небосводе, прикипев или прилипнув, словно вылетевший из горна комок металла, что намертво пристывает к наковальне.

Тудей сделал страже знак, та с готовностью оттеснила народ. Он изволил выйти из парадной коляски, огляделся. День теплый и солнечный, народу больше, чем на самые пышные торжества в честь богини Апии. Явились, судя по одеждам, даже обитатели дальних сел, наслышаны, что сегодня должно или может произойти...

Он хмурился, еще не понимая, почему так паршиво и как бы он хотел, чтобы получилось на самом деле. Оглянувшись, Итания в коляске бледная, выпрямилась, лицо застыло, словно отлитое из воска. Длинные ресницы прячут глаза, не угадать, что там: блеск или пустота во взоре, ведь его девочка с детства знает, что свое личное надо приносить в жертву государственным интересам. Такова судьба детей тех, кто правит. В чувствах свободны лишь животные да простолюдины.

Простучали копыта, Янкерд подъехал и, не слезая с коня, сказал торжествующе:

— Тцар! Час пробил.

Он повернулся в сторону Итании и окинул ее взглядом собственника. Она равнодушно смотрела мимо. В ее больших серых глазах отражалась искривленная площадь, люди в цветных одеждах. Но Янкерда в них не было.

Тцар вздохнул.

— Ты прав. Срок миновал. Варвар... отважный и умелый, теперь это можно признать, не вернулся. Теперь можно сказать, что и не вернется. Если бы мог, уже вернулся

бы... И время было, да и награда велика. Для него так и во-
все... безмерная.

Янкерд сказал горячо:

— Я бы прошел всю Слaviю вдоль и поперек, добыл бы
все мечи и принес бы к любому сроку, только бы не поте-
рять Итанию! Я бы... Я бы...

Он распахнул руки, не то намереваясь обнять Итанию,
не то показывая ширь своей натуры и безмерность любви к
дочери Тулея.

— Да, — сказал Тулей, он сам уловил грусть в своем го-
лосе, удивился, повторил громче: — Да. Срок миновал, те-
перь моя дочь свободна от клятвы ждать этого храброго,
надо признать, артанина. Как свободен и я от моего мило-
стивого обещания ждать его до новолуния.

Среди придворных началось веселое оживление. Слова
сказаны, угроза позора породнения с диким артанином ми-
новала.

Итания ощутила, как взоры всех на ступенях дворца и
даже на площади уперлись в нее. Кровь прилила к щекам,
она ощутила подступающий гнев, но сжала кулачки и ска-
зала спокойно:

— Да, отец. Ты прав.

Тцар наклонил голову, а когда поднял, в глазах было
странное выражение. И жалость, что варвар исчез с уже до-
бытыми ножнами и рукоятью меча, и... еще что-то в глазах
отца удивило Итанию.

— Значит, — проговорил тцар, все замерли, слышно
было, как далеко-далеко за городской стеной залаяла соба-
ка, — значит, моя дочь свободна от своего слова. Она не
обязана больше ждать этого храброго и мужественного че-
ловека. Героя, теперь можно признать! Ах да, уже говорил...
А раз так, ее рука отныне свободна.

Женихи толкались, выдвигались вперед. У многих на
лицах было жадное желание, надежда, что в последний миг
выбор может пасть на кого-то из них.

Янкерд сдержанно улыбнулся. Золотые доспехи бле-
стели как жар, блики победно кололи глаза.

— Отец, — сказала Итания громче. — Отец, ты прав, ты прав во всем!.. Герой опоздал, теперь я вольна от своей клятвы ждать его. И от клятвы выйти замуж, едва он явится с найденным мечом. Теперь я свободна... Но разве я давала клятву немедленно выйти за одного из тех, кто сейчас смотрит на меня, как на овцу без пастуха?

На площади в мертвой тиши кто-то ахнул. На него зашикали, на зашикавших зашикали тоже. Волна шума прокатилась в обе стороны и затихла на ступенях дворца и храма.

Тулей нахмурился.

— Дочь, что-то я тебя не понял.

— Отец, — сказала она горячо, — только что закончилось время, которое я обязалась ждать этого... Придона. Теперь я свободна от клятв!.. Но, отец, теперь я хочу ждать его без всяких клятв. Хочу ждать по своей воле. Хочу, чтобы он прискакал на своем горячем коне... и увидел, что я его ждала не как привязанная за шею овца, а как... как...

Жаркая кровь бросилась в ее лицо так, что запылали щеки, а кончики ушей обожгло, как в огне. Она запнулась, глаза беспомощно обшаривали толпу.

Янкерд наклонился к канцлеру и что-то быстро-быстро говорил. Щажард кивнул управляющему, быстро подошел к тцару и стал шептать в ухо. Брови тцара сдвинулись к переносице, глаза сверкнули грозно. В толпе начался шум, сначала недоверчивый, потом народ закричал ликующе, стали выкрикивать имя Итании, призывать на ее голову милость богов, славить, орать ей здравицу и пожелания вечной красоты и молодости.

Тулей смотрел на все исподлобья. Лицо его исказилось гримасой гнева, но в глазах играло грозное веселье. Он выпрямился, став выше ростом, многим в толпе напомнил того героя, что тридцать лет тому ворвался в этот город и с мечом в руке освободил от захватившего тцарский трон чудовища.

— Да, — прорычал он, — да, подумать только, что это — куявы!.. Если поскрести каждого, под шкурой куява

окажется артанин?.. Вот оно, вылезло. Барвник, посмотри на эти ликующие морды. Что скажешь?

Барвник сказал хладнокровно:

— Вы приперты к стене, Ваше Величество.

— Приперт?

— Да. Как бы вы ни поступили, все чревато. А вам нужны неприятности?

Тудей смотрел неотрывно на ликующую толпу.

— Они никому не нужны, — ответил он хмуро. — Я не люблю выбирать: или — или. Но если приходится, то лучше я останусь правителем этих людей, что на площади... чем тех, кто оттирает стены во дворце.

Иргильда ахнула, посмотрела на него как на покойника. Тудей нахмурился, сказал резко:

— Пусть праздник продолжается, мы возвращаемся. Нам есть о чем поговорить. Очень серьезно.

Во дворце он отослал всех, Итанию кивком пригласил в свои покои. Когда за ними захлопнулась дверь, Итания бросилась ему на шею и жарко расцеловала.

— Отец, я так тебе благодарна!.. Я даже не думала, что ты меня поймешь... и поддержишь!

Тудей поморщился, расцепил ее руки на своей шее, усадил в мягкое глубокое кресло, откуда не сразу выберется, сам отошел за другую сторону стола.

— Я не тебя поддержал, — отрезал он сварливо. — Я послушался криков толпы. Тцар должен слушать эти дикие вопли, иначе толпа звереет, может раздрызгнуть и дворец, и всю страну! Толпе надо не то, что правильно — хрен она понимает, что это, — ей надо то, что покрасивше!.. Прямо артане, дурачье неотесанное...

— Отец, — сказала она жалобно, — но сам ты так не думаешь?

Он развел руками, плюхнулся в кресло. Щеки легли на поднявшиеся плечи, он сразу стал старше, грузнее, тяжелее на подъем.

— Если честно, то артанин и мне нравится... Постой-постой, для тцара личные симпатии — это просто слова!

— Отец, но ты же мой отец!

— Эх, дочь моя... Когда захватываешь престол, то с того момента уже только тцар. Всегда и во всем тцар. Ничто уже не сделаешь по-человечески, а все только по-тцарски, по-тцарски. Так что это было только тцарское решение — позволить тебе ждать этого... артанина. Но, дочь моя...

Голос его стал строже, в нем появились властные нотки, все еще отцовские, но уже охватывающие не только эту комнату, но и дворец, где его слова ловят на лету, всю Куябу, земли Верхней Куявии, Нижней, Прибрежных земель, Сакландию, дальние степи и горные выси, где тоже куявы, для которых он тоже должен быть отцом и правителем.

— Да, отец, — сказала она торопливо, уstraшенная, но все еще надеющаяся. — Да, отец... Как скажешь, так и будет. Я люблю тебя!

Он покачал головой, в глазах оставалась строгость, но голос стал мягче:

— Будь у меня еще десять сыновей, я бы позволил тебе ждать своего... словом, ждать хоть вечность. Но, увы, ты у меня дочь одна-единственная! А это значит, что на тебя ложится та обязанность, что легла бы на сыновей. Только от них требовалось бы укреплять кордоны Куявии мечом и магией, а от тебя... прости, своей красотой и влиянием на мужа и господина. Сейчас самый сильный из местных правителей — удельный князь Янкерд. У него свое войско, а земли слишком далеки от Куябы, чтобы я мог проследить, что он творит. Известно только, что его мощь увеличивается очень быстро. У него есть выход к морю, он построил порт и сейчас торгует с Вантитом, что еще больше увеличивает его мощь и самостоятельность. Я хочу иметь его в числе друзей... или хотя бы союзников, но не на стороне врагов.

Она сказала отчаянным голосом:

— Разве он не приносил тебе присягу верности?

Тулей отмахнулся.

— Мы не артане, для которых клятвы святы. Чтобы клятвы блюлись, я должен быть намного сильнее. И постоянно показывать, что за малейшее нарушение...

— А он может?

— Дочь моя, да все князья спят и видят, как бы ослабить мою власть, а усилить свою! Вплоть до того, чтобы из удельных князьков стать удельными тцарками, завести собственные династии. Все постоянно противятся моим указам, сговариваются тайком, как вместе не выполнять мои приказы... Пока что еще страшатся моего окрика, ведь вслед за окриком я могу послать войско, но все это шатко, дочь моя, шатко!

Она прошептала, убитая:

— И как долго...

— Всю жизнь, — ответил он ласково, — всю жизнь! Если тцар не хочет залить кровью собственную страну, он должен жить в таком вот шатком мире. Зато у меня живая страна. Над ней не веет кладбищенским покоем и умиротворением. Последнего заговорщика я казнил лет пятнадцать назад! Думаешь, их не осталось? Да полно!.. Но я страной управляю указами, а не мечом. И мои противники все никак не могут набраться сил, получить поддержку соседей. Это и называю я победой. Янкерд давно бы выступил против меня, допусти я серьезные ошибки!.. Но сегодня я, возможно, эту ошибку допустил. Народ в восторге, однако Янкерд станет моим врагом, если ему отказать.

Она возразила горячо:

— Почему? Он вовсе не сходит по мне с ума!

Тулей обнял ее, прижал на миг кудрявую голову к груди.

— Дорогая, у мужчин очень ценится репутация. Он не может ею поступиться. Ему всегда все удавалось. А теперь признать перед всем народом, что обломал зубы? Слишком многие знают, как отчаянно он добивался твоей руки!.. Нет, если ему отказать, он станет лютым врагом.

— Отец, разве у нас не сильны войска?

Тулей ответил с неохотой:

— Войска сильны, накормлены, отдыхают в бараках. Еще сильнее наши башни, мимо которых чужая мышь не проползет! Но я не хочу воевать с человеком, который может стать если не другом, то хотя бы союзником. Мощь Куявии в том, что мы врагов превращаем в друзей. Или хотя бы в нейтральных соседей, с которыми начинаем торговать, общаться, а потом они постепенно все равно становятся нашими друзьями.

— Отец, — сказала она с твердостью в голосе, — я не пойду за Янкерда!

Он отстранился, в глазах блеснул гнев. Густые брови сдвинулись грозно, а голос прозвучал сдержанно, но с нотками далекого грома:

— Только дочери простолюдинов могут выбирать, за кого им пойти. Да и то сомневаюсь... Тцарские же дочери выходят замуж, руководствуясь интересами страны. Слишком многое зависит от такого пустяка, как простое замужество, и я этим многим пренебречь не могу.

— Отец!

Он хлопнул ладонью по столу:

— Две недели! Еще две недели даем сроку твоему артанину.

Она возразила:

— Не артанину, а мне!

— Хорошо, — сказал он уже мирным голосом, видя, что дочь уступила, — тебе. Еще две недели разрешаю тебе ждать этого, признаю, героя. Но затем... прости, дочь, тебя возьмет в жены князь Янкерд. Интересы Куявии, дочь моя.

ГЛАВА 5

Он все-таки сходил к обрыву, с которого сверзился, выбрал пару подходящих камней. Мох уже носил за поясом, сушил. Еще труднее оказалось с сухими ветками. В этом влажном липком мире любой отмерший сучок все равно

пропитывается влагой, тут даже воздух наполовину из воды, как еще эти люди не стали рыбами или жабами...

Когда он развел огонь, все попрятались по дуплам. Он наслаждался сухим жаром, выпаривал из себя влагу, приготовил на огне убитую толстую птицу, чем-то похожую на голубя, размером с гуся.

Цветок осмелела первой, он научил ее есть жареное мясо. Она пришла в восторг, носилась между костром и дуплами, Придон слышал ее счастливое верещание. Наконец оттуда начали вылезать испуганные мужчины.

Так прошел еще один день, а на следующий уже пробовали траву не вытаптывать, а выжигать. Посреди поляны горел большой костер, в него постоянно подбрасывали ветки, Придон всякий раз повторял, что мокрые ветки не горят, надо искать сухие.

Сегодня он проснулся с ощущением, что слабость почти покинула, выветрилась. Он здоров или почти здоров. Выглянул из дупла: сверху мир в несколько слоев перекрыт толстыми, как оладьи, и такими же жирными зелеными листьями. Не только переплелись, как переплетаются вьюнки, но и срослись, словно здешний мир обступило со всех сторон одно-единственное дерево с мириадами стволов.

Вытопанная вчера, выбитая и выжженная поляна выросла за ночь жирными сочными стеблями толщиной с руку. Высушенные вечером огнем костра стволы снова влажно блестят, из щелей выпучивает белесые шляпки грибов размером со щиты.

Костер полыхает победно, жарко, но трое мужиков все еще тупо и покорно утаптывают траву по старинке. Еще четверо старательно рубят каменными ножами сочные побеги, оранжевые, почти прозрачные, видно, как внутри бегут соки. Женщины самые сочные комки уносят, руки перепачканы, толстые губы блестят, даже вся шерсть на шкурах мокро блестит, словно по ним всю ночь ползали эти гигантские слизи.

Придон вылез, постоял, держась за край. Голова закружилась, но на ногах удержался. На него оглядывались, как

ему почудилось, со сдержанным любопытством, потом понял, что это даже не любопытство, а просто молчаливое приглашение включиться в работу, как только почувствует себя достаточно окрепшим.

Эти люди, подумал с безгловым изумлением, мало чем отличаются от тех деревьев, против натиска которых воюют. Они не слыхали про титаническую битву Артании, Куявии и их Славии за господство над миром, не слыхали даже про города, другие племена и народы. До них доходят смутные слухи, что еще есть деревни; но никогда других людей не видели, потому в их существование просто не верят... Они вообще не представляют, что человек может воевать против другого человека!

Он отпихнулся от дерева, под ногами непривычно прогибался толстый слой жирного мха. Иногда под ногами чавкало, выбрызгивалась тонкая струйка рыжей воды. Пахло смрадом, гнилью, разлагающимися болотными растениями, дохлой рыбой и жабами.

Силы возвращались с каждым шагом. Комочки глины с перевязи сперва отламывались мелкими сухими камешками, остальное размокло, перепачкало грудь, зато ремень теперь гнется, словно стал частью собственной кожи. Только рукоять осталась скрытой под налипшими серыми комьями.

Домики отступили и скрылись за покрытыми мхами деревьями. Он даже видел некоторое время впереди тропинку, деревья с обеих сторон почернели обугленной корой, но саму тропку уже затянуло влажной сочной травой. Это хорошо, сказал он себе подбадривающе. Вон дальше за деревьями раскинулась ржавчина топкого болота. Обнаглело, даже не прячется под ковром мха. Посреди болота осклизлые корни вывороченного дерева, ствол под водой, а вершинку можно угадать по блестящим от слизи, черным, голым, как черви, ветвям, что жутко торчат из гнилой тухлой воды.

Деревья, что ближе к болоту, усажены уродливыми грибами. Когда Придон проходил слишком близко, начи-

нали распухать и наливаться желто-красным, похожие на гнойные нарывы. Внизу из-под корней выступают серые, как кожаные шлемы из козьей кожи, шляпки болотных грибов. Он всякий раз делал крюк, от грибов воняет гадостно, к тому же шипят, поворачиваются в его сторону, следят, готовые выстрелить мельчайшими семенами. Он уже видел людей в деревне, что покрываются зелеными пятнами. Если не облить едким соком из раздавленных болотных червей, то семена пустят корни. Такое уже случалось с ротозеями, которые попались так далеко от деревни...

Странность болот в том, что если в Артании болото — всего лишь умирающее озеро, что зарастает тиной и ряской, его обычно видно с одного берега и вплоть до противоположного, то здесь вокруг болот деревья теснились так, что палец не просунуть, все больные, с исковерканными покрученными стволами, ветки не тянутся вверх, а бесильно свисают прямо в гнилую воду, по ним постоянно выползает что-то слизкое, мокрое, Придон не успевал рассмотреть, ветвей слишком много, листья почерневшие, умирающие, на глазах скручиваются и тяжело срываются с таких же черных влажных веток.

Часто за плотной завесой умирающей зелени кто-то неведомый душераздирающе кричал. Придон сперва вздрагивал и отпрыгивал под защиту деревьев, но крики звучали равномерно, ни плеска, ни шлепков по болоту, значит, этот крикун с места не сдвигается, и он для себя решил, что это просто что-то вроде гигантских лягушек.

Дорожка шла вдоль болота. Деревья стали мельче, совсем жалкие, гниющие на корню, вместо сока получающие только гнилую воду. Голые безлистные ветки с черной, облепленной слизью корой уже не закрывают желто-багровую поверхность, что иногда поднимается бугром; с жутким звуком лопался пузырь, и Придон задыхался от придонного смрада.

Сердце колотилось все чаще, он наконец сообразил, что боль не из-за быстрого бега, это острая тоска, это то, что ломает даже неломаемых героев. Из груди вырвался

рык, в глазах стало красно. Он ощутил, как с силой ударил кулаком в ствол дерева. Мох смягчил удар, тут хоть головой бейся, везде мох, а там Итания, там истекает время... сколько он пролежал без сознания, сколько метался в горячке? Местные не ведут счет времени, у них день похож на другой...

Наконец деревья исчезли, вдоль берега торчат только жалкие огрызки кустов, зато под ногами стало чавкать, при каждом шаге выбрызгивалась гнилая затхлая вода. Запах смрада стал сильнее.

Слой опавших листьев сменился ровным покровом коричневого мха. Он покрывал землю, вылезшие корни, стволы деревьев, даже редкие валуны, уже наполовину погружившиеся в землю, сплошь закрыты мхом.

Он еще не успел понять, что тревожит, как ноги потеряли опору. Вроде бы плотный мох расступился, словно не мох, а ряска на старом озере. Он едва успел раскинуть руки, пальцы правой цапнули за корень дерева, что и задержало падение в черную глубину: гнилая вода уже у подбородка.

Он с трудом повернулся, еще слаб, одной рукой свое тяжелое тело не вытащит, ухватился двумя... и в этот миг кто-то сильный ухватил за ноги. Придон закричал от страха и омерзения, начал бить ногами. Мох на корне исчез, Придон чувствовал, как пальцы сползают по гладкому и мокрому корню, он все еще держится, но хватка слабеет, корень слишком скользкий, не удержаться, а неведомый зверь повис на ногах, дергает рывками, тяжелый, как гора...

Зловонная жижа плеснула в лицо. Он зажмурился, в последнем отчаянном усилии чуть подтянулся, вынырнул, весь облепленный нечистотами болота, вскрикнул, даже сейчас не видно солнца, только хмурые больные деревья...

Внезапно прямо перед ним шлепнула по воде толстая суковатая палка. На конце три загнутых сучка, и Придон, не успев даже подумать, что за глупость делает, выпустил корень и ухватился за эту палку. За рогульки хвататься удобно, он даже ухитрился бросить руку так, что кисть защемило в развилке, перестал погружаться, а потом этот

шест начал медленно вытаскивать его из зловонного болота!

Он тряхнул головой, грязь с глаз сползла. За ближайшим деревом, упершись плечом, стояла женщина, которую он называл Цветком, и, нахмурившись, изо всех сил тянула к себе шест. Выбрала момент, перехватила поудобнее. Некрасивое лицо было перекошено, губу закусил так, что выступила кровь, побежала струйкой через скошенный подбородок.

— Тащи, — прохрипел Придон, — только не дай мне утонуть в грязи...

Чудовище, что тянуло на дно, вдруг забарахталось. Придон ощутил, что его буквально разрывает надвое. Цветок сообразила, сумела зацепить шест за дерево. Болотный зверь был так силен, что переломил бы и бревно, но сейчас приходилось лишь играть в кто перетянет.

Несколько минут молча старались пересилить друг друга. Придон стонал, хрипел, но мысль, что погибает не в бою, а тонет в зловонной жиже, заставляла цепляться обеими руками, а когда понял, что и так не удержится, с рычанием вцепился в шест зубами.

Шест наконец медленно пополз на берег. Женщина устала, но и зверь выпустил жертву. Цветок выволокла облепленное грязью и жидкой глиной тело, Придон приподнялся, сделал несколько шагов подальше от воды и рухнул лицом вниз.

— Спасибо... — прохрипел он.

Она, сама едва держась на ногах, молча переворачивала его, вытирала пучком листьев. Грудь ее ходила ходуном, из горла вырывались хрипы. Придон вяло поворачивался, ее пальцы быстро ощупывали его худое тело, обрывали пиявок, присосавшихся червей, отыскала и с мясом выдернула два болотных корешка, что уже углублялись под кожу.

Когда наклонилась, проводя по его телу кончиками пальцев снова и снова, но уже ничего не попадалось, Придон молча притянул ее к себе. Долго лежали, выравнивая дыхание, собираясь с силами. Она попыталась снять с него

перевязь, так и не поняв, что это он упорно надевает на себя, он придержал ее пальцы.

Наконец он повернул голову, взглянул в ее бледное, перепачканное зеленью лицо.

— Как ты меня отыскала?

— Я шла по твоим следам, — ответила она тихо.

— Зачем?

— Если бы ты меня увидел, ты бы прогнал меня назад.

— Это понятно, — сказал он. — А зачем шла?

Она помолчала, спросила:

— Разве я не пригодилась?

Он погладил ее по спине, как кошку, почесал за ухом, уверенный, что ей такое приятно. Ответил с чувством:

— Если бы не ты...

Плечи его передернулись. Он покосился на ловушку. Мох медленно стягивался к центру. Гнилая вода тускло блеснула и пропала. Коричневые толстые края сомкнулись, срослись, стали единым ковром.

— Как ты не почувствовал? — спросила она с удивлением.

— А как я бы почувствовал? — пробормотал он.

— Но это же... так просто!

— Да?

— Да, — ответила она с убеждением. — Нет, ты точно из какой-то дальней деревни. Может быть, у вас и таких болот нет?

Он посмотрел в ее честные глаза, там грустная насмешка. Лесная женщина не верит в его помутившийся разум. Как же, весь мир зарос их лесом и покрыт болотами!

— Я хочу выйти из... — он проглотил слово «леса», не поймет, сказал вместо: — Этих краев. Мне надо выйти. Но если ты пойдешь со мной, ты можешь погибнуть. Я сам скорее всего погибну. Тебе лучше вернуться. Иди, дорогу ты знаешь.

— Но ты же идешь? — спросила она.

— Я, — сказал он с гордостью, даже попробовал приподняться и раздвинуть плечи. — Я — другое дело.

— Почему?

— Я мужчина, дурочка!

— И что же? — спросила она непонимающе.

Он ответил с некоторым раздражением:

— Мужчина должен идти впереди. Встречать опасность... грудью. А женщина должна быть сзади.

Ее лицо просияло, она воскликнула:

— Так я ж и шла сзади!.. И пойду сзади.

— Пойдешь? Зачем?

Она вскинула брови, подумала, ответила нерешительно:

— Не знаю. Но, думаю, мне лучше пойти с тобой. А ты как думаешь?

Придон пожал плечами:

— Не знаю. Со мной может быть опасно. Даже очень опасно. Правда, можем наткнуться на город...

— Что такое город?

Он вздохнул.

— Узнаешь. Но города должны быть. Не из деревень же у славов армии?.. А в городе тебе жить будет интереснее.

Он снова двигался через проклятый лес, деревья — как зеленые мшистые горы, Цветок забегала вперед, скакала перед ним, говорила с жаром:

— Ты не думай, что мы такие дикие, другой жизни не видели!.. Мы ведь из другой деревни. Все из другой!

— В самом деле? — спросил он, заинтересованный.

— Ну да! — ответила она гордо. — К нашей подступил Лес, а мужчины... которые все впереди, не сумели загодя вырубить сочники. А на другой день уже такие крепкие и большие... Правда, можно было еще и на другой, но наши опять не сумели, и тогда Лес начал рушить наши дома, сажать в нас семена... Многие умерли, тогда только все бежали. Многие умерли по дороге...

Придон представил себе, как все племя двигается через Лес, через болота, задыхаясь в ядовитых испарениях, бре-

дут по колено, а то и по шею в воде, а болотные звери подкрадываются и выхватывают самых беспечных.

— Наши мужчины отыскиали место, — донесся ее рассудительный голосок, — мы поселились в хороших дуплах, но теперь даже женщины обходят по очереди Большую Поляну... Мужчинам нельзя верить!

Обходят и рубят эти сочники, подумал он брезгливо. Где-то рубят головы врагам, добывают славу, а здесь рубят молодые побеги, что вылезают из земли в непопущенном месте. Правда, он сам видел, что один такой стебель способен за двое-трое суток вымахать в мощное дерево. Если не срубить, то может перевернуть дом, разрушить, разорвать корнями... Что за жуткий Лес, что за народ эти славы? Эти, правда, не знают даже, что они — славы.

Деревья проплывали, покачиваясь, приземистые, раскоряченные. Не то готовились прыгнуть, не то шарили вслепую по земле ветвями, искали добычу. Воздух оставался такой же влажный, гнилостный, но теперь в нем появились и другие запахи.

Пробитая зверьми дорога явно вела в сторону от воды, есть же звери в этом Лесу, что живут не в воде, им нужны сухие норы. Или хотя бы не затапливаемые...

Пролетела стая огромных, как птицы, бабочек. Мохнатые, с нелепым вихляющим полетом, запорошили пылью, от которой сразу пошла чесаться кожа, покраснела, вздулись мелкие гадкие пузырьки. Цветок поспешно сорвала известные ей листья, потерла Придона, выдавила ему на руки липкий сок. Зуд ослабел, затих.

Дважды дорогу перегораживали крупные муравьи. В первый раз колонна шла порожняком, двигались только рабочие муравьи с охранявшими их широкожвалыми солдатами, а во второй раз повстречали переселяющуюся семью. Няньки и даже рабочие несли куколок, личинки, мелкий расплод, а солдаты выбегали в сторону от колонны, бдили, щелкали жвалами с таким звуком, будто на стол падали игральные кости.

Под ногами чаще всего пружинил мох, затем истончил-

ся, ноги ступали по твердому. Одно время они вовсе шли по россыпи мелкой гальки, никак не удавалось Лесу накрыть ковром, поглотить болотом.

Деревья меняли цвет, мокрые стволы сперва покрылись мхом от земли и до вершинок, затем мох остался только с одной стороны, да и то не поднимался выше середины ствола. Кустарник пошел мелколистный, в кронах все чаще перекликались птицы и странные звери. В зарослях кто-то сопел, чесался, деревья вздрагивали. Придон сжимал кулаки, для мужчины невыносимо ощущать собственное бессилие.

С грозным ревом медленно пролетели, даже проплыли жуки. Крупные, словно камни для баллисты, тяжелые, двигались медленно, Придон рассмотрел их литые головы и мелкие глаза, обращенные книзу. Жуки явно выбирали место для нового гнезда. Жуки, как он уже знал от жителей деревни, как и люди, живут поселениями.

Он шел быстро и, чтобы остановиться, ухватился за ствол молодого деревца. Пальцы сжали кору, под ней пустота пополам с трухой, само дерево повалилось, а он, не удержавшись на ногах, сделал еще пару шагов вперед.

Сзади грохнуло дерево, в спину плеснуло жидкой грязью. А впереди, всего в пяти шагах, застыл чудовищный зверь, похожий на ящерицу размером с быка. Огромная голова с немигающими глазами с тупой злобой уставилась на человека. Пасть оскалена, блестят два ряда длинных и острых, как ножи, зубов...

Прошла вечность, в которой сердце успело тукнуть лишь два раза. Он успел увидеть, что под зверем земля сухая, твердая, будто на ней долго держали раскаленный камень. Трава в пепел, кустарники почернели и уронили листву. А на тех, что подальше, листья скрутились, как от невыносимого жара.

Зверь вообще полз как по раскаленной земле, что тут же теряла влагу, превращалась в камень. Но Придон с об-

легчением и ужасом смотрел на задние лапы чудовища. Вернее, на то место, где должны быть. Только два огрызка, следы зубов глубокие, висят клочья кожи... Зад вырван, страшные раны на спине, с бедер выхвачены куски мяса, несмотря на костяной панцирь. По хребту от головы массивные шипы, но острия обломаны... Чем по ним ударили: скалой или железной дубиной размером со ствол дерева?

Сзади послышался дрожащий голос женщины:

— Придон... Я никогда о таком... никогда!

В ее голосе был дикий страх. Его самого трясло, в таком лесу, да без оружия, а тут еще этот зверь, но ее страх странным образом придал силы. Все-таки он видел больше, знает больше. Чудовищ видел, а о других наслышан, уже не дрогнет, когда встретит. А может, и дрогнет, но не сильно удивится, все-таки знает по рассказам, у какого куявского дракона какие повадки и особенности.

— Пойдем, — проговорил он, стараясь держать голос твердым. — Кто-то прошел здесь раньше нас.

— Так это же и страшно!

— Почему? — спросил он. — Нам меньше махать дубинами.

Но сердце трепетало в ужасе. Спина трещала, не желала гордо выпрямляться, он с усилием напомнил себе о доблести предков, что пращуры и сейчас смотрят на него из заоблачного вирия, спорят: выберется из Леса или сгинет, как вот этот дракон, у которого такие зубы, такая пасть, а лапы с железными когтями вообще страх...

Он сглотнул комок, сказал хриплым голосом:

— погоди, Цветок!

Она обернулась:

— Что ты хочешь?

В ее голосе была надежда.

— Впереди пойду я, — заявил он твердо. — В моих краях негоже мужчине идти позади женщины в опасных местах. А ты все время забегаешь вперед! Забыла, что обещала?

— Но ты не в своих краях, — ответила она удивленно.

— Но я, — прервал он, — все тот же Придон!

Придержал ее, женщина смотрит умоляюще, но он заставил себя выйти вперед. Деревья пошли по обе стороны медленнее, он чаще оступался, спотыкался о невинные кочки мха, которые оказывались твердыми как камень вспучившимися корнями, чуть-чуть прикрытыми зеленой бахромой, едва не падал, когда со всего размаха пытался опереться на гранитные валуны, что не валуны вовсе, а невесомые домики водяных гусениц, сплетенные из травы и листьев...

На самом деле не стыд или отвага подвигнули пойти вперед, хотя тоже, тоже, но еще больше — отчаяние. Ну сколько можно прятаться за женской спиной? Ведь будь этот зверь жив, он растерзал бы обоих, иди он сзади женщины или впереди. Так пусть же последний вздох не будетотягощен хотя бы стыдом.

Он услышал ее детский вскрик, вскинул голову. Впереди поперек звериной тропы стояли лохматые заросшие мужики. Пятеро. Все выше Придона, руки длиннее, груди толстые и выпяченные, как винные бочки. В руках огромные суковатые дубины, бороды от самых глаз, а волосы падают на брови, так что Придон видел только блестящие глаза. Странно блестящие, в отличие от тусклых глаз жителей деревни.

Все в лыковой одежде, та влажно блестит. Блестят и дубины. Придон покрепче сжал свою суковатую палку, взмолился отчаянно богам, чтобы не вертелась в мокрых пальцах.

— Стоять, — проревел один из мужиков жутким голосом, хотя Придон и женщина и так застыли в страхе, не двигались. — Что-то чужаки в наши края зачастили...

— Убить, да и все дела, — буркнул второй. — Чего ты с ними?

Придон сказал торопливо:

— Мы не те чужаки!.. Мы здесь впервые. Я хочу выйти из Леса...

Разбойники переглянулись. В глазах было непонимание. Вожак, он говорил первым, глухо хохотнул:

— Из Леса?.. Тебя бешеная улитка погрызла?.. Тебя уьем сейчас, тогда тоже попадешь в Лес, только там уже охотятся и собирают корни твои прашуры. Окромья Леса нет Леса!

Придон нервно сглотнул. На миг в этом мокром хлюпающем мире в самом деле показалось абсурдным видение знойной раскаленной Степи, где дальний горизонт, а над головой всегда-всегда небо, когда синее, когда темное со звездами, когда с тучами...

Он сказал вполголоса:

— Женщина, держись сзади.

Он шагнул вперед, дубина в его руках поднялась. Удар был нацелен в голову, но вместо этого Придон ткнул концом в живот вожака, тут же развернулся и отвесил по мощному удару мужикам справа и слева.

Оказалось, хитрил напрасно, вожак даже не сделал попытки закрыть голову. А от удара в живот медленно согнулся, двое ухватились за головы. Придон медленно приходил в ту боевую ярость, что обычно вспыхивала в нем мгновенно, едва слышал зов боевого рога или звон клинков, сейчас же руки наливались и наливались силой, он крутился, бил, отпрыгивал, бил снова, уже выбирая уязвимые места.

Рукоять дубины перестала выскальзывать из пальцев, руки Придона вздрагивали, когда слышался сухой стук, будто бил по валунам, пальцы немели на миг, но он снова вертелся посреди поляны, мужики уже вокруг, бил, прыгал, что-то орал, снова бил, уже нещадно, стремясь размозжить их всех в липкое кровавое мясо...

Сквозь шум в ушах донесся отчаянный крик женщины:

— Хватит!.. Надо уходить!

Он с трудом заставил себя остановиться. Дыхание вырывалось с тяжелыми хрипами. Пот заливал глаза, но сквозь мутную, щипающую глаза пелену он увидел всех пятерых. Один сидел на корточках, двое с руганью нянчили поврежденные руки, четвертый щупал лохматую голову, с изумлением рассматривал кровь на пальцах. Волосы на го-

лове вздыбились, слиплись и торчали, как гребень рассерженной ящерицы.

Но вожак стоял под деревом, дубина в руках, цел, разве что на скуле расплывается громадный кровоподтек. Глаза с изумлением уставились на Придона.

— Что за букашка? — проревел он с изумлением. — Такое мелкое, а дерется?

Придон чувствовал, что его грудь вот-вот лопнет, в этом мокром воздухе вообще трудно шевелиться, не то что драться, легкие уже превратились в гадкое желе, он прохрипел:

— Женщина... пошли дальше. Если эти захотят трепки, я им ее устрою еще.

Она испуганно прижималась к его боку, мешала двигаться. Дорогу загораживал только один, но у него кровоточило ухо, красные капли оросили бок и грудь, и, когда Придон приблизился, разбойник поспешно отступил в сторону, ломая кусты. Там послышался треск, разбойник повалился, заорал, к нему бросились двое, слышно было, как молотят дубинами по траве и мокрой земле, донеслось звериное рычание, но Придон все ускорял шаг, Цветок почти бежала, вскоре деревья закрыли их от страшных с виду, почти неуязвимых, но никчемных на самом деле бойцов.

Дорога пошла вверх, земля стала чуть суше. Придон со стоном привалился к стволу дерева. Цветок вскрикнула, с силой дернула его за плечи. Придон успел увидеть, как вспучивается мох, лопаются, поднимаются толстые черные корни с шевелящимися мелкими корешками, похожими на гнусных червей.

Он почти бежал на подгибающихся ногах, смутно чувствовал, как женские руки опустили его на мягкий мох.

— Вот видишь... — прохрипел он. — Есть люди...

Она смотрела круглыми от ужаса глазами, на перепачканном лице было потрясенное выражение.

— Но откуда они?

— Не знаю, — ответил он. — Из другой деревни...

Оча договорила:

— ...Не из города?
 Он помотал головой:
 — Не из города, точно.
 — Почему?
 — Ты еще не видела города. Самой не захочется возвращаться.

ГЛАВА 6

Дальше он двигался неровно, припадая на ушибленную ногу, и так же неровно проплывали, дергаясь и покачиваясь, по обе стороны влажные заросли. Иногда приходилось ломиться сквозь зеленую стену, всякий раз из-под ног что-то выскакивало, плюхалось с разбегу в невидимую воду. До него долетали брызги, но, сколько ни всматривался, воды не видел.

За кустами сопело, чавкало, хлюпало. Он видел, как иногда там вдалеке вздрагивает дерево: неведомый зверь чешется спиной либо дерет когтями кору. Под ногами попеременно сменялся мох с красного на желтый, с желтого на коричневый, совсем редко попадались участки, полностью засыпанные опавшими листьями. Затем снова мох: красный, желтый, коричневый, грязно-зеленый...

Он двигался, весь облепленный сором. Под одним деревом попал под падевый мед, мельчайшие капельки покрыли всего с головы до ног росинками, что расплылись по коже, сразу стало трудно дышать. Паутина, в которую влезал то и дело, теперь прилипала. На руках и ногах уже барахтаются беспомощно всякие бабочки, жуки и гусеницы, пытаюсь отлипнуть, гигантские вьюнки на глазах душат деревья, от тех идет треск, клочья коры сыпятся серым дождем, стучат по голове и плечам, липнут так, что скоро превратится в серое панцирное чудовище.

Справа пошли толстые деревья, где коры не увидеть под массойдвигающихся муравьев, чуть дальше настоящий

бой между муравьями и огромными разъяренными осами, пытаются отстоять гнездо с жалкими запасами меда.

Цветок молча потащила Придона по широкой дуге в сторону.

Перед глазами плыло, тело стонало, каждая мышца плакала от боли. Чувства притупились, страшного леса не страшился уже потому, что от усталости ничего больше не боялся. Даже трясины, что может оказаться под толстым слоем мха. Только бы лечь, вытянуть гудящие ноги, а там...

— Если пройдем через Желтый Лес, — говорила она возбужденно, — мы попадем в другую деревню. Так сказал мой дед, а он знал многое... Никто не верит, что есть еще деревни, но ты вон есть?... А ты не наш. Хоть и говорят, что ты сын бабы Перепугицы, тайком где-то прятался, а ночами приходил и воровал еду, но мне лучше верить, что еще есть люди...

— Есть, — заверил он. — Есть! Но что за Желтый Лес?

Она удивилась:

— Так мы ж по нему идем!

Он на ходу огляделся. Лес как Лес, больше зеленый, чем желтый, и деревья такие же: с влажной корой, неизменно толстые, приземистые, ветви чересчур низко, будто каждое растет на просторе, хотя им так тесно, а в тесноте деревья тянутся вверх, ветки выбрасывают только у самой вершинки...

Он не поверил глазам: в сторонке за деревьями блеснуло небольшое озеро, совсем крохотное, но вода прозрачная, чистая, не болотная. Деревья склоняли над ним кроны. Повеяло прохладой. Ноги подгибались, он заспешил, уже представив, как погрузится раскаленной глыбой железа в прохладную воду, начнет остывать, впитывать ее всеми порами тела...

С дерева сорвался желтый лист, красиво опускался прямо над озерцом, покачиваясь из стороны в сторону, словно дергали за кончики невидимые комарики. Он коснулся поверхности озера, исчез. Придон тут же застыл на месте, нога остановилась в воздухе, не касаясь воды. Она

чуть подернута рябью, это дует легкий ветерок, листок должен был встопорщиться и резво побежать по воде к берегу. Или не резво, но он должен остаться на поверхности!

Задержав дыхание, он отступил на шаг. Потом еще. Третий шаг сделать не успел, вода разом исчезла. Среди заросшей темно-зеленой травой полянки поднялся безобразный раструб, похожий на цветок колокольчика, только размером с закрученные спиралью бараныи рога.

Из раструба выметнулся длинный гибкий язык, похожий на увеличенный во много раз язык жабы. Придон пытался отпрыгнуть, но язык петлей обвился вокруг лодыжки. Сдавило сильно, он услышал свой вскрик, тут же мелькнуло гибкое женское тело.

— Ну что же ты... — донесся горестный вскрик.

Он сопротивлялся молча, обеими руками ухватился за дерево, мышцы трещали от натуги. Цветок часто вскрикивала, за ногу дергало больно, он слышал глухие удары. Наконец ногу отпустило, он торопливо извернулся, схватил палку.

Гибкий язык уже спрятался под прочный костяной панцирь, а тот основанием врос в землю. Придон подумал устрaшенно, что там, в глубинах, этот зверь может быть в десятки раз крупнее. А то и в сотни.

— Давай убираться отсюда, — прохрипел он.

— Сиди, — велела она. — Дай осматрю ногу... Если содрал кожу до крови...

— То что? — спросил он настороженно.

Цветок всматривалась долго, он чувствовал на лодыжке ее прохладные пальцы, наконец с облегчением опустила ему штанину.

— Крепкая на тебе одежда, — сообщила она. — Вроде бы шкура, но не шкура. Что это?

Он заставил себя подняться.

— Пойдем. Скоро ты увидишь такие диковинки, что эти шкуры замечать не будешь.

Россыпь болот осталась позади, но у многих деревьев между темными корнями тускло блестела совсем черная

вода. Дважды он видел, как оттуда высовываются круглые блестящие головы и смотрят ему вслед. С деревьев свисали неопрятные комья, похожие на опутанную паутиной оملу, воздух показался ему несколько суше. Сперва решил, что почудилось, но чем Цветок карабкалась выше, тем листья становились суше, под ногами не чавкало, пружинил толстый роскошный мох: с кроваво-красными и фиолетовыми пятнами, похожими на трупные.

Потом он услышал надсадный рев, а чуть позже с холодком по спине понял, что по их следам ломится большой и могучий зверь. Однажды попутный ветер даже донес его смрадное дыхание. Мороз пошел по всему телу Придона: как воочию, увидел куски гниющего мяса, застрявшие между зубов чудовища. Но крупному зверю тяжело ломиться сквозь заросли, где тонкие человеческие тела проскальзывают между массивных стволов, он иногда глухо ревел, однажды вскрикнул от боли, будто наступил на что-то острое или сдуру напоролся на острый сук.

Совершенно неожиданно впереди открылось болото со стоячей водой, странно неподвижной, что не переливалась через низкие края, не стекала вниз, в нижнее болото, настоящее, большое. Здесь из воды торчали коряги, корни затонувших деревьев, поднимались белесые, как утренний туман, высокие растения, похожие на упавшие в снег сверху острием сосульки.

Цветок прыгала по кочкам и корягам очень ловко, непривычно ловко для вообще-то медлительных и неуклюжих жителей деревни. Во все стороны летели брызги, коряги под ее весом погружались, но она успевала скакнуть на следующую, наконец погрузилась до пояса, но все же быстро добралась до исполинского выворотня: мокрые, осклизлые корни упавшего дерева торчат, как страшные когтистые лапы паука, все черные, покрытые гнилью, а снизу из тухлой воды вылезают безглазые мелкие животные, карабкаются, слабые и беспомощные... с виду слабые и беспомощные.

— Бери левее! — прокричала она с выворотня. — Там под водой ствол... По нему и добежишь!

Придон прыгнул в вонючую воду, от смрада перехватило дыхание. С берега начали сигать в болото мелкие зверьки, похожие на лягушек, но с гребнями на спинах, а он с тоской пытался увидеть в мутной жиже этот ствол, ведь справа и слева бездна, наконец Цветок, сообразив, вытянула руку, он сдвинулся левее, под ноги попало твердое, округлое, склизкое.

Он вспомнил, как ребятней вскакивали на бочки и гоняли по двору на спор: кто дольше удержится, надо было только быстро-быстро перебирать ногами и держать равновесие, но сейчас под ним не сухой бок бочки, а нечто осклизлое, невидимое в тухлой смердящей воде.

Сцепив зубы, он бежал, воды сперва по колено, потом ствол начал приподниматься, но, когда мутной жижи было по шиколотку, подошва соскользнула. Он взмахнул руками и обрушился в болото, руки раскинул, стремясь за что-то, да ухватиться. Грязь залепила глаза, но пальцы ухватились за толстое, скользкое, он с усилием встал на этот полузатопленный ствол, даже пошел на четвереньках, уже не стыдясь своего негероического облика.

Полуослепший, он ткнулся лицом в переплетение корней, даже не понял, что это не хищные лапы зверя, но Цветок ухватила за волосы. Он кое-как поднялся на ноги, хотел оглянуться, держась за корни. Цветок с неожиданной силой удержала.

— Не оглядывайся! — сказала она настойчиво.

— А что там?

— Не оглядывайся, — повторила она сдавленным голосом. — Ни в коем случае не оглядывайся!

Он ощутил странное чувство, как будто кто-то огромный и чудовищно сильный пристально смотрит ему в спину, взгляд проникает через плотную одежду из лыка, продавливается сквозь кожу, просачивается в плоть, достигает внутренних органов...

Сердце кольнуло. В груди начал нарастать холод. Настоящий холод, которому не место в этой влажной бане.

Цветок соскользнула с выворотня, пошла наискось к противоположному берегу. Вода поднялась ей до середины груди. Придон поспешно слез, холод из груди словно бы переместился на шею, замерзло ухо, словно прихваченное морозом, но вскоре ощущение холода опустилось снова до уровня лопаток.

Охваченный паникой, он понесся за нею, как обезумевший лось. Цветок шла быстро, за нею, как за плывущей уткой, расходились клином тяжелые коричневые волны, непроницаемые, теплые, наполненные останками болотных растений и животных. Запах тоже был омерзительный, болотный.

Перед самым берегом он обогнал женщину, вломился в заросли болотных растений, непривычно жестких и острых. Ощущение тяжелого взгляда ослабело, холод в груди начал размываться.

А когда он выбрался на твердое, чувствовал в груди только острый осколочек, словно туда попала мелкая заноза. Цветок выбралась легко, грациозная, как молодой олененок.

— Не садись, — предупредила она, — здесь плохой мох... И туда не садись, посмотри, что над головой!.. Нельзя под деревом ложиться, нельзя!.. С ума сошел?

Хрипя и задыхаясь, он позволил увлечь себя вверх по тропе, Цветок называла это тропой, хотя он не видел даже звериных следов, там ее пальцы разжались, он рухнул на сравнительно твердую и почти сухую землю, только ухватился за приглашающе свесившуюся ветку, подтянулся, но Цветок вскрикнула в ужасе и негодовании:

— Ты что же...

Он не успел ничего понять, как она прыгнула, послышался хруст. Она переломила ветку намного выше, а он повалился на спину. Обломанная ветка осталась в его руках.

— Ты чего? — спросил он.

— Это ты чего, — ответила она зло. — Как будто в вашем лесу не растут эти липалы!

Придон попытался выбросить ветку, но она намертво прилипла к ладоням. Цветок, ворча, набрала в руки травы и, обхватив ветку, обломала концы. На ладони Придона остался прилипший обломок чуть длиннее самой ладони. Он ужасно мешал, Придон сперва злился, потом со страхом понял, что теперь, даже попадись ему на дороге топор, не сможет ухватить за рукоять...

— Чего это они, — сказал он с неловкостью. Глаза отводил, но и не рассказывать же, что есть края, где таких деревьев нет.

— Они людей не едят, — сообщила Цветок. Он удивился, она добавила: — Но приходят звери и... едят. А кровь и кости зачем-то дереву. Не знаю почему, но эти деревья и звери давно в таком сговоре.

— Подлый сговор, — прохрипел он.

— Почему? — удивилась она.

— Просто подлый...

— А, тогда ладно. Ну, отдохнул? Сколько в тебя влазит? Вон уже зеленушка подбирается.

Придон со стоном подхватился, рукоять меча больно стукнула по затылку. И снова бежали между огромными, покрытыми толстым зеленым мхом скалами, что не скалы, а всего лишь стволы деревьев... там, под толстым жирным слоем живого хищного мха, что уже и не мох, а что-то злое, ненасытное, страшное...

Женщина легко скользила между деревьями, иногда падала на четвереньки, он обычно не успевал, его стегали жгучие нити, он вламывался в липкую ядовитую паутину, на голову сыпались влажные комья и, быстро-быстро двигая слабыми лапками, заползали под лыковую одежду. Он падал и катался, давил, как его учили в деревне, Цветок испуганно вскрикивала и оборачивалась, он поспешно вскакивал, чтобы она не возвращалась, неся к ней.

Справа земля пошла настолько сухая, что у него сердце заныло, словно встретил давно забытое, родное, ноги сами

понесли в ту сторону. Он услышал предостерегающий крик. Цветок размахивала руками, указывала вверх.

Он похолодел: над головой в зелени просвечивают раздутые лиловые гроздья, похожие на слипшуюся икру крупных рыб или жаб. На глазах разбухали, в них пульсировало, он видел, как за тонкой оболочкой двигаются маленькие темные тела.

— Уходи! — донесся крик.

Опомнившись, отпрыгнул, и почти сразу на то место, где он стоял, посыпались мелкие черные черви. Твердая как камень земля расступалась, словно жидкая глина. Через мгновение упавший первым зарылся полностью. Придон едва не выблевал, представил, как его крепкие плечи пропустили бы эту мерзость вот так же...

Цветок остановилась в десятке шагов впереди, махала рукой.

— Как ты бежишь, — прохрипел он. — Как ты бежишь...

В ее коричневых глазах мелькнуло изумление.

— Бегу?.. По Лесу иначе нельзя. Если медленно, то обязательно что-то успеет прицепиться... Вон к тебе уже...

Она деловито поотрывала от него крупные желтые семена, что уже сменили цвет под его кожу, начали буравить, запускать мелкие, пока еще мелкие корешки. Он покорно терпел, хотя боли не было. От семян, что внедрялись, даже приятно, а вот эта грубая женщина-полузверь совершает почти убийство...

Он всхрипнул, кровь пошла по телу, разгоняя сладкий яд, он взглянул на девушку уже с благодарностью.

— Спасибо. Я бы не выжил без тебя и суток.

В ее глазах цвета древесной коры мелькнуло смущение.

— Еще неизвестно, доживем ли до рассвета сами. Пойдем, здесь нельзя останавливаться.

Спина его отклеилась от ствола дерева с трудом. Не из-за клея, ноги дрожали, легкие пошли пузырями и лопались, а весь мир он видел сквозь завесу горько-соленого пота.

Но дорожка медленно вела вверх, вверх. Воздух из мокрого стал просто влажным. Прекратился постоянный шум падающих капель. Стало так непривычно тихо, что Придон жадно вертел головой во все стороны. Обострившийся слух приносил звуки, которые раньше не слышал.

Толстый слой мха истончился настолько, что голые подошвы наконец-то ощутили твердое. Еще дальше проступила в разрывы настоящая земля: красная, глинистая, без травы.

Цветок вскрикнула тонко и жалобно. Придон метнулся к ней, руки сжались в кулаки. В глазах девушки блестели слезы. Губы дрожали, он едва слышал ее лепет:

— Я не верила... Я шла с тобой, но не верила... Я говорила, что еще есть люди, но не верила!

Дрожащий палец указал Придону на ближайшее дерево. На грязно-серой коре белела затеска. Обычная затесь, которую оставляют охотники походя, чтобы пометить хороший участок для себя или дать знать другим, где их искать. Даже как будто значок вырублен в самой середине, но уже не разглядеть: здешние деревья, что умеют вырастать из семечка за неделю во взрослое дерево, умеют и раны заживать невероятно быстро.

— Кто-то прошел совсем недавно, — прошептал Придон. — Здесь есть люди... Это не камнем стесали, не камнем!

Цветок смотрела непонимающе.

— А чем?

— Узнаешь, — пообещал он.

Затесь уже затянуло блестящей пеленой древесного клейкого сока. Придон зачарованно смотрел, как со всех сторон медленно наползает кора, толстая и грубая, а очищенный участок сокращается со всех сторон.

Он потянул за тонкую, но такую сильную женскую руку.

— Пойдем. Уже темнеет.

В этом мире Леса он не видел смены дня и ночи, толь-

ко полсуток здесь как в сумерках, а вторую половину хоть глаза выколи за ненадобностью. Но воздух становится плотнее, в нем появились первые тяжелые жуки, что охотятся, как он помнил, только в полной темноте.

Болото осталось далеко позади, деревья стали выше, ровнее. Ветки поднялись так, что не приходилось становиться на четвереньки. Но теперь, с поредевшим мхом, у самых корней деревьев обнажились лужи темной воды. От них тянуло холодом, Придону представились такие глубины, что всего осыпало морозом.

Болото не исчезло, понял он, просто на время накрылось слоем земли, достаточно толстым, чтобы держать деревья, даже дома, если такие попадутся, но все равно этот мир принадлежит ему, болоту, большому и могучему Болоту.

Земля стала твердой и сухой. Мох исчез, деревья вытянулись, ветви поднимаются все выше, а сами стволы деревьев почти здоровые, без жутких наростов, трещин и покрученных страшными болезнями ветвей...

Деревья расступились как-то сразу, неожиданно, как стражи покоев тцара перед господином. Он на бегу ухватился за ствол, удержался на месте, страшась выбежать на пугающее открытое пространство.

Поляна страшила огромностью. Дальние края тонут в нездоровом белесом тумане, а в самой середине прямо из земли торчат коричневые домики. Земля тоже вся коричневая, словно истоптанная сотысячным табуном так, что не осталось травы, истоптанная даже не до голой земли, а до самой глины, вязкой, коричневой, мертвой, из которой только кувшины да кирпичи на обжиг...

А вверху, Придон боялся поверить своим глазам, настоящее небо. С низкими тучами, серое, грязное, вот-вот прольется мелким гадким дождем, но все же не осточертевшее переплетение зеленых веток, откуда сыплется всякая гадость.

Цветок налетела, боднула в спину. Он слышал ее тоненький вскрик.

— Придон, — прошептала она ему прямо в ухо. — Это что?

— Люди, — ответил он. — Деревня.

— Но как...

— Здесь живут в глине, — ответил он. — Понимаешь? Вы живете в дереве... в дуплах или в шалашах из веток, а эти живут в дуплах из глины. Не поняла?.. Люди вообще везде и во всем живут. В каменных пещерах, на судах...

Он прикусил язык, Цветок или не поверит, или замучит расспросами об этих таинственных и непонятных пещерах или судах. Сердце колотится, в голове накалилось, как железо в горящем горне.

— Ну, — выдохнул он. — Пойдем, не бойся! Ты не поверишь, но я родился на поляне, что в сто тысяч раз больше этой...

Ее пальцы дрожали в его ладони. Он почти тащил ее, замирающую от ужаса. Не верит, успел подумать, что на свете могут быть поляны, подобные этой. Эх, увидела бы его бескрайнюю Степь!

Земля непривычно больно стучала в голые пятки. Твердая как камень, она показалась Придону чересчур теплой. А чем ближе подходили к домикам, тем земля становилась суше и горячее. От ступней начал разлетаться стран- ный белесый пух. Ноздри уловили давно забытый запах. Придон готов был поклясться, что это пепел.

— Я боюсь, — неожиданно сказала за его спиной Цветок. — Я боюсь.

— Не бойся, — ответил он и осекся.

Издали, когда видишь деревню, сразу замечаешь и ста- да, повозки, гусей на лугу, работающих людей, а когда еще ближе, в ушах начинает звенеть от звонкого гвалта детворы. Эти звереныши носятся, визжат, кувыркаются, вопят, ездят друг на друге, дерутся, хохочут, лезут во все дыры...

От этой деревни веет могильным покоем. Мертвая ти- шина.

ГЛАВА 7

Он приблизился, шел настороженно, оглядывался на каждом шагу. Странные дома — без ограды, без сараев, конюшен, амбаров, курятников. Ладно, пусть кто-то учинил набег, все угнал и всех перебил, но где же поля, колодцы, огороды? Где неизбежные загоны для скота?

Цветок шла притихшая. Она не знала, что такое загоны для скота, но и ей, как видел Придон, было не по себе. Очень не по себе.

Медленно темнело. Сквозь такие тучи луна не пробьется, Придон ускорил шаг. Ноги от усталости стали тяжелыми, как две колоды, живот прилип к спине. Цветок тихонько поскуливала сзади.

Окна первого дома зияли пустотой. Придон заглянул, крикнул дважды, есть ли кто живой, и, не дожидаясь отклика, поспешил к другому. Снова покричал, толкнул дверь. Не заперто, открылась с приятно скрежещущим сухим звуком.

Пусто, глаза к полумраку привыкают медленно, он едва-едва различал перевернутые лавки, сдвинутый к стене стол. Очаг разрушен грубо и бессмысленно, тяжелые камни исчезли, осталась только скрепляющая их глина... Ах да, камни здесь редкость, потому — ценность... Даже если простой гранит или песчаник.

В третьем доме ему почудилось движение. Осторожно заглянул. В совершенно пустой комнате: ни стола, ни лавок, ни даже паутины на поперечной балке — на плотно утоптанном глиняном полу лежал вниз лицом человек.

Придон вошел осторожно. Сердце колотится так, как не стучало даже в часы самых жарких схваток. Человек не двигается, хотя, как почему-то решил Придон, не спит. Не мертв, не спит, даже бока не раздуваются, как у любого живого, но жив, каким-то образом следит за ними...

— Я зашел с миром, — еле выговорил он. — Со мной женщина... Мы устали и просим ночлега.

Человек не шевелился. Лица Придон не видел, но не

проходило ощущение, что за ним наблюдают. Когда он отвел взгляд и оглядел стены, показалось, что человек бросил на него быстрый взгляд, хотя краем глаза не уловил ни малейшего движения.

Цветок сказала с порога дрожащим голосом:

— Уйдем отсюда. Мне страшно. Мне очень страшно.

Знала бы ты, подумал он зло, как трясет меня от макушки до пяток, но ответил хрипловатым мужественным голосом:

— Пожалуй, заглянем к его соседям.

В следующем доме оказалось так же пусто. Цветок уже не поскуливала, а тихонько подвывала. Придон переходил от дома к дому. Еще в двух обнаружил людей, но все спали мертвым сном. Осмелев, он пробовал трясти, будил, но ни один не шелохнулся.

— Колдовство, — проговорил он сдавленным голосом. — Черт, как я не люблю колдовство!

— Что такое...

Он отмахнулся.

— Похоже, придется ночевать без ужина.

— Я смогу, — пообещала она. — Я поела, когда пошла за тобой.

Последний дом выглядел смятым, словно с небес дотянулся огромный кулак и легонько стукнул по крыше. Дом из мокрой глины перекосило, изогнуло, стены в складках, сейчас уже твердых, застывших.

Придон обошел опасливо, дальше ровная твердая земля, а вдали осточертевшая зеленая стена. Цветок легонько вскрикнула, Придон проследил за ее взглядом.

В трех шагах от дома лежал на спине и смотрел в небо лохматый человек. Длинная борода и волосы не просто касаются земли, а словно вросли в нее. Холодок пробежал по спине Придона: пальцы лежащего до половины в земле. Но не видно валиков вокруг пальцев, когда вот так втыкаешь в песок или мягкую землю. Да и пятки погрузились в землю...

Цветок вздрагивала, но послушно шла следом. В самом крайнем доме, что без крыши, Придон заметил еще одного

лежащего, обошел со всех сторон. Этот тоже лицом вверх, хотя, правда, глаза невидящие, вроде бы и не смотрит, а если и видит что, то небо, только небо. Хмурое, в тучах, зависло на вершинах деревьев, вот даже верхушки тонут в серо-грязном тумане. Но все же там небо.

— Ты не спишь, — определил Придон. — Если слышишь меня, кивни... Ладно, не можешь кивнуть, моргни. Или у тебя глаза, как у рыбы? У ящериц тоже не закрываются... Нет, закрываются. Скажи, где здесь можно перебыть ночь под крышей. Хорошо бы еще и поесть.

Он говорил и говорил, стараясь держать голос дружеским и беззаботным. Человек оставался таким же неподвижным, но, когда Придон, потеряв терпение, собрался уходить, вдруг сказал слабым голосом:

— Такой чужой запах... Вы не из Леса?

— А чужаков на ночлег не пускаете? — спросил Придон. — И не кормите? Пойдем, Цветок.

Цветок ухватила за его руку. Человек сказал тем же ясным, но монотонным голосом без всякого выражения:

— Ночуйте здесь... Но ваш запах...

— Мы шли через болото, — объяснил Придон.

— Что такое болото?... У вас запах тел...

Цветок оттащила Придона за руку, его ухо чуть не обожгло ее горячим шепотом:

— Ты что? Он же безволосый!

Придон только сейчас заметил, что голова человека блестит, как обглоданный мосол, лицо не только без бороды, но и без бровей, даже, если присмотреться, без ресниц. Тело гладкое, ровное, без привычных волос на груди или ногах, похожее чем-то на жабу, у тех тоже мышцы неровными квадратами, или даже на тело барсука... если, конечно, с барсука снять всю шерсть.

— Да, — пробормотал он, — безволосый... Тот был волосатый, как... а это что-то вроде тритона.

Она толкнула его и потащила прочь с неожиданной силой.

— Ты чего разговариваешь с безволосым?

Придон оглянулся. Человек по-прежнему в той же позе, но ему чудилось, что безволосый слышит их, понимает, но не может или не хочет выбираться из своего чародейского сна.

Когда покинули деревню, а могучая стена деревьев замаячила совсем близко, Придон без сил опустился на землю.

— Извини, — сказал он честно, — вымотался. Ты просто двужильная, хоть и цветок. А что насчет безволосых?

Она осторожно присела рядом, осмотрелась, прихлопнула ладошкой то, что показалось пробивающимся сквозь глину ростком, но это оказался всего лишь мелкий камешек.

— Ты не знаешь?

— Я многого не знаю, — сообщил он. — Ну и что? Скажи, буду знать.

— Есть безволосые, — прошептала она жарким шепотом, — есть, наоборот, с корой вместо волос... Есть с черной шерстью на груди, эти вообще по ночам обертываются волками...

— А безволосые?

— Безволосые уходят в озера, — сказала она, сильно вздрогнув. — А те, что с корой, пускают на ночь корни. Когда стареют, так и остаются, понял? Постепенно превращаются в деревья. Мы таких уже встречали, ты не замечал...

Он запоздало вспомнил, что от некоторых деревьев она шарахалась в непритворном испуге, кивнул, стараясь не выглядеть слишком уж испуганным, сказал негромко, голос держал ровным:

— Раньше только слышал, а теперь встретил. То-то дубину о них изломал, а им хоть бы хны!.. А безволосые, понятно, превращаются в озерных и болотных чудищ?

— Да. А говорил, что не знаешь!

Он зябко передернул плечами.

— Теперь знаю. Спи.

Утром Цветок хотела вернуться в деревню, попросить еды, но Придон потащил дальше. Днем сквозь тучи иногда просвечивало мутное пятно солнца, и, хоть карта потеряна, он помнил, что если держать солнце справа, то через два-три дня подойдут к Черному Капишу. Если очень хочется есть, то по дороге что-то да удастся изловить или пришибить камнем или палкой.

Шли до полудня, измучились, даже Цветок устала от непривычки: под ногами вместо мягкого пружинящего мха твердая земля, больно бьет в подошвы. Зверьки шныряют очень быстрые, юркие, удалось поймать и съесть несколько гусениц, кузнечиков да жуков. Еще Придон обнаружил в кустах птичьи гнезда с яйцами, напились вдоволь, сразу ощутили, как откуда ни возмись хлынула сила, наполнила мышцы.

Теперь без остановок шли, почти бежали, до заката. В лесу темнеет быстро, потому Придон, чтобы впотьмах не искать место для ночлега, выбрал посреди полянки широкий пенёк, словно срезанный пилой, опустился со вздохом облегчения... пенёк с готовностью развалился. Придон провалился в коричневую влажную труху. Тысячи огромных красных муравьев тут же набросились, как на большого жирного червяка.

Он в панике вскочил, отбежал, отряхивался, забыв про смертельную усталость. К счастью, муравьи, отогнав зверя, бросились спешно уносить в подземелья нежные белые личинки и куколки, иначе быть бы ему позорно загрызенным не драконом, а крохотными муравьями!

Оглянувшись, таких крупных никогда в Артании не видел, там муравьи и помельче, и посуше, носятся как стремительные молнии, а здесь быки, а не муравьи...

Следующую валежину выбирать сил не было, присмотрел рядом место, вроде бы чистое, опустился прямо на землю. Снизу тянуло холодным и влажным. Когда оперся локтем о землю, там сразу образовалась ямка и выступила гнилая, дурно пахнущая жижа.

Цветок спросила сонно:

- До утра?
- Спи, — ответил он.
- А ты?
- Я тоже... скоро.
- Ты не уходи, — предупредила она. — Мне без тебя будет...
- Страшно?
- Да, и страшно тоже.

Она свернулась калачиком и сразу же заснула. Ее лицо стало милым, детским, только губы капризно надула, даже нахмурилась, кулачки у подбородка, колени тоже подтянула так, что может стиснуть ими уши. Придон прислушался к ее тихому сопению. Отважная девчонка, могла бы остаться, но и среди женщин, видимо, рождаются такие неспокойные, что не могут усидеть на месте, если подворачивается возможность убежать в новые края.

Он лег, закинув руки за голову, долго старался заснуть, но сон не шел, сердце стучало ровно и сильно. Перевязь с рукоятью меча передернул под левую руку, чтобы не давила в спину, привычно пощупал справа, подумал, что, пока не добудет топор, надо выломать дубину покрепче.

Не сразу ощутил, что на поляне есть еще кто-то, а когда ощутил, сказал себе, что снова мерещится. Перед глазами уже вместо каждого дерева зрится по два-три, а этот шорох и эти призрачные фигуры видел с самого начала, едва вошел в этот зачарованный лес.

Но шорох и шепот становились громче. Начал различать слова, но и раньше их различал, начиная с детства, когда лежал на грани сна и яви. С пробуждением гаснут, истончаются, а сквозь призрачные силуэты людей и диковинных зверей всегда проступает шелк родного шатра...

Дрожь прошла по телу. Ему почудилось, что его тела касаются холодные пальцы. Резко повернулся, все еще убеждая себя, что все от усталости, в голове никак не закончится камнепад, а чувства лгут...

К счастью, рядом ни Аснерда, ни Скилла, а бедная лесная женщина спит крепко. Он сам ощутил, что постыдно

вскрикнул почти жалобно, по-детски, даже сжался в комок и подтянул колени к груди.

Со всех сторон на поляну медленно выдвигались призрачные фигуры. Некоторые были людьми... почти людьми, другие — чудовищами, были даже скелеты. Он твердил себе, что это сгущения воздуха, стоит подуть ветерку, все развеется, однако, когда под ногой одного призрака трава пригнулась, а сочный стебель сломался с мокрым хрустом, кожу обдало холодом.

Ближе всех был призрак, сквозь которого Придон почти ясно видел корявый ствол дерева. Однако под этим призраком прогибалась земля, словно двигался по тонкому льду глубокой и опасной реки. Над головой пронесся призракный кажан размером с лося. Очертания кажана слегка размывались, он сам создавал ветер, и, когда через поляну полетел толстый жук, настоящий жук, не призракный, челюсти кажана молниеносно сомкнулись, отвратительно захрустело, кажан выплюнул жесткие надкрылья, что упали прямо перед Придоном.

Он привстал, рука нащупала дубину. Призраки окружили их, остановились. Он застыл, не зная, что делать, а дубина против призрачных существ вряд ли...

— Я пришел с миром, — произнес он торопливо, ибо лучше заговорить первым, там за ним преимущество, — но мне в этом Лесу нужен меч... даже не весь меч, а только обломок лезвия.

Один из призраков колыхнулся всем телом, Придон услышал тихий шелестящий голос:

— Зачем... тебе?

Обрадованный, что с ним заговорили, он торопливо передернул на грудь ножны, взялся за рукоять:

— Вот все недостающее! Если найду лезвие, меч снова будет цел!

Призраки молчали, их слегка колыхало в неподвижном воздухе, затем прежний, который заговорил первым, сказал:

— И ты снова... будешь... убивать?

— Конечно, — ответил Придон с достоинством. — Убивать врага — что есть достойнее? Захватывать чужие земли, травить конями посевы, рубить сады, резать скот! Женщин и детей уводить в плен, стариков рубить на месте!

Призраки снова молчали долго, ему показалось, что каким-то образом совещаются. Наконец снова тот, первый, сказал:

— Это хорошо... убивать... Убивай людей побольше... Это хорошо...

— А где лезвие этого меча? — спросил Придон. Он вытащил рукоять, поляна сразу озарилась ярким светом, словно на ней разожгли огромный костер во всю ее ширь. Призраки исчезли, только в ушах Придона прошелестел быстро гаснущий голос:

— Прямо... а потом по течению реки...

Цветок дернулась, глаза непонимающе уставились в нависающее сверху лицо Придона. Он растянул губы в торжествующей усмешке.

— Прямо, — сказал он. — А потом по течению реки.

— Что?

— Увидишь, — пообещал он. — Вставай, надо идти... Одно только жалею...

— Что?

— Я мог их спросить, сколько же я провалялся без памяти и сколько я здесь вообще.

Она спросила непонимающе:

— А зачем это тебе? Дурь какая-то. Река течет... и мы течем.

По обе стороны звериной тропы поднимались странные растения с узорными листьями, Цветок на ходу срывала сочные головки, ела, Придон слышал за спиной чавканье, сопенье, не выдержал, сам сорвал тугой бутон, на зубах захрустело, будто ел луковицу.

На губы брызгало сладким соком. Он чувствовал, с какой горячей благодарностью желудок принимает лакомст-

во, по жилам сразу побежала теплая волна, ноги начали ступать тверже, а дыхание выровнялось.

— Вкусно? — спросило за спиной.

— Очень, — признался он.

— Я тоже никогда такого не ела!

Он на бегу покачал головой.

— Рисковая... Откуда знала, что это можно есть?

Она что-то ответила, он не услышал из-за резкой боли в лодыжке. Дернулся, извернулся, пальцы подхватили скользкое гибкое тело толщиной с кисть его руки. Серая змея вцепилась зубами с такой силой, что по ноге побежали горячие алые струйки.

Цветок жалобно вскрикнула, Придон с проклятием пытался оторвать гадину, та держалась, не отпускала. Он кое-как разжал ей пасть, Цветок причитала, когда он вытаскивал погрузившиеся в мякоть длинные острые зубы.

— Отойди!

Она отпрыгнула, он ухватил змею за хвост, раскрутил над головой и подбежал к ближайшему дереву. Послышался сочный хруст костей, змеинная голова разлетелась на мелкие осколки. Придон отшвырнул гадину, грудь его тяжело вздымалась, на губах показалась пена.

Цветок заметалась вокруг, он сел, ухватился за рану, крикнул зло:

— Жжет, как огнем!.. Ядовита?

— Ох да, ядовита...

— Сильно?

— Сильнее уже не бывает, — ответила она жалобно. — От этого яда спасения нет...

— Как нет? — вскрикнул он. — Должно быть! Так не бывает, чтобы не было спасения! Наш Творец создал мир таким, что на все есть что-то еще сильнее, больше, быстрее... Ищи, ты лучше знаешь этот лес!

Ее взгляд беспомощно заметался по деревьям, она вскрикнула отчаянно:

— Сок вот этого дерева... он тоже яд! Но человек, ис-

пив этого сока, почти на сутки становится очень сильным, быстрым и...

— Что? — крикнул он. Боль быстро шла по ноге вверх, уже воспламенились внутренности, он корчился, не мог сидеть, еще чуть — и начнет кататься по земле. — Что еще?

— ...и красивым, — закончила она. — Но потом он умирает в сильнейших муках.

— А сейчас у меня что? — закричал он. — Радость? Быстрее, набери того сока!

Боль достигла груди, он чувствовал, как в муках задержалось сердце. Первые капли яда пошли в мозг, там сразу вспыхнула адская боль, нечеловеческая, в глазах слезы, он почти ничего не видел, только мелькало нечто серое, слышались шлепающие шаги, женщина что-то выкрикивала, причитала, плакала, жаловалась.

Перед ним появился широкий лист, сложенный лодочкой. Придон рассмотрел мутную желтоватую воду с приятным запахом вишневого сока. Жалобный голос сказал над самым ухом:

— Не пей этот сок...

— Я умираю, — прохрипел он.

Она обняла его одной рукой за плечи, помогла сесть, прислонившись спиной к дереву. Другая рука держала перед ним листок с неподвижной, словно клей, жидкостью.

— Почему так получилось? — спросила она сквозь слезы.

Он хотел припасть губами к соку, но в последний момент подставил ладони.

— Лей!

Пальцы приятно обожгло холодом. Сок пришел в дерево из глубин земли, может быть, даже из тех глубин, где светит черное солнце, где правит Ящер подземным миром, где все иначе...

— Не пей, — сказала она жалобно. — Говорят, у него сладкий запах и даже вкус... Но человек умирает в жутких корчах... Перед смертью становится настолько ужасен, что... я даже не хочу об этом говорить!

Прозрачный сок начал сочиться сквозь пальцы. Придон сжал пальцы плотнее, преодолел приступ режущей боли в черепе, когда кости начали уже раскалываться, припал губами. В первое мгновение ощутил, что боль ушла, испарилась, исчезла, как словно ее и не было. Затем показалось, что становится выше ростом. Ощутил, что молод и силен, а если поднатужится, то вырвет с корнем дерево, если не самое толстое.

Цветок смотрела с ужасом. Потом в глазах мелькнула решимость, она метнулась к дереву и подставила сомкнутые ладони под глубокий надрез. Придон догнал и ухватил ее за руку.

— Ты что делаешь?

— Я тоже хочу умереть, — ответила она с вызовом. — Я не хочу жить без тебя.

Он подумал, что есть и другие способы покончить с собой: броситься в болото или пойти дальше по звериной тропе, но в сердце плеснуло нежностью, отпихнул и подставил под струю ладони.

— Тогда пей из тех же рук.

Она в самом деле пила жадно, много, а когда вскинула голову, он увидел, насколько преобразилась, стала в самом деле выше ростом, лицо очистилось от оспин, с больных глаз ушла краснота, а синие губы стали пурпурно-красными и полными.

— Теперь мы умрем, — сказала она тихо. — Но теперь, когда гибель близка, ты можешь...

— Нет, — прервал он. — Не говори ничего. Мы не умрем. Мы не должны умереть! Ты увидишь, мы не умрем...

Но в сердце разрасталась тревога, ибо Горлицет говорил только о чаше с ядом. Он тогда и обезвредил яд, преподнесенный в чаше несчастным Терпугом. Но если яд касается самого кольца, то... правильно ли он рассчитал?

— Я не знаю, сколько это продлится, — сказала она тихо.

— Тогда поспешим, — ответил он.

Она с изумлением видела, что этот странный человек

теперь пошел впереди, и не просто пошел, а побежал, побежал легко, привычно, словно всю жизнь бегал по этой неудобной твердой земле. Она запыхалась, разогрелась, ее волосы растрепались, она мчалась за ним, стараясь подражать его движениям.

Придон косился на ее волосы, что напоминали роскошную конскую гриву, вот так же развеваются в бешеной скачке, потом начал замечать ее похорошевшее лицо, радостный и немного испуганный блеск глаз.

— Не устала?

— Ты же... бежишь... — ответила она через силу.

— Ладно, — сказал он, — похоже, нам вон к тому холму...

Под ногами изредка возникали заросли травы, но не привычно мясистые стебли, что ломаются при первом же прикосновении, выплескивая густой белый сок, стебли шелестели по ногам с сухим треском, то и дело взлетали вспугнутые кузнечики, крупные и толстые, как лягушки. Все чаще подошвы сухо стучали по гладкой земле, сухой и утоптанной, словно здесь недавно прокатились огромные камни.

Земля медленно пошла вверх, Придон незаметно перешел на шаг, а когда поднял голову, дрожь прокатилась по всему телу. За это время, глядя только под ноги, взобрались довольно высоко, и теперь то, что издали выглядело только черным камнем, превратилось не то в храм, не то в дворец... но только не для людей.

Придон знал только артан и куявов, видел нескольких славов, общался с людьми с гор, но какими бы все ни были разными, все равно люди, человеки, а эта ужасающая постройка из черных плит... она не для людей. Дело не в размерах плит, а в самом здании: строили словно бы муравьи или осы... нет, даже не стали бы строить так, строили как будто люди, но в то же время и не люди, ибо человек не станет одни плиты обтесывать так тщательно, что становятся глаже дерева со снятой корой, а другие торчат острыми сколами! На широкой плоской крыше пять остроконечных башенок, все в беспорядке, три кучкой в углу, четвертая на

другом краю, еще одна словно бы остановилась на полдороге... Ощущение такое, что гигантская рука расставляла их, как мелкие камушки, но кто-то отвлек, так и остались...

Придон настороженно осматривался, за спиной голос прозвучал с нескрываемым испугом:

— Здесь живут боги?

— Чего так решила? — спросил он только для того, чтобы слышать в этой жуткой тиши человеческий голос.

— Здесь не могут быть люди.

Эти башенки на крыше, только две из гладко отесанных камней, на одной луч солнца высветил даже орнамент, знаки и фигурки зверей, но три совсем из грубых неотесанных глыб, какой смысл тащить на крышу, обтесали бы на земле... Ощущение такое, что храм строили умелые и знающие, но уже обезумевшие при появлении Луны.

Нет, сказал он себе упрямо, все построено так, как хотели те чудовища, что жили до появления благословенной Луны. И в этом храме спит их чудовищный бог!

— А мы, — сказал он, — разве не люди?

Она запнулась, он пошел к храму, остановился, помахал ей рукой. Вместо ворот треугольный проход, то ли ворота вынесло неведомой силой, то ли так и должно быть, изнутри веет холодом, будто там сразу бездна.

Придон выждал чуть, глаза прощупывали полумрак внутри храма.

— Подождешь здесь?

— Ни за что, — сказала она решительно.

— Ладно... Но иди за мной шаг в шаг. Здесь могут быть ловушки. Да-да, на людей тоже ставят, как вы на зверей... Нет, люди людей не едят. В Артании не едят, а в Куявии все может быть, там страна такая...

Холод охватил тела, едва миновали треугольный вход. Сердце застучало чаще, разгоняя кровь, согревая кожу, а холод сочился из каменных стен, из треугольного свода, из массивных плит пола, сильно пощербленных, побитых, исцарапанных.

Придон часто останавливался, осматривался, иногда с

силой топал, даже подпрыгивал и бил в пол обеими ногами. Лицо стало отстраненное, он прислушивался, принимался, ноздри трепетали, как у хищного зверя, даже пригнулся, будто готовился к прыжку.

— Что ты ищешь? — спросила она шепотом.

— Да хоть что-нибудь, — ответил он так же тихо. — Лучше бы топор... но сойдет и меч. Даже молот или палица — неплохо.

Она помолчала, спросила совсем устранившись:

— Столько непонятных слов... Что такое топор? Меч?.. Молот?

— Увидишь, — ответил он. — Не мешай.

— А они... тут?

— Могут быть тут, — пояснил он. — Место здесь такое, понимаешь?

— Нет.

— Я тоже не понимаю. Но мужчины такое чувствуют кожей. У нас шерсть поднимается и начинает звенеть, как железная. Ух ты, какая плита...

Цветок подбежала и тоже ухватила за край плиты. Вдвоем подняли, это оказалась почти скала, но Придон чувствовал в теле неимоверную силу, поднатужился, отшвырнул. Снизу пахнуло могильным холодом, воздух пошел влажный, затхлый, наполненным запахом гниющего дерева.

Придон присмотрелся, прыгнул в яму, ненадолго завис на растопыренных руках, упираясь в края.

— Ты что-то видишь? — вскрикнула Цветок.

— Оставайся наверху, — велел Придон

Он исчез в темноте, Цветок упала на живот, вслушивалась и всматривалась до рези в глазах. Долгое время слышались шаги далеко внизу, скрипело, потрескивало, однажды донесся вроде бы голос, но не голос Придона. Она извелась, уже приготовила длинные плети ползающих деревьев, собиралась опускаться, как за стебли дернуло, снизу раздался голос:

— Цветок!.. Ты молодец, догадалась! Хорошо закрепила?

— Вылезай! — закричала она во весь голос. — А то сейчас сама спрыгну!

Из темноты показались черные волосы, в них запутались травинки, паутина, щепочки, но, когда Придон поднялся, она увидела его смеющееся лицо и веселые глаза. Грудь перекрещена теперь двумя перевязями, вторая с широким чехлом, откуда торчит длинная черная рукоять. Еще на поясе висит маленький кожаный мешочек, в нем что-то тихо позванивает.

— Вот теперь я — артанин, — сказал он счастливо.

— Артанин? — повторила она. — Это что... это хорошо?

— Лучше не бывает, — заверил он.

Он выпрыгнул, оглядывался, она спросила нерешительно:

— А кто я?

Он посмотрел на нее, запнулся, словно проглотил ответ, уже соскакивающий с кончика языка, сказал уверенно:

— Ты тоже. Иначе бы не рискнула за пределы своего мира. Ладно, что это там...

ГЛАВА 8

Под противоположной стеной храма высился, похожий на сгусток мрака, черный камень. Придон уже с топором в руке пошел к нему неслышным крадущимся шагом. Сердце бухало тяжело и часто, он чувствовал, как воспламенилась вся кровь, на лбу испарина, от камня веет опасностью, но пальцы наконец-то сжимают рукоять топора!

Сзади тихонько вскрикнула Цветок, он чувствовал, как женщина остановилась. И сам замедлил шаг, движения стали вязкими, что-то пробует остановить, приходится ломиться, как сквозь невидимую бурю.

Каменное изваяние изображало человека. Лучше бы долунный бог явился в образе зверя или птицы, подумал Придон с дрожью. Никто на свете не может быть ужаснее человека. Яростная мощь стремилась покинуть тело, ноги

становятся слабыми, а топор потяжелел, едва не выскальзывает из взмокшей ладони.

Огромные тяжелые веки каменного идола начали подниматься. Лицо не двигалось, губы не шелохнулись, но в страшной тишине толстые веки поднимались и поднимались, Придон задержал дыхание, тело напряглось в страхе.

Из-под век блеснули два рубиновых огня. На темном камне, в этом темном храме красный свет будто ударил Придона в грудь. Он закашлялся, отступил на шаг. Веки продолжали подниматься, наконец глаза открылись полностью: горящие яростью, красные, без радужной оболочки и зрачков.

Придон, шатаясь, отступил еще на шаг. Сильный жар охватил все тело, череп сдавило, как орех в лапе великана. Прямо на пути вспыхнул огонь. Пламя поднималось из каменных плит, языки огня бурно трепетали, словно под ударами ветра, слышался треск горящего дерева и стреляющих угольков, даже слышно, как сухо лопаются мелкие камешки...

Сцепив зубы, он двинулся прямо в стену огня. Немыслимый жар охватил кожу, волосы вспыхнули и сгорели, кожа покрылась волдырями, те сразу же лопались, обнажая красную плоть, что тут же высыхала в страшном жаре, вспыхивала.

— Итания, — прорычал он. — С твоим именем пройду!

Он шагнул из стены огня, жар остался позади, а он торопливо взглянул на руки. Не только кожа цела, но даже черные волосы все так же стоят дыбом от страха.

— Ну что? — сказал он громко. Пальцы крепче ухватили рукоять топора. — Ты еще не встречал артан, червяк?..

Каменная пасть раскрылась шире, Придон занес над головой топор. Пасть дрогнула, начала закрываться. Струя огня истончилась, через мгновение только сизый дымок выбивался из сомкнутых челюстей.

— Это лучше, — сказал Придон. — Я — артанин, запомнил?.. Мы рождены в огне, нас не испугать дымком с искрами. Если ответишь правильно, я пощажу твое капи-

ше. Если соврешь, я разнесу все в щебень, превращу щебень в песок, а тот — в пыль, дабы ветер разнес и развеял...

Пасть слегка разомкнулась, тяжелый голос прорычал угрюмо:

— Спрашивай... артанин.

— В этом лесу есть Черное Капище, — сказал Придон. — Я не знаю, как оно зовется у вас, но там спрятано лезвие моего... теперь уже моего — меча. Я должен его отыскать!

Каменный дракон молчал долго, глаза погасли. Придон уже поднял топор, глаза выбрали место, куда обрушить тяжелый удар обухом, дракон медленно заговорил:

— Я слышал... но это было очень давно. Это было настолько давно, что даже я, который здесь уже тысячи лет в камне, а до этого тысячи лет носился над юной землей... в общем, это очень давно. Я не знаю... Погоди! Я скажу, кто знает.

Придон опустил топор. Сердце застучало чаще.

— Говори, жаба.

— Если идти вдоль реки, там будут горы... Когда-то были молодыми и острыми, сейчас это наверняка холмы... Там жил Черный Див. Тогда это был еще див, но я слышал, что он собирался стать богом. Если стал, то...

Придон спросил недоверчиво:

— А он мне ответит?

Дракон сказал угрюмо:

— Я тебе сказал, кто знает. А ответит или нет... зависит от тебя.

Придон убрал топор в чехол. Дракон не шевелился, но Придону почудилось облегчение, проступившее на морде каменного зверя.

— Ответит, — произнес Придон. — Ответит!

Он повернулся и пошел к выходу. Каменные плиты, где только что бушевало пламя, потрескивали, остывая. Цветок смотрела расширенными глазами. Когда вышли из храма на яркий свет, она прошептала:

— Я никогда такого... Никогда...

— Ты увидишь, — сказал он, — насколько мир велик.

— А кто, — произнесла она тихо, — Итания?

Волна жара прокатилась по его телу, сладко заняло сердце.

— Богиня, — ответил он.

— Богиня, — повторила она. — Богиня... богиня чего?

Он мотнул головой, челюсти сцепил, чтобы не вырвался стон.

— Всего, — ответил хриплым голосом. — Богиня всего на свете! Именем ее молюсь, именем ее живу, во имя ее свершаю, творю, дышу, двигаюсь... Все, чем живу, чем дышу, что у меня было и будет, — все в ее честь, ее славу, за ее улыбку. Пойдем, нам нужно встретить Черного Дива.

Цветок снова ахала, не верила глазам своим, а когда выбежала за Придоном, все косилась на огромное водное пространство. Река послушно двигалась рядом с ними, покорно повторяла все движения, изгибалась, вытягивалась, манила песчаными отмелями и зарослями камышей, откуда слышны крикание и плеск воды.

Придон с шумом пробежал по длинным отмелям, а когда наступил жаркий полдень, охотно отодвинулся под близкий полог леса. Река все так же несет свои воды в сотне шагов, не прячется, а он на ходу срубывал верхушки сочных кустов и молодые деревца, принаравливаясь к новому топору.

Очень редко встречались избушки, обычно рыбацкие или охотничьи. Только однажды встретили целую деревню из десяти домов, но Придон так и не понял, чем промышляют, ибо рыбной ловлей такой толпе не прокормиться, как и охотой, а полей или огородов что-то не приметил.

Цветок шла с раскрытым ртом, но Придон торопил, не позволял остановиться и перевести дух. Горы приблизились, в самом деле не горы, а уже каменистые холмы, сильно просевшие, обжитые, кое-где поднимаются дымки от копален и плавленен.

На перекрестке дорог огромный дом из толстых бревен, но первый этаж из массивных глыб камня. Придон сразу узнал постоялый двор с корчмой, такие же точно в Артании и Куявии, наверняка и в Вантите такие же, ибо корчму, как говорят мудрые волхвы, придумал сам Творец, чтобы людям было где собраться и помыслить о Высоком. А кто не так мыслит, того можно поправить табуреткой.

Сам домик показался Придону невысоким, но, когда тот приблизился, Придон увидел, что это из-за массивных серых бревен кажется приземистым и невзрачным. Издали было видно с десятков коней у коновязи.

Дом вынесен прямо к дороге, двором служит весь мир до горизонта и дальше. Хозяйственные пристройки кузнеца, горшечника, хлебопека и кожевника — не пристройки вовсе, а отдельные избышки. Если у куявов, где дождь бывает раз в году, все это упрятано под одну крышу, чтобы перепрыгнуть по сухому, то здесь все под открытым небом, темным и гадким, с раздутыми тучами, будто славы произошли от жаб, что рады любому дождю.

У коновязи неторопливо жуют овес огромные, как горы, кони. Придон ощутил себя оскорбленным, его Луговик выглядел бы жеребенком рядом с этими гигантами, их ноги вдвое толще, от копыт даже в твердой земле остаются отпечатки с миски размером, из ноздрей валит дым, драконы, а не кони.

— Что будем делать? — пропищала за спиной Цветок.

Глаза ее стали огромными, испуганными, лицо побелело, а пальцы судорожно сжались в кулачки.

— Тебе пока нечего, — ответил он. — Все сделаю я. Просто ходи за мной хвостиком.

Она покорно пошла за ним к крыльцу. Гиганты кони посматривали равнодушно, такая мелочь для них во всадники не годится, сопели и чесались, огромные, как горы.

Крыльцо такое же серое, но все массивное, добротное, ни одна ступенька не скрипнула. Над крыльцом широкий навес, само крыльцо широкое и просторное, гуляки даже в проливной дождь могут под таким навесом поплевать и

вернуться сухими. Навес опирается на резные столбы, украшенные сверху донизу кольцами и фигурками.

Теперь Придон успел заметить и ажурные карнизы над окнами, тщательно прорезанные наличники, даже тяжелые ставни с резным узором по краю, а в середине вырезаны овальные дыры, чтобы хозяин без опаски мог выглядывать и ночью.

Все это он успел заметить только мимоходом, в следующее мгновение толкнул дверь, ожидая оказаться в жарко натопленной корчме, но это только просторные сени. Тут сгрудились под стеной стоймя запасные лавки, колченогий стол, пара великанских колод непонятного назначения, при виде которых у Придона появилось недоброе предчувствие.

В конце сеней еще одна дверь. Оттуда донесся знакомый шум, послышалась песня, затем злой окрик, сухой стук разбитого кувшина. Придон с облегчением улыбнулся, предчувствие сменилось радостным узнаванием. Это корчма!

Внутри стены оказались на диво светлыми и блестящими, Придон даже уловил запах свежих стружек, в углу мальчишка заканчивал выскабливать последние бревна, опрятно и по-домашнему пахнет мясной похлебкой, в великанском очаге над углями жарится целиком насаженная на вертел туша лесного зверя, похожего на кабана, но потолще и с круглой массивной головой.

Все четыре стола пустые. Придон опустился на скамью, жестом пригласил Цветок сесть рядом. Она присела, робкая, как кузнечик, что готов сорваться с места при первом же хлопке в ладоши.

Вскоре явился огромный мужик, крупнее Придона, отчего тот сразу ощутил себя уязвленным.

— Гости? — удивился мужик. — Что ж, добро пожаловать... Есть, пить?

— И то, — сказал Придон, — и другое. Что, дела идут плохо?

— Неважно, — буркнул мужик. — Меня зовут Жбан, за

последнюю неделю вы всего лишь третьи, кто вошел через эту дверь.

Когда он принес огромное блюдо, больше похожее на таз, с горячей парующей гречневой кашей и целиком зажаренного барана, Придон кивком пригласил сесть, сразу выложил несколько золотых монет. Мужик долго рассматривал непонятные четырехугольные монеты. Таких не видел, но золото есть золото, оживился, словоохотливо рассказал, что тут живут целой семьей, с ним жена и четыре сына, все крепкие парни, занимаются охотой и рыбной ловлей...

— А что такое рыбная ловля? — спросила Цветок.

Жбан покосился на нее, усмехнулся.

— Оставайся, красавица, увидишь. Может быть, понравится, га-га-га!

Придон ел быстро, жадно, зубы свирепо рвали горячее пахнущее мясо, желудок подпрыгивал, чтобы ухватить на лету, тут же усваивал и топал ногами, требуя еще. Цветок ела сперва осторожно, потом разохотилась, в глазах изумление, вот-вот отбросит ложку и зароется в горку каши лицом.

Жбан посматривал с удовольствием, потом на лице проступило изумление. Оглянулся на Придона.

— Из каких краев?

— Я из дальних, — ответил Придон коротко. — А вот эта, ее зовут Цветок, она из Леса. Там, сам понимаешь, не сеют и не жнут, только охота. Даже рыбу не ловят.

Жбан покачал головой, взгляд стал задумчивым.

— Понятно... Ты ее везешь в город?

Придон пожал плечами:

— Как-то не задумывался. А что?

— В городе ей будет плохо, — сказал Жбан. — Слишком, понимаешь?

— Понимаю. Но бросать ее нельзя. Она — хорошая девушка.

Жбан не отрывал взгляда от покрасневшей Цветка.

— Вижу. А что, если оставишь здесь? Нет, не подумай ничего плохого. У меня жена — строгая. Но у меня четверо

взрослых сынов. Трем уже пора искать себе жен... Вдруг придется кому-то по сердцу? Она ведь хороша, ты прав.

Придон доел кашу прежде, чем собрался с ответом. Цветок вгрызлась в бараний бок, ребра трещали под ее крепкими зубами.

— Наверное, — ответил он медленно, — так будет лучше. Или правильнее. У меня... опасная дорога. Негоже молодой девушке идти рядом с воином.

Жбан с большим удовольствием продал ему коня, пусть лучше у него конь не столб коновязи грызет, а превратится в пару золотых монет. Придон взобрался в седло, непривычно высокое, кивнул Цветку:

— Тебя ждет красивый и удивительный мир!.. Прощай.

— Прощай, — ответила она грустно. — Пусть тебе повезет, герой.

— Мне надо спешить, — сказал он виновато. — Мне надо очень, очень спешить!

Вскинул руку в прощании, не удержался, чтобы не напечь глыбы мускулов, красиво посмотрел вдаль и прищипил коня.

Через пару верст проехал через селение, то ли рыбацкое, то ли охотничье. Все дома казались вымершими, мужчины на работе, а женщины и дети затаились при виде незнакомца на огромном коне, сурового и с двумя перевязями через обнаженную грудь, с выглядывающими из-за плеч рукоятками меча и топора.

Придон ехал выпрямившись, чувствуя на себе десятки нечеловеческих глаз. За невысокими плетнями среди садов стояли хлевá, конюшни, и почти на каждой крыше лежали огромные псы неизвестной породы, мохнатые и страшные, молча провожали его взглядами. Иногда заборчик прерывался стеной хлева, и тогда он чувствовал, как голова проходит на расстоянии протянутой лапы такого мохнатого чудовища.

Когда дома остались позади, от реки навстречу показав-

лось пятеро мужчин. Все несли на плечах тяжелые мешки, капала вода, Придон уловил сильный запах рыбы.

Он издали вскинул руку, прокричал:

— Хорошего улова!..

— И тебе... удачной охоты, — ответил передний мужчина. К неудовольствию Придона, этот слав даже с тяжелым мешком на спине, что пригибал его к земле, оказался почти одинакового с ним роста, с конным. — Куда путь держишь, добрый человек?

— Мне нужен Черный Див, — сказал Придон без обиняков. — Он где-то близко. Вы должны знать.

Мужчины остановились, мешки держали на плечах без натуги, запах свежепойманной рыбы стал сильнее. В мешках еще дергалось, выгибалось, но мужчины устали на него с раскрытыми ртами.

Передний мужчина взглянул исподлобья.

— Меня зовут Войтыл, — сказал он. — Я войт этого села... Мы слышали про этого Черного Дива, но только ты опоздал, парень.

Придон вскрикнул:

— Как опоздал?

— Черный Див убит, — сообщил Войтыл. — Да, он держал здесь всех в страхе... Но однажды явился герой из неведомых краев.

Придона качнуло от горя.

— Но как же так, — воскликнул он беспомощно. — Я же слышал, что...

Войтыл указал на тропку.

— Езжай до тех пор, пока не увидишь рощу. Там дорога раздваивается. Вправо дорога шире, но это в обход, ею теперь никто не пользуется, а вот влево — твоя дорога. За рощей увидишь высокую мрачную скалу, а под скалой источник с чудесной водой, что дает силы и лечит болезни. Вот там раньше и подстерегал людей этот Черный Див. Многих героев погубил, многих... Приходилось по жребию отдавать ему самых красивых девушек! Но однажды, я уже сказал, явился герой из дальних стран, сразился с Черным Дивом и

убил его. Но и сам, не зная целебных сил источника, умер от ран.

— Жаль, — сказал Придон убито. — Но судьба героев — защищать народ, а не себя.

— Конечно, но плач в нашем селе был великий... Не так плакали по своим родным, как о нем. Ведь он чужак, а жизнь отдал за нас!

— Для героев чужих людей нет, — ответил Придон.

Он подобрал поводья, конь тряхнул ушами, засопел. Придон сказал ласково:

— Ты слышал, там чудесный источник. Напьешься сразу на неделю. А то и на две.

Конь недоверчиво фыркнул, но Придон уже толкнул под бока, и конь нехотя пошел по тропе. По обе стороны проплывала каменистая насыпь, конь быстро уставал, по усеянной мелкими камнями дороге поднимался нехотя, дышал тяжело, оглядывался на седока с укором. Начал прихрамывать, Придон совсем собрался уже остановиться, но за поворотом открылся вид на угрюмую скалу с темным входом в пещеру. В десятке шагов от входа в пещеру блестел ручей, виднелись фигуры двух женщин с кувшинами. К ним от селения шла еще одна.

Придон похлопал коня по шее.

— Видишь, там чистая прохладная вода!.. Там вблизи и заночуем.

Конь снова недоверчиво фыркнул, но шаг ускорил, даже начал помахивать хвостом и потряхивать гривой.

Женщины прервали разговор, на Придона уставились блестящие любопытные глаза. Он чувствовал, что нравы здесь вольные, вдали от селения могли бы с ним развлечься, но, наверное, знают и то, что есть народы, где нравы у мужчин суровые, и своим женщинам такие мужчины верны.

Придон вскинул руку.

— Мир вам! Кто даст напиться?

Женщины бросились к нему наперегонки. Вода выплескивалась из кувшинов, серебристые струи в закатном огне казались пурпурным вином. Придон заколебался, два кув-

шина протянулись одновременно, но конь сдвинулся, словно решил помочь, и Придон принял в ладони тот, который оказался ближе к пальцам.

Женщина победно взглянула на подругу. Та нахмурилась, поднесла кувшин к конской морде, подмигнула Придону. Настоящий воин всегда сперва напоит коня, а герой так и вовсе должен заботиться о коне и замечать тех, кто заботится о его славном четвероногом друге.

Придон долго и жадно пил, конь тоже сопел и осторожно цедил воду, на Придона поглядывал осуждающе. Придон понял, соскочил на землю, кувшин наполовину пуст, перевел дыхание.

— Прекрасная вода!.. Просто волшебная. Я устал, как бобер, но сейчас снова полон сил.

Женщина, что поила коня, сказала со смехом:

— А посмотри на своего гривастого!

Конь резво переступал всеми четырьмя, словно пытался пуститься в пляс. Уши торчком, глаза дерзкие, нахальные, потряхивает гривой, готов хоть сейчас нестись вскачь хоть трое суток.

— Волшебная вода, — повторил Придон. Он оглянулся. — Вот здесь и была схватка с Черным Дивом?

— Вон там, — указала женщина.

Слева от скалы белели огромные загнутые ребра чудовищной длины, которые Придон сперва принял за лишенные коры деревья. А еще дальше, в тени, огромный череп размером с упитанного быка. Кости скелета развалились, только позвонки торчали в ряд, похожие на массивные ступицы.

Придон прикинул, как бы он сам сражался с таким зверем, в руках сразу возникла дрожь, а сердце застучало часто-часто. Нет, он, наверное, не герой. Его этот Черный Див прихлопнул бы одной лапой. Вон какие огромные, а каждая чешуйка размером с блюдо. И толстая, как обух его топора.

— Я пойду посмотрю, — сказал он женщинам.

Они вздохнули, лица посуровели. Одна вздохнула.

— Иди, — сказала она. — Герой должен поклониться праху другого героя.

Источник целебной воды выбивается прямо из массивной скалы, а дальше бежит серебристым ручейком, откуда женщины черпают воду. В каменной стене трещина, серебристый поток вырывается оттуда весело, освобожденно, несется игривым потоком по каменному ложу вниз в долину...

А в двух шагах холмик земли накрывает массивная плита белого, как мрамор, редкого гранита. Сердце Придо-на защемило. Боги, но ведь только в родной Артании, теперь такой далекой, кладут на могилы эти белые камни!

Он не поверил глазам: на камне выбит железом треугольный знак с зигзагом сверху — символом летящей над миром птицы. Знак рода Рогового Зифа, их дальнего родственника, соперника и союзника на протяжении веков!

Он поклонился, сразу поняв, кто погребен под этой плитой. Будь славен, доблестный Чернотал, герой и заступник, который нашел свою гибель так далеко от Артании! Но не печалься, ты и здесь защищал родную землю, в этих чужих краях.

В глазах снова зашипало. Он подумал сердито, что слишком часто теперь с ним случается подобное, какой же он воин?

Поклонился еще раз, взял земли с могилы героя, поцеловал, положил в мешочек.

— Если сумею, — сказал он тихо, — вернуться в родные края, отдам Горобею и Дрягу. Пусть знают, где с великой славой погиб их великий отец во славу Артании!

Сзади слышались шаги. Резко обернулся, к нему медленно подходила женщина с кувшином. Это она поила его коня, но сейчас ее лицо было очень серьезным.

— Этот герой освободил нас, — сказала она тихо. — Честь ему и слава, хвала и вечная любовь от всех наших людей! Нам повезло, что нашелся такой герой... Но не повезло жителям Палянги.

Он насторожился.

— А что там?

— Серый Див, — сказала она.

— Серый?

— Да, — сказала она тихо. — В Палянге моя младшая сестра, я всегда тревожусь за нее. Серый Див еще сильнее и страшнее, чем Черный. Люди Палянги вот уже сто лет каждый год отдают ему самую красивую девушку, а также сто голов скота.

Придон вскипел.

— Почему? Почему не выйдут все мужчины и не убьют?

— Он сильнее тысячи мужчин, — проговорила женщина с трудом. — Сильнее тысячи воинов! Говорят, по его зову поднимаются полчища мертвых... Он всегда побеждал и поедал сраженных. В конце концов старейшины Палянги решили, что дешевле отдавать ему эту дань... К тому же придумали себе в утешение, что Серый Див загораживает дорогу от Леса, так что, если кто вздумает напасть на деревню, Серый Див защитит...

Злость ударила в голову, здесь такие могучие мужчины, могли бы... ладно, он же артанин, где мой боевой топор, где конь...

— Где этот Серый Див?

Она вздрогнула, в глазах вспыхнула надежда, сменилась страхом, потом снова надеждой.

— Ты хочешь поехать к нему?

— Да, — отрезал он твердо. — Я троюродный племянник Чернотала!

— А... кто это?

— Тот, — ответил он с достоинством, — кто лежит вон под той плитой!

Конь пошатнулся, когда этот человек с двумя перевязями прыгнул ему на спину с разбегу. Женщина прижала ко рту ладонь, смотрела вслед изумленными глазами. Придон вскинул руку, не глядя, прощаясь, конь затрусил слабой рысью, что для коней славов, наверное, лихой галоп.

ГЛАВА 9

Лес иногда придвигался и обступал со всех сторон, ноги в стремях задевали толстые и по-прежнему мшистые стволы. Даже от редких полян несло унынием, безнадежностью. Небо все еще в плотных низких тучах. Похоже, над этим миром никогда не поднимается солнце, ночью никогда не сияют звезды, не светит луна.

Он зябко передернул плечами. Даже высоко в горах, среди вечных снегов, холод не заползал так в душу. А здесь дует ровный промозглый ветер, в серых низких тучах пролетели тощие птицы, крики их тоскливые, безнадежные, острыми песчинками ранят сердце. Издалека донесся едва слышный стон. Придон услышал столько ужаса и смертельного страха, что волосы на руках зашевелились и встали дыбом.

Из-за деревьев выдвинулась крохотная избушка. Придон повернул коня, подъехал, заглянул в единственное окошко.

В чистой опрятной горнице согнутая старушонка толкла в медном горшке травы. Сильный запах жги-травы достиг даже конских ноздрей, он тряхнул гривой и заинтересованно потянул морду к окошку.

Придон сказал громко:

— Доброго здоровья, бабушка!..

Старушка вздрогнула, пестик выпал из руки. Над ее головой на балке мявкнул и выгнул спину черный-пречерный кот. Старушка оглянулась, сплюнула.

— Да чтоб тебя... Совесть у тебя есть? Так напугать!

Голос у нее был слабый, шамкающий, а рот собрался в жемок.

— Прости, — сказал Придон покаянно. — Скажи, пожалуйста, я не сбился с дороги?

— А тебе куда надобно?

— К Серому Диву, — пояснил Придон.

Она встала, маленькая, сухонькая, совсем не похожая

на огромных славов, внимательно всмотрелась в лицо всадника.

— Ого! Родственничек, что ли? Может быть, сойдешь с коня, отдохнешь?

— Спешу, — ответил Придон торопливо. — В самом деле спешу. Может быть, ему как раз сейчас ведут в жертву невинную девушку? А я тут баньку...

— Нет у меня баньки, — прошамкала она. — Но ты мог бы... Хотя нет, я же вижу, тебя жжет огонь изнутри.

— Жжет, бабушка, — признался он.

— Тогда езжай, милок, во-о-он по той тропке. Потом она пропадет вовсе. Но ты езжай, не сворачивай. А про твой огонь... Совесть как зубы, чем их меньше, тем меньше болят. Но пусть бы у меня лучше болели...

Он кивнул.

— Я понял, бабушка. Спасибо!

Кровавый закат медленно угасал на небе, но все еще ярко горел вдоль всей опушки леса россыпью пурпурных пылающих ягод. Их было столько, что даже конь шел бочком-бочком, опасаясь обжечься.

Каменистое безжизненное плато уперлось вдали в стену из серого песчаника. Черная щель в стене великанская, огромному зверю не придется протискиваться, обдирая бока. А перед этим входом в пещеру множество белых костей.

Конь тревожно прядал ушами. Придон заставил приблизиться, под копытами захрустело. Даже огромные бычьи черепа словно побывали в камнедробилке: кости размолоты в щепки, а от шкур лишь грязно-серые комки шерсти, что застряли в трещинах.

— Серый! — прокричал Придон. — Серый Див!

В пещере послышался слабый отзвук. Придон выждал, крикнул снова, из глубины донесся ответный крик, однако это скорее всего эхо.

Он подъехал вплотную, заорал во весь голос:

— Серый Див!.. Серый!.. Выходи, иначе выволоку тебя за хвост!

После долгого ожидания послышались тяжелые шаги. Земля вздрагивала, посыпались мелкие камешки. Придон повернул коня и поспешно отъехал на сотню шагов.

В глубине пещеры что-то мелькнуло, исчезло, Придон нетерпеливо ерзал в седле. Земля дрогнула, из входа показалась голова, ее Придон принял сперва за каменный валун размером с туловище быка.

Голова осмотрелась, крохотные глаза отыскиали взглядом всадника на коне. Див начал выдвигаться из пещеры. Устрашенный Придон подал коня назад. Непонятно, как такая громадная туша проникает через этот вход.

Див выполз на четвереньках, конь под Придоном попятился, когда чудовище поднялось во весь рост. Это была скала, укрытая со всех сторон толстыми костяными щитами. На горбатой спине толстые плиты, на брюхе почти чешуя, но это если смотреть отсюда, а на самом деле каждая чешуйка размером с круглый щит кочевника.

Придон ощутил холод при одной только мысли, что вот это порождение древних времен живет тысячи и тысячи лет, для него год — что для людей день, а потом и сотня лет уже кажется одними сутками, мир меняется, на месте лесов возникают моря, на месте пустынь поднимаются горы, люди мельтешат, с бешеной скоростью строят города и села, разрушают, сами исчезают, приходят новые, снова выстраивают уже другие города...

А это порождение, что не человек и не зверь, а именно див, все растет, тяжелеет, кости и мышцы приспособляются, вот уже тяжело носить такое грузное тело, опускается на четыре лапы. Со свода пещеры то и дело срываются тяжелые камни, ранят спину, и вот уже нарастает прочный панцирь, тело покрывается непробиваемой чешуей, что с каждым столетием становится все крепче, прочнее, толще.

— Ты, — проревел Див, — ты... зачем?

Придон вытащил из-за спины топор.

— Ты застрял на этом свете, — крикнул он звонким го-

лосом. — Кости твоих братьев и сестер уже белеют по земле... как вот эти кости коров!.. Как и кости твоего брата, Черного Дива!

Див смотрел исподлобья. В костяной щели, где должны прятаться глаза, вспыхивало желтое пламя. Раздался грохот, конь задрожал и попятился снова. Придон остановил твердой рукой, стыдно артанину отступить перед простым рыком древнего зверя.

— Ты... — ревел Див, — ты... его убил?

— Не я, — ответил Придон. — Вас бьют везде. Люди берут этот мир себе!

Див смотрел в упор, из пасти полыхнуло легкое пламя, пошел дым.

— Ты... надеешься?..

— Да, — крикнул Придон. — И не только твои кости будут растаскивать звери!.. Скажи, где Черное Капище? Оно где-то близко, но найти не могу. Там тоже див? Я пойду и убью его, как сейчас убью тебя!

Див захохотал, из огромной пасти вылетели клубы черного дыма, а желтые языки огня выплеснулись, как жидкие молнии.

— Его? Он бессмертен!.. Я бы отправил тебя к нему сразу... но я убью тебя сам...

— Попробуй, — сказал Придон.

— За брата...

— Ага, — сказал Придон, — все-таки у вас что-то еще есть к родне... Правда, и ящерицы друг за друга... Что ж, защищайся, жаба косорылая!

Он пустил коня влево, затем повернулся и промчался перед пещерой вправо. Див сделал пару шагов вперед, но остановился, оглянулся. Когда снова замедленно повернул голову, в глубоко спрятанных глазках блеснуло понимание. Он силен и несокрушим, но эта букашка двигается втрое быстрее. Поймать или просто прихлопнуть непросто, а жалят эти мелкие людишки очень сильно. И с каждой прожитой тысячей лет все сильнее. У него панцирь становится все

прочнее, но таскать его тяжело, а люди быстро и сильно жалят копьями, мечами, бьют издали стрелами.

— Ты... — прохрипел Серый Див, — все правильно... Умеешь!.. Но ты не все учел.

Придон красиво промчался на расстоянии двадцати шагов, топор тускло поблескивает в сильной руке, конь вздрагивает, но послушен хозяйской длани. Див, не двигаясь, лишь поворачивал за ними голову, безобразный, жуткий, с висящими вдоль тела лапами, с жутким горбом.

— Что не учел?

— Что я... из Первых...

— Ну и что?

— Мой отец был из огня и света...

— Зато ты из воды и грязи, — крикнул Придон с презрением. — И я верну тебя в грязь, в прах!

Увидел бы тебя твой родитель, мелькнуло в голове. Сам бы удавил такое дитя. Все, что создано Творцом, было красивым и обязано быть красивым. Люди дерутся за красоту, потому что это — заповедь Творца. Человек везде должен быть красивым, он должен жить красиво, умирать красиво, он не может позволить себе вот так горбиться, это оскорбляет Творца, он не позволяет себе с такой дурацкой мордой тупо водить головой, дичать, обрастать корой, панцирем, рогами и шипами.

Серый Див вытянул в сторону лапу. Придон насторожился, но долгое время ничего не происходило, Серый Див взревел разочарованно, уже потянул лапу к себе, двигался он еще замедленнее, и в этот миг в широкой мохнатой ладони появился сверкающий кубок.

Придон ахнул, получилось непроизвольно, слишком уж божественный кубок, чересчур сверкает огнями, от него сияние, как от пера жар-птицы. Сердце защемило от тоски и понимания, что такого кубка не видел даже у Тулея. И вряд ли узрит на земле, это сокровище высших сил... но почему — у Серого Дива?

Див взревел мощно и гулко. Из пещеры ответило испу-

ганное эхо, над каменной равниной пронесся ветер, сдул пыль и перевернул кости.

— Вот оно! — сказал Див грохочущее. — Вот что ты не учел!..

Он поднес чашу ко рту, Придон с высоты седла видел, как чаша заполнилась пурпурным вином. Но это не был перебродивший сок винограда, что пьют тупые куювы, в чаше плескался не то жидкий рубин, не то сгустившийся огонь, не то пламя подземных огненных рек.

Вино хлынуло в пасть, огромную, как жерло раскаленной печи. Оттуда выметнулся огонь, дым, сноп искр, Див взревел, земля содрогнулась, конь попятился, присел на круп. Див наконец отнял чашу от пасти, взмахнул, словно хотел обнять весь белый свет...

Из чаши вылетели упругим веером красные брызги. Придон невольно пригнулся, взмах лапы Серого Дива настолько силен, что капли перелетели через его голову, еще в воздухе раздробились на великое множество пурпурных капель и падали далеко за спиной, почему-то со странным каменным стуком.

Он обернулся, инстинктивно ждал, что эти твердые комочки покатаются, как округлые каменные бусинки, они, однако, тут же сплющивались, становились похожими на шляпки мелких грибов, быстро расширялись, поднимались. Земля вокруг зашевелилась, будто гигантские кроты выталкивают переработанную почву наружу. Из разрыхлившихся конусов блеснуло металлом. Показались накопечники копий, металлические шлемы, а через несколько долгих мгновений на унылой каменной равнине, отрезая ему дорогу к отступлению, уже стояли скелеты в металлических доспехах. Ветер свистел в пустых глазницах и между ребер, но в руках мертвых воинов зловеще блестели мечи, секиры, копья.

Серый Див захохотал.

— Ну что? — произнес он грохочущим голосом. — Надеялся... на быстрость?..

— Да будь ты проклят! — сказал Придон с ненавистью.

Он вертелся в седле, стараясь не выпускать из виду и Серого Дива, что вот-вот пойдет на него, расставив лапы, и этих проклятых скелетов.

— Мы, — сказал Див с ненавистью, — уже и так прокляты!.. И ты будешь проклят.

— Не дождешься!

— Нельзя убить то, — прогремел голос Дива, — что уже убито! Они — бессмертные. Они — твоя смерть!

Скелеты задвигались, выравнивали строй. В самом деле встали умело, выставив копыеносцев вперед, с боков прикрыв огромными щитами, а могучих воинов с топорами поставили позади. Шелохнулись разом, двинулись на него, одинокого воина, единственного смертного...

Серый Див захохотал громко и победно. Придон соскочил с коня, хлопнул по крупу. Конь ринулся, как ужаленный змеей, проскочил в щель между скелетами, да те и не посмотрели в его сторону, двинулись на Придона.

Нога зацепилась о мелкий камешек, едва не упал, нелепо взмахнув руками. Див заревел громче, он давился хохотом. Горячая волна ярости с такой мощью ударила в голову Придона, что едва не разметала на куски.

Он закричал от боли и бешенства, пальцы судорожно нащупали мешочек с родной землей. Веревочка лопнула, Придон разорвал тонкую ткань жадными пальцами, закричал, страшно вздувая жилы на шее и висках:

— Родная земля! К тебе взывает сын твой...

Он швырнул всю горсть от себя мощно, широко, как бросает сеятель зерна в распаханную и ухоженную пашню. Дракон оборвал рев. Прямо из камня, где упали крупинки земли, начали быстро подниматься люди. Многие в доспехах, некоторые без, а двое вовсе в звериных шкурах с огромными дубинами в руках.

— Это мои воины! — закричал Придон страшным голосом. — Они тоже мертвые, им не страшно умереть снова!.. А мы с тобой двое — живые!..

Он схватил топор обеими руками и, огибая отряд скелетов, бросился к Серому Диву. Тот остановился, Придон

видел, как зажглись огнем глаза, пасть открылась в безмерном удивлении. Он прорычал:

— Это тебя не спасет... но все равно... как?

— Это моя родная земля! — крикнул Придон.

— Здесь? — проревел Серый Див. — Откуда?.. Что за волшебство?

— Не волшебство, — сказал Придон с силой. Сердце стучало мощно, в руки вливалась неведомая мощь. — Герой моей страны, он убил твоего брата и похоронен вблизи... Он стал землей, но эта земля — клочок моей Артании. Местные носят цветы на его могилу, а дети отдают ему свои сладости... ведь он спас их жизни! Так что это — горсть моей родной земли! А в ней сила тех, кто приносит...

Серый Див взревел, его лапа взметнулась. Придон замахнулся топором, но в последний миг отпрыгнул. На то место обрушился удар, как если бы ударили гранитной колонной. Или железной палицей размером со ствол дерева. Земля вздрогнула, по каменной плите пробежала трещина. Серый Див взревел снова, Придон метнулся в сторону и снова не успел ударить топором по лапе, чудовище двигалось все же слишком быстро.

За спиной с жутким металлическим лязгом сшиблись две армии. Придон слышал стук металла по костям, по деревянным щитам, звон сталкивающегося железа, но не оглядывался, следил за Дивом, отпрыгивал, замахивался топором, наконец ухитрился с силой ударить по лапе, но топор едва не вывернуло из ладони, а рука онемела по самое плечо, как будто ударил со всей дури по каменной стене.

Див остановился, голова почти скрыта в облаке черного дыма, через который через равные промежутки прорываются оранжевые языки огня. Дышал он хрипло, тяжело, в огромной груди скрипело, трещало и плавилось, а когда сделал шаг вперед, оставив дым позади, Придон содрогнулся.

Серый Див стал выше, руки удлинились, толстый костяной панцирь, больше похожий на массивные каменные плиты, исчез, вместо него блистала крупная чешуя, похо-

жая не то на чешую чудовищно огромной рыбы, не то на чешую дракона. Придон заставил себя смотреть прямо, хотя душа трепетала и пыталась сжаться в комок. Огненные родители Серого Дива, оказывается, оставили ему в наследство еще и способность вот так менять свое тело!

— Я все равно тебя убью, — прошептал он немеющими губами. — Земли будут... свободны...

Серый Див проревел могучим голосом, уже намного более отчетливым:

— Но не сейчас!

Он выглядел ужасающим, все больше похожим на боевого дракона, какие иногда пролетали в горах Куявии. Длинное сильное тело, покрытое мелкочаеистым панцирем с металлическим отливом, четыре мощные когтистые лапы, страшный гребень на горбатой спине, синеватый отблеск металла там сильнее, и жуткая голова с широкой пастью, где поместится корова целиком.

Надбровные дуги Дива поднялись выше, глаза смотрели в упор с нечеловеческой злобой. Плотные кожистые веки стали прозрачными, в глубине глаз снова заплескало пламя. Придон невольно сделал шаг назад. Тело пронзило холодом, сердце трепыхнулось, как схваченная сильной рукой охотника мелкая птичка.

В багровых глазах бушевало пламя. Если бы не выпуклые, как у гигантской жабы, глаза, Придон бы решил, что череп полон горящих углей, а залетающий в пустые глазницы ветер раздувает пламя.

Уже не див, а дракон открыл пасть, блеснули страшные желтые зубы, длинные, загнутые, вырвались клубы дыма. Придон успел заметить красное, горящее жерло, волна жаркого запаха гари докатилась и обожгла лицо.

Сильно скошенный череп убежал назад, вперед выдвинулись и нависли над глазницами тяжелые роговые уступы. Из ноздрей струились синеватые дымки. На месте ушей две круглые дырочки, их защищают посаженные по кругу костяные шипы.

— Ты жалкая жаба, — воскликнул Придон, дрожа от

бешенства. — Ты трус, убивающий издали!.. В тебе нет храбрости сразиться лицом к лицу!.. Ты надутый воздухом пузырь!..

Дракон взревел, раздулся, в самом деле став похожим на пузырь. Придон торжествующе расхохотался, хотя весь трепетал от страха и ненависти. За спиной стучало железо, трещали кости. Мертвые с мертвыми дрались молча, упорно, слышалось только шарканье ног, удары, звуки падения тяжелых тел.

Див надвигался, Придон попытался отступить, ощутил, как спина уперлась в сражающихся, поспешно юркнул в сторону. Огромная лапа пронеслась над ним с такой силой, что ветер бросил пыль в глаза.

Придон упал, перекатился через голову, вскочил и побежал к стене. Черный зев пещеры приглашающее раздвинул стены, можно бы вбежать с разбегу, но Придон свернул и помчался со всех ног к выступам на стене. Подпрыгнул, ухватился, не выпуская топора, быстро-быстро полез наверх, цепляясь за малейшие неровности.

За спиной раздался жуткий раздраженный рев. Див бежал к нему, неуклюже раскачиваясь, за спиной осталась масса сражающихся, тускло блестят мечи, топоры, то и дело падают тела, а Див подбежал к стене в тот момент, когда Придон взобрался на самую верхнюю площадку, пусть не шире, чем площадь телеги, зато никто не подобрется со спины.

Див взревел, подпрыгнул, лапы взметнулись нелепо, но до края каменного уступа не достали. Придон взял топор обеими руками.

— Ну что, жаба?.. Не удалось?

— Ты... — проревел Серый Див, — ты оттуда... никуда...

— Только на твой труп, — крикнул Придон. — Больше некуда!

Див откинул голову назад, грудь раздулась, из пасти вырвался рык. Придона отбросило к стене, колени задрожали, он едва удержался на ногах. Череп наполнился грохотом, мелькнула слабая мысль, что вот сейчас Див, что на

глазах превратился в дракона, подпрыгнет, ухватится лапами за край и ухватит его зубастой пастью... а он, Придон, даже не может поднять топор.

Перед глазами всплыло прекрасное лицо Итании. В ушах прозвучал ее божественный голос, грохот в черепе утих, злая мощь снова хлынула в тело. Он закричал в ответ: страшно, яростно, вызывающе.

Огромное, отливающее металлом тело метнулось снизу к его уступу. Дракон прыгнул с места, мощным толчком его подбросило почти до вершины. Придон отшатнулся, острые камни впились в голую спину. Лапы зверя цапнули камень, огромная, как башня, голова выросла на самом краю. Дракон не успел распахнуть пасть, из ноздрей вырвался не сизый, а уже черный дым, заставил Придона раскашляться.

Когда он открыл глаза, снизу донесся глухой удар. Драконьи лапы уже не цеплялись за край площадки. Он поспешно подошел к краю. Дракон упал на спину, с неожиданной для такой туши ловкостью перевернулся, даже не сломав гребня, вовремя сложил, гад, теперь на всех четырех пятится от выступа, глаз не сводит, похож чем-то на стрелка из лука, направляющего стрелу...

Придон в отчаянии огляделся. Глупо бить топором по закованной в прочнейшие доспехи морде, глупо голыми руками, но что делать, если дракону на этот раз достаточно прыгнуть точно так же, но не разглядывать, а сразу цапнуть огромной пастью?

Глаза зверя не отрывались от крохотной фигурки на краю обрыва. Он попятился еще, подобрался, голова на короткой шее сдвинулась вправо, затем влево, глаза точнее наметили дугу для прыжка...

Придон напрягся, смерть ужасная, но надо встретить без крика. Отодвигаясь от края, снова уперся спиной в отвесную стену, едва не упал, под ногами шелохнулся валун.

Дракон начал стремительный разбег. Придон ухватил глыбу, с трудом. Гора содрогнулась от удара. Придон, едва

удержавшись на ногах, с неимоверным усилием вскинул глыбу над головой.

За край площадки с треском зацепились лапы. Появилась голова дракона, глаза горят бешенством, он раскрыл страшную пасть, Придон изо всех сил швырнул глыбу прямо в глотку.

Тяжелый обломок скалы распорол язык острым, как у бритвы, краем. Огонь и дым на миг исчезли, это глыба закрыла темную на красном фоне пасти глотку, исчезла. Мгновение глаза дракона с нечеловеческой яростью пожирали врага. Из пасти снова вырвался клуб дыма, но вместо рева в груди всхлипнуло, послышался хлопок, словно рвали туго натянутое полотно.

Страшные когти соскользнули с края. Придон с бешено колотящимся сердцем смотрел на страшные борозды, что остались на камне. Кое-как, на дрожащих ногах подошел к краю.

Дракон корчился внизу, его подбрасывало, он задыхался, лапы бесцельно царапали камень, взрывали землю. Из ушей внезапно потекли темные струи, от них шел пар, а где касались травы или щепок, вспыхивал огонь. Жуткая морда трижды поднялась в муке, всякий раз ударяясь о землю со страшной силой, на лапах трескали и обламывались когти.

Зверь задыхался, пытался ползти, не понимая, что тяжелый заостренный осколок скалы не только порвал глотку, но и размозжил ему череп и мозг изнутри.

Придон торопливо сполз, царапая живот, крикнул задыхающимся голосом:

— Ну что?

Дракон пытался привстать, но завалился навзничь. Придон стоял над ним, кулаки сжаты, горячее дыхание из груди, а в сердце нарастало изумление: неужели это он, Придон, сумел завалить такое чудовище? Сейчас особенно видно, насколько Серый Див огромен и чудовищно силен.

— Ты... победил, — прохрипел дракон, он медленно превращался снова в прежнего Серого Дива.

— А я... что говорил?

— Ты победил... — сказал Див уже глуше. — Наше время... закончилось...

— Где, — спросил Придон, — где лезвие меча Хорса?

Серый Див лежал, раскинув лапы. Жизнь медленно уходила из его огромного тела, глаза потускнели. Но едва Придон упомянул про меч, в них промелькнули багровые искорки, как будто ветер подул на покрытые пеплом горячие угли.

— Меч? Меч... лежит... но тебе его не достать...

— Достану, — отрезал Придон.

Серый Див прохрипел, в нечеловеческом голосе Придону послышалась горькая насмешка:

— Тогда тебе придется будить Листогерта...

— И разбужу! — ответил Придон, не задумываясь.

Серый Див рассмеялся, изо рта хлынули потоки черной крови. Он закашлялся, кровь брызнула даже из ноздрей.

— Несчастный, — услышал Придон его хриплый голос, — ты даже не знаешь, что говоришь...

— Мне нужен меч, — отрезал Придон, — я его достану. Как достать, отвечай!

Серый Див долго лежал недвижимо, Придон уже думал, что тот умер, но сильные не уходят из этого мира без последних слов, самых важных, ибо уже начинают видеть другой мир, могут предвидеть, что случится в этом, предостеречь, а Серый Див все-таки из Древнего народа, он сумел раскрыть глаза и затихающим голосом произнес:

— Иди к Листогерту... Только с ним... Вот тебе проход...

Гора затрещала, загремела, но Придон неотрывно смотрел на Дива. Чудовищная морда изменилась, в ней проступили человечьи черты, хотя глаза смотрели в небо с прежней нечеловеческой злобой. Нет, таким лицо стало уже ужаснее.

Придон, преодолевая отвращение, провел ладонью по

его морде, надвинул сперва правое веко, похожее на опрокинутую широкую чашку, потом левое, и морда чудовища стала выглядеть успокоенной, словно у заснувшего человека, обезображенного тяжелой болезнью.

Звон металла и треск костей постепенно затихли. Придон оглянулся. Страшное поле битвы усеяно костями и трупами воинов. Кое-где вздымалась рука, но падала обратно. От скелетов остались раздробленные черепа и разметанные страшной силой кости, но и артане полегли все... Нет, вон почти в середине ратного поля сидит, опираясь на сломанный меч, воин.

Он с трудом поднял голову навстречу Придону. Лицо залито кровью, скула рассечена, вторая рана на голове, несколько тяжелых ран на груди, левая рука отсечена напроць. Но вокруг белеют кости скелетов, разбросано оружие, блестят доспехи, щиты...

— Славная битва... — прошептал он. — Спасибо тебе, герой...

— За что? — воскликнул Придон. На глаза навернулись слезы от горячей благодарности, сочувствия и полнейшего бессилия что-то изменить. — Это вам...

— Нет, — прошептал воин еще тише, глаза закрывались. — Это же величайшее счастье... отдать жизнь за родину... за свое племя... за свой народ... Ты позволил нам это сделать дважды...

— погоди, — сказал Придон торопливо, — не умирай!.. Ты еще можешь пойти со мной к этому Листогерту!

— Листогерту? Кто это...

— Не знаю, — ответил Придон быстро, ибо воин уже закрыл глаза. — Но он мне нужен!

— Мы ведь полегли не здесь, — шепнул воин. — Я не знаю здешних земель...

Он упал навзничь. Придон подумал с бьющимся сердцем, что никогда еще не видел такого счастливого лица у взрослого человека.

ГЛАВА 10

Итания отыскала Рипея, тот неумоимо гонял воинов на заднем дворе, учил, не давал спуска, поднимал отдыхающих, снова и снова велел метать дротики, стрелять из лука, бегать по двору с мешками на спине, заполненными камнями.

— Слушаю, Ваше Высочество!

— Рипей, — сказала она тихонько, — у меня к тебе необычная просьба...

Рипей низко поклонился.

— Моя жизнь в вашем распоряжении, Ваше Высочество. Как и все мои умения.

— Вот-вот, — сказала она торопливо, — твое умение мне и надо. Рипей, я хочу научиться ездить на коне.

Он вскинул брови, удивился.

— В колеснице? А разве в носилках... Впрочем, это не мое дело.

— Не в колеснице, — произнесла она застенчиво. — Я хочу уметь ездить верхом.

Он отшатнулся, глаза выпучились. Оглянулся по сторонам, переспросил почти шепотом:

— Верхом?

— Да, — ответила она так же тихо, покраснела, отвела глаза в сторону. — Именно верхом.

Он пожал плечами, посерьезнел, ответил замедленно, обдумывая:

— Это непросто... Но если вы так уж хотите, я могу подобрать смирную кобылку. А учить буду сам. Только это займет много времени.

— Мне надо быстрее, — сказала она и взглянула ему прямо в лицо. Ее прекрасные глаза вспыхнули, как яркие звезды в ночи. — Если честно, хочу научиться до возвращения артанина!

Она удалилась, Рипей долго смотрел вслед. Дочь тцара выказала себя с неожиданной стороны. Она единственная, кто еще непоколебимо верит, что артанин вернется. Да еще

Череве поговаривает, что такие хоть долго не живут, но так просто не погибают. Остальной народ просто ждет окончания двух недель, что дал сверх срока тцар Тулей. И не расчётливее ли сразу же сообщить князю Янкерду о странной прихоти дочери Тулея?

Итания же помчалась к себе, донельзя довольная, что решила, что сделает Придону сюрприз. Ее служанка, да и вообще слуги во дворце, часто поговаривали, что Придон очень красив, она сама это знала, видела, понимала. И с удовольствием представляла, как он явится к ее отцу и получит ее руку, ликовала втайне, мечтала, как он изумится, обнаружив, что взял в жены не покорную овцу, готовую безропотно выполнять его прихоти, а любящую женщину, готовую с ним идти плечо в плечо по жизни...

Как он обрадуется и оценит, что она настояла на продлении срока, как удивится, когда она как ни в чем не бывало сядет на коня верхом, словно для нее это такое же привычное дело, как и позволить нести себя в носилках!

В покоях Тулея находились старый маг Барвник и Череве, все трое сидели за одним столом, лица серьезные, ни один пока что не притронулся к кубкам, где вино плескалось почти у венчиков. Тулей с усилием выдавил на лице улыбку.

— Что случилось, моя дочь? Ты сияешь, как утреннее солнышко.

— Отец, я только что договорилась с Рипеем. Он будет учить меня ездить на коне!

Тулей фыркнул, пожал плечами. Она ощутила себя уязвленной, потом вспомнила, что для всех, кто ездить умеет, это кажется сущим пустяком.

— Для Придона стараешься? — спросил Тулей. — Он силен, не спорю... Но он слишком молод... Я еще не знаю, гнездо ему больше под стать иль престол?

Итания сказала счастливо:

— В нем львиное сердце и мощь медведя! Он молод, и молодо его счастье! Он тонок в обхвате и грудью широк... Скалы дробить ему нипочем...

Он посмотрел в ее раскрасневшееся лицо, махнул безнадежно и отвернулся. Старый маг сказал с печальной усмешкой:

— Да, Янкерд старше и опытнее как полководец. Для нас он кажется более подходящим на роль правителя большой страны, чем молодой и влюбленный герой. Однако... светлый тцар, влюбленное сердце женщины может видеть глубже, чем зрим мы, старые и все выдавшие!

Тцар поморщился.

— Не знаю, не знаю... Но Янкерда понять можно. Самое обидное — когда твоя мечта сбывается у другого!

Барвник кивнул, голос был сухой и усталый:

— Всегда найдется тот, для кого чужой успех еще невыносимее собственной бездарности. Хорошо, что только Янкерд...

Череве услышал, хихикнул:

— Только?.. Были еще Кохан, Чепир, Дьянец, Станчич!

Тулей нахмурился.

— Ладно, оставим хаханьки. Что еще известно о внезапном отъезде Янкерда?

Слуги забились в норы, страшась попасть Янкерду на глаза. Все исчезало и пряталось, слыша раскаты его гневного голоса. За Щажардом были посланы оруженосцы, что вообще-то было нехорошим знаком.

Щажард поколебался, все-таки он — верховный управитель всей Куявии, а не слуга на побегушках, но все-таки сел в коляску и велел везти к дому Янкерда. Это сейчас он — верховный управитель, а Янкерд — всего лишь глава богатой провинции, но завтра может стать вторым Тулеем. А то и первым. А то и вообще...

— Тебе не отказали, — заявил он сразу вместо приветствий, — тцар всего лишь продлил срок! Смешно, всего на две недели!

Янкерд был белым от ярости.

— На две недели? — прошипел он. — Да эти две недели

для меня... как два столетия! Как две вечности!.. Я едва дожидаюсь следующего дня... Ты знаешь, как я ждал этого дня? Как я готов был карабкаться на небосвод и собственными руками, сжигая в пепел ладони, подталкивать заснувшее солнце, чтобы скорее закатывалось за край земли!.. Я считал, нет — не дни! — я считал удары сердца, между ними проползали эпохи. А ты говоришь — две недели!

Щажард сказал терпеливо:

— Но что ты выиграешь, если будешь настаивать?..

— Настаивать? — вскрикнул Янкерд.

— Ну да...

— Полагаешь, я могу... и буду всего лишь настаивать?

Щажард задержался с ответом, Янкерд в ярости, может натворить глупостей, с ним опасно даже общаться, но, с другой стороны... Янкерд — свежая свирепая сила, а Тулей с того дня, как победно вошел, шагая через трупы, в захваченный дворец, больше ничем себя не проявил. А простой народ все-таки желает, чтобы повелитель что-то да значил.

— Ты в самом деле, — спросил он осторожно, — мог бы потребовать... Не попросить, не настаивать, а именно потребовать?

— Да, — отрезал Янкерд. — Когда за спиной десять тысяч тяжеловооруженных воинов, такие люди не просят. Понимаешь, не просят!

Щажард подумал, сказал с той же рассчитанной осторожностью:

— Я на твоей стороне. Еще два десятка человек во дворце тебя поддержат. Но это — все!

— Во дворце, — сказал Янкерд свирепо. — Пусть даже во всей Куябе. Но из Нижней Куявии по моему зову придет; я уже сказал, десять тысяч настоящих воинов, а не этих... что красуются на охране столицы. Мало того, из соседних провинций меня поддержат. Мы — потомки древних героев, а этот Тулей всего лишь наглец, которому повезло одолеть чужеземца и захватить трон. Меня поддержат...

— Поддержат ли?

Янкерд злобно рассмеялся:

— Думаешь, я не говорил о таком? Да мы все на встречах только и обсуждаем, как бы свергнуть этого выскочку! Трон властелина Куявии должен принадлежать потомку знатного рода.

Шажард кивнул.

— Ах, даже так... Тогда действительно могли бы суметь... Но что ты, если смотреть трезво, выиграешь? Тебе не меньше недели, чтобы добраться до своих владений и собрать войско. Да еще неделю, чтобы захватить Куябу и дворец. Что ты выиграешь?

Янкерд выпрямился.

— Достоинство! Выиграю свое достоинство и свою честь. Не меня выбирают, как лошади коня, а я приду и возьму прекрасную Итанию по праву мужчины. Так она больше будет меня уважать!

— Будет ли? — усомнился Шажард.

— Будет! Женщины — странные создания: чтут того, кого побаиваются.

Поздней ночью Тулей с отрядом отборных телохранителей выехал из города. Никто этого не заметил, Тулей умел покидать Куябу незаметно. Под утро он прибыл в воинский стан князя Огнеяра, переговорил с ним, стараясь не поднимать тревоги, тут же из шатра князя поскакали гонцы.

Пришло известие, что со стороны Нижней Куявии стремительно движется большое конное войско. Огнеяр встревожился, все еще не хотел верить, что тцар прав, но на всякий случай велел войскам занять боевые позиции, а всем облачиться в доспехи, что с месяц как пылятся на складе да в обозе.

К обеду разосланные вперед и во все стороны летучие отряды донесли, что во главе приближающегося войска рассмотрели князя Янкерда.

— Он с ума сошел, — сказал наконец Огнеяр. — Я поверить не могу...

— Почему? — спросил Тулей.

— Мы с ним в родне! — ответил Огнеяр негодуя.

Тулей лишь горько усмехнулся. Вдали поднялось пыльное облако, раздвинулось по всему горизонту. Вскоре заблистали искры, самые зоркие начали различать скачущих всадников, а потом донесся тяжелый гул.

— Панцирная конница, — определил Огнеяр. — В самом деле сошли с ума... Кони уже заморились! О чем они думают!

— Кони?

— Янкерд, — огрызнулся Огнеяр. Он был старше Тулея, помогал ему захватить трон и теперь не слишком прогибался перед бывшим соратником. — Они же доскачут сюда уже в мыле!

— Он не рассчитывал, что успеем надеть доспехи, — сухо сказал Тулей. — Торопился, чтобы повнезапнее...

— Вот тут ему и обломится, — сказал Огнеяр недобрый голосом. — Я не посмотрю, что родня. Присягу нарушать не смей!

Тяжелая панцирная конница обрушилась на воинский стан, как горная лавина. Правда, навстречу взвилась целая туча стрел, много отважных конников так и не успели схватиться за щиты, тяжелые стрелы пробивали легкие доспехи, впивались в глаза, руки, ноги, калечили коней, а те начинали метаться и ломали строй.

Затем, когда были у самого лагеря, с земли поднялись копейшики, разом уперли в землю тупым концом огромные копья, направив остриями в сторону скачущих всадников. Лавина, не успев остановиться или развернуться, насаживалась телами, страшно ржали кони, кричали люди, а через их головы со змеиным свистом летели стрелы, выбивали из седел уже в дальних рядах, калечили.

Взбешенный Янкерд с сотней самых отважных героев понесся в середину обороны. Рядом скакал престарелый воитель князь Шмель, могущественный бер, властелин земель вдоль обеих берегов Нижней Дены, он прокричал на скаку:

- Если успели подготовиться, нам придется плохо!
- У них не было времени! — крикнул Янкерд бешено.
- Но почему...
- Это всего лишь один воинский стан!

Следом неслась конная сотня беричей, за сотней земля гудела под копытами коней тысячи песиглавцев, личного войска Янкерда. Впереди шел лютый бой, воины Огнеяра сумели остановить атаку на измученных конях, те храпели и отказывались идти дальше, приходилось драться, не сдвигаясь с места.

- Вперед! — кричал Янкерд. — Вперед!

Он прорвался через передние ряды, за ним вклинилась сотня героев, начали расширять прорыв, однако с боков ударили хорошо вооруженные всадники Огнеяра, в таких же панцирях и с такими же мечами, но на отдохнувших свежих конях. Часть героев полегла, осатаневший от неудачи Янкерд едва вырвался из клещей, пересел на свежего коня, снова повел в наступление.

За это время подошли войска наместника Верхней Куявии Семиряда, ударили с ходу по Огнеяру. Янкерд приободрился, повернул своих бегущих воинов и снова бросил в бой.

Тулей сражался в первых рядах. Потный, хрипящий, он валился на руки слуг, что следовали за ним гуськом, его отпаивали холодной водой, обливали, и он снова, в мокрых блестящих доспехах, бросался в бой. За этот первый день непрерывных схваток, валясь с ног от усталости, он ухитрился похудеть так, что уже почти с легкостью взбирался на коня. Мягкий жир быстро стаявал с его тела, обнаружились мышцы и толстые жилы воина. Многие из старых воинов вспомнили и начали рассказывать молодым, что тцар у них тот самый герой, который убил самого Ютиггу, пришедшего из неведомых земель и с помощью злых колдунов захватившего трон. Это было тридцать лет назад, за это время выросло и возмужало новое поколение, которое застало только спокойное тцарствование, но старые воины узнали и славили своего вожака.

К Янкерду прислал немалое войско бер Липун, знатный и гордый наследник земель Нижнегорья, всегда недовольный Тулеем, всегда ропщущий, а вот к Огнеяру помощь не приходила. Огнеяр потемнел, чуял вину, не поверил Тулею и не разослал гонцов сразу.

У Янкерда был пятикратный перевес, и войско Тулея, хоть и сражалось храбро, начало отступать к городу. Янкерд привел не просто впятеро больше войск, с ним явились Задарел, Цвиркун, Канев, Вільк и даже Грег, в предательство которого Тулею поверить было труднее всего. К тому же все были закаленными в боях воинами, войско тоже умело драться не только в учебных боях, в то время как войско Тулея брало оружие только раз-другой в неделю для никому не нужных упражнений.

На беду, Янкерд привел с собой две орды горных карликов, дюжину горных великанов и даже сумел как-то привлечь на свою сторону троих наездников боевых драконов.

Еще хуже — тайные противники тцара в самом городе сумели разжечь бунт простонародья в благословенной Куябе. Не столько простонародья, а воря, нищих, контрабандистов и любителей пограбить. От неожиданности Тулей замешкался, переоценил опасность, бросил на подавление войско, хотя хватило бы и усиленной городской стражи, из-за чего в городе пролились реки крови, кое-где начались пожары, а сами солдаты, озверев от легкой добычи, заодно врывались в подозрительные дома, грабили, насиловали, били дорожную посуду.

Когда солдат наконец удалось утихомирить и вывести за городские ворота, из-за редкого леса показались отступающие войска Огнеяра. Всадники ехали понурые, на множестве телег везли раненых. Бегства нет, но все же отступление, отступление...

Они пятились до самых стен города. Раненых и особенно потрепанные в боях отряды Тулей велел ввести в Куябу и разместить по ту сторону стен, а остальные воины, изнемогая от усталости, рыли защитные валы, втыкали в землю острые колья, готовились к тяжелому сражению.

Из леса тянулись последние группки воинов. Некоторые при виде города теряли последние силы, падали на обочину и засыпали, не выпуская из рук оружие с зазубренными лезвиями.

В этой скоротечной войне почти не было обозов, а то все были бы потеряны. К счастью, армия Янкерда была измотана тоже, иначе догнать и рубить отступающих было бы легкой забавой.

Конное войско потеряло две трети коней: гномы ловко проскакивали под брюхо и резали коням сухожилия, вспарывали брюха. Захваченных гномов люди Тулея не просто убивали, это за убийство человека бы просто убили, как врага, но за убийство своих любимцев озверелые кавалеристы расчленяли гномов как безумные, а потом в бешенстве бросали останки в сторону их отрядов.

Ночью северную часть неба охватило красное зарево. В молчании люди Куябы смотрели, как багровый свет превращается в красное пламя. Горели села, которые снабжали город зерном и мясом.

Тулей прохаживался по городской стене. Ее ширина позволяла идти троим в ряд, но никто на такое не решался, стража держалась сзади. Впереди по каменной лестнице со стороны двора поднялся Барвник, поклонился.

— Плохие вести, Ваше Величество.

Тулей отмахнулся.

— Говори. Я и не жду радостных.

— Я смотрел в волшебные зеркала. Колдуны Янкерда пытались закрыть туманом, но силы у них пока что слабоваты. Я видел еще одно войско, что подошло с севера. Я рассмотрел знак...

— Ну-ну! — сказал Тулей нетерпеливо.

— Ваше Величество, это были люди наместника земель Прилесья.

Тулей дернулся.

— Уверен?

— Я сам не поверил, — сказал Барвник печально. — Но

потом я рассмотрел и его самого. С ним двое сыновей, а также братья.

Тулей погрузился в угрюмое раздумье. Одного из своих ближайших соратников, бедного, но отважного и благородного воина, он возвысил до наместника богатых и обширных земель Прилесья, угадав в молодом парне острый ум, волю и способность управлять большими землями. Тот был счастлив, в глазах блестели слезы благодарности...

— Нам ничего не остается, — сказал он тяжелым голосом, — как сражаться. Как ни внезапно ударил Янкерд, но не могли же все перейти на его сторону? К нам обязательно должна подойти помощь. Обязательно.

Барвник кивнул:

— Да, Ваше Величество. Я только боюсь, что помощь может запоздать. Мы все-таки проморгали... Ведь знали же, что Янкерд мечтает о троне! Я предупреждал, что он уже ведет осторожные переговоры с недовольными вашей властью. Но до выступления было так далеко...

Тулей кивнул.

— Ты прав, далеко.

— Но что заставило его так внезапно нарушить свои же планы? Очень правильные, холодные, расчетливые?

Тулей хмыкнул, посмотрел на расстроенное лицо однорукого мага.

— А ты не догадываешься?

— Догадываюсь, — ответил Барвник тоскливо. — Но так не люблю этих внезапностей! Он рассчитывал холодно и четко, мы тоже рассчитывали холодно и четко... Если бы он все делал безукоризненно, он был бы у нас в мешке. А так...

Тулей зябко передернул плечами.

— Что-то дует здесь. Ночи уже холодные, вот уже листья сыпятся. Думаю, что завтра же Янкерд бросит всех на приступ. Ему надо спешить, не считаясь с потерями. Как ни крути, но помощь к нам подойдет! И верных мне людей

в Куявии намного больше. Тогда ему небо покажется с овчинку.

Рано утром запела труба. На воротах и на стенах уже толпились лучники, с высоты из-за укрытий легко пришили к земле всех, кто приближался на расстояние выстрела. Даже из отряда тяжеловооруженных латников, посланных к воротам, ни один не вернулся: пространство было усеяно распластанными телами.

На стенах орали весело, свистели, махали руками, приглашая приходить еще. Тулей улыбался сдержанно, Барвник хмурился, даже Щажард обеспокоенно посматривал по сторонам.

— Не нравится мне это, Ваше Величество...

— Полагаешь, отвлекают?

— Да, что-то готовится. Вам лучше во дворец.

Тулей сказал хмуро:

— Я тоже чую. Янкерд как-то задумал прорваться в город. Может быть, изнутри? Через подземные ходы? Я вроде бы все велел заложить камнями. А где нет, там усилил стражу...

— Не знаю, но он не настолько глуп, чтобы пытаться выбить ворота тараном или взбираться по лестницам.

Тулей кивнул.

— Хорошо, отбываю. Если спросят, куда я делся, скажи, что здесь все хорошо, на них надеюсь, мое присутствие здесь ни к чему.

Щажард следил за тцаром со странным выражением. Тулей за эти дни исхудал, стал жестче, из-под жира и сала проступило жилистое тело воина. Даже говорит теперь резко, отрывисто, о еде не вспоминает, а спать готов прямо на городской стене, завернувшись в плащ. Он снова стал вождем, за которым когда-то шли на Куябу тысячи земледельцев, вооруженных только вилами да косами, шли... и побеждали.

Тулей успел взобраться в седло и отъехать на сотню шагов, как раздался могучий грохот. Земля вздрогнула, сле-

ва часть городской стены укрыло быстро растущее облако пыли. Облако росло, ширилось, в нем поднимались фонтанами новые струи пыли. Земля вздрогнула еще несколько раз, уже тише, а потом сквозь затихающий грохот прорезался ликующий боевой клич старинного рода Янкердов.

Облако еще не рассеялось полностью, но Тулей увидел, что стена на том участке исчезла. Справа и слева высится стена, но там провал, словно все камни ушли под землю... Он похолодел, вспомнив, что с Янкердом пришли горные гномы. Мерзавец давно уже рассчитал, что единственный реальный способ ворваться в неприступный город — это призвать на помощь этих таинственных существ, что обычно не покидают своих подземных нор.

— За Куявию! — вскрикнул он.

Телохранители сомкнулись было вокруг, но он, выхватив меч, повернул коня и бросился навстречу прорвавшимся в город войскам врага.

Один отряд янкердцев сразу ринулся к воротам, перебил ошалевшую стражу и распахнул ворота. Лучники со стен перенесли огонь на них, всех перебили, но в распахнутые ворота уже ворвались бесчисленные войска. Конница понеслась в глубь города, а пешие ринулись на стены, горя желанием отомстить за гибель многих товарищей.

Янкерд неся впереди своей отборной, хотя и сильно поредевшей сотни, меч в вытянутой руке блистал злыми искрами. Дорогу пытались заступить воины городской стражи, их рубили беспощадно, но те все-таки ухитрились задержать ненадолго конницу. Перед выходом на городскую площадь, за которой уже дворец, какие-то грязные простолюдины ухитрились перегородить дорогу перевернутыми телегами. Пока их рубили и растаскивали, с окон и даже с крыш бросали на головы горшки, стулья, даже тяжелую мебель. Несколько человек с разбитыми головами сползли на землю.

— Вперед! — кричал Янкерд. — Все во дворец!.. Рубите всех, кто сопротивляется!

Ворота, ведущие в сад, рухнули, завязались схватки с многочисленной стражей. Янкерд, не ввязываясь в эти бессмысленные драки, проскакал ко входу во дворец. Белый, сверкающий на чистом голубом небе, залитый оранжевыми лучами солнца, он высился гордо, радостно, от него шло сияние, но Янкерд помнил, что это за сияние и от чьих глаз исходит!

Садовники разбегались в страхе, Янкерд велел их щадить: отныне это его сад, нужны люди, чтобы ухаживать за дивными цветами.

Короткий бой у входа во дворец, и снова разряженная стража не могла оказать достойного сопротивления. В это время прискакало еще сотни две всадников, их вел отважный Лантест, младший брат Янкерда.

— Окружи дворец, — велел Янкерд. — И чтоб ни одна муха не вылетела!

— Сделаю, братец! — вскрикнул Лантест звонким голосом. — Герои, за мной!

Еще не стих грохот от копыт, как массивные двери дворца подались, Янкерд первым ворвался в огромный зал и скрестил меч с внутренней стражей.

ГЛАВА 11

Коня отыскать удалось нескоро. Лежит с распоротым брюхом, глаза уже остекленели. Придон стиснул кулаки, артанин без коня как будто не человек вовсе, но пересилил гнев и горечь. По слову Серого Дива темный зев в скале приглашающе превратился в широкую трещину, что расколола гору надвое.

От камней несло сухим жаром, а когда коснулся стены, пальцы обожгло. Поле битвы осталось за спиной, он спешил пройти по этому странному проходу, а то вдруг гора сомкнется снова, Серый Див мог замыслить и такое... И все

же дико, что такая мощь пропала зря, ведь с этой мощью Див тысячи лет сидел в пещере, ничего не желая, ничем не интересуясь, хотя мог бы, мог...

Придон задохнулся от вихря нахлынувших мыслей, те ярко и красочно рисовали возможности того, что можно, когда вот так гору на две половинки, когда изменяешь тело, поднимаешь целую армию прямо из земли!

Впереди блеснула зелень, и тут гора дрогнула, заскрежетала. Придон ринулся со всех ног, стены надвигаются высокие, жуткие, он представил себе, как сплющит, как брызнет кровь и затрещат кости... Ноги вроде бы похолодели, но стена рядом замелькала, зелень все ближе, стены смыкались, он с разгона прыгнул, сзади раздался гром, треск, посыпались камни.

Он перекатился через голову, вскочил, оглянулся дикими глазами. Сомкнувшиеся горы оторвали ему подошву правого сапога, но самое главное, обе перевязи все так же плотно перекрещивают бурно вздымающуюся грудь, рукояти топора и меча торчат над плечами.

— Будь ты проклят, Серый Див, — сказал он с сердцем. — Пусть на том свете тебя вместо мишени... и чтоб всякий дурак метал в тебя дротики!..

В голове трещало, перед глазами плавали цветные круги, сгустки мрака. Он все еще жадно хватал широко открытым ртом воздух, то и дело с ужасом оглядывался на гору. Обе половинки сомкнулись так плотно, что не отыскать трещину. Ну скотина, это же нечестно...

Стволы здешних деревьев сухие и чистые, а ветви на самой вершинке. Корни вылезают из земли, тоже сухие, почерневшие от ветра, солнца. А посреди поляны древние белые камни, правильный круг, посередине еще камень, самый крупный.

Придон вышел на середину, на камне высечены знаки, деревья дрогнули, вдруг поплыли перед глазами. Он качнулся, пальцы невольно ухватились за камень. Кончики обожгло, словно коснулся глыбы льда. Даже не льда, а ме-

талла, пролежавшего долго на морозе. На миг показалось, что из камня в его тело проскользнула крохотная молния, в черепе чуть-чуть посветлело.

— Я, — произнес он хриплым голосом, — сын Осеннего Ветра и Солнцерукой Пореи-Шатаньи... призываю... призываю Листогерта!.. Если ты в этом лесу, приходи на мой зов. Если ты заключен в земле, воде или камне — пусть мой голос будет путеводной нитью, пусть биение моего сердца станет маяком, пусть моя воля станет пылающим факелом, что осветит твою тьму и выведет на свет...

Он произносил старинное заклятие, сам удивляясь тому, что запомнил, Вяземайт втолковывал всем трем детям тцара, но слушал только Скилл, Ютлан слишком мал, а Придон тогда мечтал о воинской славе, лязге мечей, бешеной скачке, схватках и поединках.

— Да придешь на мой зов, — продолжал Придон, — да будет...

Он запнулся, ибо далеко-далеко в глубинах земли нечто дрогнуло, просыпаясь. Донесся едва слышный гул. Придон ощутил толчок, словно сотни саженой каменистой земли всего лишь тонкое покрывало под его ногами. В неимоверно глубокой темнице закованный бог проснулся и начал ворочаться в дурманящем сне.

— Я призываю тебя, — повторил Придон. — Силой древних богов, силой древней воли...

Он почти воочию видел в каменных глубинах, а под слоем рыхлой земли дальше сплошной скальный массив, как там содрогнулось и попыталось распрямиться огромное тело. Тесные стены темницы не позволили, бог застыл, зарычал, обессиленный, терзаемый болью и многовековыми муками.

— Я здесь, — сказал Придон, — я здесь... Иди на мой голос!.. Возьми мою силу, возьми мою твердость, возьми мою ярость... пробуждайся!

Он почти видел, как в каменном мешке шевелился бог, грозный и одурманенный, не различающий яви и сна, но

все еще несокрушимый, всего лишь плененный и скованный, чьи согнутые руки и ноги упираются в каменные стены... стены, которые он легко бы сокрушил и раздвинул, если бы не тяжелые заклатья, наложенные новыми богами.

Гул под ногами стал громче. Придону почудилось, что земля начинает нагреваться. Перед его мысленным взором темное тело начало распрямляться. Мышцы вздулись, каменные стены трескали, сила заклятий почти исчезла, но и бог оставался все еще одурманенным, он пытался освободиться чисто инстинктивно, как попавший в капкан зверь, как упавший в реку волк.

— Проснись, — сказал Придон громко. — Я снимаю последние чары! Я ломаю последнюю дверь... Я укажу тебе, как выбраться...

Бог снова содрогнулся. Придон чувствовал, как могучее тело пробуждается, но разум бога еще затуманен вековым сном, одурманен, ищет выхода, старается пробудиться, понять, где он и что с ним, смутно вспоминает древние битвы и ту последнюю, что проиграл...

— Пробуждайся, Великий, — воззвал Придон. — Часы заточения сочтены... кончились!!!

Он чувствовал, как там, в глубине, дрожит магическая дверь, поставленная молодыми богами, но его силы, доставшейся от матери, не доставало, чтобы разбить ее или сломать запоры. Возможно, потому, что сам Придон изнемог в битве с Серым Дивом, кровь из мелких ран все еще сочится, в голове слабость, а в ушах звон.

Но и с затуманенным сознанием он ощутил беззвучный удар по решетке изнутри. Магическая преграда лопнула. Бог все еще не проснулся полностью, Придон ощутил его освобождение как инстинктивный порыв к свободе, такой же свойственный ему, как артанину стремление вскочить на коня и помчаться галопом навстречу ветру.

Раздался грохот, земля задрожала так сильно, что он не удержался и рухнул на колени. Шагах в пяти земля вздыбилась горбом. Образовался целый холм, разлетелся на тыся-

чи мелких комков земли. Выметнулся столб ослепительно-го ревушего огня. Вершиной пламенный клинок достиг облаков, там сразу образовалась широкая дыра.

Остатки земляного вала рассыпались, в огненном столбе поднялась исполинская фигура. В ней не было ничего человеческого, Придону она показалась состоящей из камня и металла, однако он ощутил на себе яростный взгляд сотни глаз, разбросанных по всему телу древнего бога. В следующее мгновение бог и огненный столб исчезли. На поляне стало сумрачно, тихо, потрескивали сухие листья да слабо дымилась кора самых близких деревьев.

Трава медленно выпрямлялась, снова зеленела. Все выглядело побывавшим в пожаре, но уже бурно оживало, сверху зашелестела листва. Оттуда пахло прохладой.

Звон в ушах исчез, а тело налилось силой. Придон сделал попытку подняться, вместо этого подскочил с такой легкостью, что подпрыгнул. Быстро осмотрел тело: ни единой царапины.

Он еще стоял, растерянно оглядываясь, когда над головой прогремел могучий голос:

— Человек!.. Неужели меня освободил... человек?

Придон вскинул голову. Темная туча, что зависла над лесом, собралась в тугой ком, ринулась вниз. Придон не успел моргнуть, в трех шагах возникло огромное, в два человеческих роста, чудовище из блестящего живого металла: фигура льва, крылья огромного орла, хвост заканчивается змеей, а львиная голова неуловимо быстро превратилась в голову дракона.

Придон едва отыскал убежавший голос:

— Да... я — человек.

Земля прогибалась под мощью бога, словно молодой лед. Бог уставился на Придона злыми глазами, прорычал жутким голосом, подобным грому:

— Я не вижу в тебе Силы... Почему не падаешь на колени, жалкий?

Придон выпрямился, гнев ударил в голову.

— Я не склоняюсь, — ответил он, — перед неведомыми демонами. У нас, артан, свои боги!

Бог зарычал, глаза вспыхнули, как два костра. Придон ощутил жар, но заставил себя стоять на месте.

— Артан? — прорычал бог. — Что такое... А, теперь понятно... И все же, неужели это то жалкое создание, которое... Невероятно! И та твоя подспудная мощь, что тебя защищает... Не знал? Я тоже не знаю всего. Слышал от Падших, что этот мир был создан любовью, а Верховный Творец и есть — Любовь. Потому даже богам не подвластен тот, кто любит... Но Падшие ушли, а я тогда только родился, чему ты мог от них научиться?

Придон тряхнул головой, понять из речи бога ничего нельзя, собрался с силами и спросил в лоб:

— Ты знаешь, где меч Хорса?

— Кого?

— Хорса, — повторил Придон. — Мне сказали, что только ты можешь указать место. Это такой огненный меч... Он был разломан, у меня вот в ножнах рукоять... Я ищу лезвие...

Огромный лев переступил в сторону, ибо земля затрещала, он оказался на каменной плите-льдине, что закачалась и начала погружаться.

— Я ничего не слышал о таком мече, — прорычал он. — Но я догадываюсь, кто может знать... Это рядом.

— Я могу...

— Можешь!

Придон вскрикнул, чудовищная лапа подхватила его с такой силой, что затрещали ребра. Но это была не лапа бога, нечто незримое мяло и давило его тело чудовищной тяжестью, давило даже изнутри, Придон чувствовал, что вот-вот глазные яблоки выпадут из орбит...

...И тут страшные лапы отпустили, блаженная свобода преисполнила изнутри, в сплюсненную грудь мощным водопадом хлынул прохладный свежий воздух.

Деревья разошлись в стороны, впереди огромное поле,

лишь далеко-далеко лес, но Придон, замерев, смотрел на скалу. Она торчала в центре поляны, жуткая, угрожающая небу, как чудовищный клык. Придон не смог бы сказать, какого цвета, из гранита или металла, в этой чудовищной скале что-то неверное, неправильное и настолько жуткое, что даже деревья и вездесущая трава не решаются подойти ближе.

Лев из серебристого металла стоял под сенью дерева. Земля залита солнечным светом, и только над скалой мрак, словно там своя собственная беззвездная ночь. На львиной морде бога Придон ясно рассмотрел страх.

— Что это? — спросил Придон.

— Ты бесстрашен! — рыкнул Листогерт. — Ты в самом деле бесстрашен, человек нового мира...

— Я не так уж и бесстрашен, — пробормотал Придон.

— Ты бесстрашен, — возразил Листогерт, — если вот так и... не отводишь взора. У меня уже подламываются колени, а холод проник мне вовнутрь. Я не смогу сделать шага, иначе превращусь в комок металла. Даже в каплю. И... растекусь. А ты... если сможешь, иди.

— И что дальше? — спросил он. — Что это за скала?

— Это изначальный камень, — ответил Листогерт. Голос его вздрагивал, челюсти лязгали, а чудовищные клыки на глазах уменьшались. — Это не гранит, не песчаник. Не мрамор... это сама изначальность! После того как Падшие наплодили на земле странных людей, великанов, чудовищ...

Придон прервал:

— погоди. Ты говоришь — Падшие. Это кто? Боги?

Листогерт покачал огромной головой:

— Нет. Это я — бог. Они — добоги, они — Падшие. Те, кто создал богов наряду с драконами, великанами, людьми из камня и железа, из воды и воздуха, кто научил людей добывать металл и ковать оружие...

Придон стискивал пальцы в кулаки, стараясь не дать себе вздрагивать, не выказать страх на лице или в жестах.

— Так что, — прервал он, — с этой скалой?

Огромный лев содрогнулся. Придон, даже не замечая своей выходки, неотрывно смотрел на странную скалу.

— Творец изъял Падших, — сказал наконец Листогерт. — Но на небеса не вернул. Падшие — и есть падшие. Запятнанность нужно... Он низверг их в очищающий огонь на долгие годы, ибо надо было выжечь остатки плоти и оставить только огненную природу. И только двоих оставил на земле... в ее толще. В этой скале заключен чудовищный Патута, князь всего зла в мире.

— Патута? — переспросил Придон.

Листогерт снова отступил в сторону, по земле разбежались трещины, из щелей выстреливались огоньки, вылетали искры и выплескивались синие дымки.

— Я так слышал. Я ведь был низвергнут и заточен через тысячи лет после первой Великой Битвы. Да, в этом камне — Патута. Ничто другое его не удержит, ничто другое не скует его члены.

— И что должен сделать я?

— Не должен, — ответил Листогерт, — но... можешь. Можешь попробовать. Просто подойди к этому извечному камню, с него начинался мир, и скажи... да просто скажи, что освобождаешь.

Придон покачал головой:

— Что-то не верится. Ведь как ни трудно сюда добираться, но раньше меня могли попасть герои. И если так просто освободить...

Листогерт ловко перепрыгнул с погружающейся плиты на твердую землю, на чудовищной морде проступило подобие улыбки.

— Просто? А ты попробуй. Дело даже не в том, что сюда не так просто! Еще труднее приблизиться. Еще труднее произнести нужные слова. А самое трудное — просто решиться.

Придон молча пошел вперед. Листогерт что-то крикнул в спину, но Придон шел, не останавливаясь и не отрывая взора от исполинской скалы.

— Что бы ты ни делал, — выкрикнул Придон еще издали, он обращался к этой дивной скале, — ты делал... из любви!.. Только из-за любви и из любви можно пойти до конца... до края света... против Творца, против всего на свете!.. И уже за это, за то, что ты шел, ведомый любовью, ты... не должен вот так... до конца дней!.. Тебя не должны... это не я говорю, это говорит мое сердце, моя душа, моя совесть, моя вера, что Творец не только всесилен, но и справедлив... и — милосерден!..

Он задохнулся, чувства бурлили в нем, раскачивали. В голове стоял гул, сердце стучало часто, в груди шемаящая боль, во рту привкус горечи.

— Я освобождаю тебя! — прокричал он. — Ибо тебя заключил мой верховный отец, а я... а я... я человек! Это мне он передал власть над этим миром!

Скала дрогнула, Придон попятился. Послышался треск, в скале возникла трещина, вырвался красный огонь, словно заключенный там дракон с силой выдохнул пламя. Придон ощутил сильнейший жар, закрылся руками.

Треск повторился громче, гряда камней вывалилась с грохотом. В образовавшейся пещере бушевал оранжевый огонь. Там трещало, шелкало, словно великаны ломали через колено столетние дубы.

Придон отступил на шаг. Из черной скалы клуб огня оформился в гигантскую, в два человеческих роста, фигуру, сотканную из плотного жаркого пламени. Падший разогнулся в полный рост, Придон закрывал лицо ладонями, сквозь пальцы видел только нечто красное, два глаза горели, как озера расплавленного золота. Потом жар быстро начал спадать, багровый огонь перестал колыхаться, оформился в красную, словно выкованную из раскаленного металла фигуру.

Падший смотрел на Придона в упор. В его глазах Придон видел гнев и безмерное изумление.

— Смертный!.. — прогремел нечеловеческий голос. — Смертный взломал мою темницу? Смертный сумел... что не

могли... что не смог никто-никто?.. И чего не могли мои братья? А это кто там за деревьями?

Придон ответил вздрагивающим голосом:

— Бог. Всего лишь бог...

— Что такое бог? — прогремел Патута. — Ладно, смертный. Я вижу, мир изменился. Раньше бы немыслимо, чтобы вот так... да еще смертный!.. Но ты все это сделал, что тебе за это? Проси награду!

Придон покачал головой.

— Награду? Я не куяв.

— Что такое... Ладно, неважно. Что тебе: открыть сокровища в недрах земли?.. Сделать несокрушимым?.. Подарить топор, которого не знали даже боги?

Он закончил, то ли перечислил все, то ли раздумывал, что еще может дать, и Придон крикнул:

— Да ничего мне не надо!

Патута ответил немедленно:

— Почему?

— Да потому, — ответил Придон. — Я — артанин!

— Что такое артанин... Ах да, теперь вижу. Ну и что?

Придон нашел в себе силы гордо выпрямиться.

— Артанин не выносит вида другого человека в неволе!

Мы не знаем рабства, мы убиваем тех, кто превращает людей в рабов. И когда видим невольника... всегда освобождаем.

Патута отодвинулся от скалы на шаг, Придон вздрогнул от вида огромной раскаленной массы. Неожиданно грохот обрушился на землю, Придон пригнулся, лишь потом сообразил, что Падший не пришел в ярость, а просто расхохотался.

— На днях ты освободил из неволи крысу, — напомнил он. — Только Творец может прозревать будущее, но прошлое мы все видим... А сегодня ты освободил меня. Но если от крысы не ждал никакой благодарности, то чего ждешь от меня?

Над головой снова грохнуло, земля испуганно затряслась. Придон выпрямился, прокричал:

— Ты знаешь, где меч Хорса?

Падший спросил гулким голосом:

— Кто такой Хорс?

Придон переступил с ноги на ногу, ком в горле разросся и мешал дышать.

— У него был меч... Огненный меч с длинным изогнутым лезвием! Он освещал тьму, он рубил камни, как если бы не камни, а гнилой туман. Старые легенды говорят, что Хорс благодаря этому мечу стал из простого землепашца могучим богом!

Над головой Придона прогремело, он не сразу понял, что это грозный Падший что-то бормочет в задумчивости, потом голос грянул, как гром:

— Я помню этот меч... Неужели он расстался со своим хозяином?

— Чей это меч? — вскричал Придон.

Падший оглянулся на черную скалу. По-прежнему в тени, она выглядела жуткой, подавляющей. Он чувствовал, что это не скала, в ней целый горный хребет, так сырое железо под ударами молота уменьшается в объеме во много раз, зато обретает крепость кованого. А то и не хребет, а неизмеримо больше, в нем есть звезды, земля и небо, хрустальный небосвод, солнце и луна...

— Это меч самого великого из ангелов, — сказал Патута. — Ты говоришь про меч самого Азазеля.

Придон слушал молча. Когда на его лице ничего не изменилось, Патута сказал горько:

— Ты... даже не знаешь... кто такой... Азазель? И что такое вообще ангелы?

Придон молча покачал головой. Лицо Патуты перекошилось в жуткой и горькой гримасе. Красная кожа цвета горящего железа потемнела, он словно бы стал ниже ростом.

— Мир... за который столько... дрались... даже не знает, — проговорил он жутким голосом. — Даже не знает!..

Смертный, вот под этой скалой, под этим Первокамнем, сам Азазель!

Придон медленно кивнул.

— А меч... с ним? То есть лезвие меча? Рукоять и ножны при мне!

Патута отшатнулся. Теперь его раздуло от гнева. Он прорычал:

— Смертный... тебя что-нибудь еще беспокоит, помимо своих мелких забот?

— Нет, — ответил Придон. — Как достать меч?

— Только разбудив Азазеля, — ответил Патута мрачно. — И заодно освободив его.

Придон сказал быстро:

— Так сделаем это!

Патута сказал таким тоном, что Придону почудилась нотка восхищения:

— Да, теперь вижу, Творец создал шедевр... Нет, тогда была едва живая глина. Отвратительная и липкая... но как Творец мог предвидеть так далеко?

Придон повторил:

— Как разбудить Азазеля? Мне нужен меч.

Патута смотрел на него пристально:

— Ты еще не понял?

— А что здесь понимать?

Патута повторил раздельно:

— Азазель — это не какие-то жалкие боги, что возникли после нас... как возникают черви или мухи. Азазель — это лучший и сильнейший из ангелов, что... эх, все равно не поймешь! Азазель всех ваших сверхмогучих богов уничтожил бы одним взмахом на всех землях, во всех странах, в глубинах морей и в недрах гор, понимаешь? Ни одного не осталось бы. И весь мир забыл бы, что такое — боги. Да, кстати, даже я, в мириады раз слабее Азазеля, мог бы это сделать за один миг. Но даже Азазель был низвергнут и заключен под этой скалой, ибо мы, двести ангелов, по его призыву выступили против самого Творца!

Придон слушал, по телу бегали мурашки, в груди то появлялся холод, то сердце начинало колотиться с такой силой, что неистовый жар грозил сжечь в пепел.

— Так как же, — повторил он, — разбудить Азазеля?

ГЛАВА 12

Багровый Падший вздрогнул, его колыхнуло, словно он на миг превратился в легкий туман. Глаза выпучились, рот открылся и закрылся. По телу прошла оранжевая волна, воздух накалился и затрещал. Пролетевший слишком близко мотылек вспыхнул жалким огоньком, на землю упал обугленный комок.

— А в самом деле, — произнес Падший с тяжелым сарказмом. — Почему бы и нет? Почему бы простому смертному не сделать то, что не под силу его богам? Что не под силу драконам, дивам, великанам и всему тому, что рождалось в мое время и что родилось позже? Что не под силу даже тем, перед кем все боги этого мира — прах, тлен, мелкие черви — ангелам? Почему не опрокинуть камень, поставленный самим Творцом?

Придон измерил взглядом скалу. Глупо, понятно, но сейчас, когда все раны зажили, проснувшаяся мощь ищет выхода, напрягает каждую жилку в теле, требует схватки, боя, драки, кровавой сечи за справедливость, за свободу, за счастье.

Он подошел к скале, уперся. Сам понимал, что легче муравью попытаться сдвинуть спящего быка. Но сразу же ощутил присутствие нечто огромного, настолько огромного, что волосы зашевелились от ужаса. Там, глубоко под этой скалой, находится более огромное, чем эта скала, вся земля, небо и звезды. И хотя такого быть не может, но сердце застыло, а душа заныла от бесконечной и бескрайней огромности.

Падший стоял шагах в пяти, огромный и могучий, пышущий накопленным жаром.

— Человек! — услышал Придон его насмешливый голос. — Это тот человек, ради которого... такая великая битва?

Придон упирался плечом, побагровел, налился жаром. Скала, понятно, не двигалась, он обхватил ее обеими руками, мышцы вздулись огромные и толстые, как стволы деревьев. Падший смотрел с грустной насмешкой, Придон повернулся и уперся спиной. Падший что-то крикнул, в голосе звучало сожаление. Придон сцепил зубы и нажал на скалу так, что в глазах потемнело от прилива крови.

Глубоко под ногами послышался сухой треск, словно там ударила подземная молния. Или разломилась сама гора, вершинку которой он так нагло пихает. Скала качнулась, качнулась, каменная стена подалась под напором его тела.

Придон, не удержавшись, упал. Все тело дрожало от пережитого напряжения, что оборвалось так резко. Он стоял на четвереньках, сзади грянул голос потрясенного Падшего:

— Что?.. Но как... Как это?

— А вот так, — прохрипел Придон. Он поднялся, отряхнул ладони. — Как гнилой пень!

— Мир перевернулся! — вскричал Падший. — Но если Азазель освобожден, то... снова великая смута?.. Небо и земля в пыль, моря выкипят, и горы... тоже в пыль?.. Уходи, несчастный! Ты погибнешь первым...

Он из красного стал зеленым, рука вытянулась в сторону далекого леса. Придон успел увидеть, как зеленая стрела стремительно прорезала воздух, ближайший ствол дерева вздрогнул, раздулся, тут же опал до нормальных размеров, зато утолщение появилось на другом дереве, дальше, исчезло и стремительно понеслось в глубь леса, переходя из ствола в ствол.

Под ногами качнулась земля. Огромное и бесконечное быстро поднималось к поверхности, как в толще воды стремится вверх пузырь с дурным воздухом. Придон поспешно откатился в сторону.

Земля вздыбилась зеленым холмом. Пахнуло жаром,

холм исчез, превратившись в пар. Из раскаленного красного жерла взлетело нечто настолько сверкающее белым огнем, что Придон рукой прикрыл заслезившиеся глаза.

Над ямой легко парил огромный, в три человеческих роста, человек с такими же горящими белым огнем крыльями, как и сам. Лица Придон рассмотреть не мог, оно постоянно менялось, но заолодевшим от восторга сердцем чувствовал, что лицо Азазеля прекрасно, невероятно, неслыханно прекрасно.

Он корчился, чувствуя на себе взор этой частицы Творца, испытующий и неверящий, и в какой-то миг понял, что Азазель увидел и узнал о нем все, а сейчас Азазель жадно охватывает мыслью и чувствами весь наземный мир, с которым был разлучен еще от Начала Времен.

Внезапно Азазель исчез. Только что висел в воздухе, не двигая божественными крыльями, потом крылья чуть дрогнули, его унесло с такой невероятной скоростью, что здесь просто исчез, и только смутно Придон успел увидеть, как сверкающая полоса пронеслась над лесом, больше похожая на вспышку молнии.

Он пытался приподняться, но руки обламывались, он рухнул вниз лицом. Прогретая подземным жаром земля быстро остывала, а водяные потоки, что пронизывают землю, как мелкие вены тело человека или зверя, поспешно понесли в поврежденное место холод, жизнь. Слуха коснулось журчание воды, а потом земля осторожно задвигалась, рана заживала на глазах, края сомкнулись, оставив неопрятный шрам.

Придон лежал, слыша стук сердца, потом жажда жизни заставила его перевернуться, привстать сперва на колени, потом, цепляясь за ствол дерева, встать на ноги.

Азазель возник, как почудилось, внезапно, хотя в сознании осталось нечто вроде кратчайшей молнии, один конец за горизонтом, на другом — сверкающий глава Пад-

ших. Придон содрогнулся всем телом, от ангела пахнуло волной невыносимой горечи.

— Я наказан, — прогремел прекрасный и нечеловеческий голос. — Я наказан...

Придон вскрикнул, снова закрывая глаза от всежигающего света:

— Но теперь ты свободен!

— Свободен, — прогремел печальный голос. — Именно теперь я и наказан!.. Теперь понимаю, что, когда лежал, скованный, под этой скалой, это не наказание было вовсе. А сейчас я облетел весь мир... и нигде не нашел ни друзей, ни врагов! Мир... совсем другой. .

Дрожь пронизала тело Придона.

— Но... он есть!

— Он есть, — повторил Азазель. — Куда за эти тысячи лет ушли друзья и враги?.. Их нет, но ведь они — бессмертны. Их уничтожить невозможно. Значит, ушли к Творцу и растворились в нем. Я облетел землю от края и до края — все иное...

Громовой голос упал до шепота. Придон перевел дух, Азазель сверху рассматривал маленького человека. Во взгляде росло изумление. Огненнокрылый ангел все яснее понимал, что освободил его всего лишь человек.

— Но этот мир, — сказал Придон гордо, — прекрасен!

Судорога прошла по телу могучего ангела. Он исчез, возник сразу в десятке мест, затем Придон снова увидел его перед собой. Воздух качнулся плотной волной от густого голоса:

— Я тоже... уйду.

Придон пробормотал:

— Я тебе не судья.

Огненный взгляд прожигал его насквозь. Придон чувствовал себя, как мокрица под прямыми солнечными лучами, что прожигают ее полупрозрачное тельце насквозь.

— В тебе нет страха, — произнес Азазель. — И в тебе нечто... чего раньше не было. Неужели Великий Мастер все

предвидел?.. Возможно, видит, что дальше?.. А мы, кучка юнцов, бросились высмеивать его, показывать свою мощь, свое умение... и чем больше у нас провал, тем сильнее злобствовали и обвиняли его, но никогда — себя!.. Мы многое дали людям, но не сумели научить пользоваться. Он и это предвидел?.. И когда дал нам самим увидеть, что натворили, тогда лишь наказал... Нет, не наказал, всего лишь отстранил, ибо что эти сто тысяч лет под этой скалой для бессмертного?.. Теперь я вышел и зрю... И сердце мое полно трепета перед мудростью Мастера и великим раскаянием. И я говорю, нет, кричу всем истекающим кровью сердцем: прости, я был не прав!.. Сто тысяч раз не прав, когда укорял тебя в великом замысле...

В небе клубились облака, в них приглушенно загремело. Грохот был могучий, но Придон не ощутил в нём угрозы. Скорее ласковое ворчание.

Азазель вскинул к небу сияющее лицо. Глаза зажглись, как два солнца.

— Он простил! — закричал он таким счастливым голосом, что в лесах запели птицы, в земле проснулись и пролили слезы счастья норные звери, а волки смотрели на проходящих мимо оленей и приветливо махали им хвостами. — Он добр... и... очень добр! Мастер!.. Я иду к тебе!!!

Придон видел, как Азазель сделал движение метнуться стремительной молнией в небо, но успел бросить взгляд на него, крохотного человека, Придон ощутил страшный жар, услышал свой крик, упал и в корчах вогнал пальцы в землю, ободрав кожу и мясо до костей. Тело наполнил гул, внутри рвались и горели внутренности.

Страшный голос прогремел уже внутри его черепа:

— Прими от меня мой дар!

Он очнулся, как ему показалось, почти сразу. В голове все еще туман, перед глазами плыло и качалось. Он поднес к лицу пальцы, смутно удивился, что ничего не изменилось, в то же время чувствует в себе странную силу, которую не ощущал раньше.

На траве неземным блеском горели ножны. Он торопливо пощупал перевязь, но за спиной только топор, а ножны бога Хорса... хотя теперь уже известно, что Хорс ни при чем... ножны на траве. Рукоять торчит, как и торчала. Придон поспешно ухватился за рукоять, пальцы легонько кольнуло. Он потащил на себя и со страхом ощутил, что тащит не одну рукоять, весь меч.

Смертному нельзя вот так просто обнажать меч, но не мог оторвать замороженного взора от самого прекрасного на свете зрелища: покидающего ножны длинного лезвия. Кончик оказался узкий, вытянутый, как язык, только горит все таким же белым огнем, даже сейчас превращая своим светом день в сумерки.

Он стоял в центре яркого круга, от деревьев легли, прячась от света, угольно-черные тени. Он стоял с этим солнечным мечом в руке, и неясное предчувствие заставило опустить взор под ноги. Лохмотья снова стали одеждой, сапоги — сапогами. Но по спине пробежал холод...

...у него не было тени.

ГЛАВА 13

Придон заставил себя сдвинуться с места. Меч все еще в руке, в голове сумбур, обрывки странных мыслей. Слишком много случилось, чтобы понял и объял умом даже великий мудрец. Сейчас кажется диким, что бросился переворачивать эту скалу, что не скала вовсе, а краеугольный камень Мироздания. Тем самым выступил против самого Творца, а ведь перед лицом Рода даже самые могучие боги не больше чем мокрицы под копытом огненного коня. Но вот он уцелел, хотя освободил даже не бога, а нечто гораздо более могучее и страшное, врага и соперника самого Творца...

Но если все свершается по воле Творца, тогда это он, Творец, решил, что этому скованному пора обрести свободу и прощение? И в тот миг, когда он, Придон, уперся в ту

незыблемую скалу, незримая рука Мастера толкнула камень Мироздания... Ведь освобожденный Азазель, чувствами сразу объяв весь мир, мгновенно понял, насколько тогда, в Начале Времен, был не прав. И что путь, начертанный для человека Творцом, был верным. Вяземайт сказал бы, что Азазель ринулся к Творцу, признал свою вину, и Творец, жестокий, но справедливый, принял блудного сына, частицу себя самого, вернул в свой небесно-звездный мир, недоступный человеку.

А Придону Азазель передал частицу своей сути, огненной и бунтарской. И оставил свой меч, меч Азазеля, а никакого не Хорса.

Все это он обдумывал, все ускоряя и ускоряя шаг, деревья сперва двигались мимо неровными толчками, затем замелькали, как спицы в колесе. Рядом с огненным мечом, созданным самим Творцом, к спине прижимается боевой топор артанина, выкованный человеком.

В сторонке вспыхнул красный огонь, огромное и бесформенное пламя метнулось за деревьями. Придон по-прежнему на месте лица видел только багровый свет с оранжевыми глазами, но голову бы дал на отрез, что падший ангел, высвобожденный из самой скалы, смотрит с великим потрясением.

— Ты... — услышал Придон могучий голос, который Патута старался сделать как можно более тихим, — ты сумел моего господина... и старшего брата!.. Мир перевернулся: рыбы летают по небу, овцы пасут волков... Азазель не растерзал, а ведь восстал в великом гневе!.. Мир перевернулся снова и поскакал кузнечиком... по воде, облакам. Великий Мастер не испепелил вставшего из недр Азазеля... а с любовью принял в свое лоно!

— Где взять коня? — спросил Придон.

Падший поперхнулся.

— Чего?

— Коня, — повторил Придон. — Такой зверь о четырех

ногах и с двумя ушами. Еще у него грива и хвост, это самое прекрасное, что ваш хозяин сделал после женщины.

Ангел смотрел с великим изумлением. Придон, слишком оглушенный всеми событиями, даже не думал о самом их верховном Мастере, озирался, а Патута, ангел, проговорил медленно:

— Азазель был нашим вождем. И хоть мы ошибались... но Азазель был прекрасным вождем, и прекрасным... да, прекрасным. Ты вызволил его, и вот теперь я не знаю, я не нахожу, чем отблагодарить тебя.

— Найди мне коня, — сказал Придон.

— Зачем тебе конь в этом лесу?

— Мне нужно в Куябу, — ответил Придон. — Сердце мое полно горечи — я уже не боюсь, что уже опоздал, — знаю.

— А если опоздал?

— Я умру, — ответил Придон просто. — Но там, а не здесь.

Ангел сказал:

— Если надо, я сам стану твоим конем... Но лучше я сейчас же доставлю тебя в эту... Куябу. Только посмотрю, что это такое... А, вот она! Куда тебя?

— Во дворец, — ответил Придон. — Если сможешь, а там найду дорогу. Волхвы говорят, что люди... тоже боги.

— Тоже?... — переспросил Патута, в прекрасном голосе звучала насмешка. — Люди не боги, человек!.. Намного слабее богов, как слабее ребенок огромного быка. Но вам предназначено... Человек — это... это последнее, что сотворил наш Мастер. Самая совершенная его мысль, как он тогда сказал. Мы — предыдущие. Ты появился раньше богов, но будешь и тогда, когда о них забудут... ибо боги — временное, созданное уже тобой, человеком, а ты, человек, — вечность...

Дыхание остановилось в груди Придона, он ощутил себя над краем холодной бездны, полной звезд.

— Не могу вместить...

— Творец создавал весь мир, — произнес Патута с горечью, — нас, ангелов, солнце, луну и звезды — для тебя, человек. Потому я сейчас, смиренно исполняя невысказанную волю Творца, стану твоим конем и доставлю тебя во дворец.

Дыхание вырвалось из груди, ветер заревел и засвистел в ушах. Перед глазами возник красный плащ из огня и света, его надуло, как парус. Затем ветер разом утих, Придон услышал:

— Прощай! Вслед за Азазелем брошусь к ногам Великого Мастера. Умолю простить, ибо малы мы и глупы перед его великой мудростью.

Пятки ударились о каменный пол, по ушам хлестнули яростные крики, лязг оружия, топот, глухой стук мечей по щитам и доспехам. Во все стороны распахнулись роскошные просторы главного зала дворца Тулея. Снаружи в распахнутые двери дворца врывались люди с оружием, а остатки дворцовой стражи, прижатые к стенам, отчаянно сопротивлялись. Среди нападающих Придон увидел сотников со значками Янкерда. Он сразу все понял, не умом, а сердцем, шкурой. Страшная ярость ударила в голову, едва не разломав череп.

Он выхватил топор, заорал голосом, подобным грому:

— За Итанию!

От нечеловеческого крика по всему залу колыхнулись огни светильников, затрещали оконные рамы, а цветные стекла зазвенели и осыпались мелкой крошкой. Битва замерла на мгновение, все смотрели на возникшего чудесным образом артанина, яростного, взбешенного, со вскинутым боевым топором.

— Убить их всех! — прокричал он.

Он чувствовал себя огненной скалой, что пронеслась по молодой траве: перед ним возникали бледные лица, вскинутые руки, раскрытые рты, а он рубил их быстро и беспощадно. За ним тут же последовали уцелевшие стражи, им словно передалась часть его нечеловеческой мощи, ру-

били и сокрушали, гнали, опрокидывали, топтали, убивали поверженных, а когда зал был очищен, Придон огляделся сквозь застилающую взор красную пелену гнева, крикнул:

— Охраняйте вход!.. Я посмотрю, если кто проскочил вовнутрь!

Вслед ему крикнули:

— Придон, туда на коне сам Янкерд...

Он пронесся по знакомым залам, выбивая двери, стаптывая людей, размазывая по стенам. Перед входом в покои Тулея возник заслон из щитов и мечей, даже ошетинился копиями. Ударил с разбега, во все стороны с чавканьем брызнуло теплым и красным, разлетелись тела и части тел, с хрустом рассыпались обломки щитов и мечей, наконечники и разрубленные древки копий, а он вломился вовнутрь.

В покоях Тулея двери распахнуты, мебель перевернута. Страх за Итанию удесятерил силы, подстегивал скорость, и напрасно твердил себе, что никто не посмеет причинить ей вред, ведь все дерутся за нее, а не против нее, но в груди жгло огнем, он кричал в отчаянии, рубил со страшной силой, не замечал ударов, что обрушивались со всех сторон, проламывался, пока не услышал впереди шум схватки, ругань, звон железа.

Огромный Дунай люто отбивался от наседающих воинов Янкерда. Вокруг вал из трупов, пол залит кровью, забрызганы стены, а в углу яростно рубится во все стороны Рипей, что-то кричит, вокруг сверкает полоса из стали, он не так могуч, как Дунай, зато быстр, как молния. Придон не успевал увидеть его ударов, а нападающие содрогались всем телом и опускались на пол уже мертвыми.

— За Итанию! — заорал Придон и подумал запоздало, что и нападающие могут кричать то же самое, надо бы «За Тулея!», но язык не поворачивался, и он крикнул еще злее: — Смерть Янкерду и его псам!

Дунай оскалил зубы, весь забрызганный кровью, своей и чужой, он был страшен. Придон ударил в нападающих на

него со спины, Дунай собрался с силами и сделал шаг вперед, вдвоем смяли и растоптали, двинулись к Рипею, рассеяли, оба остановились, тяжело переводя дыхание.

Придон крикнул:

— Где Янкерд?

— Во... внутренних... — прохрипел Дунай.

Придон развернулся к дверям, Рипей крикнул:

— Придон!..

Придон обернулся. Рипей тоже жадно хватал широко открытым ртом воздух, как и Дунай, прохрипел:

— Остерегайся... Горасвильда...

— Знаю, — крикнул Придон, хотя только сейчас понял, что Горасвильд и его хозяйка обязательно окажутся на стороне Янкерда. — Прорвалось во дворец много?

Горпакс еще хватал воздух, Дунай сказал хрипло:

— Нет... Это в город прорвалось много... Но здесь у нас отборные воины... Мало кто сумел дальше... Наших осталось все равно больше...

— Отыщите всех и убейте, — велел Придон. Они разом кивнули, а он ринулся во внутренние покои, даже не удивившись, что отдал приказ могущественным берам и что сразу же послушались. — Итания, Итания!

Он бегом помчался по широкой лестнице наверх, на ступеньках залитые кровью тела стражей. На миг сердце дрогнуло в страхе: ни одного павшего янкердца, что-то нечисто. На втором этаже тоже трупы, и опять только павшие стражники, настоящие гиганты. То же самое на третьем, но с четвертого, последнего этажа несутся крики, звон и лязг железа, что с силой встречается с другим железом.

Как вихрь взлетел наверх, сердце сжало в крепкой ладони: огромные горные великаны, существа из живого камня, неторопливо теснят отборную стражу Тулея, загоняют ее глубже и глубже, теснят к стене, а там только широко открытые окна. Он выскочил наверх в тот миг, когда один из стражников, весь залитый кровью, не сумел принять на об-

ломок щита удар огромного молота, содрогнулся и осел на пол.

Великаны переступили, двигались спокойно и расчетливо, Придон заорал в бешенстве, ринулся, как дикий тур. Никто даже не оглянулся, он со страшной силой обрушил удар на поясну великана, выше не достать, острое вошло в каменную плоть неожиданно легко, по самый обух. Придон быстро уперся ногой, выдернул, а тело горного великана все еще стояло, раскачиваясь, потом грохнулось навзничь.

Придон, успев отскочить, ударил второго в бок. И снова лезвие вошло, как в сырую глину. Третий начал разворачиваться, на свою беду — левым боком, топор вскрыл грудь так, что стало видно огромное сердце. Один из стражей сразу же ударил в рану копьём. Великан взревел страшно, ухватился за копьё, раздался треск. Толстое древко превратилось в щепки, но и великан рухнул на колени, а потом растянулся во весь рост.

Великаны оставили стражей, Придон видел недоумение на широких каменных лицах, он пытался закрываться щитом, его сразу же разбили стальными молотами, тогда он только рубил, тело сотрясали страшные удары, голова гудела, в ушах то и дело гремел камнепад, лопались горы, в глазах вспыхивали солнца, а острая боль пронизывала от макушки до пят.

Он орал, наносил удары, медленно отступал, страхась запнуться и упасть. За великанами поспешно двигались стражи, измученные, израненные, залитые кровью, из последних сил наносили каменным исполинам удары в спину, старались подрубить жилы под коленями.

Великанов оставалось трое. Придон отпрыгнул, перевел дух, снова заорал, нагнетая ярость, вгоняя себя в бешенство, уклонился от удара крайнего справа, лезвие топора рассекло колено среднего, тот пошатнулся и, не удержавшись, повалился на пол, сильно толкнув соратника слева. Придон, воспользовавшись случаем, торопливо на-

нес удар, великан вскрикнул, лезвие топора рассекло низ живота, рана оказалась такой широкой, что сразу наружу полезли внутренности.

— Слава! — крикнул Придон.

Молот обрушился ему на плечо. Рука занемела, Придон стиснул зубы, перехватил топор в левую руку. Великан поднимал молот для второго удара, Придон с криком нанес удар. Рука с молотом, отсеченная по плечо, с грохотом рухнула на пол.

— Получи!

Вторая рука отделилась от тела. Придона шатало, он не понимал, почему стражи смотрят с таким изумлением и страхом, отодвинулся к стене, прислонился. На поверженных великанов набросились, рубили мечами, втыкали копья, разбивали им головы, а он стоял тяжело дыша, успел подумать, что, в самом деле, ведь по нему били молотами, как по наковальне, скалу бы раздробили на мелкие камешки.

Он прохрипел:

— Еще есть?.. Что с Итанией?

Стражи молча добивали великанов, только один поднял голову, Придон увидел широкую рану на щеке, разрубленную бровь, смятый шлем.

— С нею пятеро из наших... Но поспеши, артанин! Туда Янкерд со своими... мы задержать не успели.

Придон оттолкнулся от стены, сделал шаг, другой. Вдоль стен дрожали светло-желтые пятна, оконные проемы расплывались и двоились. Ноги подгибались, он заставил себя выйти в следующий зал, вон уже дверь в покои Итании...

Движение слева успел ухватить самым краем глаза. Дернул головой, но запоздал, острая боль взорвала череп, в глазах вспыхнули искры. Огромный молот соскользнул с головы и попутно задел больное плечо. Хрустнуло, рука бессильно повисла. Его шатало, из тумана проступило чет-

веро каменных великанов. Все четверо вскинули огромные молоты.

Придон оперся спиной в стену, топор выскальзывал из пальцев, сердце колотилось, но дыхания не хватало, грудь вздымалась, как у рыбы на берегу. Не в силах противиться, он видел, как молоты поднялись и пошли вниз...

Звон, между Придоном и великанами появился человек со вскинутыми над головой руками. В них был длинный артанский топор, все четыре молота с грохотом ударили по обуху, топорышу, пальцам, сжимающим древко.

Придон, слишком ошеломленный, чтобы драться, смотрел с открытым ртом. Коротенькой передышки хватило, чтобы в молодое тело хлынула сила, руки снова налились мощью. Он вскрикнул, упал и откатился в сторону. Неизвестный молча дрался с великанами, а он вскочил и со страшной силой обрушил лезвие топора на плечо ближайшего каменного исполина.

Второго он ухитрился достать кончиком топора в шею, в этот момент третий со страшной силой нанес удар, Придон не мог ни защититься, ни дернуться в сторону. Массивная стальная глыба со страшной быстротой падала ему в лицо...

И остановилась. На палец от переносицы, с оглушающим звоном ударившись о древко артанского топора в руках человека... или не человека, он все еще стоял к Придону спиной, тело вздрагивало в неимоверном усилии, то ли держал огромную тяжесть, то ли старался удержать себя.

Великан взревел:

— Да кто бы ты ни был... я отправлю тебя туда, откуда ты пришел!

Придон вскрикнул:

— Я здесь, дурак!

Великан повернул огромную голову. Придон увидел горящие глаза, огонь в них вспыхнул ярче, великан развернулся и занес молот. Придон поднырнул и полоснул изо всех сил острием топора по животу. Железо вскрыло ка-

мень с прежней легкостью, словно удар пришелся по той же сырой глине.

Великан обрушил удар через голову Придона, согнулся, выронил молот, упал на колени. Вторым ударом Придон снес голову. Огромная, страшная, она отделилась с легкостью тыквы, но на пол рухнула тяжелая каменная глыба. Горящие злобой глаза все еще смотрели непонимающе и неверяще.

Придон тяжело дышал, а его спаситель повернулся к нему и взглянул в лицо. Придон ахнул, топор выскользнул из ослабевших пальцев.

— Как?.. Как ты сумел?

— Я поклялся помочь тебе добыть все три части меча, — прозвучал в ответ глухой и суровый голос, — и доставить их куявскому тцару. Я держу клятву.

Придон прошептал:

— Но... ты же мертв... ты погиб...

— Смерть не освобождает от клятвы.

Слова неколебимые, как горный хребет, и ясные, как умытое дождем солнце. Сердце Придона рвалось от мук, он не знал, что сказать, что делать, беспомощно развел руками.

— Но ведь, — выдавил он, — многие дают клятвы... но никто...

Тур произнес тем же мертвым голосом:

— Клятвы клятвам рознь.

— И люди людям, — добавил Придон горько. Он шагнул, обнял друга, под пальцами был холод мертвого камня. Постояли пару мгновений, подбородок на плече друга, да не узрит он слезы, затем Тур с усилием отстранился.

— Мне пора... прости.

За что, хотел спросить Придон, из соседнего зала донесся крик:

— Придон?.. Придон!

В боковую дверь вошел, прихрамывая, поддерживаемый двумя хмурыми воинами, высокий грузный воин с суровым и властным лицом. С черных с проседью волос сте-

кала красная струйка, две открытые раны зияли на груди и щеке, но воин держался с достоинством, смотрел на Придона ровным открытым взглядом.

— Придон, — повторил он странно знакомым голосом, — то-то Итания верила, что придешь... Только она одна.

Придон узнал Тулея, оглянулся, но рядом уже было пусто.

— Что случилось?

Тулей криво усмехнулся, потрогал кровоточащую рану на щеке.

— Ты молодец! Настоящий артанин. Еще не понял, что стряслось, а уже ворвался во дворец и половину заговорщиков перебил своими руками. Что-то в артанскости есть, есть...

Вбежал запыхавшийся Барвник. Глаза округлились при виде Придона, но заспешил к Тулею, наложил ладонь на раненую щеку. Тулей скривился, дернулся. Барвник отнял руку, на щеке Тулея на месте раны теперь вздувался свежий шрам.

— Янкерда никто не видел, — сообщил Барвник. — Вместе с ним исчез Горасвильд и... простите, Ваше Величество, Иргильда.

Тулей рыкнул:

— А что же твоя магия?

— Горасвильд закрыл все туманом, — сказал Барвник виновато.

— Я думал, ты сильнее!

— Горасвильд готовился к этому годы, — ответил Барвник с обидой. — Я сегодня же к вечеру разметаю туман над всей Куявией!

Придон отступил, в голове лихорадочно мелькали картинки залов, палат, покоев, переходов, мостиков, коридоров этого обширного дворца, многое непонятно что и зачем, в то же время можно прикинуть, куда враг не пойдет, а

куда может, ибо Янкерд такой же воин, он и думать должен похоже, у него есть сила и гордость...

Он ринулся сломя голову вниз по лестнице. На третьем, втором и первом этажах трупы все еще в тех позах, кто где пал, но дворец постепенно наполняется людьми. Придон пронесся как ураган, кого-то сбил с ног, отлетела в сторону массивная дверь, ведущая в подземелье: то ли открыл с ходу, то ли разнес с той легкостью, будто она из соломы.

ГЛАВА 14

Первое помещение тайной казны куявских властелинов, как он помнил, заполнено сокровищами соседних стран, тут всякие одежды с золотыми украшениями, изделия из золота, серебра, драгоценные кубки, дорогие чаши, во втором зале — сундуки с золотыми монетами, кубки и вазы, доверху наполненные драгоценными камнями...

Он ворвался в этот зал, едва успел ухватиться левой рукой за колонну у двери: в зале трое могучего сложения воинов, а с ними... Итания!

Она вскрикнула, глаза зажглись, шагнула навстречу, но один из воинов грубо ухватил ее за руку повыше локтя и дернул обратно.

— Да как ты... — прохрипел Придон.

Он оказался, не понимая как, в то же мгновение перед этим мерзавцем. Голова сволочи, посмевавшей, дерзнувшей, разлетелась, как гнилая тыква. Итания снова вскрикнула, на лице отвращение и в то же время — восторг, восхищение. Она подбежала, Придон увидел в ее широко распахнутых глазах, как один из оставшейся двойки телохранителей Янкерда тихонько прокрался с ножом в руке за его спину. Итания вскрикнула. Придон отмахнулся и, не глядя, ударил назад кулаком.

Послышался сухой треск. Телохранитель с разбитым, как глиняный горшок, черепом отлетел к стене и растянулся там на полу. Третий побледнел, отступил.

— Где Янкерд? — спросил Придон резко.

Телохранитель заколебался, Придон быстро шагнул вперед и схватил его за горло.

— Он... — прохрипел телохранитель, — оставил нас здесь...

— Ждать меня?

— Нет... он пошел дальше сам...

Придон сжал пальцы, хрустнуло, словно раздавил куриное яйцо, тело сползло по стене. Придон сказал медленно:

— Неужели он решится... Он безумен!

Он метнулся было к последней двери, но раздался треск, лязг. Дверь слетела с ужасным грохотом. В проеме клубился черный дым, оттуда ступил все так же одетый в белое маг Горасвильд. Лицо почернело, растеряло миловидность, губы дергались и кривились в гримасе ненависти. На широком поясе блестели и переливались синими огоньками колдовские камешки, на шее испускала недобрый зеленый свет толстая металлическая цепь. Лицо мага стало жестким, глаза выкатились, как у большой хищной птицы.

— Я знаю, — сказал Горасвильд хрипло, — почему ты выжил!

— Почему? — спросил Придон.

— Чтобы умереть от моей руки!

Он бросил быстрый взгляд на Итанию. Придон сказал торопливо:

— Итания, прошу вас... Выйди в другую комнату.

Устрашенная Итания отступила, не сводя с них испуганных глаз. Губы дрожали, Придон понял, что панически боится Горасвильда. Ярость горячей волной ударила в голову. Он стиснул топор, а Горасвильд выставил перед собой магический посох. В рубине плясало пламя, разгораясь все ярче.

— Как ты хочешь умереть, варвар? — спросил Горасвильд и пошел вперед, держа перед собой посох. Рубин рас-

калился, вокруг него плясало красное пламя. — Скажи как, я сделаю...

Придон ждал, не двигаясь с места, топор взял в обе руки. Две перевязи перекрещивали его могучую грудь, из-за плеча хищно смотрела рукоять огненного меча, Придон успел подумать, заметила ли Итания, что он добыл меч и что теперь она принадлежит ему.

— Стойте!

Голос был громким, властным. Из дыма вышел Янкерд, полные доспехи из хорошей стали, без шлема, с обнаженным мечом в руке. Князь блистал с головы до ног, сияющий, счастливый, грудь вперед, плечи развернуты, но Придон похолодел, ибо в руке Янкерда тот самый меч. Черный меч, что в последней комнате казны был закован в цепи.

— Что, — засмеялся Янкерд громко и грохочуще, — не ожидал?.. Искал меня в спальне Итании? Зачем? С этим мечом она и так будет моей... как и вся Куявия. Думаю, что теперь не только Куявия.

Горасвильд вскрикнул:

— Князь... Этот меч очень опасен!

— Чем? — спросил Янкерд, глаза не оставляли Придона, даже на Итанию почти не бросил взгляда.

— Он... он может обратиться против тебя, — пролепетал Горасвильд. — Позволь наложить на него чары...

— Накладывай!

— Мне нужно взять в руки...

Янкерд захохотал.

— Дурак! Как будто не понимаю, что, как только возьмешь, станешь властелином мира. Но сейчас я — властелин!

Он красиво взмахнул мечом. С лезвия полетели огненные искры. В помещении ощутилась чудовищная мощь, стены затрещали, словно не могли ее вместить, каменные глыбы задвигались, а с потолка посыпалась каменная крошка. Тусклое лезвие меча засверкало, преобразившись в молодое, будто еще никогда не бывало в бою. Рукоять остава-

лась темной, но сталь блистала, разогретая до оранжевого света.

— Янкерд, он тебя погубит! В нем демон смерти!

— Мне не нужны советы, — холодно сказал Янкерд.

— Но мы же союзники!

— Уже нет, — ответил Янкерд.

Он направил меч острием в сторону Горасвильда. С кончика сорвалась вспышка, Горасвильд успел раскрыть рот, исчез в ослепляющей вспышке. Воздух стал мгновенно горячий, с запахом горящего мяса. На полу остались толстые дымящиеся подошвы.

Янкерд расхохотался. Каменные плиты затрещали громче. Меч в руке Янкерда подрагивал, от него по всему помещению носились широкие яркие отблески, похожие на солнечные зайчики.

Придон наконец перевел взгляд на Итанию. Она стояла испуганная и трепещущая, не в силах сдвинуться с места.

— Беги отсюда, — попросил он настойчиво. — Сейчас здесь все обвалится...

Янкерд усмехнулся, возразил:

— Не обвалится. Зато увидишь, что этот варвар наконец уйдет... к своим предкам. И никто нам больше не помешает.

Придон сказал быстро:

— Я помешаю. Итания, уходи.

Итания сделала робкий шаг вдоль стены в сторону двери.

— Не уходи, — велел Янкерд властно.

Итания вздрогнула, застыла. Ее большие испуганные глаза перебегали с его лица на лицо Придона. Янкерд засмеялся красиво и грохочуще. Меч в его руках казался сверкающей полосой ночи. Янкерд взмахнул легко, и железный столб, на котором стоял массивный светильник, рухнул, срубленный с той легкостью, словно пустотелый столб из промасленной бумаги. Янкерд взмахнул левее, и

срезанный с такой же легкостью угол каменной глыбы с грохотом рухнул на пол.

Придон стиснул зубы. Ярость начала подниматься неудержимо, сердце застучало часто и мощно. Он стиснул рукоять топора, слегка пригнулся. Янкерд расхохотался:

— Ты все еще готов сражаться? Хвалю!.. Но чтобы ты не отступал, а принял бой...

Не спуская с Придона горящих ненавистью глаз, он протянул левую руку к стене. Раздался легкий скрип, чаша сдвинулась, Придон ощутил, как дрогнул пол, в спину пахнуло могильным холодом. Он чуть повернул голову, застыл. Пол за его спиной провалился. Прямо от его пяток квадратная каменная яма, дна отсюда не видно.

В комнату вбежали и сразу же остановились в испуге Тулей, Щажард и Барвник. Янкерд сказал со злобным весельем:

— Что, Тулей, не ждал, что я знаю все секреты?.. Это яма, где закончит жалкую брэнность этот варвар... Ну что скажешь, дикарь?

— Ты умрешь, — ответил Придон, — а я возьму Италию!

Итания жалобно вскрикнула:

— Придон, почему не обнажишь меч Хорса?

Янкерд дрогнул лицом, глаза быстро бросили взгляд на рукоять за плечами Придона. В глазах метнулся страх. Он поспешно взмахнул черным лезвием, спеша не дать Придону протянуть руку за волшебным мечом, сделал быстрый шаг вперед. Придон выставил топор, пламенный меч и топор из простого железа встретились в воздухе, звякнуло, разлетелись искры. Лицо Янкерда исказилось, пальцы разжались, словно онемели от страшного удара.

Придон перехватил одной рукой падающий меч, пальцы ощутили, как черная рукоять с готовностью устроилась у него в ладони. Янкерд сделал к нему шаг, поднял дрожащие руки, в глазах ужас и непонимание, пальцы нацелены

в горло артанина. Но острие черного меча уже смотрело ему в грудь, сразу же предав.

— Убью! — вскрикнул Янкерд.

Придон увернулся, мимо скользнуло блистающее доспехами тело. Загremел металл, ударяясь о стенки ямы.

Каменные стены западни дрогнули, начали сдвигаться. Снизу донесся дикий крик:

— Придон!.. Я ошибся, я — виноват! Отныне я твой слуга!.. твой раб!.. Прошу, брось мне веревку!

Придон быстро огляделся. Тулей сорвал со стены длинный шелковый шнур, бросил Придону. Придон наклонился над краем ямы.

— Янкерд! Ты что-то сказал?

Янкерд стоял на самом дне, глубина в два человеческих роста. Слышался хруст, под массивные движущиеся плиты попадали мелкие камешки, трещали, как хорошо поджаренные орешки, рассыпались в пыль.

— Брось веревку! — умолял, рыдал, вопил Янкерд.

Придон подумал, поколебался, наконец вздохнул и крикнул:

— Как скажешь. Держи!

Янкерд безумными глазами, полными надежды, смотрел на веревку, но, когда упала к его ногам вся, взвыл, закричал. Придон отодвинулся от края. Тулей, Итания, Барвник смотрели широко раскрытыми глазами. Придон взглянул на меч в своей руке, швырнул за веревкой в суживающуюся щель.

За спиной послышался хруст, треск, звучный хлопок. Из щели с силой выплеснулся фонтан алой крови. Одна из струй коснулась свода, быстро расплылось красное пятно.

Придон шагнул к Тулею, тот выглядел потрясенным. Придон через голову снял перевязь и, держа ножны одной рукой, другой обнажил меч, с которым огненный ангел стоял у врат райского сада.

В комнате полыхнул неслышанно чистый свет. Свет первого дня творения, еще не замутненный уступками

тьме, рассветам, плохой погоде. Длинное лезвие выглядело сгустком огня, но в то же время чувствовалась в нем несокрушимость, которую не отыскать на земле.

Придон вскинул руку с мечом к своду, все смотрели в благоговейном молчании. После паузы он сунул меч в ножны, свет разом исчез, в комнате только желтая тусклость светильников.

— Получай, тцар, — сказал он звучно и протянул Тулею ножны с вложенным мечом. — Я все выполнил!

Тулей не взял драгоценный меч, в синих глазах мерцало странное выражение.

— Ты не просто отыскал, — произнес он. — Но и собрал! Без всяких магов, чародеев, жрецов. Значит, это твой меч. Он признал хозяином тебя. Даже в ножнах, даже у тебя за спиной, он не дал Черному разрубить деревянное топорще в твоих руках!

Придон покачал головой.

— Огонь у богов крадут герои, но трижды герои — зажигающие огонь сами.

Тулей, похоже, не понял, но Щажард воровато ухватил меч обеими руками, напрягся, лицо побагровело, но удержаться не сумел, меч с грохотом обрушился на пол. Смягченный толстым ковром, послышался треск лопнувшей каменной плиты.

Барвник посмотрел неодобрительно на меч, на Щажарда, снова на пол, сказал громко:

— Я думаю, что муж Итании все равно должен носить именно этот меч.

Придон наклонился, легко подхватил невесомые ножны с грозно блистающей рукоятью, опустил на край легкого стола на тонких ножках, все затаили дыхание. Тулей и другие даже отступили, но меч, послушный воле хозяина, лежал тихо, как перышко.

Тулей шумно перевел дыхание.

— Это же... Нет, голова идет кругом! Барвник, собери народ ко дворцу... Думаю, и так собрались, долго орать не

придется. Пора объявить при всех, что артанин сделал то, чего никто в мире не мог... и что Итанию получает по праву. И что это она должна гордиться, что отдают такому герою!

Придон сощурился от яркого куявского солнца, в Славии привык к затянутому тучами небу. Площадь перед дворцом заполнена народом так, что люди теснились в переулках, усеяли крыши и деревья.

Слуги поспешно застелили красными коврами мрамор, протянули дорожку из полотна пурпурного цвета по ступенькам до самой площади. Тулей вышел в сопровождении Барвника, Щажарда, Череве. Чуть позже появилась Иргильда, ее сопровождали только три знатные женщины. Следом повалила, теснясь, как овцы, целая толпа знатных боров, беричей, мечников, князей и полководцев, что хоть и запоздало, но привели войска на помощь. Итания и Придон в сторонке шли рядом, почти касаясь друг друга.

Тулею поставили роскошное кресло с высокой спинкой. Он присел, так положено, но тут же встал и, подойдя к краю верхней ступеньки, заговорил сильным, все еще звучным голосом. На площади замерли, вслушиваясь в речь повелителя:

— Видят боги... Видят боги, я не хотел этого брака, как и все вы. Более того, я сделал все, чтобы... не допустить его! Да, признаюсь, признаюсь... Но этот артанин покори́л меня. Ты слышишь, Придон? Ты покори́л нас всех. Покори́л не мечом или топором, это всего лишь оружие, — ты покори́л наши сердца, наши души. А это самая надежная победа...

Барвник что-то шепнул ему на ухо. Тулей кивнул, сказал громче:

— Это — единственная победа, которая... победа!

Придон дышал часто, грудь распирало могучее сильное чувство, которому не знал названия. Вот тот миг, ради которого стоит идти через ночь и снег, ломиться через лес,

болота и горы, драться с людьми, нелюдьми, дэвами и чудовищами, голодать, получать раны, висеть на одной руке над пропастью.

— Подойди же, сын мой! — сказал Тулей.

Придон поправил топор, теперь грудь перекрещивает только одна перевязь, и двинулся вперед. Шаги сначала были деревянными, смотрят тысячи пар глаз, но плечи расправились, он же артанин, спина выпрямилась, прошел мимо толпы этих могущественных береов, князей и князьков, вотчинников, господарей, наместников, мечников, хранителей, полновластных хозяев огромных земель, дворцов, крепостей, богатейших палат — грудь могучая, взгляд твердый, в руках сила, а в сердце артанская честь и отвага.

Итания смотрела влюбленными восторженными глазами. Тцар взял ее за руку, Придон остановился в трех шагах. Сдержанно и едва-едва поклонился, как и надлежит артанину, что преклоняет колени только перед богами.

Тцар сделал знак, трубы умолкли. В торжественной тишине, когда слышно, как в небе перекликаются летящие журавли, он сказал могучим сильным голосом:

— Вот моя дочь, единственная дочь Итания!.. Отдаю ее тебе в жены. У меня нет наследника, потому мой трон наследует первый же сын от вашего брака...

Трубы прогремели снова. В народе начались радостные крики, вверх полетели шапки, цветы, венки, женские платки. Тцар вскинул руку, серебряный клич труб оборвался.

— Отныне же, — сказал Тулей сильным голосом, — я уступаю молодым южный дворец, самый новый и красивый! Да будут жить, наслаждаться счастьем, друг другом, нашей любовью и уважением своих подданных. А доблестный Придон отныне не артанин, как все привыкли называть, а благородный князь Придон! Даже светлый князь, первый после тцара!

Трубы прогремели снова. В толпе вопили, подпрыгивали, бросались друг другу в объятия, проливали слезы уми-

ления. Придон всюду видел счастливые лица и сияющие глаза. Но самые радостные и сияющие глаза у Итании. Он задышался от ликования, сердце колотилось так, что ломало ребра.

— Я дождалась тебя, — шепнула она. — Я все-таки дождалась...

— Я здесь, — ответил он тоже шепотом, а громко и весело сказал: — Великий тцар, благодарю за добрые слова и щедрые подарки!.. И за высокое звание, которым ты меня удостоил. Однако для артанина, уж прости, великой радости нет на чужбине стать беричем, бером или князем. У нас свое достоинство, свои богатства... Потому еще раз благодарю, но беру божественную Итанию к себе на седло и увожу в мою степную Артанию!

Трубы неуверенно рывкнули. Одна пустила петуха, скульнув, как пес, которому наступили тяжелым сапогом на лапу. На огромном дворе наступила тишина.

Придон счастливо держал тонкие трепетные пальцы Итании в своей огромной ладони. Ему казалось, что там прячется от ветра и большого пугающего мира крохотный птенчик, еще не умеющий летать, и сердце переполнялось нежностью.

Итания подняла большие испуганные глаза, поспешно уронила взгляд. Тень от громадных густых ресниц упала на щеки. Барвник наклонился к уху Тулея, что-то яростно толковывал. Тулей помрачнел, но кивнул.

Придон ощутил на себе посуровевший взгляд.

— Увы, герой, — сказал Тулей. — Увы... И тебе, и мне придется подчиниться. Есть сила выше, чем сила людей.

— Что это за сила? — спросил Придон надменно. — Дэвы? Боги?

Он поднял руку и коснулся кончиками пальцев топора. Так проделывал Скилл, когда хотел продемонстрировать свои мышцы. Этого часто бывало достаточно, чтобы уstraшенный противник отступал, а недруги умолкали.

Тулей развел руками:

— Да, боги, если хочешь. Если хочешь, наши предки, что первыми пришли в эти дикие земли. Они очистили ее от чудовищ, научили людей пахать и выращивать хлеб. Они дали законы, которые святы. Которые не нарушаем, ибо это значило бы предать их память...

— При чем здесь предки? — удивился Придон.

— Предки дали закон, — сказал Тулей медленно и торжественно, — что земли Куявии открыты для всех. Здесь рады всем достойным людям! Но своих женщин мы не отдаем в другие страны. Тем более мы не можем отдать Итанию.

Придон вслушался в ропот голосов, тряхнул головой.

— При чем здесь предки? — спросил он резко. — Я понимаю, почему не хочешь отдать Итанию — она уносит твою кровь. Но, обещаю, первого же сына отошлю к тебе, чтобы ты мог оставить ему трон... У меня будет много красивых и сильных сыновей!

Итания опустила голову. Тулей смотрел на артанина с печалью. Барвник криво улыбнулся, отвел взгляд в сторону.

— Это не так, сын мой, — сказал Тулей тихо. — Это не так.

Придон повернулся к Итании:

— Ты слышишь, что говорят?

Ее голос был тише утреннего ветерка, что едва наклоняет стебельки трав.

— Да, слышу...

— И что ты скажешь?

Тулей сказал резко:

— Придон, женщины в государственных делах не имеют права голоса.

— Это дело моего сердца, — отрезал Придон. — Итания!.. Скажи!

Она подняла голову, в прекрасных глазах блеснули слезы.

— Мой герой... Ты должен остаться.

Он вскрикнул, раненный в сердце:

— Что?

— Останься, прошу тебя.

— Итания, — вскричал он, дрожа с головы до ног. — Итания!.. Я прошел ради тебя полмира!.. Убивал, рушил, искал, находил, терял... И вот я здесь, все прошел и все сумел, но... что, что ты говоришь?

— Останься, — повторила она умоляюще. — Я тебя очень прошу... Я умоляю тебя, как не умоляла ни одна рабыня. Останься! Оставь Артанию, теперь твоя страна здесь. Ты уже ее первый меч и первый щит. Вся Куявия благословляет твое имя. Никогда еще не говорили так об артанине... Ты герой, защита и надежда всех — от простолюдина до самого тцара. Останься...

Он смотрел на нее, онемев, не в силах вымолвить ни слова. Его ладонь разжалась, узкие налитые солнцем пальчики выскользнули и сиротливо повисли в воздухе. Он отступил, не сводя с нее пристального взгляда. Она ощутила, что он вбирает ее всю, словно прощаясь, и захотела страстно, чтобы сумел вот так, взглядом, взять в себя, укрыть в сердце, спрятать в широкой и надежной груди.

Все в молчаливом непонимании смотрели в его широкую спину. Он уходил по ступенькам вниз ровно, плечи развернуты, спина прямая, но шаги тяжелы, словно несет на себе всю тяжесть мира. Сорок ступеней, он прошел их все, ни разу не оглянувшись и не замедлив шаг, артанин должен жить и умирать красиво.

И только когда на свист подбежал конь, все ощутили не просто неладное, а беду. Придон вставил ногу в стремя, руки ухватились за луку. Казалось, что не хватит силы взлететь в седло, он и не взлетел, но все же сумел, оттолкнувшись, поднять тяжелое, как гора, тело.

Конь сразу же пошел в сторону ворот. В мертвой тишине звонкий цокот звучал, как удары великанского молота по железу. Итания наконец оторвала умоляющий взор от удаляющегося всадника.

— Останови его!.. Останови!

— Как? — ответил Тулей.

— Как угодно, но останови!

— Он герой, — ответил Тулей с суровой печалью. — У героев свои дороги.

— Я не хочу!

— Простым смертным не дано свернуть их с пути.

Все молча смотрели, как варвар подъехал к воротам. Стража и народ подались в стороны, пропуская героя на огромном коне.

Итания закричала отчаянно, тцар пытался ухватить ее за руку, но она уже понеслась по ступенькам, легкая и воздушная, одолела их в единый миг. Под ногой хрустнуло, она едва не упала, вскрикнула в ужасе, вдруг сломала лодыжку и теперь не сможет догнать Придона... Но это всего лишь каблук, она сбросила изящные туфли с самоцветами и побежала босая.

Красный толстый ковер кончился, она не ощутила твердые шероховатые плиты, мчалась как ветер, мелькали встревоженные лица. Черный конь с рослым человеком в седле удалялся, она закричала отчаянно и попыталась бежать быстрее.

По дороге зацепилась платком, его сорвало, она бежала, не замечая, что ветер треплет волосы, расплетает косы, превращая в замужнюю женщину. Народ ахал, кричал, она слышала в криках жалость, горячее сочувствие, донесся плач.

Многие падали на колени, протягивали к ней руки. Она мчалась за всадником простоволосая, большой позор даже для простолюдинки и вовсе смерть для дочери тцара, а за нею тянулся кровавый след израненных ног.

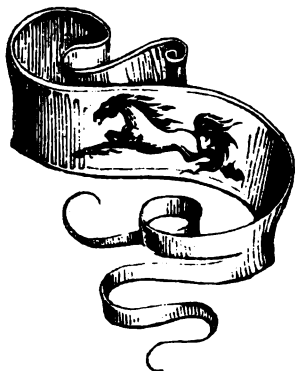
— Придон! — закричала она. — Придон!.. Я буду за тобой бежать, пока во мне душа!..

Ярость и гнев разрывали сердце, а грохот разламывал череп. Конь замедлил бешеную скачку в распахнутых городских вратах, дабы не передавить жалких тварей, а впереди простор и бескрайность синего неба.

За сапог ухватились тонкие светлые пальцы. Лицо Итании было мокрым от слез. На щеках блестели дорожки, с подбородка срывались прозрачные жемчужины.

— Придон, — шепнула она неслышно, — возьми мое сердце... а песни верни!.. Я буду хвататься за стремя, пока жизнь в пальцах!.. Я буду хвататься за твой сапог, пока...

Он ударил коня каблуками под бока, тот оскорбленно заржал, простор надвинулся и выдернул их из тесных ворот. Свежий и чистый ветер ударил в лицо, а небо покорно легло под копыта.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5
----------------------	---

ЧАСТЬ I

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	77
Глава 7	93
Глава 8	108
Глава 9	123
Глава 10	134
Глава 11	146
Глава 12	160
Глава 13	173
Глава 14	186
Глава 15	201
Глава 16	213
Глава 17	227
Глава 18	241
Глава 19	254
Глава 20	271
Глава 21	285
Глава 22	298

ЧАСТЬ II

Глава 1	306
Глава 2	321
Глава 3	341
Глава 4	353
Глава 5	362

Глава 6	377
Глава 7	389
Глава 8	398
Глава 9	418
Глава 10	430
Глава 11	444
Глава 12	456
Глава 13	469
Глава 14	484
Глава 15	497
Глава 16	511
Глава 17	523
Глава 18	536
Глава 19	550
Глава 20	569
Глава 21	587
Глава 22	604
Глава 23	616

ЧАСТЬ III

Глава 1	629
Глава 2	641
Глава 3	650
Глава 4	662
Глава 5	675
Глава 6	689
Глава 7	700
Глава 8	714
Глава 9	727
Глава 10	741
Глава 11	753
Глава 12	765
Глава 13	770
Глава 14	781

Литературно-художественное издание

Никитин Юрий Александрович

АРТАНИЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Компьютерная графика *Е. Гузнякова*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 11.09.2006.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.

Тираж 6 000 экз. Заказ № 4602483

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Гай Юлий Орловский

Кто он: Гай Юлий Орловский? Знаменитый писатель, политик, историк, скрывающийся под псевдонимом? Этого не знает никто — даже в издательстве никогда не видели его лица и не слышали его голоса. Достоверно известно только одно — книги Гая Юлия Орловского пользуются всё большей и большей популярностью, радуя читателей необыкновенными приключениями Ричарда...

А теперь
Бургграф!

Новая, долгожданная
книга о приключениях
Ричарда Длинные Руки
от самого
таинственного и
загадочного писателя.

www.eksmo.ru www.orlovsky.ru

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

Василий Головачев входит в пятерку самых известных авторов отечественной фантастики.

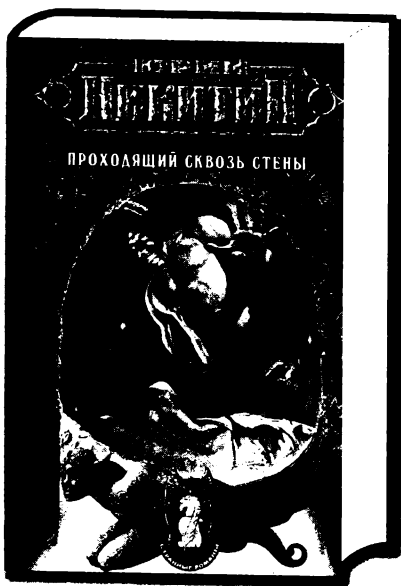
ЮРИЙ НИКИТИН

**НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!**

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru

www.eksmo.ru

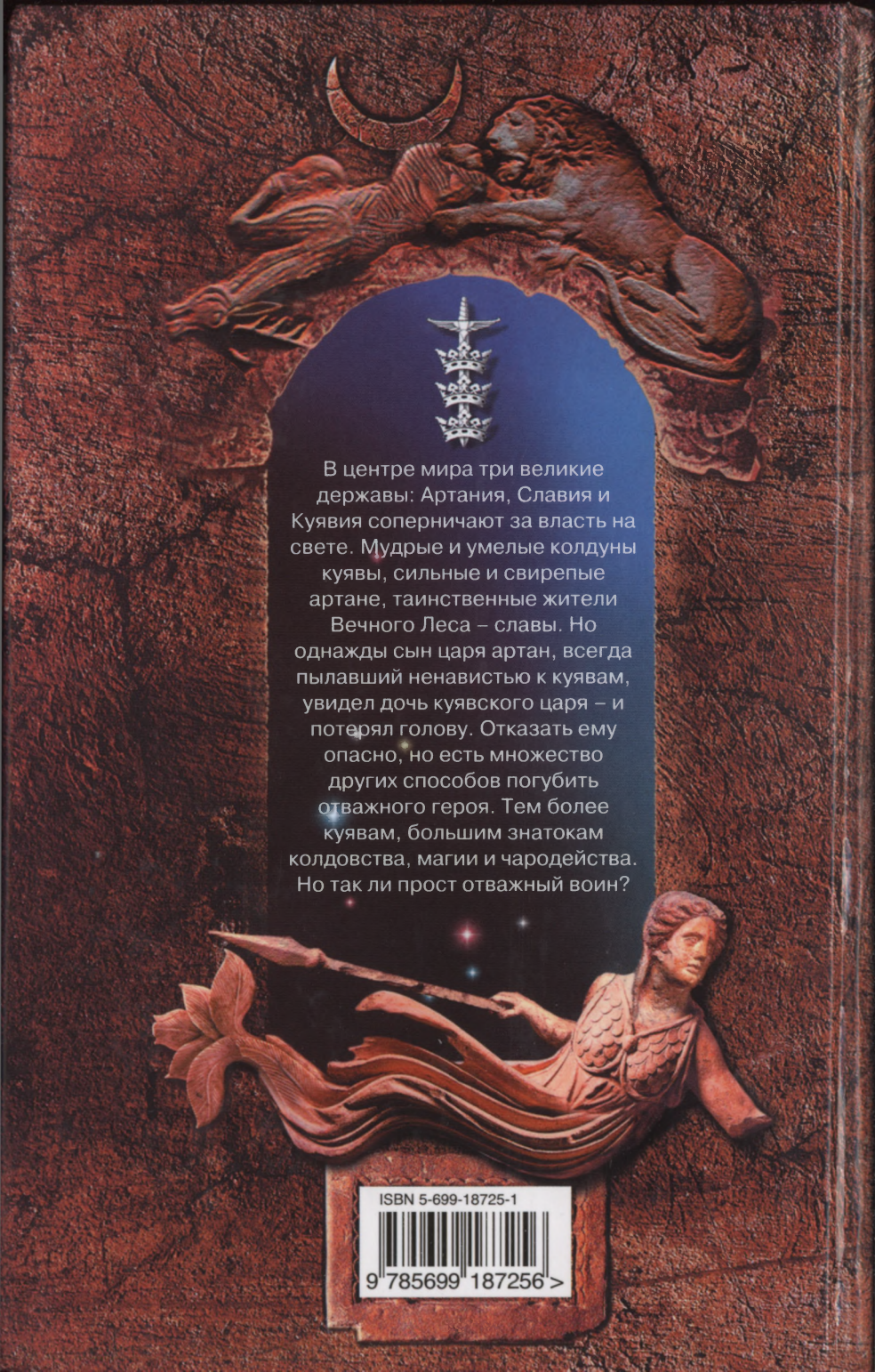
Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:

**«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»**

В центре мира три великие державы: Артания, Славия и Куявия соперничают за власть на свете. Мудрые и умелые колдуны куявы, сильные и свирепые артане, таинственные жители Вечного Леса – славы. Но однажды сын царя артан, всегда пылавший ненавистью к куявам, увидел дочь куявского царя – и потерял голову. Отказать ему опасно, но есть множество других способов погубить отважного героя. Тем более куявам, большим знатокам колдовства, магии и чародейства. Но так ли прост отважный воин?

ISBN 5-699-18725-1

9 785699 187256 >